Краснодарский университет МВД России

УГОЛОВНАЯ ПОЛИТИКА И КУЛЬТУРА ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ПРЕСТУПНОСТИ

Материалы
Международной научно-практической конференции

(24 сентября 2021 г.)

Краснодар
2021

УДК 343
ББК 67.408
У26

Одобрено
редакционно-издательским советом
Краснодарского университета
МВД России

Редакционная коллегия:
А. Л. Осипенко, доктор юридических наук, профессор (председатель);
К. В. Вишневецкий, доктор юридических наук, профессор
(заместитель председателя);
В. С. Соловьев, кандидат юридических наук (ответственный секретарь);
П. В. Максимов, кандидат юридических наук;
И. А. Паршина, кандидат юридических наук, доцент;
В. В. Яковлев, кандидат юридических наук, доцент

Уголовная политика и культура противодействия преступности : материалы Междунар. науч.-практ. конф., 24 сент. 2021 г. / редкол.: А. Л. Осипенко, К. В. Вишневецкий, В. С. Соловьев и др. – Краснодар : Краснодарский университет МВД России, 2021. – 424 с.

ISBN 978-5-9266-1766-2

В сборнике опубликованы материалы Международной научно-практической конференции «Уголовная политика и культура противодействия преступности», состоявшейся в Краснодарском университете МВД России 24 сентября 2021 г.

Для профессорско-преподавательского состава, адъюнктов, курсантов, слушателей образовательных организаций МВД России и сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации.

УДК 343
ББК 67.408

ISBN 978-5-9266-1766-2

© Краснодарский университет
МВД России, 2021

Бабаев Михаил Матвеевич,
Заслуженный деятель науки РФ,
доктор юридических наук, профессор,
главный научный сотрудник
Центра исследований проблем правосудия
Российского государственного университета правосудия;
Пудовочкин Юрий Евгеньевич,
доктор юридических наук, профессор,
главный научный сотрудник –
руководитель уголовно-правового направления
Центра исследований проблем правосудия
Российского государственного университета правосудия

Судебно-уголовная политика: понятие и структура

Необходимость развернутой отраслевой (в нашем случае – уголовно-правовой) конкретизации общетеоретического знания о судебной политике не должна вызывать сомнений. Из числа аргументов в обоснование значимости исследования проблем укажем следующие:

– поскольку политика – это всегда область продвижения и утверждения позиции отдельных субъектов в общественном пространстве (в нашем случае – в пространстве уголовно-правовых отношений), нельзя не признать, что самостоятельная позиция суда в области уголовного права (в части оценки опасности преступлений, необходимости реализации ответственности, объема достаточной для торжества справедливости и предупреждения преступлений ответственности и т.д.) изначально задана концепцией разделения властей, а следовательно, в силу самостоятельного и независимого характера судебной власти она должна быть не просто четко выражена, но должна служить предметом защиты со стороны самой судебной власти, которая призвана отстаивать и утверждать свой собственный взгляд на существо любого уголовно-правового вопроса;

– деятельность судов всегда представлялась (и сегодня в большинстве случаев представляется) как разрешение строго на основании закона и исключительно на основании закона индивидуально очерченной правовой ситуации, конкретного правового спора, последствия которого имеют значение только для его участников. Вместе с тем практика неопровержимо свидетельствует о том, что, во-первых, при разрешении этих индивидуальных споров суд зачастую не может ограничиться лишь ссылками на закон, но вовлекает в орбиту юридической аргументации более широкий круг источников, причем не только правовых, но зачастую и не имеющих характер источников права, а во-вторых, последствия принятого судом решения выходят далеко за пределы определения правового статуса участников правового спора, приобретают порой всеобщее значение.

Эти два фундаментальных обстоятельства – самостоятельность оценки уголовно-правовых проблем и всеобщий характер последствий такой оценки – служат подтверждением того, что функционирование судов не может сегодня интерпретироваться в качестве подчеркнуто внеполитической правоприменительной деятельности. Напротив, они сподвигают к тому, чтобы осмыслить работу судов в более широком контексте связи права и политики, политики и суда.

Судебно-уголовная политика как проявление политической борьбы за уголовное право

Уголовное право – есть определенный «властный ресурс» (А.Э. Жалинский), а потому борьба за «обладание» уголовным правом, то есть за право определять содержание уголовного закона и возможность корректировать параметры его применения, должна рассматриваться как одно из проявлений политической борьбы и в этом контексте как предмет уголовной политологии[1].

Такая «борьба» (весьма условно) может быть структурирована по нескольким направлениям, в зависимости от видов субъектов и предмета их взаимодействия и борьбы. Они пересекаются и протекают синхронно, но в исследовательских целях вполне могут быть обособлены в три блока, последовательно раскрывающих вопросы о том, *«кто»* владеет уголовным правом, *«что»* из себя представляет уголовное право, *«как»* уголовное право должно функционировать.

Первое направление – это борьба за уголовное право именно как за право, за то, прежде всего, чтобы его субъектом выступало государство как единственный политический агент, наделенный возможностями установления правовых, то есть общеобязательных норм. Процесс этой борьбы уходит корнями в далекое прошлое и соотносим с синхронными процессами государствогенеза и правогенеза. Он относительно хорошо исследован в литературе в качестве постепенного и неизбежного процесса огосударствления «права на наказание», перехода этого права от частных лиц к государственным структурам[2]. На внутригосударственном уровне этот процесс давно завершен (в России, самое позднее, к XVIII веку), но в настоящий момент можно констатировать его выход на уровень межгосударственных отношений, где разворачивается серьезная борьба международных органов и национальных государств по поводу определения содержания уголовного права.

---

[1] Как известно, в политической борьбе «все средства хороши». Но мы говорим не о той борьбе, что ведется административно-чиновными, закулисными и подковерными методами и средствами, а о той, что подчинена правилам и процедурам, основанным на законе.

[2] См., например: Таганцев Н.С. Русское уголовное право в 2 ч. Часть 2. М.: Юрайт, 2019. 446 с.; Фойницкий И.Я. Учение о наказании в связи с тюрьмоведением. СПб.: Типография Министерства путей сообщения, 1889. 504 с. и др.

Второе направление – это борьба между различными политическими силами внутри страны по поводу определения идеологии и стратегии уголовно-правового регулирования. Правые и левые, либералы и консерваторы, глобалисты и антиглобалисты, националисты и интернационалисты, предприниматели и государственные служащие, прокуроры и адвокаты т.д., и т.д., каждая из многочисленных социальных групп и политических сил имеет свое представление о том, каким должен быть уголовный закон, кто и как его должен применять, какие цели он должен преследовать и т.д. Конкурентная борьба между этими силами и есть собственно политическая борьба за уголовное право.

Третье направление – это борьба за уголовное право, которая разворачивается уже в рамках официально установленной инфраструктуры его применения. Это весьма специфическая область правовых и политических отношений. Специфика ее состоит в том, что формально все уже определено: есть принятый закон, есть уполномоченные на его применение субъекты, есть установленные процедуры. Однако реализация уголовного закона не механическая система. Субъекты, создающие закон, и субъекты, его применяющие, - это самостоятельные политические агенты, каждый из которых обладает собственными представлениями о должном и о пределах своих возможностей. А потому борьба между ними неизбежна. «Борьба за уголовное право», которую ведет в этих рамках суд, и есть собственно «судебно-уголовная политика».

Она, в свою очередь, содержательно разворачивается также по нескольким линиям:

1) деятельность судов, связанная с возможностью *определять содержание уголовно-правовых норм,* реализуя которую они с неизбежностью вступают в противоречие с парламентом. Она находит свое выражение:

– в праве судов создавать судебные прецеденты в отсутствие нормативного акта, следовать этим прецедентам и вносит через эти прецеденты новое содержание в уголовное право;

– в праве судов инициировать и обсуждать содержание уголовных законов, которые разрабатываются парламентом страны;

– в праве судов общей юрисдикции сомневаться в конституционности уголовного закона и праве Конституционного Суда проводить конституционную дисквалификацию уголовного закона.

2) деятельность судов, отражающая присущий им с*пособ обращения с уголовным законом.* Она выражается:

– в определении содержания уголовного закона путем его толкования и придания этому толкованию общеобязательного значения;

– в самостоятельном выборе типа толкования уголовного закона (буквальное, распространительное, ограничительное);

– в реализации права на самостоятельную оценку опасности совершенного преступления;

– в общем репрессивном или гуманистическом настрое судебной правоприменительной практики.

Таким образом, «борьба» суда за право определять содержание уголовного закона и право обращаться с ним по своему усмотрению составляет центральный элемент и суть судебно-уголовной политики.

С учетом этого тезиса, важно отметить, что судебно-уголовная политика вполне отчетливо распадается на два направления.

Первое условно можно именовать «внешней» политикой. Оно предполагает деятельность судов, судебной системы как некоего целого, во взаимоотношениях с иными органами власти и социальными группами. Здесь суд может выступать их «союзником» либо «противником» в продвижении тех или иных социальных или политических целей.

Второе направление условно можно назвать «внутренней» политикой. Оно, соответственно, предполагает деятельность, направленную на обеспечение единства, стабильности судебной практики и ее трансформацию в том или ином направлении, исходя из целей и интересов самой судебной власти.

О принципах судебно-уголовной политики

Целевое предназначение принципов состоит в том, чтобы обеспечивать политическое и практическое единство правоприменения, правотворчества, правоинтерпретации в рамках судебной системы в целом, а также служить критериями оценки правильности предпринимаемых правотворческих и правореализационных решений.

Полагаем нецелесообразным указывать на нормативный характер принципов судебно-уголовной политики, поскольку, как известно, лишь только часть из них имеет статус правовых норм, том числе и включенных в тексты Конституции РФ (права человека) и Уголовного кодекса (принципы законности, равенства граждан перед законом, вины, справедливости, гуманизма). В число же принципов, не включенных в нормативный контекст, входят некоторые устойчивые доктринальные идеи, ставшие постулатами, своего рода ориентирами для судебной практики (экономия репрессии, определенность закона, общее благо и др.).

Более того, существует «класс» руководящих идей, которые не представлены в публичном пространстве, однако фактически оказываются реально значимыми наравне с нормативными и теоретическими принципами. Условно их можно назвать «латентные стратагемы». Поясним, что здесь имеется в виду.

Руководящие идеи как комплекс принципиальных и приоритетных идеологических и уголовно-политических положений и установок существуют не только «на бумаге», но и в головах людей, «делающих» судебно-уголовную политику, в качестве ментальных критериев оценки добра и зла, а также допустимых и не допустимых методов борьбы со злом. В реальной действительности такие неписаные концептуальные идеи последовательно и устойчиво внедряются в практику борьбы с преступностью и, прежде

всего, в судебную практику. Если принять, что концепция – это то, какой государство хочет видеть судебно-уголовную политику и чему она должна следовать, то нет никакого сомнения: власть вполне успешно транслирует свою волю кому надо, когда надо и как надо. И, пожалуй, не было случая, чтобы импульс политической воли не был услышан и не принят к исполнению.

В итоге складывается подчас вполне устойчивая стратегическая линия (например, повышенная репрессивность карательного воздействия), совершенно адекватно отражающая и выражающая концептуальные (и не только) идеи ее инициаторов – относительно узкого круга деятелей, стоящих у власти, и приближенных к ним структур и лиц. Причем, результаты политико-правового процесса могут подчас удивить своим несоответствием тем идеологическим установкам, которые в доктрине принято называть общепризнанными принципами правовой политики.

Мы назвали такие руководящие идеи латентными, тайными. Но, как говорится, нет ничего тайного, что бы не стало в конечном случае общеизвестным. Внимательный анализ итогов судебной деятельности, как правило, позволяет делать выводы о том, какие импульсы, в действительности, положены в основу правовой политики: официально провозглашаемые социально позитивные установки либо идеи и целеуказания, не в полной мере соответствующие интересам общества или даже идущие вразрез с ними. Фактические итоги деятельности способны сказать правду об исходной идее.

Завершая краткие рассуждения о принципах и концептуальных положениях судебно-уголовной политики, отметим особенность, важную для их понимания и оценки.

Любой принцип (в том числе и принцип судебно-уголовной политики), при всей строгости своего словесного воплощения, есть на самом деле идеал, т.е. некая ценностно-нормативная сущность, которую словари называют «совершенным воплощением чего-либо; тем, что составляет высшую цель деятельности»[1]. В данном случае это – идеальный образ функционирования судебной системы в ее стремлении к достижению целей справедливого, законного, гуманного правопорядка в сфере реализации судами уголовного права. Идеалы ставят цели, ориентиры судебной деятельности, оценивая ее через призму важнейших социально значимых идей.

Но, простите трюизм, идеалы потому и идеалы, что они, как горизонт, недостижимы. Поэтому невозможно требовать, чтобы судебно-уголовная политика формировалась, реализовалась в точном соответствии с ее принципами, идеями, стратегиями. Впрочем, такая констатация не может служить оправданием практики, если она далека от этих принципов.

---

[1] Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. 4-е изд., доп. М.: Азбуковник, 1999. С. 236.

Вопрос о составлении полной номенклатуры принципов судебно-уголовной политики (если эта задача в принципе выполнима) требует, вне сомнений, отдельного и глубокого анализа. Не претендуя на полноту и завершенность собственного представления об этих принципах, полагаем, что ведущими политико-правовыми идеями, которые определяют содержание и самое главное – специфику судебно-уголовной политики, могут быть признаны: независимость суда, справедливость, законность и целесообразность.

О деятельности в структуре судебно-уголовной политики

Слово «политика», согласно словарным нормам, используется в научной и общественно-политической лексике для описания деятельности общественных групп (организаций, партий, органов власти), определяемой их интересами и целями, а также в разговорной речи для описания образа действий, направленных на достижение чего-либо и определяющих отношения между людьми[1]. Эти два оттенка смысла вполне отчетливо свидетельствуют о том, что в связке слов «политика» и «суд» может отражаться, и это уже отмечалось, вполне различное содержание, которое должно быть выявлено и предельно четко позиционировано. Первое, на что надо обратить внимание в связи с этим: слово политика в его истинном, научном значении не может быть прямо использовано для характеристики действий какого-либо одного лица. Отсюда – словосочетание «судейская политика» как политика, присущая одному конкретному судье, в научных текстах должно обладать неким специфическим содержанием. «Политика судьи» (как разговорный речевой оборот) может характеризовать его «образ действий» при рассмотрении того или иного уголовного дела. При этом, если абстрагироваться от множества аспектов самого понятия «образ действий», которое очевидно включает в себя и манеру ведения судебного заседания, и характер подготовки к нему и т.д., и т.п., и сосредоточиться исключительно на «образе принятия решения» по уголовному делу, то здесь отчетливо выделяются два известных подхода, описанных в литературе как «формализм» и «реализм». Таким образом, концепт «политика как деятельность», исходя из строго научного значения этого слова, может быть применен для характеристики, если допустимо так выразиться, массового поведения, поведения определенных групп людей, то есть суда как института власти.

Как следует из самого ее названия, судебно-уголовная политика – понятие одновременно и уголовно-правовое, и политологическое. В соединении именно этих двух начал видится существенная, но, конечно, не исчерпывающая специфическая характеристика предмета нашего анализа. Обе

[1] Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. 4-е изд., доп. М.: Азбуковник, 1999. С. 553.

ипостаси равны по значимости. Но если уголовно-правовой контекст термина, надо полагать, хорошо понятен специалистам, то политологический, видимо, заслуживает акцентированного освещения.

Судебно-уголовная политика «рождается» в процессе выполнения уголовным судом его нормативно закрепленных базовых функций. В этом смысле она имеет два источника.

Первый из них – деятельность судов всех уровней по рассмотрению конкретных уголовных дел. Выполняя эту функцию, суд (судья) толкует соответствующий закон (этап правоинтерпретации), формирует свою позицию с учетом итогов этого толкования, а также фактических обстоятельств дела, и на этой основе выносит приговор либо постановляет иной судебный акт (этап правоприменения). На всех этих этапах он делает свой выбор из возможных вариантов решения и, таким образом, выстраивает некую линию, каковая и есть *политическая линия или, иначе, политика по конкретному делу, или, иначе судейская политика.* В принципе, аналогичным образом трактуется эта разновидность политической активности суда и в общетеоретической литературе: «судебная политика является результатом индивидуальных решений каждого из судей, что обеспечивает реализацию принципа независимости судей и свободы их внутреннего убеждения»[1].

Второй источник судебно-уголовной политики – деятельность высших судов России – Конституционного Суда РФ и Верховного Суда РФ (прежде всего, в лице его Пленума), в процессе которой формулируются и закрепляются в официальных актах обязательные для всех судов правила и стандарты единообразного применения уголовного закона, совокупность которых воплощает в себе *судебную политику высших органов судебной иерархии*.

«Объем политического» в тех видах деятельности, о которых мы сказали, очевидно, различный. Очевидно, что наиболее значителен он в практике Верховного Суда РФ, которая включает в себя собственно правоприменительный, правотолковательный и (при всей дискуссионности) – правотворческий компонент.

Такая дифференциация соотносится с необходимостью различать, с одной стороны, непосредственно процесс выработки официальной уголовно-политической позиции Верховного Суда РФ, а с другой, - участие судов (всех – от мировых до Верховного) в формировании уголовной политики на уровне правоприменения, т.е. судебную практику по конкретным делам, которая демонстрирует общие подходы судов к решению уголовно-правовых проблем и служит базовым материалом для этого процесса.

---

[1] Малько А.В., Семикин Д.С., Люкина О.В. Судебная политика и судебно-правовой прогресс. М.: Юрлитинформ, 2013. С. 5.

Более подробно об этом пишет А.С. Гамбарян: «Для получения реального представления о роли высших и иных судов в области судебной политики надо различать понятия «формирование судебной политики» и «участие в формировании судебной политики». Несомненно, судебная политика окончательно формируется высшими судами, однако сказанное не означает, что нижестоящие суды находятся вне этого процесса. В ряде случаев первоисточником формирования судебной политики являются нижестоящие суды, которые по поводу того или иного важного правового вопроса высказывают правовую позицию, которая впоследствии защищается высшим судом»[1]. Надо также понимать, что сформированная Верховным Судом судебная уголовная политика в последующем, как бы возвращаясь, реализуется в процессе функционирования нижестоящих судов.

Есть еще одно обстоятельство, на которое следует обратить внимание, рассуждая о политике, субъектом которой выступает суд. Дело в том, что, в отличие от парламента, президента и правительства, которые на политической арене представлены каждый единичным субъектом, суд как таковой это всегда некоторая множественность органов, суд – это всегда система судов. По этой причине требуется дополнительное принципиальное уточнение, о каком именно уровне судебной системы и о каких именно судах идет речь, когда мы рассуждаем о судебной политике.

Применительно к российским условиям, судебная система включает в себя несколько видов судов, различающихся своей компетенцией. В области уголовной политики, это, прежде всего, Конституционный Суд РФ и иерархическая система судов общей юрисдикции, возглавляемая Верховным Судом РФ. Отсюда – два вектора анализа в характеристике субъектов судебной политики. Первый связан с компетенцией судов, второй – с их иерархией. Рассмотрим их по порядку.

Наличие двух несоподчиненных друг другу субъектов (даже при том, что и Конституционный суд, и Верховный Суд входят в единую судебную систему страны) закономерно ставит вопросы, во-первых, о единстве судебной политики, и во-вторых, о степени вовлеченности различающихся своей компетенцией судов в политику. Обсуждая их, следует признать очевидное: политический компонент в деятельности высших судов предметно дифференцирован. Если Верховный Суд РФ в большей степени ориентирован на поддержание единства и единообразия судебной практики на основе принятых в стране законов, то Конституционный Суд РФ ориентирован исключительно на то, чтобы обеспечить конституционность самих принятых законов. Уже это обстоятельство свидетельствует о том, что степень политизации конституционной юстиции несоизмеримо выше по сравнению с уровнем политической активности судов общей юрисдикции.

---

[1] Гамбарян А.С. Судебная политика: понятия и институциональная система // Судебная власть и уголовный процесс. 2013. № 2. С. 138.

Второй из выделенных выше векторов анализа связан с институциональным, иерархическим строением судебной системы. Представляется, что субъектный уровень судебной политики должен быть ограничен исключительно высшими судами – Конституционным Судом РФ и Верховным Судом РФ. Поскольку конституционная юстиция не имеет внутренней структуры в виде соподчиненных в процессуальном отношении судов, признание Конституционного Суда РФ субъектом судебной политики является достаточным и исчерпывающим. Что касается системы судов общей юрисдикции, то наличие их процессуальной иерархии, в принципе, позволяет ставить вопрос о том, являются ли «подчиненные» суды самостоятельными политическими субъектами. Однако ответ на этот вопрос должен быть отрицательным. В силу принципа единства судебной системы все суды общей юрисдикции проводят (реализуют) единую политическую линию, которая задана официальной позицией Верховного Суда РФ.

Однако единство реализуемой судами общей юрисдикции политической линии закономерно ограничено принципом независимости судей при рассмотрении тех или иных конкретных дел. И в этом отношении внутри судов общей юрисдикции не исключены противоречия по самым различным вопросам толкования и применения уголовного закона. Было бы неверным считать, что эти потенциальные противоречия разрешаются исключительно авторитетной силой высшей судебной инстанции через механизмы отмены, изменения приговоров по уголовным делам или посредством принятия общеобязательных постановлений Пленума Верховного Суда РФ. При всей своей процессуальной иерархичности судебная система достаточно демократична в том плане, что выработка судебной политики происходит здесь не только по принципу «сверху – вниз», но и, как было отмечено, в обратном порядке – «снизу – вверх». Официальные позиции высшей судебной инстанции не возникают на «пустом месте», не формулируются волюнтаристски, не внедряются грубой силой. В их основе зачастую лежит так называемая «устоявшаяся практика судов», понимание закона, выработанное стихийно, но вполне единообразно. Это позволяет говорить о том, что суды, процессуально подчиненные, хотя не выступают самостоятельными субъектами судебной политики, принимают самое непосредственное участие не только в ее реализации, но и в разработке.

Резюмируя сказанное и раскрывая наше понимание деятельностного компонента судебно-уголовной политики, отметим: все то, что относится к его характеристике, делится на три больших блока в соответствии с тремя радикально различными, но теснейшим образом взаимосвязанными смыслами этого феномена.

Первый из них – политика суда в области толкования закона (правоинтерпретационная судебно-уголовная политика).

Второй – политика суда в области применения норм уголовного права (правоприменительная судебно-уголовная политика).

Третий – политика Верховного и Конституционного судов России в области формирования уголовного права (правотворческая судебная политика).

Суммируя все предварительные замечания, мы можем перейти к формулированию определения судебно-уголовной политики. *Судебно-уголовная политика – это заданная государством и в некоторых случаях наукой совокупность принципов, концептуальных положений, стратегических и тактических идей, регулирующих порядок и правила правосудия по уголовным делам, а также основанная на этих принципах и иных руководящих положениях, осуществляемая правовыми методами и средствами правоприменительная, правоинтерпретационная и правотворческая деятельность судебных органов, направленная на охрану граждан, общества и государства от преступных посягательств путем применения наказания и других мер уголовно-правового характера к лицам, их совершившим.*

Алексеева Анна Павловна,
доктор юридических наук, доцент,
профессор кафедры уголовного права, криминологии
и уголовно-исполнительного права Калининградского филиала
Санкт-Петербургского университета МВД России,
Анисимова Татьяна Валентиновна,
доктор филологических наук, профессор,
профессор кафедры социально-экономических
и гуманитарных дисциплин Калининградского филиала
Санкт-Петербургского университета МВД России,
Третьяков Юрий Владимирович,
кандидат юридических наук,
доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики
Волгоградского государственного университета

Особенности привлечения к уголовной ответственности за побои лиц, имеющих судимость за преступление, совершенное с применением насилия

Побои являются традиционным для российского уголовного законодательства преступлением. Несмотря на это статья 116 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ) многократно подвергалась трансформации. В 2016 году наряду с побоями в УК РФ появилась новая статья 116.1 с административной преюдицией («Нанесение побоев лицом, подверг-

нутым административному наказанию»). 13 октября 2021 года в Государственную Думу Российской Федерации был внесен законопроект №536-8[1] (далее – Законопроект), целью которого является «уточнение ответственности за нанесение побоев».

По замыслу законодателя статью 116.1 УК РФ следует дополнить частью 2, ужесточающей ответственность для лиц, совершивших побои, будучи судимыми за преступление, совершенное с применением насилия.

Действительно, в настоящее время криминализированы побои, совершенные из хулиганских побуждений, а также по различным экстремистским мотивам (статья 116 УК РФ); побои, совершенные лицом, подвергнутым административному наказанию (статья 116.1 УК РФ). Все остальные случаи совершения побоев находятся в зоне действия статьи 6.1.1 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях (далее – КоАП РФ). Получается, что человек, осужденный, например, за побои из хулиганских побуждений (за преступление) и снова совершивший побои (административное правонарушение) будет привлекаться к ответственности по статье 6.1.1 КоАП РФ, поскольку в его действиях отсутствуют признаки преступления, предусмотренного статьей 116.1 УК РФ (он ранее не привлекался к административной ответственности). А человек, совершивший побои (административное правонарушение) и вновь совершивший побои будет привлекаться к уголовной ответственности по статье 116.1 УК РФ, поскольку ранее был привлечен к административной ответственности. Следовательно, человек, имеющий судимость, оказывается в более привилегированном положении, чем человек, привлекавшийся к административной ответственности[2]. На это противоречие обратил внимание и Конституционный Суд Российской Федерации[3]. Исходя из здравого смысла, оба человека, привлеченных к ответственности за побои (и к уголовной, и к административной) в случае повторения подобных действий заслуживают более сурового наказания[4]. Статья 116.1 УК РФ с административной преюдицией и

---

[1] О внесении изменений в статью 116.1 Уголовного кодекса Российской Федерации и статью 20 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: законопроект №536-8 [Электронный ресурс] // Государственная Дума Российской Федерации: сайт. Режим доступа: https://sozd.duma.gov.ru/bill/536-8 (дата обращения: 20.10.2021).

[2] Артюшина О.В. Административная преюдиция в контексте изменений в регламентации ответственности за побои // Ученые записки Казанского юридического института МВД России. 2016. Т. 1. № 2. С. 209-210.

[3] По делу о проверке конституционности статьи 116.1 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданки Л.Ф. Саковой: постановление Конституционного Суда РФ № 11-П от 08 апреля 2021 г. [Электронный ресурс] // Доступ из СПС «Консультант Плюс».

[4] Копшева К.О. Нелогичные изменения уголовного законодательства, касающиеся уголовной ответственности за побои // Современные тенденции развития науки и технологий. 2017. № 3-7. С. 91-93.

направлена на предупреждение повторяющегося преступного поведения (человек, впервые совершивший такой поступок, «оступившийся», привлекается к более мягкому виду ответственности). Тем не менее, в отношении привлекавшегося к административной ответственности это правило работает, а в отношении привлекавшегося к уголовной ответственности – нет.

В действующей редакции статей о побоях происходит так, что если человек ранее привлекался к уголовной ответственности за совершение насильственных преступлений, где побои выступают признаком или составной частью объективной стороны более тяжкого состава преступления (например, за истязание, хулиганство, и т.д.), то это не является основанием для применения к нему более строгого наказания за совершение побоев. Однако тиражирование насильственного способа разрешения конфликтов говорит о том, что ранее применявшиеся виды ответственности не привели к его исправлению, человек продолжает демонстрировать устойчивые модели агрессивного поведения, неуважение к правам, свободам и достоинству личности потерпевшего.

Логика рассуждения законодателя, предлагающего с помощью Законопроекта отрегулировать анализируемую проблему несоответствия равенства и справедливости наказания за одинаковые деяния, заслуживает поддержки. Однако вызывает сомнения место расположения новой нормы. Законодатель планирует установить уголовную ответственность для лиц, совершивших побои, будучи судимыми за преступление, совершенное с применением насилия, с помощью части 2, размещенной в статье с административной преюдицией – 116.1 УК РФ. Возникает вопрос: а какое отношение «побои, совершенные судимыми за преступление, совершенное с применением насилия» имеет к «административной преюдиции»? Как часть 2 116.1 УК РФ («Побои, совершенные судимыми за преступление, совершенное с применением насилия») будет сочетаться с названием статьи 116.1 УК РФ («Нанесение побоев лицом, подвергнутым административному наказанию»)? Не лучше ли разместить новую норму (часть 2) в статье 116 УК РФ «Побои»?

Полагаем, при всей правильности рассуждений и приведенных законодателем в Пояснительной записке к Законопроекту доводов, место расположения новой нормы выбрано категорически неверно. Избранная законодателем позиция разрушит логику привлечения виновных к уголовной ответственности за побои. Законопроект нуждается в доработке.

Вишневецкий Кирилл Валерьевич,
доктор юридических наук, профессор,
начальник кафедры уголовного права и криминологии
Краснодарского университета МВД России;

Классификация вербальной агрессии как инструмент предупреждения вербально агрессивных преступлений

Прежде всего следует отметить, что вербальная агрессия бывает двух видов: преступная и законная.

Основой такого деления является характер и степень общественной опасности таких действий. Как известно, такой признак, как общественная опасность положен в основу разграничения аморальных поступков, административных правонарушений и преступлений.

Содержание информации, при совершении вербального агрессивного преступления, характеризуется повышенным, по сравнению с некриминальными поступками, характером и степенью общественной опасности, являющейся основанием для криминализации этих деяний.

Известный советский и российский психолог С.Н. Еникополов делит агрессию на семь видов, среди которых кроме физической агрессии приводятся несколько проявлений вербальной агрессии: косвенная агрессия (сплетни, язвительные замечания и т. п); негативизм, нанесение оскорбления; непосредственно вербальная агрессия (угрозы, ругань, проклятия)[1].

Л.М. Семенюк разделяет вербальную агрессию на виды в зависимости от содержания сказанного:

– многочисленные словесные споры;

– отрицательные отзывы и критические замечания;

– выражение отрицательных эмоций, например, недовольства другими в форме брани, затаенной обиды, недоверия, ярости и ненависти, когда эти высказывания не являются простым описанием эмоционального состояния;

– высказывание мыслей и желаний агрессивного содержания или в форме проклятия;

– образы;

– угрозы, принуждение и вымогательство;

– упреки и обвинения[2].

Это лишь некоторые виды вербальной агрессии, которые различаются между собой содержанием высказывания.

---

[1] Еникополов С.Н. Некоторые результаты исследования агрессии. // Личность преступника как объект психологического исследования. М., 1979.

[2] Семенюк Л.М. Психологические особенности агрессивного поведения подростков и условия его коррекции. М.: Флинта, 1998.

На наш взгляд, наиболее удачной является классификация агрессии, которая была предложена американским психологом Б. Бассом.

По его мнению, агрессивные действия можно описать на основе трех шкал:

1) физическая – вербальная;

2) активная – пассивная;

3) прямая – непрямая.

Используя такое деление, Басс приводит следующие виды вербальной агрессии:

1) вербальная – активная – прямая

2) вербальная – активная – косвенная

3) вербальная – пассивная – прямая

4) вербальная – пассивная – косвенная[1].

Под активной агрессией понимаются действия агрессора. Под пассивной, бездействие, в результате которого причиняется вред пострадавшему.

Бездействие как форма преступного поведения также может быть простой и сложной, физической и информационной. Поэтому пассивная вербальная агрессия выражена в форме бездействия лица. Прямая агрессия осуществляется открыто, явно, а косвенная коварно, за спиной потерпевшего.

Проявлениями криминальной вербальной активной прямой агрессии являются различные угрозы: угрозы убийством, уничтожением имущества.

К криминальной активной вербальной косвенной агрессии относится заведомо ложное сообщение о совершении преступления, которое адресуется работникам правоохранительных органов.

Вербальная пассивная прямая агрессия проявляется в бойкоте другого человека – отказе разговаривать с ним, отвечать на вопросы.

Проявлением криминальной пассивной вербальной косвенной агрессии является отказ дать некоторые словесные объяснения. Например, свидетель отказывается дать показания в суде или на предварительном следствии, имея цель причинить вред потерпевшему.

В зависимости от того, какую цель преследует преступник, криминальную вербальную агрессию можно разделить на враждебную и инструментальную.

Термин враждебная агрессия обозначает случаи, когда главной целью агрессора является причинение страданий жертве. Люди, которые проявляют враждебную вербальную агрессию, желают причинить вред объекту агрессии. Например, целью такого преступления, как угроза убийством или причинением тяжкого вреда здоровью, является желание преступника, вызвать у жертвы чувство тревоги, страха и тому подобное.

[1] Бэрон Р., Ричардсон Д. Агрессия. СПб: Питер, 2001.

Вербальная инструментальная агрессия, наоборот, проявляется в таких действиях, когда агрессоры нападают на людей, не преследуя цели, связанной с причинением вреда. «Скорее они используют эти действия, как инструмент для удовлетворения различных желаний»[1]. Например, желание самоутверждения. Причинив вред другим, агрессор утверждается, хотя бы в собственных глазах.

С. Фишбах подчеркивал важность мотивации для оценки агрессивных поступков. По характеру мотивации он выделял неумышленную и умышленную агрессию. Непреднамеренными или случайными являются те действия, которые причиняют вред, но непосредственно не были направлены на его причинение. Ученый также выделял еще один специфический вид агрессии – экспрессивную, эмоционально обусловленную[2].

На наш взгляд, справедливо мнение Л.М. Семенюк, которая считает, что существование такого вида агрессии, как случайная, ведет к тому, что всякое неумышленное действие человека можно назвать агрессивным[3].

Преступления, которые вызваны проявлениями криминальной вербальной агрессии могут быть только преднамеренными. Хотя очень часто они носят экспрессивный, а иногда экстремальный характер.

Криминальную вербальную агрессию можно распределить на индивидуальную и групповую. «Агрессия – индивидуальное или коллективное поведение, действие, направленное на причинение физического и психологического вреда, либо на уничтожение другого человека или группы людей»[4].

Тот факт, что агрессивные преступления совершаются группой лиц, влияет на строгость наказания. Групповая криминальная вербальная агрессия является более опасной, чем индивидуальная и причиняет больший вред объекту агрессии.

В зависимости от того, имела место или нет провокация агрессии со стороны потерпевшего или других лиц криминальную вербальную агрессию можно разделить на реактивную и проактивную[5].

Под реактивной вербальной агрессией понимаются агрессивные действия, которые были спровоцированы негативным поведением самой жертвы или другими лицами.

В свою очередь проактивная вербальная агрессия возникает из-за отсутствия такой провокации. В некоторых случаях вербальная провокация со

---

[1] Бэрон Р., Ричардсон Д. Агрессия. СПб: Питер, 2001.

[2] Кудрявцев И.А., Ратинова Н.А. Криминальная агрессия. М.: Изд-во Московского Университета, 2000.

[3] Семенюк Л.М. Психологические особенности агрессивного поведения подростков и условия его коррекции. М.: Флинта, 1998.

[4] Психологический словарь / Под общ. ред. А.В. Петровского, М.Г. Ярошевского. 2 изд., испр. и доп. М., 2015.

[5] Бэрон Р., Ричардсон Д. Агрессия. СПб: Питер, 2001.

стороны потерпевшего является обстоятельством, смягчающим ответственность.

Каждая классификация должна выполнять несколько функций, основными из которых являются: 1) гносеологическая (познавательная) или теоретическая; 2) практическая.

Представленные выше классификации криминальной вербальной агрессии выполняют эти функции. Это криминологическая классификация. Их гносеологическое значение заключается в том, что они характеризуют как внешнюю (объективную) сторону таких деяний, так и внутреннюю (субъективную) сторону.

К первой относятся конкретные обстоятельства совершения таких преступлений, конфликтная ситуация, виктимное поведение потерпевшего, способ совершения, имеет место действие или бездействие, совершение таких действий группой лиц и т.д.

Субъективную сторону таких действий характеризуют классификации, в которых рассматриваются различные виды мотивации вербальных агрессивных действий (враждебная, инструментальная). Это позволяет установить механизм совершения вербального агрессивного преступления.

Практическое значение этих классификаций заключается в том, что все эти знания о вербальном агрессивном криминальном поведении у разных лиц позволят полно и всесторонне исследовать все обстоятельства совершения преступления, причины и условия его совершения, личность преступника и его особенности, тем самым установить вину лица в совершении преступления и назначить наказание в соответствии с этой виной.

Это также позволит разработать комплекс предупредительных мер конкретно по каждому виду преступлений, совершаемых в результате проявления криминальной вербальной агрессии.

Гриненко Александр Викторович,
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный юрист Российской Федерации,
профессор кафедры уголовного права,
уголовного процесса и криминалистики
Московского государственного института
международных отношений (университета) МИД России

Обеспечение надлежащего реагирования при обнаружении совершенного или готовящегося преступления

Уголовное судопроизводство является одним из наиболее значимых видов государственной деятельности. В результате достигается социальный баланс путем наказания лиц, в действительности совершивших преступления, а также возмещения вреда потерпевшим.

Специфика уголовного судопроизводства как системы правоотношений состоит в том, что оно протекает на различных стадиях, причем при нарушении закона на одной из них те действия и решения, которые осуществляются на последующих стадиях, утрачивают юридическую силу.

Возбуждение уголовного дела является первоначальной и обязательной стадией, на которой происходит реагирование со стороны государства в каждом случае обнаружения совершенного или готовящегося преступления. От адекватности и эффективности реагирования во многом зависит весь последующий уголовный процесс, причем не только на досудебных стадиях, но и в ходе судебного разбирательства.

В настоящее время не утихает дискуссия относительно того, каким образом на стадии возбуждения уголовного дела реализуется требование публичности уголовного судопроизводства. В период действия УПК РСФСР публичность признавалась принципом уголовного судопроизводства, поскольку им определялась обязанность соответствующих государственных органов и их должностных лиц возбуждать уголовные дела в каждом случае обнаружения признаков преступлений. Вместе с тем после принятия в 2001 г. УПК РФ принципы получили нормативное выражение в виде правовых предписаний в гл. 2, но принципа публичности в ней не обнаружилось. По нашему мнению, законодатель сделал это умышленно, обозначив приоритет личности, как того требуют положения Конституции РФ. Но требование осуществлять надлежащее реагирование со стороны государства в настоящее время отражено в гл. 3 «Уголовное преследование» УПК РФ, а также в гл. 19-20, непосредственно регламентирующих деятельность на стадии возбуждения уголовного дела.

В соответствии с п. 9 ст. 5 УПК РФ досудебным производством считается уголовное судопроизводство с момента получения сообщения о преступлении и до направления прокурором уголовного дела в суд для его рассмотрения по существу. Тем самым законодатель подчеркивает, что официальное реагирование на преступление должно осуществляться не после регистрации повода для возбуждения уголовного дела, а сразу же после того, как сообщение было получено. Обязанность такой регистрации возложена на соответствующий правоохранительный орган, а отказ в регистрации либо иное уклонение от регистрации является нарушение закона со стороны должностных лиц, ответственных за это.

Это правило порождает и обязанность предпринимать соответствующие меры реагирования и в тех случаях, когда должностное лицо в момент получения сообщения находится вне правоохранительного органа (например, уполномоченный уголовного розыска, участковый уполномоченный). В этом случае, с учетом современного развития средств связи, возможно получение регистрационного номера по телефону, с последующим оформлением входящей документации.

Факт поступления сообщения о преступлении отражается в учетной документации правоохранительного органа, а заявителю выдается талон-уведомление. Только это является официальным фактом регистрации сообщения о преступлении и гарантией того, что по нему будут приняты надлежащие меры реагирования.

Если сообщение о преступлении не подследственно тому правоохранительному органу, в который оно было подано, то оно не возвращается заявителю, а передается надлежащему адресату официальным путем.

Сообщение о преступлении, уголовное преследование по которому осуществляется в порядке частного обвинения, направляется мировому судье. Наряду с этим до его отправления надлежит выяснять, действительно ли заявитель желает, чтобы лицо было привлечено именно к уголовной ответственности, либо достаточно проведения профилактических мероприятий. Во втором случае по данному сообщению выносится постановление об отказе в возбуждении уголовного дела, а в отношении лица, о котором шла речь в сообщении, принимаются меры административного характера.

В соответствии с ч. 1 ст. 144 УПК РФ сообщение о преступлении в обязательном порядке принимается и проверяется. Таким образом, надлежащее реагирование включает в себя не только прием и регистрацию сообщения, но и его проверку в порядке, установленном законом. Дополнительно указано, что итоговое решение по результатам проверки принимается в пределах компетенции соответствующего органа и должностного лица.

Фактически это означает, что если на момент принятия сообщения о преступлении устанавливается его иная подсудность, то оно сразу же, без проверки, передается в компетентный правоохранительный орган. Вместе с тем в ситуациях, когда признаки преступления, по которым правоохранительный орган возбуждать уголовное дело не вправе, будут установлены в ходе проверки или по ее результатам, материалы, направляемые в иной орган, также будут иметь доказательственное значение и впоследствии подлежат использованию в процессе доказывания.

В первоначальной редакции ст. 144 УПК РФ конкретные способы проверки на стадии возбуждения уголовного дела не указывались. Фактически такие способы, как получение объяснений, истребование документов и т.п., стали применяться сразу же после введения в действия этого акта, однако доказательственное значение таких результатов было чрезвычайно малым.

В настоящее время в соответствии с ч. 1 ст. 144 УПК РФ на стадии возбуждения уголовного дела проводится целый комплекс проверочных действий, в том числе осуществление всех видов осмотра, освидетельствования, назначение и производство судебной экспертизы. Эти действия, несомненно, будут иметь доказательственное значение в случае последующего возбуждения уголовного дела. Наряду с этим в законе следует более

четко указать, что полученные в ходе следственных, а равно и иных процессуальных действий сведения имеют доказательственное значение и в ситуациях, когда по результатам проверки было вынесено постановление об отказе в возбуждении уголовного дела.

Особо следует остановиться на том, каким образом на стадии возбуждения уголовного дела используются результаты оперативно-розыскной деятельности.

В ч. 1 ст. 144 УПК РФ в числе способов проверки указано, что следователь, дознаватель вправе давать органу дознания обязательное для исполнения письменное поручение о проведении оперативно-розыскных мероприятий. Но, несмотря на такое прямое предписание, круг оперативно-розыскных мероприятий, производимых на стадии возбуждения уголовного дела, значительно шире.

В цитированной нами норме речь идет о таких ситуациях, когда в распоряжении следователя, дознавателя уже находится сообщение о преступлении из числа предусмотренных ч. 1 ст. 140 УПК РФ, и производится его проверка. Вместе с тем орган, осуществляющий оперативно-розыскную деятельность вправе осуществлять оперативно-розыскные мероприятия и по своей собственной инициативе, оформляя его результаты как рапорт об обнаружении признаков преступления и сопровождая рассекреченными в установленном порядке документами. Поэтому при оценке результатов оперативно-розыскной деятельности следователь, дознаватель должен дифференцировать их в зависимости от того, какова их форма и содержание с позиций как УПК РФ, так и законодательства об оперативно-розыскной деятельности.

Если в поступившем поводе и материалах проверки содержатся сведения, подтверждающие признаки определенного преступления, то формой реагирования является вынесение постановления о возбуждении уголовного дела. При этом следует принимать во внимание два фактора.

Во-первых, уголовное дело возбуждается по признакам конкретного преступления, предусмотренного статьей (частью статьи) Особенной части УК РФ. Принимая соответствующее решение, следователь (дознаватель) не должен устанавливать все элементы состава преступления, поскольку это является задачей последующего предварительного расследования и судебного разбирательства. Вместе с тем отдельные признаки (как правило, объект преступления и объективная сторона преступления) должны подтверждать, что совершено не просто противоправное деяние, но что оно наказуемо в соответствии с конкретным уголовно-правовым запретом. Впрочем, это не лишает следователя, дознавателя права впоследствии, в ходе предварительного расследования, вынести постановление о переквалификации деяния или привлечь лицо в качестве обвиняемого по преступлению, предусмотренному иной статьей УК РФ.

Во-вторых, уголовное дело может быть возбуждено как по признакам преступления (в отношении неустановленного лица), так и в отношении конкретного лица, которое с момента вынесения постановления приобретает процессуальный статус подозреваемого. Если в сообщении о преступлении указывается конкретное лицо как совершившее преступление, в ходе проверки были получены и проверены сведения, подтверждающие как само деяние, так и его совершение этим лицом, то уголовное дело должно быть возбуждено именно в отношении него.

Таким образом, надлежащее реагирование на каждый случае поступления сообщения о совершенном или готовящемся преступлении обеспечивает незамедлительную и адекватную реакцию государства, а также защиту прав лиц, чьи права были нарушены в результате совершения в отношении них противоправных деяний.

Игнатов Александр Николаевич,
доктор юридических наук, профессор,
профессор кафедры уголовного права и криминологии
Крымского филиала
Краснодарского университета МВД России;

Современные информационно-коммуникационные технологии как инструмент финансирования преступной деятельности

Технологическое развитие современного информационного общества определяет неизбежную технологизацию всех сфер его жизнедеятельности. Экспоненциально прогрессирующие современные наукоемкие технологии несут в себе неизвестный деструктивный потенциал прямо пропорциональный задаваемым рациональным конструктивным характеристикам и целевым ожиданиям[1]. В результате инновационный вектор развития и определяемые им социальные трансформации порождают формирование особой модели общества, так называемого инновационного общества риска[2]. Так актуальный потенциал технологических возможностей виртуальных коммуникаций превращается в источник новых форм криминогенности[3]. Современные технологии существенным образом влияют и на развитие преступности, оснащая и модернизируя существующие криминальные практики, а

[1] Игнатов А.Н. Криминогенность техногенности // Общество и право. 2019. № 2. С. 34-40.

[2] Жабина В.В. Риски инновационного развития общества: социально-философский анализ: автореф. дис. ... канд. филос. наук: 09.00.11. Саратов, 2013. С. 10-11.

[3] Филиппов А.А. Использование информационных технологий организованной преступностью // Вестник Восточно-Сибирской Открытой Академии. 2017. № 24 (24). С. 17.

также порождая новые способы и новые виды преступной деятельности[1]. Указанное, в свою очередь, обуславливает трансформацию легального профессионализма в криминальный[2].

Технологический прогресс наибольшим образом влияет на развитие способов совершения тех преступлений, в механизме совершения которых существенная роль принадлежит информационной и коммуникационной составляющей. С «технической» точки зрения использование информационных технологий как способа совершения преступлений предполагает реализацию механизма совершения преступления посредством воздействия на: 1) содержание информации; 2) информацию как субстанцию; 3) процесс информационной коммуникации»[3]. Учитывая специфику информационных связей индивида и социума, уровень развития и масштабы применения современных информационных технологий, а также их непосредственную взаимосвязь коммуникационными технологиями, именно информационно-коммуникационные технологии становятся сегодня одним из наиболее востребованных инструментов осуществления преступной деятельности. Многие устоявшиеся криминальные практики посредством использования информационно-коммуникационных технологий выходят на новый уровень и обретают новые масштабы.

Одной из распространенных криминальных практик, нашедших свое отражение в уголовном законодательстве в качестве самостоятельных преступлений, пособничества либо в качестве причастности к преступной деятельности, является финансирование преступной деятельности.

В целом финансирование преступной деятельности представляет собой действия, направленные на предоставление или сбор средств либо оказание финансовых услуг с осознанием того, что они предназначены для финансирования совершения (организации, подготовки) преступления (преступлений), а также финансирования или иного материального обеспечения лица или лиц (в том числе различных организационных форм преступной деятельности), осуществляющих (созданных или создаваемых для осуществления) преступную деятельность.

Сбор, предоставление финансовых средств, а также оказание финансовых услуг в целях финансирования преступной деятельности может осуществляется в самых различных формах и самым различным способом. При

---

[1] Игнатов А.Н. Информационно-когнитивные технологии в арсенале способов совершения преступлений // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2020. № 11. С. 82-89.

[2] Фарышев Е.В. Современное понятие и содержание профессиональной преступности // Вестник Краснодарского университета МВД России. 2016. № 3 (33). С. 90-93.

[3] Хоперсков Д.В. Использование информационных технологий как способ совершения преступления // Вестник Евразийской академии административных наук. 2018. № 4 (45). С. 148-151.

этом все большую актуальность сегодня приобретает использование криминалом в преступных целях именно информационно-коммуникационных технологий. Следует учитывать, что, если информационные технологии являются ключевым и во многих случаях единственным инструментом осуществления финансовой деятельности, то коммуникационные технологии являются в большей степени привлекательным, нежели «вынужденным» инструментом осуществления преступной деятельности.

Как указывает специалисты, финансовые средства, поступающие от потенциальных сторонников, так называемого «пассивного роя», выступают сегодня одним из основных источников финансовой поддержки преступной деятельности, в том числе таких ее крайних форм, как организованная экстремистская и террористическая деятельность[1]. При этом основную проблему в настоящее время представляет активное использования информационно-коммуникационных технологий и виртуального пространства сети Интернет, лишенного физических границ и открывающего неограниченные возможности для финансирования преступной деятельности[2].

На сегодняшний день одну из наиболее актуальных проблем противодействия финансированию преступной деятельности приобретает стремительно развивающаяся краудфандинговая деятельность, так называемое «народное финансирование». Суть данной деятельности заключается в кооперации людей (коллективном сотрудничестве), выступающих донорами («бэкерами»), на добровольной основе консолидирующие свои финансовые средства (иные ресурсы) через сеть Интернет (инвестиционные платформы) в целях поддержки инициатив иных лиц либо организаций, выступающих реципиентами («фаундерами»).

Несмотря на меры законодательного регулирование подобного рода финансовой деятельности[3], фактические возможности использования ее в преступных целях весьма существенны. Это определяется как прогрессирующим разнообразием способов осуществления данной деятельности и преступных схем ее использования, так и возможностью введения в заблуждение доноров (инвесторов, спонсоров, доноров, меценатов и прочих «партнеров») об истинных целях финансируемых ими инициатив (лечения тяжелобольных, инвестиционных проектов, стартап-проектов, акций активистов,

---

[1] Давыдов В.О. Транснациональный экстремизм: криминалистический анализ / под науч. ред. А.Ю. Головина. М., 2016. С. 122.

[2] Никитин А.В., Ступницкий А.Е. Оперативно-розыскная характеристика способов финансирования экстремисткой деятельности // Право: ретроспектива и перспектива. 2021. № 2 (6). С. 69.

[3] Федеральный закон «О привлечении инвестиций с использованием инвестиционных платформ и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» от 02.08.2019 № 259-ФЗ // [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_330652/

политических кампаний и пр.). При этом именно современные коммуникационные технологии и средства массовой коммуникации, ставшие неотъемлемой составляющей повседневной жизни каждого человека, позволяют обеспечивать участие в данной деятельности значительного количества людей.

Интернет предоставляет сегодня широкие технические возможности для сбора средств в виде различных пожертвований в онлайновой среде («донатов»), как единичными пользователями, для их различных личных целей, так и целыми организациями. Современные платежные системы в Интернете позволяют собирать пожертвования при помощи простой интеграции в сайты пользователей соответствующих инструментов, позволяющих переводить деньги со счетов донаторов на счета получателей и не требующих специальных знаний или создания новых веб-сайтов или веб-страниц (например, таким инструментом является сервис donateMe, предназначенный для индивидуальных пожертвований и FundingTo – для групповых пожертвований). При отсутствии у пользователей своего веб-ресурса платежными системами могут быть сгенерированы отдельные страницы в Интернете для получения денежных средств и иных донатов.

Такого рода сервисы краудфандинга исключают необходимость задействования несколько способов трансфера средств (банковские счета, карты, расчетные счета и т.д.), позволяют получать средства без ограничения (лимита), позволяют получателю средств возможность выбора валюты и способов выплаты (банковские переводы (на расчетный или лицевой счет, на банковскую карту), денежные переводы (посредством систем CONTACT, «Юнистрим» и др.) либо в виде электронных денег («Яндекс.Деньги», WebMoney, MoneyMail, RBK.Money и др.). Вывод средств из системы осуществляется за символическую плату и комиссию за использование услуги, как правило, не превышающую десяти процентов от суммы платежа. Необходимость регистрации пользователя в платежной системе и создание учетной записи не исключают широкие возможности анонимизации его личности.

Сервис toodoo.Donate позволяет владельцу веб-ресурса собирать добровольные пожертвования с посетителей из множества способов, которые обеспечивает технический провайдер сервиса – ROBOXchange. Способами получения поступивших средств являются: вывод в одну из виртуальных валют, пополнение баланса у операторов сотовой связи ("Билайн", МТС, "Мегафон") или оплата услуг других провайдеров. Сервис Google Checkout позволяет легко осуществлять пожертвования с обтекаемым процессом контроля и единственным логином через Бумажник Google, скрывая номер кредитной карточки дарителя и обеспечивая безопасную альтернативу пожертвования онлайн. Сервис электронных копилок (учетных записей (счетов) в системе, имеющих уникальную ссылку) «В Копилке.ру» позволяет владельцам веб-ресурсов принимать от посетителей любую сумму денег в любой из распространенных в Рунете электронных валют (Webmoney (WMZ, WME,

WMR, WMB, WMU, WMG), Яндекс Деньги, MoneyMail, Perfect Money, RBK Money, LiqPAY, Liberty Reserve) с их последующей конвертацией.

Активное использование для осуществления такого рода финансовых операций различных коммуникативных сервисов сети Интернет обусловлено простотой оформления и быстротой осуществления денежных переводов, фактической анонимностью и высокой степенью безопасности для лиц, причастных к отправлению-получению денежных средств, а также «непрозрачностью» этих переводов для финансового контроля со стороны Росфинмониторинга[1].

Одним из популярных инструментов сбора пожертвований в онлайновой среде является использование SMS-биллинга. Соответствующие сервисы представляют собой своеобразную посредническую прослойку между веб-ресурсом, оператором мобильной связи и конечным пользователем. Использование разнообразных SMS-копилок является одним из наиболее простых и удобных способов предоставления и приема пожертвований. Для использования необходимы лишь мобильный телефон и инструкция с текстом сообщения и коротким номером. Владельцу интернет ресурса необходимо лишь установить на своей площадке специальный код, который будет обращаться к биллинговой системе при каждой оплате.

Проблему использования SMS-биллинга в целях сбора средств для финансирования преступной деятельности усугубляет бесконтрольное использование SIM-карт (в частности, приобретение в неограниченном количестве SIM-карт на подставных лиц, а также с указанием недостоверной информации о персональных данных при заключении договора об оказании услуг радиоподвижной связи и мобильного Интернета), что является функциональной основой использования платежных систем (PayPal, Qiwi-кошелек и пр.) для различных «теневых» финансовых операций, в том числе посредством криптовалютных расчетов[2].

Главным недостатком использования SMS-биллингов для сбора средств является высокая комиссия мобильных операторов – 50-80% от суммы платежа. Однако данный недостаток использования рассматриваемого инструмента компенсируется значительной географией применения (например, сервис смс:донейт от SmsCoin покрывает более шестидесяти стран и постоянно расширяет свою географию) и, соответственно большим количеством потенциальных доноров, а также эффектом импульсивности.

---

[1] Давыдов В.О. К вопросу о способах финансирования транснациональной преступной деятельности экстремистского характера как элементах механизма ее совершения // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. 2017. № 2-2. С. 72.

[2] Никитин А.В., Ступницкий А.Е. Оперативно-розыскная характеристика способов финансирования экстремисткой деятельности // Право: ретроспектива и перспектива. 2021. № 2 (6). С. 69.

Именно эффект импульсивности при осуществлении платежа является тактическим преимуществом использования SMS-биллинга для сбора средств в целях финансирования преступной деятельности, в отличие от использования платежных систем. Данный эффект психологически обусловлен отсутствием сложных расчетных манипуляций (введение номера карты, ожидание окончания трансакции и пр.), отсутствием осознания передачи конкретной суммы наличных денег, незначительной суммой смс-платежей и пр. Применение преступниками информационно-когнитивных технологий в целях манипуляции сознанием потенциальных «меценатов» и «спонсоров»[1] позволяет использовать сервисы SMS-биллинга как эффективный механизм финансирования преступной деятельности за счет лиц, не осознающих свое фактическое участие в такого рода деятельности.

Все большую популярность и масштабность приобретает сбора пожертвований в онлайновой среде посредством использования социальных сетей. Так, например, Twitter (с привязкой к PayPal-аккаунту) широко используется для беспроцентного сбора средств на политическую кампанию или пожертвований на другие цели. Приложение Causes позволяет пользователям Facebook создавать первичные сообщества или «causes» и приглашать друзей из Facebook присоединиться к сбору средств в поддержку различных проектов, акций и т.д. Регистрация на Сайт HelpAttack! позволяет любой некоммерческой организации включенной в базу данных сайта осуществлять сбор пожертвований среди своих фанов и фолловеров через аккаунт в Twitter или Facebook. Аналогичные возможности предоставляет социальная сеть Jumo, функционально связанная с Facebook и т.д.

Бесконтрольное использование мессенджеров, основанных на технологии сквозного шифрования «END-TO-END» (WhatsApp, Telegram, Signal, Wickr и др.), а также о программного обеспечении типа TOR, VPN, I2P и прочих подобных технических решений в «глубинном» Интернете (DarkNet) позволяет обеспечивать анонимность личности пользователя[2], а распределенная по всему миру сеть серверов обеспечивает коммуникационное покрытие практически всего земного шара.

Специально для сбора благотворительных пожертвований в социальных сетях многие компании разработчики представляют широкий спектр специализированных виджетов (компактных монофункциональных приложений). Данный инструмент становится все более популярным и востребо-

[1] Игнатов А.Н. Информационно-когнитивные технологии в арсенале способов совершения преступлений // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2020. № 11-2. С. 82-89.

[2] Никитин А.В., Ступницкий А.Е. Оперативно-розыскная характеристика способов финансирования экстремисткой деятельности // Право: ретроспектива и перспектива. 2021. № 2 (6). С. 69.

ванным при сборе пожертвований частными лицами. Характерной особенностью и тактическим преимуществом использования виджет-инструментов также является эффект импульсивности при осуществлении платежа.

Таким образом, современные информационно-коммуникационные технологии являются эффективным инструментом финансирования преступной деятельности, обеспечивающим не только технологическую составляющую, но и масштабность, как по географическому охвату, так и по задействованному человеческому ресурсу. При этом данные технологии используются как непосредственно для сбора средств с лиц, умышленно их предоставляющих, так и для введения в заблуждение различных категорий доноров, вовлеченных краудфандинговую деятельность, осуществляемую в онлайновой среде посредством специальных сервисов, SMS-биллинга, социальных сетей, мессенджеров и прочего иснтрументария.

Карнаушенко Леонид Владимирович,
доктор исторических наук, профессор,
начальник кафедры теории и истории
права и государства
Краснодарского университета МВД России

Правовая социализация подрастающих поколений в аспекте государственного регулирования: проблемы и перспективы

Современное общество представляет собой сложную, многоуровневую систему, где функционирует множество социальных институтов, подсистем, сфер, обеспечивая единство разнообразных подчас противоположных по своему содержанию элементов. Ключевую роль в социальной системе на протяжении веков играет институт государства, от которого зависит стабильность и социальный порядок. Достижение данного состояния в рамках диктаторских или демократических политических режимов осуществляется различными способами, однако ведущую роль всегда играет успешное включение подрастающих поколений в правовую систему, так как только оно обеспечивает добровольное, осознанное следование людьми нормам права, передающееся от поколения к поколению. В результате успешной интеграции молодежи, принятия ей «правил игры» взрослого общества уменьшается нагрузка на правоохранительную систему, то выступает залогом успешного обеспечения государством социального порядка.

Молодежь и подростки, вместе с тем, представляют весьма сложный объект для коммуникативного воздействия со стороны государства и общества. Их сознание лабильно, жизненные установки зачастую противоречат

друг другу, что осложняется неустойчивой психикой и периодами пубертации и акселерации. Нередко вследствие действия обозначенных фактов социальные практики молодежи являются аффективными, иррациональными по своей сути и создаются объективные условия для развития девиаций и деликтов в молодежной среде. Именно поэтому государство и общество заинтересованы в оперативной и, главное, эффективной интеграции подрастающих поколений во взрослую жизнь, что достигается, едва ли не в первую очередь, включением молодых поколений в правовую жизнь.

С точки зрения исследователей, правовая жизнь общества – это «совокупность многообразных видов и форм деятельности и поведения людей, их коллективов в сфере действия права, направленных на обеспечение условий и средств существования, реализации частных и публичных, индивидуальных и групповых интересов, утверждения соответствующих им ценностей»[1].

Правовая жизнь общества тесным образом связана с институтом государства и его правоохранительными органами, осуществляющими формальный социальный контроль и обеспечивающими силой принуждения действие норм права. Вместе с тем, формальный социальный контроль не может «покрывать» и «удерживать» весь спектр разнообразных девиаций, деликтов, а также иных отклонений от норм права. В данном аспекте важная роль возложена на самих граждан, которые, осознавая значимость обеспечения социального порядка, активно содействуют государству. Это происходит, во-первых, когда они сами не нарушают требования норм права, во-вторых, активно воздействуют на сознание подрастающих поколений с целью привития им установок и ценностей правомерного поведения, в-третьих, сотрудничают с правоохранительными органами государства с целью противодействия нарушениям норм права. В основе подобного социального порядка лежит именно осознание гражданами важности норм права, как и института государства, обеспечивающего их соблюдение. Достичь этого осознания во многом помогает успешная правовая социализация.

В научной литературе представлено множество различных толкований термина «правовая социализация». Так, Е.Е. Андреева понимает под правовой социализацией «процесс усвоения индивидом правовых норм, ценности права и превращение их в нормы (модели) своего правового поведения»[2].

Как полагают исследователи, основным результатом правовой социализации выступает не просто принятие человеком законов, юридических норм, а «культурно-правового наследия общества. Приобщаясь к праву как

---

[1] Хасанова А.А. Правовая социализация как составляющая правовой жизни населения // Молодой ученый. 2020. № 20 (310). С. 342-345.

[2] Андреева Е.Е. Правовая социализация личности: сущность, понятие, этапы // Педагогическое образование в России. 2018. №10. С.25-29.

социокультурному феномену, человек начинает проявлять негативное отношение к любым отклонениям от действующих социально-правовых установок»[1].

Наличие значительного числа эффектов, возникающих на макро- и микроуровнях социальной реальности под воздействием процесса правовой социализации свидетельствует о его сложном, многоуровневом характере. С точки зрения М.С. Андрианова, «процесс правовой социализации имеет две взаимосвязанные грани, с одной стороны – это усвоение индивидом правовых знаний, норм и ценностей общества, с другой стороны – это активное воспроизводство системы социальных связей на основе опыта и правового поведения человека за счет его деятельности и активного включения в социальную среду»[2].

Сложность и, отчасти даже некоторая противоречивость правовой социализации связана с тем, что, по мнению В.Н. Гуляихина, «правовая социализация «перекрывает» и дублирует сферы политической и моральной социализации, но отличается от своих «дубликатов»: во-первых, контекстом погружения субъекта в определенную область социальной жизни (например, это может быть судебное присутствие или законодательное собрание); во-вторых, агентами, в качестве которых могут выступить судьи, полицейские или какие-либо другие представители закона; в-третьих, объектом (правосознание и правовая культура личности)»[3].

И.П. Усимова указывает, что «правовая социализация личности осуществляется в трех формах, которые на практике могут иметь разные сочетания. Речь идет об обыденной социализации, ограниченной элементарными представлениями и знаниями, ситуативными правовыми установками на конкретные действия; адаптивно-деятельностной, связанной с глубоким пониманием и полным приятием правовых ценностей общества, что закономерно приводит к активной правовой деятельности; прогрессивной, означающей способность личности к самостоятельному развитию, совершенствованию как участника правовой жизни общества, конкретной группы, коллектива»[4].

Необходимость интеграции различных уровней бытования сознания – от обыденного до специализированного и формирует суть проблемной ситуации применительно к правовой социализации, так как информация, с которой оперируют различные уровни, подчас существенно отличается,

---

[1] URL://https://docviewer.yandex.ru/view/192003284/ (дата обращения: 22.08.2021).

[2] Андрианов М.С. Психологические механизмы и периодизация процесса правовой социализации // Психология и право. 2013. № 1. Том.3.URL:// https://psyjournals.ru/psyandlaw/2013/n1/58284_full.shtml

[3] Гуляихин В.Н. Генезис теории правовой социализации // Журнал российского права. 2013. № 5. С. 48-56.

[4] Усимова И.П. Правовая социализация личности: дис. … канд. юрид. наук. М., 2007. С.8-9.

прежде всего, по критерию сложности для усвоения сознания молодого человека. При этом «упрощения» применительно к праву не всегда выглядят выигрышным вариантом в процессе ознакомления с ним и выработки адекватной рефлексии у молодежи.

Исследователи также обращают внимание на то, что «одним из наиболее важных механизмов правовой социализации является социально-правовая идентификация – процесс мысленного объединения себя с какой-либо группой людей на основании установившихся эмоциональных связей и предпочтений. Другой механизм правовой социализации – социальное познание, представляющее собой процесс переработки социальной информации – приобретение, организация (хранение), использование социальных знаний и мысленное (когнитивное) конструирование внутренне непротиворечивого социального мира»[1].

Именно сложность процесса правовой социализации и ее тесная взаимосвязь со сферами и подсистемами общества, не позиционирующимися в качестве правовых, предопределяет определенные гносеологические проблемы. Не меньшие сложности возникают и в социально-управленческой сфере, призванной оказывать воздействие на процесс правовой социализации подрастающих поколений. Подчас бывает сложно дифференцировать собственно социализацию (как более широкий) и правовую социализацию (как более узкий) процессы. Ряд исследователей вообще не видят смысла в выделении правовой социализации как части общего социализационного процесса, что также осложняет формирование целостной научной картины по данному аспекту оценки.

Процесс правовой социализации испытывает серьезное воздействие со стороны общества. Главным образом, это происходит вследствие активности агентов правовой социализации – непосредственного окружения подростков и молодежи. Именно установки, ценности, идеалы, поведенческие реакции агентов правовой социализации имеют первостепенное значение для ее успешности. В этой связи кризис духовной культуры общества, морально-нравственных ориентиров, криминализация сознания и социальных практик, а также дисфункции системы образования (прежде всего, школьного) обладают способностью оказывать негативное воздействие на процесс правовой социализации.

Так, определенным олицетворением важной роли общества в процессе правовой социализации выступают агенты социализации – люди и организации, которые оказывают помощь акторам социализационного процесса при интеграции в правовое пространство. Именно агенты социализа-

[1] Андрианов М.С. Психологические механизмы и периодизация процесса правовой социализации // Психология и право. 2013. № 1. Том.3. URL:// https://psyjournals.ru/psyandlaw/2013/n1/58284_full.shtml

ции как типичные представители социума обеспечивают передачу социального и культурного опыта, что применительно к сфере права имеет очень важное значение.

По мнению исследователей, «если агенты социализации демонстрируют высокие образцы правового поведения, то у граждан развивается чувство социальной ответственности и законопослушания, формируется нормальное правосознание и соответствующая иерархия аксиолантов правовой культуры. В оперативном отношении процесс правовой социализации способствует появлению у человека правовых убеждений, когда внешние для него социальные правила становятся его внутренними регуляторами, обусловливающими как «позитивную», так и «негативную» направленность общественного поведения. В ходе этого процесса индивид принимает доминирующие в сообществе стандарты и стратегии, в соответствии с которыми происходит его выбор ценностно-смысловых ориентиров правового поведения»[1].

Подводя итоги, целесообразно отметить, что противоречивый статус правовой социализации в обществе XXI в. ставит перед государством и обществом ряд проблемных ситуаций, от решения которых будет зависеть в стратегическом аспекте сохранение социального порядка и стабильности. Прогресс информационно-компьютерных и телекоммуникационных технологий ведет к постепенному выходу из-под контроля государства и ряда ведущих социальных институтов, ответственных за первичную социализацию подрастающих поколений, процесса преемственности и смены поколений в российском обществе. Современной молодежи предоставлены широкие свободы не только в информационном, но и, шире, в социальном плане. Подобные свободы стали результатом генезиса открытого глобального информационного общества. Стихийная, практически никем не контролируемая и не управляемая социализация под воздействием «альтернативных» агентов (в том числе и правовая) стала объективной реальностью современного социума. В таких условиях государство оказывается перед достаточно сложным выбором. С одной стороны, возрастающий потенциал государства в аспекте принуждения к правомерному поведению, а, шире, к следованию широкому кругу норм, санкционированных властью, формирует довольно явную тактику активного влияния на подрастающее поколение, в том числе с использованием не только средств и форм массово-коммуникативного воздействия, но и инструментов принуждения, ограничения и т.п. С другой стороны, стремление государства поставить под серьезный контроль процесс социализации в условиях открытого информационного общества XXI в. может нести в себе и риски, связанные с явным или латентным неприятием значительной частью молодежи проводимой политики, что будет с неизбеж-

[1] Гуляихин В.Н., Широ С.В. Концептуальные подходы к теории и практике правовой социализации человека // Право и образование. 2012. №8. С.59-67.

ностью проецироваться в сознании подрастающих поколений и на само государство, формировать его негативный образ («ограничителя свобод»). Безусловно, описанные выше стратегии необходимо воспринимать как классические «идеальные типы» М. Вебера. В реальности они обладают способностью сосуществовать, видоизменяться и т.п.

Как представляется, сделать правильный выбор эффективной стратегии государству и системе государственного управления в современных российских условиях будет возможно лишь с учетом не только экспертных мнений и имеющегося опыта управления молодежной политикой, которая включает, в том числе, и влияние на правовую социализацию – в данном случае существенное значение имеет и использование первичной социологической информации, полученной по результатам эмпирических исследований российской молодежи. Несмотря на наличие общих социально-возрастных и социально-психологических особенностей, присущих молодежной среде, имеются и некоторые нюансы реагирования акторов правовой социализации на коммуникативные стимулы (в том числе и на осуществляемую правовую социализацию), которые целесообразно учитывать для повышения эффективности воздействия и преодоления возможных рисков. В настоящее время подобные научные исследования молодежной среды не носят системного характера и проводятся, в основном, «симптоматически» – как реакции на осознаваемую государственным управлением проблему. Вместе с тем, современное информационное открытое общество ставит перед управлением молодежной политикой намного более серьезные задачи, чем ранее, для решения которых важно устанавливать обратную связь с молодежью – именно так можно адаптировать имеющиеся подходы к осуществлению правовой социализации и понимание роли государства в данном процессе под текущие задачи.

Кашкаров Алексей Александрович,
доктор юридических наук, доцент,
начальник кафедры уголовного права и криминологии
Крымского филиала
Краснодарского университета МВД России

Сбыт как способ совершения преступления

Сбыт в отечественной уголовно-правой доктрине характеризует способ совершения преступления, который из всех факультативных признаков, характеризующих внешнюю сторону преступления, имеет наибольшее юридическое значение, так как именно в способе совершения преступления, как отмечаетают В.Б. Малинин и А.Ф. Парфенов, выражается общественно

опасное деяние [1]. Исследователями отмечается, что уяснение понятия «сбыт» необходимо для правоприменителя, что в свою очередь позволит избежать необоснованного привлечения к уголовной ответственности.[2]

Определение понятия «сбыт предмета преступления», как конструктивного признака состава некоторых преступлений рассматриваются достаточно редко и осуществляются в рамках одного состава преступления[3] или группы составов преступлений[4], объеденных одним видовым объектом преступления.

Как нам представляется «сбыт» является экономическим понятием, под которым следует понимать «реализацию изготовленной продукции, целью которой является превращение товара в деньги и удовлетворения запросов покупателей»[5] или «сбыт – это системная деятельность предприятия-изготовителя, располагающая своей целью реализацию продукции на соответствующих рынках»[6], кроме того, экономисты утверждают, что термины «реализация» и «сбыт» являются однозначными понятиями[7].

Значение «сбыта», как уголовно-правой категории сложно переоценить, сбыт как способ совершения преступления, характеризующий объективную сторону преступления, предусмотрен в 28 составах преступлений, предусмотренных действующей редакцией УК РФ. Кроме того сбыт, признаётся формой реализации посредником своих преступных действий при соучастии (ч. 5 ст. 33 УК РФ), наличие цели сбыта оказывает влияние на

---

[1] Малинин В.Б., Парфенов А.Ф. Объективная сторона преступления. СПб: Изд-во Юридического института (Санкт-Петербург), 2004. С. 198.

[2] Деревянская Т.П., Иликбаева Е.С. Новеллы уголовного законодательства об обороте фальсифицированной медицинской продукции в период пандемии // Юрист. 2021. № 1. С. 60.

[3] Рудик М.В., Юсупов Т.А. Проблемные вопросы противодействия бесконтактному сбыту наркотических средств на территории Республики Крым // Уголовно-правовые и криминологические направления противодействия преступности. Материалы межрегиональной научно-практической конференции профессорско-преподавательского состава, аспирантов и студентов. Симферополь, 2021. С. 231-237.

[4] Робак В.А. Незаконный сбыт огнестрельного оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств // Проблемы применения уголовного и уголовно-процессуального законодательства. Сборник материалов международной научно-практической конференции. 2018. С. 118-119.

[5] Котлер Ф. Основы маркетинга Краткий курс: пер с англ. М.: Издательский дом «Вильяме», 2007. С.427.

[6] Баркан Д.И. Управление сбытом: учеб. пособие. СПб.: Изд-во С.-Петербургского университета, 2014.

[7] Сурина А.А., Шевченко С.А. Сбыт как экономическая категория: сущность и содержание // Экономика и бизнес: теория и практика. 2021. № 3–2. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/sbyt-kak-ekonomicheskaya-kategoriya-suschnost-i-soderzhanie (дата обращения: 17.07.2021).

квалификацию и отграничение преступлений, предусмотренных разными статьями УК РФ, например ст. 228 УК РФ и ст. 228.1 УК РФ

Сбытом можно признавать розничную продажу алкогольной продукции как несовершеннолетним, так и совершеннолетним лицам, также исходя из особенностей предмета преступления к сбыту можно также отнести публичную демонстрацию и распространение порнографических материалов или предметов, распространение вредоносных компьютерных программ. Отметим, что УК РФ содержит также и иные нормы, объективная сторона которых характеризуется таким способом как распространение, это преступления, предусмотренные ст. 207.1 УК РФ и 207.2 УК РФ, однако эти составы преступлений мы не можем соотнести со сбытом в силу того, что заведомо ложная информация не обладает материальными признаками, как например вредоносная компьютерная программа или порнографический материал.

Также следует отметить, что сбыт, как признак, раскрывающий содержание объективной стороны указанных выше состав преступлений корреспондирует с иными элементами составов преступлений, что обуславливает единство состава преступления, как теоретико-прикладной модели.

Сбыт присущ только лишь так называемым «предметным составам преступлений», где при характеристике состава преступления наличествует предмет преступления, таким образом элемент объективной стороны преступления связан с предметом конкретного состава преступления и как следствие с объектом конкретного состава преступления. Виновное лицо при этом сбывая предмет преступления причиняет вред общественным отношениям.

Сбыт, как признак объективной стороны преступления, корреспондирует с таким признаком субъективной стороны преступления как специальная цель. Реализуя специальную цель преступления – сбыт предмета преступления, виновное лицо, воплощает субъективную сторону преступления, обеспечивая её объективизацию. Специальная цель сбыта определена в ряде статей УК РФ, а именно в ч. 2 ст. 146 УК РФ, ч. 1, ч. 3, ч.5 ст. 171.1 УК РФ, ст. 186 УК РФ, ст. 187 УК РФ ст. 228.1 УК РФ, ст. 234.1 УК РФ, ст. 238 УК РФ, ст. 238.1 УК РФ, ч. 1 и ч. 3 ст. 327.1 УК РФ, ст. 327.2 УК РФ. В указанных нормах УК РФ виновное лицо может реализовывать объективную сторону состава преступления выполняя альтернативные деяния преследуя при этом конкретную цель, которая выражается в сбыте предмета преступления.

Уголовно-правое понятие сбыт раскрывается в различных Постановлениях Пленума Верховного Суда Российской Федерации. Так Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 28 апреля 1994 г. № 2 «О судебной практике по делам об изготовлении или сбыте поддельных денег или ценных бумаг» (далее – ППВС РФ № 2 от 28.04.1994 г.) в п. 5

определяет, что «сбыт поддельных денег или ценных бумаг состоит в использовании их в качестве средства платежа при оплате товаров и услуг, размене, дарении, даче взаймы, продаже и т.п.» то есть исходя из содержания Постановления Пленума можно сделать вывод, что виновное лицо в обязательном порядке должен запустить предмет преступления, предусмотренный ст. 186 УК РФ в легальный оборот под видом подлинных. Далее в этом же пункте определено, что «приобретение заведомо поддельных денег или ценных бумаг в целях их последующего сбыта в качестве подлинных следует квалифицировать по ст. ст. 30 и 186 УК РФ». Отсюда мы опять же можем сделать вывод о том, что сбыт предмета преступления, предусмотренного ст. 186 УК РФ подразумевает поступление последнего в легальный денежный оборот под видом подлинного, то есть преступление, связанное со сбытом предмета преступления, предусмотренного ст. 186 УК РФ должно признаваться оконченным с момента, как уже отмечалось, поступления фальшивых денег либо ценных бумаг в легальный оборот под видом подлинных. Вместе с тем отметим, что в последнее время, в условиях распространения криминальных практик, связанных с использованием платформ «Даркнет» лицам, осуществляющим сбыт поддельных денег и ценных бумаг, предметы преступлений доставляются бесконтактно либо посредством курьера. Исходя из содержания п. 5 ППВС РФ № 2 от 28.04.1994 г. действия лица, предающего сбытчику предмет преступления не образуют сбыта предмета преступления, так как предмет преступления, предусмотренного ст. 186 УК РФ не попадает в легальный оборот. В приведённом примере не причиняется вред объекту преступления, предусмотренного ст. 186 УК РФ.

Однако, в ином постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации разъясняется возможность признания бесконтактного сбыта предмета преступления, предусмотренного ст. 228.1 УК РФ, а именно в п. 13 ППВС РФ № 14 от 15.06.2006 г., определено, что «передача (сбыт) лицом реализуемых средств, веществ, растений приобретателю может быть осуществлена любыми способами, …, в том числе путём сообщения о месте их хранения приобретателю, проведения закладки в обусловленном с ним месте».

Указанный нами ранее тезис о взаимосвязи таких элементов состава преступления как предмет преступления и способа совершения преступления – сбыта предмета преступления обуславливает существование проблемы при квалификации преступления по ст. 228.1 УК РФ, когда речь идёт о квалификации сбыта так называемых «лего конструкторов», «наборов сделай сам». Сбыт «набора сделай сам» заключается в том, что наркопотребителю передают химические препараты, реактивы (химические комплекты) из которых наркопотребитель самостоятельно изготавливает наркотические

средство. В состав такого рода «конструкторов» входят как неподконтрольные химические реактивы, так и вещества, включённые в Список прекурсоров, оборот которых в Российской Федерации ограничен и в отношении которых устанавливаются меры контроля в соответствии с законодательством Российской Федерации и международными договорами Российской Федерации (список IV) Перечня наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров, подлежащих контролю в Российской Федерации[1], которые, однако, не могут быть признаны прекурсорами в связи с заниженной концентрацией действующего вещества[2], либо недостаточной массой веществ находящихся в «наборе». Приведённый пример свидетельствует, что фактически общественно опасное деяния, связанное с нарушением порядка оборота наркотических веществ совершено, наркопотребитель получил наркотическое средство, а наркосбытчик предоставил наркопотребителю наркотическое средство и получил вознаграждение за него, но при этом отсутствует предмет преступления и как следствие отсутствует сбыт предмета преступления.

Как нам представляется, разъяснения закреплённые в п. 13 ППВС РФ № 14 от 15.06.2006 г., относительно бесконтактного, дистанционного сбыта наркотических средств могут быть распространены на сбыт таких предметов преступлений как: оружие и поддельные документы.

Анализ Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 12 марта 2002 № 5 «О судебной практике по делам о хищении, вымогательстве и незаконном обороте оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств» свидетельствует, что характерной особенностью сбыта предмета преступления является безвозвратное отчуждение предмета преступления другому лицу, если речь идёт о сбыте предметов преступления, предусмотренного ст. 186 УК РФ, то поступление в легальный оборот. Исключение может составлять сбыт предметов преступлений, предусмотренных ст. 324 УК РФ, ч. 1 ст. 327 УК РФ, при условии, что сбытчик получает предмет преступления на время и обязуется его вернуть изготовителю после его использования.

---

[1] Об утверждении Перечня наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров, подлежащих контролю в Российской Федерации: постановление Правительства Российской Федерации от 30.06.1998 № 681

[2] Румянцев А.А. О проблеме распространения на территории субъектов Уральского федерального округа наборов свободно реализуемых химических реактивов («конструкторов»), используемых наркопотребителями для изготовления наркотиков // Вестник Сибирского юридического института МВД России. 2014. №2 (15). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/o-probleme-rasprostraneniya-na-territorii-subektov-uralskogo-federalnogo-okruga-naborov-svobodno-realizuemyh-himicheskih-reaktivov (дата обращения: 16.07.2021).

В условиях повсеместной цифровизации и постковидной реальности, связанной с введением ограничений всё большую популярность приобретают формы связанные с электронным документооборотом. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 17 декабря 2020 г. № 43 «О некоторых вопросах судебной практики по делам о преступлениях, предусмотренных статьями 324–327[1] Уголовного кодекса Российской Федерации» определяет, что предметом преступлений, предусмотренных ст. 324-327 УК РФ могут выступать в том числе и электронные документы, что даёт нам основание утверждать, что сбыт подобного рода документов может быть осуществлён посредством использования информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» и/или мессенджеров, иных средств электронной связи и электронного документооброта.

Определяя сбыт как конструктивный признак вышеуказанных составов преступлений, учитывая неразрывную взаимосвязь элементов состава преступления друг с другом[1], а также исходя из положений рассмотренных Постановлений Пленума Верховного Суда Российской Федерации, мы пришли к выводу о том, что сбыт предметов преступлений неотделимым от последующего извлечения правовых, экономических, физических, биохимических, информационных, фармацевтических и иных свойств предмета преступления, который определён конкретной статьёй УК РФ, то есть сбыт сопряжён с последующим использованием свойств предмета одной стороной и получением выгоды другой стороной. Извлечение указанных свойств предмета преступления, связанного со сбытом, может быть как желанным и осознанным, так и неосознанным, сбыт может быть как возмездным, так и безвозмездным. Сбыт предмета преступления должен быть безвозвратным, то есть обеспечить потребление свойств предмета преступления в полном его объём. Отсутствие непосредственного извлечения и/или использования указанных свойств предмета свидетельствует об отсутствии сбыта предмета преступления.

[1] Кашкаров А.А. Взаимосвязь и взаимообусловленность элементов состава преступления // Обеспечение общественной безопасности и противодействие преступности: задачи, проблемы и перспективы. Материалы Всероссийской научно-практической конференции. 2020. С. 168-171

Козаев Нодар Шотаевич,
доктор юридических наук, доцент,
заместитель начальника Ставропольского филиала
Краснодарского университета МВД России
(по учебной и научной работе)

Хулиганский мотив в составе заведомо ложного сообщения об акте терроризма (ст. 207 УК РФ)

Проблема заведомо ложного сообщения об акте терроризма во многом связана и проявляет те же особенности и тенденции, что и сама террористическая деятельность. Так, заметный подъем количества терактов, совершаемых за последнее время, одновременно поспособствовал и подъему количества заведомо ложных сообщений об акте терроризма. Тенденции к росту случаев совершения данного преступления характерна не только для отдельных «горячих» регионов, так и в целом для Российской Федерации, где в последние годы широкое распространение обрели анонимные угрозы в отношении высшего руководства, депутатов, должностных лиц различного уровня, предпринимателей.

Анализ статистических сведений позволяет сделать вывод о том, что число преступлений рассматриваемого вида достаточно высоко. Так, в 2018 году зарегистрировано 2190 фактов заведомо ложного сообщения о террористическом акте, в 2019 году – 1530, в 2020 году – 2456, за 9 месяцев 2021 года –1856 фактов[1].

В последнее время все чаще совершаются попытки манипулятивного воздействия на органы власти, в части осуществления возложенных на них полномочий. Увеличивается и число фактов, когда террористы от угроз и деклараций идут непосредственно к действиям. Возрастает количество данных преступлений не только совершенных из политических побуждений, но также из хулиганских. При этом, достаточно много заведомо ложных сообщений об акте терроризма совершается подростками. Представляется, что противодействие данным преступлениям в настоящее время находится на ненадлежащем уровне, что во многом обусловлено несовершенством законодательства, трудностями квалификации.

Действующая редакция нормы, об ответственности за заведомо ложное сообщение об акте терроризма (ст. 207 УК РФ) существенно изменила представление о данном преступлении, как о «телефонном хулиганстве».

[1] Официальный сайт МВД России. Режим доступа: // https://xn--b1aew.xn--p1ai/ (дата обращения: 01.11.2021).

Способ совершения преступления может быть разнообразным – письменными устным. Сообщение может быть сделано посредством использования информационно-телекоммуникационных технологий, путем передачи письма или записки, но, как свидетельствует анализ практики, в подавляющем большинстве случаев сообщения передаются по телефону.

Несмотря на то, что законодатель дополнил данную норму рядом конструктивных и квалифицированных признаков, а также повысил категорию тяжести заведомо ложного сообщения об акте терроризма, в ч.1 ст. 207 УК РФ, обязательным признаком продолжает оставаться хулиганский мотив.

Традиционно хулиганский мотив рассматривается как побуждающий фактор, обусловливающий устремление в нарушении общественного порядка, который, в свою очередь, понимается как ценностная система норм общения между гражданами в обществе. Сюда же относят и моральные установки. Когда некий субъект посягает на общественный порядок нарушается функционирование отношений в обществе.

Рассматривая общественный порядок в качестве основного объекта, преступления, совершенного из хулиганских побуждений, важно учитывать, что заведомо ложное сообщение об акте терроризма, по своим объективным признакам, достаточно явно демонстрирует террористическую направленность, представляющую угрозу общественной безопасности.

Следует отметить, что общественный порядок и безопасность являются взаимообусловленными явлениями. Они находят свое развитие независимо от человеческого сознания.

В процессе соблюдения общественной безопасности и ее укрепления оказывается положительное влияние на общественный порядок. Такое же воздействие реализуется и в обратном направлении. Единого подхода к определению общественного порядка до сих пор нет.

В сложившиеся общественных отношениях порядок касается поддержания чести, свободы, неприкосновенности и достоинства личности. Вот почему так важно, чтобы опасные формы поведения содержались в уголовно-правовых нормах. Последние же касаются охраны отношений, которые берегутся с помощью действующих норм УК РФ. Здоровое состояние всего общества зависит от функционирования норм и правил поведения в обществе.

Заведомо ложное сообщение об акте терроризма, дестабилизируя деятельность органов власти, нарушая нормальный режим деятельности правоохранительных органов, причиняя вред общественным отношениям, выходит за границы общественного порядка и общественной безопасности, вторгаясь в отношения, обеспечивающие порядок управления и затрагивая интересы власти[1]. Полагаем, данное обстоятельство является ещё одним

[1] Догузова О.Р. Уголовная ответственность за заведомо ложное сообщение об акте терроризма: монография. Владикавказ, 2020. С. 36.

доводом дающим основание признать террористическую направленность преступления, предусмотренного ст. 207 УК РФ.

Однако, решающее значение в обретении хулиганкой направленности заведомо ложного сообщения об акте терроризма имеет мотив, отвечающий на вопрос: чем руководствовался человек совершая данное общественно-опасное деяние.

Представляя собой факультативный признак субъективной стороны, хулиганский мотив, сформулированный в диспозиции ч. 1 ст. 207 УК РФ как хулиганские побуждения, является конструктивным, определяющим устремление виновного нарушить общественный порядок.

Изложенное обстоятельство позволяет говорить о прямом умысле лица, заявившего, заведомо для него ложные сведения об акте терроризма, тем более что объективная сторона данного преступления указывает на её формально определенную конструкцию.

Есть исследователи, которые критикуют косвенный умысел и говорят, что подобная позиция отлична теории вины в формальных составах. «Признание хулиганства как преступления с формальным составом исключает косвенный умысел, поскольку невозможно, совершая определенные действия по своей воле, не желать совершения этих действий»[1].

Можно согласиться с тем, что изъявление воли человека, облаченное в некий поступок, подразумевает наличие желания его совершения. В психофизиологии и психологической теории действия подобное высказывание является аксиомой. Отталкиваясь от такого утверждения, выходит, что при косвенном умысле человек имеет желание совершать поступок и делает задуманное. Ему безразличны наступившие последствия.

В рамках хулиганства человек проявляет собственное «эго» и желает совершить некоторые действия. То есть у субъекта присутствует связь с действием, однако он безразличен к нравственному итогу содеянного.

Описание субъективной стороны ст. 207 УК РФ важно понимать, как субъект относится к совершенным действиям. Как он видит моральную окраску происходящего, относится к моральным и нравственным результатам совершенного поступка. Приведем пример ситуации, когда субъект, пребывая в алкогольном опьянении, по телефону заявляет о заложенном взрывном устройстве в здании магазина, продавец которого отказалась продавать ему спиртные напитки после 22:00. При этом он не нарушает общественного порядка в помещении магазина, не применяет ненормативной лексики в адрес продавца и посетителей. Основной смысл происходящего заключается в том, чтобы проучить кассира, проявить свое Эго, осознавая, что специализированные службы и правоохранительные органы на продолжительное время приостановят работу магазина, что нарушит спокойствие

[1] См.: Голик Ю.В. Ответственность за хулиганство: изменение законодательства // LexRussica. 2017. № 8. С. 162-166.

граждан. Субъект желает продемонстрировать свою «находчивость» и способность отомстить своему обидчику. Однако, сложно точно ответить, насколько за таким мотивом скрывается желание проявления явного неуважения к окружающим его людям и нарушить общественный порядок.

Дать точный ответ на данный вопрос невозможно. Вполне возможно, что его действия нацелены на грубое нарушение общественного порядка. Однако, может быть, что субъект не желает нарушать общественный порядок или относится к данному факту безразлично. Он не проявляет ярко выраженное неуважение к обществу. Данный факт характеризует прямой умысел. Основная цель происходящего – демонстрация собственной значимости. Подобное описание мотива субъекта вполне уместно.

Существует интересное уточнение. Приверженцы и прямого, и косвенного умысла часто анализируют восприятие субъектом возможным последствий. В рамках оценки анализу подвергается содержание поведения лица, а не исключительно абстрактный факт грубого воздействия на общественный порядок. Когда потерпевший претерпел воздействие, которое негативно сказалось на его здоровье, то подробное описание данного действия должно подтверждаться материалами уголовного дела.

Вот почему следует понимать, что определенные нормы закона содержат конкретный список противоправных деяний, за которые наступает уголовная ответственность. Вот почему в рамках хулиганства не выделяется собственная объективная сторона.

Существуют ситуации, в которых субъект имеет цель – нанести вред здоровью потерпевшего лица. Иногда такое деяние оценивается как хулиганство и многие исследователи вопрошают, в чем принципа такой квалификации. Однако, существует мнение, что причиной такому является, возможно, место совершения преступления. Данная характеристика воспринимается как нонсенс. Квалифицировать преступление по месту его совершения можно тогда, когда данное обстоятельство относится к признаку состава преступления[1].

Таким образом, резюмируя изложенные суждения, следует сказать, что хулиганский мотив в составе заведомо ложного сообщения об акте терроризма (ч.1 ст. 207 УК РФ), имеет принципиальное значение для квалификации и отграничения от общей нормы, предусматривающей ответственность за хулиганство (ст. 213 УК РФ). Однако, этот признак не является конструктивным в составе ч.2 ст. 207 УК РФ, где дестабилизация деятельности органов власти представляет собой конечную цель преступного посягательства, в то время как его мотив не оказывает влияния на квалификацию.

[1] См., например: Уголовное право Российской Федерации. Общая и Особенная части: учебник / Т.Б. Басова, Е.В. Благов, П.В. Головненков и др.; под ред. А.И. Чучаева. М.: КОНТРАКТ, ИНФРА-М, 2013.

Шкаплеров Юрий Павлович,
кандидат юридических наук, доцент,
первый заместитель начальника
Могилевского института МВД Республики Беларусь

Значение свода законов Российской империи для уголовно-процессуальной деятельности и доктрины

Первая четверть XIX в. для юридической сферы жизни Российской империи характеризовалась наличием длящегося хаоса как в нормативном регулировании общественных отношений, так и в правоприменительной деятельности. Как результат, в указанный исторический период «юридическая практика неизменно сталкивалась с тем, что никто не мог назвать количество действующих узаконений, ручаться в достоверности того или иного правового акта, на основе которого решались дела в высших государственных учреждениях, не говоря уже о присутственных местах отдаленных губерний. Так, к 1830 г. при составлении Полного собрания законов Российской империи были собраны свыше 53 тыс. «действующих узаконений», хотя при дальнейшей проверке выяснилось, что их было около 30 тыс., то есть «имеющими юридическую силу» считались почти в два раза больше «узаконений»»[1]. В результате работы специально созданной комиссии по систематизации законодательства ее руководитель М.М. Сперанский в январе 1826 г. представил Императору Николаю I две записки – «Краткое историческое обозрение комиссии составления законов» и «Предложения к окончательному составлению законов». По мнению М.М. Сперанского, подлежало разобрать весь накопившийся законодательный массив и начать с хронологической инкорпорации российских узаконений. Результатом этой работы должно было стать Полное собрание законов Российской империи. Следующим этапом должна была стать тематическая инкорпорация законодательства России на уровне Свода законов Российской империи (далее – Свод законов), отдельные части которого объединили бы отраслевое законодательство. Такой подход к систематизации законодательства был одобрен, в результате чего в 1832 г. началось издание текста Свода законов, а с 1 января 1835 г. он вступил в юридическую силу[2]. Свод законов имел несколько источников, регламентирующих досудебное производство, а именно: Соборное уложение 1649 г., Артикул воинский 1715 г., Краткое изображение процессов или судебных тяжб 1715 г., Учреждения для управления губерний Всероссийской империи 1775 г., Устав Благочиния или Полицейский 1782 г. и др.

[1] Кодан С.В. М.М. Сперанский и создание Свода законов Российской империи // Вестник Сибирского юридического института МВД России. 2010. № 4. С. 89-90.

[2] Там же. С. 90-93.

Том XV Свода законов «Законы уголовные» состоял из двух книг. Книга 2 XV-го тома «Законы о судоустройстве по делам о преступлениях и проступках» являлась непосредственным продолжением Книги 1 «Уложение о наказаниях уголовных и исправительных» и, как не сложно догадаться из их названия, в этих книгах нормативно разделялись уголовное и уголовно-процессуальное право.

Исследователи по-разному оценивали этот источник права. Например, Д.Н. Блудов писал: «Наше уголовное судопроизводство... никогда не подвергалось общему, полному пересмотру и не было предметом особой, систематической законодательной работы. Нынешняя книга вторая XV-го тома Свода законов есть не что иное, как собрание разнородных постановлений, частию оставшихся от древнего нашего законодательства, частию от изданных впоследствии в разные времена, при общих или частных преобразованиях по судебной и административной частям, или же нередко и для разрешения каких-либо частных, или по крайней мере отдельных вопросов. От сего происходит, что сии постановления вообще неполны, не имеют необходимой между собой связи и надлежащего единства, а иногда и противоречат одни другим»[с. 65][1].

Вместе с тем, существовала ранее и существует сегодня иная точка зрения на значение Свода законов, согласно которой его издание «явилось существенным прорывом в правовом развитии России, создало условия для дальнейшего совершенствования правового регулирования отношений в стране, а также возможности для дальнейшего его упорядочивания, повысило уровень законности в деятельности государственных учреждений и правоприменительной практике, стало основой для изучения российского права и оказало значительное влияние на развитие и становление русской юридической науки и образования. В результате систематизационных работ в развитии юридической техники определилось и получило развитие направление…, связанное с упорядочением законодательства»[2].

Таким образом, в Своде законов, несмотря его критику, уголовно-процессуальная деятельность в общем и предварительное расследование в частности регламентировались довольно детально и, во многом, прогрессивно, обеспечивая защиту прав и свобод участников уголовного процесса. Н. Орлов, еще до принятия Свода законов писал: «В законах наших с мудрою дальновидностью предначертаны правила, формы и порядок производства след-

[1] Блудов Д.Н. Общая объяснительная записка к проекту нового Устава судопроизводства по преступлениям и проступкам. С. 65.

[2] Кодан С.В. М.М. Сперанский и создание Свода законов Российской империи // Вестник Сибирского юридического института МВД России. 2010. № 4. С. 95.

ствий, коими всякий производитель (следователь) необходимо должен руководствоваться»[1]. Вместе с тем, в практической деятельности многие положения законодательства не соблюдались подавляющим большинством должностных лиц. Д.Н. Блудов по этому поводу отмечал: «Нет сомнения, что сии правила, при точном оных исполнении, могли бы иметь весьма полезное влияние на правильное и беспристрастное производство следствий… К сожалению, на практике, оные не достигают своей цели. Известно, с какими неудобствами у нас сопряжено производство следствий общими полициями и как трудно судебным местам, а большею частию и совершенно невозможно, исправить допущенные следователями неправильности, упущения и злоупотребления»[2]. Много примеров таких вопиющих злоупотреблений полиции при производстве следствий в своей книге приводит И.В. Гессен[3]. В свою очередь, А.Ф. Кони так характеризовал полицейское следствие: «Безотчетный произвол, легкомысленное лишение свободы, напрасное производство обысков, отсутствие ясного сознания о действенном составе преступления, неумелость и нередко желание «покормиться», «выслужиться» или «отличиться» были характерными признаками производства таких следствий, причем ввиду того, что собственное признание обвиняемого считалось законом за «лучшее доказательство всего света», бывали случаи добывания его истязаниями и приемами замаскированной пытки»[4].

Как итог, в Российской империи до начала шестидесятых годов XIX в. «общественное сознание в отношении к полиции выражалось двояко: в высших и даже средних общественных слоях на полицию … смотрели свысока, с презрением, в низших – со страхом… Высшие слои … вовсе не считали своим долгом исполнять требований полиции, и даже сами еще предъявляли к ней свои претензии для ограждения своих юных птенцов от последствий их собственного бесчинства; военные же и лица, состоящие на службе, даже мелкие чиновники, опираясь на защиту своего начальства, смотрели на полицию еще бесцеремоннее; а средние промышленные и торговые классы отделывались ото всяких требований полиции, или приобретали где нужно ее содействие посредством взяток, получивших… характер постоянного жалования полицейским чинам. Оставалась затем почти бесправная масса низших городских обывателей, а в уездах – поселяне, но для них полиция была

---

[1] Орлов Н. Опыт краткого руководства для произведения следствий с показанием приличных узаконений. Москва: Унив. тип. 1833. С. 24.

[2] Блудов Д.Н. Общая объяснительная записка к проекту нового Устава судопроизводства по преступлениям и проступкам. С. 68.

[3] Гессен И.В. Судебная реформа. СПб.: Типолитогр. Ф. Вайсберга и П. Гершунина, 1905. С. 15-23.

[4] Цит. по: Чельцов-Бебутов М.А. Курс уголовно-процессуального права / Печатается по изд.: Чельцов-Бебутов М.А. Очерки по истории суда и уголовного процесса в рабовладельческих, феодальных и буржуазных государствах. М., 1957. СПб.: Равена, Альфа, 1995. С. 738

уже не охраной, а самым строгим и придирчивым начальством, от притязаний коего необходимо было откупаться. В таком положении дела полиция действовала энергически только когда ее деятельность была на виду у начальства: при… крупных кражах, выдающихся убийствах, хотя и тут при производстве следствий допускалось корыстное пристрастие»[1]. Как эмоционально писал Н. Гартунг: «предоставление полиции вчинять производство следствия тяжелым гнетом давило общество и заставляло полицию вмешаться во все и привязываться ко всему. Это превращало полицию в страшилище»[2].

Конец всему этому правовому хаосу положила судебная реформа 1864 г., коренным образом изменившая весь уголовный процесс Российской империи. Однако, вполне справедливо критикуя положения Свода законов и правоприменительную деятельность того времени, не стоит выплескивать из ванны с грязной водой и самого ребенка, т.к. «при самом элементарном, но сколько-нибудь беспристрастном знакомстве с прежними судебными формами и органами, …нельзя выводить заключения, будто … накануне реформы 1864 года все формы и органы нашего суда имели значение только отрицательное, сводились, с точки зрения практической годности, лишь к нулю и подлежали во всем своем объеме и во всех своих традициях бесповоротной замене исключительно новыми»[3].

Как уже отмечалось, уголовно-процессуальная деятельность в Своде законов регламентировалась вполне прогрессивно, создавая (как минимум, на бумаге) механизм защиты законных интересов ее участников. Так, книга 2 тома XV названного нормативного акта содержала четкие гарантии защиты прав обвиняемого, полностью коррелирующие правовым нормам сегодняшнего дня. В частности, обвиняемому гарантировалось право предоставлять «все, что может служить к его оправданию», лицо, производящее следствие, не могло отказаться от проверки показаний обвиняемого и проведения «исследований», необходимых последнему. Кроме того, прокурор и уездный стряпчий, осуществлявшие надзор за расследованием, были «обязаны смотреть, чтобы следствия производились с возможною скоростью, чтобы при том не происходило… пристрастных допросов, бесчеловечных истязаний и притеснений невинности»[4], а уездный стряпчий также обязывался заботиться о том, «чтобы обвиняемый воспользовался всеми способами, законом к его защите предоставленными» (ст. 144-145 Книги 2 тома

---

[1] Фукс В.Я. Суд и полиция. В 2-х ч. Ч. 1. М.: Унив. тип., 1889. С. 218-219.

[2] Гартунг Н. История уголовного судопроизводства и судоустройства Франции, Англии, Германии и России принаровленная к университетскому курсу. СПб.: Тип. Э. Аргольда, 1868. С. 144-145.

[3] Фукс В.Я. Суд и полиция. В 2-х ч. Ч. 1. М.: Унив. тип., 1889. С. 9-10.

[4] Оболенский И.И. Практическое руководство к производству уголовных следствий, составленное по Своду законов. Ч. 2. Формальное следствие: [В 2 ч.]. Москва: Тип. Александра Семена, 1855. С. 14.

XV Свода законов). Также, по общему правилу, для представления интересов обвиняемого в ходе следствия должны были присутствовать депутаты. В качестве последних выступали представители той сословной части общества, к которой принадлежало лицо, подозреваемое в совершении преступления (ст. 76, 150 Книги 2 тома XV Свода законов). Депутаты по окончании следствия своей подписью удостоверяли его правильность, при этом допускалась фиксация мнения и несогласия названных участников уголовного процесса (ст. 152 Книги 2 тома XV Свода законов). Кроме того, по окончании предварительного расследования законодатель запрещал учреждениям и должностным лицам, передающим дела в суд, «излагать своих по делу мнений и заключений», «потому что суждение о деле предоставлено законами судебным местам» (ст. 283 Книги 2 тома XV Свода законов)[1].

Таким образом, подводя итог вышеизложенному, представляется правильным отметить, что ненадлежащая организация уголовно-процессуальной деятельности в Российской империи до судебной реформы 1864 г. в большей мере была обусловлена не несовершенством действовавшего в тот период Свода законов, а системными просчетами в правоприменительной деятельности.

Яковлева Лариса Владимировна,
доктор юридических наук, доцент,
главный научный сотрудник
научно-исследовательского центра № 5
по исследованию проблем расследования преступлений
Всероссийского научно-исследовательского
института МВД России

Культурные и уголовно-правовые традиции охраны несовершеннолетних, инвалидов, престарелых, или еще раз к вопросу об оценочных понятиях Уголовного кодекса Российской Федерации

Без стариков у общества нет прошлого, без детей – будущего. Эта парадигма присуща любому социуму, независимо от вида общественно-экономической формации, хотя при первобытнообщинном строе сохранение жизни пожилым людям (порой и детям) зависело от их возможности приносить пользу своему племени[2]. С развитием социально-экономических отно-

[1] Стояновский Н. Практическое руководство к русскому уголовному судопроизводству. СПб.: Тип. Карла Краля, 1852. С. 106.

[2] Коновалова Г.М. Генезис отношения к стареющему обществу и формы его поддержки // Вестник Университета. 2013. № 13. С. 207-208.

шений формировались и передавались из поколения в поколение культурные традиции о необходимости повышенной заботы о тех, кто в ней особенно нуждается.

Несовершеннолетние, инвалиды, престарелые относятся к наиболее уязвимым категориям населения. В обществах, разделенных на сословия, вопрос о помощи богатым гражданам не вставал. О них заботились их семьи. Те, кто принадлежал к низшим слоям, у кого не было достаточно средств к существованию, и кто не мог сам себя обеспечивать, оказывались в бедственном положении. На помощь им приходили церковь, государство, граждане.

Уже в 996 г. киевским князем Владимиром Святославовичем был издан Устав, которым над стариками, сиротами, вдовами, каликами перехожими, «хромцами», «слепцами», юродивыми и блаженными устанавливался патронат церкви[1]. В дальнейшем постепенно развивается сеть благотворительных учреждений для малоимущих слоев населения, таких как больницы, сиротские дома, аптеки, богадельни, дома для неизлечимо больных, дома работные[2]. В советский период государство продолжило оказывать содействие социально незащищенным слоям населения, отвечало за эту работу специальное ведомство. В настоящее время Министерство труда и социальной защиты Российской Федерации решает вопросы социальной защиты населения, в том числе семьи, женщин и детей, граждан пожилого возраста и ветеранов, опеки и попечительства в отношении совершеннолетних недееспособных или не полностью дееспособных граждан, социального обслуживания населения, реабилитации инвалидов и пр.[3]. Соответствующие права граждан закреплены в ст. 7 Конституции Российской Федерации, хотя решение многих социальных вопросов зависит от уровня культуры общества и наличия соответствующих финансовых возможностей государства, благотворительных и иных общественных организаций[4].

---

[1] Зуев Ю.П. История государственно-конфессиональных отношений в России. Вып. 1 // URL: https://azbyka.ru/otechnik/Istorija_Tserkvi/istorija-gosudarstvenno-konfessionalnyh-otnoshenij-v-rossii-20-nachalo-21-veka-vypusk-1/1_1 (дата обращения: 8 августа 2021); Басов Н.Ф. Развитие призрения и помощи семьям в дореволюционной России // Вестник Костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова. Сер.: Педагогика. Психология. Социальная работа. Ювенология. Социокинетика. Т. 21. 2015. № 1. С. 149-153.

[2] История социальной службы в России / Министерство труда и социального развития Республики Саха (Якутия) // URL: https://mintrud.sakha.gov.ru/istorija-sotsialnoj-sluzhby-v-rossii (дата обращения 8 августа 2021).

[3] Постановление Правительства РФ от 19.06.2012 № 610 (ред. от 08.10.2021) «Об утверждении Положения о Министерстве труда и социальной защиты Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2012. № 26. Ст. 3528.

[4] Цикалюк М.В. Отношение современного общества к лицам с ограниченными возможностями // Система ценностей современного общества. 2008. № 2. С. 128-130.

В уголовном законодательстве вслед за развитием общества постепенно формировались нормы, охраняющие рассматриваемые категории лиц. При этом законодательство прошло длительный эволюционный путь от охраны человека в зависимости от сословия («дети господина» и «рабьи дети»)[1] до гарантированного всем равного права на защиту уголовно-правовыми средствами.

Уголовный кодекс Российской Федерации (далее – УК РФ) сохраняет преемственность в обеспечении защиты несовершеннолетних и отчасти лиц пожилого возраста от преступных посягательств. Инвалиды могут входить в две эти группы, т. е. быть несовершеннолетними или престарелыми, но могут не включаться в них, поскольку каждая из названных двух групп имеет определенные возрастные ограничения. К несовершеннолетним относят лиц до 18 лет, к пожилым – старше 60 лет.

Охрана трем перечисленным категориям лиц обеспечивается, как правило, одними и тема же нормами. В п. «з» ч. 1 ст. 63 УК РФ в качестве обстоятельства, отягчающего наказание, указано совершение деяния в отношении малолетнего, другого беззащитного или беспомощного лица либо лица, находящегося в зависимости от виновного; в ряде статей также повышенная ответственность установлена за совершение преступления в отношении малолетнего (несовершеннолетнего) или иного лица, заведомо для виновного находящегося в беспомощном состоянии (п. «в» ч. 2 ст. 105, п. «б» ч. 2 ст. 111, п. «в» ч. 2 ст. 112, п. «г» ч. 2 ст. 117 УК РФ). Беспомощное состояние является и обязательным элементом отдельных составов преступлений (ст. 125, 131, 132 УК РФ). Вместе с тем, в отличие от двух других групп, в УК РФ криминализированы деяния, направленные непосредственно против интересов лиц, не достигших 18-летнего возраста (ст. 150, 151, 230, 242.1, 242.2 УК РФ и др.), либо несовершеннолетие жертвы признается квалифицирующим признаком соответствующего деяния (ст. 110.1, 241 УК РФ и др.). Кроме того, уголовный закон содержит нормы, в равной степени охраняющие несовершеннолетних и недееспособных (ч. 2 ст. 202 УК РФ), а также несовершеннолетних и отчасти пожилых людей (ч. ч. 1 и 2 ст. 156 УКРФ). В этой связи обоснованным будет вывод о том, что именно несовершеннолетним в УК РФ гарантируется усиленная защита, интересы двух других категорий жертв преступлений охраняются в рамках отнесения состояния лиц в момент совершения в отношении них преступления к беспомощному.

Понятие беспомощности раскрывается в ряде постановлений Пленума Верховного Суда РФ. Так, преступление признается совершенным в отношении беспомощного лица, если лицо «в силу своего физического или психического состояния (слабоумие или другое психическое расстройство,

[1] Российское законодательство X-XX веков. В 9-ти томах. Т. 1. Законодательство Древней Руси. М.: Юрид. лит. 1984. С. 47-49.

физические недостатки, иное болезненное либо бессознательное состояние), возраста (малолетнее или престарелое лицо) или иных обстоятельств не могло понимать характер и значение совершаемых с ним действий либо оказать сопротивление виновному»[1]. В другом постановлении разъясняется, что таким лицом следует признавать потерпевшего, не способного «в силу физического или психического состояния защитить себя, оказать активное сопротивление виновному … К иным лицам, находящимся в беспомощном состоянии, могут быть отнесены, в частности, тяжелобольные, престарелые, лица, страдающие психическими расстройствами, лишающими их способности правильно воспринимать происходящее»[2].

В ст. 125 УК РФ малолетство, старость и болезнь отделены от беспомощности разделительным союзом «или», т.е. беспомощность в контексте этой статьи кодекса не включает возрастные признаки или состояние здоровья. Такое понимание основано на нормах русского языка, поскольку союз «или» «указывает на необходимость выбора между предложениями или членами предложения»[3]. В связи с этим толкование некоторыми авторами применительно к данной статье признака беспомощности расширительно, с включением в него и возраста, и болезни, является не основанным на законе[4]. Совершенно справедливо в ст. 125 УК РФ не упоминается ни о какой возможности потерпевшего противостоять обидчику, поскольку оставление в опасности не предполагает активных действий со стороны субъекта преступления в отношении жертвы. Преступление, предусмотренное данной статьей, совершается путем бездействия.

Таким образом, общераспространенный вывод о том, что «беспомощное состояние – это неспособность потерпевшего защитить себя в силу физического или психического состояния» нуждается в уточнении. Правильнее было бы говорить не о самозащите лица, а об отсутствии у него возможности препятствовать (противостоять) наступлению негативных последствий. В таком понимании признак беспомощности оказывался бы применимым и к ст. 125 УК РФ.

---

[1] Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 04.12.2014 № 16 «О судебной практике по делам о преступлениях против половой неприкосновенности и половой свободы личности» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2015. № 2.

[2] Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.01.1999 № 1 (ред. от 03.03.2015) «О судебной практике по делам об убийстве (ст. 105 УК РФ)» // Бюллетень верховного Суда РФ. 1999. № 3.

[3] Киянова О.Н. О некоторых проблемах языкового выражения норм права // Закон и законодатель: проблемные вопросы законотворческого процесса. Материалы междунар. научно-практич. конф. (Москва, 24 ноября 2014 г.). М.: РПА Минюста России. 2015. С. 111.

[4] Кауфман М. Возрастные признаки потерпевшего: дискуссионные аспекты уголовно-правовой регламентации // Уголовное право. 2015. № 4. С. 22.

Возвращаясь к анализу иных признаков, которыми характеризуется беспомощность в разъяснениях высшей судебной инстанции, следует отметить, что в первом из названных выше постановлений определен более широкий круг лиц, признаваемых находящимися в беспомощном состоянии, чем во втором. В первом же постановлении упоминаются и те, кто имеет физические недостатки (т.е. скорее всего имеются в виду именно инвалиды), а также малолетние. Престарелых называют в обоих постановлениях. Как видим, с формулировкой п. «з» ч. 1 ст. 63 УК РФ признаки, перечисленные в двух постановлениях, совпадают частично. Большинство исследователей проблемы беспомощности соглашаются с тем, что этим термином должны охватываться именно эти лица. При этом уже многие годы не утихают споры по поводу необходимости включения в понятие беспомощности состояния сна и опьянения[1]. Некоторые авторы признают их беспомощным состоянием[2], другие нет[3]. Отсутствует единообразие в этом вопросе и в разъяснениях высшей судебной инстанции РФ: применительно к изнасилованию и иным насильственным действиям сексуального характера сильная степень опьянения может быть оценена как беспомощное состояния, при убийстве нет.

Понятие «беспомощного состояния» относится к категории оценочных. В науке до сих пор ведутся дискуссии о необходимости закрепления в УК РФ некоторых из таких понятий, к числу которых относится рассматриваемое.

Оценочные понятие необходимы в уголовных кодексах[4], «…поскольку зачастую дать четкое и недвусмысленное описание всех вариантов или характеристик того или иного элемента уголовно-правового отношения не представляется возможным»[5]. А.В. Наумов считает, что в оценочном понятии отражаются «те признаки состава преступления, которые определяются не законом или иным нормативно-правовым актом, а правосознанием лица, которое применяет соответствующую норму, исходя из конкретных

---

[1] Брыка И.И. Понятие беспомощного состояния в уголовном законодательстве России // Вестник Российской правовой академии. 2016. № 4. С. 57.

[2] Бородин С.В. Преступления против жизни. Новое уголовное право России. Учебное пособие. Особенная часть. М.: Зерцало, ТЕИС. 1996. С. 28; Володин Д., Попов А. Сон и сильная степень опьянения как обстоятельства, свидетельствующие о беспомощном состоянии потерпевшего при убийстве // Уголовное право. 2002. № 3. С. 43-46 и др.

[3] Красиков А.Н. Преступления против права человека на жизнь. Саратов: Изд-во Саратовск. ун-та. 1999. С. 89 и др.

[4] Кудрявцев В.Н. Общая теория квалификации преступлений. М.: Юрид. лит. 1972. С. 138.

[5] Кауфман М.А. Неопределенность правовых предписаний как причина возникновения правоприменительных ошибок // Уголовное право: стратегия развития в XXI веке: мат. IX Междунар. научно-практ. конф. (23-24 января 2020 г.). М.: Проспект. 2020. С. 720.

обстоятельств дела»[1]. В этом, по мнению некоторых авторов, состоит негативное качество оценочных понятий, неверное толкование которых может привести к судебным ошибкам и нарушениям законности[2]. При этом, если включенное в кодекс и «определенное однажды понятие обеспечивает смысловое единство во всех последующих случаях его применения»[3], то это понятие должно охватывать все явления данного класса, но не становиться при этом безразмерным.

Анализ содержания рассматриваемого понятия показывает, что возрастной признак не может в полной мере характеризовать состояния лица как беспомощное. Изучая малолетних, Е.Б. Доронина приходит к выводу, что до определенного возраста (до 3 лет) каждый ребенок беспомощен и физически, и психически. Впоследствии, по мере взросления нормально развивающийся ребенок начинает адекватно воспринимать окружающую действительность, что позволило названному автору прийти к выводу, в соответствии с которым «в случае убийства ребенка, достигшего трехлетнего возраста и старше, признавать его следует, прежде всего, физически, нежели психически беспомощным»[4]. В другой работе указывается, что «для признания потерпевшей, достигшей 12-летнего, но не достигшей 14-летнего возраста, недостаточно лишь возрастного признака, а необходимо еще установить, что в силу возраста, уровня развития и иных причин потерпевшая на могла понимать характера и значения совершаемых с ней действий…»[5].

Применительно к действующему законодательству и сложившейся правоприменительной практике приведенные доводы справедливы и в отношении лиц пожилого возраста[6], для которых определять наличие состояния беспомощности следует по совокупности всех обстоятельств, а не основываясь исключительно на возрастном показателе. Между тем в последние

---

[1] Наумов А.В. Применение уголовно-правовых норм. По материалам следственной и прокурорско-судебной практики: Учебное пособие / Наумов А.В. - Волгоград: Изд-во ВСШ МВД СССР, 1973. С. 97.

[2] Питецкий В.В. Некоторые перспективы дальнейшего использования оценочных понятий в советском уголовном праве // Конституция СССР и дальнейшее повышение эффективности норм уголовного права. Свердловск: Свердловск. УрГУ. 1980. С. 65-66.

[3] Кругликов Л.Л., Смирнова Л.Е. Унификация в уголовном праве. СПб.: Изд-во Юридический центр «Пресс». 2008. С. 205.

[4] Доронина Е.Б. Уголовно-правовая оценка категории «малолетие» в составе убийства // Мат. IV Междунар. научно-практ. конф., посвященной 250-летию образования Моск. гос. ун-та имени М.В. Ломоносова и состоявшейся на юрид. фак. МГУ им. М.В. Ломоносова, 27-28 мая 2005 г. М.: ЛексЭст. 2005. С. 170-171.

[5] Беспомощный потерпевший в уголовном законе и судебной практике: некоторые вопросы квалификации // Уголовное право. 2017. №. 5. С. 42

[6] Барышева К.А. Коллизии определения наличия признака беспомощности потерпевшего в некоторых составах преступлений // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2016. № 4. С. 125.

годы все чаще совершаются преступления против этой категории населения, связанные с посягательствами на жизнь и здоровье пожилых людей. По данным Всемирной организации здравоохранения (далее – ВОЗ), в течение 2020 г. почти каждый шестой житель планеты в возрасте старше 60 лет подвергался жестокому обращению в быту (в семье или в домах престарелых), а за время пандемии COVID-19 жестокое обращение с пожилыми людьми стало еще более распространенным явлением. Такое обращение не проходит бесследно для пожилых людей. Помимо физического вреда им причиняется серьезный психологический вред[1]. Вследствие снижения когнитивных способностей пожилые люди также очень часто становятся жертвами преступлений против собственности.

Эти обстоятельства стали поводами для разработки законопроектов, предусматривавших установление повышенной ответственности за совершение преступлений против пожилых лиц. В частности, предлагалось в качестве нового квалифицирующего признака предусмотреть убийство лица, достигшего 70-летнего возраста[2]. Верховный Суд РФ в отрицательном отзыве указал, что данный признак является формальным описанием объективной стороны преступления, не учитывающим субъективную сторону (заведомость совершения преступления). Кроме того, возрастной признак уже учтен в понятии «беспомощное состояние»[3]. Отсутствие субъективного критерия – осознания беспомощного состояния жертвы – нельзя счесть веским аргументом против дополнения УК РФ предлагавшимся в проекте закона признаком. Этот недостаток легко было преодолеть, предусмотрев в этом признаке «заведомость», хотя ее отсутствие не исключает же уголовной ответственности за изнасилование, и никакого нарушения принципа вины в этом случае Верховный Суд РФ не усматривает. В связи с этим не ясно, почему же применительно к преступлению, совершенному в отношении пожилого человека, надо обязательно, чтоб заведомость сохранялась.

В качестве более серьезного аргумента выступает указание на охват уязвимого положения жертвы понятием «беспомощное состояние», которое содержится в п. «з» ч. 2 ст. 63 УК. Этот же довод был приведен в официальном отзыве Верховного Суда РФ на проект другого закона, которым предлагалось дополнить ч. 3 ст. 161 УК РФ таким новым квалифицирующим

---

[1] Жестокое обращение с пожилыми людьми. Всемирная организация здравоохранения // URL: https://www.who. int/ru/news-room/fact-sheets/detail/elder-abuse (дата обращения: 15 сентября 2021).

[2] Проект Федерального закона № 465443-6 «О внесении изменения в статью 105 Уголовного кодекса Российской Федерации» (ред., внесенная в ГД ФС РФ, текст по состоянию на 04.03.2014) // СПС «КонсультантПлюс».

[3] Официальный отзыв Верховного Суда РФ от 25.12.2013 № 2-ВС-5687/13 «На проект Федерального закона «О внесении изменения в статью 105 Уголовного кодекса Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

признаком, как совершение грабежа в отношении лица, достигшего 70-летнего возраста. Формальность этого признака, по мнению Верховного Суда РФ, не позволяет судить ни о физическом, ни о психическом состоянии пожилого человека и не характеризует размер ущерба, причиняемого жертве преступлением[1].

Все это справедливо, но изучение судебной практики показало, что учет отягчающего обстоятельства, указанного в ч. 2 ст. 63 УК РФ, почти никогда не влечет назначения более сурового наказания, чем то, которое могло быть назначено без этого признака, а вид и размер наказания определяется в рамках санкции статьи (части статьи) кодекса, по которой осуждается лицо. Исключение составляет п. «а» ч. 2 ст. 63 УК РФ, поскольку существуют специальные правила назначения наказания при рецидиве (ч. 2 ст. 68 УК РФ).

Между тем, если бы в некоторых статьях УК РФ, устанавливающих ответственность за преступления против собственности, был бы в качестве самостоятельного все же предусмотрен признак совершения преступления в отношении пожилого лица, то виновный был бы наказан строже. С тем, чтобы учесть также и размер вреда, причиняемого жертве, этот признак следует закрепить не в качестве квалифицирующего обстоятельства, а как самостоятельный состав в частях 1.1 таких преступлений, как кража (ст. 158 УК РФ), мошенничество (ст. 159 УК РФ) и мошенничество с использованием электронных средств платежа (ст. 159.3 УК РФ). Потерпевшими именно от этих преступлений наиболее часто становятся пожилые люди. В этих новых составах не должно быть признака заведомости, хотя о немолодом возрасте жертвы преступник может судить и по ее внешним данным, и по голосу. Более обоснованным представляется установить достижение не 70 лет в качестве критерия пожилого возраста, а 65 лет (с учетом нового возраста выхода на пенсию[2]), хотя ВОЗ считает пожилыми людей старше 60 лет.

В УК РФ такой технический прием введения новелл в текст кодекса был применен при конструировании квалифицированных составов, например, в ст. 171.1, 238.1.

Реализация высказанных предложений и закрепление соответствующих норм в названных преступлениях против собственности УК РФ повысили бы уровень защищенности лиц пожилого возраста. Эти новые предпи-

---

[1] Официальный отзыв Верховного Суда РФ от 28.11.2013 № 2-ВС-5216/13 «На проект Федерального закона «О внесении изменения в статью 161 Уголовного кодекса Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

[2] Федеральный закон от 28.12.2013 № 400-ФЗ (ред. от 30.04.2021) «О страховых пенсиях» // Собрание законодательства РФ. 2013. № 52 (часть I). Ст. 6965.

сания закона распространялись бы и на инвалидов, достигших соответствующего возраста. Включение аналогичного признака в преступления против жизни или здоровья нецелесообразно. Для учета возрастных особенностей и состояния здоровья жертв этих преступлений достаточно квалифицирующих признаков, включенных в статьи главы 16 УК РФ, в которых закреплена ответственность за наиболее тяжкие из этих преступлений.

Представляется необоснованным стремление некоторых авторов включить в УК РФ определение всех оценочных понятий[1], особенно дефиницию «беспомощного состояния» в том виде, в каком его принято понимать в настоящее время из-за его неоднозначности и довольно широкого содержания[2]. Законодателю пришлось бы описывать слишком много входящих в него параметров - волевой и интеллектуальный критерии, возрастные данные и сведения о состоянии здоровья. В данном случае следует признать оправданным мнение Конституционного Суда РФ, в соответствии с которым «требования, предъявляемые к качеству уголовного закона, не означают, что при формулировании его предписаний не могут использоваться оценочные или общепринятые понятия (категории), позволяющие учесть необходимость эффективного применения уголовно-правовых запретов к неограниченному числу конкретных правовых ситуаций»[3].

В заключение хотелось бы отметить, что если об уровне цивилизации современного российского общества судить по его отношению к несовершеннолетним, престарелым и инвалидам, то придется признать, что их охрана уголовно-правовыми средствами нуждается в усилении.

---

[1] Шумилина О.С. Оценочные понятия в Уголовном кодексе Российской Федерации и их использование в правоприменительной деятельности: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. М., 2002. С. 8.

[2] Пронина М.П. Коллизии интерпретационных положений Особенной части уголовного кодекса Российской Федерации в части определения критериев оценочного признака потерпевшего «беспомощное состояние» // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2019. № 2 (46). С. 152-153.

[3] Определение Конституционного Суда Российской Федерации об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Пидлиснюка Дмитрия Александровича на нарушение его конституционных прав положениями статей 285 и 303 Уголовного кодекса Российской Федерации, статей 38, 52, 56, 72, 150, 151, 281, 401.1 и 40115 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации и статьи 12 Федерального закона «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

Стальбовский Вадим Викторович,
магистр юридических наук,
преподаватель кафедры уголовно-исполнительного права
Академии МВД Республики Беларусь

О необходимых концептуальных основах уголовной политики противодействия преступлениям сексуальной направленности

Нейтрализация преступности, несущей существенную угрозу национальной безопасности любой развитой страны, должна основываться в соответствии с эффективными международными практиками и инновациями предупреждения преступлений и соответствовать развитию и усложнению многогранности и сложности той или иной сферы общественных отношений, на которую осуществляется посягательство преступным миром, в лице все более изощренных и бесстрашных преступных индивидов. Защита и воля которых все более фундаментально основаны на формировании нового деструктивного сознания, сопряженного с компьютерной зависимостью и формированием мировоззрения, связанного с триггером вседоступности и вседозволенности.

Зачастую, эффективность средств предупреждения преступлений на постсоветском пространстве идет со значительным отставанием от развития преступных схем и способов совершения преступлений, что обусловлено лояльностью со стороны уголовного законодательства в виду мягкости наказаний за тяжкие преступления, а также отсутствием практики внедрения новых инновационных эффективных средств предупреждения преступлений, в том числе профилактику в интернет-среде, за которой лежит будущее успешного купирования преступных проявлений.

В соответствии со статьей 27 концепции национальной безопасности Республики Беларусь утвержденной указом Президента Республики Беларусь от 9 ноября 2010 года №575 одними из основных потенциально опасных либо реально существующих угроз для Республики Беларусь являются: утрата значительной частью граждан традиционных нравственных ценностей и ориентиров; рост преступных и иных противоправных посягательств против личности (в том числе против будущего поколения, от которого зависит состояние основных показателей демографии).

В области уголовных правоотношений фундаментальным направлением национальной безопасности, формирующим стратегию уголовной политики, является вопрос защиты половой неприкосновенности и половой свободы несовершеннолетних, как одного из ориентиров защиты духовно-нравственного и морального аспекта жизнедеятельности общества.

Анализ данных уголовной статистики за последние семь лет свидетельствует о существенном увеличении количества преступлений против

половой неприкосновенности или половой свободы несовершеннолетних: если в 2013 г. выявлено 110 таких преступлений (56 тяжких и особо тяжких), то уже в 2017 г. в сфере противодействия педофилии зафиксировано 533 преступления (326 тяжких и особо тяжких), в 2018 г. – 831 преступление (513 тяжких и особо тяжких), в 2019 г. – 703 преступление (433 тяжких и особо тяжких), в 2020 г. – 691 преступление (371 тяжких и особо тяжких).

Установлено несовершеннолетних, потерпевших от педофилии, в 2019 г. – 477, из них малолетних – 179, а в 2020 г. – 471 (177) соответственно.

Значительный рост указанного вида преступлений свидетельствует об особой уязвимости несовершеннолетних, защита которых требует комплексного подхода в разработке и реализации мер уголовно-правового и криминологического характера.

Социально-экономическое развитие общественных отношений стремительно и многогранно, зачастую носит агрессивно-криминогенную направленность в определенных сферах жизнедеятельности общества, от чего, в первую очередь, страдают несовершеннолетние. Несовершеннолетние уязвимы, подвергаются жестокому обращению: в семьях и интернатах, школах и специальных учреждениях.

Все вышеперечисленное свидетельствует о необходимости усиления обеспечения личной неприкосновенности и безопасности несовершеннолетних со стороны государства и общества от противоправных посягательств.

Несмотря на проводимую работу государственных органов в направлении защиты жизни и здоровья детей, их интересов и прав, вопрос половой неприкосновенности и свободы несовершеннолетних зачастую носит дискуссионный характер. Отсутствует систематический анализ криминологической обстановки в сфере половой неприкосновенности и половой свободы несовершеннолетних и состояния ее уголовно-правовой защищенности.

С учетом анализа основных факторов, тенденций, проблем, связанных с предупреждением преступлений, связанных с посягательством на половую свободу и половую неприкосновенность несовершеннолетних необходимо выделить следующие ключевые аспекты, обусловленные современными реалиями, с учетом мировых инновационных средств борьбы с преступностью, на которые необходимо акцентировать внимание для эффективной борьбы с преступниками-педофилами. Беря во внимание всю широту и многогранность тенденций по предупреждению такого рода преступлений в мировой практике, необходимо тезисно выделить основные направления, на которые необходимо акцентировать внимание в Республике Беларусь, учитывая ее экономическое состояние, геополитическую обстановку и социально-культурное развитие, без реализации которых количество преступлений такого рода будет только увеличиваться:

1) незначительные сроки наказаний, предусмотренных санкциями Уголовного Кодекса (далее – УК) Республики Беларусь. Проводя сравнительный анализ санкций статей за преступления против половой свободы и половой неприкосновенности в пределах стран СНГ, можно с уверенностью сказать, что в Республике Беларусь одни из наиболее гуманных санкции статей на постсоветском пространстве (например, УК Российской Федерации за изнасилование потерпевшей, не достигшей четырнадцатилетнего возраста в ч.4 ст.131 устанавливает лишение свободы на срок от 12 до 20 лет с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до 20 лет или без такового и с ограничением свободы на срок до двух лет, в тоже время УК Республики Беларусь устанавливает лишение свободы за аналогичное преступление на срок от 8 до 15 лет, без дополнительных наказаний). С учетом стабильности нарушений сексуального влечения у педофилов длительность такого уголовно-правового запрета для них представляется недостаточной[1];

2) назрел вопрос необходимости введения уголовной ответственности за хранение детской порнографии без цели сбыта, ведь по мнению научного сообщества порнография провоцирует педофилию. Введение такого запрета явилось бы действенной мерой профилактики в отношении тех, кто склонен к подобным преступлениям. Хранение детского порно признается преступным в Австрии, Великобритании, Германии, Канаде, Норвегии, Польше, США, Турции, Швеции, других странах. По данным американского национального центра помощи при пропаже и эксплуатации детей, 40% арестованных обладателей детской порнографии предпринимали попытки по меньшей мере совращения несовершеннолетних[2];

3) отсутствие института химической (имеется в США, Канаде, Великобритании, Франции) или хирургической кастрации (в Германии и Чехии) для преступников педофилов в Республике Беларусь. Наиболее экономически целесообразнее и эффективнее является безусловно хирургическая кастрация, к тому же она не имеет обратимых последствий;

4) поддержка финансирования специальных программ по обучению сотрудников всех подразделений по наркоконтролю и противодействию торговле людьми криминальной милиции Министерства внутренних дел Республики Беларусь применению специальных программных продуктов (CPS) (по линии противодействия изготовлению и (или) распространению порнографии (а это преступления, являющиеся детерминантами педофилических) выявлено 490 преступлений. Результаты по борьбе с детской порнографией (ст. 343[1] УК)

---

[1] Дьяченко А., Цимбал Е. Предупреждение педофильных посягательств // Уголовное право. 2009. № 2.

[2] МВД предлагает наказывать за коллекционирование детской порнографии [Электронный ресурс] TUT.BY. Минск, 2014. Режим доступа: http://news.tut.by/society/413891.html Дата доступа: 01.09.2021.

составляют 10% от всех преступлений рассматриваемого блока (45, из них по 8 уголовным делам подозреваемые лица не установлены);

5) установление уголовной ответственности за склонение лица, заведомо не достигшего 16-летнего возраста, к половому сношению, мужеложству, лесбиянству или совершению иных действий сексуального характера либо к изготовлению порнографических материалов или предметов порнографического характера, совершенное лицом, достигшим 18-летнего возраста, с использованием глобальной компьютерной сети Интернет, иной сети электросвязи общего пользования либо выделенной сети электросвязи (так называемый интернет-импакт – процесс вербального и невербального воздействия преступника на потенциальную жертву, состоящий из алгоритмов, приемов и способов, используемых в открытом и закрытом Интернет-сегменте, и направленный на совершение преступлений либо иных противоправных действий путем формирования инициатором зависимого состояния объекта воздействия с целью его открытой или латентной эксплуатации[1]). Стоит отметить что интернет-импакт является более точным определением воздействия на несовершеннолетних в отличие от часто употребляемого термина «интернет-груминг».

Качественное решение приведенных выше проблем и реализация их на практике позволит сделать значительный прорыв в борьбе с рассматриваемой категорией преступлений в отношении несовершеннолетних.

Проблемы сексуальной преступности относятся к числу наименее исследованных в криминологии, в первую очередь по причине слишком малого объема эмпирических данных, полученных в результате исследования личности сексуальных преступников и механизмов их преступного поведения. В сексуальной преступности сохраняется слишком много тайн которые ждут своей разгадки. Впрочем, как только они будут поняты, тотчас же появятся новые[2].

Подводя итоги проблематике противодействия преступлениям педофилической направленности, необходимо отметить, что превенция преступлений против половой неприкосновенности или половой свободы несовершеннолетних должна носить комплексный характер обусловленный стратегией уголовной политики, учитывая социальную формацию, тенденции мировой практики, которые имеют достаточно высокую эффективность и конкретные данные по снижению сексуальных преступлений против нашего будущего – детей, которые так уязвимы и незащищены в динамично развивающемся мире.

---

[1] Стальбовский В.В. Ответственность за совершение подготовительных действий к преступлениям против половой неприкосновенности или половой свободы несовершеннолетних с помощью информационного контента // Вестник Академии МВД Республики Беларусь. 2020. № 1. С. 147–151.

[2] Криминальная сексология: учебное пособие для студентов вузов, обучающихся по специальности «Юриспруденция» / [Г.Б. Дерягин и др.]. М.: ЮНИТИ-ДАНА: Закон и право, 2015. С.6.

Сырокваш Илья Сергеевич,
преподаватель кафедры
профессионально-прикладной физической подготовки
Академии МВД Республики Беларусь

О мерах уголовной превенции преступлений против половой неприкосновенности или половой свободы несовершеннолетних

Установлено, что сексуальные посягательства в отношении малолетних и несовершеннолетних причиняют существенный вред их здоровью. Нередко это выражается в причинении серьезных повреждений внутренних органов, прерывании нежелательной беременности, не говоря уже о других гипернегативных последствиях психологических и физических травм, не поддающихся оценке.

Несмотря на соответствующие предпринятые законодателем меры, вопрос усиления ответственности за преступления против половой свободы или половой неприкосновенности несовершеннолетних остается актуальным и активно обсуждается учеными, в связи с чем в части привлечения лиц к ответственности и отбытия ими наказания, включая действие института сроков давности, нуждается в дальнейшей более углубленной научной разработке.

Учитывая уровень латентности (по оценкам криминологов, количество преступлений в 8 раз может превышать реальное количество зарегистрированных) и степень общественной опасности рассматриваемого вида преступлений, по нашему мнению, за указанные преступления необходимо исключить срок давности привлечения к уголовной ответственности по всем рассматриваемым в данном случае составам преступлений против половой неприкосновенности или половой свободы несовершеннолетних. Данные изменения позволят обеспечить предупреждение преступных посягательств на жизнь, половую свободу или половую неприкосновенность несовершеннолетних. Виновные лица, совершившие такие общественно опасные посягательства, будут осознавать неотвратимость наступления уголовной ответственности и отбытия наказания вне зависимости от времени установления факта совершения преступного посягательства или исполнения обвинительного приговора. Неотвратимость ответственности наряду с жесткими санкциями способна снизить количество преступных посягательств.

В последние годы значительно возросло внимание мирового сообщества к повышению эффективности защиты детей от сексуальных посягательств[1] и предупреждению посягательств на их половую неприкосновенность[2]. В частности, высказываются определенные мнения и предложения о необходимости применения кастрации в отношении виновного лица за преступления против половой неприкосновенности или половой свободы. Добровольная химическая кастрация обычно применяется в отношении лица, впервые совершившего сексуальное посягательство. Принудительная химическая кастрация используется в качестве превентивной меры в случаях рецидива, а также при особо опасных сексуальных посягательствах (педофилия, инцест).

Так, в 2010 г. Польша стала первым европейским государством, законодательством которого за сексуальные преступления установлена обязательная химическая кастрация. Социологические опросы показали, что подавляющая часть (80 %) население этой страны поддержало принудительную химическую кастрацию[3].

Вместе с тем для выбора наиболее эффективных форм уголовно-правового реагирования за сексуальные посягательства в отношении несовершеннолетних необходимо учитывать социально-психологические особенности лиц, совершающих данные преступления, что обусловлено следующими обстоятельствами:

1) подавляющее большинство осужденных не состояли в браке. Неспособность создать семью, которая является оптимальной формой удовлетворения сексуальной потребности, повышает риск совершения осужденными многократных сексуальных преступлений;

2) длительное пребывание в местах лишения свободы затрудняет адаптацию указанных лиц, что также повышает риск совершения ими многократных преступлений, особенно против половой неприкосновенности детей. Эти обстоятельства дают основание рассматривать психокоррекционную помощь и химическую кастрацию как необходимые условия исправления осужденных и предупреждения совершения ими новых сексуальных преступлений, что требует внесения изменений в ст. 107 УК в части принудительных мер безопасности и лечения в отношении лиц, склонных к отклоняющемуся сексуальному поведению;

3) эффективность психологической коррекции осужденных за сексуальные преступления в значительной мере определяется особенностями их

---

[1] Хомич В.М. Преступления против половой неприкосновенности или половой свободы // Преступления против личности в уголовном праве Беларуси, России и Украины / П.П. Андрушко [и др.]; отв. ред. А.И. Чучаев. М., 2014. С. 114–157.

[2] Клюев А.А., Чепуров В.В. Спорные аспекты политики усиления ответственности за посягательства на половую неприкосновенность и половую свободу несовершеннолетних // Рос. следователь. 2012. № 5. С. 25–27.

[3] Коняхин В. Развратные действия // Законность. 2008. № 12. С. 16–17.

личности, включая готовность участвовать в психокоррекционных мероприятиях;

4) большая часть осужденных за преступления против половой неприкосновенности или половой свободы несовершеннолетних не имеет личностных особенностей, влияющих на эффективности психокоррекционной помощи, что предполагает необходимость существенного расширения ее объема как в местах изоляции названных лиц, так и после освобождения из них.

Специфика ненасильственных преступлений против половой неприкосновенности или половой свободы обусловлена объективно сексуальным характером совершаемых действий, а не внутренними побуждениями действующего лица. Правильная квалификация таких общественно опасных деяний осложнена неоднозначным толкованием терминов «половое сношение», «иные действия сексуального характера», «беспомощное состояние», «развратные действия». С целью устранения правового пробела в части законодательного определения указанных терминов считаем целесообразным внести определенные изменения в уголовное законодательство Республики Беларусь.

Вместе с тем при динамичности в современных условиях полового просвещения детей, агрессивности распространения порнографии и пропаганде форм и методов удовлетворения сексуальных потребностей молодежи осознание ими половых инстинктов и потребность удовлетворения приходят в достаточно раннем возрасте. Однако это не может означать разгула вседозволенности – общество и государство должны четко определить свою позицию по охране нравственного (в широком смысле) воспитания детей, привлечению к уголовной ответственности лиц, виновных в растлении детей.

В настоящее время в законодательстве Республике Беларусь не закреплены некоторые составы преступлений в рассматриваемой сфере. Существует опасность совершения деяний, ответственность за которые не предусмотрена в законодательстве (например, деяний в сети Интернет (интернет-импакт), посредством которого совершаются в том числе преступления в отношении несовершеннолетних). Не разработана терминология, касающаяся понятий, «интернет-сообществ педофилов», «сексуальная педопреступность»[1], которая обогатит не только криминологическую теорию, но и окажет прямое воздействие на совершенствование уголовного законодательства, особенно в части установления ответственности за участие в вышеприведенных сообществах, за использование интернет-импакта (интернет-импакт – процесс вербального и невербального воздействия преступ-

[1] Стальбовский В.В. О совершенствовании мер уголовно-правового и криминологического характера по предупреждению преступлений против половой неприкосновенности или половой свободы несовершеннолетних // Труд. Профсоюзы. Общество. 2019. № 3. С. 81–88.

ника на потенциальную жертву, состоящий из алгоритмов, приемов и способов, используемых в открытом и закрытом Интернет-сегменте, и направленный на совершение преступлений либо иных противоправных действий путем формирования инициатором зависимого состояния объекта воздействия с целью его открытой или латентной эксплуатации [1]). Стоит отметить, что интернет-импакт является более точным определением воздействия на несовершеннолетних в отличие от часто употребляемого термина «интернет-груминг») в преступных целях, что и поддерживается большинством (85 %) опрошенных граждан Республики Беларусь.

Для усиления профилактической роли уголовного закона видится логичным закрепить в ст. 166, 167, 169 УК Республики Беларусь новый квалифицирующий признак путем дополнения указанных статей положением следующего содержания: «в отношении деяний, предусмотренных частью 3 статьи 166, частью 3 статьи 167, частью 2 статьи 169, – совершенное близким родственником либо лицом, на которое возложены обязанности по содержанию или воспитанию несовершеннолетнего (малолетнего)».[2]

Санкции ч. 2 и 3 ст. 166, ч. 2 и 3 ст. 167, ч. 1 и 2 ст. 168, ч. 1 и 2 ст. 169 УК следует дополнить таким видом наказания, как лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью[3]. Это обусловлено тем, что около 35 % преступлений против половой неприкосновенности или половой свободы несовершеннолетних совершаются лицами, занимающими должностное положение, лицами, в обязанности которых входит воспитание и содержание несовершеннолетних (педагогии, учителя, воспитатели, врачи, государственные служащие и др.).

Принимая во внимание большую степень общественной опасности рассматриваемых преступных деяний, необходимо ограничить возможность условно-досрочного освобождения от наказания и замену наказания более мягким наказанием в отношении лиц, совершивших преступления, предусмотренные ст. 166–170 УК Республики Беларусь повторно.

Педофилические наклонности невозможно вылечить мерами воспитательного характера, в том числе такими инструментами воспитательного

---

[1] Стальбовский В.В. Ответственность за совершение подготовительных действий к преступлениям против половой неприкосновенности или половой свободы несовершеннолетних с помощью информационного контента // Вестн. Акад. МВД Респ. Беларусь. 2020. № 1. С. 147–151.

[2] Стальбовский В.В. Противодействие преступлениям против половой неприкосновенности или половой свободы несовершеннолетних: уголовно-правовые и криминологические меры / учреждение образования «Акад. М-ва внутр. дел Респ. Беларусь». Минск: Академия МВД, 2020.

[3] Стальбовский В.В. О совершенствовании мер уголовно-правового и криминологического характера по предупреждению преступлений против половой неприкосновенности или половой свободы несовершеннолетних // Труд. Профсоюзы. Общество. 2019. № 3. С. 81–88.

воздействия, как условно-досрочное освобождение и замена неотбытой части наказания более мягким наказанием, что подтверждает тезис о правомерности запрета институтов досрочного освобождения от наказания в местах отбывания наказания, предусмотренных уголовным и уголовно-исполнительным законодательством Республики Беларусь, без ущемления прав и свобод педофилов, совершивших преступление повторно. Однако в дальнейшем правомерно проработать вопрос о возможности применения в отношении них хирургической кастрации как одного из условий условно-досрочного освобождения и замены неотбытой части наказания более мягким наказанием.

Абисова Кристина Сергеевна,
преподаватель-методист группы
профессионального обучения
учебного отдела Крымского филиала
Краснодарского университета МВД России,
адъюнкт кафедры уголовного права и криминологии
Краснодарского университета МВД России

Геополитические факторы детерминации террористической деятельности

Анализ современных геополитических тенденций является в прямом смысле разговором о «настоящем будущем», что в разрезе рассмотрения их как одних из факторов детерминации террористической деятельности является стратегически важным. Наиболее яркой и емкой в контексте теории детерминации является цитата представительницы русской поэзии Серебряного века А.А. Ахматовой: «Будущее, как известно, бросает тень задолго до того, как войти».

В детерминационной цепи преступности именно политические интересы и конфликты (отношения) нередко определяют и экономические, и социальные отношения, при этом их отрицательные стороны, влияющие на преступность, в ряде случаев являются первичными[1].

Детерминизм террористической деятельности в геополитическом аспекте выводит ее обусловленность в зависимости от территориального расположения субъектов. В целом, территория (пространство), обладая статичностью во времени, является фундаментальным фактором, объясняющим происхождение тех или иных процессов в обществе. Геополитический анализ международных отношений помогает выработать систему предопределенности, касающейся распространения террористической деятельности.

[1] Кудрявцев В.Н., Эминов В.Е. Причины преступности в России. Криминологический анализ. М.: Норма, 2006. 112 с.

Современная международная геополитика характеризуется комплексным характером, краеугольным камнем которой является не только фактор географического расположения, но и уровень экономики, образования, технологий, ресурсности. Международная геополитика напрямую зависит от национальных интересов отдельных субъектов (государств).

Геополитическая карта мироустройства (политическая геометрия) последних десятилетий представлена несколькими историческими игроками, среди которых США, претендующие на обладание сверхдержавным статусом со стратегической установкой предотвращения появления альтернативных центров силы, способных бросить вызов их глобальному доминированию либо неподконтрольных центров силы. К крупным центрам силы следует отнести прежде всего Российскую Федерацию и КНР, к неподконтрольным Ирак, Иран, Ливию, Сирию, Кубу, Венесуэлу и т.д.

Наблюдается попытка возвращения полицентричного мира обратно к однополярному. Можем предположить, что сегодня США проводит некую политику «геостратегического дарвинизма» т.е., выживет сильнейший в мире без правил. Россия сохраняет стратегический паритет с США и занимает лидерские позиции в большинстве оборонных технологий по отношению к Китаю. Геополитические отношения между Китаем и Россией следует рассматривать через призму формулы: никогда против друг друга, никогда вместе. У России новая роль балансирующей державы. Геополитический интерес мировых акторов в части дестабилизации социально-политической обстановки, создания очередного центра нестабильности с целью захвата ресурсов, выводит террористическую деятельность, как инструмент воздействия, на качественно иной уровень, что прошло свою апробацию в Ливии и Сирии.

В связи с чем, в геополитическом ключе становится возможным говорить о террористической деятельности как о полностью рукотворном механизме. Идеи «справедливой войны», сакральной войны с «гуманными» целями, войны во имя высшей морали пронизывают геополитические концепции. Препятствием для противодействия становлению террористической деятельности как особого вида прибыльной преступной деятельности является в частности гипертрофированное понимание суверенитета и легитимности государственной власти[1].

Современная геополитическая и геоэкономическая ситуация в мире демонстрирует неожиданные изменения, например такие как уход американских военных из Афганистана. Исторически, США скрыто проводило оккупационную политику и принимала участие в войнах, которые зачастую сама и организовывала, что частично объясняется ее большими территори-

[1] Шатанкова Е.Н., Тарыкин В.К., Сычкова Ю.Ю. Идейно-политическая эволюция международного терроризма в условиях перехода к глобализации // Гуманитарные, Социально-экономические и общественные науки. 2021. № 6.

альными масштабами и соответственно широким спектром геополитических интересов. Ситуация, сложившаяся с Афганистаном, во многом неожиданная, однако геополитически и экономически имеет свои преимущества для США. Нахождение армии США в Афганистане обходилось в десятки миллиардов долларов, что уже не оправдывало себя.

За период нахождения сил США на территории Афганистана, площади посевов опийного мака, который являлся важнейшим элементом народной медицины, увеличились в сотню раз, что обусловлено прибыльностью выращивания и реализации данного растения.

С географической точки зрения, Афганистан является выгодным регионом для контроля, так как граничит с Пакистаном, Таджикистаном, Узбекистаном, с другой стороны с Ираном, Китаем, что позволяет оказывать повсеместное воздействие. С социальной точки зрения, Афганистан является лидером на Ближнем и Среднем Востоке по количеству этнических групп.

В настоящее время Центральная Азия становится регионом пересечения интересов наиболее влиятельных стран, таких как Россия, США и Китай. Позиция России в Центральной Азии обусловлена прежде всего историческими аспектами, поскольку регион долгое время находился под влиянием Москвы, что значительно облегчает взаимодействие РФ с центральноазиатскими государствами. Поэтому, для России продвигать в Центральной Азии свои интересы является первостепенной задачей по поддержанию международного престижа, обеспечения внутренней безопасности от проникновения внешних угроз и обеспечение их территориальной целостности и суверенитета[1].

Смена геополитического курса Америки по отношению к Афганистану и захват талибами власти даёт возможность предположить, что такое решение для них не было спонтанным и договор осуществлялся на определенных обоюдных условиях. Само по себе существование и активная деятельность на территории Афганистана исламистского радикального религиозно-политического военизированного движения Талибан обусловлено местными условиями, в том числе и внешней материальной поддержкой. Многолетняя нестабильность, кризис в социальном и экономическом секторе делают привлекательной террористическую деятельность в данном регионе.

Для Америки появляется еще один механизм воздействия в виде в некоторой степени контролируемых террористов, которым они по сути «передали» Афганистан, включая их полное вооружение и обеспечение.

В свою очередь номинально талибы не являются для широкой общественности террористами, а скорее современной демократической партией, ввиду чего для Америки не поднимается вопрос о том, что они не смогли

[1] Юнюшкина А.С., Понька Т.И., Шаповалова К.А. Конкуренция мировых держав в Центральной Азии. // Международные отношения. 2021. №2.

победить терроризм в Афганистане. Для талибов это в первую очередь возможность организации современного мусульманского общества (исламского государства), во-вторых выгодное географическое положение Афганистана позволяет производить транзит любых товаров и не только, что создает большое экономическое подспорье для их деятельности. В-третьих, провозглашенный мнимый тренд на демократизацию политического курса талибов способен повысить популярность экстремистских нарративов, с другой стороны – привести к внешнему силовому свержению демократически избранных правителей, что чревато разрушением политической системы государства, долгосрочной дестабилизацией и возникновением новых, более сильных очагов международного терроризма[1].

Свободная наркоторговля, торговля оружием и боеприпасами, нелегальная миграция, выгодное географическое положение, всё это создаёт благоприятную почву для взращивания террористов, для деятельности исламистских группировок и террористических сетей.

Для Российской Федерации нахождение талибов у власти Афганистана и нынешняя геополитическая обстановка в аспекте деятельности террористических организаций, должна вызывать обеспокоенность, так как такая расстановка сил на границах постсоветских республик представляет угрозу для национальной безопасности государства. Существуют риски перетока нестабильности в сопредельные государства, а также беспрецедентного уровня террористической угрозы и масштабов нелегального оборота наркотиков[2]. Кроме того, резкая смена правительства, уход военных из Афганистана провоцируют рост масштабных миграционных процессов в результате эскалации внутреннего конфликта.

Подводя итог вышеуказанному, отметим, что современные геополитические процессы и последние события в Афганистане актуализируют возможность использования террористической деятельности как инструмента для достижения геополитических целей и реализации геополитических интересов. Параллельно происходит процесс трансформации самой террористической деятельности, поскольку используются не просто локальные конфликты, а разжигается обстановка с целью порождения террористического и экстремистского противостояния внутри регионов, привлекаются террористические силы со стороны. На примере Афганистана мы увидели, что имеет место не только использование такого рода «ресурсов», но и их поощрение. Происходит трансформация самой террористической деятельности на геополитическом уровне. Трансформация террористической деятель-

[1] Джаббаринасир Х.Р. Влияние современного международного терроризма на основные мегатренды современной мировой политики // Вестник ВолГУ. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. 2021. №3.

[2] Щербак И.Н. Афганский кризис: перспективы новой стратегии Евросоюза // Научно-аналитический вестник Института Европы РАН. 2021. №4.

ности во многом предопределена несколькими условиями. Во-первых, безусловно, это механизм поощрения локального, межрегионального экстремизма; во-вторых – использование террористических группировок в виде наёмных сил на платной основе, что делает данный вид преступной деятельности максимально привлекательным; в-третьих, активное вооружение и поддержание террористических движений целого региона позволяет скрывать внешнеполитические «провалы и неудачи».

Безусловно, рассматривая геополитические факторы детерминации террористической деятельности необходимо учитывать связь этих факторов с экономической ситуацией, социальными условиями существования (например, массовыми миграционными процессами в регионах). В свою очередь, пандемия COVID-19 обнажила многие асимметрии текущих мировых трендов и ускорила структурные изменения в политике, экономике, технологиях и социальных процессах, что кардинальным образом сменило вектор геополитических процессов.

Аведян Аркадий Аведикович,
преподаватель кафедры уголовного права и криминологии
Краснодарского университета МВД России

Латентность насильственных преступлений, совершаемых в отношении сотрудников органов внутренних дел

Криминологический анализ состояния насильственных преступлений, совершаемых в отношении сотрудников ОВД, требует учета такого фактора, как латентность. Как известно, уровень регистрируемых преступлений отражает не столько уровень фактической криминализации общества, сколько успешность деятельности правоохранительных органов по противодействию преступности, прежде всего, по регистрации и раскрытию преступлений[1].

В силу общности результата взаимодействия всех криминогенных детерминант, факторы латентной преступности как части преступности в целом совпадают с отдельными факторами преступности как таковой[2]. Исходя

[1] Криминология: Учебник / Под ред. В.Н. Кудрявцева, В.Е. Эминова. 3-е изд., перераб. и доп. М., 2004 С. 113. Игнатов А.Н. Об уровне преступности и деятельности правоохранительных органов (часть 1) // Криминология: вчера, сегодня, завтра. 2012. № 4 (27). С. 48-59; Игнатов А.Н. Об уровне преступности и деятельности правоохранительных органов (часть 2) // Криминология: вчера, сегодня, завтра. 2013. № 1 (28). С. 76-81.

[2] Криминология: учеб. для юрид. вузов / под ред. В. Н. Бурлакова, В. П. Сальникова. СПб.: Санкт-Петербургская академия МВД России, 1998. С. 97; Лунеев В.В. Преступность XX века. Мировые, региональные и российские тенденции. М., 1997. С. 137-141.

из имеющихся на сегодня в криминологической науке подходов к определению природы, понятия и видов латентности преступности, на наш взгляд, наиболее верным следует понимать латентную преступность как совокупность фактически совершенных, однако не выявленных или в силу иных обстоятельств известных правоохранительным и судебным органам преступлений и, соответственно, не являющихся предметом статистического учета.

В зависимости от механизма образования латентной преступности следует выделять естественную, искусственную, смежную между естественной и искусственной латентность, а также латентность преступлений вследствие сокрытия их от учета[1].

Что касается непосредственно латентности насильственных преступлений, совершаемых в отношении сотрудников ОВД, то для данного вида преступлений, на наш взгляд, характерен минимальный уровень латентности. Это обусловлено самой спецификой исследуемых преступлений, которая, в данном контексте заключается, во-первых, в насильственном характере преступного поведения виновного и последствиях такого поведения в виде вреда жизни и здоровью; во-вторых, в специфике личности жертвы преступления – сотруднике ОВД и выполняемой им профессиональной деятельности (публичность, властность и пр.).

Среди всего спектра факторов латентности насильственной преступности, отдельную специфическую группу факторов латентности преступности составляют виктимологические факторы, связанные с ролью жертвы в механизме преступления и ее поведения после совершения преступления. Как справедливо отмечает П.А. Кривенцов, латентной преступности соответствует и латентная «виктимность», которая также негативно влияет на состояние и тенденции преступности[2].

В результате исследования факторов латентности насильственных преступлений, совершаемых в отношении сотрудников правоохранительных органов, А.Н. Игнатовым установлено, что виктимологические факторы обусловленные как статусной (ролевой), так и персональной (поведенческой) виктимностью сотрудников правоохранительных органов влияют на образование различных видов латентности насильственных преступлений, совершаемых в отношении них, в частности на их естественную латентность, искусственную латентность, латентность как смежное (между

[1] Игнатов А.Н. Общая характеристика факторов латентности убийств // Ученые записки Таврического национального университета им. В.И. Вернадского. 2011. Т. 24. № 2. С. 213-219.

[2] Кривенцов П.А. Латентная преступность в России: криминологическое исследование: дис. … канд. юрид. наук. Москва, 2015. С. 8.

естественной и искусственной) состояние, а также на сокрытие данных преступлений от учета[1]. Таким образом, для данного вида преступлений свойственны все виды латентности.

Так, по мнению ученого существование естественной латентности насильственных преступлений, совершаемых в отношении сотрудников правоохранительных органов, может быть детерминировано, например, тем, что сотрудник, не проинформировав свое руководство отбыл на отдых или по иной причине в другой регион или страну, в том числе по поддельным или чужим документам, где стал жертвой убийства. При этом сам автор указывает, что факторы естественной латентности (обстановка, место, время, отсутствие очевидцев и прочие обстоятельства) могут обуславливать естественную латентность насильственных преступлений, совершаемых в отношении сотрудников правоохранительных органов в связи с их служебной деятельностью, в первую очередь, представителями организованной преступности или преступниками-профессионалами[2].

На наш взгляд, несмотря на наличие в данном случае элементов виктимного поведения сотрудников правоохранительных органов, в сочетание таких факторов, как осуществление профессиональной деятельности и анонимное (в том числе для руководства) пребывание сотрудника в каком-либо месте и совершение в отношении него насильственного преступления, мотивированного его служебной деятельностью, является маловероятным. В свою очередь, анонимность пребывание сотрудника в каком-либо месте исключает возможность совершения в отношении него насильственного преступления, непосредственно не связанного с его служебной деятельностью, но мотивированного ненастью и враждой к нему, как к представителю специфической социальной группы – сотрудникам ОВД.

По нашему мнению, *естественная латентность* в наименьшей мере присуща насильственным преступлениям, совершаемым в отношении сотрудников ОВД, и может иметь место, преимущественно в случаях совершения преступления в условиях и обстановке боевых действий, контртеррористической операции.

Среди опрошенных нами респондентов (было опрошено 980 практических сотрудников ОВД) актуальность проблемы естественной латентности насильственных преступлений, совершаемым в отношении сотрудников ОВД, указали лишь 9,6% респондентов. При этом данный вид латентности опрошенные связывают именно с обстановкой совершения преступления – участие в контртеррористической операции и пр.

---

[1] Игнатов А.Н. Виктимологические факторы латентности насильственных преступлений, совершаемых в отношении сотрудников правоохранительных органов // Вестник экономической безопасности. 2020. № 3. С. 132-136.

[2] Там же.

Искусственная латентность насильственных преступлений, совершаемых в отношении сотрудников ОВД, детерминирована, прежде всего, утаиванием сотрудником факта совершения в отношении него преступления.

Рассматривая проблему латентности насильственной преступности в целом, следует отметить, что по результатам исследований каждая третья жертва насильственного преступления, которой в результате преступления был причинен тяжкий вред здоровью, не обращается с общением об этом в правоохранительные органы. А в случае обращения жертв с повреждениями насильственного характера в медицинские учреждения, сотрудники последних зачастую не сообщают правоохранительным органам о таких фактах[1].

Данный вид латентности относится, в первую очередь, к так называемой проблеме «вины потерпевшего», когда насилие в отношении сотрудника является реакций на превышение им должностных полномочий или его провокационные поведение[2]. Однако кроме желания избежать ответственности за свое противоправное поведение (превышение полномочий или злоупотреблением полномочиями, утерю табельного оружия, спецсредств или служебного удостоверения, нахождение в состоянии опьянения и пр.), могут иметь место и иные причины несообщения сотрудником ОВД о факте совершения в отношении него насильственного преступления.

Такое виктимное поведение сотрудника ОВД, способствующее латентизации преступного насилия в отношении него, может быть мотивировано: нежеланием огласки в профессиональной среде факта недостаточной физической подготовки и служебной некомпетентности или нежеланием быть необъективно обвиненным в этом; стремлением избежать «процедурной волокиты» служебного разбирательства по данному факту; неуверенностью в абсолютной правоте и правомерности своего поведения в конкретной ситуации; стремлением самому разобраться с обидчиком и восстановить «социальную справедливость» по своему усмотрению; отсутствие уверенности в объективности правовой оценки своего поведения и возможности доказать свою правоту (в данном случае также следует учитывать возможное поведение потенциальных очевидцев преступления, которые, к сожалению, далеко не всегда «сочувствуют» представителям власти, в том числе и тех лиц, которых сотрудники защищают при пресечении преступных посягательств) и пр.

Среди опрошенных нами лиц актуальность проблемы искусственной латентности насильственных преступлений, совершаемым в отношении со-

---

[1] Алиев Р.Х. Общая характеристика насильственной преступности // Общество: политика, экономика, право. 2007. № 2. С. 14.

[2] Шабанов А.В. Охрана жизни и здоровья сотрудника правоохранительного органа: Уголовно-правовая и криминологическая характеристика: дис. ... канд. юрид. наук. Ростов-на-Дону, 2003. С. 127-128; Игнатов А.Н. Типология работников правоохранительных органов, совершающих насильственные преступления // Криминология: вчера, сегодня, завтра. 2011. № 1 (20). С. 92-97.

трудников ОВД, указали 71,5% респондентов. Указывая на данный вид латентности, сотрудники ОВД преимущественно отмечают (по частоте упоминания): нежелание огласки в профессиональной среде факта недостаточной физической подготовки и служебной некомпетентности, желание избежать ответственности за свое противоправное поведение, желание избежать «процедурной волокиты» служебного разбирательства, отсутствие уверенности в возможности доказать свою правоту.

При этом на вопрос: «Все ли, на Ваш взгляд, случаи применения в отношении Вас насилия в связи с выполнением служебных обязанностей или в связи с Вашим статусом сотрудника ОВД получили надлежащую правовую оценку со стороны уполномоченных органов и если нет, по почему?» респонденты дали следующие ответы: да, получили надлежащую правовую оценку – 20,9%; нет, по непонятным для меня причинам – 14,7%; нет, поскольку я не сообщал никому о данном факте – 37,3%. Как можем видеть, половина сотрудников ОВД, в отношении которых имело место насилие, никому не сообщают о данном факте.

Что касается *смежной (между естественной и искусственной)* латентности насильственных преступлений, совершаемых в отношении сотрудников ОВД, то есть случаи, когда преступные деяния не попадают в статистические учеты по причине того, что лица, которым известно об их совершении в силу ситуации или неправильной правовой оценки, принимают неверное решение о их регистрации или не регистрации в качестве преступления, то данный вид латентности может быть детерминирован различными факторами, в том числе недостатками профессиональной деятельности работников правоохранительных органов и здравоохранения, связанных как с объективными условиями выявления и расследования преступлений, так и их профессиональной некомпетентностью и недобросовестностью.

Однако, по нашему мнению, в первую очередь, смежная (между естественной и искусственной) латентность насильственных преступлений, совершаемых в отношении сотрудников ОВД, детерминирована ошибками квалификации данного вида преступлений.

Исследователи отмечают ряд недостатков конструирования уголовно-правовых норм, устанавливающих ответственность за насилие в отношении сотрудников правоохранительных органов в результате чего на практике возникают трудности при разграничении и квалификации этих преступлений: недостаточная конкретность в определении объективной и субъективной стороны преступлений, нечеткость используемых при этом формулировок порождают проблемы квалификации при конкуренции общей и специальных норм, в частности при применении п. «б» ч. 2ст. 105 и ст. 317 УК

РФ; сложности при установлении вины лица обусловливают большой процент переквалификации деяний со ст. 317 УК РФ на ст. 318 УК РФ[1].

Следует учитывать и то, что смежную (между естественной и искусственной) латентизацию насильственных преступлений, совершаемых в отношении следователей и лиц, производящих дознание, из числа сотрудников ОВД, в сфере правосудия во многом обуславливает неправильная уголовно-правовая оценка данных деяний, в частности, их квалификация как преступлений против порядка управления (по ст.ст. 317, 318 УК РФ).

Также виктимологический фактор смежной (между естественной и искусственной) латентности насильственных преступлений, совершаемых в отношении сотрудников ОВД, может быть обусловлен недостаточной осведомленностью сотрудника о правомерности применения силы и власти в той или иной ситуации, особенностях квалификации соответствующих деяний и пр., в результате чего, его пассивная или неправильная позиция при правовой оценке спорной ситуации способствует латентизации фактически совершенного в отношении него деяния[2].

На тот факт, что для насильственных преступлений, совершаемых в отношении сотрудников ОВД, является характерной смежная (между естественной и искусственной) латентность указали 51,3% опрошенных нами респондентов. В качестве факторов существования данного вида латентности респонденты преимущественно отмечают различные объективно и субъективно обусловленные сложности правовой оценки факта применении насилия в отношении сотрудника ОВД.

Искусственно латентные преступления являются одним из наиболее масштабных видов латентных преступлений, а проблема искусственной латентности является одной из наиболее актуальных в установлении реального состояния преступности.

Относительно *сокрытия от учета* насильственных преступлений, совершаемых в отношении сотрудников ОВД, следует отметить, что данный вид латентности, по нашему мнению, не характерен для исследуемого вида преступлений в силу их резонансности и повышенной защиты сотрудников ОВД со стороны государства в случае совершения в отношении них преступлений в связи с их служебной деятельностью.

Существующую в ряде случаев проблему авторитаризма процесса управления в правоохранительных органах и противодействия внешнему социальному контролю и связанную с ней практику подгонки показателей

---

[1] Гамидов А.М. Уголовно-правовые и криминологические аспекты посягательства на жизнь сотрудника правоохранительного органа: по материалам Республики Дагестан: дис. ... канд. юрид. наук. Махачкала, 2006. С. 83-84.

[2] Игнатов А.Н. Виктимологические факторы латентности насильственных преступлений, совершаемых в отношении сотрудников правоохранительных органов // Вестник экономической безопасности. 2020. № 3. С. 132-136.

деятельности под заранее определенный результат[1], в данном случае исключает подследственность рассматриваемой категории преступлений иному правоохранительному органу.

Основным мотивом такого поведения должностных лиц является стремление избежать ответственности за состояние законности и правопорядка в вверенном подразделении, также за уровень профессиональной подготовки подчиненных и соответствующие решения и принимаемые в целях обеспечения личной безопасности последних организационно-правовые меры.

Примечательно, что лишь 10,5% опрошенных нами сотрудников ОВД отметили актуальность проблемы сокрытия насильственных преступлений, совершаемых в отношении сотрудников ОВД, связывая данное обстоятельство со стремлением руководства «не портить показатели» работы.

Что касается непосредственно уровня латентности насильственных преступлений, совершаемых в отношении сотрудников ОВД, проведенное нами исследование позволило установить следующее. Опрос сотрудников ОВД показал, на вопрос: «Какая часть (в процентах) насильственных преступлений совершаемых в отношении сотрудников ОВД, является латентной?» большинство (58,8%) респондентов указали до 60%.

Полученные результаты, на наш взгляд, необходимо учитывать при выработке методик оценки состояния насильственной виктимизации сотрудников ОВД и обеспечения их безопасности.

Исследователи указывают, что уровень латентности преступлений, совершаемых в отношении сотрудников правоохранительных органов составляет не более 30%[2]. А крайне низкий уровень латентности преступлений, совершаемых м отношении сотрудников полиции объясняют, прежде всего, с повышенным общественным резонансом, возникающим в случае их совершения[3]. На наш взгляд, справедливым является возражения относительно того, что такого рода оценки являются чрезвычайно оптимистичными и верными только в отношении деяний, связанных с посягательством на жизнь сотрудников правоохранительных органов[4]. С учетом насилия, не неправленого непосредственно на лишения данных лиц жизни, уровень латентности данных преступлений намного выше и возрастает по мере снижения опасности насилия для жизни и здоровья.

---

[1] Черепашкин А.С. Криминологическая характеристика и предупреждение преступлений, совершаемых сотрудниками милиции общественной безопасности: дис. ... канд. юрид. наук. Омск, 2004. С. 47.

[2] Кузьмин А.В. Уголовно-правовая охрана личности сотрудников правоохранительных органов: дис. … канд. юрид. наук. Краснодар, 2016. С. 4.

[3] Вишневецкий К.В. Виктимология преступлений, совершенных против сотрудников полиции // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2016. № 10. С. 143.

[4] Чумичкин А.С. Виктимологическая профилактика преступлений, совершаемых в отношении сотрудников органов внутренних дел: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2019. С. 90.

Акопов Сурен Межлумович,
соискатель кафедры уголовного права и криминологии
Краснодарского университета МВД России

Проблемы согласованности субъективных признаков мошенничества, совершенного в отношении оружия или наркотиков

Анализ положений ч.2 ст. 20 УК РФ во взаимосвязи с содержанием, и местом уголовно-правовых норм об ответственности за общий и специальные виды мошенничества в структуре УК РФ позволяет сделать вывод о внутриотраслевой несогласованности легальной регламентации минимального возраста уголовной ответственности за общий и некоторые специальные виды мошенничества в уголовном законодательстве России.

В частности, Уголовный закон определяет минимальный возраст уголовной ответственности за общий вид (основной состав) мошенничества, предусмотренного ст. 159 УК РФ (исходя из отсутствия в ч. 2 ст. 20 УК РФ специального указания на ст. 159 УК РФ) – шестнадцать лет.

Вместе с тем, ч.2 ст. 20 УК РФ содержит специальные указания на ряд уголовно-правовых норм Особенной части УК РФ, предусматривающих ответственность с четырнадцатилетнего возраста за специальные виды хищения некоторых предметов с ограниченной оборотоспособностью, безотносительно способов хищения.

Поскольку мошенничество является хищением, о чем буквально указывается в диспозиции ч.1 ст. 159 УК РФ, то на основании ч.2 ст. 20 УК РФ можно сделать вывод, что «Лица, достигшие ко времени совершения преступления четырнадцатилетнего возраста, подлежат уголовной ответственности за … хищение либо вымогательство оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств (статья 226), хищение либо вымогательство наркотических средств или психотропных веществ (статья 229)…» (далее - хищение оружия и наркотиков).

С нашей точки зрения, регламентация четырнадцатилетнего возраста уголовной ответственности за хищение оружия и наркотиков во взаимосвязи с регламентацией минимального шестнадцатилетнего возраста уголовной ответственности за мошенничество (ст. 159 УК РФ) не соответствует концепции взаимообусловленности признаков субъекта и субъективной стороны, как элементов состава преступления, а также принципу вины, который во взаимосвязи с положениями ст.ст. 25-28 УК РФ регламентирует законность уголовной ответственности только за виновное причинение вреда, характеризующееся, как минимум, способностью осознания субъектом общественной опасности и фактического характера совершаемого преступления.

Говоря, о хищении оружия и наркотиков (ст.ст. 226, 229 УК РФ), необходимо отметить, что названные составы являются составами единичных сложных составных преступлений, посягающих одновременно на два или более (в квалифицированных видах) объекта уголовно-правовой охраны. Так, в частности, являясь хищениями, названные преступления, безусловно, посягают, как и любые другие преступления против собственности, на общественные отношения, регулирующие порядок возникновения, реализации и прекращения права собственности. Вместе с тем, поскольку хищение оружия и наркотиков – есть специальный вид их приобретения, можно сделать вывод о том, что данные преступления, безусловно, посягают на общественные отношения, регулирующие установленный порядок оборота оружия и наркотиков.

Учитывая принципы вины и справедливости, для законного и справедливого привлечения лица к уголовной ответственности за данные виды хищений, с нашей точки зрения, необходимо установить умысел по отношению ко всем вышеперечисленным объектам преступных посягательств, т.е., по сути, отдельно квалифицировать преступность хищения в форме мошенничества, а также квалифицировать преступность незаконного приобретения оружия или наркотиков.

Представляется, что только на основе такой справедливой и исключающей объективное вменение квалификации можно с уверенностью констатировать обоснованность и справедливость привлечения лица к уголовной ответственности за хищение оружия или наркотиков по специальным нормам, соответственно, ст.ст. 226 и 229 УК РФ, которые предусматривают несоизмеримо более строгие наказания по сравнению с наказаниями, которым могли бы быть назначены по совокупности простого хищения (безотносительно способа) и незаконного приобретения оружия или наркотиков.

Вместе с тем, представляется, что, априори, невозможно сделать вывод об обоснованности, справедливости и (с точки зрения принципа вины) законности такой квалификации хищения в форме мошенничества в отношении оружия и наркотиков, совершенных несовершеннолетними в возрасте от четырнадцати до шестнадцати лет.

Так, в частности, говоря о хищении наркотиков (ст. 229 УК РФ), совершенного путем обмана или злоупотребления доверием, отметим, что субъективная сторона данного умышленного преступления предусматривает осознание виновным общественной опасности и фактического характера как хищения в форме мошенничества, так и незаконного оборота наркотиков в форме их незаконного приобретения.

Вместе с тем, возвращаясь к концепции взаимообусловленности субъективных элементов состав преступления, отметим, что и за простое мошенничество (ст. 159 УК РФ), и за незаконное приобретение, как и любой другой незаконный оборот наркотиков (ст.ст. 228-228.4 УК РФ) ответственность наступает с шестнадцатилетнего возраста. Обозначенная регламента-

ция, на наш взгляд, свидетельствует о том, что несовершеннолетний, не достигший шестнадцатилетнего возраста, не способен осознавать общественную опасность и фактический характер приобретения путем обмана или злоупотребления доверием любого имущества, включая приобретение мошенническим способом наркотических средств, психотропных веществ, а равно растений, содержащих такие средства или вещества.

Исходя из принципов вины и справедливости, а также положений ст.28 УК РФ о невиновном причинении вреда, неспособность осознавать общественную опасность и фактический характер содеянного исключают уголовную ответственность. В связи с этим, привлечение несовершеннолетнего, не достигшего 16-летнего возраста к уголовной ответственности за хищение наркотиков, совершенное путем обмана или злоупотребления доверием, представляется незаконным, поскольку нарушает регламентированные уголовным законодательством принципы вины и справедливости.

Аналогичный вывод можно сделать о незаконности, несправедливости и необоснованности квалификации по ст. 226 УКРФ действий несовершеннолетнего, совершившего в возрасте от 14 до 16 лет незаконное, путем обмана или злоупотребления доверием приобретение оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ или взрывных устройств.

Кроме того, в данном случае представляется необходимым обратить белее пристальное внимание законодательную регламентацию предметов хищения оружия в ст. 226 УК РФ, к которым, исходя из ее буквального прочтения, относятся: «огнестрельное оружие, комплектующие детали к нему, боеприпасы, взрывчатые вещества или взрывные устройства» (ч.1 ст. 226 УК РФ), а также «ядерное, химическое и другие виды оружия массового поражения, а равно материалы или оборудование, которые могут быть использованы при создании оружия массового поражения» (ч.2 ст. 226 УК РФ).

Выводы о незаконности, несправедливости и необоснованности квалификации по ст. 226 УК РФ мошеннического хищения огнестрельного оружия, (ч.1 ст. 226 УК РФ), а также «ядерного, химического и других видов оружия массового поражения, а равно материалов или оборудования, которые могут быть использованы при создании оружия массового поражения» аналогичны (ч. 2 ст. 226 УК РФ) аналогичны выводам о необоснованности квалификации хищения наркотиков ребенком в возрасте до 16 лет. Лицо не достигшее 16-летнего возраста, не способно осознавать общественную опасность ни мошенничества (ст. 159 УК РФ), ни незаконного приобретения огнестрельного оружия, его основных частей и боеприпасов (ст. 222 УК РФ), ни незаконного приобретения ядерных материалов или радиоактивных веществ (ст. 220 УК РФ), ни сильнодействующих или ядовитых веществ (ст. 234 УК РФ) в связи с чем, регламентация уголовной ответственности за хищение перечисленных предметов лицом, не достигшим шестнадцатилетнего возраста не может быть признана справедливой и обоснованной.

Несколько иначе обстоит дело с квалификацией совершенного путем обмана или злоупотребления доверием хищения боеприпасов и взрывчатых

веществ. Так, в частности, ч.2 ст. 20 УК РФ предусматривает уголовную ответственность с 14-летнего возраста за «незаконные приобретение, передачу, сбыт, хранение, перевозку или ношение взрывчатых веществ или взрывных устройств (статья 222.1 УК РФ)». Таким образом, можно сделать вывод, что лицо совершившее их хищение в возрасте от 14 до 16 лет, осознает общественную опасность и фактический характер их незаконного оборота, что обуславливает законную и справедливую квалификацию его действий по ст. 222.1 УК РФ.

Вместе с тем, при незаконном, путем обмана или злоупотребления доверием приобретении взрывчатых веществ или взрывных устройств в возрасте от 14 до 16 лет, лицо, как отмечалось выше, не осознает общественной опасности мошенничества, в связи с чем, действия виновного могут быть квалифицированы только лишь как незаконное приобретение обозначенных предметов по ст. 222.1 УК РФ, и не могут быть квалифицированы по ст. 226 УК РФ за их хищение.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что, исходя из положений ст.ст. 5, 6, 25-28, ч.2 ст. 20 УК РФ, а также ст.ст. 159, 220, 221, 222, 226, 228, 229, 234 УК РФ, привлечение лица, не достигшего 16-летнего возраста, к уголовной ответственности за совершение путем обмана или злоупотребления доверием хищение оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств (статья 226 УК РФ), а также наркотических средств или психотропных веществ (статья 229 УК РФ) является необоснованным и противоречит регламентированным уголовным законом принципам вины и справедливости.

Учитывая положения ч. 2 ст. 20 УК РФ, исключающие ответственность несовершеннолетних в возрасте от 14 до 16 лет за незаконный оборот оружия и наркотиков, предусмотренные ст. 222, 228 УК РФ, считаем, что такие несовершеннолетние не способны осознавать общественную опасность и фактический характер посягательств на установленный порядок обращения оружия и наркотиков, как составляющие общественной безопасности, а также здоровья населения и общественной нравственности.

В связи с этим представляется необоснованной, нарушающей принципы вины и справедливости, регламентация уголовной ответственности с четырнадцатилетнего возраста за любые формы хищения оружия и наркотиков.

Учитывая вышеизложенное, предлагаем исключить из содержания ч.2 ст. 20 УК РФ слова «хищение либо вымогательство оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств (статья 226), хищение либо вымогательство наркотических средств или психотропных веществ (статья 229),».

Такие изменения позволят законно и справедливо отказаться от привлечения несовершеннолетних, не достигших 16-летнего возраста к уголовной ответственности за посягательства, общественную опасность и фактический характер которых они не способны осознавать.

Александров Святослав Артурович,
помощник судьи
Четвертого кассационного суда общей юрисдикции

Современные тенденции криминализации деяний, связанных с банкротством физических лиц

Проблема банкротств хозяйствующих субъектов была и остается довольно резонансной на протяжении всей истории существования данного правового института. Банкротство сопряжено с правомерным прекращением обязательств, которое, как правило, весьма «болезненно» воспринимается кредиторами. И именно возможность прекращения обязательств выступает фактором, которым стараются воспользоваться недобросовестные лица.

Широко известно, что значительный объем банкротств сопряжен с криминальными злоупотреблениями и иными нарушениями. В теории уголовного права злоупотребления в сфере банкротства нередко именуют коммерческим мошенничеством[1]. Дело в том, что в отличие от общеуголовного мошенничества, которое также может иметь чрезвычайно витиеватые и замысловатые формы, криминальное поведение при банкротстве еще более сложно разграничить с правомерным поведением. Кандидаты на процедуру банкротства порой годами к ней готовятся и в итоге их долги списываются безвозвратно и бесповоротно.

В этих условиях институт банкротства интенсивно развивается: поэтапно регламентирована возможность банкротства индивидуальных предпринимателей, затем физических лиц и далее введена процедура «упрощенного» банкротства физических лиц. В то же время вместе с развитием законодательства о банкротстве, в том числе ориентированного на искоренение или минимизацию недобросовестного поведения при банкротстве, совершенствуются формы и методы соответствующего правонарушающего поведения.

При этом в глобальной проблеме правового регулирования банкротства и предопределенных им общественных отношений стала обособляться и отчетливо себя проявлять проблема юридической регламентации банкротства физических лиц. Гражданское законодательство в этой части имеет свою специфику, по ряду позиций существенно отличающуюся от правовых аспектов банкротства юридических лиц. Помимо этого, в сравнении с правовым регулированием банкротства юридических лиц, которое имеет уже длительную историю существования и наработанную правоприменитель-

[1] Ценова Т.Л. О некоторых аспектах коммерческого мошенничества // Российский следователь. 2012. № 4. С. 27-29.

ную практику, незначительный временной промежуток существования нормативных установлений о банкротстве граждан непременно порождает погрешности реализации соответствующего юридического механизма.

Следом за реформированием законодательства о банкротстве корректируется и уголовное законодательство об ответственности за преступления в этой сфере. В настоящее время уголовно наказуемыми являются нарушения не только при банкротстве юридических лиц, но и физических лиц, в том числе индивидуальных предпринимателей. Действующее уголовное законодательство предусматривает три основные нормы об ответственности в сфере банкротства: неправомерные действия при банкротстве (ст. 195 УК РФ); преднамеренное банкротство (ст. 196 УК РФ); фиктивное банкротство (ст. 197 УК РФ). При этом данные деяния, совершенные гражданами, были криминализованы только в 2014 г., а в 2020 г. законодательством установлена «упрощенная» внесудебная процедура банкротства гражданина. В 2021 г. указанные нормы уголовного закона были реформированы.

В юридической литературе обращается внимание не несовершенство как самого законодательства о банкротстве, так и соответствующих уголовно-правовых предписаний в этой сфере[1].

И если правоприменительная практика по уголовным делам, связанным с банкротством юридических лиц, является уже довольно устоявшейся, то аналогичная деятельность, связанная с нарушениями при банкротстве физических лиц, в настоящее время только формируется. Равным образом характеризуется и доктринальная разработанность обозначенных сфер общественных отношений. На современном этапе теоретические представления об уголовно-правовой оценке преступлений, связанных с банкротством физических лиц, находятся в зачаточном состоянии.

Криминализация деяний, связанных с банкротством граждан, производится следом после законодательных преобразований в сфере банкротства физических лиц. И в настоящее время установлена ответственность как за нарушения при судебном банкротстве граждан, так и в ходе реализации соответствующих внесудебных процедур. Устанавливая соответствующие уголовно-правовые запреты, законодатель руководствовался критериями криминализации деяния, основополагающим значением среди которых обладает общественная опасность.

Необходимо отметить, что под уголовно-правовой запрет поставлены деяния физических лиц, практически тождественные видам криминального поведения в сфере банкротства юридических лиц. Не криминализованными оказались такие деяния в сфере банкротства граждан, как например, сокрытие, уничтожение, фальсификация бухгалтерских и иных учетных докумен-

[1] Третьяков К.В. Фиктивная кредиторская задолженность при банкротстве: уголовно-правовой аспект // Имущественные отношения в Российской Федерации. 2019. № 11. С. 94-96.

тов, отражающих экономическую деятельность юридического лица или индивидуального предпринимателя, если эти действия совершены при наличии признаков банкротства. Объяснения для такого подхода абсолютно логичны, так как, по общему правилу, граждане не ведут бухгалтерскую и иную учетную документацию. Причем даже на лиц, являющихся плательщиками налога на профессиональный доход (самозанятых), такая обязанность не возлагается.

Условием криминализации преступлений, связанных с банкротством физических лиц, является причинение в результате совершения соответствующих деяний крупного ущерба, под которым, согласно примечанию к ст. 170^2 УК РФ, понимается ущерб на сумму, превышающую два миллиона двести пятьдесят тысяч рублей.

Здесь стоит подчеркнуть, что размеры ущерба в составах преступлений, связанных с банкротством граждан, законодателем установлен в таком же размере, как и применительно к общественно опасным деяниям в сфере банкротства хозяйствующих субъектов. С учетом набирающего обороты института банкротства физических лиц представляется целесообразным определить дифференцированные размеры ущерба, зависящие от типа банкротящегося субъекта. На наш взгляд, в случаях правонарушающего поведения физических лиц в связи с процедурой банкротства должен быть регламентирован пониженный порог крупного ущерба.

Ущерб, причиняемый в результате совершения преступления в сфере банкротства физического лица, является фундаментальным фактором повышенной общественной опасности рассматриваемых преступлений. Само по себе формальное нарушение процедуры банкротства не обладает достаточным для криминализации уровнем общественной опасности. Деяние признается общественно опасным исключительно при сочетании этих факторов.

Вред, наносимый вследствие совершения «банкротных» преступлений, имеет специфичную юридическую природу, поскольку он вбирает в себя как свойства экономической деятельности хозяйствующих субъектов, так и фактически отношения собственности. Совершение преступлений, предусмотренных ст. 195-197 УК РФ создает условия для неправомерного вывода из коммерческого оборота значительных финансовых ресурсов. Одновременным последствием такого деяния является причинение ущерба собственности.

Потерпевшей стороной при уголовно наказуемых деяниях в сфере банкротства физических лиц выступают преимущественно юридические лица, ведущие банковскую или иную кредитную деятельность. В результате совершения исследуемых преступлений из коммерческого оборота на значительное время выводятся существенные финансовые ресурсы. И, что не менее важно, зачастую эти извлеченные из предпринимательского оборота средства выводятся безвозвратно.

Правоотношения в сфере банкротства физических лиц призваны создавать баланс интересов сторон экономической деятельности. Фигура гражданина выглядит менее защищенной на фоне противоположной стороны в виде юридического лица, например, банковской организации. И если физическое лицо действовало добросовестно и в соответствии с требованиями законодательства, но в силу стечения различных обстоятельств оказалось в тяжелой жизненной ситуации, в безвыходном положении, то законодательство о банкротстве призвано оградить такого гражданина от бесполезных, бесперспективных попыток истребовать у него образовавшиеся задолженности.

Вместе с тем другая «чаша весов» представлена правомерными интересами хозяйствующих субъектов, которые не ориентированы передавать свои финансовые ресурсы потребителям на безвозвратной основе. Вне всяких сомнений, соблюдение и обеспечение законных интересов этой стороны также выступает залогом эффективного осуществления ими экономической деятельности.

На страже интересов хозяйствующих субъектов стоят анализируемые уголовно-правовые предписания, которые подлежат применению только в случаях грубого нарушения законодательства о банкротстве и при условии причинения крупного ущерба. При невыполнении этих условий уголовно-правовые механизмы обеспечения экономической деятельности оказываются невовлеченными в соответствующие правоотношения. В такой ситуации возможно административно-правовое воздействие и в любом случае могут быть задействованы гражданско-правовые инструменты восстановления нарушенных прав кредиторов.

Андреев Николай Александрович,
адъюнкт кафедры уголовного права и криминологии
Краснодарского университета МВД России

Причинный комплекс распространения экстремистской идеологии в молодежной среде

Вовлечение несовершеннолетних в преступную деятельность уже давно стало одной из глобальных проблем уголовно-правовой политики России и других государств, ведь преступность среди несовершеннолетних в определенном смысле является фактором роста преступности взрослых. И, чтобы не допустить роста преступности, следует сосредоточить внимание на предотвращении и, прежде всего, защите несовершеннолетних лиц от негативных явлений, среди которых крайне опасным является вовлечение взрослыми лицами несовершеннолетних в преступную деятельность[1].

[1] Коровин Е.П. Некоторые теоретические и практические проблемы квалификации преступления, предусмотренного ст. 151.2 УК РФ // Уголовное право. 2018. № 6. С. 56.

Обеспечение прав ребенка относится к глобальным проблемам. Криминологические исследования свидетельствуют об определенной закономерности: чем раньше человек выбирает преступный путь, тем длиннее и опаснее он есть, а лицо – менее исправимым. В литературе юридического направления содержатся многочисленные данные выборочных исследований, согласно которым более чем каждое третье преступление, совершенное несовершеннолетним, – следствие вовлечения его в преступную деятельность взрослым.

Особую тревогу вызывают проблемы вовлечения несовершеннолетних в экстремистскую деятельность в составе деструктивных организаций, деятельность которых воспроизводит радикальные идеи, содержание которых обеспечивает негативное воздействие на духовно-нравственное развитие несовершеннолетнего.

Анализ процессов и тенденций развития оперативной обстановки показывает, что Северо-Кавказский регион по-прежнему является одним из основных ареалов активного распространения радикальной и экстремистской идеологии, инициированного идеологами и вербовщиками международных религиозно-экстремистских организаций. Ими проводится целенаправленная работа по подбору новых сторонников, с учетом криминогенной ситуации в регионе и особенностей менталитета населения.

При этом, пропаганда наиболее интенсивно осуществляется в молодежной среде, которая в силу своей социальной неустроенности, впечатлительности и остроты восприятия окружающей обстановки является той частью общества, в которой наиболее быстро происходит накопление и реализация негативного протестного потенциала. В силу чего, максимально широкое распространение нетрадиционные религиозные воззрения получают именно среди подростков и молодежи.

Это подтверждает анализ возрастных показателей участников террористических и религиозно-экстремистских ячеек, выявленных на территории СКФО в 2019-2020 годах.

В результате принятых мер, в 2019 году на территории СКФО ликвидированы 30 террористических ячеек (КБР-5, КЧР-1, РД-17, РИ-1, СК-1, ЧР-5), в состав которых входило 106 лиц (нейтрализовано – 21, задержано – 85).

В течение 2020 года органами внутренних дел, дислоцированными на территории субъектов РФ в СКФО, выявлено 24 ячейки международных террористических и религиозно-экстремистских организаций (КБР-2, КЧР-2, РД-5, РИ-5, СК-3, ЧР-7), установлено 106 лиц, входивших в их состав (нейтрализовано – 38, задержано – 68)[1].

Анализ личностных характеристик их участников, позволяют говорить о достаточно молодом возрасте – средний возраст составил около 24,5 лет в 2019 году и 31,3 года – в 2020[2].

---

[1] Сведения ГИАЦ МВД России: Единый отчет о преступности за 2019, 2020 годы (Сводный отчет по России).

[2] Там же.

По результатам анализа обстоятельств, способствующих вовлечению молодежи в террористическую деятельность, можно выделить наиболее значимые причины:

1) нарастание масштабов распространения идеологии радикализма, инициированное идеологами и вербовщиками международных террористических и религиозно-экстремистских организаций.

В целях вовлечения в противоправную деятельность новых участников и расширения пособнической базы, члены МТО наращивают пропаганду экстремистской идеологии в молодежной среде, в т.ч. с использованием современных информационных технологий.

Так, за 12 месяцев 2019 года территориальными органами внутренних дел, а также ГУ МВД России по СКФО выявлено 73 преступления, связанных с вербовкой, склонением или иным вовлечением жителей округа к участию террористической и экстремистской деятельности, выявлено 36 лиц, осуществлявших вербовочную деятельность.

По итогам 2020 года на территории СКФО было установлено уже 80 фактов (т.е. +9,6%) склонения к участию в деятельности экстремистских организаций, установлено 50 лиц, осуществлявших вербовочную деятельность.

За 12 месяцев 2019 года на территории СКФО сотрудниками органов внутренних дел в процессе мониторинга сети Интернет органами внутренних дел выявлено 4410 источников информации, содержащих материалы с признаками идеологии экстремизма. В течение 2020 года их количество выросло на 40,1% и составило 6180 источников.

2) Сложная социально-экономическая ситуация в округе, характеризующаяся безработицей и низким уровнем жизни значительной части населения округа, что провоцирует повышение протестных настроений и, как следствие, – вовлечение молодежи в экстремистскую деятельность организациями деструктивного толка.

Существенным подспорьем для вербовочной деятельности становятся социально-экономические проблемы, существующие в Северо-Кавказском федеральном округе, что создает почву для вовлечения в преступную сферу безработных и граждан с низким уровнем материального достатка[1].

Справочно: бюджеты подавляющего большинства регионов округа запланированы на 2021 год с существенным дефицитом: ЧР – 12 млрд. рублей, РД – 6 млрд. руб., СК – 3,9 млрд. руб., КБР – 1,1 млрд. руб., РИ – 115,6 млн. руб., РСО-А – 102 млн. руб.

Единственным регионом СКФО, где бюджет на 2021 г. принят с небольшим профицитом в 80,2 млн. руб. является Карачаево-Черкессия.

[1] Преступность в Ставропольском крае: состояние и прогноз / И.Л. Мармута, В.В. Власенко, Е.П. Коровин и др.; под ред. Н.Ш. Козаева. Краснодар, 2021. С. 82.

Слабые экономические показатели субъектов округа и большое количество молодежи в северокавказских республиках влекут за собой высокий уровень безработицы.

Несмотря на принимаемые меры, Северный Кавказ остается одним из наиболее трудоизбыточных регионов Российской Федерации, в котором рост численность трудоспособного населения значительно превосходит количество имеющихся рабочих мест. Ситуация в данной сфере еще более усугубилась в 2020 году вследствие пандемии[1].

Так, согласно данным Росстата, по итогам 2020 года регионы СКФО продемонстрировали отрицательную динамику в данной сфере.

В абсолютном выражении наименьшее количество безработных по итогам 2020 года зарегистрировано в РСО - Алания – 19,4 тыс. человек, чуть больше – в Карачаево-Черкесской Республике (22,5 тыс.). В Республике Ингушетия пособие по безработице получают 47,8 тысяч граждан, в Кабардино-Балкарской Республике – 74,2 тыс., в Ставропольском крае – 84 тыс., в Республике Дагестан – 106,4 тыс. Наибольшее количество безработных по итогам 2020 года зарегистрировано в Чеченской Республике – 125 тыс. человек[2].

За год меньше всего выросла безработица в Ингушетии (в 2,1 раза), в Чечне (в 2,5 раза) и в Северной Осетии (в 3,6 раз). Чуть больший рост зафиксирован в Дагестане – в 5,2 раза. Тройка регионов с самым большим ростом безработицы: Карачаево-Черкессия (в 8,2 раза), Ставропольский край (в 8,3 раза) и Кабардино-Балкария (в 10 раз).

В результате, молодежь, вступающая во взрослую жизнь, не может найти себе применение, что влечет неверие в перспективы какого-либо профессионального и карьерного роста, разочарование в институтах государственной власти. Как следствие – такие граждане становятся потенциальным объектом для вербовщиков международных террористических и религиозно-экстремистских организаций.

3) Активная деятельность служителей культа, проповедующих нетрадиционные религиозные направления с экстремистским уклоном.

Лидеры и идеологи МТО, наряду с организацией вооруженной борьбы с органами власти, большое внимание уделяют популяризации идей нетрадиционного ислама хорошо подготовленными проповедниками, прошедшими обучение в религиозных образовательных учреждениях за рубежом.

Согласно сведениям ЦПЭ МВД, ГУ МВД субъектов РФ в СКФО в конце 2020 года установлено 1052 выходца из СКФО, получивших исламское религиозное образование за рубежом, либо в настоящее время обучаю-

[1] Преступность в Ставропольском крае: состояние и прогноз / И.Л. Мармута, В.В. Власенко, Е.П. Коровин и др.; под ред. Н.Ш. Козаева. Краснодар, 2021. С. 82.

[2] https://stavstat.gks.ru/folder/33176

щихся в иностранных теологических учебных заведениях: КБР – 45 (44 ранее обучались, 1 проходит обучение), КЧР – 120 (86 ранее обучались, 34 проходят обучение), РД – 520 (118 ранее обучались, 402 проходят обучение), РИ – 11 (все закончили обучение), РСО – 138 (все закончили обучение), СК – 79 (53 ранее обучались, 26 проходят обучение), ЧР – 139 (все проходят обучение).

Молодые люди, получая религиозное образование за пределами страны, после возвращения на Родину, выступают не просто как агитаторы религиозно-экстремистской идеологии, но еще и навязывают населению чуждые обычаи, стиль одежды и поведение, а также оказывают пособническую помощь членам диверсионно-террористических групп.

Попадание молодежи в ряды приверженцев экстремизма вследствие получения религиозного образования за рубежом (в Саудовской Аравии, Египте, Пакистане, Йемене, Турции, Сирии и т.д.), не только обостряет религиозную ситуацию в обществе, но и формирует угрозу потери позиций традиционного для Кавказа ислама.

Этому способствует также нехватка квалифицированных имамов в официальных религиозных объединениях, низкий авторитет отдельных представителей духовенства среди населения, обусловленный отсутствием у определенной их части достаточных религиозных знаний, а также ставшими известными гражданам корыстными проявлениями.

Псевдорелигиозные секты несут прямую угрозу безопасности общества: разрушают традиционные общественные устои, разъединяют семьи, перепрограммируют матрицу поведения адептов, противопоставляя внедренные псевдодуховные ценности конституционным гражданским обязанностям.

В заключении следует отметить, что обеспечение целенаправленной и эффективной защиты общества от экстремистских проявлений возможно лишь в случае комплексного использования политических, правовых, экономических, духовно-нравственных, информационных и иных возможностей органов исполнительной власти всех уровней.

Архипова Ирина Александровна,
кандидат юридических наук, доцент
заместитель начальника кафедры криминалистики
Московского университета МВД России
имени В.Я. Кикотя

Отдельные вопросы противодействия терроризму

Анализ сложившейся в настоящий момент общественно-политической обстановки в мире позволяет сделать обоснованный вывод, о том что одной из важнейших задач для целого ряда государств является борьба с

терроризмом. К сожалению, данная проблема не обошла и нашу страну, которая столкнулась с этим негативным явлением во всех её проявлениях, включая такую крайнюю форму как незаконные вооружённые формирования. По сути дела на территории России возникли зоны, на которые не распространяется действие государственных органов власти, ставшие питательной средой для формирования разнообразных преступных сообществ.

Особую озабоченность вызывает также то обстоятельство, что указанные группировки сумели установить обширные международные связи, обеспечившие им значительную финансовую и материально-техническую поддержку из-за рубежа. Используя сепаратистские лозунги в качестве идеологического прикрытия своей деятельности, указанные преступные сообщества изобрели по сути дела новую форму криминального бизнеса, когда получение финансовых средств осуществляется в качестве компенсации за ведение войны против собственного государства.

Очевидно, что эффективное противодействие данному негативному явлению может быть осуществлено только при условии организации чёткого взаимодействия целого ряда государственных структур. Основой для такого взаимодействия должна стать система нормативных актов, включающая в себя документы, принятые на федеральном, региональном и внутриведомственном уровне.

Анализ существующей нормативной базы позволяет сделать вывод о том, что она не содержит документы, чётко регламентирующие порядок взаимодействия ведомств, принимающих в ходе проведения контртеррористических операций. Первым шагом на пути ликвидации данного пробела должно стать принятие решений относительно разграничения компетенции субъектов принимающих участие в подобных мероприятиях.

Чтобы обозначить основные пути решения данной проблемы, определим главные цели данного процесса:

- обеспечение своевременного предупреждения и пресечения терактов, а также выявление лиц, склонных к их совершению;
- устранение дублирования функций спецслужб и как следствие распыления их сил;
- повышение эффективности их действий за счёт профилирования;
- обеспечение своевременного и эффективного обмена информацией;
- обмен опытом с целью совершенствования методов борьбы с терроризмом;
- обеспечение максимальной согласованности действий, направленных на пресечение террористических актов;
- обнаружение и перекрытие каналов, по которым осуществляется финансирование террористических группировок;
- активное вовлечение населения в антитеррористическую деятельность с целью максимально возможного ограничения поддержки террористов с его стороны.

Детальный анализ оперативной обстановки по противодействию проявлениям терроризма показывает, что основные пути устранения недостатков и повышения результативности оперативной работы лежат в первую очередь в плоскости дальнейшего усиления взаимодействия между всеми подразделениями полиции, определения приоритетов и предметных зон ответственности как для органов внутренних дел в целом, так и для отдельно взятых подразделений.

Имеющаяся информация о складывающейся социально-политической и криминальной обстановке в отдельных субъектах и, в целом, по стране позволяет сделать вывод о том, что террористическая деятельность из стихийной формы постепенно трансформируется в тщательно спланированную и организованную, что в свою очередь вынуждает правоохранительные органы вносить существенные коррективы в свою повседневную деятельность, сообразуя её требованиями текущего момента.

Нарастанию угрозы терроризма в нашей стране способствуют следующие факторы:

– продолжающееся финансирование террористической деятельности международными экстремистскими центрами;

– использование некоторыми государствами террористических группировок в качестве инструментов, обеспечивающих расширение сфер геополитического влияния;

– формирование устойчивых связей между террористическими группировками и организованной преступностью, в особенности связанной наркобизнесом и незаконным оборотом оружия;

– наращивание механизмов пополнения рядов террористов за счёт активного привлечения в свои ряды наёмников;

– отсутствие существенных позитивных изменений в реальном жизненном уровне основной массы населения. Это обстоятельство обусловливает дальнейший рост числа особо опасных преступлений и, в первую очередь, в значительно более благополучных на фоне остальной части страны мегаполисах (Москва и Санкт-Петербург), а также других крупных городах России и на Северном Кавказе.

– кризисное положение целого ряда социальных групп, ранее находившихся в относительно привилегированном положении (офицеры, работники военно-промышленного комплекса и научные кадры, и т.п.).

Совместная работа ведомств должна вестись на следующих первоочередных направлениях:

- создание условий, при которых реализация конституционных прав и свобод граждан не могла бы зависеть от национальности, религиозных убеждений и политических воззрений;

- совершенствование взаимодействия по предупреждению террористической деятельности за счёт более активного внедрения в повседневную

деятельность силовых структур преимуществ использования единого информационного банка данных о террористах и террористических организациях;

- усиление контроля за общественными и религиозными объединениями, демонстрирующими признаки терроризма в своих программных заявлениях;

- отработка этнических групп, в частности выходцев из регионов Кавказа и Средней Азии, углубление оперативных позиций в их среде, взаимодействие с официальными представителями диаспор и культурных центров;

- обеспечение эффективного контроля за оборотом оружия и материалами повышенной опасности, которые могут быть использованы для совершения актов терроризма, выявление и пресечение каналов их поставки;

- обеспечение надлежащего уровня секретности информации, имеющей особое государственное значение, в частности, об охране особо важных лиц, о защите объектов стратегического значения;

- выявление и перекрытие каналов финансирования террористических группировок;

- обращение с совместными инициативами в законодательные органы власти с предложениями усиления ответственности за правонарушения в сфере контроля за оружием и материалами повышенной опасности;

- организация распространения наглядной агитации и своевременного информирования на постоянной основе населения через центральные и региональные СМИ для обеспечения надлежащего уровня бдительности и безопасности. Тесное взаимодействие с Министерством печати и информации с целью разработки нормативного акта, регламентирующего освещение террористической деятельности в СМИ и ответственность их сотрудников за нарушение его требований.

Отдельно стоит остановиться на оценке материалов пропагандистской направленности терроризма. Стоит обращать внимание на:

1. Наличие в содержании материалов элементов пропаганды уголовно наказуемого насилия. Необходимо учитывать, что такая пропаганда может осуществляться как путем непосредственных призывов к совершению деяний, предусмотренных Уголовным кодексом Российской Федерации, так и путем восхваления и оправдания лиц, такие преступления совершивших.

2. Своеобразным “закамуфлированным” способом призывов к насилию может стать демонстрация озабоченности осложнением социально-политической или социально-экономической обстановки, навязывание общественному сознанию мнения о развитии тупиковой ситуации, бесперспективности ненасильственных путей разрешения проблем, запугивание масс обывателей якобы осуществляемыми приготовлениями к насилию со стороны отдельных групп.

3. Наличие сведений и призывов, возбуждающих национальную, расовую или религиозную вражду. При этом следует учитывать, что разжигание вражды может осуществляться как через распространение сведений, порочащих отдельные национальные, расовые и религиозные группы, так и путем непомерного возвеличивания какой-либо нации, расовой или религиозной группы.

4. К числу наиболее потенциально опасных проявлений национализма и ксенофобии, чреватых серьезными обострениями оперативной обстановки (вплоть до вспышек насилия) следует отнести:

– усиление обвинений в злонамеренности;

– ссылки на этнические стереотипы в поведении (главным образом, противоправные и антиобщественные);

– однобокая подача и чрезмерное муссирование в действительности имевших место противоправных действий, совершенных представителями какой-либо нации или этнической группы (в сочетании с замалчиванием реального вклада представителей данной нации или этнической группы в общую картину противоправной деятельности в городе, регионе, стране и т.д.);

– распространение слухов о зверствах этнической группировки и требование чрезвычайных мер в их защиту, либо для ограничения свободы угрожающих.

5. В практике террористических организаций нередким явлением стало распространение материалов провокационного характера, приписываемых своим оппонентам. Публикация таких материалов призвана возбудить негативную реакцию на оскорбительные высказывания, исходящие от объектов воздействия террористических групп. Наиболее часто это прием используется для разжигания ксенофобских настроений среди представителей различных национальностей.

6. В качестве проявления терроризма можно рассматривать и призывы к совершению преступлений общеуголовной направленности, если это осуществляется для достижения политических целей: убийства (покушения на них); нанесение ущерба жизни и здоровью человека, имуществу юридических и физических лиц; сопротивление представителям власти.

Основополагающим принципом при выстраивании взаимодействия ведомств, участвующих в осуществлении борьбы с терроризмом является линейная подчинённость привлекаемых сил и средств и чёткое определение головного ведомства, обеспечивающего управление и общую координацию действий. Превращение их в жёсткую структуру, объединённую единым центром управления, гарантирует конечный успех.

Астахова Алина Олеговна,
кандидат юридических наук,
преподаватель кафедры уголовного права, криминологии
и уголовно-исполнительного права
Калининградского филиала
Санкт-Петербургского университета МВД России

Административный надзор за лицами, освобожденными из мест лишения свободы, как элемент противодействия преступности и обеспечение его реализации уголовно-правовыми средствами

Достижение серьезных успехов в противодействии преступности невозможно без решения задачи минимизации повторной и рецидивной составляющей указанного общественно опасного феномена. Для этого недостаточно назначить виновным справедливое наказание и грамотно организовать его исполнение. В ряде случаев возникает потребность в осуществлении дополнительного контроля за лицами, совершившими преступление, и после отбытия ими наказания; наблюдения, позволяющего закрепить позитивные результаты исправительного воздействия на определенное лицо. Такое наблюдение не является субъективной волей должностных лиц или отдельных государственных органов; это вынужденная и необходимая мера, так как совершение ранее судимым лицом нового преступления указывает на то, что принудительные меры пенитенциарного характера, примененные к нему, не оказали должного воздействия.

Указанный вывод подтверждается данными официальной статистики. С начала XXI в. наблюдается устойчивый рост количества преступлений, совершенных повторно. Эта тенденция сохраняется и в текущем десятилетии.

В 2015 году удельный вес преступлений, совершенных лицами, ранее совершавшими преступления, составил 51,8%, в 2016 году эта цифра увеличилась до 54,0%. К 2017 году удельный вес таких преступлений увеличился до 56,0%, сохранив тенденцию к росту и в 2018 году достигнув 56,4%. Согласно данным официальной статистики МВД России сегодня каждое второе расследованное преступление совершено лицами, имеющими криминальный опыт (ранее совершавшими преступление) – 52,7%, при этом из них доля ранее судимых лиц составляет одну треть (29,6%). В течение последних лет из мест лишения свободы ежегодно освобождается более 350тыс. ранее судимых лиц. Более того, в первом полугодии 2019 года доля лиц, совершивших преступления при опасном и особо опасном рецидиве преступлений, составила 3,8%[1].

[1] Здесь и далее статистические данные представлены по материалам официальной отчётности ГИАЦ МВД России.

Резкий рост преступности и, особенно, ее рецидивной составляющей, обусловили возвращение в систему российского законодательства института административного надзора. Нормативной основой обновленного превентивного института послужили Федеральный закон от 6 апреля 2011 г. № 64-ФЗ «Об административном надзоре за лицами, освобожденными из мест лишения свободы»[1] и № 66-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона «Об административном надзоре за лицами, освобожденными из мест лишения свободы»[2]. Рассматриваемый институт во многом перенял положения административного надзора органов внутренних дел за лицами, освобожденными из мест лишения свободы[3], отразив на себе изменения, обусловленные временем.

В сфере административного надзора законодатель взял под охрану соблюдение и выполнение поднадзорными лицами установленных правил (требований). В этой связи под запрет поставлены нарушения как в части невыполнения обязанностей, так и в части несоблюдения ограничений. Учитывая межотраслевой характер данной работы, для целей настоящего исследования терминологическое понятие «нарушение правил административного надзора» целесообразно использовать в двух аспектах. Под «нарушением правил административного надзора» в административно-правовом значении следует понимать несоблюдение административных ограничений и невыполнение обязанностей, установленных при административном надзоре (ст. 19.24 КоАП РФ). Под «нарушением правил административного надзора» в уголовно-правовом смысле следует понимать неисполнение поднадзорным лицом обязанностей прибыть к избранному месту жительства (пребывания) в определенный срок, а равно самовольное оставление такого места жительства (пребывания), совершенные в целях уклонения от административного надзора (ч. 1 ст. 314.1 УК РФ); а также неоднократное несоблюдение поднадзорным лицом установленных ограничений, сопряженное с совершением данным лицом административного правонарушения определенной категории (ч. 2 ст. 314.1 УК РФ).

---

[1] См.: Федеральный закон от 06 апреля 2011 г. № 64-ФЗ «Об административном надзоре за лицами, освобожденными из мест лишения свободы» // СПС КонсультантПлюс. Далее – Федеральный закон об административном надзоре.

[2] См.: Федеральный закон от 06 апреля 2011 г. № 66-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона «Об административном надзоре за лицами, освобожденными из мест лишения свободы» // СПС КонсультантПлюс.

[3] Положение об административном надзоре органов внутренних дел за лицами, освобожденными из мест лишения свободы: утверждено Указом Президиума Верховного Совета СССР от 26 июля 1966 г. № 5364-VI // Ведомости ВС СССР.1966. № 30. Ст. 597.

Современная редакция ст. 314.1 УК РФ включает в себя две части, предусматривающие несколько самостоятельных составов. Следует отметить, что большинство статей Особенной части УК РФ сконструированы таким образом, что вторая и последующие части представляют собой квалифицированный и особо квалифицированный составы по отношению к основному, закрепленному в части первой статьи составу, и отличаются большей степенью общественной опасности и включением факультативных признаков в число обязательных. Однако в нашем случае деяния, предусмотренные ч. 2 ст. 314.1 УК РФ, хоть и отличаются по степени общественной опасности от деяний, закрепленных в части первой статьи, но не являются производными от них. Поэтому можно утверждать, что ст. 314.1 УК РФ устанавливает две формы нарушения правил административного надзора: уклонение от административного надзора (ч. 1 ст. 314.1 УК РФ) и неоднократное несоблюдение установленных судом в соответствии с федеральным законом ограничения или ограничений (ч. 2 ст. 314.1 УК РФ).

Основанием для привлечения поднадзорного лица к уголовной ответственности по признакам объективной стороны ч. 1 ст. 314.1 УК РФ является самовольное противоправное оставление места жительства, пребывания или фактического нахождения вопреки установленным ограничениям либо неприбытие к избранному месту жительства, пребывания или фактического нахождения, совершенное заведомо вопреки установленному порядку.

Основанием для привлечения поднадзорного лица к уголовной ответственности по ч. 2 ст. 314.1 УК РФ является совершение лицом двух и более деяний, состоящих в нарушении установленных административных ограничений. Причем конкретные обязанности должны быть назначены лицу судом, их суть должна быть разъяснена и лицо должно быть уведомлено о том, что неисполнение конкретных установленных ограничений (или ограничения) может повлечь за собой административную ответственность, а неоднократное их неисполнение – уголовную ответственность. При этом возможность применения уголовно-правовых санкций обусловлена наличием ряда обязательных условий.

Анализ правоприменительной практики и специальной литературы[1] свидетельствует о том, что установление признаков объективной стороны

[1] См., напр.: Астахова А.О. Уголовно-правовая характеристика уклонения от административного надзора или неоднократного несоблюдения установленных судом в соответствии с федеральным законом ограничения или ограничений (ст. 314.1 УК РФ): дис. … канд. юрид. наук: 12.00.08. Омск, 2017. С. 125-135; Калинина О.М. Уклонение от административного надзора: вопросы правоприменения // Вестник Омской юридической академии. 2016. С. 51-56; Зябликова М.В., Иващенко В.Б. Применение административной преюдиции и сопряженности при несоблюдении административных ограничений, установленных в рамках административного надзора // Законность. 2017. № 2.С. 41-45.

деяния, предусмотренного ст. 314.1 УК РФ, вызывает наибольшие сложности у органов предварительного расследования и суда. У правоприменителя отсутствует единство в их понимании и оценке, что не способствует повышению эффективности применения рассматриваемой нормы.

Так, при формулировании признаков объективной стороны деяния, предусмотренного ч. 1 ст. 314.1 УК РФ, законодатель использует следующие термины и категории: «неприбытие», «уважительные причины», «место жительства или пребывания», «уклонение», «самовольное оставление», которые в целях формирования единой правоприменительной практики и в конечном итоге повышения эффективности института уголовной ответственности за уклонение от административного надзора или неоднократное несоблюдение установленных судом ограничения (ограничений) в целом требуют дополнительного определения и уяснения. Однако, толкование указанных терминов может являться темой самостоятельного исследования.

Состав преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 314.1 УК РФ, включает в себя два обязательных признака – неоднократность и сопряженность, толкование которых также требует дополнительного пояснения. Остановимся на составообразующем признаке неоднократности, который раскрывается законодателем через административную преюдицию. Суть института административной преюдиции[1] заключается в том, что состав преступления образуется из признаков административного правонарушения, а в качестве критерия разграничения преступления и проступка выступает факт предшествующего наложения административного взыскания за такое же деяние. Другими словами, преступление с административной преюдицией включает повторность административного правонарушения после наложения административного взыскания за первое правонарушение (первые правонарушения).

Что касается нормы, закрепляющей уголовную ответственность за нарушение требований административного надзора, то использование при ее конструировании административной преюдиции необходимо и обусловлено потребностями практики. Закрепление ответственности за неисполнение требований административного надзора невозможно без объединения средств как права административного, так и права уголовного. Более того, противодействие неисполнению правил административного надзора не может осуществляться в полном объеме без такой консолидации.

---

[1] Об административной преюдиции подробнее см.: Бавсун М.В., Бавсун И.Г., Тихон И.А. Административная преюдиция и перспективы ее применения на современном этапе // Административное право и процесс. 2008. № 6. С. 6-9; Михаль О.А., Черемнова Н.А. Административная преюдиция // Электронный журнал «Правовые технологии». 2014. № 1. URL: http://www.lawtech.ru; Лопашенко Н.А. Административной преюдиции в уголовном праве – нет! // Вестник Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации. 2011. № 3 (23). С. 64-71.

Неоднократность по смыслу ч. 2 ст. 314.1 УК РФ предполагает совершение лицом в течение одного года двух и более деяний, состоящих в нарушении установленных судом административных ограничений.

В примечании к ст. 314.1 УК РФ указано, что под неоднократным несоблюдением ограничений понимается несоблюдение лицом конкретных ограничений при условии, что это лицо ранее привлекалось к административной ответственности за аналогичное деяние. Необходимым условием в данном случае является наступление административной ответственности по ст. 19.24 КоАП РФ два раза в течение одного года. Иными словами, понятие неоднократности в рассматриваемом случае состоит из двух элементов: 1) несоблюдение поднадзорным лицом одного или нескольких установленных ограничений; 2) привлечение поднадзорного лица *ранее* (выделено нами. – К.А.) к административной ответственности и наказанию за деяние, предусмотренное ст. 19.24 КоАП РФ, не менее двух раз в течение одного года. Второй элемент касается того, что лицо считается привлеченным к административной ответственности, если в отношении него вынесено постановление об административном правонарушении, которое вступило в законную силу.

При этом временной промежуток со дня вступления в силу постановления об административном правонарушении, предусмотренном ст. 19.24 КоАП РФ, до момента совершения третьего факта несоблюдения поднадзорным лицом одного или нескольких установленных ограничений, за которое лицо привлекается к уголовной ответственности по ч. 2 ст. 314.1 УК РФ, не может составлять более одного года.

Несоблюдение административных ограничений, совершенное в третий раз, будет признаваться уголовно наказуемым лишь в случае сопряженности с совершением административного правонарушения против порядка управления (за исключением административного правонарушения, предусмотренного ст. 19.24 КоАП РФ), либо посягающего на общественный порядок и общественную безопасность, на здоровье, санитарно-эпидемиологическое благополучие населения и общественную нравственность, либо административного правонарушения, предусмотренного ч. 7 ст. 11.5, либо ст. 11.9, либо ст. 12.8, либо ст. 12.26 КоАП РФ. То есть третье несоблюдение административных ограничений само по себе повлечет только административную ответственность, равно как и последующие, если они не были сопряжены с совершением административного правонарушения из указанного перечня.

Сопряженный означает взаимно связанный, находящийся во взаимодействии, сопровождаемый чем-либо[1]. В соответствии с правовой позицией

[1] См.: Словарь русского языка. Т. IV. С-Я. 2-е изд., испр. и доп. М.: «Русский язык», 1984. С. 200.

Верховного Суда РФ[1] сопряженность определяется через слова «в связи», «в процессе».

Эта взаимосвязь должна быть как временной, так и содержательной[2]. Во-первых, деяние, выразившееся в нарушении административных ограничений, должно предшествовать административному правонарушению либо осуществляться одновременно с ним. Иными словами, административное правонарушение (сопряженное) должно быть совершено в период совершения нарушения административных ограничений. Во-вторых, деяние, выразившееся в совершении административного правонарушения, должно быть взаимосвязано и взаимообусловлено нарушением установленных ограничений. Например, сопряженность может иметь место в случае привлечения поднадзорного лица к административной ответственности за мелкое хулиганство (ст. 20.1 КоАП РФ) при несоблюдении административного ограничения в виде запрета посещения мест проведения массовых и иных мероприятий и участия в указанных мероприятия. И напротив, сопряженность отсутствует в случае привлечения поднадзорного лица к административной ответственности за нарушение требований пожарной безопасности (ст. 20.4 КоАП РФ) при несоблюдении того же административного ограничения.

Нарушение правил административного надзора относится к числу преступлений со специальным субъектом. Субъект преступления, предусмотренного ст. 314.1 УК РФ, это физическое, вменяемое лицо, достигшее 18-летнего возраста, в отношении которого после освобождения из мест лишения свободы при отбытии наказания установлен административный надзор. Изменение круга лиц, в отношении которых устанавливается административный надзор, неизменно повлечет за собой увеличение круга субъектов нарушения требований административного надзора.

С учетом характера и сущности принимаемых мер уголовно-правового воздействия уклонением от административного надзора следует считать неправомерные умышленные действия лица, в отношении которого судом в определенном порядке установлен административный надзор, направленные на избежание юридической обязанности по исполнению требований административного надзора (соблюдению административного ограничения или ограничений (ч. 1 ст. 4 Федерального закона об административном надзоре), а также выполнению обусловленных этими ограничениями обязанностей (ч. 1 ст. 11 Федерального закона об административном надзоре). Возможность уклонения от административного надзора появляется с момента вступления в законную силу решения суда об его установлении.

---

[1] См.: пункты 7 и 11 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27 января 1999 г. № 1 «О судебной практике по делам об убийстве (ст. 105 УК РФ)» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 1999. № 3.

[2] См.: Вишнякова Н.В. Проблемы применения нормы, предусмотренной ч. 2 ст. 314.1 Уголовного кодекса РФ, связанные с установлением содержания признаков преступления «неоднократное» и «сопряженное». С. 79-80.

Умышленный характер таких действий предполагает заведомость понимания этим лицом неправомерного характера своего поведения. Поднадзорное лицо осознает, что у него существует обязанность выполнять требования административного надзора, но он уклоняется (избегает) от исполнения этих требований.

Последним по порядку, но не по значению, рассматриваемым элементом состава преступления, предусмотренного ст. 314.1 УК РФ, является субъективная сторона. Традиционно субъективная сторона преступления представляет собой внутреннюю сторону противоправного деяния[1]. С учетом характера и сущности принимаемых мер уголовно-правового воздействия нарушением правил административного надзора (в виде уклонения) следует считать неправомерные умышленные действия лица, в отношении которого судом в определенном порядке установлен административный надзор, направленные на избежание юридической обязанности по исполнению требований административного надзора (соблюдению административного ограничения или ограничений (ч. 1 ст. 4 Федерального закона об административном надзоре), а также выполнению обусловленных этими ограничениями обязанностей (ч. 1 ст. 11 Федерального закона об административном надзоре). Возможность уклонения от административного надзора появляется с момента вступления в законную силу решения суда об его установлении. Умышленный характер таких действий предполагает заведомость понимания этим лицом неправомерного характера своего поведения. Поднадзорное лицо осознает, что у него существует обязанность выполнять требования административного надзора, но он уклоняется (избегает) от исполнения этих требований.

В заключение отметим, что квалификация преступления, предусмотренного ст. 314.1 УК РФ, по субъективным признакам вызывает у правоприменителя значительно меньше проблем, нежели квалификация по объективным признакам, однако расследование и рассмотрение дел по факту уклонения от административного надзора (ч. 1 ст. 314.1 УК РФ) все же достаточно сложно, особенно в доказывании специальной цели уклонения от административного надзора.

[1] См., напр.: Уголовное право Российской Федерации: Общая часть: учебник / под ред. проф. А.И. Марцева. Омск, 2006. С. 129.

Бабанина Дарья Васильевна,
адъюнкт кафедры уголовного права и криминологии
Краснодарского университета МВД России

Социально-экономические факторы детерминации криминальной субкультуры несовершеннолетних

Одними из системных свойств преступности являются самодетерминация и самовоспроизводство[1]. Ключевую роль при этом играют профессиональная преступность, организованная преступность и преступность несовершеннолетних, а связующим звеном и катализатором данных процессов является криминальная субкультура, выступающая проводником криминальной мифологии, идеологии и психологии[2]. Распространение криминальной субкультуры в среде несовершеннолетних имеет следствием вовлечение их в преступную деятельность и дальнейшую криминализацию общества.

При этом криминальная субкультура несовершеннолетних детерминируется не только ее целенаправленной трансляцией криминальным миром, но и различными факторами возникновения и существования феномена данной субкультуры как такового.

Формирование криминальной субкультуры несовершеннолетних как инструмента «культурного» противостояния официальной культуре общества является своеобразной реакцией несовершеннолетних на различного рода социальные потрясения и кризисные состояния общества[3]. В качестве самостоятельной группы факторов детерминации субкультуры несовершеннолетних можно выделить социально-экономические факторы.

Хотя, как известно, между экономикой и преступностью отсутствуют полные и прямые корреляционные связи[4], порождаемые экономи-

---

[1] Игнатов А.Н. О понятии преступности // Основные направления государственной политики России в сфере обеспечения национальной безопасности. Материалы международной научно-практической конференции. Отв. ред. Е.М. Якимова. Иркутск, 2018. С. 73-77.

[2] Воронин Ю.А. Криминальный профессионализм: современные тенденции // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Право. 2018. Т. 18. № 1. С. 15.

[3] Бабанина Д.В. Социально-политические факторы детерминации криминальной субкультуры несовершеннолетних // Правовая культура в современном обществе [Электронный ресурс]: сборник научных статей / Министерство внутренних дел Республики Беларусь, учреждение образования «Могилевский институт Министерства внутренних дел Республики Беларусь»; редкол.: И.А. Демидова (отв. ред.) [и др.]. Могилев: Могилев. институт МВД, 2021. С. 428-433.

[4] Лунеев В.В. Рыночная экономика и экономическая преступность в России // Экономическая преступность / под ред. В.В. Лунеева, В.И. Борисова. М.: Юристъ, 2002. С. 15.

ческой нестабильностью, такие негативные социальные явления, как бедность, безработица, социальная и имущественная стратификации населения, отсутствие условий для самореализации личности, увеличение числа обездоленных и беспризорных, повышение уровня алкоголизма и наркомании и прочие, выступают основной причиной высокого, а временами критического уровня социальной напряженности, а также тревожности и отчужденности на индивидуальном уровне[1]. В свою очередь постоянная тревожность и отчуждение порождают тревогу, страх, ощущение нестабильности существования, неуверенности и отчужденность, порождают различного рода социальные девиации, в том числе и относительно различных механизмов социализации и адаптации, в частности примыкание к криминальной субкультуре, как одному из наиболее примитивных и доступных инструментов.

Прежде всего, следует учитывать, что несовершеннолетние являются объективно наиболее социально незащищенной (нуждающейся в социальной защите) социальной группой. Такое положение несовершеннолетних объективно обусловлено отсутствием экономической самостоятельности, соответственно, ограниченностью возможностей удовлетворения своих потребностей.

Несовершеннолетние в силу характерных для данной возрастной группы личностных свойств (психо-эмоциональная неустойчивость, легкая возбудимость, эгоцентричность, завышенная самооценка, стремление к самостоятельности и независимости, стремление избавиться от опеки взрослых, социальная незрелость и др.) остро реагируют на такие негативные экономические процессы и явления, как снижение уровня жизни и социальной защищенности, недоступность образования, недоступность и ненадлежащая организация досуга и отдыха и пр. В то же время, указанные личностные свойства несовершеннолетних определяют завышенный уровень их социальных и экономических притязаний и не позволяют объективно оценивать и соразмерять уровень своих притязаний и субъективных возможностей их реализации.

Указанное обуславливает не только острую, часто протестную реакцию несовершеннолетних на объективно существующие в обществе проявления социального неравенства, но и радикальность и агрессивность позиции несовершеннолетних по поводу удовлетворения своих потребностей любым способом.

Низкий уровень жизни, невозможность удовлетворения потребностей, недоступность альтернативных форм досуга и отдыха, отсутствие

[1] Антонян Ю.М. Криминология. Избранные лекции. М.: Логос, 2004. С. 277; Игнатов А.Н., Хун А.З. Социальные факторы детерминации насильственной преступности // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Юридические науки. 2019. Т. 5 (71). № 1. С. 327-335.

перспектив социального роста и иные негативные условия жизни и формирования личности несовершеннолетнего являются фактором детерминации противоправного поведения несовершеннолетних и преступности несовершеннолетних в целом. При этом «проводником» приобщения несовершеннолетнего к преступному миру и образу жизни является именно криминальная субкультура.

Особенности ценностно-смысловой сферы личности несовершеннолетних правонарушителей, определяются тем, что по сравнению с законопослушными лицами для них более характерна склонность жить одним днем и неудовлетворенность своей жизнью в настоящем. При это сам процесс своей жизни несовершеннолетние склонны воспринимать как неинтересный, эмоционально ненасыщенный и не наполненный смыслом. Внешний же мир несовершеннолетние правонарушители более склонны воспринимать как не благосклонный и не дружелюбный по отношению к ним[1].

Находясь в сложных социально-экономических условиях, несовершеннолетний видит в приобщении к преступному миру возможность удовлетворения своих потребностей, а порой и единственную возможность обеспечения своего существования, а также перспективу своего дальнейшего социального роста. В результате происходит активная вовлеченность несовершеннолетнего в сбор, чаще откровенное вымогательство, со своих сверстников и даже малолетних лиц средств для финансового обеспечения преступного мира, формирования так называемого «общака» и т.д.

В деятельности такого рода несовершеннолетний видит не только способ получения средств для удовлетворения своих потребностей, а также свой вклад в «общее дело» криминалитета, но и перспективные «инвестиции» в обеспечение надлежащих условий пребывания, в том числе своего в дальнейшей перспективе, в местах принудительного содержания. Поскольку характер молодежной субкультуры в значительной степени обуславливается особенностями региональной среды, определяемыми экономическими, культурными, религиозными, идеологическими, психологическими и иными местными факторами существования[2], наибольшую распространенность указанные процессы имеют место в регионах страны с низким уровнем жизни, упадком экономики и высокой концентрацией учреждений пенитенциарной системы.

---

[1] Григорьев П.Е., Игнатов А.Н. Особенности ценностно-смысловой сферы личности несовершеннолетних преступников // Способности и ментальные ресурсы человека в мире глобальных перемен / Отв. ред. А.Л. Журавлёв, М.А. Холодная, П.А. Сабадош. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2020. С. 904.

[2] Моргунова Г.Е. Регион и город как факторы формирования современной субкультуры молодежи // Вестник Поволжской академии государственной службы. 2009. № 1 (18). С. 213.

Следует отметить, что экономические факторы детерминации криминальной субкультуры несовершеннолетних проявляются в вовлечении несовершеннолетних в бизнес, связанный с торговлей предметами, имеющими криминальную атрибутику. Так, установленным на сегодня является факт, что одной из целей создания экстремисткой организации «АУЕ», выступает получение доходов от продажи товаров, имеющих атрибутивную криминальную направленность, в том числе произведенных в учреждениях пенитенциарной системы[1]. Мотивацией действий несовершеннолетних по распространению данных предметов может быть обусловлена как непосредственно «идейными» мотивами солидарности и поддержки криминального мира, его ценностей и традиций, так и мотивами корысти.

Кроме того, кураторы из числа представителей криминалитета используют несовершеннолетних приверженцев криминальной субкультуры в целях участия их в различного рода устрашающих и протестных акциях. Вполне понятно, что подоплека организации представителями криминалитета участия несовершеннолетних «адептов» в подобных акциях имеет преимущественно коммерческий характер. При этом несовершеннолетние могут быть искренне убеждены, что служат исключительно «идеи».

Проведенные исследования выявили, что именно низкий уровень материального благосостояния является одной из причин распространенности криминальной субкультуры «АУЕ». Так, практически каждый десятый приверженец данной субкультуры оценивает уровень достатка своей семьи как очень низкий (недостаточно средств на удовлетворение элементарных потребностей), а каждый шестой как низкий (не всегда есть средства для удовлетворения элементарных потребностей)[2].

Нормальный уровень материальной обеспеченности несовершеннолетних, не является фактором, исключающим их вовлеченность в криминальную субкультуру. Доступность гаджетов и интернет-ресурсов для широких масс несовершеннолетних несет в себе риски распространения среди данной категории лиц криминальной субкультуры.

Как известно, из всех возрастных кризисов наиболее сложным является кризис подросткового периода. Именно в старшем подростковом возрасте имеет место процесс наиболее активного формирования ценностно-смысловой сферы личности. Дисгармоничное развитие данной сферы личности является одной из предпосылок развития склонности несовершеннолетнему к противоправному поведению, в том числе и вовлеченности в криминальную субкультуру. Указанное обусловлено тем,

---

[1] Антонян Е.А., Борисов Е.А. К вопросу о популяризации криминальной субкультуры среди молодежи // Lex russica (Русский закон). 2017. № 12 (133). С. 181.

[2] Борисов Е.А. Распространение криминальной субкультуры АУЕ среди молодежи: ключевые факторы, угрозы, меры противодействия // Вестник Прикамского социального института. 2020. № 1 (85). С. 20.

что «ценностно-смысловые ориентации являются одним из факторов, играющих ключевую роль в механизме мотивации поведения человека и регулирующих его деятельность и поведение через противостояние между долгом и желанием, нравственными и общественными движениями. … Ценностные ориентации объясняют основу поведения и сознания личности, а также дают направление ее развитию и формированию»[1].

Средства массовой коммуникации и виртуальное пространство играют сегодня все более значимую роль в социализации несовершеннолетних. Формируемые в социальных сетях неформальные сообщества лиц данной возрастной категории являются неотъемлемым элементом их социализации.

Субкультура российской молодежи в целом характеризуется отсутствием консолидированного доминирующего образа, она ориентирована преимущественно на получение информации, нерегламентированную коммуникацию и досуг, имеет выраженный потребительский характер. Молодежная субкультура во многом отражает в себе криминализацию общества, ориентацию на массовую культуру и потребительские ценности, и формируется главным образом средствами массовой коммуникации и информации[2].

При этом современная информационная среда, к сожалению, перенасыщена отражением и пропагандой культа насилия и жестокости, а также культа потребления, что крайне негативно отражается на формировании ценностно-смысловой сферы личности несовершеннолетнего. Как отмечает А.Н. Игнатов сегодня «складывается и развивается мощнейшая индустрия технологий из наращивания экзотических, даже извращенных нужд и превращения их в главный мотив поведения и ценностных ориентаций. Господство подобных потребительских устремлений в жизненной динамике современной цивилизации не может не вызывать тревоги»[3]. В свою очередь характерной чертой средств массовой коммуникации является активное их использование с целью манипуляции сознанием чело-

[1] Григорьев П.Е., Игнатов А.Н. Особенности ценностно-смысловой сферы личности несовершеннолетних преступников // Способности и ментальные ресурсы человека в мире глобальных перемен / Отв. ред. А.Л. Журавлёв, М.А. Холодная, П.А. Сабадош. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2020. С. 899.

[2] Моргунова Г.Е. Регион и город как факторы формирования современной субкультуры молодежи // Вестник Поволжской академии государственной службы. 2009. № 1 (18). С. 214-216.

[3] Игнатов А.Н. Кризис духовной сферы как фактор детерминации экстремизма, терроризма и криминального насилия в целом // Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России. 2015. № 3 (41). С. 48-49.

века, а арсенал способов совершения преступлений пополнили информационно-когнитивные технологии[1]. Виртуальная среда и указанный способ активно используется и в целях формирования криминальной субкультуры несовершеннолетних и вовлечения в нее все новых субъектов.

На сегодня в информационно-телекоммуникационной сети Интернет насчитывается около пятидесяти тысяч ресурсов, пропагандирующих криминальную субкультуру «АУЕ». Суммарная аудитория данных ресурсов составляет более одного миллиона подписчиков, большинство из которых (около 80%) составляют дети и молодые люди в возрасте до 30 лет[2]. Анализ состава аудитории и транслируемого контента соответствующих групп в социальной сети «ВКонтакте» свидетельствует о высокотехнологичной, профессиональной, целенаправленной работе с целевой аудиторией по вовлечению детей и молодежи в криминальную субкультуру[3].

Таким образом, в качестве факторов детерминации криминальной субкультуры несовершеннолетних следует рассматривать социально-экономические факторы. Сложные социально-экономические условия порождают у несовершеннолетних мотивацию приобщения к преступному миру как возможности удовлетворения своих потребностей и перспективе своего дальнейшего социального роста. Криминалитет активно использует несовершеннолетних сторонников криминальной субкультуры в целях материального обогащения. Нормальный уровень материальной обеспеченности несовершеннолетних, определяющий доступность для них гаджетов и интернет-ресурсов, при выраженном потребительском характере молодежной субкультуры и ее ориентации на получение информации, нерегламентированную коммуникацию и досуг, несут в совокупности риски распространения среди данной категории лиц криминальной субкультуры.

---

[1] Игнатов А.Н. Информационно-когнитивные технологии в арсенале способов совершения преступлений // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2020. № 11-2. С. 82-89.

[2] Борисов Е.А. Распространение криминальной субкультуры АУЕ среди молодежи: ключевые факторы, угрозы, меры противодействия // Вестник Прикамского социального института. 2020. № 1 (85). С. 20.

[3] Антонян Е.А., Борисов Е.А. К вопросу о популяризации криминальной субкультуры среди молодежи // Lex russica (Русский закон). 2017. № 12 (133). С. 183.

Балмочных Светлана Юрьевна,
кандидат юридических наук,
старший преподаватель кафедры административного права
Воронежского института МВД России

О некоторых вопросах профилактики преступности несовершеннолетних в современной России

В Российской Федерации, как показал анализ статистических данных, на протяжении последних лет прослеживается устойчивая тенденция к снижению преступности несовершеннолетних. Такая тенденция во многом объяснима произошедшей в последнее десятилетие переориентацией уголовной политики в отношении несовершеннолетних, которая сменила свой курс от карательной направленности, на восстановительный.

В свою очередь, несмотря на наметившуюся тенденцию к снижению количества зарегистрированных преступлений совершенных несовершеннолетними, либо при их соучастии, наблюдается угрожающая тенденция – количество тяжких и особо тяжких преступлений, совершенных несовершеннолетними возросло: если в 2018 году их было 9716, то в 2019 году – 10 113[1]. Статистические данные показывают, что уровень жестокости несовершеннолетних преступников в последние годы возрос. Кроме того, увеличилось количество несовершеннолетних, состоящих на различных видах учетов. Так, по официальным данным Генеральной прокуратуры РФ только в 2019 г. до 145 тысяч выросло количество несовершеннолетних, которые были поставлены на учет в подразделениях по делам несовершеннолетних. При этом более 70 тысяч из них совершили противоправные деяния до 16 лет[2]. В частности, согласно статистическим данным Выборгского районного Санкт-Петербурга за 9 месяцев 2018 г. составлено 415 административных протоколов по линии несовершеннолетних. В структуре правонарушений несовершеннолетних выделяется: большинство – 21 правонарушение – учащимися профессиональных училищ и школ, при этом 16-17-летние подростки совершили 22 неправомерных деяния[3].

Проведенный анализ статистических данных о преступности несовершеннолетних показал, что проблемы профилактики правонарушений и преступлений несовершеннолетних остаются актуальными. В силу специфики

---

[1] Статистические данные МВД РФ [Электронный ресурс]. URL: https://xn--b1aew.xn--p1ai/Deljatelnost/statistics (дата обращения: 03.10.2021).

[2] Генеральная прокуратура Российской Федерации Портал правовой статистики [Электронный ресурс]. URL: http://crimestat.ru/offenses_map (дата обращения: 03.10.2021).

[3] Официальный сайт Администрации Санкт-Петербурга [Электронный ресурс]. URL: https://www.gov.spb.ru/gov/terr/reg (дата обращения: 03.10.2021).

привлечения несовершеннолетних к административной и уголовной ответственности и применяемых к ним мер, которые носят чаще воспитательный и профилактический характер, они являются особым субъектом производства по уголовным делам и по делам об административных правонарушениях. Следует учитывать, что целью административной и уголовной ответственности несовершеннолетних должно является убеждение и принуждение, а не кара со стороны государства. Такой подход предполагает создания на уровне государства системы воспитательное-профилактических мер во взаимосвязи с различными общественными организациями. Правой основой такого взаимодействия является Федеральный закон от 24 июня 1999 г. «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних»[1]. Указанный нормативно-правовой акт на законодательном уровне определил систему профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних, деятельность которой должна быть направлена на объединение усилий государственных органов и общественных организаций для преодоления проблем, возникающим в сфере противодействия преступности и правонарушений несовершеннолетних. Основными элементами данной системы являются комиссии по делам несовершеннолетних и защите их прав, созданные в рамках функционирования органов местного самоуправления РФ, органы и учреждения образования, здравоохранения, социальной защитой населения, органы опеки и попечительства, органы по делам молодежи, органы внутренних дел, учреждения уголовно-исполнительной системы и др. Причем деятельность каждого из перечисленных в указанном федеральном законе органа и учреждения, должна осуществляться в рамках их компетенций. Вместе с тем, данные органы и учреждения объединены общей целью – профилактике безнадзорности несовершеннолетних и недопущению совершения ими противоправных деяний. Считаем, что достижение данной цели возможно лишь при организации слаженного взаимодействия и сотрудничества. А также в использовании общих методов профилактики правонарушений несовершеннолетних (убеждения и принуждения).

Следует отметить, что большинство учёных и практических работники считают, что существующую в настоящее время в России система профилактики правонарушений и преступлений несовершеннолетних необходимо модернизировать. Способствовало распространению указанного мнения принятие и реализация Концепции развития системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних на период до 2020 г. Данная концепция предусмотрела конкретные меры профилактического воздействия применяемые на определенных этапах (раннее предупреждение

[1] Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних: федеральный закон от 24 июня 1999 г. № 26-ФЗ (ред. от 24.04.2020 г. № 147-ФЗ) [Электронный ресурс]. URL: http://www.pravo.gov.ru (дата обращения: 04.10.2021).

правонарушений, непосредственное предупреждение правонарушений, предупреждение повторных правонарушений)[1].

В свою очередь среди ученых-криминологов меры предупреждения преступности принято классифицировать на общегосударственные, региональные, муниципальные и местные. При этом, каждая из указанных групп мер обладает своей спецификой.

Так, в целях реализаций положений ФЗ «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних» в каждом субъекте РФ должен быть принят закон о профилактике правонарушений и преступлений несовершеннолетних и утверждены программы комплексных мер по профилактике правонарушений. В числе приоритетных задач подобных программ, считаем, следует предусмотреть повышение уровня профилактики противоправного поведения несовершеннолетних путем повышения уровня культурного, спортивного, правового, нравственного и военно-патриотического воспитания. Помимо этого в каждом субъекте РФ должен быть утверждён порядок межведомственного взаимодействия органов и учреждений системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних, направленный на организацию индивидуальной профилактической работы с несовершеннолетними и семьями, находящимися в тяжелой жизненной ситуации. Так как бездействие или несогласованные действия указанных органов и учреждений приводит к совершению преступлений несовершеннолетними или в отношении несовершеннолетних. Поэтому, должны приниматься меры направленные на организацию взаимообмена информацией между субъектами системы профилактики правонарушений несовершеннолетних. Мы солидарны с мнением Е. В. Баркаловой о необходимости создания в Российской Федерации Единого банка данных детей и семей, находящихся в трудной жизненной ситуации, что будет способствовать успешному решению задач по раннему выявлению таких детей и семей, своевременному проведению с ними индивидуальной профилактической работы, с участием всех субъектов системы профилактики[2].

Кроме того, в целях совершенствования государственной политики в сфере защиты детства, учитывая результаты, достигнутые в ходе реализации Национальной стратегии действий в интересах детей на 2012 - 2017 годы, был издан указ Президента РФ от 29.05.2017 года, согласно которому

---

[1] Концепция развития системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних на период до 2020 года, утвержденная распоряжением Правительства РФ от 22 марта 2017 г. № 520-р [Электронный ресурс]. URL: http://www.pravo.gov.ru (дата обращения: 04.10.2021).

[2] Баркалова Е.В. Актуальные вопросы профилактики подростковой преступности и осуществления прокурорского надзора в данной сфере // Российская юстиция. 2017. № 2. С. 73.

2018-2027 годы в Российской Федерации объявлены Десятилетием детства[1]. В рамках данного указа разработан план основных мероприятий проводимых в Десятилетие детства. Актуальность, цели и задачи мероприятий определяются исходя из наличия не решенных в рамках предыдущих федеральных целевых программ проблем детства, необходимости обеспечения реализации Конвенции ООН по правам ребенка, других международных правовых актов. Реализация данного плана призвана обеспечить комплексный подход к созданию благоприятных условий для улучшения жизнедеятельности и здоровья детей, к решению проблем неблагополучия семей с детьми.

Считаем, что в целях профилактики девиантного поведения несовершеннолетних органами и учреждениями по противодействию правонарушениям несовершеннолетних, в рамках реализации Указа Президента, необходимо проводить мероприятия направленные на: усиление воспитательной функции семьи; организацию слаженного взаимодействия органов и учреждений противодействия правонарушениям несовершеннолетних в целях осуществления профилактической работы; осуществление контроля за деятельностью средств массовой информации, установление цензуры в сети Интернет. Полагаем, что мероприятия в последней сфере наиболее актуальны. Так как в современной России происходит бурное развитие телекоммуникационных технологий, Интернет становится все более доступным для населения страны, транслируемые передачи, фильмы, видеоролики популярных блогеров, становятся источником информации в которых порой пропагандируется распущенность, кибербулинг, жестокость, безнравственность. Поэтому нельзя недооценивать их пагубного влияния на еще не сформировавшуюся психику несовершеннолетнего. Следует отметить, что в последнее время со стороны законодателя прослеживается тенденция к ужесточению цензуры в сети Интернет, так с 1 февраля 2021 года соцсети должны будут удалять посты с использованием ненормативной лексики, а также материалы, пропагандирующие суицид, детскую порнографию, экстремизм терроризм, призывы к несанкционированным митингам и массовым беспорядкам. За игнорирование новых правил, администрация соцсети будет привлечена к административному наказанию в виде штрафа[2].

В настоящее время важно создать комплексную систему помощи, оказавшимся в трудной жизненной ситуации несовершеннолетним, а также семьям, в которых они воспитываются. Поэтому, совместная воспитательно-профилактическая деятельность полиции, иных государственных органов и

---

[1] Об объявлении в Российской Федерации Десятилетия детства: указ Президента РФ от 29.05.2017 № 240 [Электронный ресурс]. URL: http://crimestat.ru/offenses_map (дата обращения: 03.10.2021).

[2] Российская газета - Федеральный выпуск № 19 (8370) от 29.01.2021 [Электронный ресурс]. URL: https://rg.ru/2021/02/01/chto-zhdet-rossiian-v-fevrale.html (дата обращения: 03.10.2021).

учреждений по противодействию правонарушениям несовершеннолетних, институтов гражданского общества должна быть направлена на создание социально-психологических и педагогических условий предупреждения и коррекции подростковой девиации, и как следствие к профилактики правонарушений и преступлений среди несовершеннолетних.

Башинская Инна Геннадьевна,
кандидат юридических наук, доцент,
профессор кафедры уголовного процесса
Краснодарского университета МВД России

Понятие и виды коррупции в социальной сфере

В современном мире коррупция представляет собой серьезную проблему практически для всех государств, она создает угрозу для стабильности и безопасности мирового сообщества, подрывает демократические институты и ценности, веру в справедливость, наносит ущерб устойчивому развитию и правопорядку[1].

Особую тревогу вызывают коррупционные проявления в социальной сфере, поскольку они затрагивают общественные отношения, направленные на защиту основных прав и свобод граждан, включая тех, которые попали в трудную жизненную ситуацию, детей, инвалидов; охрану здоровья. В частности, это может быть коррупция в отношениях врача с пациентом, преподавателя с обучающимся, чиновника с заявителем и т.д. Достаточно привычной проблемой является боязнь граждан без «вознаграждения» обратиться за помощью в лечебное учреждение, поступить в вуз, сдать сессию или даже школьный экзамен[2].

Коррупция в этой сфере подрывает качество образования. В сфере здравоохранения не позволяет гражданам получить квалифицированную медицинскую помощь, восстановить здоровье и т.д.

Социальная среда – это система материальных, экономических, социальных, политических и духовных составляющих существования и деятельности, как отдельных граждан, так и социальных групп. Она включает политику, экономику, некоммерческую и общественную сферы, а также общественное сознание и культуру в широком смысле, то есть не только искусство и литературу, но и нормы взаимодействия индивидов, стереотипы со-

[1] Конвенция ООН против коррупции: принята Генеральной Ассамблеей ООН 31 октября 2003 года // Собрание законодательства Российской Федерации. 2006. № 26. Ст. 2780.

[2] Плохов С.В. Противодействие коррупционной преступности в социальной сфере: на примере здравоохранения и образования Волгоградской и Саратовской областей: автореф. дис. …канд. юрид. наук. Саратов, 2013. С. 3.

циального поведения и т. п. Поэтому социальная среда для каждого индивида включает и его ближайшее социальное окружение (семью, трудовую, учебную и другие социальные группы)[1].

Термин «коррупция» имеет латинское происхождение: corrompere означает «растлевать, портить, повреждать».

Характерные черты коррупции в РФ проявляются в следующем:

1) коррупция является многоуровневым социально-правовым явлением (ею подвержены должностные лица как низшего, так и высшего уровня механизма государства);

2) коррупция представляет собой системное явление (судебная система, правоохранительные органы, вооруженные силы, сфера образования, медицины и др.);

3) субъектами коррупции можно считать государственных и муниципальных служащих, должностных лиц иных публичных органов, а также служащих коммерческих и других организаций, включая международные, а при передаче незаконного вознаграждения - граждане;

4) коррупция осуществляется путем подкупа, включая систематическое незаконное использование служащими своих полномочий в корыстных целях;

5) цель коррупционеров направлена, в первую очередь, на незаконное извлечение материальных и других благ и преимуществ, в т.ч. и неимущественного характера;

6) коррупция носит деструктивную направленность, проявляющуюся в причинении ущерба охраняемым законом правам и интересам государства, общества, личности.

Классификация коррупционных проявлений реализуется следующим образом:

1. В зависимости от сферы проникновения коррупционных проявлений:

коррупция в сфере государственного управления (исполнительной власти);

в сфере законодательной власти;

в сфере деятельности правоохранительных органов, в т.ч. судебных;

в сфере экономики, образования, здравоохранения и др.

2. В зависимости от места коррумпированного чиновника в иерархии власти:

коррупция в высших эшелонах власти (вершинная), к ним относятся федеральные политические деятели и политики субъекта РФ;

[1] Резер Т.М. Противодействие коррупции в социальной сфере: учеб.-метод. пособие; М-во образования и науки Рос. Федерации, Урал. федер. ун-т. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2018. С. 20.

низовая коррупция, которая характерна для низшего уровня государственного аппарата, которая проявляется в процессе взаимодействия чиновников и граждан (предположим, наложение и взыскание штрафов, регистрационные действия и др.).

Характерные черты коррупции в высших эшелонах власти:

высокий и очень высокий социальный статус ее субъектов;

интеллектуальные способы коррупционных действий;

огромный материальный и моральный ущерб, наносимый публичной власти коррупционными действиями;

высокий уровень латентности коррупционных проявлений;

покрывательское отношение органов публичной власти к этой группе коррупционеров.

3. В зависимости от построения коррупционных связей:

«вертикальная» коррупция, чиновник передает взятку своему вышестоящему руководителю за то, что тот покрывает его коррупционную деятельность. Подобный вид коррупции говорит о том, что она приобретает организованную форму;

«горизонтальная» коррупция (гражданин – чиновник; чиновники одного уровня).

4. В зависимости от восприятия обществом:

«белая коррупция» – к ней отношение граждан, как правило, в целом лояльное (вознаграждение медикам, учителям и др.);

«черная коррупция» – действия коррупционеров однозначно осуждаются всеми слоями общества (получение взяток сотрудниками правоохранительных органов за освобождение от уголовной ответственности);

«серая коррупция» – коррупционная деятельность, по поводу которой единое мнение в обществе отсутствует (получение взяток сотрудниками ГИБДД).

5. В зависимости от сферы общественных отношений*:*

политическая коррупция, которая связана с покупкой голосов избирателей в период выборов. При этом проявления подобного вида коррупции находятся далеко за пределами предвыборной борьбы различных элит, партий, групп и отдельных субъектов за власть;

кадровая коррупция, которая проявляется во взаимоотношении двух субъектов – лица, наделенного правомочием принятия решения о назначении на определенную должность или возможностью оказать влияние на кадровую политику, и гражданина, имеющего заинтересованность в получении этой должности. Составной частью данной коррупции, как правило, является участие в ней всевозможных посредников (помощники, референты, секретари). Последствиями такого вида коррупции можно считать некомпетентность служащих, низкий уровень профессиональной деятельности, а в целом, упадок авторитета государственной власти;

экономическая коррупция, когда представители власти неправомерно используют свои возможности в приобретении собственности, т.е. приобретается путем использования нормативных «пробелов» либо путем прямого нарушения законодательства. Предположим, участие коррумпированных должностных лиц в предпринимательской деятельности (создание организаций для участия и победы в конкурсах, проводимых в рамках госзакупок).

6. В зависимости от волеизъявления взяткодателя:

принудительная коррупция (вымогательство взятки);

согласованная коррупция (добровольное решение о передаче взятки).

7. В зависимости от объема коррупционных проявлений:

коррупция «в узком смысле слова» – речь идет о злоупотреблениях чиновника ради материального вознаграждения;

коррупция «в широком смысле слова» – так называемое чиновничье предпринимательство (создание организаций, оформленных на родственников, подставных лиц, пользующихся покровительством должностного лица).

8. По степени общественной опасности:

коррупционные проступки (конфликт интересов – например, рассмотрение судьей гражданского дела с участием организации, в которой его близкий родственник занимает значимое положение);

коррупционные преступления (получение взятки).

9. В зависимости от характера коррупционных проявлений:

«жесткая коррупция» – проявления коррупции, связанные с подкупом должностных лиц;

«мягкая коррупция» – неявные, неочевидные проявления коррупции:

а) фаворитизм – предоставление услуг или подконтрольных ресурсов родственникам, друзьям, знакомым и т.д.

б) клановость (республики Северного Кавказа);

в) землячество, когда вновь назначенные руководящие должностные лица субъектов РФ в качестве заместителей принимают земляков.

Суть «мягкой» коррупции проявляется в принадлежности гражданина к определенной социальной группе, у которой имеются ярко выраженные специфические корпоративные интересы, противоречащие интересам общества.

Нормативной базой в деятельности по противодействию коррупции, являются: Конституция РФ; федеральные конституционные законы; федеральные законы; нормативные правовые акты Президента РФ; нормативные правовые акты Правительства РФ; нормативные правовые акты иных федеральных органов государственной власти; нормативные правовые акты органов государственной власти субъектов РФ; муниципальные правовые акты.

При этом, в данной сфере действуют международно-правовые акты. Основным документом является Конвенция ООН против коррупции

2003 г.[1]. В ст. 20 Конвенции установлены правовые основания введения в нормы национального уголовного законодательства ответственности за незаконное обогащение, которое выражается в значительном увеличении активов публичного должностного лица.

Стоит назвать и Конвенцию Совета Европы об уголовной ответственности за коррупцию 1999 года[2], которая устанавливает перечень мер, реализуемых на национальном уровне антикоррупционной борьбы.

По степени общественной опасности деяния, имеющие признаки коррупции можно классифицировать так:

– деяния, совершение которых влечет значительные общественно-опасные последствия и уголовную ответственность;

– деяния, которые означают коррупционные административные правонарушения, гражданско-правовые деликты, дисциплинарные проступки;

– коррупционная деятельность, ответственность за которую не регламентирована[3].

В п. 1 ст. 1 Федерального закона «О противодействии коррупции» (далее – Федеральный закон № 273-ФЗ)[4] дается следующее определение:

Коррупция – злоупотребление служебным положением, дача взятки, получение взятки, злоупотребление полномочиями, коммерческий подкуп либо иное незаконное использование физическим лицом своего должностного положения вопреки законным интересам общества и государства в целях получения выгоды в виде денег, ценностей, иного имущества или услуг имущественного характера, иных имущественных прав для себя или для третьих лиц, либо незаконное предоставление такой выгоды указанному лицу другими физическими лицами, а также совершение вышеуказанных деяний от имени или в интересах юридического лица.

Как видим, данная дефиниция лишь перечисляет противоправные действия, которые можно считать типичными проявлениями коррупции.

---

[1] Конвенция ООН против коррупции: принята Генеральной Ассамблеей ООН 31 октября 2003 года // Собрание законодательства Российской Федерации. 2006. № 26. Ст. 2780.

[2] Конвенция Совета Европы об уголовной ответственности за коррупцию ETS № 173: принята в Страсбурге 27 января 1999 года // Собрание законодательства Российской Федерации. 2009. № 20. Ст. 2394.

[3] Поляков М.М. Коррупционные административные правонарушения: понятие, виды и содержание // Вестник университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2015. № 8. С. 209.

[4] Федеральный закон от 25 декабря 2008 года № 273-ФЗ (в ред. от 31 июля 2020 года) «О противодействии коррупции» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2008. № 52 (ч. 1). Ст. 6228.

Бикмашев Виталий Абдулхаевич,
кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры уголовного права и криминологии
Краснодарского университета МВД России;
Савенко Ирина Алексеевна,
кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры уголовного права и криминологии
Краснодарского университета МВД России

Вектор Уголовного кодекса 24

Пока математический закон отражает
реальную действительность, он не
точен, как только математический закон точен, он не
отражает реальную действительность[1].
Альберт Эйнштейн

В названии статьи не случайно употреблено слово «вектор», которое в математике означает изображаемую отрезком прямой математическую величину, характеризующуюся численным значением и направлением.

Прошло 24 года с момента, как Уголовный кодекс Российской Федерации вступил в законную силу. Как изменился закон за это время и какую правовую действительность он отражает?

За отчетную точку возьмем 1 января1997 года. На этот период времени УК РФ структурно состоял из Общей и Особенной частей, 12 разделов, 34 глав и 360 статей.

По состоянию на 1 сентября 2021 года действующий УК состоит из Общей и Особенной частей, 12 разделов, 36 глав и 485 статей. Как видно, изменения коснулись относительно количества глав – на 5,9%, и статей – на 34,7%.

Для наглядности проиллюстрируем структуру изменений с помощью таблицы №1.

Позиция структуры УК	УК РФ по сост. на 1.01.1997 г.	УК РФ по сост. на 1.09.2020 г.	Количество изменений +,
Разделы	12	12	нет
Главы	34	36	+2
Статьи	360	485	+125

Количество глав в УК увеличилось на две за счет введения:

1. Федеральным законом от 27.07.2006 г. № 153-ФЗ главы 15[1] «Конфискация имущества»;

[1] Великие мысли великих людей. Антология афоризма. В 3т. XIX-XX века / сост. И.И. Комарова, А.П. Кондрашов. М.: РИПОЛ классик, 2007. С. 717.

2. Федеральным законом от 3.07.2016 г. № 323-ФЗ главы 15^2 «Судебный штраф».

Небезынтересным, на наш взгляд, представляется информация об изменениях количества статей в Общей и Особенной частях УК. Проиллюстрируем данную информацию с помощью таблицы № 2.

№ главы УК	Колич-во статей по сост. на 1.01.1997г.	Из них кол-во утрат. силу	Колич-во статей по сост. на 1.09.2021г.	Из них кол-во введенных
1	2	3	4	5
Общая часть				
1	8		8	
2	5		5	
3	5	1	4	
4	5		5	
5	5		5	
6	3		3	
7	5		5	
8	6		6	
9	17	1	17	1
10	15		17	2
11	4	1	5	2
12	5		7	2
13	3		3	
14	10		10	
15	8		8	
15^1			3	3
15^2			2	2
Особенная часть				
16	21		25	4
17	5	2	6	3
18	5		5	
19	14		20	6
20	8	1	9	2
21	11	1	17	7
22	32	4	60	32
23	4		7	3
24	23		43	20
25	18		35	17
26	17		18	1
27	9	2	11	4
28	3		4	1
29	10		17	7
30	9		17	8
31	23	1	24	2
32	14		22	8
33	22		22	
34	8		10	2

Как видно из таблицы № 2, за анализируемый период времени, 14 статей утратило силу и 139 были введены в законную силу.

Из главы третей в декабре 2003 года была исключена статья 16 УК РФ «Неоднократность преступлений», в результате чего в 54-х составов преступлений признак неоднократности перестал выступать в качестве квалифицирующего и особо квалифицирующего признака.

В главе девятой из пункта «ж» ст. 44 УК исключили такой вид наказания как конфискация имущества (декабрь 2003г.). Данный вид наказания по состоянию на 8 декабря 2003г. имел место в 27 санкциях статей.

В декабре 2011 года в ст.53^1 главы девятой был внесен новый вид наказания «Принудительные работы». Обоснованность введения данного вида, сомнительна, поскольку УК РФ уже содержит «Обязательные работы» и «Исправительные работы». Исходя из содержания ч. 3 ст. 53^1 УК РФ, основное отличие принудительных работ от обязательных и исправительных заключается в том, что осужденный выполняет эти работы в исправительных центрах, определяемых учреждениями и органами УИС РФ.

В тоже время, ст. 53^1УК РФ, на наш взгляд, вступает в противоречие с ч. 2 ст. 37 Конституции РФ, где говорится, что «принудительный труд запрещен». Парадокс, да и только.

В целях положительного влияния на виновного и руководствуясь принципом гуманности, по нашему мнению, в главу десятую были введены две статьи: ст.63^1 УК РФ «Назначение наказания в случае нарушения досудебного соглашения о сотрудничестве» и ст. 72^1 УК РФ «Назначение наказания лицу, признанному больным наркоманией».

В 2003 г. из главы 11 «Освобождение от уголовной ответственности» была исключена ст. 77 УК РФ «Освобождение от уголовной ответственности в связи с изменением обстановки». Насколько было аргументированно данное законодательное решение трудно судить. Но, новые статьи 76^2 «Освобождение от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа» (введена в июле 2016г.) и ст.76^1«Освобождение от уголовной ответственности в связи с возмещением ущерба» (введена в декабре 2011г.) по сути, дублируют правовое содержание утратившей силу ст.77 УК РФ.

Произошли изменения в главе 12 «Освобождение от наказания». Глава дополнилась ст.80^1 УК РФ «Освобождение от наказания в связи с изменением обстановки» (декабрь 2003г.) и ст.82^1 УК РФ «Отсрочка отбывания наказания больным наркоманией» (декабрь 2010г.). На наш взгляд, введение этих норм свидетельствует о дальнейшем совершенствовании российского уголовного законодательства в соответствии с принципами справедливости и гуманизма.

По нашему глубокому убеждению, содержание п. «а» ч. 1 ст.104^1 «Конфискация имущества» не в полной мере отражает перечень статей, по

которым предусмотрена конфискация. В качестве аргумента следует отметить, что до 8 декабря 2003 г. конфискация имущества содержалась в санкциях 7 статей преступлений против собственности. Это: ст. 158 УК РФ «Кража»; ст.159 УК РФ «Мошенничество»; ст. 160 УК РФ «Присвоение или растрата»; ст.161 УК РФ «Грабеж»; ст.162 УК РФ «Разбой»; ст.163 УК РФ «Вымогательство»; ст.164 УК РФ «Хищение предметов, имеющих особую ценность». Особо следует подчеркнуть, что в ст. 162 законодатель предусматривал конфискацию в ч. ч. 1,2 и 3, а в ст. 163 конфискацию предусматривали санкции ч.ч.2 и 3.

Парадоксально, но факт, что законодатель без каких-либо объяснений и аргументов не включил перечисленные выше нормы в п. «а» ч. 1 ст.104^1 УК РФ.

Весьма дискуссионным и сомнительно обоснованным, на наш взгляд, выглядит введение в УК РФ главы 15^2 «Судебный штраф». Если лицо освобождается от уголовной ответственности на основании ст.76^1 УК РФ «Освобождение от уголовной ответственности в связи с возмещением ущерба», то зачем дублировать данную норму ст.76^2 УК РФ «Освобождение от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа»?

В главу 16 УК «Преступление против жизни и здоровья» было внесено 4 новых статей: ст.110^1 УК РФ «Склонение к совершению самоубийства или содействие совершению самоубийства»; 110^2 УК РФ «Организация деятельности, направленной на побуждение к совершению самоубийства»; 116^1 УК РФ «Нанесение побоев лицом, подвергнутым административному наказанию»; 124^1 УК РФ «Воспрепятствование оказанию медицинской помощи». Из четырех статей есть вопросы к содержанию п. «а» ч. 3 ст. 110^1 УК РФ, где речь идет о склонении к совершению самоубийства путем уговоров, предложений, подкупа, обмана или иным способом при отсутствии признаков доведения до самоубийства в отношении несовершеннолетнего лица. В российском законодательстве под несовершеннолетними общепринято понимать лиц в возрасте от 14 до 18 лет. Принцип законности никто не отменял. Согласно ч.2 ст.3 УК РФ применение уголовного закона по аналогии не допускается. А как быть, если на месте несовершеннолетнего окажется малолетнее лицо? Руководствуясь положением ч. 2 ст. 3 УК приходим к выводу, что ответственности виновное лицо не подлежит, поскольку о малолетнем в ст.110^1 ничего не говорится!

В главе 17 «Преступления против свободы, чести и достоинства личности» было исключено две нормы и введено три. В декабре 2011г. без какой-либо обоснованности из УК были исключены ст.129 УК РФ «Клевета» и ст. 130 УК РФ «Оскорбление». Но, к большому удивлению, спустя семь месяцев клевету вернули на свое место, но уже под номером 128^1, дополнив ее особо квалифицированными признаками. Приходится только догадываться, кому приходят на ум эти законодательные издевательства с Кодексом.

Почти по 50% новых статей были введены в главу 22 УК «Преступления в сфере экономической деятельности» – 32 статьи из 60; в главу 23 УК «Преступления против интересов службы в коммерческих и иных организациях» – 3 статьи из 7; в главу 24 УК «Преступления против общественной безопасности» – 20 статей из 43; в главу 25 УК «Преступления против здоровья населения и общественной нравственности» – 17 статей из 35; в главу 30 УК «Преступления против государственной власти, интересов государственной службы и службы в органах местного самоуправления» – 8 статей из 17.

К сожалению, не все новые статьи обладают безупречностью. К примеру, ч. 3 ст. 263^1 УК РФ «Нарушение требований в области транспортной безопасности», предусматривает неисполнение требований по соблюдению транспортной безопасности на объектах транспортной инфраструктуры и транспортных средствах, совершенное группой лиц по предварительному сговору.

Сразу возникает закономерный вопрос, а возможно соучастие в преступлениях с неосторожной формой вины?

Еще одно правовое недоразумение, на наш взгляд, имеет место в п. «о» ч.1 ст.63 УК РФ «Обстоятельства, отягчающие наказание» и ст. 286^1 УК РФ «Неисполнение сотрудником органа внутренних дел приказа», так как вступают в противоречие с содержанием статьи 19 Конституции РФ.

Спрашивается, на каком основании сотрудники органов внутренних дел выделяются в отдельную группу от других представителей силовых и правовых структур?

Равенство всех перед законом и судом никто не отменял!

Дать ответы на поставленные вопросы в компетенции Конституционного Суда Российской Федерации.

Далее проанализируем изменения, которые коснулись непосредственно внутреннего содержания статей Общей и Особенной частей УК РФ. Проиллюстрируем данную информацию с помощью таблицы № 3.

№ главы УК	Количество статей	Количество изменений в статьях
1	2	3
Общая часть		
1	8	
2	5	3
3	4	7
4	5	2
5	5	1
6	3	
7	5	2
8	6	3
9	17	50
10	17	58
11	5	19

12	7	45
13	3	6
14	10	24
15	8	30
15^1	3	27
15^2	2	1
Особенная часть		
16	25	119
17	6	36
18	5	28
19	20	99
20	9	29
21	17	105
22	60	279
23	7	20
24	43	204
25	35	152
26	18	104
27	11	56
28	4	7
29	17	56
30	17	61
31	24	105
32	22	86
33	22	26
34	10	20

Из содержания таблицы № 3 видно, что наибольше количество изменений и дополнений коснулось содержания статей глав УК РФ 2, 3, 9, 10, 11, 12, 14, 15, 15^1, 16, 17, 18, 19, 21, 22, 24, 25, 26.

Не подвергались изменениям 48 статей. Из них в Общей части 41 статья – 1-10, 19, 21, 22, 25-34, 36, 38-43, 48, 55, 60, 66, 67, 81, 84, 85, 89, 94, 98, что составляет 39,4 %.

В Особенной части изменениям не подвергись 7 статей – 284, 336, 339, 345, 353, 356, 358, что составляет 1,9%.

Всего же за 24 года в Уголовный кодекс было внесено 1870 дополнений и изменений! Для примера можно привести исторический факт. За 36 лет существования УК РСФСР 1960 года в него было внесено 689 изменений и дополнений.

Подводя итог вышеизложенному, следует отметить, что изменения, которые коснулись содержания норм Общей части составляют 60,6 %, что в свою очередь говорит о не стабильной обстановке в отечественном уголовном законодательстве.

Отдельные части статей подвергались изменениям по семь раз. Например, ч.1 ст.80 УК РФ «Замена неотбытой части наказания более мягким видом наказания». Либо другой пример, в марте 2002 года произошли изменения в редакции ст.37 УК РФ, что привело к сокращению и ограничению прав и свобод граждан, предусмотренных главой 2-ой Конституции РФ. И этот факт остается до сегодняшнего дня незамеченным.

Но самое страшное и непонятное происходит с Особенной частью УК. Изменениям и дополнениям подвергалось содержание 365 статей, что составляет 78,1% от общего числа норм Особенной части. Из заключений проиллюстрируем крылатые слова, принадлежащие Федору Ивановичу Тютчеву: «Умом Россию не понять,

Аршином общим не измерить

У ней особенная стать

В Россию можно только верить![1]»

Болотова Екатерина Дмитриевна,
соискатель кафедры уголовно-правовых дисциплин
Университета прокуратуры Российской Федерации

Охрана культурного наследия как вектор уголовной политики Российской Федерации

Согласно определению, предложенному Г.Ю. Лесниковым, уголовная политика представляет собой систему принципов, политических и политико-правовых предписаний, правовых и иных социальных норм антикриминального цикла, криминологических программ и программ ресоциализации преступника, выработанных на научной основе и осуществляемых государством совместно с субъектами российского гражданского общества по обеспечению правопорядка, предупреждения и борьбы с преступностью, безопасности личности, в необходимых случаях, национальной безопасности[2].

Стратегия национальной безопасности Российской Федерации, утвержденная Указом Президента Российской Федерации от 02.07.2021 № 400[3], определила культуру в качестве одного из стратегических национальных

[1] Великие мысли великих людей. Антология афоризма. В 3т. XIX-XX века / сост. И.И. Комарова, А.П. Кондрашов. М.: РИПОЛ классик, 2007. С. 623

[2] Лесников Г.Ю. Уголовная политика Российской Федерации (проблемы теории и практики). М., 2004. С. 20.

[3] Указ Президента РФ от 02.07.2021 № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // СПС «Консультант Плюс» (дата обращения: 10.08.2021).

приоритетов, а сохранение культурного и исторического наследия в качестве национальных интересов Российской Федерации (пп. 25, 26). Для достижения стратегических целей обеспечения национальной безопасности в области культуры реализуются государственная культурная политика и государственная национальная политика, которые направлены на укрепление и приумножение традиционных российских духовно-нравственных ценностей; усиление государственного контроля за состоянием объектов культурного наследия (памятников истории и культуры), повышение ответственности за нарушение требований их сохранения, использования и государственной охраны; использование культурного потенциала России в интересах многостороннего международного сотрудничества и др.

Распоряжением Правительства Российской Федерации утверждена Стратегия государственной культурной политики на период до 2030 года[1], которая, являясь неотъемлемой частью Стратегии национальной безопасности Российской Федерации, также признает сохранение культурного наследия в качестве приоритетного направления национальной политики.

Высокую значимость сохранения культуры для обеспечения национальной безопасности Российской Федерации неоднократно подчеркивали многие государственные и общественные деятели, культурологи и историки, поскольку потеря культурного наследия и национальной идентичности страны равносильна ее гибели. Примерами тому могут служить случаи, когда в ходе войн с порабощенных территорий победители вывозили все культурные ценности поверженных народов и государств, когда центры культуры подвергались варварскому разграблению и уничтожению[2].

В последние годы уголовно-правовое противодействие преступлениям, посягающим на объекты культурного наследия, характеризуется активной нормотворческой работой, результатом которой является дополнение Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ), положениями, направленными на повышение уровня защиты культурного наследия.

Подобные законодательные решения свидетельствуют о признании первостепенной роли культуры в возрождении и сохранении культурно-нравственных ценностей народов Российского государства[3].

Вместе с тем стоит отметить, что в результате законодательных преобразований, вносившихся в уголовный закон на протяжении всего времени его действия, в УК РФ сформировалась необособленная группа составов

---

[1] Распоряжение Правительства РФ от 29.02.2016 № 326-р «Об утверждении Стратегии государственной культурной политики на период до 2030 года» // СПС «Консультант Плюс» (дата обращения: 10.08.2021).

[2] См.: Клебанов Л.Р. Памятники истории и культуры: правовой статус и охрана: монография. М.: Норма: ИНФРА-М, 2015. С. 7.

[3] Лавров В.В. Государственная политика и законодательство в области охраны объектов культурного наследия // КриминалистЪ. 2012. №1(10). С. 113.

преступлений, которые можно условно обозначить как преступления, посягающие на культурное наследие[1]. Однако в ст. 2 УК РФ среди задач уголовного закона, отсутствует непосредственное указание на защиту культурного наследия Российской Федерации от преступных посягательств.

Ключевой задачей уголовной политики государства является своевременное реагирование на происходящие социальные процессы, которое выражается в криминализации и декриминализации отдельных деяний[2]. Подобные изменения уголовного закона происходят, как правило, на уровне непосредственного объекта преступления, путем «точечного» включения или исключения норм уголовного закона.

Вместе с тем, исследования законодательных изменений УК РФ показывают, что, несмотря на все вносимые преобразования, система объектов преступлений остается неизменной со времени введения в действие уголовного закона[3].

Позиция законодателя в этом вопросе представляется не совсем верной ввиду того, что в отдельных случаях изменения, на протяжении долгого времени вносимые в УК РФ на уровне непосредственного объекта и никак не отражающиеся на укрупненной вертикальной классификации объектов преступления, не только не соответствуют объективным процессам, происходящим в обществе, но и нарушают принцип системности уголовного законодательства.

Д.Н. Розенберг справедливо отмечает, что нельзя искать специальный объект, свойственный отдельной группе преступлений, не опираясь при этом на правильное понимание общего объекта[4].

Представляется, что отсутствие концептуального подхода в уголовном законодательстве к определению объектов соответствующих посягательств является одной из причин недостаточного уровня охраны культурного наследия[5].

Действующий уголовный закон не выделяет в отдельную группу преступления, связанные с сохранением культурного наследия.

Составы преступлений, связанных с посягательством на культурное наследие, рассредоточены по разным главам УК РФ: гл. 21 «Преступления против собственности»; гл. 22 «Преступления в сфере экономической деятельности»; гл. 24 «Преступления против общественной безопасности»;

---

[1]Анощенкова С.В. Культурное наследие как объект уголовно-правовой охраны и объект преступлений // Социально-политические науки. 2013. №3. С. 40.

[2] Брыка И.И., Хаперская К.С. Уголовно-правовая политика и криминализация / декриминализация уголовного закона // Legal Concept. Правовая парадигма. 2019. Т. 18, № 2. С. 153.

[3] Анощенкова С.В. Указ. соч. С. 39.

[4] См.: Розенберг Д.Н. О понятии имущественных преступлений в советском уголовном праве (объект и предмет посягательства). Учен. Зап. Харьков, 1948, вып. 3. С. 62.

[5] Анощенкова С.В. Охрана культурных ценностей Российской Федерации уголовно-правовыми средствами // Вестник Мордовского университета. 2014. № 4. С. 54–59.

гл. 25 «Преступления против здоровья населения и общественной нравственности».

Хотя все указанные преступления, как представляется, имеют единый объект – общественные отношения, связанные с сохранением культурного наследия и его правомерным оборотом, а предметы указанных преступлений являются составляющими культурного наследия.

Поскольку преступление причиняет вред или создает угрозу причинения вреда в сфере не одного, а нескольких объектов, то при квалификации деяния необходимо выделить то общественное отношение, которое в данном случае является главным, основным. Другие же объекты, в сфере которых данное преступление причиняет вред, будут дополнительными или факультативными.

Принимая во внимание расположение норм о посягательствах на культурное наследие в Особенной части УК РФ можно сделать вывод о существовании косвенной (субсидиарной) (ст.ст. 164, 190, 226^1 УК РФ) и прямой охраны культурного наследия (ст. 243-243^4).

В случаях совершения преступлений, посягающих на культурное наследие, ущерб, согласно предписаниям закона, в первую очередь причиняется общественной нравственности. Однако такой подход, ставший результатом нормотворческого решения (соответствующего расположения правовых норм в структуре Особенной части УК РФ), видится не вполне оправданным, поскольку он искусственно преуменьшает высокую роль и значение культуры, «деформирует» правосознание.

С учетом расширения перечня преступлений, посягающих на культурное наследие, что, по-видимому, представляет собой начало формирования системы уголовно-правовой охраны культурного наследия, возникает вопрос о наличии у обозначенных преступлений самостоятельного объекта охраны.

Наиболее верным решением с точки зрения соблюдения логически обоснованной системы построения уголовного закона представляется дополнить ч. 1 ст. 2 УК РФ словами «культурное наследие», объединить все нормы об ответственности за преступления, посягающие на культурное наследие, в отдельную главу «Преступления против культурного наследия» раздела IX уголовного закона.

Эффективность уголовной политики проявляется в том числе в своевременном реагировании на происходящие в обществе изменения путем криминализации и декриминализации. За последнее десятилетие количество уголовно-правовых норм, устанавливающих ответственность за посягательства на объекты культурного наследия, увеличилось вдвое.

Анализ законодательных изменений текста УК РФ свидетельствует о не всегда последовательной уголовно-правовой политике, влекущей принятие недостаточно научно обоснованных, социально обусловленных, взве-

шенных, аргументированных и оправданных решений, послуживших актуализации проблемы эффективности уголовного закона. Отсутствие надлежащей законодательной экспертизы создает условия для внесения в уголовно-правовые нормы изменений и дополнений редакционного характера, негативно отражающихся на эффективности реализуемой правоприменительной деятельности[1].

Так, с целью противодействия участившимся случаям посягательств на памятники, символизирующие подвиги советской армии во Второй мировой войне, происходящие за рубежом, Федеральным законом от 07.04.2020 № 112-ФЗ в УК РФ введена ст. 243^4 «Уничтожение либо повреждение воинских захоронений, а также памятников, стел, обелисков, других мемориальных сооружений или объектов, увековечивающих память погибших при защите Отечества или его интересов либо посвященных дням воинской славы России».

Одновременно с этим Федеральным законом от 07.04.2020 № 112-ФЗ внесены корреспондирующие изменения в статью 244 УК РФ с целью устранения конкуренции уголовно-правовых норм. Так, часть первая указанной статьи дополнена уточнением, что под действие нормы подпадают случаи уничтожения, повреждения или осквернения мест захоронения, надмогильных сооружений или кладбищенских зданий, предназначенных для церемоний в связи с погребением умерших или их поминовением, за исключением случаев, предусмотренных статьей 243^4 УК РФ.

Кроме того, из пункта «б» части второй статьи 244 УК РФ исключены скульптурные, архитектурное сооружения, посвященные борьбе с фашизмом или жертвам фашизма, либо места захоронения участников борьбы с фашизмом, составляющие предмет преступного посягательства.

Важно заметить, что в новой статье 243^4 УК РФ, к которой отсылает статья 244 УК РФ (в законе использована формулировка «за исключением случаев, предусмотренных…»), не содержится указания на действия по осквернению каких-либо объектов. Вместе с тем, не все посягательства влекут за собой наступление последствий в виде повреждения или уничтожения памятных объектов.

Внесение изменений в статью 244 УК РФ привело к тому, что на сегодняшний день в законодательстве отсутствует нормативное закрепление уголовной ответственности за осквернение предметов, не являющихся символами воинской славы и объектами захоронения.

Последствия образовавшегося законодательного пробела, порожденного внесением изменений в ст. 244 УК РФ, сразу же проявились в ошибках квалификации деяний, посягающих на указанные объекты.

---

[1] Авдеев В.А., Авдеева О.А. Концепция уголовно-правовой политики Российской Федерации: основные направления совершенствования уголовного закона и оптимизации мер противодействия преступности // Всероссийский криминологический журнал. 2014. № 1. С. 14.

Представители пресс-службы органов внутренних дел повсеместно продолжают сообщать о квалификации действий по осквернению памятных сооружений, посвященных борьбе с фашизмом как вандализма (ст. 214 УК РФ)[1].

Отсутствие системного похода при внесении законодательных изменений на протяжении столь долго времени, отсутствие в науке единого подхода к определению объекта преступлений, посягающих на культурное наследие, неурегулированность ответственности за осквернение объектов культурного наследия, приводят к возникновению не только теоретических проблем, связанных с толкованием норм, но также к отсутствию единого подхода при квалификации уголовно-правовых деяний, посягающих на объекты культурного наследия.

Вместе с тем, следует отметить, что законодательные преобразования последних лет свидетельствуют о повышении значения задачи сохранения культурного наследия Российской Федерации и являются предпосылками формирования комплексной системы мер, направленных на противодействие посягательствам на объекты культурного наследия в России.

Бушманов Павел Владимирович,
главный эксперт-специалист отдела ближнего зарубежья
Управления международного сотрудничества МВД России

Криминалистически значимые сведения о психологических свойствах личности потерпевших от мошеннических действий

При расследовании мошенничества важно учитывать тактические и психологические особенности лиц, злоупотребляя доверием или, обманывая которых мошенники достигают своего преступного умысла. То есть, при подготовке к совершению мошенничества, преступниками анализируется тактические и психологические особенности личности, обманывая которую возможно достичь преступного результата.

При расследовании мошенничества отправной точкой или главным источником информации о преступлении является обманутое лицо, к числу которых мы относим:

1. непосредственно потерпевший, имущество которого похищено (жертва мошенничества);

2. представитель потерпевшего по доверенности, которому в ходе внутренней проверки, стали известны обстоятельства совершения преступ-

[1] Официальный сайт Главного Управления МВД России по Московской области [Электронный ресурс] // URL: https://50.мвд.рф/news/item/20249649/ (дата обращения: 18.10.2021).

ления. Некоторые виды мошенничества стало возможным осуществить, путем обмана программ, осуществляющих защиту от мошеннических посягательств, используя специальные знания в определенном направлении (к примеру: зная особенности программного обеспечения, анализирующего заполненные анкеты на кредит, мошенник, зная алгоритм ответов, может обмануть программу, внеся необходимые сведения);

3. свидетель (очевидец-участник) преступного деяния, обманув или злоупотребляя доверием которого мошенник смог получить доступ к имуществу третьего лица (в том числе к имуществу организации).

Личность лица – жертвы обмана мошенников является центром внимания для лица, ведущего расследование, являясь объектом, оказывающим влияние на изменения в окружающей среде, создавая своими поведенческими и психологическими особенностями условия для совершения преступления. Анализ поведенческих особенностей потерпевшего и личности лица, которое несло ответственность за имущество потерпевшей стороны, а также их психологических особенностей позволят получить важную доказательственную информацию, значимую для расследования мошенничеств.

Таким образом, в данной статье, под личностью потерпевшего мы будем понимать жертву, которая исходя из своих поведенческих и психологических особенностей создает благоприятные условия, способствующие мошенникам совершать хищение имущества, принадлежащего как непосредственно обманутому лицу, так и третьим лицам, вверившим имущество обманутому.

Анализ судебно-следственной практики позволил нам выявить криминалистически значимые особенности личности потерпевшего от мошенничеств:

1. Социально-экономический статус (занятость жертвы мошенничества - его трудоустройство). Потерпевшими от мошеннических действий являются служащие 34%, рабочие 25%, предприниматели 20%, студенты 10%, занятые иной деятельностью 7%, без определенных занятий 4%.

Среди потерпевших от дистанционных способов мошенничества большую часть 64 % занимают люди трудоустроенные, с постоянным уровнем заработка, связано это с их уверенностью в получении заработной платы и оправданностью рисков, перед перспективой вероятностной выгоды. Пенсионеры 21% так как они более консервативны во взглядах на систему расхода своих накоплений, однако 14%, из числа последних, становятся жертвами из-за своей информационной неграмотности относительно возможностей мошенников. Меньше всех подвержены удаленным мошенничествам студенты 15%, финансовый уровень которых нестабилен, так как чаще всего они находятся на обеспечении у родителей или часто меняют место работы (в постоянном поиске лучшего места).

2. Пол. Чаще всего жертвами мошеннических действий становятся мужчины в возрасте от 33 до 40 лет треть от общего числа пострадавших от мошеннических действий, 25% мужчины от 40 до 49 лет.

В случае дистанционного мошенничества жертв-женщин больше, чем мужчин, меньшая доля мужчин может объясняться тем, что мужчины более внимательны и осмотрительны при заключении дистанционных сделок.

3. Возраст. Потерпевшие «до 18 лет» не вызывают у мошенников интереса так как у большинства из них нет собственных банковских карт или доступа к электронным средствам платежа для самостоятельных и бесконтрольных списаний с банковских счетов.

Лица «старше 45 лет» менее подвержены мошенническим посягательствам из-за стремления к сохранению привычного уклада жизни (т.е. они менее подвержены принятию спонтанных и необдуманных решений). Доля граждан старше 50 лет, потерпевших от мошеннических действий, составила 22%[1].

Основной причиной роста мошенничеств в отношении пожилых людей, является их излишняя доверчивость, созданная на основе идеологии советского государства. Граждане пожилого возраста доверяют общественным институтам, которые в советские времена были полностью подконтрольными государству, заблуждаясь относительно их подконтрольности государственным органам. Из чувства стыда после осознания факта их обмана не придают этому огласки, обвиняя в негативном опыте самих себя.

4. Образование. Уровень образования человека формирует его социальную ценность как личности. «Образование оказывает влияние на формирование жизненных установок, ценностных ориентаций, мотивы и цели деятельности, привычки, правила поведения, способы реагирования на конкретные жизненные ситуации».

Лица, с высшим образованием, составляет треть от общего числа жертв мошенничества. В том числе в сфере высоких технологий, что говорит нам о том, что наличие диплома о высшем образовании не свидетельствует о приобретенных качественных знаниях.

К большему числу обманутых мошенниками являются лица, имеющие среднее профессиональное образование, объяснить это можно спецификой образовательной сферы в 80 и большим спросом на такой вид образования.

5. Семейное положение. В ходе исследования анализировалось семейное положение в части касающейся состава семьи и внутрисемейных отношений. ¾ от общего числа потерпевших 71% женаты и с детьми, 29% потерпевших моложе 24 лет, что объясняет их холостое семейное положение,

[1] ВТБ описал типичную жертву финансовых мошенников URL: https://www.rbc.ru/society/23/06/2021/60d1cd2c9a7947cd10c61ba3

но при этом они проживают со своими родственниками. Мошенниками использовались интересы женщин, связанные с любовными взаимоотношениями (привораживание и возврат мужчины в семью). Женщины, состоящие в браке, составляют около 90% от общего числа потерпевших среди женщин.

Поэтому и к той и другой категории семейного положения мошенники могут применить психологическое манипулирование – например: осуществить звонок абоненту с предложением откупиться за якобы задержанного правоохранительными органами родственника.

6. Цифровая грамотность. В ходе исследования уровня цифровой грамотности потерпевших, включающей в себя: компьютерная грамотность, технологическую грамотность, медиаграмотность – умение пользоваться поисковыми системами и находить нужную и полезную информацию на просторах интернета и локальных сетей, способность отличать источники информации добросовестные от недобросовестных, коммуникативную грамотность – понимание того, что в интернет не стоит выкладывать личную информацию о себе и своих персональных данных.

При этом в исследовании отмечается, что лучше всего потерпевшие освоили именно коммуникативную грамотность: ее уровень оказался выше. Однако уровень коммуникативной грамотности меняется в зависимости от возраста респондентов: выше всего он оказался у людей до 45 лет.

Цифровые навыки развиты выше базовых только у 12 процентов опрошенных потерпевших. На базовом уровне эти навыки развиты у 24 процентов, у 39 процентов – на уровне ниже базового. Остальные респонденты по каким-либо причинам не обладают цифровыми навыками вовсе.

7. Нравственно-этические качества. Преступления, связанные с мошенническими действиями, носят интеллектуально-информационный характер. Мошенник может оказать воздействие на интеллектуально-волевую сферу жертвы исказив достоверную информацию, что впоследствии позволит манипулировать жертвой мошенничества. Введенная мошенником в заблуждение жертва думает, что действует по собственному желанию и только после осознания, что было совершено преступление понимает, что была обманута и действовала в чужих интересах. Это возможно в том случае, если жертва сама в какой-то части обладает свойствами мошенника: корыстью, авантюризмом, меркантильностью и жадностью. Некоторые ученые-криминалисты отмечают, что потерпевшими от мошенничеств могут стать лица, обладающие такими качествами как жадность и легковерие[1]. Потерпевший, уверен, что держит ситуацию под контролем и доминирует над сознанием мошенника, но при этом самостоятельно погружает себя в обман.

Финансовые пирамиды, как одна из форм мошенничества наглядно демонстрирует корыстные качества жертв мошенничества, которые терпе-

[1] Малков В.Д. Криминология: учебник для вузов / под ред. проф. В.Д. Малкова. М.: ЗАО «Юстицинформ», 2006.

ливо ожидают возвращения своих денег от втянутой новой жертвы. Потерпевший, убедившись в обмане, не принимает мер к возврату денег (не обращается за помощью в правоохранительные органы и суд) так как уверен, что «все равно ничего не вернешь» или материальной ущерб незначителен, чем создает условия, способствующие совершению новых мошенничеств, так как существует обстановка безнаказанности.

8. Психологические качества. Наивность и доверчивость, качества потерпевших, которое используют мошенники. Доверие сомнительным интернет-магазинам, поставщикам. В погоне за экономией в 5000 рублей потерпевший путем предварительной оплаты переводит на счет мошенника полную сумму за мобильный телефон, после чего попадает в черный список и общение с магазином заканчивается.

В состоянии отчаяния из-за финансового положения, семейного или состояния здоровья потерпевшие выражают особую форму доверия к магам, гадалкам, целителям, врачам, неосознанно предоставляя информацию о предмете хищения.

9. Черты характера потерпевшего. При анализировании черт характера потерпевших от мошенничества важное значение представляют доброта, способность к состраданию. Например, мотивация граждан к помощи тяжело больным или находящимся в беспомощном состоянии людям через различные общества, организации или благотворительные фонды.

10. Качества потребителей у потерпевших.

1). Потребность потерпевшего в определенном имуществе (товаре), работе или услуге.

2). Потребность в совершенствовании своих внешних данных (коррекция частей тела или фигуры в целом).

3). Потребность в поддержании и улучшении здоровья (хорошего самочувствия).

4). Желание потерпевшего избавиться от долговых обязательств.

5). Желание потерпевших вернуть вложенные деньги (обманутые вкладчики финансовых пирамид).

6). Коррупционные предложения потерпевших, которые заключаются в получении незаконной помощи (освобождение от лишения водительского удостоверения, снижение степени вины или освобождение ответственности и пр.).

11. Религиозность потерпевших. Мошенники манипулируют религиозными чувствами верующих, втираясь в доверие. Сбор пожертвований замаскированными мошенниками под священнослужителей на благотворительность[1].

[1] Игнатова О. Мосгорсуд оставил под стражей «бога Кузю» // Российская газета. 2016. 8 сент. URL: https://rg.ru/2016/09/08/reg-cfo/mosgorsud-ostavil-pod-strazhej-boga-kuziu.html.

12. Замедленная аналитическая реакция. В данном случае речь идет о ситуациях, когда потерпевшим оцениваются действия мошенника с некоторым опозданием. В большинстве случаев легенды мошенников неправдоподобны, что должно вызвать сомнения у потерпевшего, однако из-за состояния заторможенности жертв, реакции на обман не происходит.

Проведенное исследование позволяет обобщить и структурировать информацию о свойствах и признаках лиц, ставших жертвами мошенничества.

Изучение этих специфических черт, как источника криминалистической информации, с учетом ситуаций, складывающихся по делу, позволят выбирать эффективные приемы и методы расследования мошенничеств.

Быковский Тимур Николаевич,
курсант 4 курса факультета по подготовке
специалистов для подразделений полиции
Краснодарского университета МВД России

Уголовная ответственность за фальсификацию итогов голосования

На всём историческом пути развития и становления демократии выборы представляли собой особый инструмент, посредством которого люди участвовали в политической жизни государства, реализуя тем самым своё избирательное право, обеспечивая как основополагающие принципы функционирования демократического политического режима, так и его легитимность.

На сегодняшний день в действующей редакции Уголовного Кодекса РФ представлена система уголовно-правовых норм, которые являются средством защиты избирательных прав граждан. К ним относятся: воспрепятствование осуществлению избирательных прав или работе избирательных комиссий (ст.141 УК РФ), нарушение порядка финансирования избирательной кампании кандидата, избирательного объединения, избирательного блока (ст.141.1 УК РФ), фальсификация избирательных документов (ст.142 УК РФ) и фальсификация итогов голосования (ст.142.1 УК РФ).

По данным судебной статистики, в 2016 г. было вынесено всего восемь приговоров по делам о фальсификации избирательных документов (ст. 142 УК) и 10 – о фальсификации итогов голосования (ст. 142.1). Кроме того, 8,7% обвиняемых в фальсификациях на выборах (2 из 23) были оправданы в 2016 г. Средняя доля оправдательных приговоров в России – 0,36%[1].

[1] Фальсификаторов выборов редко судят и сурово не наказывают. Ведомости. 2017 г. [Электронный ресурс] URL: https://www.vedomosti.ru/politics/articles/2017/08/30/731526-falsifikatorov-viborov (дата обращения: 22.07.2021).

Анализ судебной практики, касающейся преступлений, посягающих на избирательные права граждан, позволяет сделать вывод о том, что случаи привлечения к уголовной ответственности по ст. 141-142.1 УК РФ немногочисленны, что может быть обусловлено следующими факторами:

– отсутствие широкого применения указанных норм;

– сложность предмета преступного посягательства;

– неоднозначность оценки объективной стороны преступления;

– личная заинтересованность участников голосования в подведении его итогов и активная деятельность, способствующая сокрытию истинных данных;

– отсутствие механизмов контроля за подведение итогов голосования со стороны электората.

Обязательной и завершающей стадией избирательного процесса является подведение итогов голосования. Однако стоит отметить, что на данном этапе широкое распространение имеет такое явление, как фальсификация, которая является проблемой не только отечественного избирательного права, но и общемирового. А.В. Калениченко в своей работе определяет фальсификацию как неправомерные действия, направленные против закона или в обход его с корыстной целью исказить волеизъявление граждан при формировании представительных органов власти или непосредственно принимаемого решения в ходе референдума, плебисцита или других форм непосредственной демократии[1]. Считаем, что данное определение в полной мере не отражает субъективную сторону совершенного деяния, а именно наличие умысла в действиях лица, а также не даёт уголовно-правовой характеристики субъекта совершенного деяния.

Для реализации и защиты предоставленных Конституцией РФ и ФЗ № 67 «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» активного и пассивного избирательного права, а также обеспечения конкурентоспособности кандидатов на выборах, считаем необходимым более подробно рассмотреть элементы состава преступления, предусмотренного ст. 142.1 УК РФ.

В теории уголовного права в качестве основного объекта преступного посягательства данного состава преступления принято выделять общественные отношения, направленные на реализацию гарантированного Конституцией РФ равного и свободного осуществления гражданином своего избирательного права (ч. 2 ст. 32 Конституции РФ). Однако рассматривая причинно-следственную связь совершенного деяния, стоит отметить, что под угрозу ставятся не только предоставленные государством права, но и основы самого конституционного строя. Обусловлено это тем, что право граждан на участие в управлении делами государства неразрывно связано с

[1] Калениченко А.В. Уголовно-правовая характеристика фальсификации избирательных документов, документов референдума и итогов голосования // NOVAUM.RU. 2019. №19. С. 220.

принципом народовластия (ст. 3 Конституции РФ). Фальсификация итогов голосования фактически лишает граждан права как на участие в управлении делами государства, поскольку их волеизъявление является формальным в данном случае, так и нарушает права в части касающейся получения достоверной информации.

Особенность преступления предусмотренного ст. 142.1 УК РФ заключается не только в том, что для правильной квалификации деяния необходимо руководствоваться требованиями ФЗ № 67 «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации», но и в том, что ее диспозиция имеет более расширительное толкование по отношению к диспозиции ст. 142 УК РФ, в части касающейся предмета преступления.

Рассматривая ст. 142 УК РФ, предусматривающую ответственность за фальсификацию избирательных документов, документов референдума, документов общероссийского голосования, можно сделать вывод о том, что законодатель не даёт четкого определения понятию «избирательные документы». Интегрируя ст. 142 УК и ст. 142.1 УК РФ в качестве смежных составов преступления, анализ последней позволяет выделить следующие избирательные документы: избирательные бюллетени, списки избирателей, а также протокол об итогах голосования. В свою очередь для признания документа таковым, а также предметом преступного посягательства к нему должны быть предъявлены соответствующие требования: форма, технология изготовления, порядок заполнения документов и содержание. Отсутствие указанных требований не позволяет рассматривать в качестве предмета преступного посягательства избирательные документы, однако в тоже время манипуляции с указанными критериями охватываются единым понятием «фальсификация». Таким образом, ст. 142.1 УК РФ можно определить в качестве нормы-дополнения.

Объективная сторона деяния, предусматривающего ответственность за фальсификацию итогов голосования представлена в форме активных альтернативных действий, требующих дополнительного расширительного толкования. Условно их можно разделить на две группы: 1) подмена фактических данных; 2) нарушение установленных требований, предъявляемых к избирательным документам и порядка обращения с ними.

Рассматривая первую группу, следует выделить следующие альтернативные действия:

1) Включение неучтенных бюллетеней в число бюллетеней, использованных при голосовании.

Так, например, согласно ФЗ №19 от 10.01.2003 «О выборах Президента РФ» ст.67 ч.10 изготовленные полиграфической организацией избирательные бюллетени передаются членам избирательной комиссии с правом решающего голоса, осуществившей закупку избирательных бюллетеней, по акту, в котором указываются дата и время его составления, а также

количество передаваемых избирательных бюллетеней. После передачи упакованных в пачки избирательных бюллетеней в количестве, соответствующем договору, работники полиграфической организации уничтожают лишние избирательные бюллетени (при их выявлении), о чем составляется акт. Таким образом, раскрывается возможный источник появления количества неучтенных бюллетеней, а именно передача вышестоящей комиссией нижестоящей лишних избирательных бюллетеней, то есть тех, которые были изготовлены сверх необходимой нормы. В дальнейшем это может быть использовано следующим образом:

– замена действительных бюллетеней с отметками избирателей в пользу того или иного кандидата;

– использование неучтенных бюллетеней с целью голосования вместо тех избирателей, которые не явились на выборы[1].

Схожим по своей сущности является и замена действительных бюллетеней с отметками избирателей, участников референдума. Только в данном случае происходит изъятие действительных бюллетеней, в которых проявлено волеизъявление в отношении одного из кандидатов и замене этих бюллетеней неучтенными, в которых есть отметки в пользу другого кандидата.

2) Представление заведомо неверных сведений об избирателях, участниках референдума.

Сущность данных действий будет проявляться в умышленной передаче в избирательную комиссию тех данных, которые искажают действительные сведения (например, заведомо ложное внесение паспортных данных, сведений о месте жительства или регистрации избирателей).

3) Заведомо неправильное составление списков избирателей, участников референдума.

Указанные действия будут заключаться в наделении избирательным правом тех категорий граждан, которые фактически не могут принимать участие в выборах и включении их в списки избирателей. В данном случае идёт прямое нарушение требований, указанных в ст.4 ч.1 ФЗ № 67 «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации».

4) Фальсификация подписей избирателей, участников референдума.

Умышленное копирование или подделка подписей иными лицами, фактически не принимавшими участие в проведении голосования, вместо подписей надлежащих участников голосования.

5) Заведомо неправильный подсчет голосов избирателей, участников референдума.

---

[1] Шапиев С.М., Соктоев З.Б., Кругленя А.Н. Уголовно-правовая охрана избирательных прав и права на участие в референдуме: научно-практическое издание / Под ред. С.М. Шапиева; Центральная избирательная комиссия Российской Федерации. М., 2016.

Подразумевает под собой искажение истинного количества голосов избирателей, которое может быть выражено в виде занижения или завышения количества голосов в отношении кого-либо из кандидатов.

6) Незаконное внесение в протокол об итогах голосования изменений после его заполнения.

Сущность данного действия заключается в подлоге избирательного документа с наличием дописки определенного количества голосов тому или иному кандидату.

7) Заведомо неправильное установление итогов голосования, определение результатов выборов, референдума.

Как и вышеуказанные деяния данные действия характеризуются наличием умысла у лица, уполномоченного осуществлять подсчёт голосов, с целью искажения фактических данных в пользу или во вред того или иного кандидата.

Вторую группу действий, раскрывающих объективную сторону деяния и представляющие категорию нарушения установленных требований, предъявляемых к избирательным документам и порядка обращения с ними, составляют:

1) Порча бюллетеней, приводящая к невозможности определить волеизъявление избирателей, участников референдума, которая может выражаться в таких аспектах как:

– оказание механического воздействия на избирательный документ, вследствие чего он оказывается нечитабельным;

– осуществление всевозможных дописок, вставок, дорисовок в необходимых графах документа, вследствие чего он признается недействительным.

2) Незаконное уничтожение бюллетеней, т.е. оказание на них физического или иного воздействия, в результате которых избирательные документы уничтожаются в порядке, не предусмотренном законодательством.

3) Подписание членами избирательной комиссии, комиссии референдума протокола об итогах голосования до подсчета голосов или установления итогов голосования, т.е. преждевременное заполнение реквизитов документа, означающее факт поражения или победы того или иного кандидата, принятия или отвержения того или иного вопроса.

4) Заведомо неверное составление протокола об итогах голосования, которое может быть выражено в следующих формах:

– реквизиты и структура документа соответствуют указанным требованиям, однако фактические данные не соответствуют действительности;

– неверное составление документа, отсутствие выстроенной логической структуры.

Продолжая тематику объективной стороны преступления, предусмотренного ст. 142.1 УК РФ, стоит отметить, что законодатель в диспозиции статьи не освещает ряд иных действий, которые так же могут быть охвачены понятием «фальсификация». Среди таких деяний следует выделить:

– вброс бюллетеней, который по своей природе схож с махинациями, связанными с количеством неучтенных бюллетеней. Однако отличие будет заключаться в осуществлении данных действий не только уполномоченным лицом (лицами), но и самими избирателями, которые могут находиться в преступном сговоре с членами комиссии. Отсюда вытекает и еще один пробел в данной уголовно-правовой норме, который не предусматривает ответственность за фальсификацию итогов голосования, совершенную в форме соучастия.

– подкуп голосов, который по своей природе представляет один из способов влияния на волеизъявление граждан, так как последние осуществляют реализацию своего избирательного права не по своему внутреннему убеждению, а по соответствующему «обязательству», которое они выполняют за денежное вознаграждение.

– оказание психологического, физического или иного воздействия на гражданина, обладающего активным избирательным правом. В данном случае можно говорить о том, что голос, который отдал избиратель под оказанием давления является «недействительным» и служит средством достижения цели того или иного кандидата. Никто не вправе оказывать воздействие на гражданина с целью принудить к участию или неучастию в выборах и (или) в осуществлении избирательных действий, принудить избирателя голосовать за или против определенного кандидата, определенный список кандидатов политической партии[1].

Важным элементом любого состава преступления является лицо, совершившее преступление. Говоря о субъекте преступления, предусмотренного ст. 142.1 УК РФ, следует отметить, что он является специальным. Подтверждением вышесказанному служит исследования, проведенные Кругленя А.Н. В своей работе он отмечает, что согласно официальным статистическим данным за 1997-2011 гг. около 2 /3 от числа всех осужденных за преступления против избирательных прав составляют лица, обладающие статусом специального субъекта преступления[2].

Большинство ученых-правоведов в рамках исследования субъекта преступления, предусмотренного ст. 142.1 УК РФ наделяют его специальными признаками. Нельзя не согласиться, что практически все альтернативные действия, перечисленные в диспозиции указанной статьи, могут совершать лишь те лица, работа которых непосредственно связана с избирательными документами. Однако рассмотренные выше деяния могут быть совершены также и иными лицами, которые соприкасаются с организационными вопросами проведения выборов. Так, например, порча бюллетеней может

---

[1] Провоторов Р.А. Воспрепятствование осуществлению прав кандидатов путём незаконной агитационной деятельности // Общество и право. 2016. №3. С. 36.

[2] Кругленя А.Н. Фальсификация избирательных документов и итогов голосования: о практических проблемах установления субъекта преступления // Законность и правопорядок в современном обществе. 2013. №12. С. 95.

быть совершена наблюдателем или любым другим лицом, которое имеет доступ к местам их хранения.

Так например, рассматривая уголовное дело № 1-66-02 в отношении председателя участковой избирательной комиссии избирательного участка № 670 Красночетайского района Чувашской Республики, суд установил, что гражданка Б., находясь в своем рабочем кабинете поддавшись на настойчивые подстрекательства наблюдателя территориальной избирательной комиссии гражданина В., который лично был заинтересован в победе на выборах Президента Чувашской Республики гражданина Ф., решила сфальсифицировать результаты голосования выборов Президента Чувашской Республики на избирательном участке № 670 Красночетайского района Чувашской Республики.

Б., поддавшись на уговоры со стороны В., которого она по прошлым выборам знала как члена Центральной избирательной комиссии Чувашской Республики, в нарушении требований предусмотренных ч.ч.1, 2, 10 ст. 5 6 Федерального Закона Российской Федерации «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» и ч. ч. 1, 2, 10 ст. 59 Закона Чувашской Республики «О выборах Президента Чувашской Республики», согласно которых, подсчет голосов избирателей осуществляется открыто и гласно членами участковых избирательных комиссий с правом решающего голоса и в присутствии наблюдателей в специально оборудованных местах, с целью изменения результатов выборов Президента Чувашской Республики, умышлено вскрыла упаковки действительных избирательных бюллетеней для голосования выборов Президента Чувашской Республики, в которых граждане проголосовали за кандидата на должность Президента Чувашской Республики гражданина Ш. и упаковку недействительных избирательных бюллетеней для голосования выборов Президента Чувашской Республики, после чего передала их гражданину В. для того, чтобы последний испортил избирательные бюллетени для голосования выборов Президента Чувашской Республики, в которых граждане проголосовали за гражданина Ш.

После этого гражданин В. испортил 50 избирательных бюллетеней для голосования выборов Президента Чувашской Республики, в которых граждане проголосовали за кандидата на должность Президента Чувашской Республики гражданина Ш., путем нанесения дополнительных отметок ручкой в избирательные бюллетени для голосования выборов Президента Чувашской Республики, в квадраты напротив других зарегистрированных кандидатов на должность Президента Чувашской Республики[1].

[1] Приговор чувашским фальсификаторам. Викитека [Электронный ресурс] URL: https://ru.wikisource.org/wiki/Приговор_чувашским_фальсификаторам (дата обращения: 22.07.2021).

Таким образом, рассмотренные проблемы уголовной ответственности за фальсификацию итогов голосования указывают на необходимость совершенствования законодательства в сфере охраны избирательных прав граждан. Наличие правовых пробелов в диспозиции статьи, неоднозначность указанных законодателем понятий, требующих дополнительного толкования, а также сложности в квалификации указанных деяний, ставят под угрозу выполнение основных задач уголовного и избирательного права: восстановление социальной справедливости и реализацию свободного и равного избирательного права.

Виноградова Кристина Александровна,
кандидат юридических наук,
преподаватель кафедры криминалистики
Московского университета МВД России
имени В.Я. Кикотя

Перспективы развития технико-криминалистического обеспечения работы органов предварительного расследования

На современном этапе внедрения, развития и активного использования электронных технологий в России возник актуальный вопрос разработки и внедрения в деятельность органов, осуществляющих раскрытие преступлений и их предварительное расследование специализированной программы для осмотра места происшествия, как части комплекса технико-криминалистического обеспечения. Под технико-криминалистическим обеспечением понимается «комплекс правовых, научных, организационных мер, направленных на разработку, внедрение и использование на практике технико-криминалистических средств для успешного раскрытия, расследования и предупреждения преступлений[1]».

Программа должна быть разработана с учетом особенностей современных электронных мобильных планшетов (операционная система, объем памяти и т.д.), которые, в свою очередь, обеспечат эффективность и оперативность изъятия доказательственной информации на месте происшествия. Название программы можно обозначить «СОГ-Место происшествия».

[1] Потокина Л.И., Потокин Р.С. О понятии и содержании «технико-криминалистическое средство и метод» в криминалистике // Технико-криминалистическое обеспечение раскрытия и расследования преступлений. Сборник статей по итогам международной научно-практической конференции, проводимой в рамках деловой программы Международной выставки «Интерполитех-2018». 2018. С. 224-227.

Современный интерфейс приложения, специально разработанный для электронного планшета, в своей основе должен содержать «типовую аналитическую таблицу о событии преступления». При заступлении на дежурство следственно-оперативной группы, следователю, оперативному сотруднику и эксперту выдаются электронные планшеты (ПК), в которых установлена «СОГ-Место происшествия».

В программу, зависимости от следственной ситуации, вносятся сведения, путем выбора варианта ответа, предложенного во всплывающих подсказках в специализированных графах. В случае отсутствия подходящего варианта ответа, предусматривается графа «иное», с возможностью внесения соответствующей информации и функцией запоминания варианта ответа. Сведения о сотруднике, производящем осмотр, заполняется автоматически, путем идентификации сотрудника в приложении по отпечатку пальца, Face ID или личному номеру сотрудника МВД, указанному в служебном удостоверении.

Графы в приложении обязательные для заполнения, соответствуют положениям ст. 166 Уголовно-процессуального кодекса РФ («Протокол следственного действия»), дополненные необходимыми аналитическими сведениями.

Следователем (дознавателем) в приложении «СОГ-Место происшествия. Следователь» заполняются графы:

– время, место проведения осмотра места происшествия;

– время, место совершения преступления;

– наименование события преступления или предварительная квалификация;

– информация о лицах, которым причинен ущерб;

– информация о предмете преступления (наименование, качество, количество);

– информация о причиненном ущербе, степени вреда здоровью;

– сведения об обнаруженных, зафиксированных и изъятых с места происшествия следах;

Эксперт с помощью электронного планшета в программу «СОГ-Место происшествия. Эксперт», синхронизированного с фототехникой, находящейся у него в распоряжении, формирует фототаблицу осмотра места происшествия. Каждый обнаруженный и зафиксированный след, последовательно изымается, о чем экспертом делается отметка в программе, которая автоматически присваивает изъятому в ходе осмотра места происшествия объекту QR-код или штрих-код, распечатанный на специализированном мобильном устройстве, с целью автоматизированного учета места хранения указанного объекта.

Оперативным сотрудником с помощью электронного планшета в программу «СОГ-Место происшествия. О/У» вносится:

– информация о свидетелях-очевидцах (серия и номер паспорта и свидетелем какого именно события он является);

– информация о понятых и иных участниках следственного действия (при наличии документа, удостоверяющего личность, заполняются только серия и номер паспорта и номер телефона, при отсутствии паспорта – личность идентифицируется по отпечатку пальца);

– информация о лице, совершившем преступление. Конкретная или предположительная. Сведения, полученные с камер видеонаблюдения с распознанием биометрических данных личности, а также сведения, полученные в ходе опросов очевидцев.

Сведения, вносимые в таблицу, могут меняться в зависимости от сложившейся следственной ситуации, но при этом должны оставаться краткими, для обеспечения оперативного сбора информации.

По окончании осмотра места происшествия для обеспечения сохранения и неразглашения собранной информации лицо, производившее осмотр, вместе с участниками следственного действия прибывают в подразделение МВД, где производит синхронизацию планшета с компьютером. В стационарном компьютере имеется доступ к криминалистическим, оперативным учетам и базам данных[1]. Синхронизация данных производится для автоматического внесения сведений:

– о событии преступления;

– о личностях участников следственного действия;

– для регистрации информации о событии в книгу учета совершенных преступлений;

– для поиска информации по вышеуказанным учетам и базам данных, совпадающей с зарегистрированным в данный момент преступлением.

Объединение информации различных видов учетов и баз данных в общую интегрированную систему хранения данных заметно повысит эффективность оперативно-поисковых мероприятий на первоначальном этапе расследования.

По результатам вышеописанных действий, при синхронизации данных из приложения «СОГ-Место происшествия», с данными криминалистических, оперативных учетов и баз данных, необходимо внедрение функции применения искусственного интеллекта, которая проанализирует данные и автоматически сформирует:

– оперативную сводку о происшествии;

– протокол осмотра места происшествия с приложениями (фототаблица, схемы и иные);

---

[1] ФБУ ГИАЦ МВД России, Роспаспорт + выписка 1П (ПВС МВД), ИБД-Р МВД (запрос по указанному вами региону), ИБД-Ф МВД (запрос по всей РФ), ГИБДД МВД РФ, АС ЦБД УИГ (МИГРАНТ), система Магистраль, система «Безопасный город», система «Поток», линии Пограничной службы ФСБ РФ, линии Федеральной службы судебных приставов (ФССП), линии Интерпола

– общие и частные криминалистические версии;

– совпадения по базам данных и криминалистическим учетам, позволяющие определить информацию по аналогичным преступлениям, участию конкретного лица в разных преступлениях, похищенному имуществу и прочую;

– постановление о возбуждении уголовного дела или отказа в возбуждении уголовного дела, о передаче сообщения по подследственности в соответствии со ст. 151 УПК РФ, а по уголовным делам частного обвинения - в суд в соответствии с ч. 2 ст. 20 УПК РФ;

– статистические карточки на принятое процессуальное решение;

– краткие объяснения с очевидцев и участников произошедшего, которые позволяют зафиксировать идеальные доказательства о преступном деянии.

Грибанов Евгений Викторович,
кандидат юридических наук, доцент,
профессор кафедры уголовного права и криминологии
Краснодарского университета МВД России

Технологии социального проектирования в предупреждении преступлений

Технологии социального проектирования являются составной частью концепции технологий предупреждения преступлений, сформированной на основе теории криминологических технологий. В широком смысле технологии предупреждения преступлений представляют собой совокупность приемов, методов и решений, применяемых для достижения прогнозируемого результата по недопущению совершения преступлений путем выявления, устранения или минимизации криминогенных факторов, посредством опредмечивания криминологических знаний в антикриминальной практике. В узком смысле технологии предупреждения преступлений образуют совокупность различного рода приемов, способов, средств, методов и форм применения криминологических теорий и учений в практике предупреждения преступности[1]. Значимое место среди них занимают технологии социального проектирования. Остановимся на их описании подробнее.

Предупреждение преступлений предполагает выявление и изучение правоохранительных проблем на конкретной территории. Далее оценивается возможность и целесообразность предупреждения возможных негативных последствий путем минимизации или устранения факторов преступности, оказания профилактического воздействия на лиц, от которых можно

[1] Симоненко А.В., Грибанов Е.В. Криминологические технологии: теория и методология // Вестник Краснодарского университета МВД России. 2016. № 2 (32). С. 8.

ожидать совершения преступлений или лиц с повышенной виктимностью. Большинство задач по предупреждению преступлений может быть разрешено посредством плановой повседневной деятельности субъектов предупреждения преступлений: органов власти, некоммерческих организаций и граждан. Вместе с тем, в отдельных случаях в силу сложности правоохранительной проблемы, отсутствия ресурсов, кадров, технологий и иных обстоятельств, ее разрешение обычными инструментами и стандартными решениями невозможно. В этом случае на помощь субъектам предупреждения преступлений приходят технологии социально проектирования. С их помощью можно эффективно решить правоохранительную проблемы зачастую используя нестандартные для правоохранительной практики инструменты.

В основе технологии социального проектирования лежит творческая деятельность субъектов профилактики, а социальное проектирование представляет собой процесс создания идеи совершенствования правоохранительной практики и соответствующих сфер общественной жизни посредством постановки конкретных целей и задач, а также описания необходимых мероприятий и ресурсов для практической реализации идеи в поставленные сроки. Ключевое слово в данном определении – «идея», т.е. креативное нестандартное интеллектуальное решение правоохранительной проблемы.

Рассмотрим основные этапы разработки и реализации социального проекта в сфере предупреждения преступлений.

1. Мониторинг потребностей социального проектирования в правоохранительной сфере. Разработке социально проекта предшествует этап изучения криминогенной ситуации, выявления правоохрнаительных проблем, которые не решаются или решаются вне в полной мере традиционными средствами. Например, это могут быть проблемы вовлечения молодежи в наркооборот, проблемы обеспечения безопасности придомовых территорий, школьного пространства и прочие.

2. Формулировка социальной проблемы, актуальной для региона. Изучение проблемы. После определения правоохранительной проблемы, нуждающейся в решении, ее следует комплексно изучить, выявить обстоятельства и факторы ее формирующие с помощью простейших методов изучения преступности (например, статистических и социологических).

3. Определение целей и задач социального проекта. В зависимости от поставленной проблемы следует определить основную цель проекта и обеспечить ее декомпозицию на задачи. Цель может быть заявлена в минимизации или полном устранении проблемы.

4. Формирование идеи проекта. Этот этап может реализовать как один человек – лидер проекта, так и целая группа квалифицированных специалистов, способных предложить нестандартные варианты ее решения. В их число могут входить криминологи, педагоги, психологи, иные субъекты

предупреждения преступлений, способные к креативному мышлению. Это ключевой этап социального проектирования.

5. Определение мероприятий проекта и детального плана работы. Идея проекта может быть реализована посредством определения тех мероприятий, которые следует реализовать в рамках предложенной идеи. Такие мероприятия обычно составляют план реализации проекта. План должен включать в себя не только перечень реализуемых мероприятий, но и их кадровое и ресурсное обеспечение.

6. Создание рабочей группы. Для реализации намеченных мероприятий необходимо кадровое обеспечение. Рабочую группу могут образовать авторы и руководители проекта, волонтеры, иные субъекты профилактики, привлеченные реализации проекта. Далее следует определение обязанности участников проекта и их распределить в проектной группе.

7. Определение необходимых ресурсов и источников их финансирования. Проект может быть обеспечен финансированием за счет средств субъектов профилактики правонарушений, пожертвований и спонсорских средств, грантов и субсидий органов власти.

8. Составление плана реализации и бюджета проекта. Перечень реализуемых мероприятий, сроки их реализации, ответственные исполнители, ресурсное обеспечение должны найти отражение в плане реализации проекта. Заметим, что чем в плане следует детально отразить содержание мероприятия, которое надлежит реализовать.

9. Разработка критериев оценки эффективности проекта. Прежде чем приступать к реализации проекта следует определить какие индикаторы будут отражать решение задач и достижение целей, поставленных перед проектом.

10. Обучение членов проектной группы необходимым навыкам и умениям. Как правило далеко не все участники проекта обладают необходимыми знаниями и умениями, необходимыми для реализации мероприятий проекта. В этом случае руководитель проекта должен обеспечить подготовку участников проекта, в т.ч. с привлечением квалифицированных специалистов. Указанный этап проектной деятельности должен найти отражение в плане реализации проекта.

12. Поиск партнеров в реализации проекта. Зачастую реализация проекта невозможна без привлечения партнеров: волонтеров, средств массовой информации, органов власти. Здесь необходимо провести работу по их привлечению к осуществлению общественно-полезной деятельности путем проведения встреч, отправки писем, запросов.

13. Проведение плановых мероприятий. Важнейший этап проекта, когда запланированные мероприятия реализуются на практике. При необходимости для каждого мероприятия разрабатывается детальный план или сценарий. Реализации любого мероприятия предшествует подготовка.

14. Контроль и оценка эффективности реализованных мероприятий. На этом этапе следует обеспечить контроль качества проведения каждого мероприятия. При отсутствии контроля у руководителя проекта будет искаженная итоговая информации об эффективности проекта. Эффективность реализованных в рамках проекта мероприятий можно оценивать, используя доступные методы: различные виды опросов, наблюдение, изучение официальных документов и статистической информации.

15. Корректировка реализации проекта. В случае если в ходе реализации проекта возникли неразрешимые препятствия, его содержание возможно скорректировать. Изменяется проект и в случае, когда отдельные запланированные мероприятия показали свою неэффективность.

16. Анализ результатов работы по проекту. На данном этапе в целом оценивается эффективность проекта и реализованных мероприятий, вносятся предложения по дальнейшему развитию проекта, повторению его реализации, отказу от него в целом или частично.

17. Информирование общественности о результатах реализации проекта. Результаты реализации эффективного проекта следует донести до общественности, органов власти. В этом случае участники и руководители проекта получат общественное вознаграждение и дополнительную поддержку от граждан и органов власти, необходимую для развития проекта или реализации нового.

Как правило, к потенциальному проекту предъявляется ряд обязательных требований:

проект должен содержать этапы и конкретные сроки их реализации, иметь четкие задачи, конкретные и измеряемые результаты, плановый характер, конкретное количество и качество ресурсов, необходимых для реализации проекта;

идея проекта должна быть ясна и очевидна, каждый его этап должен соответствовать общему замыслу и предполагаемому результату;

цель и задачи проекта должны напрямую вытекать из поставленной проблемы;

идея проекта, подход к решению проблемы должны избираться не случайным образом, а в результате работы авторов по осмыслению криминальной ситуации в регионе, на территории муниципального образования, объекта и оценке возможностей воздействия на нее посредством реализации мероприятий проекта;

владение необходимыми компетенциями для реализации проекта;

наличие перспектив развития проекта в дальнейшем, возможности его реализации в других условиях;

выраженная правоохранительная направленность проекта;

создание нового проекта посредством нестандартного решения, наличие социальных инноваций в проекте;

достижение практических результатов в соответствии с затраченными ресурсами на развитие проекта;

возможность распространения положительного опыта реализации проекта;

проекты должны подразумевать конкретные действия по решению правоохранительной проблемы.

Представленная технология социального проектирования не претендует на исключительность и может быть дополнена иными компонентами.

В целом технологии социального проектирования должны занять свое достойное место в числе технологий предупреждения преступлений, существенно расширив арсенал антикриминальной превентивной практики.

Гусева Светлана Дмитриевна,
адъюнкт Волгоградской академии МВД России

Особенности допроса лиц, подозреваемых в склонении или использовании в отношении спортсмена запрещенных в спорте субстанций и (или) методов

Преступления, предусмотренные статьями 230.1 и 230.2 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – допинговые преступления), являются относительно новыми для действующего уголовного законодательства. Необходимость криминализации в 2016 году данных деяний была обусловлена не столько их общественной опасностью, сколько политической обстановкой, складывавшейся вокруг российских спортсменов[1]. Однако реализация указанного политического запроса не привела появлению правоприменительной практики, связанной с привлечением к уголовной ответственности лиц, виновных в совершении допинговых преступлений.

В качестве субъектов допинговых преступлений могут выступать лица, прямо перечисленные в диспозициях этих норм: «тренер, специалист по спортивной медицине, иной специалист в области физической культуры и спорта». На сегодняшний день в России за нарушение антидопингового законодательства дисквалифицировано 18 представителей вспомогательного персонала, в том числе 16 тренеров и 2 врача[2]. При этом расследовано

[1] Понятовская Т.Г. Спортивные отношения и уголовно-правовое регулирование // Союз криминалистов и криминологов. 2019. № 1. С. 95-101.

[2] Список персонала спортсмена, отбывающего дисквалификацию на данный момент по решению общероссийских федераций и международных федераций по видам спорта по состоянию на 21.07.2021 [Электронный ресурс] // РусАДА: сайт. URL: https://rusada.ru/upload/iblock/80c/Персонал%20спортсменов%20RUS.pdf (дата обращения: 18.10.2021).

всего одно уголовное дело, по которому вынесен обвинительный приговор суда[1]. Остальные 17 случаев остались без должной юридической оценки[2].

Среди многочисленных проблем, связанных с выявлением, раскрытием и расследованием допинговых преступлений[3], одними их главных выступают сложности организации и проведения следственных действий. Поскольку пока нет отработанных алгоритмов, у следователей возникает множество вопросов тактического характера.

После фактического задержания подозреваемого в совершении допингового преступления следователь обязан в течение 24 часов его допросить. Задержание подозреваемого в совершении допингового преступления всегда обусловлено имеющейся информацией о его преступной деятельности, собранной в ходе оперативно-розыскных мероприятий[4]. Поэтому перед допросом следователю целесообразно ознакомится с массивом сведений, которые могут указывать на степень активности и роль подозреваемого в склонении или использовании в отношении спортсмена запрещенных в спорте субстанций и (или) методов; на канал поступления и места вероятного хранения допинговых препаратов; и т.д. Перед началом следственного действия необходимо составить план допроса, в котором проработать возможные варианты установления схемы преступных связей подозреваемого с другими работниками вспомогательного персонала спортивной организации.

В ходе допроса подозреваемого в совершении допингового преступления могут сложиться разные следственные ситуации:

1. Подозреваемый подтверждает факт склонения или использования в отношении спортсмена запрещенных в спорте субстанций и (или) методов. В этом случае необходимо выяснить все обстоятельства совершения преступления, степень осведомленности самого спортсмена о совершаемых в отношении него преступных действиях[5], а также обратить внимание на имеющиеся противоречия в показаниях подозреваемого, устранив их по возможности в ходе допроса.

2. Подозреваемый отрицает факт склонения или использования в отношении спортсмена запрещенных в спорте субстанций и (или) методов. В

---

[1] Уголовное дело 1-28/2020 (1-658/2019) [Электронный ресурс] // ГАС Правосудие: сайт. URL: https://bsr.sudrf.ru/bigs/portal.html (дата обращения: 18.10.2021).

[2] Заблоцкая А.Г. Латентная преступность: понятие, причины, способы измерения и противодействия: учебное пособие / А.Г. Заблоцкая, А.П. Алексеева, Е.Е. Колбасина. Волгоград: Волгоградская академия МВД России, 2008. С. 56.

[3] Алексеева А.П. Проблемы выявления фактов склонения или использования в отношении спортсмена запрещенных в спорте субстанций и (или) методов // Труды Академии управления МВД России. 2018. № 2 (46). С. 97-102.

[4] Алексеева А.П. Преступления в сфере спорта: криминалистическое исследование: монография. Волгоград: Перескоп-Волга, 2018. С. 52.

[5] Алексеева А.П. Профессиональный спортсмен как жертва преступных посягательств // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2008. № 2 (7). С. 37-44.

этом случае стоит предъявить подозреваемому имеющийся комплекс доказательственных сведений для того, чтобы побудить его к даче правдивых показаний.

В результате допроса подозреваемого в совершении допингового преступления необходимо установить круг следующих обстоятельств:

– факт склонения или использования в отношении спортсмена запрещенных в спорте субстанций и (или) методов;

– принадлежность использованных в отношении спортсмена запрещенных в спорте субстанций к спискам наркотических средств или психотропных веществ;

– обстановка совершения допингового преступления (время, место, способ, периодичность введения в организм спортсмена запрещенных препаратов; канал поступления запрещенных препаратов к подозреваемому);

– сведения о личности подозреваемого в совершении допингового преступления, мотивах и целях его преступной деятельности, возможных соучастниках, в том числе, среди работников вспомогательного персонала спортивной организации;

– иные обстоятельства, которые способствовали совершению допингового преступления.

Появление научно обоснованных алгоритмов допроса подозреваемого в совершении допингового преступления, а также производства других следственных действий позволит более взвешенно подходить к процессу расследования данных деяний.

Густова Элла Владимировна,
кандидат юридических наук,
доцент кафедры уголовного права
Московского университета МВД России
имени В.Я. Кикотя;
Куликова Маргарита Андреевна,
слушатель Института подготовки сотрудников
для органов предварительного расследования
Московского университета МВД России
имени В.Я. Кикотя

Уголовная ответственность за хищение безналичных денежных средств

Развитие безналичных денежных средств, как электронных платежных инструментов, несет в себе ряд позитивных влияний на экономическое развитие страны, способствуя появлению инновационных платежных инструментов, уменьшению части бумажного денежного оборота. Безналичные денежные средства активно применяются на практике, продемонстри-

ровав с 2018 год по 2020 год более высокие темпы роста (17%), относительно оплат банковскими картами (13%) и использования Интернет - банкинга (11%). По данным за 2020 года, доля безналичных платежей впервые превысила долю наличных, составив 56%[1].

На ежегодном расширенном заседании коллегии МВД России 3 марта 2021 года В.В. Путин указал, что одной из важных задач на сегодняшний день является борьба с преступлениями в сфере экономики с использованием информационных технологий, так как технологии обновляются и меняются стремительно, но и поле для преступлений, к сожалению, тоже увеличивается[2].

Об этом свидетельствует и официальная статистика МВД России, согласно которой за период времени январь-сентябрь 2018 года количество преступлений, совершенных с использованием компьютерных и телекоммуникационных технологий составляет 121 247, а за аналогичный период 2021 года – 402 980, что на 70% больше[3].

Исследователи уже с начала 90-х годов XX века достаточно активно вели дискуссии о сущности безналичных денежных средств, однако и в настоящее время в научной доктрине возникает ряд вопросов, касаемых правовой природы безналичных денежных средств, что влечет проблемы в создании комплекса норм, направленного на их регулирование и защиту.

На сегодняшний день в юридической литературе выделяют две основные теории, определяющие правовую природу безналичных денежных средств.

В.С. Лощилин, например, считает, что безналичные денежные средства есть «право требования клиента к банку, носящее обязательственный характер»[4]. У клиента банка имеется право требования, которое вытекает из обязательств по договору, и соответственно между одной стороной – банком и другой стороной – клиентом возникают обязательственные отношения. Конституционный Суд РФ поддержал такую позицию и указал в Постановлении от 27.10.2015 № 28-П «По делу о проверке конституционности

---

[1] Статистика Центрального банка РФ [Электронный ресурс] // URL: https://cbr.ru/statistics/ (дата обращения: 11.11.2021).

[2] Ежегодное расширенное заседание коллегии МВД России 03.03.2021. [Электронный ресурс] // URL: http://www.kremlin.ru/catalog/persons/310/events/65090 (дата обращения: 11.11.2021).

[3] Статистика по данным ГИАЦ МВД РФ [Электронный ресурс] //URL: https://мвд.рф/mvd/structure1/Centri/Glavnij_informacionno_analiticheskij_cen (дата обращения: 25.04.2021).

[4] Лощилин В.С. Правовая природа электронных денежных средств и структура правоотношений при расчетах их использования: автореф. … дис. канд. юрид. наук. М., 2013. С. 30.

п. 1 ст. 836 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан», что безналичные денежные средства охватываются понятием имуществом и являются обязательственным требованием к банку[1].

Сторонником противоположной теории является Л.Г. Ефимова, которая утверждает, что безналичные денежные средства – это особая форма денег[2]. Свою позицию она обосновывает следующим образом: применяется «теория фикции», согласно которой безналичные денежные средства признаются квазиналичными и приравниваются к вещам. Данной позиции придерживаются и некоторые специалисты в области уголовного права, признавая безналичные денежные средства самостоятельной формой денег.

В связи с чем, необходимо подчеркнуть сложную правовую природу безналичных денежных средств, которая на сегодняшний день остается спорным среди ученых, а также не регламентирована на законодательном уровне, как гражданским законодательством РФ, так и уголовным, что порождает ряд вопросов, в том числе при отнесении их к предмету хищения.

Традиционно в доктрине уголовного права под чужим имуществом, как один из признаков понятия хищения, закрепленного в примечании к статье 158 УК РФ, было принято понимать материальные предметы внешнего мира, очерченные в пространстве и обладающие материально-телесной субстанцией.

Безналичные денежные средства получили свой статус в редакции Гражданского кодекса РФ, введенной Федеральным законом от 2 июля 2013 года №142-ФЗ «О внесении изменений в подраздел 3 раздела I части первой ГК РФ», согласно которой безналичные деньги были отнесены к иному имуществу[3]. 18 марта 2019 года Федеральным законом №34-ФЗ «О внесении изменений в части первую, вторую и статью 1124 части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации» безналичные денежные средства были отнесены к имущественным правам, как к самостоятельному объекту гражданских прав[4].

Однако по сегодняшний день легальное определение понятия безналичных денежных средств отсутствует, что затрудняет определить конкрет-

---

[1] Постановление Конституционного Суда РФ от 27.10.2015 № 28-П «По делу о проверке конституционности пункта 1 статьи 836 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан И.С. Билера, П.А. Гурьянова, Н.А. Гурьяновой, С.И. Каминской, А.М. Савенкова, Л.И. Савенковой и И.П. Степанюгиной» // Российская газета. 2015.

[2]Ефимова Л.Г. Отдельные проблемы теории безналичных расчетов // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина. 2016. №2 (18). С. 29–30.

[3]Федеральный закон от 02.07.2013 г. № 142-ФЗ «О внесении изменений в подраздел 3 раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации // Собрание законодательства Российской Федерации от 8 июля 2013 г. № 27 ст. 3434.

[4] Федеральный закон от 18.03.2019 № 34-ФЗ «О внесении изменений в части первую, вторую и статью 1124 части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации».

ную правовую природу данной категории. В ч. 3 ст. 861 ГК РФ регламентируются только безналичные расчеты, которые осуществляются путем перевода денежных средств банками и иными кредитными организациями с открытием или без открытия банковских счетов.

С недавнего времени, отходя от традиционного понимания, законодатель стал относить к чужому имуществу и другие объекты гражданского права, в том числе имущественные права – безналичные денежные средства. Так, в соответствии с ч. 5 Постановления пленума Верховного суда РФ от 30 ноября 2017 года №48 «О судебной практике по делам мошенничестве, присвоении и растрате», если предметом преступления при мошенничестве являются безналичные деньги, то согласно п. 1 примечания к ст. 158 УК РФ и ст. 128 ГК РФ содеянное должно рассматриваться как хищение чужого имущества.

Таким образом, безналичные денежные средства представляют собой особую форму существования наличных денег, хранящихся на банковских счетах и предназначенных для совершения банковских расчетов. То есть, количеству безналичных денег соответствует равное количество наличных денег, хранящихся в натуральной форме в банке или иной кредитной организации.

На наш взгляд, в целях восполнения пробела в части нормативного регулирования необходимо судебное разъяснение о сущности безналичных денежных средств, как предмета преступления.

В связи с нарастающей общественной опасностью данных деяний для защиты граждан и организаций была закреплена уголовная ответственность за посягательства на безналичные денежные средства, в том числе электронные.

Уголовно-правовая охрана собственности граждан от посягательств на безналичные денежные средства регламентируется п. «г» ч. 3 ст. 158 УК РФ «кража с банковского счета, а равно в отношении электронных денежных средств», ст. 159^3 УК РФ «мошенничество с использованием электронных средств платежа», а также п. «в» ч. 3 ст. 159^6 УК РФ «мошенничество в сфере компьютерной информации, совершенное с банковского счета, а равно в отношении электронных денежных средств».

Проанализировав данные нормы, возникает ряд вопросов. Так, кража с банковского счета, а равно в отношении электронных денежных средств (п. «г» ч. 3 ст. 158 УК РФ) является в соответствии с ч. 4 ст. 15 УК РФ тяжким преступлением, за которое законодатель предусматривает максимальное наказание в виде лишения свободы на срок до 6 лет. Вместе с тем, за мошенничество с использованием электронных средств платежа (ч. 1 ст. 159^3 УК РФ) предусмотрено максимальное наказание в виде лишения свободы на срок до 3 лет, тем самым определив данное деяние как преступление небольшой тяжести.

Согласно пояснительной записке к проекту федерального закона «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации» косвенным обоснованием усиления уголовной ответственности за кражу с банковского счета или электронных денежных средств является, во-первых, использование специальных навыков, во-вторых, необходимость криминализовать подготовительные действия, ответственность за которые возможна только за тяжкие и особо тяжкие преступления[1].

Такая разница представляется абсолютно необъяснимой с точки зрения общественной опасности. На наш взгляд, мошенничество с использованием электронных средств платежа, обладает повышенной общественной опасностью из-за способа совершения преступления.

Кроме того, в случае совершения кражи (п. «г» ч.3 ст. 158 УК РФ), в соответствии со ст. 76 УК РФ, освобождение от уголовной ответственности в связи с примирением с потерпевшим невозможно. Тогда как, в случае совершения мошенничества (ст. 159[3] УК РФ), как преступления небольшой тяжести, лицо может быть освобождено от уголовной ответственности в связи с примирением с потерпевшим, что также на наш взгляд является необоснованным и требует законодательного изменения.

Тенденции развития преступности данного вида являются интернациональными и характерны для большинства современных развитых стран.

Так, например, в зарубежном уголовном законодательстве применяется концептуально иной подход, в рамках которого не происходит разделения хищений по форме деяния, например кражи и мошенничества, предусматривается единый состав преступления, сопряженного с неправомерным использованием безналичных денежных средств. Примечательно, что данный подход характерен для представителей как англо-саксонской, так и континентальной правовой системы.

Согласно параграфу 1029 федерального уголовного законодательства США уголовная ответственность предусмотрена за мошенничество или иную деятельность, связанную с неправомерным получением доступа к безналичным денежным средствам[2]. Раздел 371 уголовного кодекса Королевства Норвегия предусматривает уголовную ответственность за неправомерное использование чужой банковской карты[3].

Данный подход позволяет обеспечить единообразное формирование правоприменительной практики, тогда как наличие нескольких составов

---

[1] Пояснительная записка «К проекту федерального закона «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации (в части усиления уголовной ответственности за хищение денежных средств с банковского счета или электронных денежных средств)» [Электронный ресурс] // URL: http://www.consultant.ru (дата обращения: 25.11.2021).

[2] Title 18 of the United States Code. [Электронный ресурс] URL: https://ru.abcdef.wiki/wiki/Title_18_of_the_United_States_Code. (дата обращения: 10.11.2021).

[3] The Penal Code of Norway. 1902. [Электронный ресурс] URL: https://lovdata.no/dokument/NLE/lov/2005-05-20-28. (дата обращения: 10.11.2021).

преступлений в российском уголовном законе приводит к проблемам в квалификации деяний.

Отличительной особенностью также являются установленные уголовно-правовые санкции за совершение исследуемого деяния. Так, в США за посягательство на безналичные денежные средства установлено наказание в виде штрафа и лишения свободы до 10 лет. В уголовном кодекс Федеративной Республики Германия закреплена уголовная ответственность в виде трех лет лишения свободы или штрафа[1]. Раздел 371 уголовного кодекса Королевства Норвегия предусматривает уголовную ответственность в виде штрафа или лишения свободы на срок до двух лет.

Причина данного подхода заключается в реализации правовой реституции вместо репрессивного воздействия на виновных, что характерно для большинства стран Европейского союза, поскольку акцент в деятельности по предупреждению хищений с безналичными денежными средствами делается на комплексе мер организационного и программного характера.

Таким образом, положения зарубежного уголовного законодательства свидетельствует о наличии принципиальных отличий в дифференцированных подходах к формулированию диспозиций и санкций уголовно-правовых норм, предусматривающих ответственность за посягательства на безналичные денежные средства, что возможно адаптировать к современным российским реалиям для установления эффективных мер предупреждения данного вида преступления, в том числе соответствие наказания за хищение безналичных денежных средств характеру и степени общественной опасности.

Данилов Данил Борисович,
старший преподаватель кафедры
оперативно-разыскной деятельности в органах внутренних дел
Краснодарского университета МВД России

Проблемы уголовной ответственности за поставление в опасность имущественных интересов лица: в контексте статьи 200.3 Уголовного кодекса Российской Федерации

Приступая к вопросу о социально-правовой обусловленности установления уголовной ответственности за поставление под угрозу причинения вреда имущественным интересам собственников недвижимого имущества, представляется важным установить отсутствие иной, альтернативной уголовно-правовой, меры обеспечения надлежащего порядка функциониро-

[1] German Criminal Code (1871) // Bundesministerium der justiz und fur Verbraucherschutz. [Электронный ресурс] URL: https://www.gesetze-im internet.de/englisch_stgb/englisch_stgb.html. (дата обращения: 10.11.2021).

вания данной системы. Очевидно, что меры уголовно-правовой охраны являются крайними (исключительными) средствами государственно-правового принуждения, обеспечивающими соблюдение правовых предписаний и исполнение обязанностей, вытекающих из содержания правового статуса того или иного субъекта уголовно-правовых правоотношений.

Уголовное право, обеспечивая свойственную, данной отрасли, охранительную функцию, способствует соблюдению регулятивных норм различной отраслевой принадлежности. Среди множества таких норм, обращают на себя внимание регулятивные нормы гражданского законодательства.

Несмотря на то, что данные нормы обеспечиваются мерами отраслевой юридической ответственности, основанием которой, являются нарушения (несоблюдение) условий договора, зачастую этих мер является недостаточно для охраны сектора гражданско-правовых, и в частности, имущественных отношений.

Изожженные обстоятельства, наряду с растущим потребительским спросом на объекты недвижимого имущества, обусловливают постоянный рост стоимости квадратных метров, стимулируя стабильный приток денежных средств.

Преступления, посягающие на подрыв определенного государством механизма возникновения и реализации имущественных интересов в сфере недвижимого имущества, по нашему мнению, можно рассматривать как один из факторов угрозы национальной безопасности России, обуславливающий необходимость уголовно-правовой охраны данного сектора экономики.

Выявляя особенности общественной опасности преступлений, составляющих экономическую направленность и посягающих на установленный законом порядок приобретения и реализации имущественных прав в сфере недвижимого имущества, необходимо затронуть скрытость и невидимость преступлений исследуемого вида. Как отмечалось, мошеннические схемы, направленные на получение права собственности на недвижимое имущество, зачастую сопровождается электронным документооборотом.

Набирающий в последе время удаленный формат регистрации имущественных прав на недвижимое имущество, на ряду с упрощением процедуры таит высокую вероятность использования «серых» схем неправомерного перевода собственности во владение третьих лиц. Здесь, следует отметить, что вспышка инфекции COVID-19, начавшаяся в конце 2019 года, не утихающая в 2020 году, способна, оказала существенное влияние на общую картину преступности в России, затронув, в первую очередь сектор экономики. Меры, направленные на ее локализацию и недопущение распространения[1] (ресурсное обеспечение, усиление пограничного контроля, ограничения въезда-выезда между государствами и т.д.) в весенний период 2020

[1] Постановление губернатора Ставропольского края от 26 марта 2020 года № 119 «О дополнительных мерах по снижению рисков распространения новой коронавирусной инфекции COVID-2019 на территории Ставропольского края» // https://rg.ru/2020/03/27/stavregion-post119-reg-dok.html (дата обращения: 12.08.2020 г.).

года оказали негативное влияние на экономику страны в целом и Ставропольского края в частности.

В связи с ухудшением экономического положения граждан нельзя исключать роста корыстных и корыстно-насильственных преступлений, в том числе в сфере недвижимого имущества.

В период пандемии и мер, принимаемых по недопущению ее распространения, велика вероятность увеличение числа преступлений, связанных с электронным мошенничеством, поскольку наиболее уязвимая, в криминальном плане, группа граждан вынуждена находиться дома, в то время как мошенники получают возможность осуществления криминальных действий с их недвижимым имуществом.

Более того, повторное тотальное закрытие глобальной экономики из-за COVID-19 в осенне-зимний период может вновь спровоцировать ухудшение социально-экономической ситуации в стране, что повлечет рост криминальной активности в различных секторах экономики.

Общественная опасность рассматриваемых преступлений, проявляется в высокой степени организации, которая, как правило, указывает на их совершение в составе преступных сообществ (организаций). Данный факт свидетельствует о том, что в преступную деятельность, связанную с имущественными отношениями в сфере недвижимости, может вовлекаться значительный круг лиц. Исследование уголовных дел позволило установить, что 34,4 % преступлений, совершенных в сфере земельных отношений, являются групповыми, причем лица, входящие в состав таких групп, занимают разнообразные должности на муниципальной или государственной службе.

Использование высоких технологий, как инструмента (средства) совершения имущественных преступлений, многократно увеличивает их интенсивность и эффективность в достижении преступного результата, кроме того, способно существенно затруднить расследование преступления и восстановление причиненного вреда потерпевшим.

Наряду с изложенными обстоятельствами, социально-правовая необходимость уголовно-правовой охраны имущественных отношений, связанных с недвижимым имуществом, обусловлена тем, что современные социально-экономические отношения, являющиеся фактором негативного воздействия на процесс становления экономической активности рынка недвижимости. Человечество стоит на пороге нового типа организации экономических отношений в обществе, которое коренным образом изменит как качественные, так и количественные признаки социума. Преступления в сфере недвижимости тормозят, а порою и противодействуют процессу перехода к новой форме социально-экономического развития в государстве, что требует обеспечение уголовно-правовой охраны сектора экономических отношений в области недвижимости.

Однако экономические отношения, осуществляемые в активно развивающихся отраслях страхования, инвестиционной деятельности, информационных технологий, являются стратегическим направлением развития финансового сектора экономики государства и во многом от степени их защиты зависит успешность проводимых в государстве экономических реформ.

Эффективность уголовно-правовой охраны отношений, складывающихся в сфере недвижимого имущества, обеспечивается не столько наличием уголовно-правовой нормы устанавливающей ответственность за преступление посягающее на имущественные права в сфере недвижимого имущество, сколько построением системы взаимосвязанных составов, обеспечивающих защищенность как имущественных, так и экономических отношений, в совокупности образующих рынок недвижимого имущества.

В заключении следует отметить, что общественная опасность исследуемых видов преступлений проявляется и в постановке под угрозу реализуемых государством национальных проектов, связанных с расселением ветхого жилья, развития сектора строительства новых объектов жилья, а также в активном использовании технических средств, относящихся к сфере высоких технологий, которые получают широкое распространение во всех областях деятельности человека, а особенно в области отношений собственности.

Повышенную общественную опасность преступлениям в сфере недвижимого имущества, придает факт их негативного воздействия на процесс становления экономической активности современного общества. Человечество стоит на пороге нового типа организации экономических отношений в обществе, которое коренным образом изменит как качественные, так и количественные признаки социума. Данные преступления являются существенным препятствием в сфере современных социально-экономических отношений, замедляя, а порою и противодействуя процессу перехода к новой форме социально-экономического развития в государстве.

Специальные виды преступлений в сфере недвижимости в сравнении с общеуголовными посягательствами обладают повышенной общественной опасностью. Это обусловлено не только колоссальным материальным ущербом, но и характером самого деяния. Деяния, посягающие на специфический сектор экономической деятельности, наиболее часто рассматриваемый как рынок недвижимого имущества (недвижимости) обладают признаком гиперлатентности.

Социально-экономическая обусловленность дифференциации уголовной ответственности за совершение преступлений в сфере недвижимого имущества состоит в признании государством их важности для построения современных экономических отношений, а также выработке мер уголовно-правового реагирования на общественно опасные посягательства в соответствующем сегменте национальной экономики.

Данильян Александр Сергеевич,
кандидат юридических наук, доцент,
начальник кафедры уголовного процесса
Краснодарского университета МВД России;
Ульянова Ирина Рачиковна,
кандидат юридических наук, доцент,
заместитель начальника кафедры уголовного процесса
Краснодарского университета МВД России

Актуальные вопросы организации работы следователя на этапе возбуждения уголовного дела

По правилам Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ) возбуждение уголовного дела определено начальной стадией уголовного судопроизводства. Именно момент поступления заявления или сообщения о преступном деянии характеризует начало уголовно-процессуальных отношений (п. 9 ст. 5 УПК РФ), обязывая должностных лиц правоохранительного органа произвести прием, регистрацию и проверку заявлений, сообщений об общественно опасном деянии.

На этапе возбуждения уголовного дела регламентирована деятельность следователя по сбору информации о совершенном преступном деянии и устанавливается возможность начала расследования. Основные аспекты подобной деятельности будут рассмотрены в формате данной статьи.

Особенности данного этапа зависят от конкретного вида преступления, которые определяют последовательность процессуальных действий следователя, выбор сил и средств и весь ход дальнейшего расследования[1].

Первоначальный этап расследования обусловлен наличием конкретных обстоятельств:

– наличие заявления о совершенном преступном деянии либо о готовящемся преступлении, что является поводом для возбуждения дела. Эта информация подтверждается объяснениями заявителей и очевидцев;

– наличие длительного времени между совершенным преступлением и осуществлением оперативно-розыскных мероприятий и следственных действий в отношении подозреваемого[2].

В качестве мер повышения эффективности работы следователя можно назвать четкое планирование расследования, начиная с доследственной

[1] Гончар В.В., Захаров Д.Н. Особенности организации деятельности следователя на стадии возбуждения уголовного дела // Вестник экономической безопасности. 2019. № 3. С. 220.

[2] Шевель Д.В. Организация расследования коррупционных преступлений // Colloquium-journal. 2019. № 2. С. 111.

проверки имеющейся информации. Правильно составленный план расследования преступления позволяет определить приоритеты и последовательность проведения процессуальных действий.

Если период времени от подачи заявления и фактом совершения преступного деяния является незначительным, то существенным фактором, определяющим эффективность, можно считать внезапность проведения следственных действий и оперативно-розыскных мероприятий.

До возбуждения уголовного дела проводятся следственные действия по изъятию возможных следов преступления. Следователь вправе получать объяснения, образцы для сравнительного исследования, истребовать документы и предметы, изымать их в соответствии с нормами УПК РФ; осуществлять такие следственные действия, как осмотр места происшествия, документов, предметов, трупов, освидетельствование; назначать экспертизы, требовать проведения документальных проверок, ревизий, исследований документов, предметов, трупов; привлекать к участию в указанных действиях специалистов; давать органу дознания обязательное для исполнения письменное поручение о проведении оперативно-розыскных мероприятий.

Проблемы в деятельности следователя на рассматриваемом этапе могут возникать с осмотром места происшествия в жилище. Как справедливо отмечено в процессуальной доктрине, законодателю следует разграничить понятия «осмотр места происшествия», «осмотр жилища» и «осмотр места происшествия в жилище»[1].

Порядок проведения данного следственного действия определен правилами ч. 5 ст. 177 УПК РФ, характерным признаком которого является незамедлительность его осуществления. В следственной практике возникает проблема с вопросом о том, необходимо ли получать судебное решение на осмотр места происшествия в жилище при отсутствии согласия проживающих в нем граждан или следовать нормам УПК РФ, регламентирующим осмотр места происшествия. Большинство процессуалистов поддерживают принцип неприкосновенности жилища, а значит недопустимости осуществления осмотра места происшествия при отсутствии согласия проживающих в нем граждан и без судебного решения[2].

Заметим, что законодатель не устанавливает форму отражения согласия проживающих в жилище граждан на осмотр. В следственной практике такое согласие обычно фиксируется в протоколе проводимого процессуального действия, в основном в графе о разъяснении порядка осмотра. Можно отразить это в отдельном документе, предположим, в заявлении.

---

[1] Фатикова А.Д. Механизм реализации принципа неприкосновенности жилища в уголовном судопроизводстве: автореф.дис. …канд. юрид наук. Казань, 2010. С. 15.

[2] Яновский Р.С. Некоторые актуальные вопросы производства осмотра места происшествия в жилище // Актуальные вопросы борьбы с преступлениями. 2016. № 2. С. 27.

В этой ситуации целесообразен следующий алгоритм действий. Изначально следует получить согласие проживающих в жилом помещении граждан. Если жильцы не согласны, то необходимо действовать по правилам ч. 5 ст. 165 УПК РФ. Алгоритм действий таков: следователь возбуждает уголовное дело, а затем составляет постановление о необходимости осмотра жилища без судебного решения, осуществляет осмотр и уведомляет судью и прокурора.

Сказанное можно проиллюстрировать следующим примером из судебной практики. Ч.В.Н. совершил незаконное хранение боеприпасов, угрозу убийством. Из показаний потерпевшей следовало, что Ч.В.Н. держал в руках охотничье ружье с присоединенным магазином, затем потребовал встать на колени и приставил ствол ружья к ее лбу, передернув затвор. Потерпевшая указала место хранения боеприпасов, которые были изъяты сотрудниками полиции. В апелляционной жалобе Ч.В.Н., не согласившись с приговором суда, указал, что участковый уполномоченный полиции приступил к обыску жилого помещения без наличии законных к тому оснований. Суд пришел к выводу, что следственное действие осуществлялось с согласия проживающей там Ф.И.О.1., уполномоченным лицом по правилам ст.ст. 164, 166, 170, 176, 177 УПК РФ[1].

Проблемы возникают и с таким проверочным действием, как получение объяснений, а точнее, с их доказательственным значением. Законодатель не регламентирует процессуальный порядок получения объяснений, их фиксации, процессуальный статус гражданина, дающего объяснения. Это позволяет ему отказаться отвечать на поставленные вопросы, поскольку он не предупреждается об уголовной ответственности от дачи показаний.

В ч. 1.2 ст. 144 УПК РФ указано, что полученные в ходе проверки результаты, в том числе и объяснения, могут быть признаны доказательствами, если они отвечают требованиям допустимости доказательств, определенных в ст. 75 и 89 УПК РФ. В этом случае целесообразно изменить формулировку, указав императивно, утвердительно: «признаются доказательствами».

В ходе проверки может изыматься бухгалтерская документация, например, при совершении корыстных преступлений, и в дальнейшем назначается бухгалтерская экспертиза. Здесь уместно привлечь специалиста, который может определить, какие документы необходимо изымать. Причем материалы могут находиться на компьютерных носителях. Из положений ч. 2 ст. 164.1 УПК РФ следует, что при изъятии информационных носителей обязательно участие специалиста. Понятие «электронный носи-

[1] Апелляционное постановление Свердловского областного суда от 13 августа 2020 г. по делу № 22-4811/2020. URL: https://sudact.ru/regular/doc/KGGs6n0IzNVV/ (дата обращения 02.09.2021).

тель» в законодательстве не раскрывается. Обычно в качестве такового понимают материальный носитель, который служит для записи, хранения и воспроизведения электронной информации. Благодаря участию специалиста можно извлечь электронный носитель без повреждений и деформации находящейся на нем информации. В противном случае, сторона защиты вправе ходатайствовать о том, чтобы добытые сведения признавались недопустимым доказательством. Следователь обязан привлекать специалиста только при изъятии электронного носителя, поскольку он может осуществить копирование информации самостоятельно без изъятия электронного носителя. Судебная практика на этот счет не является однозначной.

Так, по одному из уголовных дел суд признал правомерным изъятие в ходе обыска электронных носителей без участия специалиста. По мнению суда, если электронные носители изымаются целиком, то специальные знания не требуются[1].

В другом случае, напротив, был признан в качестве недопустимого доказательства CD-диск, который изымался без участия специалиста[2].

В ходе доследственной проверки допустимо назначение экспертизы, поскольку большинство экспертиз требуют значительного времени для их проведения. В связи с этим, руководитель следственного органа по ходатайству следователя может продлить срок проверки материалов для возбуждения уголовного дела до 10 суток, а при необходимости производства документальных проверок, ревизий, судебных экспертиз, исследований документов, предметов, а также проведения оперативно-розыскных мероприятий продлить этот срок до 30 суток.

В частности, по корыстным преступлениям зачастую назначается судебно-бухгалтерская экспертиза. Она позволяет выявить нарушения в осуществлении ведения бухгалтерского учета, определить должностное лицо, ответственное за незаконное отражение операции. Возможно установление схемы легализации денежных средств, которые находятся в бухгалтерской документации. Если в документации, отражающей должностные полномочия субъекта, других документах обнаруживаются подчистки, исправления, дописки, то назначаются техническая, почерковедческая экспертизы.

Анализ правоприменительной практики свидетельствует, что если в материалах проверки имеется информация, указывающая на то, что пре-

[1] Апелляционное постановление Приморского краевого суда от 24 сентября 2015 г. № 22-5674/15. URL: https://kmcon.ru/articles/jurist/novye-pravila-izyatiya-elektronnyh-nositelej-i-kopirovaniya-informatsii.html (дата обращения 02.09.2021).

[2] Апелляционное постановление Соликамского городского суда Пермского края от 17 октября 2017 г. № 10-83/2017. URL: // https://kmcon.ru/articles/jurist/novye-pravila-izyatiya-elektronnyh-nositelej-i-kopirovaniya-informatsii.html (дата обращения 02.09.2021).

ступление совершенно конкретным субъектом, то следователь должен признать его подозреваемым с предоставлением соответствующих его статусу прав[1].

Работа следователя на этапе возбуждения уголовного дела зачастую зависит от результатов оперативно-розыскных мероприятий. Сотрудниками оперативных подразделений передаются следователю стенограммы аудиозаписей, проведенных в ходе прослушивания телефонных переговоров, видеозаписи с камеры наблюдения и т.д. Подобные материалы содержат изобличающие сведения о совершенном деянии. Следователь анализирует представленные материалы и решает вопрос о том, какие из них необходимо закрепить процессуально. В этом контексте, прежде всего, требуется оценить законность проведенных мероприятий. Стоит учитывать, что по правилам ч. 8 ст. 5 Федерального закона об оперативно-розыскной деятельности[2], установлен запрет подстрекать, склонять, побуждать в прямой или косвенной форме гражданина к совершению противоправных действий.

Резюмируя, можно сказать, что успешно спланированное осуществление следственных действий на этапе возбуждения уголовного дела позволяет собрать и закрепить достаточное количество доказательств совершения преступного деяния, причастности определенного субъекта к его совершению, обеспечивает дальнейшее проведение следственных действий, полноту и объективность расследования.

Дикаева Элина Салмановна,
адъюнкт кафедры криминологии
Санкт-Петербургского университета МВД России

Органы внутренних дел как субъект профилактики преступности лиц, условно-досрочно освобожденных от наказания

Немаловажную роль в предупреждении повторных преступлений играют органы внутренних дел. Так, по данным ГИАЦ МВД России, удельный вес количества зарегистрированных преступлений лицами, которые ранее привлекались к ответственности (уголовной) за 2020 – первую половину

[1] Макеева И.В., Хорьяков С.Н., Кремнева Е.А. Реализация процессуальной деятельности следователя на стадии возбуждения уголовного дела // Пробелы в российском законодательстве. 2018. № 2. С. 140.

[2] Об оперативно розыскной деятельности: федер. закон от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ (в ред. от 30 декабря 2020 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации. 1995. № 33. Ст. 3349.

2021 года составляет 31 %.[1] Как показал анализ, в основном преступления совершаются в течение года после освобождения из исправительных учреждений.

Российское законодательство очень часто поддается внесениям изменений, что по привычке уже вошло в норму. Из-за сложившейся тенденции правоприменители нередко сталкиваются с проблемой обоснованности и толкования данных положений закона. Многие ученые-правоведы[2] поднимали вопрос об отсутствии контрольно-надзорного органа за условно-досрочно освобожденными лицами и, в связи с этим, его законодательного урегулирования.

Ранее правоприменители были знакомы только со следующими положениями: в соответствии со ст. 79 УК РФ контроль за поведением условно-досрочно освобожденного лица осуществляет уполномоченным на то специализированным государственным органом. Согласно пункту 1 Положения о ФСИН, функции по контролю и надзору в сфере исполнения уголовных наказаний в отношении осужденных возложены на ФСИН России. ФЗ «О полиции» регламентирует, что на полицию возложена обязанность по осуществлению контроля (надзора) за соблюдением лицами, освобожденными из мест лишения свободы, установленных для них судом в соответствии с ФЗ запретов и ограничений. Здесь следует указать на следующую

---

[1] Состояние преступности // ГИАЦ МВД России. [Электронный ресурс]: URL: http://www.mvd.ru/presscenter/statistics/reports/show_177/ (дата обращения: 25.10.2021).

[2] Занина Т.М., Моргунов Д.М. Проблемные вопросы организации и осуществления индивидуальной профилактической работы с лицами, освобожденными из мест лишения свободы условно-досрочно // Вестник КРУ МВД России. 2020. №3 (49). С. 71-77. // [Электронный ресурс]: URL: https://cyberleninka.ru/article/n/problemnye-voprosy-organizatsii-i-osuschestvleniya-individualnoy-profilakticheskoy-raboty-s-litsami-osvobozhdennymi-iz-mest (дата обращения: 28.10.2021); Лукин Е.Е. Пути ресоциализации осужденных в России: условно-досрочное освобождение // Вестник Саратовского государственного техн. ун-та. 2011. №55. С. 217; Холманский В.И., Стульнова Т.В. Проблемы правового обеспечения деятельности участковых уполномоченных полиции по профилактике рецидива преступлений со стороны лиц, условно-досрочно освобожденных из мест лишения свободы // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2017. №3 (75). С.59-64. // [Электронный ресурс]: URL: https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-pravovogo-obespecheniya-deyatelnosti-uchastkovyh-upolnomochennyh-politsii-po-profilaktike-retsidiva-prestupleniy-so-storony (дата обращения: 25.10.2021); Бурчихин А.Н. К вопросу о специальном субъекте профилактики преступности лиц, условно-досрочно освобожденных из мест лишения свободы // Уголовно-исполнительное право. 2018. №3. С. 315-319. // [Электронный ресурс]: URL: https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-spetsialnom-subekte-profilaktiki-prestupnosti-lits-uslovno-dosrochno-osvobozhdennyh-iz-mest-lisheniya-svobody (дата обращения: 25.10.2021).

неточность – указанная норма не детализирует, в отношении какой конкретной категории освобождаемых лиц органы полиции обязаны осуществлять контроль.

Можно прийти к выводу, что и в УИК РФ и подзаконных нормативных актах вопросы контроля за условно-досрочно освобожденными были плохо урегулированы.

С вступлением в силу 2 марта 2021 года Указа Президента[1] данный вопрос был частично урегулирован. Согласно внесенным изменениям теперь ФСИН осуществляет контроль за поведением лиц, освобожденных условно-досрочно. Иными словами, сам учет и контроль за должным поведением данной категории лиц будут осуществлять уголовно-исполнительные инспекции.

В компетенции уголовно-исполнительных инспекций входят также организация и ведение автоматизированной базы данных, где вносятся сведения об осужденных, порядке и условиях отбывания наказания освобожденным лицом и еще результаты контроля за поведением.

Но все это будет организовано только в правильном взаимодействии с органами внутренних дел, ОМС, социальными службами и общественными объединениями. Предполагается, что в такой содействии инспекции будут решать вопросы оказания осужденным помощи в социальной адаптации и создании условий для участия общественных объединений в исправлении осужденных по УДО. Насколько эффективен будет данный шаг в урегулировании вопроса, можно будет судить только по прошествии минимум года, чтобы сформировалась определенная практика.

Обязанности по осуществлению контроля и профилактической работы с рассматриваемой категорией лиц раньше была возложена на участковых уполномоченных полиции[2] и инспекторов по делам несовершеннолетних, теперь же с утверждением нового Приказа МВД России[3], указанные

---

[1] Указ Президента РФ от 2 марта 2021 г. № 119 «О внесении изменений в Положение о Федеральной службе исполнения наказаний, утвержденное Указом Президента Российской Федерации от 13 октября 2004 г. № 1314» //«Официальный интернет-портал правовой информации» (www.pravo.gov.ru) 2 марта 2021 г. № 0001202103020039 // Собрание законодательства Российской Федерации от 8 марта 2021 г. № 10 ст. 1568.

[2] Приказ МВД России от 31 дек. 2012 г. № 1166 Вопросы организации деятельности участковых уполномоченных полиции. // [Электронный ресурс]: URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_144038/e6c1084bea43267b6fc1ed49bc309dfee562bb84/ (дата обращения:25.10. 2021). (утратил силу).

[3] Приказ МВД России от 29.03.2019 № 205 «О несении службы участковым уполномоченным полиции на обслуживаемом административном участке и организации этой деятельности» (вместе с «Инструкцией по исполнению участковым уполномоченным полиции служебных обязанностей на обслуживаемом административном участке», «Наставлением по организации службы участковых уполномоченных полиции») (Зарегистрировано в Минюсте России 03.07.2019 № 55115). // [Электронный ресурс]: URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_328491/ (дата обращения:25.10. 2021).

полномочия участковых уполномоченных полиции, касающиеся условно-досрочного освобождения, не вошли.

В нормативно-правовых актах регламентирована деятельность указанных подразделений в целом, они не решают задач по толкованию действий и мероприятий при осуществлении контроля за лицом, освобожденным досрочно.

Продолжая анализировать полномочия полиции по осуществлению контроля за лицами, освобожденными условно-досрочно, мы приходим к выводу, что существует также противоречие в ФЗ «О полиции» и Уголовно-процессуальном кодексе России. Так, согласно ФЗ «О полиции» органом, контролирующим условно-досрочно освобожденных является полиция, но согласно пункта 5 части 1 статьи 399 УПК РФ представление по вопросам, связанным с исполнением приговора, имеют право направлять только учреждения и органы, исполняющие наказание. Имеется возможным это положение изложить в следующей редакции, чтобы данный казус был разрешен: «Вопросы, связанные с исполнением приговора, рассматриваются судом по представлению органа внутренних дел или учреждения, исполняющего наказание, - в случаях, указанных в пунктах 2, 2.1, 4.1, 4.2, 7-8.1, 10, 12, 13, 15, 17-17.2 и 19 статьи 397 настоящего Кодекса».

Подводя итог вышеизложенному, стоит отметить тот факт, что хоть на сегодняшний день и определился более или менее контрольно-надзорный орган в лице уголовно-исполнительной инспекции, но роль в ведении учетов и профилактических работ по предупреждению преступности все еще остается на органах внутренних дел.

Хочется также отметить, что повысить эффективность работы с лицами, условно-досрочно освобожденными, возможно лишь только в рамках взаимодействия всех субъектов профилактики.

Догузова Оксана Руслановна,
старший преподаватель кафедры
конституционного права юридического факультета
Горского государственного
аграрного университета (г. Владикавказ)

Проблемы преодоления конкуренции при квалификации заведомо ложного сообщения об акте терроризма

На настоящий момент существует два квалифицирующих признака, при которых ответственность за совершение заведомо ложного сообщения о терроризме повышается.

Первым признаком является причинение в результате действий, указанных в ч. 1 ст. 207 УК РФ, крупного ущерба. Какой ущерб признается в

данном случае крупным, указано в примечании к ст. 207 УК РФ, это сумма, превышающая один миллион рублей. Поскольку законодатель прямо указал в статье, с какой суммы причиненный ущерб считается крупным, трудностей в квалификации деяния по данному признаку в правоприменительной практике обычно не возникает. Однако, достаточно сложной является проблема определения суммы ущерба, причиненного преступлением. Так, если определить, какие средства были затрачены на выезд сотрудниками правоохранительных органов, еще возможно путем расчета стоимости топлива и определения стоимости рабочего времени каждого сотрудника, затраченного на рассмотрение данного сообщения, то средства, затраченные на эвакуацию большого количества людей, определить гораздо сложнее. Представляется, что данная проблема может быть разрешена путем разработки соответствующих методических рекомендаций.

Вторым квалифицирующим признаком является причинение «иных тяжких последствий». Трудность вменения данного квалифицирующего признака состоит в том, что уголовное законодательство не содержит разъяснение данного понятия. Некоторые ответы на вопрос о том, что такое тяжкие последствия можно найти в отдельных Постановлениях Пленума Верховного Суда Российской Федерации. Так, например, в постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации 27 сентября 2012 года № 19 «О применении судами законодательства о необходимой обороне и причинении вреда при задержании лица, совершившего преступление» иные тяжкие последствия – это экологическая катастрофа, совершение диверсии и т.п.)[1].

Представляется, что в определенной степени указанные последствия могут расцениваться в качестве тяжких и при совершении заведомо ложного сообщения об акте терроризма. Однако, очевидно, что для правоприменителя достаточно сложно прийти к мысли о том, что ответ на то, что же считается тяжкими последствиями при совершении преступления, предусмотренного ст. 207 УК РФ, следует искать в разъяснениях Пленума Верховного Суда РФ по должностным преступлениям.

В научной литературе имеется мнение о том, что необходимо принять отдельное Постановление Пленума Верховного Суда РФ по данному вопросу либо внести дополнения в Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 09 февраля 2012 года № 1 «О некоторых вопросах судебной практики

[1] Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации 27 сентября 2012 года № 19 «О применении судами законодательства о необходимой обороне и причинении вреда при задержании лица, совершившего преступление»// Бюллетень ВС РФ. 2012. № 11.

по уголовным делам о преступлениях террористической направленности»[1], полагая, что таким образом будет облегчена деятельность правоприменителя[2].

Однако, с нашей точки зрения, более целесообразно внести разъяснения о том, что признается иными тяжкими последствиями, следует разъяснить в примечании к ст. 207 УК РФ, таким образом, правоприменитель будет избавлен от необходимости обращаться к разъяснениям Верховного Суда РФ.

При этом нам также представляется, что законодатель при закреплении квалифицирующих признаков заведомо ложного сообщения об акте терроризма упустил один важный момент, не расценивая в качестве такого действия по имитации предметов, позволяющих адресату ложного сообщения о терроризме увериться в том, что оно является правдивым. Ведь гораздо большая паника у людей возникает тогда, когда они не только слышат об опасности, но и наблюдают ее. В связи с этим, нам представляется целесообразным дополнить ч. 2 ст. 207 УК РФ данным квалифицирующим признаком и изложить ее в следующей редакции:

«То же деяние:

а) повлекшее причинение крупного ущерба либо наступление иных тяжких последствий;

б) совершенное с имитацией применения оружия массового поражения, взрывных устройств и других приспособлений, создающих опасность гибели человека, причинения вреда его здоровью, причинения значительного имущественного ущерба».

Несмотря на то, что заведомо ложное сообщение об акте терроризма является специфическим составом преступления, оно все же обладает определенным сходством с некоторыми другими преступными деяниями, предусмотренными Особенной частью УК РФ.

По мотиву совершения преступления заведомо ложное сообщение об акте терроризма близко с хулиганством, поскольку и последнее нарушает общественный порядок, а мотивом преступления, совершенного ст. 207 УК РФ, являются хулиганские побуждения. Разница заключается в характере действий виновного. Если при хулиганстве действия сопряжены с применением насилия, угрозой его применения и угрозой уничтожением или повреждением чужого имущества, то для заведомо ложного сообщения об акте терроризма характерна лишь угроза причинения им вреда, да и та ложная.

---

[1] Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 09 февраля 2012 года № 1 (в ред. от 03.11.2016) «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях террористической направленности» // Бюллетень ВС РФ. 2012. № 4.

[2] Алексеев М.И. Заведомо ложное сообщение о терроризме: проблемы квалификации// Вестник Владимирского государственного университета. 2012. № 4. С. 52.

Отметим, что в настоящее время установка муляжей взрывного устройства, посылка конвертов с порошком, имитирующим бактерии, и другие аналогичные действия расцениваются как хулиганство. Между тем они не всегда продиктованы хулиганскими целями, чаще всего цели таких преступлений сходны с террористическими.

Сходством с заведомо ложным сообщением об акте терроризма обладает и угроза убийством, ответственность за которое предусмотрена ст. 119 УК РФ.в обоих случаях имеет место угроза. Разница состоит в том, что при угрозе убийством угроза представлена в реальном характере, даже если виновный осуществлять данную угрозу не намерен. При совершении заведомо ложного сообщения об акте терроризма угроза не предполагает приведения ее в исполнение. Кроме того, угроза убийством всегда открыта, а заведомо ложное сообщение об акте терроризма, как правило, анонимное преступление. Целью угрозы убийством является испуг конкретного человека, в то время как цель заведомо ложного сообщения об акте терроризма- напугать большое количество людей[1].

Еще одним составом, который следует отграничивать от преступления, предусмотренного ст. 207 УК РФ, является заведомо ложный донос, ответственность за который установлена ст. 306 УК РФ.

Сходство данных составов в том, что в обоих случаях сообщение является ложным, в некоторых случаях и цель совершения данных преступлений одна- наблюдение за работой правоохранительных органов. Однако, чаще цели данных преступлений отличаются, в первом случае заявитель либо хочет скрыть какой-то факт под видом совершенного в отношении него преступления либо обвинить конкретное лицо, а во втором- дезорганизовать работу органов власти.

Следует отметить, что разграничение данных составов является наиболее сложным, поскольку, фактически, в обоих случаях лицо сообщает ложную информацию о совершении преступления. В научной литературе существуют различные мнения по вопросам разграничения данных преступлений, особенно, когда они связаны с обвинением в совершении преступления конкретного лица.

Адресатом ложного сообщения может выступать кто угодно- гражданин, организации, учреждения, предприятия, правоохранительные органы. Местом получения сообщения наиболее часто выступает отдел правоохранительного органа.

Так, к примеру, Б., находясь в состоянии алкогольного опьянения, в дневное время, используя мобильный телефон, осуществил звонок в ЕДДС,

[1] Борисов А.Б. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации с постатейными материалами и практическими разъяснениями официальных органов. 6-е изд. М.: Книжный мир. 2015. С. 122.

после чего, попросив оператора соединить его с дежурной частью ОМВД России по Октябрьскому району, передал оперативному дежурному заведомо ложное сообщение о готовящемся взрыве – что им заложено взрывное устройство в подвал здания Администрации Октябрьского района[1].

Б., в вечернее время, находясь в состоянии алкогольного опьянения у себя дома, используя мобильный телефон, осуществил звонок в дежурную часть МО МВД России «Щучанский», и сообщил заведомо ложные сведения о готовящемся взрыве домов[2].

Некоторые авторы полагают, что если заведомо ложное сообщение о террористическом акте сопряжено с обвинением в этом конкретного лица, содеянное надлежит квалифицировать по ст. 306 УК РФ[3]. Другие исследователи полагают, что в таком случае содеянное надлежит квалифицировать по совокупности преступлений, предусмотренных ст. 207 и 306 УК РФ[4]. С нашей точки зрения, неверными являются обе позиции, поскольку нормы ст. 306 и 207 УК РФ соотносятся между собой как общая и специальная, в связи с чем, и в данной ситуации содеянное надлежит квалифицировать по ст. 207 УК РФ. Однако, с целью избежания неоднозначного толкования указанных норм представляется целесообразным внести изменения в ч. 1 ст. 306 УК РФ, изложив ее в следующей формулировке: «Заведомо ложный донос о совершении преступления, за исключением террористического акта».

Таким образом, заведомо ложное сообщение об акте терроризма имеет достаточно сходства с такими составами преступлений, как террористический акт, хулиганство, угроза убийством и заведомо ложный донос о совершении преступления, что вызывает определенные трудности в квалификации содеянного. Наиболее проблемным является вопрос разграничения преступлений, предусмотренных ст. 207 и 306 УК РФ, в связи с чем, нами предлагается внести изменения в ч. 1 ст. 306 УК РФ.

---

[1] Приговор Октябрьского районного суда Приморского края от 28 мая 2020 года по делу № 1-141/ 2020. Режим доступа: // https://sudact.ru/ (дата обращения: 01.11.2021).

[2] Приговор Щучанского районного суда Курганской области от 25 мая 2020 года по делу № 1-50/ 2020. Режим доступа: // https://sudact.ru/ (дата обращения: 01.11.2021).

[3] Анфимов П.О. Заведомо ложный донос: проблемы квалификации и разграничения со смежными составами // Вестник ТГУ. 2012. № 5. С. 107.

[4] Алексеев М.И. Заведомо ложное сообщение о терроризме: проблемы разграничения с иными составами // Вестник Владимирского государственного университета. 2012. № 9. С. 47.

Душенко Марина Максимовна,
кандидат юридических наук,
доцент кафедры криминалистики
Краснодарского университета МВД России;
Дрога Анастасия Александровна,
кандидат юридических наук,
старший преподаватель кафедры криминалистики
Московского областного филиала
Московского университета МВД России
имени В.Я. Кикотя

К вопросу об особенностях производства осмотра места происшествия по преступлениям, совершенным несовершеннолетними лицами

Современные реалии общества сопряжены с изменениями в социальной сфере, прежде всего это связано с антиобщественной деятельностью и пропагандой употребления наркотических средств и психотропных веществ, спиртных напитков. Наиболее незащищенным слоем населения, подверженным таким нападкам, без сомнения выступают несовершеннолетние лица. По данным Генеральной прокуратуры РФ в 2019 году выявлено 37953 несовершеннолетних совершивших 41548 преступление[1]. За первое полугодие 2020 года несовершеннолетними совершено 17,9 тысяч преступлений[2]. При этом, анализ данных судебного департамента показывает, что за 2020 год осуждено несовершеннолетних по всем составам УК РФ 14 703 человека, из них в возрасте 14-15 лет 4627 подростков, в возрасте 16-17 – 10076[3]. Приведенная статистика лишь подчеркивает тот факт, что растет количество преступлений, совершенных несовершеннолетними лицами, при этом большую часть осужденных среди подростков составляют лица в возрасте 16-17 лет.

На первоначальном этапе расследования по преступлениям, совершенным несовершеннолетними лицами, безотлагательно проводится такое следственное действие, как осмотр места происшествия. Если у субъекта расследования на момент производства осмотра места происшествия

[1] Состояние преступности в России за январь - декабрь 2019 г. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://genproc.gov.ru/upload/iblock/034/sbornik_12_2019.pdf (дата доступа 20.08.2021 года).

[2] Состояние преступности в России за январь - июнь 2020 г. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://genproc.gov.ru/upload/iblock/4fb/sbornik_6_2020.pdf (дата доступа 20.08.2021 года).

[3] Отчет об осужденных, совершивших преступления в несовершеннолетнем возрасте [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=5669 (дата доступа 20.08.2021 года).

имеется первичная информация, поступившая, как из оперативных источников, так и от сведущих лиц, указывающая на причастность к совершенному преступлению несовершеннолетнего лица, то субъекту расследования необходимо выработать комплекс задач, влияющих на фиксацию и изъятие вещественных доказательств с места происшествия.

В ходе ОМП по рассматриваемым составам преступления основными задачами являются:

а) сбор и анализ информации, могущей иметь отношение к расследуемому событию, с учетом выдвижения рабочих версий. Так, анализ имущества, на которое направлены преступные посягательства (конфеты, продукты питания, сладкие газированные, игрушки, спиртные напитки, электронные гаджеты, велосипеды, видео-аудиотехника и т.д.) дает основания для выдвижения версии о совершении преступления подростками.

б) обследование и дальнейшая фиксация обстановки, установление предметов преступного посягательства, а также следов на них (отпечатки пальцев рук, ладоней, потожировые следы, волосы, ногти, следы ног, микрочастицы одежды, одорологические следы, отпечатки зубов на плитках шоколада), наличие специальной техники или профессиональных навыков, специальных орудий, характер следов, не относящихся к сфере интересов подростков, может указывать на координацию действий со стороны взрослых лиц);

б) обнаружение и изъятие предметов и документов, относящихся к преступлению. Анализ судебно-следственной практики показывает, что такими предметами могут быть:

1) продукты, употребляемые в пищу, в том числе скоропортящиеся (сладости, спиртные, прохладительные напитки, домашняя консервация, колбасные изделия и т.д.);

2) денежные средства, кредитные карты, дисконтные карты, ювелирные украшения, часы, предметы бижутерии (в силу неопытности и незнания, принимающихся подростками за драгоценности и благородные металлы);

3) предметы, связанные с модой, разрекламированные блогерами посредствам СМИ и социальных сетей (электронные сигареты, гаджеты, телефоны, беспроводные наушники, электронные наручные часы, косметические наборы, нательные вещи и обувь с модной символикой различных мировых брендов, духи и т.д.)

4) предметы, представляющие интерес для несовершеннолетнего в спортивной сфере (велосипеды, самокаты, электросамокаты, гироскутеры, скейтборды, роликовые коньки, прыгунки, мячи для спортивных игр, иной спортивный инвентарь и т.д.)

в) поиск, обнаружение, фиксация и изъятие информации, указывающей на причастность подростка к совершенному преступлению; возможная переписка в социальных сетях между участниками преступления,

аудио-, видеоконтент, фотографии и иные графические изображения с места происшествия; обнаруженные орудия совершения преступления, вещи и имущество, принадлежащее потерпевшим лицам и т.д.).

В ходе осмотра места происшествия по делам, совершенным несовершеннолетними лицами необходимо достижение следующих целей:

а) обнаружение следов преступления и других вещественных доказательств (фиксируется, где были обнаружены вещественные доказательства, их локализация и местонахождение. При этом, на месте происшествия нередко подростки оставляют сведения о своих личностных психологических качествах, а также привычках. Оставленные на месте преступления окурки, бутылки с недопитыми спиртными напитками, стеклянный или пластиковый самодельный бонг, полиэтиленовые пакеты с остатками клея и иных токсичных одурманивающих веществ, упаковки со следами наркотических веществ, снюсы, свидетельствуют об употреблении подростками наркотических веществ, спиртных напитков, токсичных паров);

б) выяснение обстановки преступления. Способ совершения преступления раскрывает личностные характеристики подростка и дает исчерпывающее представление о его психике и навыках. Так, в силу мало опытности и не устойчивости психики подростка, способ совершения преступления характеризуется отсутствием четко разработанного плана действий, продуманности, избрание примитивных, подручных орудий для проникновения в помещения (железных ножниц, ножей, отверток, кусков арматуры, кирпичей и т.д.) Способы проникновения в жилище, особенно на первых этажах многоквартирных домов, характеризуются проникновением через форточки, в виду небольшого роста и худощавого телосложения подростка.

Так, несовершеннолетние В. и Т., вступив в преступный сговор, с целью совершения кражи из квартиры, дождавшись, когда ее владельцы уедут на дачу, проникли через форточное отверстие окна кухни. Т. подсадил В., как более легкого и худощавого по телосложению. В результате у потерпевших из квартиры были похищены 26 тысяч рублей из шкафа, продукты питания, в виде колбасы, хлеба и конфет, а также бижутерия, ошибочно принятая В. за драгоценности. На месте происшествия были обнаружены и изъяты: на подоконнике кухни след обуви от кедов 33 размера, отпечаток ладони на стекле окна кухни, волокна синтетической ткани на деревянной форточке, след указательного пальца руки на дверце шкафа[1].

в) выявление иных значимых по делу обстоятельств (наличие соучастников преступления, совершеннолетних лиц, которые вовлекли в

[1] Архивное уголовное дело №1-191/2012 // Архив Анапского городского суда Краснодарского края.

преступную деятельность. В некоторых случаях, подросток отказывается разглашать данные о соучастниках преступления, при этом берет всю ответственность за содеянное на себя. Присутствие иных соучастников преступления и взрослых лиц, координирующих действия несовершеннолетних подтвердят оставленные многочисленные следы рук и ног, похищенные крупногабаритные вещи и имущество, поднять которые одному подростку не по силам, применение специальных технических средств и профессиональных навыков для проникновения в помещение, путем использования компьютерных программ, позволяющих взламывать электронные замки, системы безопасности и т. д.).

На подготовительном этапе, а также в ходе производства осмотра места происшествия субъекту расследования необходимо соблюдать следующую последовательность действий: выяснение обстоятельств и факта преступления; принятие конкретных мер, направленных на сохранность обстановки места происшествия, а также следов, предметов и иных вещей, имеющих значение к расследуемому деянию; подбор и доставка технико-криминалистических средств, выбор конкретного специалиста.

В ходе рабочего этапа происходит фиксация обстановки места происшествия, а также обнаружение вещественных доказательств, могущих иметь отношение к расследуемому событию. При этом, субъект расследования, исходя из собственных убеждений, может избрать тактический прием, наиболее подходящий к ситуации (эксцентрический, концентрический, фронтальный). На причастность к совершенному преступлению подростков могут указать обнаруженные и зафиксированные на месте происшествия следы, такие как: небольшие по размерам следы рук и ног человека, характерные для малолетних и подростков в возрасте 14-15 лет, следы обуви, которые носят дети и подростки (кеды, кроссовки на платформе, лофферы, гриндерсы), личные вещи преступника, забытые или оставленные вместо взятых (головные уборы, кепки, бейсболки, зимние шапки, обувь, куртки, ветровки), по которым можно судить о социальном статусе, возрасте, привычках потожировые следы, а также содержимое карманов, изучение которого позволит установить употребляет ли несовершеннолетний наркотические владельца[1]. При этом изъятию подлежат найденные на этих вещах вещества или нет. Следы зубов на продуктах, как правило, остаются на фруктах (яблоках, грушах, айве и т.д.), кондитерских плитках шоколада и конфетах, батонах колбасы, кусках сыра. При помощи специальных силиконовых паст «Сто-мафлекс», «Силикодент» изготавливаются слепки следов зубов, которые изымаются и в дальнейшем приобщаются к материалам уголовного дела, позже по ним назначаются исследования и экспертизы.

[1] Лутошкин Г.Ю., Лутошкина Т.В. Методика расследования преступлений, совершенных несовершеннолетними лицами: учебн.-практ. пособие. 2-е изд., перераб. и доп. М.: ДГСК МВД России, 2011. С. 34.

На заключительном этапе осмотра места происшествия анализируются, уточняются, конкретизируются собранные данные, а также определяется на сколько полно были выполнены поставленные субъектом расследования задачи и цели. Протокол осмотра составляется по ходу производства следственного действия, либо по его окончанию по записям, сделанным следователем или дознавателем.

Таким образом, проведя анализ такому следственному действию, как осмотр места происшествия, мы приходим к обоснованному выводу о том, что данное следственное действие актуально и значимо для расследования преступлений, совершенных несовершеннолетними лицами. Его производство должно быть сопряжено с выбором конкретных тактических приемов, соблюдением определенных требований, исходя из обстановки места происшествия и внесенных в нее изменений.

Евтушенко Инна Ивановна,
кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры уголовного права и криминологии
Крымского филиала
Краснодарского университета МВД России

Проблемы использования терминов «цифровое право» и «цифровые права» в судебно-следственной практике

Появление в гражданском обороте все новых форм и способов совершения сделок, в том числе с использованием различных технических устройств (программных средств, смартфонов, картридеров, платежных терминалов и пр.), технологии «блокчейна», привело к появлению новых видов имущественных прав и прав требования, правовая природа которых и среди практиков, и среди ученых вызывает дискуссии. Нет четкого понимания, что такое «цифровое право» и «цифровые права», «цифровые активы», «цифровая валюта», «виртуальное имущество», «виртуальные права» и пр.[1]

Вместе с тем, отсутствие единой терминологии в финансовом и гражданском праве, использование одноименных терминов в уголовном законодательстве, приводит следователей и других участников уголовной юстиции в состояние фрустрации.

Ученые предостерегают от отождествления понятий «цифровое право» и «цифровые права». Цифровое право, как только еще формирующаяся в России отрасль права, не имеет четкого предмета регулирования и поэтому данный термин в том числе в законодательстве, используется без его

[1] Конобеевская И.М. Цифровые права как новый объект гражданских прав Изв. Сарат. ун-та. Нов. сер. Сер. Экономика. Управление. Право. 2019. Т. 19, вып. 3.

единого понимания. Также этот термин обозначает права человека и гарантии его безопасности в цифровом пространстве. В западной правовой реальности под цифровым правом понимается именно особая разновидность прав человека (digital rights), относящаяся в большей степени не к гражданскому или уголовному праву, а скорее к конституционному.

Поэтому один и тот же термин – цифровое право в России имеет различное значение в зависимости от того, в какой отрасли права оно используется.

Внесенные изменения в ст. 128 ГК РФ позволяют выделить такие смежные понятия как безналичные денежные средства, бездокументарные ценные бумаги, цифровые права.

При чем все имущественные права возникают так или иначе через посредничество реального имущества – денег, которые выступают как средства платежа и инструмент возникновения имущественных прав, выступая одновременно и имуществом, но существующим в особой, цифровой форме.

Федеральным законом от 31.07.2020 № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» введены понятия «цифровые финансовые активы», «цифровые права» и «цифровая валюта». Под цифровыми финансовыми активами понимаются цифровые права, (в том числе права требования исполнения по ним в виде денег), которые создаются на основе распределенного реестра (блокчейна) и существуют исключительно в информационной системе (распределенном реестре).

Цифровая валюта представляет собой «совокупность электронных данных (цифрового кода или обозначения), содержащихся в информационной системе, которые предлагаются и (или) могут быть приняты в качестве средства платежа, не являющегося денежной единицей Российской Федерации, денежной единицей иностранного государства и (или) международной денежной или расчетной единицей, и (или) в качестве инвестиций и в отношении которых отсутствует лицо, обязанное перед каждым обладателем таких электронных данных, за исключением оператора и (или) узлов информационной системы, обязанных только обеспечивать соответствие порядка выпуска этих электронных данных и осуществления в их отношении действий по внесению (изменению) записей в такую информационную систему ее правилам».

То есть, законодатель выделил в понятии «цифровые права» именно особый способ их возникновения (изменения) с помощью технологии распределенного реестра, правообладание которыми подтверждается только возможностью доступа определенного лица к ним с помощью электронного ключа. При этом никакие записи в бумажном виде не ведутся, реестры су-

ществуют в распределенном виде на различных серверах (в связи с чем возникают закономерные вопросы о подтверждении права или принудительном исполнении решений судов об истребовании этих цифровых прав).

В ст. 141.1 ГК РФ под цифровыми правами понимаются «обязательственные и иные права, содержание и условия осуществления которых определяются в соответствии с правилами информационной системы, отвечающей установленным законом признакам. Осуществление, распоряжение, в том числе передача, залог, обременение цифрового права другими способами или ограничение распоряжения цифровым правом возможны только в информационной системе без обращения к третьему лицу».

Как следует из указанных определений, цифровые права и цифровые активы, цифровая валюта соотносятся как целое и часть, не исчерпывая этими разновидностями цифровые права. При этом в научной литературе ставится закономерный вопрос об их правовой природе, относятся ли эти цифровые права к вещным или обязательственным правам, дают ли они абсолютную защиту правообладателю, или это только права требования к информационной системе…[1]

Таким образом, гражданское законодательство под цифровыми правами понимает субъективное имущественное право конкретного субъекта, выраженное в цифровой форме в виде кода. То есть, это тоже право на имущество, но выраженное в особой форме.[2] В связи с чем представляется справедливым замечание С.В. Сарбаша о том, «…что в действительности никаких цифровых прав не существует, а Проект (*поправок в ГК РФ*) вводит юридическую фикцию, необходимость которой не обоснована фундаментальными исследованиями».[3]

Указанные доктринальные коллизии приводят к затруднениям в судебно-следственной практике при квалификации действий финансовых мошенников, которые активно предлагают потерпевшим зарабатывать миллионы на биржах криптовалюты, вводят собственные расчетные единицы (токены), учет которых оказывается крайне затруднен.

---

[1] Урошлева А. Объекты на цифровых носителях, цифровые права и деньги: тенденции правовой теории и практики [Электронный ресурс] // Режим доступа: https://www.garant.ru/article/1220358/ (дата обращения: 31.08.2021).

[2] Рожкова М.А. Цифровые активы и виртуальное имущество: как соотносится виртуальное с цифровым [Электронный ресурс] // URL: https://zakon.ru/blog/2018/06/13/cifrovye_aktivy_i_virtualnoe_imuschestvo_kak_sootnositsya_virtualnoe_s_cifrovym (дата обращения: 26.07.2021)

[3] Экспертное заключение Совета при Президенте РФ по кодификации и совершенствованию гражданского законодательства по проекту федерального закона № 424632-7 «О внесении изменений в части первую, вторую и четвертую Гражданского кодекса Российской Федерации» [Электронный ресурс] // http://privlaw.ru/wp-content/uploads/2018/04/meeting-190418-zakonoproekt-2-project-conclusion.pdf (дата обращения: 31.08.2021).

Жмурин Дмитрий Владимирович,
адъюнкт Волгоградской академии МВД России

Проблемы обеспечения соблюдения антидопинговых правил в спорте

Активное развитие спорта в России, строительство новых спортивных площадок, реконструкция старых, вовлечение населения в массовый спорт – это те позитивные цели, достижение которых является результатом многолетней упорной работы Правительства Российской Федерации. Спорт в сознании многих граждан ассоциируется со здоровьем, успехом и красотой. Тем не менее, далеко не всегда спорт может обеспечить укрепление здоровья тренирующихся.

В соответствии с Федеральным законом № 329-ФЗ «О физической культуре и спорте в Российской Федерации» от 04.12.2007 общее понятие «спорт» включает в себя такие части как «массовый спорт», «профессиональный спорт» и «спорт высших достижений».

Массовый спорт, действительно, рассчитан на большинство наших граждан, для которых создаются максимально комфортные условия для тренировок. Именно массовый спорт является источником пополнения национальных сборных команд наиболее успешными спортсменами.

Профессиональный спорт – это бизнес, позволяющий организаторам соревнований за счет зрелищности состязаний привлекать средства зрителей и спонсоров, а спортсменам – получать вознаграждение за участие в спортивных мероприятиях.

Спорт высших достижений – это часть спорта, в которой происходят соревнования между спортсменами, выступающими от имени государства в составе национальной сборной команды.

Вопрос о том, в какой именно части спорта наиболее распространены случаи нарушений антидопинговых правил, довольно сложный, поскольку степень контроля за спортсменами разных категорий отличается[1].

Самый строгий антидопинговый контроль осуществляется со стороны международных антидопинговых организаций в отношении спортсменов высокого класса национальных сборных команд, выступающих на международных спортивных соревнованиях. Такая ситуация обусловлена интересами государств, представителями которых являются спортсмены. Государства декларируют максимальное стремление к честности оценки достижений спортсменов. Тем не менее, в последние годы все очевиднее становится политика двойных стандартов, реализуемая по отношению к некоторым

[1] Заблоцкая А.Г. Латентная преступность: понятие, причины, способы измерения и противодействия: учебное пособие / А.Г. Заблоцкая, А.П. Алексеева, Е.Е. Колбасина. Волгоград: Волгоградская академия МВД России, 2008. С. 29.

спортсменам – участникам соревнований. Если спортсменам – представителям одних государств (США и стран Европы) международные антидопинговые организации массово разрешают использование запрещенных в спорте субстанций и методов в терапевтических целях, то спортсмены других государств безжалостно дисквалифицируются и отстраняются от участия в состязаниях даже при отсутствии с их стороны каких-либо нарушений[1]. Так было с российскими спортсменами, когда наша национальная сборная команда была в полном составе отстранена от участия в Паралимпийских играх – 2016 в Бразилии (Рио-де-Жанейро). При этом за единичные нарушения, допущенные отдельными спортсменами, пострадало большинство паралимпийцев, непричастных ни к чему предосудительному. Международный олимпийский комитет назвал подобную ситуацию реализацией «принципа коллективной ответственности», который с позиций международного спортивного, да и любого права является абсурдным.

В профессиональном спорте ответственность за соблюдение антидопингового законодательства возложена на организаторов спортивных соревнований или коммерческих конкурсов. Как правило, чем выше уровень такого состязания, чем больше средств привлекается со стороны зрителей и спонсоров, тем выше степень контроля. Нарушение антидопингового законодательства со стороны спортсменов может повлечь за собой помимо дисквалификации еще и обвинения в мошенничестве, поскольку происходит попытка завладеть призовым фондом путем обмана организаторов, выражающегося в применении запрещенных в спорте субстанций и методов.

В массовом спорте соблюдение антидопинговых правил – это скорее декларация желаемого результата, поскольку в реальности в России отсутствует организация, которая бы могла осуществлять мониторинг применения запрещенных в спорте субстанций и методов в этом сегменте. Более того, отсутствие сертифицированных антидопинговых лабораторий заставляет постоянно привлекать к исследованиям проб российских спортсменов высокого класса зарубежные лаборатории. Естественно, на спортсменов – представителей массового спорта у организаторов российского спортивного движения не хватает ни сил, ни финансов.

Для организации противодействия нарушению антидопинговых правил в российском спорте требуется, прежде всего, воссоздать собственную лабораторию, которая смогла бы осуществлять тестирование всех без исключения спортсменов – участников официальных спортивных соревнований. Реализация принципа неотвратимости ответственности является наиважнейшим превентивным средством[2] в сравнении с наказанием (дисциплинарным, административным, уголовным), а также с воспитательными

---

[1] Алексеева А.П. Профессиональный спортсмен как жертва преступных посягательств. // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2008. № 2 (7). С. 37-44.

[2] Алексеева А.П. Криминология. Общая часть: учебно-методическое пособие. Волгоград, 2007. С. 98.

мероприятиями. Это ни в коей мере не говорит о том, что воспитательные мероприятия не нужны. Они, безусловно, нужны, как и нужны санкции за несоблюдение законодательных требований. Но без контроля все эти меры являются лишь декларацией.

Ильин Илья Сергеевич,
кандидат юридических наук, доцент,
начальник УМВД России
по Красногвардейскому району г. Санкт-Петербурга,
доцент кафедры правоведения
Северо-западного института управления
Российской академии народного хозяйства
и государственной службы
при Президенте Российской Федерации

Теоретические основы криминологического анализа протестных движений (актуальность и отдельные вопросы криминологического изучения)

Современная общественно-политическая ситуация в России и во многих иных странах мира давно утратила свойства стабильности. Непрекращающиеся акции протеста едва ли не по любому сколько-нибудь значимому поводу – от продвижения идей глобализма до судебного решения по конкретному уголовному делу – стали характерным и едва ли не привычным признаком современной общественной жизни. Они составляют сегодня неотъемлемую часть общественно-политического ландшафта и информационной среды, вносят свой вклад в процессы функционирования общества и государства, определяют международную политику и индивидуальное поведение каждого отдельного человека.

Подобного рода явления отражают повышенную чувствительность и острую поляризацию современного общества, свидетельствуют о возросшем значении права человека на выражение собственного мнения и готовности бороться за него всеми доступными средствами, но вместе с тем создают порой значимые угрозы для безопасности личности, общества и государства, вносят дисбаланс в функционирование социальных институтов, отражают вечный, но в современных условиях крайне обострившийся конфликт свободы и безопасности.

В научной литературе предпринимаются активные попытки осмысления данного феномена. Однако, как показывает контент-анализ литературных источников, исследования ведутся либо в рамках политологического осмысления протестов, либо в контексте проблем социологии. Знакомство

же с тематикой юридических исследований свидетельствует о почти полном отсутствии интереса к проблемам «протестных движений». Целостное осмысление «протестных движений» с точки зрения криминологии и права в науке до сегодняшнего дня не представлено.

Вместе с тем, должно быть очевидно, что такие движения представляют собой совершенно оригинальный предмет исследования, результаты комплексного анализа которого могут иметь существенное значение не только для совершенствования правотворческой и правоприменительной практики, но и шире – для достижения оптимального баланса прав человека и безопасности государства в современном сложно структурированном и динамично меняющемся обществе, для обеспечения надежных правовых его гарантий стабильности и прогрессивного развития.

Протестные движения в современном мире, при всем том, что каждое из них всегда претендует на уникальность и вызывает большой резонанс, приобрели характер прогнозируемого и едва ли не стандартного, типичного элемента социально-политического пространства. Они стали во многом привычным проявлением общественной активности, не теряя при этом свойства актуального информационного повода и значимого фактора влияния на политическую и административную практику государства. Такой амбивалентный статус протестных движений, с одной стороны, объясняет наличие обширного массива научных источников, посвященных их осмыслению, а с другой, - придает им статус не теряющего свой значимости предмета научного познания, требующего организации постоянного мониторинга и рефлексии.

Обращение к российской научной библиографии по проблемам протестных движений показывает, что сегодня сложился в целом устойчивый подход к их изучению, который включает в себя: а) анализ исторических событий и явлений, которые могут быть описаны посредством концепта «протест»[1];

[1] См., например: Филин М.В. Протестное движение российского казачества в условиях политики военного коммунизма и его последствий (1918 – 1922 г.г.): автореф. дисс. … канд. ист. наук. М., 2007; Алешкин П.Ф. Крестьянское протестное движение в России в условиях политики военного коммунизма и ее последствий (1918 – 1922 гг.): автореф. дисс. … канд. ист. наук. М., 2012; Оришич Е.Г. Диссидентство как политическая форма протестного движения в СССР и особенности привлечения инакомыслящих к юридической ответственности (середина 1960-х - середина 1980-х гг.): историко-правовое исследование: автореф. дисс. … канд. юрид. наук. Краснодар, 2009: Соловенко И.С. Протестное движение шахтеров России в 1992 – 1999 г.г.: автореф. дисс. … д-ра ист. наук. Томск, 2017; Лушин А.И. Власть и правозащитное движение в СССР: автореф. дисс. … д-ра ист. наук. Саранск, 2004 и др.

б) исследование зарубежных протестных практик[1]; в) теоретическое осмысление протестных движений в качестве политического и социального феномена[2].

На этом фоне обращает на себя внимание практически полное отсутствие опыта криминологического осмысления протестных движений. При том, что положение о тесной, генетической и взаимобуславливающей связи преступности и социальных процессов многократно доказано и составляет методологический фундамент отечественной криминологии[3], специальные исследования, раскрывающие связь протестных движений и преступности, рассматривающие протестные движения в контексте проблем криминологической детерминации, социально-криминологических последствий и предупреждения, в современной отечественной криминологии не представлены. Лишь отдельные аспекты этой большой проблемы поднимаются в работах, посвященных криминологии массовых беспорядков[4] или политической криминологии[5].

Такое положение вещей, отражающее среди прочего, общий кризис криминологической науки[6], не может быть оправданно. Криминология, по

---

[1] См., например: Колбасина О.В. Молодежное протестное движение в США (вторая половина 1950-х – первая половина 1970-х голов): автореф. дисс. … канд. ист. наук. Краснодар, 2006; Мотайло А.С. Эволюция политического протеста в современном Китае: автореф. дисс. … канд. полит. наук. СПб., 2013; Прилуцкий В.В. Протестные движения в США (1820 – 1850-е г.г.): автореф. дисс. … д-ра ист. наук. Брянск, 2016; Зеленова Д.А. Протестные сквоттерские сообщества в международном контексте движения против неолиберальной глобализации (на примере ЮАР): автореф. дисс. … канд. полит. наук. М., 2011; Слободянюк Г.Е. Протестное движение трудовых коллективов Молдавии и образование приднестровской государственности (конец 80 – начало 90-х гг. XX в.): автореф. дисс. … канд. ист. наук. М., 2019 и др.

[2] См., например: Кутыгина Е.Н. Культура политического протеста: автореф. дисс. … канд. полит. наук. Ростов-на-Дону, 2005; Соина Е.С. Политическое протестное движение в современной России: автореф. дисс. … канд. полит. наук. Ставрополь, 2008; Тимофеева Л.Н. Власть и оппозиция: конфликтно-дискурсный анализ (теория, история, методология): автореф. дисс. … р-ра полит. наук. М., 2005; Петрушина А.В. Протестное участие молодежи в современном российском обществе: автореф. дисс. … канд. соц. наук. Тула, 2012 и др.

[3] См.: Аванесов Г.А. Социальные образования и преступность. Криминологические рассуждения и заметки. М.: Юнити Дана, Закон и право, 2011.

[4] См.: Кабанов Н.А. Криминологическая характеристика и предупреждение массовых беспорядков: автореф. дисс. … канд. юрид. наук. М., 2020.

[5] См.: Кулаков А.Ф. Политическая преступность: криминологический и правовой аспекты: автореф. дисс. .... канд. юрид. наук. Рязань, 2002; Кабанов П.А. Политическая преступность: понятие, сущность, виды, причины, личность политического преступника, меры противодействия (криминологическое исследование): автореф. дисс. … д-ра юрид. наук. Екатеринбург, 2008; Зорин А.В. Политическая преступность: криминологический анализ: автореф. дисс. … канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2018 и др.

[6] См. об этом, например: Мацкевич И.М. Современная криминология: преодоление кризиса // Российский криминологический взгляд. 2011. № 2. С. 192 – 197.

большому счету, уже в «догоняющем порядке» обязана включиться в изучение феномена протестных движений и восполнить соответствующий пробел, поскольку от результатов и качества криминологического, а через него – и правового, осмысления протестов во многом зависит эффективность текущей и прогностической стратегии государственной реакции на протест, оптимально сочетающей интересы общественной безопасности и прав человека.

Одна из первых и наиболее значимых задач, которую необходимо решить при проведении криминологического анализа протестов, и которая традиционно вызывает проблемы методологического характера, заключается в установлении пределов и возможностей криминологического изучения этого социального (социально-политического) явления.

Существует два основных подхода к ее решению и, соответственно, определению вектора научного поиска.

Первый условно можно назвать традиционным. Он основан на понимании того, что криминология имеет своим предметом преступность; познание именно этого социального феномена составляет ее «смысловой центр». В соответствии с этим логика любого криминологического исследования предполагает движение «от преступности – к социальным процессам и явлениям», поскольку «криминология по природе своей не предназначена для исследования самих по себе явлений и процессов, даже если они самым непосредственным образом влияют на криминогенную ситуацию»[1].

Второй подход, опять же условно, можно назвать модернистским. Он предполагает рассмотрение преступности в качестве «свойства общества порождать преступления» и подразделение преступности общества на преступность его подсистем[2]. А отсюда – и логика криминологического исследования, в соответствии с ним, должна развиваться не от преступности к социальным явлениям, а от социальных явлений, процессов и институтов – к общественно опасному поведению, которое может быть и должно быть криминализировано.

Каждый из них, безусловно, обладает собственными достоинствами и перспективами, и вместе с тем, создает некие пределы и рамки для криминологического исследования протестного движения. Традиционный подход, как представляется, имеет препятствие предметного содержания, в том плане, что не позволяет исследовать криминологические связи преступности и протестов без предварительного выяснения природы и типологии самих протестных движений. Модернистский подход, напротив, содержит

---

[1] Бабаев М.М. Предмет и пределы криминологии: категории науки и феномены практики // Криминологический журнал. 2004. № 1 (6). С. 12, 13.

[2] Шестаков Д.А. Криминология: новые подходы к преступлению и преступности: Криминогенные законы и криминологическое законодательство. Противодействие преступности в изменяющемся мире. Учебник. 2-е изд., перераб. и доп. СПб.: Юридический центр Пресс, 2006. С. 98.

ограничения методологического порядка, поскольку методический арсенал криминологической науки не предназначен для изучения непреступных (или шире – неопасных) социальных явлений и процессов.

С учетом этих обстоятельств, полагаем, что необходим синтез познавательного потенциала каждого из обозначенных подходов. Требуется вначале осмыслить феномен протестных движений на основе достижений политологической, социологической и девиантологической науки, с тем, чтобы очертить исследовательскую рамку и выбрать определенный тип движений в качестве «социального поля», в пределах которого разворачиваются криминогенные процессы; затем выявить и проанализировать собственно преступные деяния и иные общественно опасные формы поведения, которые специфическим образом проявляют себя в процессе этих движений, и впоследствии вернуться к анализу криминогенной связи преступлений с протестными движениями, чтобы на этой основе разработать программу криминологической профилактики преступных деяний. Согласно этой исследовательской логике и будет построено наше дальнейшее исследование.

В литературе нет устойчивого единства представлений о специфических признаках феномена социального протеста, напротив, в силу многомерности протеста, сложилось множество подходов к его социологическому, психологическому, политологическому и конфликтологическому анализу. Как отмечают исследователи, при изучении протеста применялись разнообразные подходы. Структурный метод позволяет изучить социальную базу протеста, влияние социальной структуры общества на общий уровень культуры политического протеста. Инструментальный подход показывает, что политический протест является средством борьбы за власть, средством мобилизации граждан на акции протеста. Ценностный подход позволяет понять, что политический протест – это сфера самоутверждения людей в изменяющемся обществе. Функциональный подход показывает значение культуры политического протеста для развития общества. При этом каждый из них в отдельности открывает только один аспект, одну грань протеста, в связи с чем необходим определенный синтез, комплексный подход, вбирающий в себя преимущества всех вышеназванных подходов[1].

Не имея цели проанализировать все возможные концепции протеста (в рамках криминологической работы в этом нет необходимости), считаем возможным при организации работы в дальнейшем остановиться на некоторых, наиболее значимых и общих положениях современной социо-гуманитарной мысли, которые могут служить необходимой основой для последующего криминологического анализа.

---

[1] Кутыгина Е.Н. Культура политического протеста: автореф. дисс. … канд. полит. наук. Ростов-на-Дону, 2005. С. 12.

Ильницкий Александр Сергеевич,
адъюнкт кафедры уголовного права и криминологии
Краснодарского университета МВД России

Понятие и признаки криминальной идеологии «колумбайн»

Феномен насилия в образовательных организациях всегда заслуживал внимания не только криминологов, но и ученых иных отраслей гуманитарного знания. Признавая междисциплинарность поднятой проблемы важно принять тот факт, что социологические, философские, психологические и педагогические исследования основываются на собственных теоретико-методологических принципах, категориях и, как следствие, формируют результаты соответствующей научной отрасли. Вместе с тем исследователи феномена насилия в образовательных организациях сходятся во мнении, что одной из самых распространенных причин, предопределяющих насилие и обуславливающих его развитие в образовательной среде, является деструктивное воздействие средств массовой коммуникации на сознание и поведение обучающихся[1].

Средства массовой коммуникации, выступая одним из источников криминогенной детерминации насилия в образовательных организациях, формируют агрессию, мизантропические ценности и установки у молодых людей, способствуют их консолидации в отдельные идеологические формы, определяющие преступное поведение. Одной из форм проявления такой идеологии, детерминирующей вооруженные нападения на образовательные организации, является идеология «колумбайн». Идеология «колумбайн» как отдельная форма проявления криминальной идеологии в сети Интернет обладает рядом характерных признаков, среди которых центральная тема, средства распространения и инструменты воздействия на сознание молодых людей.

Центральной темой идеологии «колумбайн» выступает идея о никчёмности человеческой расы, задушенной обществом, работой и школой, как институтами истощения людской природы. Последняя, в свою очередь, играет особую роль – укрощения человека, в связи с чем учащиеся, не понимающие подобных механизмов, достойны смерти.

Концептуальные идеи рассматриваемого феномена нашли свое отражение в личном дневнике одного из преступников, именуемого в кругах

[1] См.: Насилие в школе: состояние, причины, предупреждение (по материалам Воронежской области): учебное пособие / Е.В. Грибанов [и др.]. Воронеж: Воронежский институт МВД России, 2014. 100 с.; См.: Фомиченко А.С. Причины проявления агрессии в детском возрасте // Культурно-историческая психология. 2010. № 2. С. 83-87.; См.: Осипенко А.Л., Соловьев В.С. Киберугрозы в отношении несовершеннолетних и особенности противодействия им с применением информационных технологий // Общество и право. 2019. № 3(69). С. 23-31.

«колумбайнеров» как «Книга Бога»[1]. Впоследствии они стали активно распространяться в информационно-телекоммуникационных ресурсах сети Интернет. По данным Роскомнадзора в 2020-2021 годах более 750 информационных материалов по теме «колумбайн», распространяемых в сети Интернет, были внесены в Единый реестр запрещенной информации[2].

Основными инструментами распространения представленной идеологии являются социальные сети, форумы, мессенджеры, ресурсы теневого пространства сети Интернет. В свою очередь, средствами влияния идеологии «колумбайн» в онлайн-пространстве выступают мемы, фанфики, фанарт и другая фото- видео информация, транслируемая в сети Интернет.

Взаимосвязь идеи о никчемности человеческой души и необходимость протестов травли, социальной изоляции и общественных обрядов унижения сверстников, активно поощряет и, как следствие, детерминирует массовые убийства в образовательных организациях. «Мы собираемся начать революцию», – говорит Харрис, – революцию обездоленных, – «мы будем призраками, преследующими выживших, создавать воспоминания о том, что мы делаем»[3].

Впоследствии представленная форма проявления криминальной идеологии оказала серьезное влияние на процессы детерминации вооруженных нападений в образовательных организациях по всему миру. Всестороннее освещение подробностей совершенного преступления в старшей школе «колумбайн» активизировало массовую волну нападений в Канаде, Швеции, Боснии, Австралии, Аргентине, Германии, Финляндии, России.

Самостоятельное изучение информационно-аналитических материалов органов внутренних дел, проведение контент-анализа информационных ресурсов сети Интернет и ивент-анализа событий, связанных с вооруженными нападениями на образовательные организации, позволили определить, что в результате вооруженных нападений на образовательные организации в Российской Федерации за период 2017-2021 гг. свыше 300 человек стали жертвами подобного преступления, из них около 200 подростков и сотрудников образовательных организаций получили телесные повреждения различной степени тяжести, более 40 человек погибли.

Таким образом, вооруженные нападения на образовательные организации детерминируются отдельными формами проявления криминальной идеологии сетевого пространства, посягают на жизнь и здоровье обучающихся и работников образовательной сферы, обладают высокой степенью общественной опасности, требуют выстраивания наступательной политики

---

[1] См.: Аналитика телеграм-каналов. Дневник Эрика Харриса: Книга Бога / The Book of God. URL: https://telemetr.me/content/truecrime/post/8119/ (дата обращения 21.11.2021)

[2] Роскомнадзор запретил более 750 ссылок по «колумбайну» в 2020-2021 годах. URL: https://ria.ru/20210513/roskomnadzor-1732228295.html (дата обращения 21.11.2021)

[3] Gibbs N., Roche T. Spesial report: The columbine tapes. Time. 1999. P. 40.

противодействия. Вместе с тем новизна поднятой проблемы создает трудности в формировании научно-обоснованных мер противодействия вооруженным нападениям на образовательные организации.

Эффективность противодействия новым криминальным угрозам напрямую зависит от интенсивной разработки научно-обоснованных мер и повышения их результативности в практической деятельности систем правоохраны и правоприменения[1].

Между тем, анализ криминологических исследований вооруженных нападений на образовательные учреждения демонстрирует проблемы терминологической неопределенности феномена, что ведет к формированию низкокачественных мер противодействия рассматриваемому феномену, ибо, как справедливо отмечала А.И. Долгова, «четкость терминологии определяет четкость в постановке и решении проблем борьбы с преступностью»[2].

В исследованиях, посвященных криминологическому анализу вооруженных нападений на образовательные организации, наблюдается неопределенность понятий «колумбайн» и «скулшутинг».

Рассматривая идеологию «колумбайн» как экстремистскую и террористическую угрозу национальной безопасности А.В. Пучнин и М.Ю. Пучнина считают, что скулшутингом, или колумбайном, принято называть инциденты вооруженных нападений внутри образовательных организаций на обучающихся и (или) педагогов, а также иной персонал школы[3]. В своей работе О.В. Дамаскин и В.В. Красинский определяют «скулшутинг» или «колумбайн» как массовые убийства учащихся и персонала образовательных организаций, которые проводятся учениками или посторонними лицами, проникшими в школу с оружием[4]. В свою очередь В.А. Родивилина и М.С. Сизова, считают, что «колумбайн» («скулшутинг») представляет собой вооруженное нападение обучающегося или стороннего человека на учащихся внутри образовательного заведения[5].

Объединяющим критерием таких позиций является то, что в них понятия «скулшутинг» и «колумбайн» используются в качестве синонимич-

---

[1] См.: Квашис В.Е. Настоящее и будущее криминологии (пессимистичные заметки оптимиста) // Общество и право. 2019. № 3(69). С. 19.

[2] См.: Криминология: учебник для вузов / под общ. ред. проф. А. И. Долговой. 3-е изд., перераб. и доп. М., 2005 С. 380.

[3] См.: Пучнин А.В., Пучнина М.Ю. Идеология «колумбайн» как экстремистская и террористическая угроза национальной безопасности Российской Федерации // Общество и право. 2021. № 2(76). С. 38.

[4] См.: Дамаскин О.В., Красинский В.В. О предотвращении «Колумбайна» (скулшутинга) в образовательных организациях // Государство и право. 2020. № 11. С. 85.

[5] См.: Родивилина В.А., Сизова М.С. Несовершеннолетний и преступление. Влияние информационной среды // Вестник Восточно-Сибирского института Министерства внутренних дел России. 2020. № 2 (93). С. 187.

ных представлений непосредственно об акте преступного поведения – вооруженном нападении на образовательные организации, что представляется дискуссионным.

Термин «скулшутинг» от анл. - school shooting (school – школа; shooting – стрельба) определяется как школьная стрельба и подразумевает непосредственный акт преступного поведения. В то время как «колумбайн» содержит признаки культурно-идеологического феномена, обладает центральной идеей, идеологическими постулатами, средствами распространения и инструментами воздействия на сознание и поведение молодых людей. Идеология «колумбайн» способствует детерминации вооруженных нападений на образовательные учреждения, транслирует идеи и ценности, направленные на формирование человеконенавистнического мировоззрения и поощрение массовых убийств в образовательных организациях. Отсюда термины «скулшутинг» и «колумбайн», несмотря на некоторые сходства, имеют различное значение, где «колумбайн» – идеологический феномен, а «скулшутинг» – непосредственный акт вооруженного нападения в образовательной организации.

Отдельные авторы криминологических исследований, посвященных вооруженным нападениям на образовательные организации, приравнивают акты скулшутинга к форме проявления терроризма и (или) террористическому акту[1]. Отсюда важно определить отличительные особенности вооруженных нападений на образовательные организации и террористических актов.

По смыслу содержания международных нормативно-правовых актов терроризм можно определить как любое деяние, направленное на причинение смерти лицу, не принимающему активного участия в военных действиях в ситуации вооруженного конфликта, причинение ему тяжких телесных повреждений, нанесение значительного ущерба какому-либо материальному объекту, а равно организация, планирование такого деяния, пособничество в его совершении, подстрекательство с целью запугивания населения, нарушения общественной безопасности или воздействия на органы власти, международные организации с целью совершения каких-либо действий или воздержания от их совершения[2].

В отечественной правовой системе в соответствии с Федеральным законом от 06.03.2006 № 35-ФЗ «О противодействии терроризму» под терроризмом понимается идеология насилия и практика воздействия на принятие

---

[1] См.: Гончаров Л.А. «Колумбайн» и скулшутинг в структуре молодежного экстремизма и терроризма // Вестник Воронежского института экономики и социального управления. 2019. № 2. С. 29-31.; См.: Баева Л.В. «Группы смерти» и «Колумбайн-сообщества» в онлайн культуре и реальном социуме // Информационное общество. 2019. № 3. С. 33-42.

[2] См.: Шанхайская Конвенция о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом (Шанхай, 15 июня 2001 г. // СПС «КонсультантПлюс».

решений органами государственной власти, органами местного самоуправления или международными организациями, связанные с устрашением населения и (или) иными формами противоправных насильственных действий[1].

Террористический акт в соответствии с Уголовным кодексом Российской Федерации представляет собой совершение взрыва, поджога или иных действий, устрашающих население и создающих опасность гибели человека, причинения значительного имущественного ущерба либо наступления иных тяжких последствий в целях дестабилизации деятельности органов власти или международных организаций либо воздействия на принятие ими решений, а также угроза совершения указанных действий в целях воздействия на принятие решений органами власти или международными организациями[2].

Обобщая международные и отечественные правовые позиции, необходимо выделить отличительные признаки представленного феномена, среди которых: совершение общественно опасного деяния; присутствие умысла, направленного на устрашение населения; наличие цели дестабилизации органов государственной власти или международных организаций.

В свою очередь в случае совершения вооруженного нападения на образовательные учреждения присутствуют иные отличительные особенности, среди которых: желание обретения популярности; месть за причинённые унижения сверстников; создание (поддержание) идейного течения для всех тех, кто «пострадал» и был изгнан.

Схожими на первый взгляд особенностями между террористическим актом и скулшутингом являются совершение действий, направленных на устрашение население. В то же время, если в первом случае умысел лица изначально направлен на создание атмосферы общественного беспокойства, страха, паники, неуверенности граждан в безопасности своей жизни и здоровья, защищенности прав и свобод, недоверия к органам власти, то при совершении скулшутинга, устрашение населения происходит в результате активного освещения трагедии в средствах массовой коммуникации и не охватывается умыслом преступника.

Одним из основных отличий скулшутинга от террористического акта можно признать признаки дестабилизации деятельности органов власти или международных организаций либо наличие воздействия на принятие ими решений, которые являются обязательными признаками для квалификации

[1] См.: Федеральный закон от 06.03.2006 № 35-ФЗ «О противодействии терроризму» // СПС «КонсультантПлюс».

[2] См.: Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс».

преступлений по ст. 205 УК РФ[1] и отсутствуют при рассматриваемых вооруженных нападениях на образовательные организации.

Таким образом, рассмотренные вооруженные нападения на образовательные организации обуславливаются отдельными формами проявления криминальной идеологии – идеологией «колумбайн». Представленная форма идеологического течения, распространяемая в сети Интернет, способствует детерминации вооруженных нападений на образовательные учреждения, формирует криминогенные качества личности, определяет механизм преступного поведения. Отсюда требуется комплексное криминологическое исследование, посвященное вопросам предупреждения вооруженных нападений на образовательные организации, с учетом сформулированных теоретических положений.

Калашников Игорь Владимирович,
кандидат юридических наук, доцент,
заместитель начальника кафедры криминологии
Московского университета МВД России
имени В.Я. Кикотя

Характеристика современной преступности несовершеннолетних, ее оценка и анализ

Преступность несовершеннолетних является одной из наиболее актуальных проблем различных направлений науки и деятельности правоохранительных органов на протяжении многих лет. В современных условиях обусловили ряд негативных особенностей преступности несовершеннолетних. К ним относятся: высокий уровень групповой преступности; усиление организованности преступности несовершеннолетних[2]; распространение в среде несовершеннолетних преступлений, ранее характерных для взрослых преступников (в частности, разбойные нападения, торговля, употребление наркотиков, торговля краденым, компьютерные преступления, и др.; омоложение подростковой преступности, возрастание агрессии, жестокости со стороны несовершеннолетних[3].

За последние годы наблюдается устойчивая тенденция снижения количественных показателей преступности несовершеннолетних (2011 г. – 70675, 2012 г. – 68434, 2013 г. – 67225, 2014 г. – 59549, 2015 г. – 61833, 2016 г. –

[1] См.: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 09.02.2012 № 1 (ред. от 03.11.2016) «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях террористической направленности» // СПС «КонсультантПлюс».

[2] Алексеев А.И. Криминология. Курс лекций. Изд. пятое, испр. и доп. М., 2006. С. 202.

[3] Сулейманова С.Т. К вопросу о социальном контроле над преступностью несовершеннолетних // Вопросы ювенальной юстиции. 2009. № 2. С. 7.

53736, 2017 г.- 45288 , 2018 г. - 43553, 2019 г. – 41548, 2020 г. – 37771, январь-август 2021 г. – 20177[1].

Подобное снижение произошло на фоне снижения общего количества преступлений в России.

Профилактическая работа подразделений МВД России приносит результаты. Так, в январе-августе 2021 года на 16,7% снизилось количество преступлений, совершенных несовершеннолетними и при их участии. Кроме того, на 7,4% меньше уголовно наказуемых деяний совершено лицами в состоянии алкогольного опьянения и на 9,1% – в состоянии наркотического опьянения.

Сохраняется тенденция к повышению уровня безопасности в общественных местах. На 7,2% уменьшилось число уличных преступлений. В парках, скверах и на улицах населенных пунктов зарегистрировано на 23,3% меньше грабежей, на 5,1% – краж, на 17,3% – разбойных нападений[2].

Количество уголовно наказуемых деяний, по состоянию в январе-сентябре 2021 года совершенных несовершеннолетними, сократилось на 16,1%, на 7,9% – гражданами в состоянии алкогольного опьянения, на 9,9% – в состоянии наркотического опьянения. Во многом это результат профилактической работы участковых уполномоченных полиции и инспекторов по делам несовершеннолетних[3].

По заявлению Минпросвещения и МВД, снижение числа преступлений, совершенных несовершеннолетними, в 2020 году составило 11,5% по сравнению с 2019 годом. В МВД сокращение численности несовершеннолетних преступников связывают с влиянием пандемии коронавируса и успехами работы «межведомственных программ и просветительских акций, направленных на профилактику преступности несовершеннолетних». Правозащитники призывают учитывать общую криминальную ситуацию в России и демографические процессы[4].

Эти данные подтвердили в Генпрокуратуре, которая осуществляет единый статистический учет данных о состоянии преступности в стране. Так, в 2019 году преступления совершили 13,8 тыс. подростков в возрасте от 14 до 15 лет (из них 12 215 юношей и 1579 девушек), то в 2020 году –

---

[1] Портал правовой статистики URL: http://crimestat.ru/offenses_map. (Дата обращения 20.10.2021 г.).

[2] Краткая характеристика состояния преступности в Российской Федерации за январь-сентябрь 2021 года URL: https://xn--b1aew.xn--p1ai/reports/item/26023627/. (Дата обращения 20.10.2021 г.).

[3] Краткая характеристика состояния преступности в Российской Федерации за январь-август 2021 года URL: https://xn--b1aew.xn--p1ai/reports/item/26421097/. (Дата обращения 20.10.2021 г.).

[4] Сергей Кравцов (глава Минпросвещения): «Мы фиксируем совместно с коллегами из МВД снижение численности несовершеннолетних, совершивших преступление, на 11,5% по итогам 2020 года по сравнению с 2019 годом.

11,3 тыс. (10 283 юноши и 1072 девушки). Также в прошлом году на преступления пошли 22,2 тыс. 16–17-летних подростков (2018 девушек и 20 202 юноши), тогда как годом ранее – 23,5 тыс. (1579 девушек и 21 892 юноши). Чаще всего в России совершают преступления мужчины в возрасте от 30 до 49 лет: в 2020 году таких было более 386 тыс., а годом ранее – более 390 тыс.

Согласно данным ФСИН РФ, в России ежегодно сокращается и количество подростков, отбывающих срок наказания в воспитательных колониях. К концу 2020 года в них отбывали сроки 948 человек (от 14 до 19 лет) против 1155 в прошлом году 37 из них не достигли возраста 16 лет (52 в 2019 году), а преступников возрастом от 16 до 18 лет насчитывалось 637 (804 годом ранее). В местах лишения свободы подростки оказывались чаще всего за убийства, умышленное причинение тяжкого вреда здоровью, изнасилования, разбои и кражи и отбывали сроки от нескольких месяцев до 10 лет[1].

По данным прокуратуры, несовершеннолетние в России ежегодно совершают или участвуют более чем в 40 тысячах преступлений[2].

Большинство несовершеннолетних, или 83 процента, в 2020 году совершили преступления против собственности, 8 процентов – против жизни и здоровья и более 4 процентов – это преступления, связанные с незаконным оборотом наркотиков.

О серьезности ситуации говорит и выросшее почти до 145 тысяч число подростков, поставленных в 2020 году на профилактический учет подразделениями по делам несовершеннолетних. Из них, более чем 70 тысяч совершили административные правонарушения, не достигнув 16-летнего возраста.

Около двух третей несовершеннолетних, совершивших преступления в 2020 г. – это лица в возрасте 16-17 лет (63,7%). Доля лиц в возрасте 14-15 лет – 36,3%.

Распределение несовершеннолетних преступников по полу близко к распределению взрослых – большинство из них мужского пола (в 2020 г. – 89,9%).

Около половины несовершеннолетних, осужденных в 2020 г. за совершение преступлений, воспитывались в семье с одним родителем (7742 из 16 858, или 45,9%), почти десятая часть – воспитывались вне семьи (1620, или 9,6%).

---

[1] Подростки не идут на дело URL: https://www.kommersant.ru/doc/4742628 (Дата обращения 20.10.2021 г.).

[2] Егоров И. Особо опасные дети. Генпрокуратура сообщила о росте подростковой преступности в стране // Российская газета, 2020. № 86. URL: https // podrostkovoj-prestupnosti-v-strane.html/ (Дата обращения 20.10.2021 г.).

Обращает на себя внимание низкий образовательный уровень несовершеннолетних, совершивших преступления. Так, в 2020 г. большинство из них имели начальное или основное общее образование (79,7%); еще 15,3% – среднее/полное общее; и только 2,1% – среднее профессиональное образование. При этом четверть несовершеннолетних на момент совершения преступления нигде не учились и не были студентами.

Важно отметить, что каждый девятый несовершеннолетний в России совершает преступление в состоянии алкогольного опьянения (в 2018 г. – 12,6%; в 2019 г. – 11,8%; в 2020 г. – 11,6%).

Одновременно за 2020 год на 17,4% возросло число несовершеннолетних, совершивших административное правонарушение, связанное с употреблением алкогольной и спиртосодержащей продукции, пива и напитков, изготавливаемых на его основе.

Для несовершеннолетних характерна значительно большая доля групповых преступлений, чем для взрослых преступников. Так, ежегодно почти половина несовершеннолетних, совершивших преступления, действовали в группе (в 2018 г. – 46,8%; в 2019 г. – 47,7%; в 2020 г. – 47,1%). Для сравнения среди взрослых – это всего 12% (в 2018 г. – 12,0%, в 2019 г. – 12,1%, в 2020 г. – 11,8%).

Стабильно высоким остается удельный вес несовершеннолетних, раньше уже совершавших преступления. Так, в 2018 г. – это 25,9% всех несовершеннолетних, совершивших преступления; в 2019 г. – 24,6%; в 2020 г. – 24,7%. При этом около 40% среди них ранее судимы: в 2018 г. – 38,5%, в 2019 г. – 38,0%, в 2020 г. – 37,6%. Таким образом, примерно для четверти несовершеннолетних преступление является повторным, что свидетельствует о профессиональности такого вида преступности.

Изучив статистику по совершенным несовершеннолетними преступлениям по месту жительства, становится очевидно, что доля городских жителей среди них составляет 75%, а жителей сельской местности – 25%.

Данные различия зависят от социально-экономических условий, а также от традиций и обычаев, исторически сложившихся в деревне и в городе.

С криминологической точки зрения особое значение имеет изучение семейного положения несовершеннолетних преступников, потому как в семье формируются социально значимые качества личности и свойственные ей оценочные критерии. Более 2/3 несовершеннолетних преступников воспитывались в неполных семьях либо в семьях, где постоянно происходили ссоры, алкоголизм и разврат, где они подвергались насилию. Каждого восьмого-десятого рецидивиста, вставшего на преступный путь в раннем возрасте, в пьянство и совершение преступлений вовлекли родители, старшие братья, близкие родственники. Особой является и проблема досуга, потому как у несовершеннолетних правонарушителей в 2-3 раза больше свободного

времени, чем у их законопослушных сверстников. Согласно результатам отдельных исследований по мере увеличения свободного времени интересы несовершеннолетних деформируются и приобретают негативный оттенок. Более того, чем больше свободного времени, тем выше вероятность совершения правонарушений[1].

Немаловажными для характеристики личности несовершеннолетних преступников являются особенности их правового сознания. В целом для них характерны глубокие дефекты правосознания, что в известной мере объясняется двумя факторами: общей правовой неграмотностью как всего населения в целом, так и несовершеннолетних и негативным социальным опытом самого несовершеннолетнего.

Дефекты правового сознания у несовершеннолетних, совершающих преступления, выражаются в негативном отношении к нормам права, нежелании следовать предписаниям данных норм. Существенные пробелы в правовых знаниях несовершеннолетних приводят к рассуждениям о «несправедливости» законов, о «незаконном» осуждении.

Криминологи часто указывают на влияние образовательного уровня на личность преступника, который зачастую является более низким у правонарушителей, среди которых часто встречаются второгодники, бросившие учебу, нежели чем у правопослушных сверстников.

Как показывают результаты психологического изучения личности несовершеннолетних, совершивших преступления, по многим параметрам они существенно отличаются от взрослых преступников. Особенности их возраста – это недостаток жизненного опыта, повышенная внушаемость, сочетающаяся с оппозиционным отношением к запретам и предписаниям, максимализм, преимущественная ориентация на неформальную группу, стремление к самостоятельности и самоутверждению, неустойчивость самооценки[2].

Личность несовершеннолетнего находится в стадии становления, пластична и подвержена как позитивным, так и негативным внешним воздействиям. Это обуславливает повышенную податливость влиянию со стороны сверстников, уже имеющих антисоциальную направленность или криминальный опыт, а также взрослых преступников. В последние годы к этому перечню добавились негативные образцы поведения, зачастую транслируемые средствами массовой информации, социальными сетями. В результате примерами для подражания у подростков нередко становятся лица, не соответствующие нормам права и морали, демонстрирующие криминальные модели поведения. Воздействие криминогенных факторов повышает вероятность деформации личности и сознания несовершеннолетних.

---

[1] Юдина И.Р. Динамика преступности несовершеннолетних в России // Отечественная юриспруденция. 2021. №9. С.28.

[2] Там же. С.29-30.

Рассмотренные выше отличительные особенности личности несовершеннолетних преступников, выражаются главным образом в мотивации их преступного поведения. Следует отметить, что мотивационная сфера несовершеннолетних не остается неизменной, потому как ее сдвиг происходит по мере их взросления, и в процессе накопления преступного опыта. Так, в настоящее время среди мотивов противоправного поведения несовершеннолетних можно выделить такие побуждения, как корысть, жестокость, агрессивность, сексуальные потребности, отчуждение от общества и противостояние ему.

Данные о личности несовершеннолетних преступников анализируются с выделением количества и долей 14–15 и 16–17-летних учащихся общеобразовательных школ и других учебных заведений, работающих подростков, неработающих и неучащихся, возвратившихся из воспитательных колоний и специальных учебно-воспитательных учреждений, состоящих на учете. Для определения криминальной активности тех или иных контингентов несовершеннолетних применяются специальные коэффициенты.

На основе глубокого и всестороннего анализа преступности и других правонарушений среди несовершеннолетних разрабатываются конкретные меры по улучшению предупредительной работы, направляются информации в государственные органы и общественные организации. Особое значение при этом имеет комплексное планирование профилактики преступлений и других правонарушений среди подростков, что обусловлено, во-первых, сложным, многофакторным характером детерминации преступности несовершеннолетних, во-вторых, тем, что в работе по ее предупреждению участвует множество субъектов криминологической профилактики. Имеется опыт разработки и реализации комплексных планов мероприятий по предупреждению правонарушений среди несовершеннолетних в республиках, областях, городах и районах на определенные сроки. В необходимых случаях комплексное территориальное планирование работы сочетается с отраслевым (и межотраслевым).

Преступность несовершеннолетних, несмотря на уменьшение количества преступлений, по-прежнему является серьезной проблемой российского общества. Это обусловливает совершенствование имеющихся и поиск новых мер предупреждения преступлений несовершеннолетних. При этом необходимым условием эффективной профилактической работы является ее систематичность, поскольку разовыми мероприятиями позитивных результатов в этой сфере достичь невозможно.

Нормативно-правовая регламентация, несомненно, выполняет превентивную задачу по предупреждению преступлений и административных правонарушений, совершаемых несовершеннолетними. Но механизм реализации норм, регулирующих указанные отношения, непосредственно связан с осуществлением организационно-управленческих мер в данной сфере.

Профилактику преступлений и других правонарушений среди несовершеннолетних осуществляют различные государственные и общественные организации. Среди них важную роль играют органы внутренних дел, в составе которых действуют специализированные по данной линии работы подразделения. Эффективность этой деятельности во многом определяется уровнем ее информационно-аналитического обеспечения. Необходимо отметить, что органы внутренних дел располагают наиболее полной статистикой и иной информацией, необходимой для глубокого и всестороннего анализа преступности и других правонарушений среди несовершеннолетних.

При этом анализе, прежде всего, определяется удельный вес преступности несовершеннолетних и преступности в целом, а также основные ее качественно-количественные показатели: состояние, уровень, структура, характер, динамика. Рост или снижение преступности несовершеннолетних сопоставляется с динамикой соответствующих возрастных групп населения. При анализе преступности несовершеннолетних определяется ее неблагоприятные тенденции, характерные для данной территории, например, устойчивое преобладание или резкое увеличение преступлений определенного вида, рост количества тяжких преступлений и т.п. По общему правилу, это возможно сделать лишь на основе изучения данных за 3–5 лет и более длительные периоды времени с использованием разнообразных приемов уголовной статистики.

Капитан Юрий Михайлович,
начальник отдела
Управления экономической безопасности
и противодействия коррупции
МВД по Республике Крым

Субъективные признаки преступлений, предусмотренных статьями 200.4, 200.5 и 200.6 Уголовного кодекса Российской Федерации

Установление субъективных признаков преступлений играет важную роль в процессе квалификации любого преступления, преступления в сфере государственных закупок не являются исключением, напротив определение именно субъективных признаков преступлений в сфере государственных закупок позволяет провести разграничение смежных и конкурирующих составов друг от друга, особо остро эта проблема возникла после принятия законодателем уголовно-правовых новелл в сфере государственных закупок.

Субъективная сторона преступления, предусмотренного ст. 200.4 УК РФ характеризуется умышленной формой вины, такого рода вывод можно

сделать исходя их характеристики диспозиции анализируемой статьи, в которой указано, что деяние, предусмотренное ст. 200.4 УК РФ должно быть совершено из корыстной или иной личной заинтересованности. В Постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 16 октября 2009 года № 19 «О судебной практике по делам о злоупотреблении должностными полномочиями и о превышении должностных полномочий» отмечено, что «судам следует уделять особое внимание установлению всех обязательных признаков субъективной стороны данного состава преступления, к которым в соответствии с диспозицией статьи помимо вины относится и мотив содеянного». Личная заинтересованность проявляется в желании субъекта преступления, предусмотренного ст. 200.4 УК РФ извлечь выгоду неимущественного характера, как для себя, так и для третьих лиц, в том числе получить взаимную услугу, заручиться поддержкой в решении какого- либо вопроса, например в трудоустройстве или продвижении по службе своего родственника, также к личной заинтересованности относят желание субъекта преступления получить поощрение по службе, государственную или иную награду, занять более высокую должность и т.п.[1]

Характеризуя субъективную сторону преступлений, предусмотренных ч. 1 и ч. 4 ст. 200.5 УК РФ следует исходить из того, что законодатель использует в диспозиции такую формулировку как «незаконная передача (ч. 1 ст. 200.5 УК РФ) незаконное получение (ч. 4 ст. 200.5 УК РФ)… за совершение действий (бездействие) в интересах дающего или иных лиц в связи с закупкой товаров …», что свидетельствует о направленности и осознанности действий виновного лица. А также раскрывает волевой компонент поведения субъекта преступления, который проявляется в желании совершить преступление, предусмотренное либо ч. 1, либо ч. 4 ст. 200.5 УК РФ, что в совокупности свидетельствует о том, что вина анализируемых преступлений характеризуется исключительно прямым умыслом. Отметим, что для квалификации по ч. 1 ст. 200.5 УК РФ виновное лицо не должно осознавать правовой статус лица, которому передает предмет преступления.

Раскрывая субъективную сторону преступления, предусмотренного ст. 200.6 УК РФ следует исходить из того, что законодатель использует формулировку дача экспертом заведомо ложного экспертного заключения, что свидетельствует о том, что правоприменитель обязан устанавливать психическое отношение виновного лица к деянию ещё до начала выполнения объективной стороны преступления. Иными словами, эксперт осознает противоправность своего потенциального поведения, которое в будущем найдёт своё материальное выражение в ложном экспертном заключении, ещё до составления такого заключения. Таким образом заведомость, используемая в

[1] О судебной практике по делам о злоупотреблении должностными полномочиями и о превышении должностных полномочий. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 16 октября 2009 года № 19 // http://supcourt.ru/documents/own/8117

ст. 200.6 УК РФ, характеризует интеллектуальный момент психического отношения виновного лица к самому общественно опасному деянию, а именно осознание противоправности деяния.

Волевой признак, характеризующий внутреннее отношение виновного лица к самому общественно опасному деянию, предусмотренному ст. 200.6 УК РФ раскрывается законодателем посредством указания на факт дачи экспертом ложного экспертного заключения. Давая заведомо ложное заключение в сфере государственных закупок виновное лицо подтверждает и внешне выражает свою волю относительно реализации преступного замысла.

Исходя из содержания ч. 2 ст. 24 УК РФ, согласно которой «деяние, совершенное только по неосторожности, признается преступлением лишь в случае, когда это специально предусмотрено соответствующей статьёй Особенной части УК РФ» психическое отношение к общественно опасным последствиям, предусмотренным ч. 1 ст. 200.6 УК РФ характеризуется умышленной формой вины. Виновное лицо – эксперт не может не осознавать общественную опасность последствий выдачи заведомо ложного экспертного заключения, однако желание наступления этих последствий может по-разному характеризовать умысел.

Субъективная сторона преступлений, предусмотренных ч. 2 и ч. 3 ст. 200.6 УК РФ характеризуется, как нам представляется, исходя из содержания ст. 27 УК РФ, в которой определена характеристика преступлений совершенных с двумя формами вины, смешанной (двойной) формой вины, в теории уголовного права отмечается, что в преступлениях с двойной формой вины, следует определять какие составляющие части, относящиеся к объективной стороне, являются признаками умышленного и неосторожного преступления[1]. Исходя из вышеприведённого тезиса так как виновное лицо умышленно относится к деянию, а именно – выдаёт заведомо поддельное (ложное) заключение, а к последствиям в силу прямого указания в законе относится неосторожно. Умышленное отношение к общественно опасным последствиям, предусмотренные ст. 200.6 УК РФ изменит квалификацию преступления.

Раскрывая содержание субъектов специальных составов преступлений в сфере государственных закупок следует указать, что три из четырёх исследуемых состава преступления характеризуются наличием специального субъекта преступления и только один состав преступления, а именно ч. 1 ст. 200.5 УК РФ характеризуется наличием общего субъекта преступле-

[1] Динека В.И., Денисенко М.В. Субъективная сторона и причинная связь в преступлениях, совершаемых с двойной (смешанной) формой вины // Вестник Московского университета МВД России. 2015. №12. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/subektivnaya-storona-i-prichinnaya-svyaz-v-prestupleniyah-sovershaemyh-s-dvoynoy-smeshannoy-formoy-viny (дата обращения: 08.06.2021).

ния. Однако отметим, что характеристики специального субъекта преступления, предусмотренные ч. 4 ст. 200.5 УК РФ могут существенным образом повлиять на квалификацию преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 200.5 УК РФ, исходя из признаков, того кого подкупает лицо в процессе закупкой товаров, работ, услуг для обеспечения государственных или муниципальных нужд. Таким образом, мы можем констатировать, что преступление, предусмотренное ч. 1 ст. 200.5 УК РФ находится в определенной зависимости от характеристики специального субъекта преступления, предусмотренного ч. 4 ст. 200.5 УК РФ, отсутствие специального субъекта преступления, предусмотренного ч. 4 ст. 200.5 УК РФ приводит к невозможности квалификации по ч. 1 ст. 200.5 УК РФ.

Характеризуя специального субъекта преступления, предусмотренного ст. 200.4 УК РФ следует исходить из содержания диспозиции указанной статьи, в которой закреплён круг лиц, которые могут выступать в качестве субъекта данного преступления, к ним относятся: работники контрактной службы, представляющие интересы заказчика в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных или муниципальных нужд; контрактные управляющие; члены комиссий по осуществлению закупок в сфере госзакупок; иные уполномоченные лица, представляющие интересы заказчика в сфере закупок.

Работник контрактной службы – лицо, которое выполняет профессиональные функции, чаще трудовые обязанности в организации, являющейся государственным или муниципальным заказчиком.

Контрактный управляющий – это лицо, которое назначается заказчиком госзаказа в качестве ответственного за осуществление закупок, включая исполнение каждого контракта. Однако, практика изучения материалов уголовных дел, содержание ст. 38 Федерального закона № 44-ФЗ, а также опрос сотрудников УЭБиПК МВД по Республике Крым и сотрудников ГСУ СК России по Республике Крым и г. Севастополю свидетельствует, что контрактный управляющий в сфере государственных закупок – это всегда лицо наделённое организационно-распорядительными и/или административно-хозяйственными функциями в государственном или муниципальном предприятии, организации, учреждении. Контрактный управляющий создаёт, формирует и подписывает документы, которые являются юридически значимыми в сфере госзакупок, аналогичное мнение относительно лица, осуществляющие приёмку поставленных товаров, выполненных работ или оказанных услуг, так как данное лицо подтверждает, то есть составляет и/или засвидетельствует соответствующий документ, факт исполнения контракта или его отдельного этапа. В качестве примера можем привести положения, закреплённые в приговоре № 1-22/2020 1-693/2019 от 27 января 2020 г. Курганского городского суда Курганской области по уголовному делу № 1-22/2020 «Рыбина в период с 01.02.2011 по 15.01.2018, являясь должностным

лицом государственного учреждения и органа исполнительной власти Курганской области получила от представителей ЗАО «Вектор-Бест-Урал» взятку в общей сумме 1 975 148 рублей 93 копейки, что составляет особо крупный размер. За взятку Рыбина, используя свои служебные полномочия и должностное положение заведующей лабораторией ГБУ Курганская областная клиническая больница, составляла технические задания аукционной документации с включением в них характеристик продукции максимально близких к продукции, реализуемой ЗАО «Вектор-Бест-Урал», что облегчало компании участие в торгах. Используя служебные полномочия и должностное положение главного внештатного специалиста Департамента здравоохранения, Рыбина включала представителей этой компании, в число выступающих на днях специалиста перед лабораторными работниками»[1], приведенный пример иллюстрирует наши выводы относительно не целесообразности признания контрактных управляющих в качестве субъекта преступления, предусмотренного ст. 200.4 УК РФ.

Член комиссии по осуществлению закупок – представитель коллегиального органа, который выполняет задачи в процессе закупочной деятельности (например, организует работу по рассмотрению заявок, которые поступили от участников процедуры).

Иным уполномоченным лицом может выступать любое не должностное лицо, представляющее интересы заказчика в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных или муниципальных нужд.

Определяя специального субъекта преступления, предусмотренного ст. 200.4 УК РФ следует также обращать внимание на то обстоятельство, что в диспозиции статьи прямо указано, что вышеперечисленные лица не являются должностными лицами или лицами, выполняющими управленческие функции в коммерческой или иной организации. Так например Элистинский городской суд Республики Калмыкия по уголовному делу № 1-139/2019 в приговоре № 1-139/2019 1-2/2020 от 21 июля 2020 г. пришёл к выводу, что доводы подсудимой Малиевой В.А. не находят оснований для переквалификации её действий с ч. 1 ст. 285 УК РФ на ч. 1 ст. 200.4 УК РФ и прекращения уголовного дела в связи с истечением срока давности уголовного преследования, поскольку согласно п. 12.1 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 16 октября 2009 года № 19 «О судебной практике по делам о злоупотреблении должностными полномочиями и о превышении должностных полномочий» субъектом преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 200.4 УК РФ, являются работники контрактных служб, контрактные управляющие, члены комиссии по осуществлению закупок, лица, осуществляющие приёмку поставленных товаров, выполненных работ или оказанных

[1] Приговор № 1-22/2020 1-693/2019 от 27 января 2020 г. Курганского городского суда Курганской области по уголовному делу № 1-22/2020 // https://sudact.ru

услуг, либо иных уполномоченных лиц, представляющих интересы заказчика, не являющиеся должностными лицами или лицами, выполняющими управленческие функции в коммерческой или иной организации. Судом с бесспорностью установлено, что подсудимая Малиева В.А. совершила должностное преступление, поскольку, являясь должностным лицом – начальником Управления городского хозяйства Администрации г. Элисты, из личной заинтересованности использовала свои служебные полномочия вопреки интересам службы при исполнении муниципальных контрактов, что повлекло существенное нарушение прав и законных интересов граждан, охраняемых законом интересов общества и государства[1].

Давая характеристику специального субъекта преступления, предусмотренного ч. 4 ст. 200.5 УК РФ следует исходить из того, что субъект анализируемого преступления наряду с общими признаками, которые характеризуют субъекта преступления также еще наделён специальными признаками, которые обусловлены наличием трудовых или профессиональных отношений с заказчиком, осуществляющим закупку товаров, работ, услуг для обеспечения государственных или муниципальных нужд. Однако, исходя из содержания ст. 200.5 УК РФ это лицо не должно быть должностным лицом, на указанное обстоятельство обращают внимание суды при вынесении приговоров, так например, в приговоре № 1-22/2020 1-693/2019 от 27 января 2020 г. Курганского городского суда Курганской области по уголовному делу № 1-22/2020 «суд не усматривает оснований для переквалификации преступления с ч.6 ст. 290 на ч.6 ст. 200.5 УК РФ, которая введена в действие с 4 мая 2018 года. По смыслу диспозиции данной статьи субъектом этого преступления является уполномоченное лицо, представляющее интересы заказчика, не относящееся к категории должностных (технические работники) тогда как Рыбина являлась должностным лицом и как заведующая лабораторией государственного бюджетного учреждения и как главный внештатный специалист. В отношении должностных лиц уголовный закон не изменился и после вступления в силу Федерального закона № 99-ФЗ от 23.04.2018»[2].

Для уяснения содержания признаков специального субъекта преступления, предусмотренного ст.200.6 УК РФ следует обратится к содержанию п. 15 ч. 1 ст. 3 Федерального закона № 44-ФЗ в котором закреплено понятие эксперта «эксперт, экспертная организация – обладающее специальными познаниями, опытом, квалификацией в области науки, техники, искусства или ремесла физическое лицо, в том числе индивидуальный предприниматель, либо юридическое лицо (работники юридического лица должны обладать специальными познаниями, опытом, квалификацией в области науки,

[1] Приговор № 1-139/2019 1-2/2020 от 21 июля 2020 г. по уголовному делу № 1-139/2019 Элистинский городской суд Республики Калмыкия // https://sudact.ru

[2] Приговор № 1-22/2020 1-693/2019 от 27 января 2020 г. Курганского городского суда Курганской области по уголовному делу № 1-22/2020 // https://sudact.ru/

техники, искусства или ремесла), которые осуществляют на основе договора деятельность по изучению и оценке предмета экспертизы, а также по подготовке экспертных заключений по поставленным заказчиком, участником закупки вопросам в случаях, предусмотренных настоящим Федеральным законом».

Карпачева Татьяна Сергеевна,
кандидат филологических наук,
доцент кафедры русской литературы
Московского городского педагогического университета,
аспирант кафедры уголовного права
Российского государственного университета правосудия

Проблема совокупности преступлений, предусмотренных статьей 239 Уголовного кодекса Российской Федерации, и половых преступлений

Современной правоприменительной практике и правовой науке известны случаи совершения преступлений и иных правонарушений в рамках деятельности религиозных, общественных или иных объединений, посягающих на личность и права граждан. Нормой, закрепленной в уголовном законе для реагирования на преступления, совершаемые в рамках функционирования таких объединений, является ст. 239 УК РФ. Как показывает практика, в ряде случаев лица, привлеченные к уголовной ответственности по ст. 239 УК РФ, совершают и половые преступления, предусмотренные ст. 131-135 УК РФ. Совокупность преступлений, предусмотренных ст. 239 УК РФ, и половых преступлений еще не являлась предметом осмысления ученых.

Проблема посягательства на личность и права граждан в религиозных или общественных объединениях в разное время рассматривалась учеными: Р.Р. Галиакбаровым[1], Н.Я. Мишиным[2], В.В. Пилявцом[3], М.С. Фокиным[4],

[1] Галиакбаров Р.Р. Уголовная ответственность за посягательства на личность и права граждан под видом исполнения религиозных обрядов / Учебное пособие. Омск: изд. Омской высш. школы милиции МВД СССР, 1881. 80 с.

[2] Мишин Н.Я. Расследование посягательств на личность и права граждан, совершаемых под видом исполнения религиозных обрядов / Дисс…. к.ю.н. М.: 1967. 290 с.

[3] Пилявец В.В. Уголовная ответственность за организацию и участие в объединениях, посягающих на личность и права граждан / Дисс. … к.ю.н. М.: 1998. 190 с.

[4] Фокин М.С. Уголовно-правовая характеристика организации религиозных объединений, посягающих на личность и права граждан / Дисс. … к.ю.н. Омск: 2000. 183 с.

Е.А. Димитровой[1], О.Б. Ермаковой[2], Т.С. Карпачевой[3] и др. Однако степень научной разработанности темы нельзя признать достаточной. В исследовательских работах мало опоры на судебную практику по уголовным делам в отношении лидеров и участников объединений, посягающих на личность и права граждан, хотя в настоящее время небольшая практика по данным преступлениям уже накоплена.

Половые преступления гораздо чаще привлекают внимание ученых. В настоящее время этой темой занимаются Ю.М. Антонян[4], В.Е. Эминов[5], Е.В. Поддубная[6], Н.В. Тыдыкова[7], А.А. Горбатович[8], М.А. Горбачев[9], А.М. Смирнов[10], Ю.А. Островецкая[11], О.Ю. Степанова[12] и др. Посягательства на половую свободу и половую неприкосновенность, совершаемые лидерами деструктивных культов под маской религиозных практик, учеными не рассматриваются.

---

[1] Димитрова Е.А. Уголовная ответственность за организацию религиозного объединения, посягающего на личность и права граждан / Дисс. … к.ю.н. Красноярск: 2004. 188 с.

[2] Ермакова О.Б. Организация объединения, посягающего на личность и права граждан: уголовно-правовой и криминологический аспекты / Дисс … к. ю. н. Ростов-на-Дону: 2011. 215 с.

[3] Карпачева Т.С. Преступления в нетрадиционных религиозных объединениях. М.: Юрлининформ, 2018. 192 с.

[4] См., напр.: Антонян Ю.М. Особенности сексуальной преступности / Россия и современный мир. 2000. № 2. С. 140-146; Педофилия: криминологический диагноз. Монография / под ред Ю.М. Антоняна М.: ВНИИ МВД России, 2010. 256 с.

[5] Эминов В.Е. Сексуальные преступники: криминолого-психологический характер / Актуальные проблемы российского права, 2016. № 5 (66). С. 147-152.

[6] Поддубная Е.В. Изнасилование и насильственные действия сексуального характера: уголовно-правовая характеристика и квалификация / Автореф. … к.ю.н. М.: 2008. 25 с.

[7] Тыдыкова Н.В. Уголовно-правовая характеристика и вопросы квалификации насильственных половых преступлений. М.: Юрлитинформ, 2013. 192 с.

[8] Горбатович Д.А., Беляева И.М., Кириенко М.С. и др. Преступления против половой свободы и половой неприкосновенности: уголовно-правовая и криминологическая характеристика. М.: Юрлитинформ, 2016. 336 с.

[9] Горбачев М.А. Сексуальная преступность в России: криминологическое исследование / Дисс. … к.ю.н. М.: 2016. 174 с.

[10] Смирнов А.М. Преступления против половой неприкосновенности и половой свободы личности. М.: Юрлитинформ, 2015. 264 с.

[11] Островецкая Ю.А. Ненасильственные сексуальные посягательства в отношении несовершеннолетних: уголовно-правовой и криминологический аспекты. М.: Юрлитинформ, 2018. 160 с.

[12] Степанова О.Ю. Преступления против половой неприкосновенности и половой свободы несовершеннолетних: уголовно-правовой и криминологический анализ. М.: Юрлитинформ, 2019. 248 с.

На практике ст. 239 УК РФ применяется редко, хотя в последнее время все же чаще, чем в 90-2000-х гг., и каждое уголовное дело носит резонансный характер. Внимание общества к уголовным делам лидеров сект[1] объясняется еще и тем, что часто скрываемая под маской религиозной организации или тренингов их деятельность оказывается сопряженной с половыми преступлениями, притом в ряде случаев против несовершеннолетних и малолетних.

Так, 7 февраля 2013 г. был вынесен обвинительный приговор в отношении Руднева К.Д. Лидер скандально известной секты «Ашрам Шамбалы» был признан виновным по ч.1 ст.239 (освобожден от наказания по истечении срока давности), ч.1 ст.131, ч.1 ст.132, ч.1 ст.30 ч.3 ст.228.1 УК РФ. Руднев К.Д. вовлекал в организацию девушек с целью вступления с ними в половую связь, называя это «тантрическим посвящением» и «мудростью». Девушки безвозмездно работали в организации, привлекая клиентов на так называемые «бизнес-семинары», рассылали рекламные письма, продавали предметы, якобы наделенные магической силой, в разных городах проводили занятия по йоге с целью вовлечения в организацию новых лиц. Вырученные денежные средства направляли или передавали Рудневу. Ближайшие помощники Руднева проводили выездные семинары по йоге и медитации, где сообщали о «великом учителе», фотографировали участниц для Руднева. К вступлению в половую связь с Рудневым его помощницы подготавливали девушек заранее, убеждая их, что это высшее благо. Так, потерпевшая В. показала, что на занятиях йогой ее пригласили в медитационный лагерь, где ей и другим девушкам рассказывали об «учителе», они танцевали «танец для учителя», были установлены ограничения в еде, запрещено было пользоваться мобильными телефонами. Групповое психологическое воздействие, используемое в организации, явствует из следующих показаний потерпевшей: «На ночь предлагалось взять фотографию Руднева и медитировать на этот образ. <…> Она разговаривала с <…> А., которая вернулась от учителя. А. говорила, что очень любит учителя, больше, чем свою семью, мать. <…> После месяца пребывания в лагере ее пригласили к учителю»[2], тогда В. и другие новые в общине девушки могли присутствовать

[1] В научных работах, посвященных анализу статьи 239 УК РФ (ранее 227 УК РСФСР), исследователи не приводят примеров общественных организаций, без религиозной составляющей в их деятельности. Возможно, такие случаи встречались, но нам они также неизвестны. На наш взгляд, введение в диспозицию данной нормы понятия «общественной организации» обусловлено тем, что секты далеко не всегда, а, точнее, крайне редко регистрируются как религиозные организации, а как общественные – довольно регулярно. О понятии «секта» см., напр.: Карпачева Т.С. Преступления в нетрадиционных религиозных объединениях. М., Юрлитинформ, 2018. С. 7-21.

[2] Приговор Новосибирского районного суда Новосибирской области по уголовному делу № 1-7/2013 от 7.02.2013 в отношении Руднева К.Д. С. 89 / Архив Новосибирского районного суда Новосибирской области, г. Новосибирск.

при приеме пищи Руднева. Как вспоминает одна из последовательниц, после его приема пищи устраивались конкурсы: кто выиграет право доесть за ним: доедать за «учителем» считалось наградой, так как в общине все, кроме него самого, были сильно ограничены в еде[1]. Через несколько дней В. сообщили, «что учитель увидел в ней большое количество сексуальной энергии и предлагает пройти тантрическое посвящение»[2], оказавшееся половым актом, при котором присутствовали две помощницы (их называли «жрицы») – они сообщали В., что именно она должна делать. Только вернувшись домой, В. осознала, что к ней было применено насилие и такое половое сношение нельзя назвать добровольным. Суд посчитал состояние В. во время полового акта равным беспомощному: «В., осознавая сексуальную направленность <…> действий Руднева, не оказывала ему сопротивление, так как находилась в состоянии психологической беспомощности»[3]. Жесткие правила поведения, установленные в общине, формировали у последователей стойкую психологическую зависимость от секты и лично от Руднева. Таким образом, психическое насилие, примененное к потерпевшей В., как мы полагаем, представляло собой весь комплекс ограничений и опасных для психического здоровья ритуалов, направленных на приведение человека в беспомощное состояние. Очевидно также, что таких лиц, как В., в секте было множество, так как к Рудневу систематически приводили новых девушек для вступления в половую связь.

Понятие психического насилия не раскрыто в законе и пока только является предметом осмысления ученых. Так, Н.В. Тыдыкова психическое насилие понимает как «информационное воздействие на психику человека, осуществляемое через ощущение посредством органов слуха и зрения против или помимо его воли или сознания» и поясняет, что «насильственным является такое воздействие, которое происходит вопреки воле человека. Это означает, что лицо осознает, но не желает такого воздействия либо даже не осознает»[4]. Пример с сектой Руднева полностью соответствует такому пониманию психического насилия. Интересно также отметить, что в науке уголовного права неоднократно высказывалось мнение о том, что изнасилование или насильственные действия сексуального характера могут быть совершены путем обмана, что ставит потерпевшего в положение, равное беспомощному. Е.В. Поддубная предлагает дополнить п. 3 Постановления Пленума ВС «О судебной практике по делам о преступлениях против половой неприкосновенности и половой свободы личности» абзацем следующего содержания: «Совершение изнасилования и насильственных действий сексу-

[1] Интервью с бывшей последовательницей «Ашрама Шамбалы» Е.
[2] Приговор Новосибирского районного суда… С. 89.
[3] Там же. С. 15.
[4] Тыдыкова Н.В. Указ. соч. С. 90.

ального характера путем обмана, ответственность за которые предусмотрена ст.131 и ст.132 УК РФ, может выражаться в сознательном сообщении заведомо ложных, не соответствующих действительности сведений (активный обман) либо в умолчании об истинных фактах (пассивный обман), в результате чего потерпевшее лицо оказывается в положении, равном беспомощному, то есть когда сопротивление не имеет места в силу заблуждения жертвы…»[1]. Называя половой акт «тантрическим посвящением», «мудростью» и т.д., Руднев вводил девушек в заблуждение. Можно предположить, что если бы признак обмана был бы зафиксирован в диспозициях ст. 131 и 132 (или в Постановлении Пленума ВС, как предлагает Е.В. Поддубная), то заявлений о преступлениях Руднева было бы гораздо больше, потому что его действия носили идентичный характер и в отношении других девушек. Возможно, если бы нормой устанавливался признак обмана, преступную деятельность Руднева удалось бы пресечь раньше (поскольку объективная сторона его деяний усматривалась бы очевиднее), и избежать большого количества жертв и разрушенных судеб.

В 2010 г. был привлечен к уголовной ответственности Казаков А.Б., лидер секты сатанистов «Благородный орден дьявола», по ч.1 ст.239 УК РФ и ст.135 УК РФ (в ред. ФЗ от 08.12.2003 № 162-ФЗ, от 21.07.2004 № 73-ФЗ, поскольку действовавшая на тот момент редакция ст.135 УК РФ в ред. ФЗ от 27.07.2009 № 215-ФЗ ухудшала положение подсудимого). Цель организации, как следует из приговора, заключалась в «пропаганде совершения социально неодобряемых и противоправных поступков, <…> в "преумножении тьмы во Вселенной и становлении ада на земле"…»[2]. В приговоре нашел отражение ритуал инициации, который должны были проходить участники: «перед вступлением в группу каждый новый член должен был собственноручно написать расписку об отдаче навечно и безвозмездно своей души дьяволу, после чего надрезать палец своей руки и удостоверить эту расписку своей кровью»[3]. Половые сношения тоже являлись определенным ритуалом для поддержки внутренней дисциплины. Как следует из свидетельских показаний, для «продвижения» по «ступеням» «иерархической лестницы» организации необходимо было проходить «алкогольные, наркотические марафоны» и «сексуальные практики»[4]. Последние включали в себя беспорядочные половые связи, но лишь с участниками группы. Органами предварительного следствия действия Казакова были квалифицированы по ст.134 (в ред. ФЗ от 08.12.2003 № 162-ФЗ) и ст.135 (в ред. ФЗ от

[1] Поддубная Е.В. Указ. соч. С. 10-11.

[2] Приговор Октябрьского районного суда г. Саранска Республики Мордовии по уголовному делу № 1-45/2010 от 16.07.2010 в отношении Казакова А.Б. и Д. С. 3-4 / Архив Октябрьского районного суда г. Саранска Республики Мордовии.

[3] Там же. С. 6.

[4] Там же. С. 55.

08.12.2003 № 162-ФЗ и ФЗ от 21.07.2004 № 73-ФЗ) – были установлены половые акты Казакова с потерпевшей – 15-летней Л., после которых оба облачались в черные мантии и совершали ритуалы. Хоть у суда не было оснований сомневаться в наличности половых актов Казакова с потерпевшей, в судебном заседании государственный обвинитель просил суд переквалифицировать его действия со ст.134 УК РФ (в ред. ФЗ от 08.12.2003 № 162-ФЗ) на ст.135 УК РФ (в ред. ФЗ от 08.12.2003 № 162-ФЗ и ФЗ от 21.07.2004 № 73-ФЗ) по каждому из эпизодов и, учитывая, что указанные действия являются продолжаемыми, квалифицировать действия Казакова по ст.135 УК РФ[1], и суд поддержал эту позицию. Итак, мы видим, что и в этом случае половые преступления совершены с использованием обмана: лидер секты наделяет половые сношения неким темным мистическим смыслом, чем и привлекает подростка.

Наиболее же циничные преступления, образующие совокупность ст.239 УК РФ и половых преступлений, были совершены лидерами сект Куренковым А.П. и Весниным В.В. В 2017 г. был привлечен к уголовной ответственности по ч.1 ст.239 и п. «б» ч.4 ст.132 УК РФ лидер небольшой секты, ожидавшей конца света в станице Староджерелиевская Краснодарского края, Куренков А.П. Деятельность секты была «сопряжена с насилием над гражданами в виде совершения действий сексуального характера, с причинением вреда здоровью и психическим насилием»[2]. Здесь также половое сношение, в том числе с малолетней потерпевшей – дочерью одной из последовательниц Куренкова – было представлено как некий ритуал. Как следует из приговора, он «…под предлогом якобы передачи "божественной энергии и духовных знаний" во время проведения индивидуальных и групповых занятий, вступал <…> в половые отношения, <…> в том числе с участием малолетней Г.»[3]. Особенный цинизм полового преступления Куренкова состоял в том, что он убедил мать малолетней Г., что должен вступить с последней в интимные отношения per os «во благо спасения земли». Мать, беспрекословно подчинявшаяся Куренкову, сама приводила к нему 8-летнюю дочь для интимных отношений. Данный пример говорит о том, что и особо тяжкое преступление сексуального характера может быть совершено путем обмана. При этом обман распространялся не только на потерпевшую, но и на широкий круг вовлеченных в деятельность секты лиц, в том числе

[1] Приговор Октябрьского районного суда г. Саранска Республики Мордовии по уголовному делу № 1-45/2010 от 16.07.2010 в отношении Казакова А.Б. и Д. С. 3-4 / Архив Октябрьского районного суда г. Саранска Республики Мордовии. С. 97.

[2] Приговор Красноармейского районного суда Краснодарского края от 12.05.2017 в отношении Куренкова А.П. С. 4 / Архив Красноармейского районного суда Краснодарского края.

[3] Там же. С. 5.

на мать потерпевшей, которая поверила, что сексуальные действия с ее ребенком были нужны «для спасения земли».

Секта Веснина В.В., действовавшая в Оренбурге, ставила своей целью вырастить новое поколение «без комплексов». Признанный виновным по ч.1 ст.239 УК РФ (освобожден от наказания в связи с истечением срока давности) и ч.4 ст.135 УК РФ, Веснин В.В. еще в начале 90-х гг. XX в. создал сообщество, в рамках деятельности которого внушал людям идею «устарелости» общественных норм. В 2002 г. объединение было зарегистрировано как «Оренбургский городской общественный благотворительный фонд саморазвития человека». Как следует из приговора, его деятельность «была сопряжена с психологическим насилием над гражданами, причинением вреда их здоровью, побуждением граждан к отказу от исполнения гражданских обязанностей и систематическому совершению противоправных, в том числе развратных, действий в отношении несовершеннолетних с лиц»[1]. Под видом психологической помощи Веснин призывал людей к совершению антисоциальных, аморальных и противоправных действий и вовлекал в деятельность организации. В 2005-2006 гг. в рамках организации была создана «детская группа», и активные участники секты стали организовывать мероприятия, «на которых, в том числе в присутствии несовершеннолетних и с их участием, участниками фонда публично исполнялись номера, содержащие эротику, публичные оголения как женщин, так и мужчин, широко употреблялись ненормативная речь, циничные и аморальные высказывания сексуального характера…»[2]. Таким образом, здесь сама идеология организации, посягающей на личность и права граждан, включает в себя развращение детей. Детьми, которые пострадали от действий Веснина, были дети его последователей, ставшие по сути «заложниками» секты: «участники фонда, имеющие детей, по инициативе <Веснина> и членов организованной группы <…> приводили их с собой на различные мероприятия, а также брали на летние выездные сессии <…>, где взрослые участники, проводя с детьми общие мероприятия, практически постоянно в их присутствии были оголены полностью или частично»[3].

Если ученые, рассматривающие половые преступления, пока оставляют без внимания их совокупность с преступлением, предусмотренным ст.239 УК РФ, и вообще сам феномен совершения посягательств на половую неприкосновенность и половую свободу личности под видом мистических

---

[1] Приговор Соль-Илецкого районного суда Оренбургской области от 12.04.2012 в отношении А. С. 1 / Архив Соль-Илецкого районного суда Оренбургской области (в этом приговоре в отношении активной участницы организации Веснина В.В., занимавшей видное положение в иерархии секты, подробно описана деятельность руководителя, поэтому мы считаем возможным ссылаться на него при иллюстрации деятельности Веснина).

[2] Там же. С. 3.

[3] Там же. С. 18-19.

практик, то в исследованиях, касающихся ст.239 УК РФ, эта тема периодически затрагивается, хотя и не изучена подробно. Так, В.В. Пилявец делает следующее наблюдение: «…во многих <…> сектах осуществляется посягательство на половую свободу и половую неприкосновенность. Это может быть следствием как прямой установки учения (например, Джим Джонс, основатель суицидального культа "Народный храм", объявил сексуальное освобождение центральной догмой), так и косвенным результатом практики»[1]. Если следовать данной классификации, то на основании приведенных примеров можно отметить, что для сект «Ашрам Шамбалы», «Благородный орден дьявола», секты Веснина посягательство на половую свободу и половую неприкосновенность было прямой установкой учения, а для секты Куренкова – косвенной.

Действительно, лидер такой организации, провозгласивший себя богом либо наделивший себя сверхспособностями, начинает ощущать вседозволенность, и, даже если вначале в его идеологии не было идеи «сексуального раскрепощения» и т.д., то в какой-то момент, окруженный последователями, готовыми выполнять каждое его желание, такой лидер начинает абсолютизировать все свои половые фантазии, даже если они находятся далеко за гранью закона и морали.

Итак, в ходе рассмотрения совокупности преступлений, предусмотренных ст.239 УК РФ, и половых преступлений мы пришли к следующим выводам:

1. Половые преступления в организациях, посягающих на личность и права граждан, совершаются под маской «ритуалов», «эзотерических практик» и наделяются мистическим значением;

2. Указанный в п.1 способ совершения половых преступлений имеет все признаки обмана, не отраженного в диспозициях половых преступлений УК РФ. В этой связи нельзя не поддержать ученых (напр., Е.В. Поддубную), предлагающих рассматривать признак обмана при квалификации деяний по ст.131 и 132 УК РФ;

3. Половые преступления лидеров таких организаций являются следствием их безграничной власти над последователями, ощущения своей «избранности» и, соответственно, безнаказанности;

4. Для лидеров организаций, посягающих на личность и права граждан, совершающих в рамках деятельности организации половые преступления, чаще всего характерно применение психического, а не физического насилия, идеологически обоснованного учением организации;

5. Жертвами преступлений против половой неприкосновенности несовершеннолетних и малолетних являются в большинстве случаев дети

[1] Пилявец В.В. Указ. соч. С. 159.

членов таких организаций, ставшие «заложниками» «духовного поиска» или «самосовершенствования» своих родителей;

6. Поскольку имеет место вовлечение несовершеннолетних в такие организации и, как мы видим, это может повлечь за собой тяжкие последствия, в целях защиты прав и свобод несовершеннолетних считаем необходимым дополнить ст.239 УК РФ квалифицирующим признаком «вовлечение несовершеннолетнего деятельность организации, посягающей на личность и права граждан».

Карпушкин Артем Вячеславович,
адъюнкт факультета подготовки
научно-педагогических и научных кадров
Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя

К вопросу об истории развития законодательства о причинении вреда при задержании лица, совершившего преступление

Российская Федерация – величайшая страна с богатейшей историей. И если первые упоминания о Руси, имеющиеся в Бертинских анналах[1], датируются 839 годом, то впервые обстоятельство причинения вреда при задержании лица, совершившего преступления, упоминается в договорах Олега (911 год) и Игоря (944 год), где санкционировалось право владельца имущества на убийство вора, пойманного на месте преступления, при оказании последним сопротивления[2]. Разумеется, называть законодательным актом такие договоры с Византией не совсем верно, но так или иначе они обладали юридической силой на территории Руси. На наш взгляд, именно эти даты стоит считать отправной точкой продолжительного развития и совершенствования существующего сегодня такого обстоятельства, как причинение вреда при задержании лица, совершившего преступление. Поэтому нам представляется не совсем точным утверждение отдельных специалистов о том, что впервые об этом упоминалось в положениях Русской Правды[3].

---

[1] Анналы Сен-Бертенского монастыря, год 839 // Древняя Русь в свете зарубежных источников. Хрестоматия. Т. 4. Западноевропейские источники. Сост., пер. и комм. А. В. Назаренко. М., 2010. С. 19–20.

[2] Хрестоматия по истории Древнего мира. Т. III. Рим. Под ред. акад. В.В. Струве, М., 1953, С. 28

[3] Донец Е.В. Причинение вреда при задержании лица, совершившего преступление: монография. М.: РАП, 2011. С. 8.

В Русской Правде, а именно в статье 38, позже было действительно закреплено право убить вора на месте преступления[1]. Указанный нормативный акт является отражением существовавшего в античности свода «Законов XII таблиц», где исследуемое право на причинение смерти вору было закреплено таблицей номер VIII[2]. Итак, Русская правда допускала причинение смерти вору при соблюдении ряда правил: хищение имущество сопряжено с проникновением в жилище или на территорию двора, в ночное время – «Если убьют вора на своем дворе или у хлева, то так тому и быть»[3]; днем же обнаружившее и задержавшее преступника лицо обязалось вести его на княжеский двор для разбирательства с ним; убийство связанного вора также было запрещено под угрозой штрафа (виры в 12 гривен[4]) – «Если же додержали его до рассвета, то отвести его на княжий двор, а если убьют и люди видели (его) связанным, то платить за него»[5]. Важным, с авторской точки зрения, моментом было вознаграждение лиц, осуществивших задержание вора по всем правилам, закрепленное в статье 41 указанного сборника: «А кто привел вора получает 10 резан…»[6]. Данного положения о потенциальном вознаграждении лиц, осуществивших задержание, с учетом актуализации на современный денежный эквивалент, не хватает в современном законодательстве для мотивации простых граждан – очевидцев преступного посягательства на задержание лиц, совершивших преступление.

Несмотря на значительное влияние «Русской правды» на последующие собрания законов, причинение вреда при задержании лица, совершившего преступление, как обстоятельство, исключающее преступность деяния, не было закреплено ни в Новгородской судной грамоте, ни в Псковской судной грамоте 1467 года, ни в Судебниках 1497 и 1550 годов.

Литовский Судебник Казимира IV 1468 года, и Литовский статут 1588 года также не закрепили указанного положения. Лишь Белозерская уставная грамота 1488 года в ст. 13 запретила самосуд, под которым понимался, в том числе, и отпуск вора с поличным[7].

Лишь в XVII веке под руководством царя Алексея Михайловича было принято Соборное уложение 1649 г., в котором отдельная глава XXI была посвящена «разбойным и татийным делам», где закреплялась основная цель

---

[1] Российское законодательство X-XX вв.: в 9ти т. М., 1984. Т. 1. С. 55.

[2] Хрестоматия по истории Древнего мира. Т. III. Рим. Под ред. акад. В.В. Струве. М., 1953. С. 28.

[3] Рейнгардт Н.В. Необходимая оборона. Казань, 1898. С. 28

[4] Гривна – брусок треугольного сечения. Представлял собой различной формы слитки серебра весом около 2 гр. / Большая российская энциклопедия. Т. 5. М., 2007. С. 744.

[5] Рейнгардт Н.В. Необходимая оборона. Казань, 1898. С. 80.

[6] Памятники русского права. Вып. 1. Памятники права Киевского государства. X-XII вв. М., 1952. С.81

[7] Российское законодательство X-XX вв.: в 9-ти т. М., 1985. Т. 2. С. 181.

задержания – доставление преступника в органы власти для придания последнего суду, а убийство допускалось только при уклонении от задержания[1]. Подобно Белозерской уставной грамоте, Соборное уложение полностью запрещало самосуд, окончательно отменив существовавший принцип талиона. Важным нормативным достижением, с нашей точки зрения, выступает защита задержавших лиц от оговора задержанными: «А которые люди приведут в губу татя или разбойника, а те разбойники или тати учнут на тех людей, или на их дворовых людей или крестьян, которые их в губу приведут, говорити разбой, или татьбу или иное какое воровство, и тому не верить для того, чтобы всяким людям бесстрашно было воров имая в губу приводить»[2]. В дополнение, указанная норма допускала осуществление задержания не только потерпевшими, но и очевидцами преступления, которыми, зачастую, выступали «придворные» люди, что уже в то время могло выполнять превентивную функцию, связанную с осознанием вором возможности его задержания окружающими.

Следующая статья 88 того же нормативного акта закрепляла конкретные обстоятельства задержания: «А будет кто татя с поличным убьет в дому своем, и того убитого тот час объявит окольным людям, и объявя, вести к записке в приказ. А будет кто за татем погонится со сторонними людьми и на дороге, или на поле, или в лесу тот тать изымати себя не дает и учнет дратися, и того татя на погоне кто убьет до смерти, или ранит, и того убитого или раненного татя с поличным, что он края, то тому же привести приказ с погонщиками вместе. А будет кто татя изымав, и не водя в приказ учнет пытать у себя в дому, и на нем татю доправить бесчестье и увечье, а в чем его пытал, и ему татьбы своей на том тате искати судом, а не приказу того татя пытать не велеть…»[3]. Кратко поясняя, отметим необходимость доклада уполномоченным лицам о задержании и причинении смерти или вреда здоровью вору, с доставлением к ним, то есть в приказ, похожий на современные органы правопорядка, вора или его тела, а также запрет на пытки и причинение вреда вору, сдавшемуся без сопротивления.

Статья 89 санкционировала причинение вреда вору, похитившему с поля жатый хлеб, посредством битья кнутом[4]. Если все описанные условия задержания были выполнены, то задерживающее лицо считалось освобожденным от ответственности за убийство или причинение вреда при задержании.

На наш взгляд, Соборное уложение является значительно более прогрессивной законодательной конструкцией в части закрепления исследуемого обстоятельства причинения вреда при задержании лица, совершившего преступление по причине расширенного перечня лиц, имевших право

---

[1] Российское законодательство X-XX вв.: в 9-ти т. М., 1985. Т. 3. С. 230.

[2] Там же. С. 231.

[3] Там же. С. 244-245.

[4] Там же. С. 245.

на осуществление задержания, определения подробных условий и обстоятельств задержания, последующего доставления преступника или его тела в органы правопорядка. Также можно сделать вывод о соразмерности причиняемого вреда с тяжестью совершенного преступления и оказываемого сопротивления. В то же время в нормах Соборного уложения в перечне лиц, имеющих право на причинение вреда при задержании лица, совершившего преступление, отсутствовало указание на такое право у лиц, осуществляющих полицейские функции; был ограничен перечень преступлений, за совершение которых допускалось задержание с причинением вреда задерживаемому. В целом, Соборное уложение, в сравнении с «Русской правдой» нами характеризуется как вполне состоявшийся и прогрессивный нормативный акт XVII века, способствовавший дальнейшему развитию исследуемого обстоятельства причинения вреда при задержании лица, совершившего преступления.

Артикул воинский Петра I 1715 г., характеризующийся как «четко разработанный военно-уголовный закон, содержащий в себе многие положения общего характера»[1], закреплял и нормы о причинении вреда при задержании лица, совершившего преступление. Правила причинения вреда при задержании совпадали с правилами причинения вреда при необходимой обороне, что в современном понимании не соответствует теоретическим и законодательным решениям. Например, по смыслу ч. 2 ст. 157 гл. XIX Артикула «О смертном убийстве», причинение смерти в ходе преследования лица, совершившего нападение, исследовалось по правилам необходимой обороны[2]. В то же время убийство ночного вора было санкционировано ст. 185 гл. XXI исследуемого Артикула, так как вор, с точки зрения закона, имел умысел не только на хищение имущества, но и на убийство лиц, в нем проживающих[3]. Стоит также отметить Указ о подметных письмах 1726 года, содержащий ряд поощрительных предписаний для лиц, осуществивших задержание: ст. ст. 5 и 6 названного Указа подчеркивали полезность действий, связанных с задержанием лиц, подкидывавших или прибивавших «подметные» письма: «А кто увидит такого человека, кто такие письма будет подкидывать или прибивать, и, поймав его, приведет, и такие из офицеров и солдат награждены будут чинами, а гражданских и прочих чинов люди немалою суммой денег»[4].

В Уложении 1845 года «О наказаниях уголовных и исправительных» обстоятельства, исключающие преступность деяния, а именно причинение вреда при задержании лица, совершившего преступление и необходимая

---

[1] Уголовное право России. Практический курс / Под общ. ред. А.И. Бастрыкина; под науч. ред. А.В. Наумова. 3-е изд., перераб. и доп. М., 2007. С. 21.

[2] Российское законодательство X-XX вв.: в 9-ти т. М., 1986. Т. 4. С. 356-357.

[3] Там же. С. 361-362.

[4] Именной указ от 24 февраля 1726 г. «О подметных письмах». // Информационно-правовой портал «Гарант»: [сайт]. URL: http://base.garant.ru/55006656/ (дата обращения: 04.09.2021).

оборона были закреплены как взаимосвязанные. Так, в указанном правовом акте было отмечено, что «необходимость обороны признавалась также и в случаях, когда застигнутый при похищении или повреждении какого-либо имущества преступник силой противился своему задержанию или прекращению начатого им похищения или повреждения»[1]. Новое Уголовное уложение 1903 года в ст. ст. 44, 45 и 46 в качестве обстоятельств, исключающих преступность деяния, закрепляло деяния во исполнение закона или приказа, необходимую оборону, а также деяния, направленные на спасение собственной жизни или жизни другого лица от опасности, произошедшей вследствие угрозы, принуждения или иной причины»[2]. Н.С. Таганцев в своих трудах отмечал, что предпринятые Петром I и его кабинетом попытки совершенствования законодательства не привились в русском праве, а исследуемое нами обстоятельство причинения вреда при задержании вернулось к системе «старого» русского права[3].

С новым историческим этапом развития Российского государства, характеризующимся Революцией 1917 года и постреволюционным временем, было связано принятие Руководящих начал по уголовному праву РСФСР 12 декабря 1919 года Наркоматом юстиции, закреплявшим только необходимую оборону в качестве обстоятельства, исключающего преступность деяния. Норма о причинении вреда при задержании лица, совершившего преступление, как самостоятельное обстоятельство, исключающее преступность деяния, так и не была включена в уголовное законодательство: «15) Не применяется наказание к совершившему насилие над личностью нападающего, если это насилие явилось в данных условиях необходимым средством отражения нападения, или средством защиты от насилия над его или других личностью, и если совершенное насилие не превышает меры необходимой обороны»[4].

Принятый в 1922 году УК РСРФСР в ст. ст. 145 и 152 закрепил необходимость квалификации действий задерживающего лица при превышении необходимых пределов для задержания, связанных с причинением тяжких телесных повреждений или с его убийством, по правилам необходимой обороны, установив одинаковый размер ответственности – 1 год[5]. Не совсем

---

[1] Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. // Музей истории российских реформ имени П.А. Столыпина: [сайт]. URL: http://museumreforms.ru/node/13654 (дата обращения: 08.09.2021).

[2] Новое уголовное уложение, Высочайше утвержденное 22 марта 1903 года. СПб.: Изд. В.П. Анисимова, 1903. С. 22-24.

[3] Таганцев Н.С. Русское уголовное право: лекции. Часть Общая. В 2 т. Т. 1. М., 1994. С. 197.

[4] Хрестоматия по истории отечественного государства и права 1917-1991 годов. М.: Зерцало, 1997. С. 63-68.

[5] Постановление Всероссийского центрального исполнительного комитета о введении в действие Уголовного кодекса Р.С.Ф.С.Р. // Портал pravo.by: [сайт]. URL: https://pravo.by/upload/pdf/krim-pravo/UK_RSFSR_1922_goda.pdf (дата обращения: 04.09.2021).

понятным остается момент отсутствия дифференциации ответственности за причинение смерти и тяжких телесных повреждений. В одном случае задерживаемому или нападающему причиняется смерть, а в другом – тяжкий вред здоровью, но ответственность в обоих из этих случаев ограничивается одним годом лишения свободы.

Позднее законодателем были приняты УК РСФСР 1926 и 1960 гг., а также Основы уголовного законодательства Союза СССР и союзных республик, которые, закрепляя расширенный перечень обстоятельств, исключающих преступность деяния, не содержали в себе такого обстоятельства как причинения вреда при задержании. Разумеется, что складывающиеся правовые отношения, правоприменительная и судебная практика столкнулись с проблемой правовой оценки причинения вреда при задержании лиц, совершивших преступления. 23 октября 1956 г. Пленум Верховного Суда СССР разъяснил, что «действия задерживающего лица, явно не вызванных обстановкой задержания и совершенного преступления, необходимо квалифицировать по правилам необходимой обороны»[1]. Такая позиция Верховного суда была подвергнута значительной критике в научных кругах. Многие ученые и практики высказывали мнение о том, что в уголовное законодательство необходимо включить норму о причинении вреда при задержании преступника как самостоятельное обстоятельство, исключающее преступность деяния[2].

В то же время проект уголовного законодательства Эстонкой ССР закреплял необходимость исключения преступности деяния, хотя и подпадающего под признаки преступного, но совершенного в целях задержания преступника, в том числе в случае вынужденного причинения вреда преступнику[3]. Однако в окончательной редакции как общих норм о закреплении указанного обстоятельства, так и специальных норм, предусматривающих ответственность за превышение необходимых для задержания пределов, особенной частью УК ЭССР предусмотрено не было.

26 июля 1966 г. Указ Президиума Верховного Совета СССР «Об усилении ответственности за хулиганство» отдельно выделял право всех граждан на осуществление самостоятельного задержания лиц, совершающих противоправные посягательства, а также пресечение указанных действий,

---

[1] Постановление Пленума ВС СССР от 23 октября 1956 г. № 8 «О недостатках судебной практики по делам, связанным с применением законодательства о необходимой обороне»

[2] Баулин Ю.В. Право граждан на задержание преступника. Харьков, 1986. С. 17 Слуцкий И.И. Обстоятельства, исключающие уголовную ответственность. Л., 1968. С.60; Якубович М.И. Вопросы теории и практики необходимой обороны. М., 1961. С. 195.

[3] Побегайло Э.Ф., Ревин В.П. Необходимая оборона и задержание преступника в деятельности органов внутренних дел. Учебное пособие. М., 1987. С. 44.

закрепляя правомерность и исключая преступность таких задержаний, даже в случае причинения задерживаемым вреда[1].

Уголовный кодекс 1996 года, пришедший на смену УК РСФСР 1960 года, закрепил, в целом обстоятельства, исключающие преступность деяния, в отдельную главу, расширив их перечень. Одной из важных и отличительных черт стало также обособленное законодательное закрепление такого обстоятельства, исключающего преступность деяния, как причинения вреда при задержании лица, совершившего преступление, в статье 38 указанного нормативно-правового акта.

Поскольку принятое нормативное закрепление причинения вреда при задержании лица, совершившего преступление, в качестве обособленного обстоятельства, исключающего преступность деяния, являлось новеллой уголовного законодательства, 27.09.2012 года Пленум Верховного суда РФ в постановлении № 19[2] разъяснил условия и обстоятельства причинения вреда при задержании лица, совершившего преступление, определил перечь лиц, имеющих право на осуществление задержания, отдельно обозначив распространение указанной нормы и на сотрудников правоохранительных органов, а также лиц, к которым такое задержание может быть применено. Без внимания не остались и вопросы квалификации превышений мер, необходимых для задержания, в соответствии со ст. ст. 108 и 114 УК РФ, а также правила компенсации причиненного вреда при превышении таких мер.

Ретроспективный анализ исследуемого обстоятельства в рамках отечественного уголовного законодательства позволяет проследить основные этапы, пути развития и становления рассматриваемых правовых норм, сделать выводы о криминологической обусловленности нормы, закрепляющей подобное обстоятельство, исключающее преступность деяния.

---

[1] Указ Президиума Верховного Совета СССР от 26 июля 1966 года № 5362-VI «Об усилении ответственности за хулиганство» [Электронный ресурс] // URL: https://docs.cntd.ru/document/9007313 (Дата обращения 24.05.2021 г.)

[2] Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 сентября 2012 г. № 19 г. Москва «О применении судами законодательства о необходимой обороне и причинении вреда при задержании лица, совершившего преступление» // Российская газета. Федеральный выпуск № 227 (5900) от 03.12.2012 г.

Карчевский Кирилл Александрович,
преподаватель кафедры уголовного права и криминологии
Крымского филиала
Краснодарского университета МВД России

Преступления в сфере предпринимательства, подлежащего лицензированию, в современной уголовной политике России

Отечественный законодатель последовательно принимает меры, направленные на формирование взвешенной уголовной политики, которая бы отвечала интересам граждан, общества и государства. Сформированная уголовная политика, реализуемая Россией, затрагивает все сферы общественной жизни, в том числе экономические процессы и ведение предпринимательской деятельности, подлежащей лицензированию. Обеспокоенность состоянием экономической безопасности России и негативное влияние на неё криминальных процессов нашла своё отражение в стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года, утверждённой Указом Президента Российской Федерации от 13 мая 2017 г. № 208 «О Стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года»[1], в которой к числу основных вызовов и угроз экономической безопасности Российской Федерации отнесен высокий уровень вовлеченности в криминальные процессы экономики нашей страны. Однако, принимаемые меры правого, политического, социального и экономического характера не в полном объёме обеспечивают охрану и защиту общественных отношений в сфере экономики в целом и в сфере предпринимательской деятельности, подлежащей лицензированию, в частности.

Стремясь предложить действенные меры по улучшению сложившегося положения, МВД России, как один из основных субъектов, на который возложены функции по предупреждению преступлений экономической направленности и реализации уголовной политики в данной сфере, издало приказ от 14.10.2021 года под № 760 «Об утверждении Концепции реализации в системе Министерства внутренних дел Российской Федерации государственной политики по обеспечению экономической безопасности Российской Федерации» (Далее – Приказ), в котором определены основные направления обеспечения экономической безопасности государства, призванные устранить вызовы и угрозы экономическому благополучию России. Среди основных направлений обеспечения экономической безопасности государства интересным представляется п. 8.6. Приказа, определяющий

[1] Указ Президента Российской Федерации от 13 мая 2017 г. № 208 «О Стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года» // URL: http://www.consultant.ru/cons/cgi/online (дата обращения: 25.10.2021).

сферы экономической деятельности, в которых будут сосредоточены основные усилия МВД России, а именно: противодействие преступлениям экономической направленности в оборонно-промышленном и топливно-энергетическом комплексах, в сферах недропользования, медицины, лесного хозяйства и финансово-кредитной системе.[1]

Казалось бы, необходимо отменить, что в Приказе, который является ведомственным документом стратегического планирования, не сделано акцента и не указано на сосредоточении усилий МВД России по противодействию преступлений в сфере предпринимательства, подлежащего лицензированию. Однако обращает на себя внимание то, что ведение предпринимательской деятельности в большинстве приведённых п. 8.6. Приказа отраслях экономики, в силу положений ст. 12 Федерального закона от 4 мая 2011 г. № 99-ФЗ «О лицензировании отдельных видов деятельности»[2] подлежит лицензированию и не может осуществляться легально без наличия действующей лицензии. Таким образом, необходимо сказать, что несмотря на то, что в Приказе прямо не указано как приоритетное направление реализация мер по противодействию преступлений в сфере предпринимательства, подлежащего лицензированию, тем не менее в силу природы правоотношений в указанных сферах экономики, полагаем, что данная цель всё-таки косвенно поставлена перед подразделениями МВД России. В силу того, что в Приказе направление сосредоточения усилий МВД России по противодействию преступлений в сфере предпринимательства, подлежащего лицензированию, прямо не обозначено, полагаем, что указанной системе преступлений уделено недостаточно внимания в ведомственном документе стратегического планирования, что потенциально может снизить эффективность их противодействию. С учетом сложности и многоаспектности преступлений в сфере предпринимательства, подлежащего лицензированию, целесообразно более детально изложить в Приказе стратегию по их противодействию.

Таким образом, необходимо отменить, что современная государственная политика в сфере лицензирования хозяйственной деятельности является амбивалентной (разнонаправленной), что выражается, с одной стороны, введением дополнительных норм, обеспечивающих детальную регламентацию процедур лицензирования и аккредитации хозяйственной деятельности, что отчасти является, как нам представляется, вполне адекватными правовыми и административными мерами тем вызовам и угрозам, которые

---

[1]Приказ МВД России от 14.10.2021 года № 760 «Об утверждении Концепции реализации в системе Министерства внутренних дел Российской Федерации государственной политики по обеспечению экономической безопасности Российской Федерации» // URL: https://mvd.consultant.ru/documents/ (дата обращения: 25.10.2021).

[2] Федеральный закон «О лицензировании отдельных видов деятельности» от 04.05.2011 № 99-ФЗ (ред. от 02 июля 2021 г.) URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_113658/ (дата обращения: 28.10.2021)

предстают перед нашей страной и обществом. И с другой стороны, в последнее время отмечается поступательное снижению мер уголовно-правового воздействия на сферу предпринимательства, в том числе связанного с лицензированием. Полагаем, что чрезмерная либерализация уголовной ответственности по отношению к предпринимательским преступлениям, подлежащим лицензированию, ставит под угрозу безопасное функционирование вредных и потенциально опасных производств, других экономически значимых для общества объектов, а также жизнь и здоровье населения.

Каснова Мария Сергеевна,
кандидат юридических наук,
старший преподаватель кафедры
уголовного права и криминологии
Краснодарского университета МВД России

О нарушении прав российских граждан в некоторых европейских странах: несоблюдение, ущемление, преступление

Права человека являются неотъемлемым достоянием всех людей, без какого бы то ни было различия на основании расы, цвета кожи, пола, языка, религии, национального или социального происхождения или любого иного аспекта.

Международное право в области прав человека определяет правовые обязанности государств, в соответствии с которыми они обязаны действовать определенным образом или воздерживаться от определенных действий с целью поощрения и защиты прав человека и основных свобод отдельных лиц или групп людей.

Одним из важнейших достижений Организации Объединенных Наций является создание всеобъемлющего свода законов в области прав человека – универсального и защищаемого на международном уровне кодекса, к которому может присоединиться любое государство и к реализации которого стремятся все люди. Организация определила широкий круг признаваемых на международном уровне прав, включая гражданские, культурные, экономические, политические и социальные права. Она также создала механизмы поощрения и защиты этих прав и содействия государствам в выполнении взятых на себя обязательств.

Основой этого свода законов являются Устав ООН и Всеобщая декларация прав человека, принятые Генеральной Ассамблеей в 1945 и 1948 годах соответственно. С тех пор ООН постепенно расширяла законодательство в области прав человека, включая в него конкретные нормы в отношении женщин, детей, инвалидов, меньшинств и других уязвимых групп, ко-

торые в настоящее время обладают правами, защищающими их от дискриминации, долгое время существовавшей во многих обществах. Соответствующий документ является не только основой исторической важности, а также представляет собой результат тесного взаимодействия специалистов в области права практически из всех регионы планеты.

Справедливости ради стоит отметить, что несмотря на договоренности, закрепленные официальными документами ООН, права российских граждан нарушаются систематически некоторыми европейскими странами. Проблемы, с которыми сталкиваются россияне за рубежом, носят в основном политический окрас.

Наиболее ярко и беспрецедентно такой политики придерживаются наши ближайшие соседи – Украина. После известных событий 2014 года отношения между Россией и Украиной резко поменялись. Негатив прежде всего коснулся соотечественников, проживающих на территории Украины. В настоящее время не наблюдается никаких признаков выправления крайне тяжелого положения с правами человека. При упорном нежелании киевских властей, граничащем с их неспособностью взять ситуацию под контроль, всё так же продолжаются системные нарушения основных прав и свобод человека, касающиеся русскоязычного населения. В некоторых сферах социальной жизни российских граждан либо тех, кто выступает в поддержку русскоязычного населения, всячески притесняют. Их права ограничивают, ущемляют, а затем обвиняют в преступлениях против власти.

Нарушение права на свободу, личную неприкосновенность, многочисленные факты незаконного содержания под стражей, пыток, запугивания, жестокого обращения с людьми – это то, что демонстрирует и пропагандирует Украина по отношению к соотечественникам. Усиливается преследование политических оппонентов, независимых журналистов, неугодных властям медиа-компаний, членов общественных организаций, сопровождающееся, как правило, ссылками на необходимость борьбы с «российской агрессией» и «сепаратизмом». В этих целях киевские власти активно задействуют участников радикальных националистических структур, которые нередко нарушают закон, но при этом остаются безнаказанными. Ограничиваются права внутренне перемещенных лиц, русскоязычного населения и представителей национальных меньшинств. Продолжается кампания против канонической Украинской православной церкви.

Отдельно стоит коснуться намеренного изменения истории и переписывания ее в силу «угодной» для нынешней власти политики. Агрессивная пропаганда неонацизма украинскими властями, культивирование националистического настроя, активные усилия героизации нацизма, нацистских пособников времен Второй мировой войны – все это является частью украинской политики. Для данных целей, начиная с 2015 года создана нормативно-правовая база. Так в 2017 году в Кодекс Украины об административ-

ных правонарушениях внесены поправки, предусматривающие запрет публичного использования, ношения, демонстрацию георгиевской (гвардейской) ленты либо ее изображения[1]. Переименованы улицы некогда носившие имена героев ВОВ и других значимых событий в мировой истории в имена, которые опять же в мировой истории имели негативную оценку со стороны мирового сообщества. Уничтожение памятников, имеющих историческую направленность и особую ценность, как для подрастающего поколения, так и для людей, при которых и с помощью которых создавались определенные события в истории советского прошлого, украинскими властями считается нормой. Поддержка нацизма и украинских коллаборационистов выражается на официальном уровне, более того в качестве памятных дат вносятся в календарь дни и увековечивают имена украинских пособников нацистов. В 2020 году памятными датами были обозначены юбилеи нацистских коллаборационистов: В. Кубийович (активный сторонник сотрудничества с немцами, инициатора формирования дивизии СС «Галичина»), В. Левкович (участник украинской вспомогательной полиции в Дубно, затем – командир Военной округи «Буг» в составе УПА, осужденный в 1947 г. Военным трибуналом войск МВД Киевской области), У. Самчук (активист ОУН, главный редактор пронацистской газеты в Ровно «Волынь», публиковавший антисемитские статьи с призывом к уничтожению евреев). Также многие другие имена, порицаемые мировым сообществом, восхваляются и ставятся в пример современной молодежи. Некоторые из них упоминаются как деятели своего времени без указания на их связь с националистами. В честь этих людей переименовывают улицы, выпускают юбилейные монеты, почтовые марки и всячески героифицируют их деятельность несмотря на то, что многие из них были осуждены за измену и другие сопутствующие преступления.

Ситуация с российскими гражданами на Украине продолжает оставаться напряженной и усугубляется не естественным образом. Уголовные преследования в отношении россиян, прибывающих из Крыма, стали нормой, а обвинение в государственной измене наших соотечественников «дежурной» статьей УК Украины. Нарушаются такие права и свободы как: право на жизнь, неприкосновенности жилища, личности и другие. При ведении уголовного преследования фиксируются нарушения процессуальных прав российских граждан. Преследование и ущемление в правах россиян по УК Украины происходят исключительно по национальной принадлежности. Членов русскоязычной общины систематически дискриминируют. Так, например в декабре 2018 года, координатор всеукраинского координационного совета организаций российских соотечественников подвергся обыску, в ходе которого была изъята медаль Пушкина. В 2019 году были изъяты

[1] О ситуации с правами человека на Украине – Украина – Министерство иностранных дел Российской Федерации https://www.mid.ru/web/guest/maps/ua/-/asset_publisher/ktn0ZLTvbbS3/content/id/4232144 (дата обращения 3.11.2021).

средства связи и компьютерная техника у В. Салтыкова, руководившего Закарпатским областным обществом «Русь»[1].

Активистов и тех, кто занимается общественной деятельностью на Украине, если она касается защиты или отстаивания прав российских граждан, пытаются преследовать и обвинять в сотрудничестве с российскими спецслужбами. В 2020 году предано огласке резонансное дело. Заслуженного преподавателя с многолетним стажем и главу общественной организации «Русская национальная община «Русичъ» Т. Кузьмич обвинили в шпионаже[2]. Деятельность в общине сопровождалась популяризацией русского языка. Стоит отметить, что грубое нарушение прав русскоязычной общины, а также дискриминация по языковому признаку является составной частью политики украинских властей. Некоторым журналистам запретили въезд на территорию Украины из-за посещения последними Республики Крым.

Случаи нарушения прав российских граждан фиксируются в ФРГ. В основном Координационным советом организации российских соотечественников в Германии, далее КСОРС, упоминается о нарушении таких прав как: получения образования в высших либо средних учебных заведениях, приема на работу и решения других социальных вопросов, не терпящих отлагательств.

Отдельно стоит упомянуть о судебной системе ФРГ в отношении российских граждан. Так при решении семейных споров в судах, касающихся воспитания детей, предпочтение отдается гражданам Германии, если пара является интернациональной. КСОРС фиксируются случаи невозможности доказать правоту российского родителя, даже если зафиксированы нарушения со стороны супруга либо супруги немецкого происхождения.

Утвержденные некогда в ФРГ базовые принципы обеспечения свободы слова и выражения мысли также игнорируются, если дело касается российских граждан. Германия отказывается исполнять международные обязательства в данной сфере. В последнее время систематически дискредитируются российские информационные ресурсы. Так германские СМИ оценивают работу своих российских коллег неоднозначно, обвиняют их в дезинформации, целью которой является дестабилизировать обстановку в Европейском союзе. Независимое мнение авторитетных деятелей Германии: политиков, ученых, и других деятелей социальной жизни, поддержи-

[1] Будни Украины. Ветерана СС проводил в последний путь Президентский Полк. Аргументы и факты. 15 июня 2021 г. URL: https://aif.ru/politics/world/budni_ukrainy_veterana_ss_provodil_v_posledniy_put_ prezidentskiy_polk (дата обращения 28.09.2021).

[2] О нарушениях прав российских граждан и соотечественников в зарубежных странах. URL: https://www.mid.ru/foreign_policy/humanitarian_cooperation/-/asset_publisher/bB3NYd16mBFC/content/id/4641517 (дата обращения 3.11.2021).

вающих Россию в определенных вопросах, практически всегда подвергается стигме и обвинениям. Более того российским СМИ систематически отказывают в вещании на территории Германии.

Институт изучения общественного мнения Алленсбаха в 2019 году провел социологическое исследование под названием «Границы свободы». Из него следует, что тема мигрантов в ФРГ является наиболее «болезненной», по ней опасение высказываться открыто выразили 71% немцев[1].

Франция не отличается систематичностью в нарушении прав российских граждан. Несмотря на это, все же выделены резонансные случаи нарушения со стороны правоохранительной и судебной систем, касающиеся необоснованных обвинений, создания жестких условий содержания российских граждан под стражей, а также нарушения их процессуальных прав. В связи со сложившейся ситуацией посольство России во Франции регулярно сотрудничает с французскими учреждениями соответствующего типа. Сторонам удается находить компромиссы и восстанавливать нарушенные права соотечественников.

Резонансным случаем признано дело в Международной ассоциации легкоатлетических федераций (IAAF). Двух россиян признали виновными в коррупционном скандале, следует отметить, что приговор вынесли заочно, не заслушав адвокатов обвиняемых и не приняв показания, свидетельствующие в пользу подсудимых.

Касаемо органов опеки, со стороны французских властей не редко фиксируются случаи принудительного изъятия детей у российских граждан. Так в 2018 году у российской семьи изъяли двух дочерей, возрастом 6 и 14 лет. Судебное разбирательство длилось шесть месяцев, семью обвинили в «маниакальной» приверженности к чистоте, это явилось одной из причин изъятия детей из семьи. На самом деле в семье было не принято ходить по дому в уличной обуви.

Властями Франции оказывается всяческое препятствие к осуществлению работы российских средств массовой информации. При этом прямого отказа не следует, всячески затягивают процедуры необходимые для аккредитации российских журналистов, что приводит к повторным процедурам так как срок подачи заявки как правило уже истекает. Как правило, российских журналистов не допускают на официальные пресс-мероприятия Елисейского дворца, а также других государственных структур и ведомств Франции, в том числе проводимые в онлайн формате. Здесь также не поступает прямого отказа, ссылаются на плохую связь. Исключением являются только встречи высокого уровня, связанные взаимными интересами России и Франции.

[1] О нарушениях прав российских граждан и соотечественников в зарубежных странах. URL: https://www.mid.ru/foreign_policy/humanitarian_cooperation/-/asset_publisher/bB3NYd16mBFC/content/id/4641517 (дата обращения 3.11.2021).

Эстонию по праву можно считать республикой массового безгражданства. Объясняется такое поведение властей «этнической чистотой». На 2020 год около 6% населения, большинство из которых российские соотечественники, наделены статусом «негражданин». «Неграждане» ограничены в праве на свободное передвижение.

Несмотря на большое количество русскоязычного населения, проживающего в Эстонии, и тот факт, что русский язык является родным для 30% населения, ему не предоставлен статус ни государственного, ни официального, ни языка нацменьшинств. Первый этап вытеснения русского языка произошел на уровне высших учебных заведений, далее система профтехобразования. На данном этапе происходит вытеснение его из среднего и дошкольного образования. Стоит отметить, что данная прерогатива принадлежит органам местного самоуправления.

Эстонскими властями активно проводится политика насаждения националистической идеологии, героизируются пособники нацистов. Соответственно ограничиваются права русскоязычного населения практически во всех сферах жизнедеятельности. Различные активисты гражданского общества, юристы, журналисты и иные деятели, имеющие отличную точку зрения от официально проводимой государством политики, подвергаются давлению со стороны правоохранительных органов.

Колбасин Владислав Владимирович,
адъюнкт кафедры уголовного права и криминологии
Краснодарского университета МВД России

О проблемах профилактики органами внутренних дел насильственных преступлений сексуального характера, совершаемых в отношении малолетних и несовершеннолетних

Увеличение числа насильственных преступлений сексуального характера, жертвами которых становятся малолетние и несовершеннолетние, является одной из острых проблем современного российского общества. В соответствии с данными, предоставленными Уполномоченным при президенте Российской Федерации по правам ребенка А.Ю. Кузнецовой, число зарегистрированных на территории нашего государства преступлений, посягающих на исследуемый нами объект, за последние 8 лет увеличилось на 72%. Подобная, безусловно, отрицательная тенденция в динамике указанного вида посягательств, на наш взгляд, свидетельствует о наличии широкого круга проблем в предупредительной деятельности уполномоченных органов, направленной на профилактику, предотвращение и пресечение

противоправных деяний, посягающих на половую свободу и половую неприкосновенность малолетних и несовершеннолетних[1].

Проблема превентивного воздействия на данную категорию преступлений, повышенная общественная опасность которых очевидна, избрана для научного рассмотрения абсолютно не случайно. Прежде всего, следует отметить, что выявление и нейтрализация причин и условий сексуального насилия в отношении малолетних в нашем случае позволяет избежать крайне негативных последствий во многих сферах социальной реальности, начиная от безопасности жизни и здоровья ребенка и заканчивая вопросами нравственности и нормального развития современного общества. Именно профилактика исследуемой нами категории противоправных деяний дает возможность предупредить угрозу общественно-опасного посягательства, на стадии формирования механизма индивидуального преступного поведения и не допустить реализации ее деструктивного потенциала.

О важности устранения причин и условий, ведущих к криминализации общества, в одном из своих выступления высказался также президент Российской Федерации Владимир Владимирович Путин, отметив, что «именно на этапе профилактики можно эффективно противодействовать практически всем видам преступлений и, что особенно важно, оградить от втягивания в криминальное «болото» молодежь и людей, которые оказались в трудной жизненной ситуации». Трудно не согласиться с вышеуказанным мнением, ведь любую болезнь «в том числе и социально-правовую, легче предотвратить, чем излечить»[2].

Учитывая разнообразие компетенций и достаточно широкий спектр полномочий по осуществлению уголовно-процессуальной, оперативно-розыскной, административно-юридической и других видов деятельности по борьбе с противоправными деяниями и факторами способствующими их совершению, возложенными на сотрудников полиции Федеральным законом «О полиции» от 07.02.2011 № 3-ФЗ, а также Федеральным законом от 23.06.2016 года № 182-ФЗ «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации», мы можем утверждать, что основная роль в системе профилактики преступлений в Российской Федерации принадлежит именно органам внутренних дел. Не смотря на тот факт, что профилактическая деятельность ОВД осуществляется в большей мере на специально-

[1] В 2020 году было совершенно 15 822 преступления против половой неприкосновенности и половой свободы несовершеннолетних, что на 7,2 % больше, чем в 2019 году и на 79 % больше, чем в 2012 году // Доклад о деятельности Уполномоченного при Президенте Российской Федерации по правам ребенка в 2019 году / под ред. Р. Абдеева [Электронный ресурс]. URL: https://cdnimg.rg.ru/pril/article/189/23/87/DOKLAD_2019.pdf (Дата обращения 14.07.2021 г.)

[2] См.: Стенографический отчет о заседании Государственного совета «О первоочередных мерах по реализации государственной системы профилактики правонарушений и обеспечению общественной безопасности. [Электронный ресурс]. URL: https://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/24392 Дата_обращения 18.07.2021 г.).

криминологическом уровне, она также затрагивает и другие формы превентивного воздействия.

Учитывая специфику исследуемой нами категории противоправных деяний, для повышения эффективности мер, направленных на борьбу с сексуальным насилием в отношении малолетних и несовершеннолетних, на наш взгляд, особое внимание следует уделить индивидуальным, специально-криминологическим и виктимологическим мерам предупредительного воздействия. Ведь именно в этих видах профилактики посягательств на половую свободу и половую неприкосновенность детей мы можем заметить серьезные недостатки.

В частности, подтверждением вышесказанному могут послужить данные ГИАЦ МВД России о состоянии преступности в нашем государстве и результатах борьбы с ней за 2020 год. В указанным период на территории Российской Федерации было выявлено почти 3000 граждан, совершивших противоправные деяния, посягающее на половую свободу и половую неприкосновенность малолетних и несовершеннолетних. В большинстве своем это лица, ранее судимые за совершение уголовно-наказуемого деяния, т.е. действовавшие в состоянии рецидива. Более того, у 1360 человек (почти 50% от общего числа выявленных граждан) не была погашена судимость за предыдущее преступление. Поэтому многие из преступников находились или потенциально могли находиться под административным надзором.

Социологические исследования и статистические данные в первую очередь свидетельствуют о том, что в 52% случаев совершения исследуемых нами преступлений совершению сексуального насилия в отношении малолетних и несовершеннолетних способствовала неудовлетворительная работа участковых уполномоченных полиции на закрепленных за ними территории. Если останавливаться на этом факте подробно, то необходимо добавить, что в 16% была установлена неудовлетворительная работа с лицами, ранее отбывавшими наказание, не связанное с изоляцией от общества, более того – с лицами стоящими на профилактическом учете и асоциальными элементами. В качестве факторов, способствовавших совершению указанных преступлений, в 11% случаев являются слабая профилактическая работа с несовершеннолетними в образовательных организациях, а в 2% случаев – слабая организация патрульно-постовой службы полиции[1].

Анализ материалов уголовных дел о преступлениях против половой неприкосновенности и половой свободы, несовершеннолетних и малолетних позволяет сделать ряд важных выводов о детерминации совершаемых деяний. Протоколы допросов подозреваемых, свидетелей, потерпевших,

[1] См.: Ежегодный доклад «О деятельности уполномоченного при Президенте Российской Федерации по правам ребенка в 2020 году» [Электронный ресурс]. URL: https://deti.gov.ru/detigray/upload /documents/May2021 /gpGytqWUzgRM60W2NT9j.pdf (Дата обращения 29.06.2021 г.).

фото- и видеоматериалы, криминологические справки, статистические данные и др. приводят нас к выводу о том, что одной из основных проблем профилактики педофилии в современной России является само отношение к данному, безусловно отрицательному явлению, со стороны многих граждан и государственных органов.

Как показывает практика, в большинстве случаев сексуального насилия информация о произошедшем не выходит за рамки дома потерпевшей(-его), за пределы кабинета следователя, или зала суда, что приводит к криминально опасной неосведомленности граждан о существовании реальной и повседневной угрозы их детям. Дети без какого-либо опасения гуляют на закрытых от социального контроля территориях населенных пунктов и близлежащих лесных массивов, в том числе и в темное время суток, отвечают на флирт со стороны незнакомых взрослых субъектов. В современных условиях широкого доступа к информационно-коммуникационным технологиям подобное общение все чаще происходит вначале в сети интернет, где потенциальная жертва заинтересовывается чем-либо и склоняется к реальной встрече или продолжению более «раскрепощенного» виртуального взаимодействия.

Установлен факт практического отсутствия необходимой информативно-воспитательной работы как в семье, так и в воспитательных и образовательных учреждениях. Он установлен нами при анализе результатов проведенного социологического опроса граждан и действующих сотрудников органов внутренних дел, а также работников образовательных учреждений (педагогов и психологов). Мы пришли к выводу о том, что профилактические беседы, направленные на предупреждение насильственных преступлений сексуального характера, посягающих на половую свободу и половую неприкосновенность малолетних и несовершеннолетних, игнорируются зачастую по субъективным причинам, объясняемым такими обстоятельствами, как слабая осведомленность о своих правах, обязанностях и полномочиях; низкий профессионализм субъектов профилактического воздействия, наконец – элементарное нежелание и даже боязнь затрагивать указанные вопросы.

Сотрудники правоохранительных органов зачастую делегируют указанные выше мероприятия психологам, педагогам и родителям, последние же считают, что беседы подобного характера должны проводить непосредственно сотрудники полиции. Таким образом, подобного рода перекладывание обязанностей приводит к детерминирующему половую преступность незнанию. Указанная ранее превентивная форма воздействия реализуется уполномоченными органами лишь после совершенного посягательства на половую свободу и половую неприкосновенность малолетних и несовершеннолетних на территории подведомственной определенному должностному лицу.

«Убийство девятилетней Лизы Киселевой в Саратове всколыхнуло общественность. Снова развернулась дискуссия о том, как государство защищает детей от маньяков и педофилов»[1], «В октябре 2019 года после убийства 9-летней девочки была выдвинута идея создать общенациональный реестр педофилов»[2], «Детский омбудсмен предложила экстренные меры после трагедии в Рыбинске»[3] – все это заголовки статей в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет», свидетельствующие о том, что какая-либо работа, направленная на пресечение половых преступлений в отношении несовершеннолетних в России, активизируется лишь после совершенного резонансного преступления и, как правило, угасает по истечении определенного времени, до следующего громкого случая насилия.

Подводя итог изложенному, необходимо отметить, что место и роль сотрудников органов внутренних дел в профилактике педофильных преступлений, часто оценивается обществом весьма некорректно. Не будем отрицать, что подразделения полиции играют важную, но, по нашему мнению, переоцененную обывателями роль в системе предупреждения насильственной сексуальной преступности. В первую очередь, это связано с тем, что полиция – это всего лишь одно звено в длинной цепи субъектов профилактики противоправных деяний. Не смотря на многообразие возможных форм превентивного воздействия, ее полномочия, касающиеся в основном прикладных вопросов, не гарантируют достижения необходимого результата.

Кроме того, стоит обратить внимание и на тот факт, что в большинстве случаев деятельность органов внутренних дел, направленная на предупреждение сексуального насилия в отношении малолетних и несовершеннолетних, направлена в первую очередь не на выявление и профилактику, исследуемой нами категории противоправных деяний, а лишь на устранение наступивших последствий уже совершенного деяния (например, применение к лицам совершившим преступление мер правового воздействия), что, по нашему мнению, несомненно влияет на уровень сексуальной насильственной преступности, жертвами которой становятся дети в России. Сложившаяся ситуация объясняется, в том числе, низким уровнем кадрового

---

[1] См.: Информационный портал «Daily Storm». Государство не может казнить педофилов: как защитить детей? [Электронный ресурс]. URL:https://news.rambler.ru/other/43017678-gosudarstvo-ne-mozhet-kaznit-pedofilov-kak-zaschitit-detey/ (Дата обращения 22.08.2021 г.).

[2] См.: Игорь Серебряный. Законопроекты против педофилов не доходят до первого чтения. [Электронный ресурс]. URL:https://expert.ru/2020/11/6/pedofilyi/ (Дата обращения 22.08.2021 г.).

[3] См.: Информационный портал «Уралинформбюро». Детский омбудсмен предложил экстренные меры после трагедии в Рыбинске (от 17 сентября 2020 г.). [Электронный ресурс]. URL:https://news.rambler.ruu/crime/44860756-detskiy-ombudsmen-predlozhila-ekstrennye-mery-posle-tragedii -v-rybinske/ (Дата обращения 28.09.2021 г.).

потенциала сотрудников в плане обладания ими необходимыми знаниями, навыками и умениями. Сюда же можно причислить крайне широкий и часто не конкретизированный круг обязанностей, возлагаемых на имеющихся в штате сотрудников органов внутренних дел.

Учитывая масштабы распространения исследуемого нами вида преступности, эффективное предупреждение противоправных деяний, посягающих на половую свободу и половую неприкосновенность малолетних и несовершеннолетних, а также приведение системы профилактики исследуемой нами категории преступлений в соответствие сложившейся криминологической ситуации, возможны лишь при организации взаимодействия между всеми субъектами профилактики.

Систематизация усилий правоохранительных органов, структур власти и управления, общественных организаций и граждан, создание единой государственной программы профилактики насильственных преступлений сексуального характера в отношении малолетних и несовершеннолетних, вступление Российской Федерации в международные альянсы, ратификация конвенций, направленных на повышение эффективности механизмов превентивного воздействия, увеличение числа субъектов профилактики (специальных подразделений полиции, общественных и образовательных организаций (учреждений), медицинских работников, крупных компаний и т.д.) – вот далеко не полный перечень направлений совершенствования предупредительной работы. Необходим развернутый анализ и активное внедрение в отечественное законодательство эффективных профилактических мер, используемых иностранными государствами. По нашему мнению, все это в значительной степени позволит оптимизировать работу полиции и обеспечить реальную возможность достижения целей профилактики, установленных отечественным законодательством: защита личности, общества, государства от преступных посягательств, обеспечения сдерживания и сокращения преступности.

Копейко Тамара Гиевна,
адъюнкт кафедры уголовного права и криминологии
Краснодарского университета МВД России

Латентность мошенничества при получении выплат

Необходимым условием для обеспечения эффективной деятельности по противодействию преступности является понимание ее фактических, действительных масштабов. Рассматривая количественные и качественные характеристики любого вида преступлений, необходимо учитывать, что уголовно-правовая статистика, в силу объективных причин, не отражает действительного состояния преступности, поскольку существует латентная

(скрытая) преступность. При этом, как указывал еще А.Ж. Кетле, неучтенные преступления («темная цифра» преступности) превышают количество тех, которые отражены в статистических учетах[1].

В криминологии в качестве факторов существования латентной преступности принято рассматривать совокупность обстоятельств исторического, социального, социально-психологического, правового, организационного, кадрового, материального, технического и иного характера, препятствующих выявлению, регистрации и учету преступлений, а также их раскрытию[2].

Преступления экономической направленности являются одним из наиболее латентных видов преступности. Как утверждают специалисты, показатель уровня латентности экономических преступлений составляет 90%[3]. Высокий уровень латентности характерен и для мошенничества в целом, и для отдельных его видов[4].

Основным фактором высокого уровня латентности мошенничества при получении выплат является то, что характерной его чертой является отсутствие потерпевшего. При совершении данного преступления осуществляется посягательство не только на собственность, но и на особую сферу общественных отношений – социальное обеспечение, в результате чего вред

---

[1] Социальная физика, или Опыт исследования о развитии человеческих способностей / А.Ж. Кетле; Под ред. [и с предисл.] А. Русова. Т. 1-2. Киев, 1911-1913. С. 262.

[2] Криминология. Общая часть: учебник: / под ред. В.В. Орехова. СПб.: Изд-во С. Петербург. ун-та, 1992. С. 137-141; Криминология: учеб. для юрид. вузов / под ред. В.Н. Бурлакова, В.П. Сальникова. СПб.: Санкт-Петербургская академия МВД России, 1998. С. 97; Квашис В.Е. Сравнительный анализ латентной преступности в России и зарубежных странах: проблемы и перспективы // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2016. № 5 (60). С. 89-93.

[3] Бертовский Л.В. Проблемы теории и практики выявления и расследования преступного нарушения правил экономической деятельности: дис. … д-ра юрид. наук. М, 2006. С. 5.

[4] Астафьев К.В. К вопросу о причинах высокой латентности мошенничества // Социально-экономические и технические системы: исследование, проектирование, оптимизация. 2006 № 10. С. 4; Денисов С.Л., Васенин А.Ю. Латентность страхового мошенничества в России // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2015. № 7. С. 96-98; Черняков С.А. Латентность мошенничеств, совершаемых с использованием банковских гарантий // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2016. № 1 (23). С. 97-102; Карамышева М.С. Некоторые проблемы латентности неправомерного доступа и мошенничества, совершаемых посредством социальных сетей // Современные научные исследования и разработки. 2016. № 7 (7). С. 382-384; Рожкова Ю.И. Проблемные стороны корреляции увеличения размера материнского капитала, усовершенствования преступных схем и латентности мошенничества как вида преступления в сфере незаконного получения и реализации материнского капитала // Пробелы в российском законодательстве. 2020. № 2. С. 219-223.

причиняется как собственнику похищаемого имущества (государству, муниципальному образованию и пр.), так и малообеспеченным гражданам, нуждающимся в данных выплатах, а значит, и всему обществу в целом[1].

Также фактором латентности мошенничества при получении выплат является специфическая сфера – сфера социального обеспечения и способы совершения преступления.

Как отмечает А.А. Южин, «характерными признаками правового регулирования получения выплат является наличие строго императивных правил, касающихся порядка, условий и оснований их выдачи. Следовательно, не предполагается каких-либо отхождений от правил, поскольку речь идет о расходовании части ВВП государства. Для получения конкретных выплат нередко требуется наличие документов, подтверждающих определенные обстоятельства, относящиеся к конкретной личности»[2]. Указанное, в свою очередь обуславливает использование различных, в том числе сложных и высокотехнологичных способов совершения преступления. Соответственно, выявление и расследование таких преступлений вызывает определенные трудности.

Детерминирует латентность мошенничества при получении выплат совершение его лицами, использующими свое служебное положение, поскольку данные лица применяют в преступных целях специфические знания, умения и навыки, возможности по службе, а также различные технические возможности, как в целях совершения преступления, так и сокрытия преступной деятельности.

Так, например, в качестве отдельной специфической группы преступников, совершающих мошенничество с материнским капиталом, специалисты выделяют лиц, осуществляющих свою преступную деятельность под видом или в связи с выполнением своих непосредственных профессиональных обязанностей, в частности, имеющие в связи со своими должностными обязанностями или родом деятельности отношение к оформлению документов на получение материнского сертификата. «Преступная деятельность данных лиц носит групповой характер и представляет собой сложные и тщательно спланированные схемы, направленные на приискание лица, которое законно обладает или якобы обладает правом на получение материнского капитала и последующее его обналичивание»[3].

---

[1] Митрофанов Т.И. Уголовно-правовая характеристика мошенничества при получении выплат (ст. 159.2 УК РФ): дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08. Омск, 2016. С. 8, 10.

[2] Южин А.А. Мошенничество и его виды в российском уголовном праве: диссертация ... кандидата юридических наук: 12.00.08. Москва, 2016. С. 149.

[3] Шишмарева Е.В., Антонов В.А. Личность преступника, совершившего мошенничество с материнским капиталом, как элемент криминалистической характеристики преступления // Криминалистика: вчера, сегодня, завтра: сб. науч. тр. Вып. 6. Иркутск: ФГКОУ ВПО ВСИ МВД России, 2015. С. 239.

Наибольшие сложности в выявлении и расследовании представляет собой мошенническая деятельность преступников-профессионалов, нередко лежащая в основе организованных форм мошенничества при получении выплат. Как отмечают исследователи, «именно криминальный профессионализм играет значительную роль в механизме организованного типа мошенничества при получении выплат»[1]. Выявлять преступную деятельность профессиональных преступников, имеющих опыт длительной преступной деятельности и ее сокрытия, весьма проблематично.

Таким образом, для мошенничества при получении выплат наиболее характерен такой вид латентности, как естественная латентность, подразумевающая наличие массива фактически совершенных преступлений, о которых ни правоохранительным органам, ни соответствующим должностным лицам, ни, прежде всего, гражданам ничего не известно.

Искусственная латентность преступности является одним из наиболее масштабных и опасных по своей природе ее разновидностей, что определяет ее значимую роль в установлении реальных масштабов и состояния преступности[2].

Что касается искусственной латентности мошенничества при получении выплат, т.е. случаев, когда преступления не попадают в статистические учеты в силу того, что граждане или должностные лица, которым известно о факте совершения преступления, не сообщают об этом в правоохранительные и иные компетентные органы, то данный вид латентности наименее характерен для исследуемого преступления.

Несообщение гражданами об известных им фактах мошенничества при получении выплат может быть обусловлено рядом причин, среди которых следует выделить такие, как: безразличное отношение по принципу «моя хата с края», обусловленное правовым нигилизмом; опасение мести со стороны преступника; ложно понимаемая солидарность с «малоимущими» и «нуждающимися»; ложно понимаемая солидарность в деле «забрать у государства свое» и пр.

Укрывательство фактов мошенничества при получении выплат со стороны должностных лиц может быть обусловлено, прежде всего, опасением понести ответственность за те или иные упущения в работе, которые тем или иным образом могли способствовать совершению преступления

---

[1] Чумаков А.В. Особенности методики расследования мошенничества при получении выплат: диссертация ... кандидата юридических наук: 12.00.12. Барнаул, 2018. С. 90.

[2] Гриб В.В. Социально-криминологическая природа искусственно латентной преступности современной России и факторы, ее детерминирующие // Юридический мир. 2013. № 6. С. 21-24; Евланова О.А., Коимшиди Г.В. Оценка искусственной части латентной преступности в Российской Федерации (Некоторые результаты исследования) // Вестник Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации. 2015. № 1 (45). С. 56-62.

(недостатки или упущения в работе в сфере документооборота, учета и хранения персональных данных, контроля за движением материальных ценностей и пр.).

По данным исследования А.В. Чумакова, большинство сотрудников правоохранительных органов, занимающихся раскрытием и расследованием мошенничества при получении выплат (56%), в качестве основной проблемы организации проверки сообщений о мошенничестве при получении выплат и основного фактора латентности и низкой раскрываемости данного преступления указывают именно на несвоевременное сообщение о преступлении, что приводит к утрате вещественных доказательств[1].

На наш взгляд, данный фактор действительно является одним из ключевых при рассмотрении проблем раскрытия и расследования данных преступлений. Относительно проблемы латентности, если имело место сообщение о преступлении, пусть и несвоевременное, то в данном случае следует говорить не об искусственной латентности, а об ее пограничной (смежной) между естественной и искусственной разновидности. Искусственная латентность мошенничества при получении выплат может иметь место при несвоевременном сообщении в компетентные органы лишь в том случае, если уполномоченные должностные лица, осознавая обусловленные данной несвоевременностью трудности собирания доказательственной базы и иные проблемы, с точки зрения судебной перспективы, умышленно «игнорируют» ставший им известным факт совершения преступления.

Наиболее характерной, наряду с естественной латентностью, для мошенничества при получении выплат является, так называемая, пограничная (смежная) между естественной и искусственной латентность, подразумевающая неучтенность преступлений в силу того, что лица, выявившие факт совершения преступления, в силу различных причин (как правило, неправильной правовой оценки) не сообщают о них в компетентные органы как о совершенном преступлении.

В целом существование пограничной (смежной) между естественной и искусственной латентности детерминировано ситуациями двух типов:

1) лица, выявившие преступление, не обладают достаточной компетентностью для оценки выявленного факта как преступления (должностные лица и специалисты органов исполнительной власти, учреждений или организаций, уполномоченных принимать решения о получении выплат и пр.);

2) лица, выявившие факт совершения преступления формально обладают достаточной компетентностью для правовой оценки совершенного, но в силу: а) объективных трудностей (недостаточность информации или ее неоднозначность, отсутствие технической возможности выявления факта преступной деятельности и т.п.) и б) субъективных причин (низкий уровень

[1] Чумаков А.В. Особенности методики расследования мошенничества при получении выплат: диссертация ... кандидата юридических наук: 12.00.12. Барнаул, 2018. С. 230.

профессиональной подготовки, ненадлежащее отношение к выполнению профессиональных обязанностей и пр.) не дают правильную правовую оценку совершенного деяния (не усматривают в содеянном состава преступления, квалифицируют содеянное как иное преступление либо как административное правонарушение и пр.).

Объективные трудности квалификации и расследования мошенничества при получении выплат могут быть обусловлены несовершенством законодательства, в том числе уголовного.

Как отмечает А.А. Южин, число ошибок в практике судебного производства не снизилось, а наоборот лишь прибавилось. В частности это связано с тем, что ч. 3 ст. 159.2 УК РФ является конкурирующий по отношению к ст. 285.1 УК РФ и ст. 285.2 УК РФ в тех случаях, когда должностное лицо, являющееся получателем бюджетных средств из государственных или государственных внебюджетных фондов, расходует их не на цели, связанные с условиями их предоставления, а по своему усмотрению[1].

Нередко недостатки и ошибки в квалификации и расследовании преступлений обуславливают дефицит профессиональных кадров, ненадлежащая профессиональная подготовка сотрудников правоохранительных органов либо ненадлежащее материально-техническое обеспечение их деятельности[2].

Основным фактором пограничной (смежной) между естественной и искусственной латентности мошенничества при получении выплат являются, на наш взгляд, именно субъективные причины неправильной оценки совершенного деяния компетентными лицами, прежде всего, сотрудниками органов внутренних дел.

Указанное в полной мере касается как следователей (дознавателей), которые непосредственно расследуют мошенничество при получении выплат и в силу отсутствия соответствующих знаний и достаточного опыта, сталкиваются с проблемами выявления и квалификации данных преступлений, допускают ошибки, отказывают в возбуждении уголовного дела по данному составу преступления под предлогом его отсутствия, квалифицируют содеянное как «простое» мошенничество или иной смежный состав преступления, так и сотрудников оперативных подразделений, участвующих в расследовании данных преступлений, которые, кроме того, что имеют профессиональные «трудности» в выявлении и раскрытии мошенничества при получении выплат, сталкиваются также с пассивностью или ошибками следователей (дознавателей), проблемой неверия в судебную перспективу дел данной категории и пр.

---

[1] Южин А.А. Мошенничество и его виды в российском уголовном праве: диссертация ... кандидата юридических наук: 12.00.08. Москва, 2016. С. 152.

[2] Предупреждение преступлений и административных правонарушений органами внутренних дел: учебник / под ред. В.Я. Кикотя, С.Я. Лебедева. 3-е изд., перераб. и доп. М., 2017. С. 240-241.

Примечательно, что практические сотрудники (следователи и оперативные сотрудники) правоохранительных органов, осуществляющие раскрытие и расследование мошенничества при получении выплат, указывают на такие типичные нарушения и ошибки допускаемые следователями (дознавателями) при расследовании данного преступления, как: 1) необоснованное возбуждение уголовного дела (34%); 2) ошибки в квалификации деяния (45%); 3) несоответствие данных в различных процессуальных документах (65%); 4) ошибки в реализации тактических приёмов на различных этапах расследования (45%) и прочие[1].

Таким образом, для мошенничества при получении выплат характерна преимущественно естественная латентность. Кроме того, для данного вида характерны и такие виды латентности, как пограничная (смежная) и искусственная латентность.

Котова Арина Александровна,
адъюнкт Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя

К вопросу об исторической обусловленности уголовной ответственности за незаконный оборот драгоценных металлов, драгоценных и полудрагоценных камней

Российская Федерация – богатейшая страна мира, одним из доказательств данного факта является наличие на территории страны крупных месторождений драгоценных металлов и камней, а также лидирующие позиции по их добыче. По оценкам компании Ernst Young и российского Союза золотопромышленников, объем запасов золота на территории России на 2018 год составил 5,3 тысяч тонн, что позволило нашей стране войти в тройку мировых лидеров по запасу и добыче данного драгоценного металла (после Австралии и ЮАР)[2]. Крупнейшим в мире производителем алмазов является российская компания «АЛРОСА» − «на ее долю приходится 26% мировой и около 90% российской добычи алмазов»[3].

---

[1] Чумаков А.В. Особенности методики расследования мошенничества при получении выплат: диссертация ... кандидата юридических наук: 12.00.12. Барнаул, 2018. С. 237-248.

[2] Обзор золотодобывающей отрасли в России по итогам 2018 года [Электронный ресурс] // Официальный сайт «Союз золотопромышленников России» URL: http://goldminingunion.ru (дата обращения: 03.09.2021 г.)

[3] «АЛРОСА» Официальный сайт [Электронный ресурс] // URL: http://www.alrosa.ru/производство/ключевые-факты-о-компании/ (дата обращения: 03.09.2021 г.)

Значимость драгоценных металлов и камней для экономики государства не подвергается сомнению. А.Г. Иванов отмечает: «Веками золото и серебро являются мировым деньгами, составляя основу финансовых отношений между государствами и отдельными лицами»[1]. На наш взгляд, указанные особенности драгоценных металлов и камней определили установление особого правового режима в отношении их оборота и обусловили уголовно-правовую охрану рассматриваемых ценностей.

Большое значение для решения вопроса об установлении уголовной ответственности за то или иное деяние имеет история развития законодательства. Сфера оборота драгоценных металлов и камней не является здесь исключением. На это указывается, в частности, в работах Тумалевича Г.С., Ивановой А.Н., Степанова Р.О., Иванова Г.С., Никоновича С.Л. и других ученых. Опираясь на имеющиеся научные труды, можно отметить, что активные поиск и разработка месторождений драгоценных металлов и камней в российском государстве начинаются в XVII-XVIII веках, до указанного времени рассматриваемые ценности преимущественно привозились из-за рубежа, связи с чем существовала необходимость контроля их качества[2].

Так, принятое в 1649 году Соборное Уложение содержало норму (глава V), устанавливающую «битье кнутом» или смертную казнь денежным мастерам, которые «в серебро учнут прибавливати медь или олово или свинец, и тем государеве казне учнут чинити убыль»[3]. Данная норма учитывала особую характеристику серебра, как материала, используемого для изготовления денег, поэтому она была направлена на установление контроля за качеством драгоценных металлов, но не охватывала охрану их оборота.

Уголовная ответственность за различные деяния, составляющие незаконный оборот золота, серебра или платины была установлена Уложением о наказаниях уголовных и исправительных (1845 г.) – первым российским уголовным кодексом. Так, в соответствии с разделом 7 главы 4 «О преступлениях и проступках против имущества и доходов казны» данного кодифицированного акта уголовно-наказуемыми признавались: самовольная добыча с чужой земли золота, серебра или платины (ст. 591), сокрытие от государства добытого на отведенных по свидетельству землях золота, серебра, платины (ст. 593), перестановка и повреждение разведочных знаков

---

[1] Иванов А.Г. Преступления в сфере оборота драгоценных металлов и камней: монография / под ред. д-ра юрид. наук, проф. В.В. Кулыгина; РПА Минюста России, Дальневосточный (г. Хабаровск) филиал. М.; Хабаровск: РПА Минюста России, 2011. С. 6.

[2] Никонович С.Л. Незаконный оборот драгоценных металлов и камней. Теория и практика расследования: монография: научная специальность 12.00.09 «Уголовный процесс, криминалистика; оперативно-розыскная деятельность». М.: ЮНИТИ: Закон и право, 2012. С. 6.

[3] Соборное уложение 1649 года. [Электронный ресурс] // URL: http://www.hist.msu.ru/ER/Etext/1649/whole.htm#5 (дата обращения: 15.04.2021 г.).

(ст. 591.1-591.2), неправильное ведение документации, а именно записей в горнопромышленных книгах, записей сделок (ст. 598-598.2), сокрытие и обращение в свою пользу найденных случайно самородков золота, серебра и платины (ст. 607), незаконная покупка и продажа золота, серебра, платины и драгоценных камней (ст. 610, 612), незаконный вывод их за границу (ст. 612), хранение «сырой платины» и совершение сделок с ней без установленного свидетельства (ст. 612.1). В качестве основных видов наказания за указанные преступления можно отметить тюремное заключение сроком от нескольких месяцев до нескольких лет, конфискацию предмета преступного посягательства (драгоценных металлов), денежное взыскание, а также лишение особенных прав (права на поиск месторождений, на добычу драгоценных металлов и т.п.)[1].

В 1903 году на смену Уложению о наказаниях уголовных и исправительных пришло новое Уголовное Уложение, которое содержало 7 статей, посвященных незаконному обороту драгоценных металлов и изделий из них (статьи 348-355). Согласно данному кодифицированному акту, ответственность наступала за хранение и продажу драгоценных металлов, а также изделий из них, совершаемых в нарушение требований законодательства, производство разведочных работ по отысканию золота, а также за незаконную продажу, покупку и вывоз за границу шлихового и самородного золота и т.п[2].

Новый этап развития российского законодательства начинается после октябрьской революции 1917 года. Значительные изменения экономического и социального строя требовали принятия нового уголовного закона. К марту 1918 года специальная Комиссия подготовила проект Советского уголовного уложения[3]. Однако, Чучаев А.И. указывает, что в настоящее время достоверно не установлено, применялось ли данное Уложение, а также вступило ли оно в законную силу[4]. Следует отметить, что специальные нормы, устанавливающие ответственность за нарушения в сфере незаконного оборота драгоценных металлов и камней, в данном правовом акте отсутство-

[1] Уложение о наказаниях уголовных и исправительных. Издание 1885 года, со включением статей по Продолжениям 1912, 1913 и 1914 годов // Россия. Законы и постановления. Свод законов Российской империи, повелением государя императора Николая Первого составленный. Издание 1916 года- 1916. С. 153-157.

[2] Новое уголовное уложение, выс. утв. 22 марта 1903 г.: С прил. предм. алф. указ. Неофиц. изд. Санкт-Петербург: кн. маг. В.П. Анисимова, 1903. С. 118-120.

[3] Грачева Ю.В., Маликов С.В., Чучаев А.И. Советское уголовное уложение (научный комментарий, текст, сравнительные таблицы) / под общей редакцией доктора юридических наук, профессора А.И. Чучаева. М. , 2015. С. 10.

[4] Чучаев А.И. Советское уголовное уложение (общая характеристика) // LEX RUSSICA (Научные труды МГЮА), № 5. 2012. С. 833.

вали. Это подтверждается, в частности, сравнительным анализом норм Уголовного уложения 1903 года и Советского уголовного уложения 1918 года, проведенным Грачевой Ю.В., Маликовым С.В., Чучаевым А.И. [1]

При этом в рассматриваемый период регулирование отношений в области оборота драгоценных металлов и камней осуществлялось многочисленными Декретами и Постановлениями СНК РСФСР, устанавливающими порядок их добычи и оборота, а также предусматривающими ответственность за нарушения установленных правил. В целом, 1917-1922 годы характеризуются учеными, как период ужесточения законодательства об ответственности за незаконный оборот драгоценных металлов и камней[2], установления политики, направленной на конфискацию и изъятие золота у граждан и организаций[3], а равно период «абсолютной государственной монополии на данные ценности»[4].

Так, в указанные годы государством были предприняты следующие меры по контролю за качеством рассматриваемых ценностей, а также их добычей и обращением:

– осуществлена передача земель (недр и находящихся в них полезных ископаемых) в собственность государства[5];

– установлена казенная монополия торговли золотом и платиной, гражданам и организациям вменена обязанность передачи всего имеющегося у них золота государству, а также запрещен ввоз золота и платины из других стран (с установлением ответственности за невыполнение данных положений, влекущей наказание до 1 года тюрьмы и конфискации всего имущества)[6];

---

[1] Грачева Ю.В., Маликов С.В., Чучаев А.И. Советское уголовное уложение (научный комментарий, текст, сравнительные таблицы) / под общей редакцией доктора юридических наук, профессора А. И. Чучаева. М. , 2015. С. 10.

[2]Иванов А.Г. Преступления в сфере оборота драгоценных металлов и камней: монография / под ред. д-ра юрид. наук, проф. В.В. Кулыгина; РПА Минюста России, Дальневосточный (г. Хабаровск) филиал. М.; Хабаровск: РПА Минюста России, 2011. С. 8.

[3] Сапоговская Л.В. Золото в политике России (1917-1921 годы) // Вопросы истории. 2004. № 6. С 31-47.

[4] Степанов Р.О. Уголовная ответственность за незаконный оборот драгоценных металлов, природных драгоценных камней или жемчуга: дис. … к.ю.н.: 12.00.08. М., 2006. С. 17.

[5] Декрет 26 октября 1917 года «О земле» [Электронный ресурс] // URL: http://музейреформ.рф/node/13720 (дата обращения: 20.07.2021 г.)

[6] Постановление ВСНХ от 12 января 1918 года «Об утверждении секции благородных металлов ВСНХ и об установлении казенной монополии торговли золотом и платиной» // СПС «Консультант Плюс» (дата обращения: 16.04.2021 г.)

– установлена ответственность за незаконный сбыт, скупку или хранение драгоценных металлов в сыром виде, слитках или монетах, влекущая наказание до 10 лет тюремного заключения с конфискацией имущества[1];

– национализированы крупнейшие предприятия горной, металлургической и металлообрабатывающей промышленности[2];

– установлен учет добываемых золота и платины с направлением учтенных драгоценностей в Государственное хранилище ценностей[3] и др.

Таким образом, к 1921 году свободный частный оборот драгоценных металлов и камней был запрещен. В рассмотренный период государство нуждалось в увеличении бюджета, поэтому стремилось ограничить оборот обозначенных ценностей, устанавливая за нарушения в данной области строгую ответственность.

Вместе с тем, как отмечает Р.О. Степанов, в 1921 году происходит «смещение вектора регулирования экономических отношений, в том числе сферы оборота драгоценных металлов и камней, с полного государственного контроля к частной инициативе»[4]. Действительно, с 1921 года начинается процесс постепенного ослабления контроля государства над обращением драгоценных металлов. Декрет СНК РСФСР от 04.04.1922 «Об обращении золота, серебра, платины, драгоценных камней и иностранной валюты» допускает свободное распоряжение драгоценными металлами[5]. А вступивший в силу в 1 июня 1922 года Уголовный кодекс РСФСР вовсе не предусматривает специальной нормы об ответственности в сфере незаконного оборота драгоценных металлов. Здесь можно отметить, однако, уста-

---

[1] Декрет СНК РСФСР от 22.07.1918 «О спекуляции» // СПС «Консультант Плюс» (дата обращения: 16.04.2021 г.)

[2] Декрет СНК РСФСР от 28 июня 1918 года «О национализации крупнейших предприятий по горной, металлургической и металлообрабатывающей, текстильной, электротехнической, лесопильной и деревообделочной, табачной, стекольной и керамической, кожевенной, цементной и прочим отраслям промышленности, паровых мельниц, предприятий по местному благоустройству и предприятий в области железнодорожного транспорта» [Электронный ресурс] // Информационно-справочная система «Технорма.ru» URL: http://tehnorma.ru/doc_ussrperiod/textussr/ussr_311.htm (дата обращения: 20.07.2021 г.)

[3] Декрет СНК РСФСР от 17 октября 1921 года «О порядке реквизиции и конфискации имущества частных лиц и обществ» // Собрание узаконений и распоряжений правительства за 1921 г. Управление делами Совнаркома СССР М. 1944, стр. 61-68.

[4] Степанов Р.О. Уголовная ответственность за незаконный оборот драгоценных металлов, природных драгоценных камней или жемчуга: дис. … к.ю.н.: 12.00.08. М., 2006. С. 17.

[5] Декрет СНК РСФСР от 04.04.1922 «Об обращении золота, серебра, платины, драгоценных камней и иностранной валюты» // СПС «Консультант Плюс» (дата обращения: 16.04.2021 г.)

новление ответственности за «выборку камней… без разрешения подлежащих властей» и разработку недр (ст. 99)[1]. Кроме того, 10 июля 1923 года Постановлением ВЦИК изменяется диспозиция статьи 138 УК РСФСР. Новая редакция нормы предусматривает ответственность за нарушения правил о проведении валютных операций[2]. Согласно Декрету ВЦИК, СНК РСФСР от 15.02.1923 «О валютных операциях», драгоценные металлы были отнесены к валютным ценностям (при этом драгоценные камни таковыми не признавались)[3]. В связи с обозначенными законодательными изменениями, дальнейшее регулирование оборота драгоценных металлов осуществлялось в рамках валютного законодательства.

Следует отметить, что дифференциация уголовной ответственности, согласно новой редакции статьи 138 УК РСФСР, производилась по признаку субъекта: нарушения при проведении валютных операций, совершенные должностным лицом приравнивались к «злоупотреблению властью» (ст. 105) и карались лишением свободы до 1 года, в то время как нарушение при проведении валютных операций, совершенные частным лицом, наказывались штрафом. Лишение свободы предусматривалось и для лиц, занимающихся данными преступными действиями в виде промысла[4].

Уголовный кодекс РСФСР 1926 года содержал аналогичную уголовно-правовую норму, а именно статью 59.12 «Нарушение правил о валютных операциях». Кроме того, данным нормативно-правовым актом предусматривалась ответственность за «Хранение в торговом заведении неклейменных изделий из золота, серебра и платины, и сбыт таковых» (ст. 106), а также за посягательства на общественные отношения в сфере клеймения изделий из драгоценных металлов (ст. 172)[5]. В рассматриваемый период изде-

[1] Постановление ВЦИК от 01.06.1922 «О введении в действие Уголовного Кодекса Р.С.Ф.С.Р.» (вместе с «Уголовным Кодексом Р.С.Ф.С.Р.») // СПС «Консультант Плюс» (дата обращения: 16.04.2021 г.)

[2] Постановление ВЦИК от 10.07.1923 г. «Об изменениях и дополнениях Уголовного кодекса РСФСР» // СПС «Консультант Плюс» (дата обращения: 16.04.2021 г.)

[3] Декрет ВЦИК, СНК РСФСР от 15.02.1923 «О валютных операциях» // СПС «Консультант Плюс» (дата обращения: 16.04.2021 г.)

[4] Постановление ВЦИК от 01.06.1922 (ред. от 25.08.1924) «О введении в действие Уголовного Кодекса Р.С.Ф.С.Р.» (вместе с «Уголовным Кодексом Р.С.Ф.С.Р.») // СПС «Консультант Плюс» (дата обращения: 16.04.2021 г.)

[5] Постановление ВЦИК от 22.11.1926 «О введении в действие Уголовного Кодекса Р.С.Ф.С.Р. редакции 1926 года» (вместе с «Уголовным Кодексом Р.С.Ф.С.Р.») // СПС «Консультант Плюс» (дата обращения: 16.04.2021 г.)

лия из драгоценных металлов находились в относительно свободном обороте (их обращение допускалось с соблюдением требований о клеймении). К обороту «сырого» золота предъявлялись при этом строгие требования[1].

Уголовный кодекс РСФСР 1960 года, как и предшествующие ему уголовные законы, предусматривал ответственность за нарушение правил о валютных операциях (ст. 88). Другая норма, касающаяся оборота драгоценных металлов и камней – статья 167, которая устанавливала запрет на «нарушение правил разработки недр и сдачи государству золота». В качестве квалифицирующего признака данная норма предусматривала причинение крупного ущерба государству[2].

Следует отметить, что статья 88 УК РСФСР 1960 года сохраняла свое действие до 1994 года. Федеральным законом от 01.07.1994 № 10-ФЗ она была исключена, вместе с тем, в уголовный закон была введена статья 162.7 «Незаконные сделки с валютными ценностями»[3]. Под сделкой понимались следующие действия: купля-продажа, обмен, использование в качестве средства платежа, незаконное хранение, перевозка или пересылка ценностей. Статья 162.7 УК РСФСР 1960 года в части второй предусматривала ряд альтернативных квалифицирующих признаков: повторность совершения данного преступления, совершение деяния должностным лицом или группой лиц по предварительному сговору, совершение незаконной сделки в крупном размере[4].

Несмотря на указание в названии статьи термина «валютные ценности», в диспозиции такая формулировка отсутствовала, вместо этого законодатель прямо перечислил предметы преступления: «драгоценные камни или драгоценные металлы в любом виде и состоянии за исключением ювелирных и бытовых изделий и лома из таких изделий». В 2003 году драгоценные металлы и камни вовсе перестали относиться к валютным ценностям[5].

Уголовный кодекс РСФСР 1960 года во многом явился основой для принятия действующего в настоящее время Уголовного кодекса РФ. Так, в

---

[1] Постановление ЦИК И СНК СССР от 8 мая 1929 года «О золотой и платиновой промышленности и о хранении и обращении золота и платины» // СПС «Консультант Плюс» (дата обращения: 16.04.2021 г.)

[2] Уголовный кодекс РСФСР (утв. ВС РСФСР 27.10.1960) // СПС «Консультант Плюс» (дата обращения: 27.08.2021 г.)

[3] Федеральный закон «О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс РСФСР и Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР» от 01.07.1994 № 10-ФЗ // СПС «Консультант Плюс» (дата обращения: 27.08.2021 г.)

[4] То же.

[5] Федеральный закон от 10.12.2003 № 173-ФЗ (ред. от 02.07.2021) «О валютном регулировании и валютном контроле» (с изм. и доп., вступ. в силу с 22.08.2021) // СПС «Консультант Плюс» (дата обращения: 31.08.2021 г.)

УК РФ 1996 года был включен ряд норм, относящихся к сфере охраны драгоценных металлов и камней: статья 191 «Незаконный оборот драгоценных металлов, природных драгоценных камней либо жемчуга», статья 192 «Нарушение правил сдачи государству драгоценных металлов и драгоценных камней».

С момента принятия действующего Уголовного кодекса РФ в указанные нормы были неоднократно внесены изменения и дополнения. Наиболее существенными из них стали изменения, вступившие в силу 27 декабря 2019 года. Так, был расширен предмет преступления, предусмотренного статьей 191 УК РФ, за счет включения в него заведомо самовольно добытых янтаря, нефрита и иных полудрагоценных камней. В указанную норму был введен также состав с административной преюдицией (часть 1 статьи 191 УК РФ).

Кроме того, были внесены дополнения в статью 255 УК РФ – «Нарушение правил охраны и использования недр». А именно были криминализированы самовольная добыча янтаря, нефрита и иных полудрагоценных камней, в том числе лицом, подвергнутым за аналогичное деяние к административной ответственности (части 2 и 3 статьи 255 УК РФ)[1]. Данное дополнение закона позволяет отнести в сферу уголовно-правовой охраны драгоценных металлов, драгоценных и полудрагоценных камней, помимо статей 191 и 192, статью 255 УК РФ.

Таким образом, уголовно-правовая охрана драгоценных металлов, драгоценных и полудрагоценных камней является исторически обусловленной. На протяжении многих веков государством осознавалась значимость охраны указанных ценностей, как предметов, имеющих особое значение для его экономики. При этом направления борьбы с их незаконным оборотом несколько менялись.

В настоящее время продолжается изменение уголовного законодательства в рассматриваемой сфере, что обусловлено неточностями в законодательной регламентации обозначенных норм и, как следствие, ошибками в квалификации. В связи с этим, на основе анализа истории уголовного законодательства в сфере незаконного оборота драгоценных металлов и камней необходимо дальнейшее совершенствование УК РФ.

[1] Федеральный закон от 27.12.2019 № 500-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» // СПС «Консультант Плюс» (дата обращения: 31.08.2021 г.)

Кротова Людмила Евгеньевна,
преподаватель кафедры криминалистики
Московского университета МВД России
имени В.Я. Кикотя;
Мозговая Дина Александровна,
кандидат юридических наук,
доцент кафедры криминалистики
Московского университета МВД России
имени В.Я. Кикотя

Некоторые аспекты преодоления противодействия расследованию преступлений

Анализ следственной практики свидетельствует о том, что расследование преступлений во многих случаях происходит в обстановке противодействия со стороны заинтересованных лиц.

На протяжении последних лет поиск средств и способов преодоления такого противодействия является весьма актуальным среди ученых криминалистов. Этим объясняется выбор авторами темы данной публикации.

Рассматривая разные способы противодействия, осуществляемые подозреваемыми, обвиняемыми, свидетелями и потерпевшими, хотелось бы остановиться на некоторых из них, наиболее часто встречаемых, выражающихся в утаивании или уничтожении информации, фальсификации доказательств, либо их маскировке.

Преодолеть такое противодействие следователь может единственным доступным для него способом – проведением следственных действий. Главными принципами при этом являются: максимальная полнота и всесторонность, законность и объективность. По мнению А.Н. Петровой, проводившей исследования в этой области, «качество предварительного следствия зависит от того, насколько полно и глубоко следователь владеет мастерством расследования преступлений и изобличением преступников, насколько он готов к проявлению инициативы, преодолевать встречающиеся на пути к установлению истины трудности[1]».

Любое противодействие легче предотвратить, чем потом преодолевать. Приступая к проведению следственного действия следователю необходимо уметь прогнозировать возможное поведение его участников, заранее выбирая нужную тактику, не давать им возможности солгать или фальсифицировать доказательства.

---

[1] Петрова А.Н. Противодействие расследованию, криминалистические и иные меры его преодоления: автореф. дисс. … канд. юрид. наук. Волгоград. 2000. С. 4.

Во многих случаях на первоначальном этапе расследования уголовного дела, пользуясь фактором внезапности, следователю удается получить от лиц, имеющих отношение к совершенному преступлению, необходимую доказательственную информацию, однако впоследствии они меняют свои показания под надуманными предлогами. В большей степени этому способствует некачественная, недостаточно полная фиксации полученных доказательств, что дает возможность заинтересованным лицам придумывать различные версии.

Наиболее важным и значимым следственным действием с точки зрения сбора доказательств, является осмотр места происшествия. От его результатов во многом зависит весь ход дальнейшего расследования, а зачастую и «судьба» уголовного дела. В процессе осмотра следователь имеет дело с огромным разнообразием следов преступлений по их природе и механизму образования, здесь необходимо обладать не только навыками обнаружения, фиксации, предварительного исследования каждого в отдельности взятого следа, но и анализа всей совокупности следов в их взаимосвязи. Именно здесь следователь имеет возможность выявить «негативные обстоятельства», т.е. противоречащие представлению об обычном ходе вещей в данной ситуации. Известно, что наличие «негативных обстоятельств» зачастую свидетельствует об инсценировке преступления и отдельных его элементов. Поэтому выявление таких фактов является одним из способов предотвращения противодействия расследованию.

Сложность осмотра места происшествия заключается еще и в том, что он чаще всего проводится на первоначальном этапе расследования, когда нет других доказательств и следователю не всегда понятно, что из окружающей обстановки имеет значение. Ввиду чего некоторые важные в криминалистическом плане детали могут быть им упущены, неправильно оценены и не найти отражения в протоколе. Полагаем, что с целью предотвращения подобных ошибок в качестве дополнительного средства фиксации целесообразно использовать видеозапись, что поможет уточнить и восполнить недостатки протокола. Следователь имеет возможность неоднократно просматривать отснятый материал, детально анализировать обстановку места происшествия, поведение участников следственного действия. Особое значение это имеет при расследовании тяжких и особо тяжких преступлений, в том числе нераскрытых.

По многим преступлениям к участию в осмотре привлекаются потерпевшие, свидетели, которые могут давать пояснения относительно обстановки и возможных действий преступников, что облегчает поиск их следов.

Видеозапись при осмотре места происшествия позволяет зафиксировать объективную информацию о преступлении и преступниках, о физическом и эмоциональном состоянии потерпевших сразу после совершенного

преступления. Также видеозапись незаменима, как средство фиксации результатов опроса на месте происшествия потерпевших и очевидцев преступления – возможных свидетелей[1]. В таких случаях по данным различных исследователей[2] сокращается количество случаев, когда они изменяют свои показания в процессе следствия и в суде. И в этой связи применение видеозаписи при осмотре места происшествия можно рассматривать, как один из методов упреждающего воздействия на субъекты возможного противодействия расследованию.

Другое следственное действие, которое можно противопоставить противодействию расследования это допрос. Его главной задачей применительно к рассматриваемой теме является изобличение допрашиваемого во лжи, в сокрытии или утаивании фактов, а равно в искажении истины. Криминалистической тактикой разработаны разнообразные тактические приемы допроса в конфликтной ситуации.

Справедливо отмечают многие авторы, что прежде чем использовать какие-либо приемы, необходимо выяснить возможные мотивы нежелания допрашиваемых лиц сотрудничать со следствием и по возможности устранить эти препятствия. Особенно это касается свидетелей и потерпевших, которые могут из боязни, либо в силу заблуждения скрывать известную им информацию. Иногда этому предшествует неправильное поведение сотрудников, осуществляющих расследование. Грамотный выбор психологического приема, использование способов убеждения и логического умозаключения помогут следователю в данном случае установить психологический контакт с допрашиваемым лицом.

Для разоблачения лжи при допросе положительно себя зарекомендовали такие известные тактические приемы как «максимальная детализация» в сочетании с повторным допросом, «отвлечение внимания» или косвенный допрос, «допущение легенды», создание у лица преувеличенного представления о имеющихся у следователя доказательствах и др.

Практика показывает, что обвиняемые и свидетели зачастую меняют свои показания при рассмотрении уголовного дела в судебном заседании, ссылаясь на то, что они неправильно понимали вопросы следователя или им вообще не задавались уточняющие вопросы. Поэтому важным фактором является подробная фиксация их показаний на предварительном следствии в протоколе, с формулировкой задаваемых вопросов, акцентируя внимание на наиболее важных обстоятельствах.

---

[1] Кротова Л.Е. Использование видеозаписи при осмотре места происшествия // Раскрытие и расследование преступлений: наука, практика, опыт. Сборник научных статей, выпуск 1, МосУ МВД РФ им. В.Я. Кикотя. М., 2016. С.70-77.

[2] См., например: Тишутина, И. В. Противодействие расследованию организованной преступной деятельности как объект криминалистического анализ: монография / под ред. д-ра юрид. наук, проф., А. Ф. Волынского. Тула: Изд-во ТулГУ, 2011. 249с.

Полному и объективному запечатлению информации при допросе способствует использование дополнительных форм фиксации: аудио- и видеозаписи. По мнению большинства специалистов, видеозапись является удобной и вполне доступной, кроме того она как правило положительно влияет на поведение конфликтующего, поскольку он не заинтересован в том, чтобы его угрозы, либо ложные показания были записаны, а затем воспроизведены в суде[1].

В завершении отметим, что противодействию, как умышленной, противоправной деятельности, должна противостоять обдуманная, хорошо подготовленная, сопровождаемая применением современных технических средств фиксации, деятельность следователя. Применение видеосъемки в процессе следственных действий позволит преодолеть противодействие, а в некоторых случаях даже предупредить его возможность.

Крюк Виктория Сергеевна,
старший преподаватель кафедры уголовного права
Северо-Кавказского филиала
Российского государственного университета правосудия

Предупреждение семейно-бытового насилия судебными органами

Семья, являясь древнейшим институтом общества, представляет собой одну из величайших ценностей, созданных человечеством за всю историю своего существования. Ни одна нация, ни одна культурная общность не обходится без семьи, поскольку именно в ее рамках осуществляется основная часть повседневной жизни людей, удовлетворяется комплекс человеческих потребностей: рождение и воспитание детей, духовное общение, взаимная моральная и материальная поддержка членов семьи и т.п.[2].

Между тем, сталкиваясь с насилием в различных сферах общественных отношений, люди подвергаются насильственным действиям и в семье, которая априори должна быть опорой и защитой человека, обеспечивать безопасность подрастающего поколения. В настоящее время семейно-бытовое насилие наряду с проблемами коррупции, бедности, наркомании и алкоголизации населения, незаконной миграции, различными угрозами жизни и здоровью людей, прочно занимает лидирующее положение в ТОП-10 социальных российских болезней. Даже на фоне периодически появляющихся

[1] Леонюк С.С. Противодействие расследованию преступлений и способы его преодоления // Проблемы противодействия расследованию преступлений и пути их преодоления. Сборник материалов Межведомственной научно-практической конференции. Хабаровск. 2017. С. 67.

[2] Социология. Учебник для юридических вузов. / коллек. авт.; под ред. В.П. Сальникова, Г.Д. Ковалева, С.В. Степашина. СПб.: Изд. Лань, 2000. С.137.

новых общественных угроз (сегодня это всемирное распространение коронавируса), семейно-бытовое насилие по-прежнему остается «лакмусовой бумажкой», сигнализирующей о негативных тенденциях, происходящих в экономическом, социальном, культурном, духовно-нравственном развитии общества.

Предупреждение насильственных преступлений, совершаемых в сфере семейно-бытовых отношений, является важнейшей задачей различных субъектов профилактики правонарушений, среди которых особое место отведено судебным органам, деятельность которых связана, главным образом, с выполнением основной задачи суда – осуществлением правосудия.

По мнению И.А. Алешковой и Н.А. Марокко, предупредительная (профилактическая) деятельность судебной власти включает две составные части:

а) общее предупреждение, основным содержанием которого являются формирование понимания у граждан неотвратимости ответственности за совершенное правонарушение;

б) специальное предупреждение в отношении конкретных лиц, склонных к совершению правонарушений[1].

Как показывает практика, общее и индивидуальное предупреждение насильственных преступлений в сфере семьи и быта осуществляется судебными органами при отправлении правосудия, оказывая серьезное правовое и нравственное воздействие на участников судебного процесса (членов семьи) и иных граждан (как правило, родственников), присутствующих при судебных разбирательствах. Подобное воздействие достигается посредством реализации принципа гласности судебного разбирательства.

Все это в той или иной степени убеждает людей в справедливости и эффективности правосудия, реальной возможности защиты их прав и законных интересов. Вынесение судом справедливого и обоснованного приговора по уголовным делам обеспечивает общую и частную превенции, вносит свой вклад в предупреждение рецидива насильственных внутрисемейных преступлений. В этом случае общая превенция в деятельности суда реализуется с помощью публичного применения норм уголовного закона. Частная же (индивидуальная) превенция достигается судом посредством применения к виновным лицам мер уголовного наказания, а также выявления причин и условий совершения конкретного преступления.

При этом, как показывает практика, значительную роль в предупреждении насильственных преступлений в сфере семейно-бытовых отношений органы правосудия осуществляют путем реализации норм уголовного законодательства с так называемой двойной превенцией. Так, например,

---

[1] Алешкова И.А., Марокко Н.А. Предупредительная (профилактическая) и воспитательная функции судебной власти: современное понимание // Российский судья. 2013. № 5. СПС «Консультант Плюс» [Электронный ресурс]. URL:https:// cloud.consultant.ru/cloud/cgi/online.cgi?req.

назначением наказания за угрозу убийством или причинением тяжкого вреда здоровью (ст.119 УК РФ), умышленное причинение легкого вреда здоровью (ст. 115 УК РФ) судебные решения, несомненно, способствуют недопущению других более тяжких преступлений, как правило, семейно-бытовых убийств или причинений тяжкого вреда здоровью[1].

Наряду с этим, участие суда в уголовном, административном и гражданском судопроизводстве предопределяет следующие группы процессуальных форм деятельности суда по предупреждению внутрисемейного насилия:

1) уголовно-процессуальные формы;

2) формы, осуществляемые в ходе разрешения подведомственных суду административных дел;

3) формы, осуществляемые при отправлении правосудия по гражданским делам.

При этом правовой основой уголовно-процессуальной формы деятельности суда по предупреждению насильственных преступлений, совершаемых в сфере семейно-бытовых отношений, в настоящее время является ч.4. ст. 29 УПК РФ, в которой закреплено следующее: «Если при судебном рассмотрении уголовного дела будут выявлены обстоятельства, способствовавшие совершению преступления, …то суд вправе вынести частное определение или постановление, в котором обращается внимание соответствующих организаций и должностных лиц на данные обстоятельства и факты нарушений закона, требующие принятия необходимых мер». Однако подобная формулировка закрепляет право (а не обязанность) суда на вынесение таких судебных актов, что вызывает неоднозначное отношение ученых-юристов и самих судей к определению места предупредительной деятельности органов правосудия в системе предупреждения преступлений[2].

В связи с этим некоторые ученые предлагают вернуть существовавшую до 2002 г. обязанность судов выявлять причины и условия, способствовавшие совершению преступления (ст. 21 УПК РСФСР). Кроме того, статью 6 УПК РФ «Назначение уголовного судопроизводства» дополнить словосочетанием «предупреждение преступлений». До 2002 г. ст.2 УПК РСФСР закрепляла среди задач уголовного судопроизводства предупреждение преступлений[3].

---

[1] Шатилович С.Н., Величко А.Н. Профилактическая деятельность суда и ее место в системе предупреждения преступлений // Российский судья. 2006. № 1. СПС «Консультант Плюс» [Электронный ресурс]. URL: https:// cloud.consultant.ru/cloud/cgi/online.cgi?req.

[2] Там же.

[3] Шатилович С.Н., Величко А.Н. Особенности деятельности российского суда по предупреждению преступлений в современных условиях // Российский судья. 2008. № 1. СПС «Консультант Плюс» [Электронный ресурс]. URL: https://cloud.consultant.ru/cloud/cgi/online.cgi?req=home;rnd=0.6130318404346504 и др.

Другой основной формой процессуального предупреждения судами насильственных преступлений, совершаемых в сфере семейно-бытовых отношений, является деятельность, осуществляемая в ходе разрешения подведомственных суду административных дел. Иными словами, привлечение к ответственности за административные правонарушения в сфере семьи и быта с соблюдением общих правил назначения административного наказания.

Например, привлекая к административной ответственности и назначая наказание за побои по ст. 6.1.1. КоАП РФ или за пропаганду нетрадиционных сексуальных отношений среди несовершеннолетних по ст. 6.21. КоАП РФ, органы правосудия способствуют недопущению внутрисемейных насильственных преступлений.

Наряду с этим, к числу процессуальных форм предупреждения насильственных преступлений в сфере семейно-бытовых отношений относятся и гражданско-правовые средства профилактического характера, используемые судами. Так, например, допустимо лишь в судебном порядке лишение родительских прав лиц, которые злостно уклоняются от выполнения обязанностей родителей, злоупотребляют родительскими правами, являются хроническими алкоголиками или наркоманами.

В целом же можно сказать, что справедливые решения по гражданским и семейным делам способствуют устранению или смягчению криминогенных семейных конфликтных ситуаций, детерминирующих внутрисемейное насилие.

Между тем, специфика деятельности органов правосудия вытекает, прежде всего, из процессуальной природы осуществления судопроизводства, что обусловливает рассмотрение определенной частью авторов лишь процессуальных форм реализации предупредительной функции суда. Однако, как справедливо замечают С.Н. Шатилович и А.Н. Величко, подобный подход не совсем конструктивен, поскольку сводит существующее многообразие реальных и потенциальных предупредительных форм суда к одной, хотя и существенной форме воздействия на правонарушения и, главным образом, на преступность[1].

По мнению этих авторов, деятельность судебных органов по предупреждению преступлений должна носить межотраслевой характер в связи с возможностью применения различных предупредительных мер как уголовно-правового, уголовно-процессуального, так и криминологического характера. Это, в свою очередь, предоставляет суду наиболее широкие профилактические возможности по сравнению с другими субъектами предупреждения преступлений[2]. С этим трудно не согласиться, поскольку, как пока-

[1] См.: Шатилович С.Н., Величко А.Н. Профилактическое значение процессуальных и непроцессуальных форм деятельности суда по предупреждению преступлений // Российский судья. 2007. № 8. СПС «Консультант Плюс» [Электронный ресурс]. URL: https:// cloud.consultant.ru/cloud/cgi/online.cgi?req=home; rnd=0.6130318404346504.

[2] Там же.

зывает практика, сегодня предупредительная деятельность органов правосудия должна не только строиться в уголовно-правовых и уголовно-процессуальных рамках, но и активно выходить на уровень криминологической политики. Тем более что определенные шаги в этом направлении уже сделаны как в теоретическом, так и в прикладном аспекте.

В связи с этим в литературе к непроцессуальным формам предупредительной деятельности суда относят:

– правовую пропаганду среди населения;

– координацию предупредительной деятельности с другими субъектами предупреждения преступлений;

– информационно-аналитическую и статистическую работу, связанную с обобщением судебной практики[1].

Все это в полной мере можно отнести и к предупреждению насильственных преступлений в сфере семейно-бытовых отношений. При этом, как нам представляется, одним из основных отправных пунктов такой предупредительной работы судебных органов является полноценное обладание разносторонней информацией о внутрисемейном насилии и соответствующей правоприменительной практике в этой сфере, о видах и размерах наказания, иных мерах уголовно-правового воздействия, рецидиве преступлений и т.д.

Кроме того, необходима исчерпывающая информация, характеризующая личность осужденных за семейно-бытовые насильственные преступления, а также потерпевших от таких деяний; сведения о причинах и условиях, способствующих возникновению и развитию внутрисемейных конфликтов и т.д. Данная информация необходима не только для планирования и проведения соответствующей правовой пропаганды среди населения, но и для совершенствования имеющихся форм предупредительной деятельности суда, а главное, для поиска новых направлений предупреждения насильственных преступлений в сфере семейно-бытовых отношений органами правосудия.

В качестве примера, иллюстрирующего положительный опыт деятельности судов по предупреждению насильственных преступлений в сфере семейно-бытовых отношений, можно привести результаты работы судебной системы Липецкой области. Председатель Липецкого областного суда Марков И.И. отмечает, что уже на протяжении десяти лет судебная система области активно осуществляет и развивает профилактику внутрисемейного насилия. За это время была кардинально изменена вся система работы, и судебный процесс сориентирован на сохранение и ресоциализацию семьи, восстановление внутрисемейных отношений, защиту прав несовершеннолетних и других жертв, пострадавших от семейного насилия. Практически все суды города Липецка и области ведут активную профилактическую работу с родителями и детьми, оказавшимися в трудной жизненной ситуации,

[1] Шатилович С.Н., Величко А.Н. Указ. соч.

проводят различные мероприятия, направленные на защиту прав и интересов детей и семей. При этом, по словам И.И. Маркова, данная профилактическая работа включает в себя целый комплекс мер: проведение правовой разъяснительной работы среди населения; общественное порицание семейного насилия; пропаганда семейных ценностей; оказание социальной помощи семьям, находящимся в трудной жизненной ситуации; обучение «мирным» способам разрешения конфликтов; своевременное выявление случаев жестокого обращения в семье; безотлагательное оказание правовой, психологической и социальной помощи жертвам насилия. Все это привело к существенному снижению уровня внутрисемейного насилия в регионе[1].

Кроме того, в целях поиска новых форм и методов профилактической работы Липецким областным судом регулярно проводятся обобщения судебной практики по уголовным делам, связанным с внутрисемейным насилием, и, главным образом, по преступлениям, совершаемым в отношении несовершеннолетних. Особое внимание уделяется уголовным делам, связанным с неисполнением обязанностей по воспитанию несовершеннолетнего, соединенным с жестоким обращением с ребенком (статья 156 УК РФ).

Положительный опыт Липецкой судебной системы по предупреждению насилия в сфере семейно-бытовых отношений, как нам представляется, должен распространяться на всю судебную систему Российской Федерации.

Заканчивая рассмотрение вопросов, связанных с предупреждением органами правосудия семейно-бытового насилия, отметим, что некоторые исследователи предлагают создание в России специализированных семейных судов, к полномочиям которых будет отнесено рассмотрение всех дел, связанных с насилием внутри семьи: уголовных, административных и гражданских[2]. Однако, как нам представляется, создание таких судов вряд ли необходимо. По мнению В.В. Захарова, председателя Зареченского городского суда Пензенской области, в современных условиях пока еще не придумано лучшего средства для повышения качества и оперативности судебного разбирательства, чем специализация судей, а расширение специализации судов будет причинять ущерб восприятию судебной системы как единой[3]. Тем более, что положительный опыт специализации судей уже есть. Так, приказом Минюста РСФСР от 27 апреля 1978 г. предусматривалась специализация судей в районных судах, где работало более четырех судей.

---

[1] Марков И.И. Проблемы профилактики жестокого обращения с детьми в семье. Сборник материалов международной научно-практической конференции «Ребенок и семья. Роль государства и общества в профилактике семейного насилия». Липецк, 2017. С.37-39.

[2] См.: Струков В.А. Мировой положительный опыт противодействия насилия в сфере семейно-бытовых отношений и перспективы его использования в России // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2017. №4 (76). С.85.

[3] Захаров В.В. Специализация судей как средство совершенствования правосудия // Российский судья. 2019. № 1. С. 31 - 36.

В.В. Захаров подчеркивает, что уже в то время было установлено: уменьшение количества отмененных приговоров, свидетельствующее о качестве отправления правосудия, на 75% зависело от наличия специализации судей[1], которая является, безусловно, полезным феноменом, позволяющим принимать законные и обоснованные решения в любой, даже самой сложной ситуации[2].

В связи с этим, в целях более качественного и квалифицированного рассмотрения судебных дел, связанных с семейно-бытовым насилием и его предупреждением, необходимо создавать и развивать специализацию судей, направленную на защиту правоотношений в сфере семьи и быта.

Кузьмин Николай Тимофеевич,
старший преподаватель
кафедры оперативно-разыскной деятельности
Сибирского юридического института
МВД России (г.Красноярск)

Некоторые проблемы подготовки гласного оперативно-розыскного мероприятия «обследование помещений, зданий, сооружений, участков местности и транспортных средств» в жилище граждан

При документировании преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров (далее – наркотиков) очень важное значение имеет подготовка и проведение оперативно-розыскного мероприятия (далее – ОРМ) «Обследование помещений, зданий, сооружений, участков местности и транспортных средств» (далее – обследование). В соответствии со ст. 1 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности»[3] (далее – ФЗ об ОРД) оперативно-розыскная деятельность (далее – ОРД) может осуществляться как гласно, так и негласно, посредством проведения ОРМ. Также в ст. 15 ФЗ об ОРД указано, что при решении задач ОРД органы, уполномоченные ее осуществлять, имеют право проводить гласно и негласно ОРМ, перечисленные в ст. 6. Таким образом, оперативные подразделения органов внутренних дел (далее – ОВД), руководствуясь нормами ФЗ об ОРД могут проводить обследование как в гласной, так и в негласной формах.

---

[1] Захаров В.В. Указ. соч. С. 31–36.

[2] Матейкович М.С. О специализации и универсализации судей федеральных судов общей юрисдикции // Судебная практика в Западной Сибири. 2014. С.33.

[3] Об оперативно-розыскной деятельности: Федеральный закон от 12.08.1995 № 144-ФЗ.

Данное ОРМ проводится в негласной форме как правило для решения следующих задач:

– получение информации о подготавливаемом, совершаемом или совершенном преступлении;

– получение информации о местонахождении лиц, скрывающихся от органов дознания, следствия и суда, уклоняющихся от уголовного наказания;

– ознакомление сотрудника оперативного подразделения с документами, предметами или обстановкой в жилище лиц, представляющих оперативный интерес;

– иные частные задачи ОРД.

Следует особо выделить, что негласное обследование обычно проводится именно для визуального осмотра, фото- и видеофиксации, и как правило не используется для изъятия веществ, предметов и документов, имеющих значение для решения задач ОРД, либо их представления органу дознания, следователю или в суд.

А.Е. Чечетин отмечал, что в современной оперативно-розыскной практике большое распространение получило использование такого оперативно-розыскного мероприятия, как обследование помещений, зданий, сооружений, участков местности и транспортных средств, осуществляемое в гласной форме[1].

Данное мероприятие целесообразно проводить в гласной форме с целью изъятия веществ, предметов и документов, либо электронных носителей информации, имеющих значение для решения задач ОРД в случаях, когда сотрудники оперативных подразделений ОВД предполагают, что они могут быть уничтожены, либо перемещены лицами, обоснованно заподозренными в подготовке или совершении преступлений, и на момент проведения ОРМ не имеется достаточных данных для решения вопроса о возбуждении уголовного дела.

Сотрудники и руководители оперативных подразделений ОВД по контролю за оборотом наркотиков, проходившие курсы повышения квалификации в СибЮИ МВД России утверждают, что особой эффективностью отличается проведение этого ОРМ в гласной форме именно для противодействия незаконному обороту наркотиков, например, при проверке информации о хранении наркотиков как в жилище граждан, так и в нежилых помещениях.

Н.С. Железняк отмечает, что на практике одним из наиболее проблемных мероприятий выступает обследование помещений, зданий, сооруже-

[1] Чечетин А.Е., Каунов А.В. О правовом регулировании гласного обследования в оперативно-розыскной деятельности // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2018. № 4 (80).

ний, участков местности и транспортных средств, причем, не любое подобное ОРМ, а в большей мере обследование жилища, а в рамках проведения этого мероприятия – его гласная форма[1].

Сотрудникам оперативных подразделений следует с особой внимательностью относиться к подготовке проведения обследования, так как именно на данной стадии возникает наибольшее количество проблем, препятствующих проведению этого ОРМ. Например, в соответствии с требованиями ст. 9 ФЗ об ОРД судебное рассмотрение материалов об ограничении конституционных прав граждан при проведении ОРМ осуществляется судом на основании ходатайства органа, осуществляющего ОРД. Таким образом, в случае небрежного, неграмотного составления ходатайства, судья откажет в проведении таких ОРМ, либо в дальнейшем решение судьи может быть обжаловано, что скорее всего приведет к его отмене.

Так, на основании постановления Европейского Суда по правам человека[2] Президиум Верховного Суда Российской Федерации[3] отменил постановление судьи Георгиевского городского суда Ставропольского края от 22 марта 2006 г. о санкционировании проведения ОРМ – обследование.

Установив нарушение ст. 8 Конвенции о защите прав человека и основных свобод, Европейский Суд по правам человека признал, что в судебном решении от 22 марта 2006 г. не содержалось ссылок на ведущееся предварительное следствие, не указывались преступления, в совершении которых подозревался заявитель, основания возникновения подобных подозрений и доказательства, которые могли бы их подтвердить. Это нарушает требования ст. 8 ФЗ об ОРД, которая устанавливает, что проведение ОРМ, ограничивающих право на неприкосновенность жилища, допускается только при наличии информации о признаках подготавливаемого, совершаемого или совершенного противоправного деяния или о лицах, подготавливающих, совершающих или совершивших такое деяние. Суд не указал, какие вещи или предметы, «запрещенные к обращению, полученные в результате преступных действий либо нажитые преступным путем», могли находиться в доме заявителя и какие обстоятельства позволили суду прийти к выводу, что они хранятся у заявителя. В судебном решении не содержалось информации ни о целях обследования, ни об основаниях полагать, что в результате обследования в доме заявителя будут получены доказательства совершения преступления. Европейский Суд по правам человека пришел к вы-

[1] Железняк Н.С. Оперативно-розыскное обследование жилища: правовые и правоприменительные проблемы и перспективы: монография. Красноярск: СибЮИ МВД России, 2020.

[2] Аванесян против Российской Федерации: постановлении Европейского Суда по правам человека от 18.09.2014 (Жалоба № 41152/06).

[3] О возобновлении производства по делу ввиду новых обстоятельств: постановление Президиума Верховного Суда Российской Федерации от 16.03.2016 № 15-П16.

воду, что в решении от 22 марта 2006 г. не указывалось оснований для вмешательства в осуществление заявителем права на уважение своего жилища, которые можно было бы назвать «надлежащими» и тем более «достаточными».

Результаты проведенных опросов и анкетирования сотрудников и руководители оперативных подразделений ОВД по контролю за оборотом наркотиков[1] показывают, что в отдельных регионах Российской Федерации на стадии подготовки этого ОРМ возникают и другие, непреодолимые в настоящее время проблемы. Судьи не дают разрешение на проведение гласного обследования жилища, аргументируя свое решение тем, что такое обследование может проводиться только с согласия проживающих в жилище лиц, а проведение этого ОРМ в гласной форме против их воли, но с разрешения суда подменяет собой обыск, осуществленный до возбуждения уголовного дела, с нарушениями требований УПК Российской Федерации.

Например, руководители управления по контролю за оборотом наркотиков ГУ МВД России по Алтайскому краю отмечают, что в ряде муниципальных образований Алтайского края, в том числе и в г. Барнауле, при документировании преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотиков, сложившаяся судебная практика исключает возможность проведения гласного обследования жилища. В подавляющем большинстве случаев сотрудники оперативных подразделений ОВД по контролю за оборотом наркотиков получают отказ при обращении в суды для получения разрешения на проведение гласного обследования жилища. Судьи мотивируют свое решение тем, что данное ОРМ подменяет собой процессуальные действия, направленные на изъятие предметов, документов и ценностей, которые могут иметь значение для уголовного дела.

Данная ситуация негативно сказывается на решении задач выявления, предупреждения, пресечения и раскрытия тяжких и особо тяжких преступлений в сфере незаконного оборота наркотиков, выявлению и установлению лиц их подготавливающих, совершающих или совершивших, т.к. проведение гласного обследования жилища достаточно эффективно, как мера оперативного реагирования при проверке и реализации информации о фактах незаконного оборота наркотиков (изготовление, хранение, сбыт и пр.) лицами, по месту их проживания.

В научной литературе, на научно-практических конференциях, посвященных актуальным проблемам ОРД, ученые и сотрудники оперативных подразделений ОВД уже достаточно долгое время говорят о возможности и необходимости проведения ОРМ обследование жилища граждан в гласной форме, об отсутствии препятствий этому со стороны законодательства, о

[1] Кузьмин Н.Т. О возможности проведения гласного оперативно-розыскного мероприятия «Обследование помещений, зданий, сооружений, участков местности и транспортных средств» в жилище граждан // Аллея науки. 2018. № 9 (25).

высокой эффективности этого ОРМ в противодействии преступности. Однако судейский корпус в ряде регионов Российской Федерации продолжает отстаивать консервативную практику и препятствует проведению гласного обследования в жилище граждан.

Таким образом мы наблюдаем отсутствие единообразия правоприменительной практики в Российской Федерации. С учетом изложенного представляется, что в настоящее время компетентным органам необходимо обобщить судебную практику и сформировать единый подход к толкованию условий проведения гласных и негласных ОРМ, ограничивающих конституционные права граждан.

Ле Конг Тхонг,
адъюнкт кафедры криминологии
Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя

Уголовная политика в сфере противодействия преступности

Власть не может осуществлять свои функции, если при проведении своей политики не опирается на законы (в том числе с опорой на уголовный закон, есть уголовная политика). При этом уголовная политика является составной частью государственной политики в целом. В центре внимания уголовной политики – внутренняя политика, разделенная на экономическую, военную, национальную, образовательную, культурную политику. Уголовная политика – это часть социальной политики, включающая в себя систему идей, методов реализации и деятельности государственных органов в целях борьбы с преступностью, предупреждения преступности, нейтрализацию причин и условий, способствующих возникновению преступности. Уголовная политика возникает, меняется, корректируется с учетом общественного развития, желания реализовывать интересы, потребности государства (и населения), ситуаций, складывающихся во внешнеполитической и внутриполитической сферах.

Понятие уголовной политики подвергалось изменениям на различных этапах развития государственности в мире. В 20-е гг XX в. уголовная политика рассматривалась многими разными авторами. Для обозначения уголовной политики используются несколько сходных понятий: уголовно-правовая политика, политика в сфере борьбы с преступностью...

По вопросу объема и содержания уголовной политики в доктрине уголовного права существуют две основные точки зрения:

– По мнению А.А. Герцензона, И.М. Гальперина, В.И. Курляндского, М.И. Ковалева, Ю.А. Воронина и др., уголовная политика прямо и (или) кос-

венно направлено на борьбу с преступностью. Они включают в сферу уголовной политики «не только специальные меры (уголовно-правовые, уголовно-процессуальные, криминологические, уголовно-исполнительные, криминалистические), но и меры чисто социального характера (экономические, идеологические, медицинские и т.д». При выполнении функций уголовной политики необходимо создать надлежащие условия для реализации властью экономической, социальной и иной политики государства.

– Сторонники второй точки зрения (С.В. Бородин, А.Э. Жалинский, Н.И. Загородников, И.А. Исмаилов, Н.И. Стручков), считают, что «только специальные меры социального предупреждения преступности, которые основываются на уголовном, уголовно-процессуальном и уголовно-исполнительном законодательстве, с привлечением данных науки, включая криминологию и криминалистику». Согласно данному определению, уголовная политика представляет собой направление политики, в рамках которого формируются исходные требования борьбы с преступностью посредством разработки и осуществления широкого круга предупредительных мер, создания и применения норм материального, процессуального и исполнительного уголовного права путем применения наказания или заменяющих наказание (и с угрозой применения наказания). Осуществление данной политики обеспечивает законность, справедливость и эффективность противодействие преступности.

Существуют и иные понятия уголовной политики, предложенные некоторыми учеными

По мнению В.Н. Кудрявцева, уголовная политика государства, «определяет, а затем и реализует те цели, для которых создается и функционирует система уголовной юстиции»[1]. В.Н. Кудрявцев считал, что уголовная политика начинается с принятия соответствующего закона (оформление законного акта) и закачивается его примененем для противодействия преступностью.

По мнению Н.И. Загородникова и Н.А. Стручкова, «уголовная политика представляет собой такое направление политики, в рамках которого формируются исходные требования борьбы с преступностью посредством разработки и осуществления широкого круга предупредительных мер, создания и применения правовых норм материального, процессуального и исполнительного уголовного права, устанавливающих криминализацию и декриминализацию деяний, а также посредством определения круга допустимых в борьбе с преступностью мер государственного принуждения.

[1] Кудрявцев В.Н. Эффективность закона как средства осуществления уголовной политики // Основные направления борьбы с преступностью. М., 1975. С. 78.

По вопросам понятия уголовной политики нам представляется наиболее точным определение, согласно которому уголовная политика – одна из частей государственной политики борьбы с преступностью, выраженная в соответствующих директивных актах, научной теории и синтезе политических, социологических и правовых знаний, на основании которых применяются специальные меры социального предупреждения преступности, основывающиеся на уголовном, уголовно-процессуальном и уголовно-исполнительном законодательстве, с привлечением данных науки, включая криминологию и криминалистику.

Уголовная политика может осуществляться двумя основными способами.

Во-первых, использование законодательных и исполнительных функций государства, а также деятельности государственных органов, научных и образовательных организаций по популяризации закона.

Во-вторых, меры, возникающие в результате политических, экономических и социальных реформ, направленных на улучшение качества жизни населения, уровня образования. В направлении синхронного развития всех аспектов страны уровень этики государственной службы имеет решающее значение в предотвращении и сокращении преступности.

Объекты уголовной политики шире, чем объекты уголовного права, потому что она не только определяет перечень преступлений и наказаний. Политика направлена на решение вопросов предупреждения преступности. Проблемы уголовной политики решаются на основе правовых аспектов с использованием социально-идеологических, экономических, политических реалий.

Уголовная политика определяет направления деятельности правоохранительных органов в 3 сферах: по раскрытию преступлений и изобличению виновных; обеспечению правильного применения закона, т.е. правильной квалификации совершенного преступления и назначению справедливого наказания; исполнению назначенного судом наказания.

По мнению П.Н. Панченко, основной задачей уголовной политики является охрана интересов личности, общества и государства. На наш взгляд, с этой точкой зрения можно согласиться.Общие цели уголовной политики:

1) Усиление эффективности государственного управления в предупреждении преступности и борьбе с ней.

2) Сдерживание преступности.

Можно обозначить наиболее актуальные перспективы уголовной политики.

Во-первых, усиление результативности и эффективности управления государства, повышение роли общественных организаций на всех уровнях

в области предупреждения преступности, содействие пропаганде правовых знаний.

Во-вторых, усиление и повышение эффективности мер социальной профилактики.

В-третьих, улучшение профилактики преступности и борьбы с ней.

В-четвертых, совершенствование законодательства по предупреждению преступности.

В-пятых, расширение международных связей и укрепление международного сотрудничества в области предупреждения преступности и борьбы с ней.

Лещенко Владимир Павлович,
адъюнкт кафедры уголовного права и криминологии
Краснодарского университета МВД России

Проблемы практики применения уголовной ответственности за преступления, предусмотренные ст. 159.3 и п. «г» ч. 3 ст. 158 Уголовного кодекса Российской Федерации

В современных реалиях трудно представить мир без информационных ресурсов и технологий: ежедневно практически каждый человек использует для общения социальные сети; обращение в государственные и муниципальные органы теперь не требует даже выхода из дома; служебная и профессиональная деятельность во многом строится на применении инновационных достижений цифровизации.

Постоянно развивающиеся информационные технологии не только повышают эффективность тех или иных процессов, снижают издержки на производство, увеличивают качество выявления и расследования преступлений, но и предоставляют новые возможности для совершения противоправных действий, что приводит к росту количества киберпреступлений, уровень латентности которых достаточно велик. Одним из негативных проявлений инновационной среды выступает кража электронных денежных средств (далее – ЭДС), масштаб которых постоянно увеличивается.

В 2018 г. уголовное законодательство претерпело изменение в квалифицирующей кражу части (ст. 158 УК РФ). Так, содержание данной статьи было дополнено частью 3: «кража, совершенная с банковского счета, а равно в отношении электронных денежных средств (при отсутствии признаков преступления, предусмотренных ст. 159^3 УК РФ»)[1].

[1] О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 23.04.2018 № 111-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2018. № 18. ст. 2581.

На этапах принятия названных изменений в уголовный закон в научном сообществе были сформированы различные позиции. Противником новелл выступила, в частности, И.А. Мусьял, которой отмечено, что законодатель, преждевременно включая в УК РФ новый состав преступления, совершаемого в киберпространстве, нарушает сложившиеся уголовно-правовые традиции, предоставившим четкие критерии деяний, совершенных посредством электронных средств платежа[1].

Предметом кражи является имущество, обладающее материальными, экономическими и юридическими признаками. Верховным Судом Российской Федерации в постановлении Пленума от 30 ноября 2017 г. № 48 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате» электронные денежные средства однозначно причислены к имуществу, которое может быть похищено, уравниваются наличные и электронные денежные средства[2]. Верховный Суд Российской Федерации в п. 21 указал: осуществить хищение чужих средств можно и без карты, например, с помощью чужого мобильного банка, системы интернет-платежей. В п. 5 постановления Пленума отмечено: не квалифицируется в качестве мошенничества хищение, совершенное путем обмана, введения в заблуждение с использованием похищенной, поддельной карты, когда выдача наличных осуществлена через банкомат без участия уполномоченного сотрудника организации. Данное деяние на указанном этапе развития уголовного законодательства (до принятия Федерального закона от 23 апреля 2018 г. № 111-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации») рекомендовано квалифицировать в качестве кражи.

В контексте определения объекта кражи ЭДС можно рассуждать, что при совершении хищения чужого имущества данное деяние посягает на отношения собственности, в данном случае имеет место нарушение права собственности. Современные социально-экономические процессы в стране приводят к постепенному смещению имущественной составляющей собственности. Собственность воспринимается как символ, отражение индивидуальной свободы человека. Поэтому видовой объект хищений в уголовном праве фактически сливается с родовым, то есть им следует считать те общественные отношения, которые гарантируют право собственности независимо от формы собственности.

Таким образом, преступное посягательство на электронные и безналичные средства – квалифицированный состав преступления, и, следовательно, при совершении лицом хищения электронных, безналичных средств

---

[1] Мусьял И.А. Дифференцированные виды мошенничества: теоретические и практические проблемы: диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук. Курск, 2018. 259 с.

[2] О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате: постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 30 ноября 2017 г. № 48 // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2018. № 2

тайным способом его действия будут квалифицированы по п. «г» ч. 3 ст. 159^3 УК РФ, поскольку участники платежной системы непосредственно взаимодействуют по поводу электронного, безналичного перевода денежных средств.

В ряде случаев для хищений средств с банковских счетов используется приложение «Мобильный банк» или незаконный доступ в личный кабинет.

Так, приговором Березовского районного суда Красноярского края от 29 сентября 2020 года установлено, что гражданка Кровякова Л.В., с целью осуществления своего внезапно возникшего преступного умысла, направленного на тайное хищение чужого имущества – денежных средств с банковского счета, принадлежащих потерпевшему, из корыстных побуждений, со стола в кухне взяла сотовый телефон «Fly», в котором находилась симкарта с абонентским номером компании сотовой связи ПАО «Мегафон», на которую была подключена услуга «Мобильный банк» с привязкой к банковской карте «VisaClassic» ПАО «Сбербанк», После чего Л. В. Кровякова, отправила на короткий номер 900 смс «ПЕРЕВОД №», (где 2000 – сумма перевода, № – абонентский номер, к которому подключена услуга «Мобильный банк» с привязкой к банковской карте «MasterCard» ПАО «Сбербанк». После этого она, имея возможность в дальнейшем распорядиться поступившими на счет ее банковской карты денежными средствами, обналичила их в банкомате, то есть тайно похитила их, распорядившись ими в дальнейшем по своему усмотрению[1].

Кроме того, в 2020 году зафиксирован случай замены пароля в приложении «Сбербанк онлайн» для незаконного получения доступа к средствам на банковском счете. Судом установлено, что 13.03.2020 в дневное время подсудимая взяла чужой телефон, и попыталась войти в приложение «Сбербанк онлайн», но там был установлен пароль. Находясь в состоянии алкогольного опьянения и убедившись, что за ней не наблюдают, вышла с указанным телефоном в коридор, вытащила из кошелька потерпевшего, банковские карты и закрылась в ванной комнате, где вышла из приложения на телефоне и вошла в него снова, установив свой пароль, при помощи 1 из 3 его банковских карт. После этого она перевела с его счета на счет своей карты деньги в сумме 9000 рублей.

В существенной мере разъясняющим позицию высшей судебной инстанции представляется определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации по уголовному делу № 10-УДП20 от 11 марта 2020 г. о тайном хищении посредством использования известного подсудимому пин-кода платежной карты денежных средств,

[1] Приговор № 1-244/2020 от 29 сентября 2020 г. по делу № 1-244/2020. URL: https://sudact.ru/regular/doc/kD6Gg3WgwOZT/.

имеющихся на банковском счете потерпевшего[1]. Органами предварительного следствия действия подсудимого были квалифицированы по п. «г» ч. 3 ст. 158 УК РФ, судом первой инстанции был постановлен обвинительный приговор без изменения уголовно-правовой квалификации.

Суд кассационной инстанции действия подсудимого переквалифицировал на п. «в» ч. 2 ст. 158 УК РФ, обосновав тем, что квалифицирующий признак кражи – совершенной с банковского счета – может иметь место только при хищении безналичных и электронных денежных средств путем их перевода в рамках применяемых форм безналичных расчетов в порядке, регламентированном ст. 5 Федерального закона от 27 июня 2011 г. № 161-ФЗ «О национальной платежной системе» 5, а операция снятия наличных денежных средств, совершаемая по банковским картам, в устройствах банка (банкоматах и терминалах) не может рассматриваться как операция перевода денежных средств в рамках вышеуказанного закона.

Исходя из вышеизложенного материала, можно утверждать, что объективная сторона преступлений рассматриваемой категории характеризуется несколькими наиболее распространенными способами его совершения, а именно:

– посредством получения разрешения на пользование мобильным телефоном потерпевшего, к абонентскому номеру которого подключена услуга «Мобильный банк», осуществления перевода на платежную карту или расчетный счет путем отправки соответствующих команд на короткий абонентский номер 900 с указанием суммы с последующим обналичиванием;

– путем хищения платежной карты, пин-код которой заранее известен подозреваемому, с дальнейшим обналичиванием денежных средств, находящихся на привязанном к ней банковском счете, через банкомат;

– получение доступа к платежной карте, подключение ее к мобильному приложению «Сбербанк Онлайн», осуществление перевода денежных средств, находящихся на привязанном к карте банковском счете, на свой банковский счет;

– хищение денежных средств с банковского счета путем бесконтактной оплаты товаров в магазинах посредством найденной платежной карты[2].

Относительно оценки по п. «г» ч. 3 ст. 158 УК РФ хищения денежных средств с банковского счета путем бесконтактной оплаты товаров в магази-

---

[1] Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 11.03.2020 № 10-УДп20-1 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2021. № 5.

[2] Анешева А.Т. Обстоятельства, подлежащие установлению по делам о кражах, совершенных с банковского счета, а равно в отношении электронных денежных средств (при отсутствии признаков преступления, предусмотренного статьей 159.3 УК РФ) // Законодательство и практика. 2021. № 1 (46). С. 41-44.

нах посредством найденной платежной карты П. С. Яни высказано авторитетное мнение, что подобные деяния подлежат уголовно-правовой квалификации по ст. 159.3 УК РФ в связи с тем, что злоумышленник обманывает физическое лицо, передающее в результате имущество либо разрешающее его изъять, применяя электронные средства платежа, которые одновременно являются и средством изъятия имущества, и документом, удостоверяющим право использующего его лица на изъятие имущества со счета[1]. В условиях предусмотренного законом презюмирования стороной сделки добросовестности такого использования кассира вводит в заблуждение сам факт применения лицом соответствующего средства расчетов за приобретаемый им товар за счет принадлежащих другому лицу средств, изъять которые мошеннику позволил введенный им в заблуждение кассир.

Отдельно хотелось бы рассмотреть момент окончания преступления. Немало важное значение при рассмотрении настоящего вопроса имеет указанный ранее в работе ППВС от 2017 г. № 51, в котором Пленум ВС однако, кардинально изменил свое отношение к определению момента окончания такого преступления. Теперь его следует считать оконченным с момента изъятия денежных средств с банковского счета их владельца или электронных денежных средств, в результате которого владельцу этих денежных средств причинен ущерб. Ранее подобное преступление считалось оконченным с момента зачисления этих средств на счет лица, которое путем обмана или злоупотребления доверием изъяло денежные средства со счета их владельца, либо на счета других лиц, на которые похищенные средства поступили в результате преступных действий виновного.

Данная позиция была созвучна с общим моментом окончания хищения в его привычной трактовке высшим судебным органом, ибо именно с момента зачисления денег на банковский счет лица оно получает реальную возможность распоряжаться поступившими денежными средствами по своему усмотрению, например осуществлять расчеты от своего имени или от имени третьих лиц, не снимая денежных средств со счета, на который они были перечислены в результате мошенничества.

Отграничению таких смежных преступлений как кража имущества с банковского счета и мошенничество с использованием электронных средств платежа будет способствовать тщательный анализ объективной стороны совершенного преступления так как:

1. При краже действия виновного должны быть тайными, в то же время при совершении мошенничества преступник действует открыто, общаясь с потерпевшим или иным лицом;

[1] Яни П. С. Хищение с использованием чужой банковской карты в магазине следует квалифицировать как мошенничество // Законность. 2020. № 12. С. 59.

2. При краже потерпевший или иное лицо не участвует в процессе изъятия похищаемого имущества, но при мошенничестве виновный посредством обмана понуждает другое лицо передать похищаемое имущество или совершать действия способствующие изъятию имущества.

Майорова Елена Ивановна,
кандидат юридических наук, доцент,
ведущий научный сотрудник
Всероссийского научно-исследовательского
института МВД России;
Улейчик Виктор Владимирович,
заместитель начальника
научно-исследовательского Центра № 5
Всероссийского научно-исследовательского
института МВД России

Невыполнение предвыборного обещания: культурологический и уголовно-правовой аспекты

Право как социальный феномен тесно связано с таким явлением общественной жизни как культура. Культура включает в себя нравственное, моральное, эстетическое, интеллектуальное, духовное развитие общества, является мерилом его цивилизованности и гуманизма. Охватывая все сферы жизни (политическую, экономическую, общественную и др.), культура оказывает огромное влияние как на право в целом, так и на уголовное право, в частности. Эта связь является взаимозависимой и взаимообусловленной, поскольку право является неотъемлемой частью культуры и само по себе представляет духовную культурную ценность, на что неоднократно обращалось внимание в юридической литературе[1].

Развитие культуры предопределяет дальнейшее развитие уголовного права. Правовая культура является основой законотворчества и совершенствования уголовного законодательства. В зависимости от состояния культурного развития общества происходят процессы криминализации и декриминализации преступных деяний. В свою очередь, уголовное право призвано противодействовать преступности, тем самым обеспечивая и охраняя культуру отношений в государстве. Культура противодействия преступности проявляется, прежде всего, в том, что Уголовный кодекс Российской

[1] Куприянова А.В. К вопросу о правовой культуре с позиций культурологического подхода к изучению уголовного права // Государственная власть и местное самоуправление. 2018. № 12; Славова Н.А., Чвякин В.А. Правовая культура как фактор эффективного развития общества и государства // Государственная власть и местное самоуправление. 2019. № 6.

Федерации (далее – УК РФ) прежде всего охраняет личность, ее права и свободы.

Одной из актуальных проблем на сегодняшний день представляется отсутствие правовой культуры при разработке законопроектов и внесении изменений в уголовное законодательство. Проявляется это в бессистемности таких изменений, несоблюдении юридической техники, создании конкурирующих норм, что влечет проблемы квалификации совершенных деяний и др. Так, например, в очередной раз изменились категории преступлений – согласно ч. 4 ст. 15 УК РФ к тяжким преступлениям теперь относятся деяния, совершенные по неосторожности, за совершение которых можно назначить максимальное наказание в виде лишения свободы не выше 15 лет[1], что не соответствует общественной опасности неосторожных преступлений, принципу справедливости и уголовной политики, направленной на гуманизацию уголовного законодательства. Эта проблема не осталась без внимания ученых-юристов[2].

При разработке проектов законов о внесении изменений в УК РФ правовая культура должна проявляться, в первую очередь, в выявлении актуальных на текущий момент проблем, связанных с появлением новых видов правонарушений и определением их общественной опасности, своевременным реагированием на разрешение таких проблем, оценкой состояния преступности в той или иной области, тенденций развития и совершенствования уголовного законодательства. К сожалению, такой подход к законопроектной работе наблюдается не всегда. Так, неоднозначную оценку вызывает проект закона «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации в части установления уголовной ответственности за невыполнение предвыборного обещания», который вносится в Государственную Думу Федерального Собрания Российской Федерации депутатом Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации О.А. Ниловым[3].

Данный законопроект был разработан в связи с предстоявшими 17-19 сентября 2021 года выборами депутатов в Государственную Думу Федерального Собрания Российской Федерации. Кандидаты в ходе предвыборной компании разрабатывали свои программы, внося конкретные предло-

---

[1] Федеральный закон от 17.06.2019 № 146-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 24.06.2019, № 25. Ст. 3166.

[2] См., напр., Звечаровский И.Э. Тяжкие неосторожные преступления // Законность. 2020. № 1.

[3] Паспорт проекта Федерального закона № 1233926-7 «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации в части установления уголовной ответственности за невыполнение предвыборного обещания» (внесен депутатом Государственной Думы ФС РФ О.А. Ниловым) // СПС КонсультантПлюс.

жения и обещания по улучшению жизни граждан, развитию экономики, образования, медицины, социальной сферы, защиты отдельных категорий лиц (малоимущих, инвалидов, детей) и др.

Президент Российской Федерации В.В. Путин отметил, что в соответствии с последними внесенными изменениями в Конституцию Российской Федерации роль Государственной Думы значительно возросла. В связи с этим должна стать выше и ответственность депутатов, прежде всего, за выполнение тех обещаний, которые были озвучены в ходе избирательной кампании. «И, кстати, неважно, кто в какой партии: все, что обещали, безусловно, нужно выполнять»[1].

Избирательные права граждан охраняются главой 19 УК РФ «Преступления против конституционных прав и свобод человека и гражданина» (ст. ст. 141 – 142.2 УК РФ).

Законопроектом предлагается дополнить УК РФ статьей 142.3 УК РФ «Невыполнение предвыборного обещания». По замыслу автора уголовная ответственность должна наступать за непринятие лицом, избранным на выборные должности в государственных органах, органах местного самоуправления всех зависящих от него мер для обеспечения выполнения содержащегося в тексте опубликованной кандидатом или политической партией, выдвинувшей кандидатов, список кандидатов на выборную должность в государственном или муниципальном (соответственно уровню выборов) периодическом печатном издании предвыборной программы в период ведения избирательной кампании предвыборного обещания.

Статья 142.3 УК РФ, по мнению разработчика законопроекта, должна быть направлена на создание эффективного механизма воздействия на недобросовестных кандидатов на выборные должности в государственных органах, органах местного самоуправления, применяющих нечестные методы ведения избирательной компании, сопряженные с обманом и злоупотреблением доверием избирателей.

Безусловно, проблема невыполнения предвыборных обещаний существует. Для получения статуса депутата некоторые кандидаты позволяют высказывания, содержащие обещания, которые в дальнейшем ничем не подкрепляются, а так и остаются словами. Тем не менее именно такие обещания чаще всего и являются важными для принятия решения избирателями и влияют на выбор в пользу определенного кандидата.

О значимости данной ситуации свидетельствует тот факт, что общественные отношения между избирателями и кандидатами или политическими партиями неоднократно пытались перевести в правовую плоскость и законодательно оформить. В частности, еще в 2007 году В.И. Матвиенко,

---

[1] https://www.finanz.ru/novosti/aktsii/glavnoe-vybory-proshli-vremya-ypolnyat-obeshchaniya-chto-putin-skazal-lideram-partiy-proshedshikh-v-dumu-1030823017. Дата обращения 29.09.2021.

будучи губернатором г. Санкт-Петербурга, предлагала разработать и принять закон об ответственности партий за невыполнение предвыборных обещаний[1].

В демократическом обществе основные негативные последствия для кандидатов на выборные должности в государственных органах, органах местного самоуправления, предлагающих вводящие в заблуждение избирателей предвыборные программы, могут выражаться, например, в лишении доверия со стороны избирателей на следующих выборах и отказе от голосования за таких кандидатов, отзыве депутата, досрочных выборах по инициативе представительного органа.

Отношения в сфере реализации гражданами Российской Федерации конституционного права на участие в выборах, проводимых на территории Российской Федерации регулируются федеральным законом от 12.06.2002 № 67-ФЗ (ред. от 04.06.2021) «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации». Кроме того, Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях (далее – КоАП РФ) содержит целую главу 5, посвященную административным правонарушениям, посягающим на избирательные права граждан.

Представляется логичным вносить изменения, в том числе связанные с ответственностью лиц, не выполняющих предвыборного обещания, именно в вышеназванный закон либо в КоАП РФ.

Даже ответственность за такое деяние как подкуп избирателей, участников референдума либо осуществление в период избирательной кампании, кампании референдума благотворительной деятельности с нарушением законодательства о выборах и референдумах содержится в административном законодательстве (ст. 5.16 КоАП РФ). Общественная опасность подкупа несравненно выше, чем просто невыполнение предвыборного обещания, за которое предлагается установить не административную, а уголовную ответственность.

Меры уголовно-правового воздействия являются самыми крайними и репрессивными. Они применяются тогда, когда иными средствами невозможно достичь цели восстановления социальной справедливости и исправления виновного лица. УК РФ признает преступлением виновно совершенное общественно опасное деяние, запрещенное под угрозой наказания (ч. 1 ст. 14), а основанием уголовной ответственности является совершение деяния, содержащего все признаки состава преступления, предусмотренного УК РФ (ст. 8).

Для определения обоснованности уголовно-правового запрета в науке уголовного права разработаны основания криминализации деяний, к числу которых традиционно относят следующие:

---

[1] Матвиенко предложила принять закон об ответственности депутатов за невыполнение предвыборных обещаний // Сайт Newsru.com [сайт]. URL: https://www.newsru.com/russia/15Mar2007/valya.html (дата обращения: 29.09.2021).

1) общественная опасность деяния;

2) степень распространенности деяния;

3) соответствие запрета нормам Конституции РФ, международного права;

4) возможность практического применения запрета;

5) неэффективность противодействия деянию иными правовыми средствами и другие.

Основополагающим критерием криминализации любого деяния, прежде всего, признается его общественная опасность. Признак общественной опасности означает способность деяния, признаваемого преступлением, причинить существенный вред охраняемым уголовным законом отношениям либо создать реальную угрозу причинения такого вреда. О характере общественной опасности можно судить по значимости общественных отношений, на которые посягает преступление. Степень общественной опасности определяется тяжестью причиненных преступных последствий, формой вины, содержанием мотивов и целей преступной деятельности, способом и другими объективными и субъективными признаками преступления.

В проектируемой статье в качестве преступного деяния предлагается признать невыполнение предвыборного обещания. Никаких веских аргументов почему такое бездействие является преступлением и обладает общественной опасностью, автором законопроекта не приводится. Состав сконструирован как формальный, т.е. для привлечения лица к уголовной ответственности достаточно только непринятия лицом, избранным на выборные должности, всех зависящих от него мер для обеспечения выполнения предвыборного обещания, содержащегося в тексте опубликованной кандидатом или политической партией в государственном или муниципальном (соответственно уровню выборов) периодическом печатном издании предвыборной программы в период ведения избирательной кампании. При этом наступления общественно опасных последствий не требуется.

Кроме того, в отношении лиц, избранных на выборные должности в государственных органах и органах местного самоуправления, которые будут являться специальным субъектом преступления проектируемой статьи, уголовно-процессуальным законодательством установлен особый порядок производства по уголовным делам (глава 52 УПК РФ). Наличие таких особенностей возбуждения и расследования уголовного дела существенно затруднит привлечение к уголовной ответственности указанной категории лиц и сделает данный состав преступления практически не реализуемым.

В настоящее время уголовно-правовая политика государства направлена на дальнейшую гуманизацию уголовного законодательства и сокращение уголовно-правовой репрессии. Представляется, что дача предвыборного обещания не обладает достаточной степенью общественной опасности для признания такого деяния преступлением. Таким образом, за невыполнение предвыборного обещания можно рассмотреть введение иных видов юридической ответственности, исключая уголовную.

Малыгин Александр Игоревич,
соискатель кафедры уголовного права,
уголовного процесса и криминалистики
Российского университета дружбы народов

Уголовная политика зарубежных стран в сфере противодействия легализации (отмыванию) преступных доходов, приобретенных в результате организованной преступной деятельности

Легализация (отмывание) денежных средств и (или) иного имущества, приобретенного преступным путем, является одной из наиболее распространенных форм вторичной преступной деятельности. Важность этого инструмента для криминального бизнеса неоспорима, поскольку в современных условиях государственного контроля за оборотом денежных средств и иного имущества свободное распоряжение доходами, полученными в результате совершения преступления, становится практически невозможным. Особое значение данное обстоятельство приобретает для доходов, полученных в результате организованной преступной деятельности, которая в виду своей специфики нацелена, как правило, на получение прибыли (Ганихин, 2003).

Актуальность проблемы противодействия отмыванию преступных доходов, полученных в результате организованной преступной деятельности, обусловлена не сложностью выявления и доказывания такой деятельности. При этом особое значение приобретают уголовно-правовые параметры исследуемого феномена. Российское законодательство не предусматривает отдельных норм об ответственности за легализацию (отмывание) денежных средств и (или) иного имущества, приобретенных преступным путем. Хотя случаи совершения подобных действий известны практике, а само по себе существование соответствующих цепочек (оргпреступность – легализация) давно известно криминологам. В связи с чем следует обратить внимание на существующие в мировом масштабе подходы, нацеленные на минимизацию обозначенного явления.

В данном аспекте особый интерес представляется опыт государств, для которых проблема противодействия данному явлению особо актуальна и в которых при этом представлены удачные законодательные решения в области противодействия легализации преступных доходов, приобретенных в результате организованной преступной деятельности.

Одним из первых государств, систематизировано на законодательном уровне разрешившим проблему противодействия легализации (отмыванию) преступных доходов, явилось США.

Первым американским законодательным актом в данной области стал, принятый США Money laundering control act 1986 года[1], который включен в Примерный Уголовный кодекс США (глава 95).

Данный акт содержит большое количество норм, устанавливающих уголовную ответственность за отмывание денег. Анализ их содержания позволяет установить ряд особенностей уголовной политики США в обозначенном ракурсе.

В уголовном законодательстве США, в целом, предусмотрена зависимость наступления уголовной ответственности за легализацию (отмывание) преступных доходов от вида предикатного преступления. При этом отдельно в уголовном законодательстве США выделяется перечень предикатных преступлений по отношению к легализации (отмыванию) преступных доходов. Среди них есть как организованная преступная деятельность, так и ряд преступных деяний, традиционно связанных с организованной преступностью. В частности, незаконный оборот оружия и наркотических средств, коррупционные преступления, торговля людьми, контрабанда людей. Таким образом, следует констатировать, что американский законодатель указывает на стойкую взаимосвязь между легализацией преступных доходов и организованной преступной деятельностью.

Применительно к описанию признаков объективной стороны легализации (отмывания) преступных доходов, американский законодатель использует широкий подход к описанию признаков деяния. Фактически понятием «отмывание преступных доходов» охватывается не только непосредственно совершение различных финансовых операций и сделок с целью придания правомерного вида владению, пользованию и распоряжению преступно добытым доходами, но и физическое перемещение таких доходов через государственную границу США. Таким образом, контрабанда денежных средств, приобретенных в результате совершения преступления, охватывается в законодательстве США понятием «легализация (отмывание) преступных доходов».

Интересным представляется аспект наказания за легализацию (отмывание) преступных доходов, приобретенных в результате организованной преступной деятельности, по законодательству США. В американском уголовном законодательстве предусмотрены достаточно строгие наказания за рассматриваемое преступное деяние. В частности, в некоторых случаях за совершение данного преступления может быть назначено тюремное заключение на срок до 20 лет. Данные наказания выделяются строгостью по отношению ко многим иных государствам, в которых предусмотрена ответственность за исследуемое преступное деяние. Однако, следует обратить

[1] Money laundering control act of USA // Электронный ресурс: [https://www.law.cornell.edu/uscode/text/18/1956]

внимание, что для американского уголовного законодательства тренд строгих наказаний за преступления экономической направленности характерен в целом. В частности, такие наказания предусмотрены за создание картелей, посягательства на отношения на рынке ценных бумаг, различные виды мошенничества. В этой связи, следует говорить о том, что американский законодатель, в целом, рассматривает ряд преступлений экономической направленности, среди которых легализация (отмывание) преступных доходов, как преступления с повышенной степенью общественной опасности и устанавливает за их совершение строгие наказания.

Отдельного внимания заслуживает вопрос о пределах действия уголовно-правовых норм. Уголовное законодательство США в сфере ответственности за некоторые преступлений носит экстерриториальный характер. Данное решение содержится в Патриотическом акте, принятом после событий 11 сентября 2001 года (Combating Money laundering and Terrorist financing, 2008). Такой подход распространяется на случаи легализации (отмывания) преступных доходов, приобретенных в результате организованной преступной деятельности. Эта особенность позволяет привлекать к ответственности по уголовному законодательству США не только лиц, занимающихся организованной преступной деятельностью и последующей легализацией преступных доходов непосредственно на территории США, но также на территории иных государств.

В целом, анализируя уголовное законодательство США в рассматриваемой области отметим, что оно характеризуется указанием на взаимосвязь между легализацией преступных доходов и организованной преступной деятельностью, строгими санкциями за совершение данного преступления, широким пониманием легализации преступных доходов, включающим в себя, в том числе, контрабанду денежных средств, приобретенных преступным путем и экстерриториальным характером.

Уголовное законодательство США в сфере ответственности за легализацию (отмывание) преступных доходов является характерным примером развития англо-саксонской правовой системы в области уголовно-правового противодействия данному явлению. Однако не менее актуальным является изучение уголовного законодательства государств романо-германской правовой системы в рассматриваемой области. Тем более, что предлагаемые в этой правовой семье решения могут представлять из себя наиболее адаптивные модели для России.

Наиболее релевантным примером развития такого законодательства является уголовный закон ФРГ. Это связано с тем, что для ФРГ проблема противодействия данному явлению в настоящий момент весьма актуальна. С другой стороны, уголовное законодательство ФРГ традиционно признается передовым среди государств романо-германской правовой системы.

Как известно, оно оказало существенное влияние на уголовные законы целого ряда других государств, относящихся к романо-германской правовой семье.

В доктрине права отмечается, что ФРГ является одним из наиболее активных участников международной кооперации по противодействию легализации (отмыванию) преступных доходов. В среднем в ФРГ ежегодно проводится более 100 крупных расследований в финансовой сфере, связанных с легализацией (отмыванием) преступных доходов, происходящих по запросу других государств ЕС (Money laundering and the financing of terrorism, 2009).

Общая норма об ответственности за легализацию в Германии – §261 УК ФРГ (отмывание денег; укрывательство незаконно полученных имущественных выгод)[1]. Объем настоящей публикации не позволяет полностью передать содержание обозначенного уголовно-правового запрета. При этом анализ содержания закона позволяет установить, что в немецком уголовном законодательстве не содержится специального указания на зависимость между легализацией (отмыванием) преступных доходов и организованной преступной деятельностью. При этом, согласно немецкому уголовному законодательству, в качестве предикатных преступлений могут выступать не только непосредственно преступные деяния, но также уголовные проступки.

Таким образом, в немецком уголовном законодательстве взаимосвязь между легализацией преступных доходов и организованной преступной деятельность более детально проявляется в том, что в особо тяжких случаях наказанием является лишение свободы от шести месяцев до десяти лет. Особо тяжкий случай, как правило, имеет место, если лицо действует в виде промысла или в качестве члена банды, которая организовалась для постоянного отмывания денег. Следовательно, немецкий законодатель устанавливает повышенную ответственность за совершение рассматриваемого преступления в составе организованной преступной группы или в том случае, если имеет место профессиональная деятельность по легализации преступных доходов (в виде промысла).

Кроме того, в немецком уголовном законодательстве норма об уголовной ответственности за данное деяние описана каузально. Под действие нормы подпадает широкий перечень возможных деяний, связанных с легализацией (отмыванием) преступных доходов.

Применительно к вопросу уголовного наказания, немецкий законодатель предусмотрел достаточно строгие наказания за рассматриваемое деяние. В особо тяжких случаях оно может достигать 10 лет тюремного заключения. При этом, если сравнивать санкции с уголовным законодательством США, то они являются менее строгими. Однако, если сравнивать с иными

[1] Criminal code of Germany (официальный текст на английском языке) // Электронный ресурс: [https://ec.europa.eu/anti-trafficking/sites/antitrafficking/files/criminalcode_ germany_en_1.pdf] – дата обращения: 22.08.2021 г.

преступлениями экономической направленности, закрепленными в уголовном законодательстве ФРГ, то данное преступление рассматривается немецким законодателем, как одно из наиболее общественно опасных.

Анализируя уголовное законодательство ФРГ об ответственности за легализацию преступных доходов, приобретенных в результате организованной преступной деятельности, отметим, что в немецком уголовном законодательстве не содержится специального указания на взаимосвязь между легализацией преступных доходов и организованной преступной деятельностью. С точки зрения описания признаков объективной стороны преступления, под него подпадает широкий перечень деяний; за рассматриваемое деяние предусмотрены достаточно строгие наказания.

Среди европейских государств романо-германской правовой системы, интерес для исследования также представляет уголовное законодательство Италии в сфере ответственности за легализацию преступных доходов, приобретенных в результате организованной преступной деятельности. Для Италии эта проблема особо актуальная в виду существенной проблемы противодействия организованной преступности, которая в течении многих лет существует в Италии.

В доктрине итальянского уголовного права отмечается, что легализация (отмывание) преступных доходов является криминальным феноменом, тесно связанным с деятельностью мафии, которая получает возможность перевести криминальные доходы в легальную сферу и, таким образом, участвовать в легальных экономических отношениях, осуществлять инвестиции, приобретать собственность и даже участвовать в политической жизни Италии[1].

Помимо этого, Италия традиционно является государством с достаточно высоким уровнем коррупции, а преступления коррупционной направленности также связаны с организованной преступностью и легализацией (отмыванием) преступных доходов. В Италии, в течении достаточно длительного времени происходило сращивание государственного аппарата с организованной преступностью, следствием чего явилось осуждение большого числа государственных чиновников за связи с мафией. При этом легализация преступных доходов являлась одним из средств проникновения криминального капитала в сферу государственного управления Италии.

Действующее законодательство Италии в сфере противодействия легализации (отмыванию) преступных доходов включает в себя ст. 648-bis УК Италии[2] и законодательный декрет от 21 ноября 2007 года[3].

---

[1] Cappa E., Cerqua L. Il riciclagio del denaro. Milan, 2012, pp. 3-4.

[2] Codice penale Italiano (официальный текст) // Электронный ресурс [http://www.brocardi.it/codice-penale/libro-secondo/titolo-xiii/capo-ii/art648bis.html] (дата обращения: 23.08.2021 г.)

[3] Decreto Legislativo 21 novembre 2007, n. 231 «Attuazione della direttiva 2005/60/CE concernente la prevenzione dell'utilizzo del sistema finanziario a scopo di riciclaggio dei proventi di attivita' criminose e di finanziamento del terrorismo nonche' della direttiva 2006/70/CE che ne reca misure di esecuzione» // Электронный ресурс [http://www.camera.it/parlam/leggi/deleghe/07231dl.htm] (дата обращения: 23.08.2021 г.)

Изучение содержания этих документов позволяет выявить следующие особенности в сфере ответственности за легализацию преступных доходов, приобретенных в результате организованной преступной деятельности:

1. В итальянском уголовном праве отсутствует привязка ответственности за легализацию (отмывание) преступных доходов к какому-либо предикатному преступлению, включая организованную преступную деятельность. Единственное исключение связано с тем, что наказание должно быть уменьшено, если за предикатное преступление устанавливается максимальный срока лишения свободы до пяти лет. Таким образом, итальянский законодатель уменьшает степень общественной опасности легализации преступных доходов, приобретенных в результате преступлений, за которые предусмотрено относительно небольшое наказание.

2. При этом в итальянском уголовном законодательстве предусмотрены более строгие наказания за легализацию (отмывание) преступных доходов относительно законодательства других государств романо-германской правовой системы. Максимальное наказание в виде тюремного заключения может достигать 12 лет лишения свободы. Данный фактор свидетельствует, как представляется, об осознании итальянским законодателем повышенной степени общественной опасности данного деяния.

3. Наличие ответственность, как за преступные деяния, связанные с легализацией преступных доходов, так и за административные правонарушения в данной сфере. Они, как правило, связаны с неисполнением обязанностей, указанных в законодательстве о противодействии легализации (отмывании) преступных доходов и международных стандартов в данной сфере.

4. Применительно к описанию признаков объективной стороны легализации (отмывания) преступных доходов, итальянский законодатель, давая определения данному понятию, исходит из международных стандартов, определения понятия легализации (отмывания) преступных доходов.

Изучение уголовно-политических решений и законодательных актов с оригинальными подходами к противодействию легализации доходов и противодействию организованной преступности (Швейцария, КНР) позволило выявить ряд схожих тенденций.

Резюмируя сказанное, следует отметить.

1) В подавляющем большинстве зарубежных уголовных законов нет установления зависимости между легализацией (отмыванием) преступных доходов и организованной преступной деятельностью (исключение – США, уголовное законодательство США, где указывается на зависимость легализации преступных доходов от вида предикатного преступления, одним из которых организованная преступная деятельность и связанные с ней преступления).

В европейских государствах романо-германской правовой системы также встречается указание на зависимость легализации преступных доходов от предикатных преступлений. Однако при этом нет указания конкретных видов предикатных преступлений, а лишь отдельных групп по степени их общественной опасности или по размеру наказания, назначаемого за них.

Таким образом, следует констатировать, что, как правило, в уголовном законодательстве зарубежных стран не содержится специального указания на зависимость между легализацией (отмыванием) преступных доходов и организованной преступной деятельностью.

2) В уголовном законодательстве зарубежных государств не содержится указания на повышенную степень общественной опасности легализации (отмывания) преступных доходов, приобретенных в результате организованной преступной деятельности.

В ряде стран взаимосвязь легализации преступных доходов и организованной преступной деятельности отражена своеобразно: устанавливается более строгая уголовная ответственность за совершение рассматриваемого преступного деяния (систематически или с использованием возможностей, связанных с выполнением профессиональной деятельности; если оно совершено организованной бандой).

3) В зарубежных государствах не сложилось единого подхода к описанию признаков объективной стороны легализации (отмывания) преступных доходов, приобретенных в результате организованной преступной деятельности. При этом следует заметить, что признаки деяния указанные в международных стандартах противодействия данному явлению в точности не отражены ни в одном из рассмотренных нами уголовных законов. В ряде законодательных актов используется широкий подход к пониманию легализации (отмывания) преступных доходов. Так, в уголовном законодательстве США понятием легализации преступных доходов охватывается также контрабанда денежных средств, приобретенных в результате совершения преступления. В уголовном законодательстве Китая предусмотрен широкий перечень деяний, связанных с легализацией преступных доходов: укрывательство, транспортировка, покупка или посредничество при продаже имущества, заведомо добытого преступным путем и т.д.

4) В целом в большинстве стран за легализацию преступных доходов предусмотрены достаточно строгие наказания. При этом следует иметь в виду, что во многих государствах эти наказания выглядит строгими, в том числе, на фоне иных преступлений экономической направленности. Например, такой подход реализован в уголовном законодательстве США, ФРГ, Италии и Швейцарии. Установление более строгой уголовной ответственности свидетельствует о восприятии легализации (отмывания) преступных доходов, приобретенных в результате организованной преступной деятельности, как преступления с повышенной степенью общественной опасности.

Таким образом, можно констатировать, что в большинстве зарубежных стран легализация (отмывание) преступных доходов рассматривается как преступление с повышенной степенью общественной опасности по отношению к иным преступлениям экономической направленности.

Малыгин Иван Игоревич,
консультант отдела государственной регистрации
нормативных правовых актов в социальной и культурной сферах
Департамента регистрации
ведомственных нормативных правовых актов
Министерства юстиции Российской Федерации.

Социально-правовые предпосылки дифференциации уголовной ответственности за неправомерное воздействие на критическую информационную инфраструктуру Российской Федерации

Уже является трюизмом, что компьютерные технологии занимают центральное место в современной коммуникации. Смартфон является одним из главных (если не главным) инструментов человека XXI века. В нем хранится чуть ли не вся жизнь владельца: список личных контактов, переписка, информация о состоянии здоровья, фотографии, сведения об оплате товаров и услуг (с указанием места и времени осуществления расчетов). Однако повсеместно распространена не только цифровая коммуникация. Цифровизация уже в значительной степени изменила бизнес, механизмы государственного и местного (муниципального) управления. Хозяйствующие субъекты и органы власти повсеместно отказываются от бумажного документооборота в пользу жестких дисков и серверов как более удобных и дешевых средств хранения информации. Электронная коммерция последовательно вытесняет традиционную торговлю, автоматизация производства меняет облик современных предприятий – какофония труда сотен и тысяч работников замещается размеренным шумом функционирования роботизированных систем. Сервисы дистанционного банковского обслуживания практически полностью избавили клиента от необходимости личного посещения финансовой организации. В этом же направлении развивается здравоохранение, образование, сфера оказания услуг и др. С появлением электронной цифровой подписи электронный документооборот получил свое активное развитие и при совершении гражданско-правовых сделок, оказании государственных и муниципальных услуг, исполнении государственных и муниципальных функций, а также при совершении иных юридически значимых действий.

Важной задачей отечественной науки уголовного права является выявление и анализ тех социально-правовых предпосылок, которые обусло-

вили принятие законодателем решения о дифференциации уголовной ответственности за посягательства на объекты информационной инфраструктуры повышенного (особого) значения. В отечественной теории уголовного права ученые уже обращались к данной проблематике. В целом специалисты сходятся во мнении, что динамика преступлений в сфере компьютерной информации подтверждает необходимость и своевременность «имплементации уголовной ответственности за неправомерное воздействие на критическую информационную инфраструктуру Российской Федерации и усиления противодействия данному виду общественно опасного деяния»[1].

Полагаем, что применительно к ст. 274[1] УК РФ необходимо говорить именно о дифференциации ответственности, а не о криминализации, поскольку, как и большинство отечественных специалистов[2], мы разделяем ту позицию, что описанные в ст. 274[1] УК РФ деяния являлись преступными и до принятия Федерального закона от 26.07.2017 № 194-ФЗ. Нельзя не отметить, что такой подход был изначально выражен и в пояснительной записке к проекту указанного федерального закона[3]. Таким образом, в июле 2017 года, используя средства Особенной части УК РФ, законодатель осуществил целевую «настройку» механизма уголовно-правовой охраны с целью обеспечения реализации Федерального закона от 26.07.2017 № 187-ФЗ «О безопасности критической информационной инфраструктуры Российской Федерации».

Вместе с тем, такое решение не может не вызывать вопросов, требующих своего осмысления и проработки. С уголовно-политической точки зрения в пояснительной записке не было представлено веских оснований в пользу ужесточения ответственности за неправомерное воздействие на критическую информационную инфраструктуру. Как справедливо резюмирует Л.Ю. Ларина, в законопроекте лишь констатируется необходимость повы-

---

[1] Новичков В.Е., Пыхтин И.Г. Социально-правовое обоснование введения уголовной ответственности за неправомерное воздействие на критическую информационную инфраструктуру Российской Федерации // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2018. № 2 (73). С. 25.

[2] См., например: Дремлюга Р.И., Зотов С.С., Павлинская В.Ю. Критическая инфраструктура как предмет преступного посягательства // Азиатско-тихоокеанский регион: экономика, политика, право. 2019. № 2. С. 134; Решетников А.Ю., Русскевич Е.А. Об уголовной ответственности за неправомерное воздействие на критическую информационную инфраструктуру Российской Федерации (ст. 274[1] УК России) // Законы России: опыт: анализ, практика. 2018. № 2 (66). С. 51–55. и др.

[3] Пояснительная записка «К проекту федерального закона «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона «О безопасности критической информационной инфраструктуры Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

шенной уголовно-правовой защиты безопасности критической информационной инфраструктуры. При этом не приводится каких-либо аргументов в подтверждение этого вывода[1].

М.А. Ефремова полагает, что законодатель ошибся с определением места данной статьи в Особенной части УК РФ. По мнению автора, ее следовало бы включить в главу 24 УК РФ «Преступления против общественной безопасности», так как по сути ст. 274[1] УК РФ представляет собой криминализацию кибертерроризма[2].

Уже предсказуемо не нашло своего объяснения и построение санкций в проектируемой ст. 274[1] УК РФ. М.А. Простосердов небезосновательно отмечает по данному поводу, что при добавлении новых норм в Особенную часть УК РФ либо при внесении изменений в старые, законодатель зачастую не уделяет особого внимания вопросу построения санкций таких норм, их согласования с диспозициями, а также с друг другом[3].

В юридико-техническом смысле возник вопрос о целесообразности самого введения специальной нормы, когда повышенную ответственность за подобные деяния можно было бы установить посредством совершенствования системы квалифицирующих признаков ст. 272 – 274 УК РФ[4].

В результате у специалистов сложилось представление, что изменения в УК РФ имели конъюнктурный характер, были подготовлены второпях, без должной проработки поставленной задачи, а само появление отдельной ст. 274[1] УК РФ ничего кроме путаницы, конкуренции норм и квалификационных ошибок не принесет.

Можно ли из вышесказанного заключить, что выделение нормы об ответственности за неправомерное воздействие на критическую информационную инфраструктуру Российской Федерации является необоснованным? Полагаем, что ответ на данный вопрос все-таки должен быть отрицательным. Само по себе решение законодателя об установлении в специальной норме повышенной ответственности за такие действия соответствует всем необходимым основаниям и условиям дифференциации уголовной ответственности.

---

[1] Ларина Л.Ю. Уголовная ответственность за неправомерное воздействие на критическую информационную инфраструктуру России // Актуальные вопросы борьбы с преступлениями. 2017. №3. С. 23.

[2] Ефремова М.А. Уголовно-правовые средства противодействия кибертерроризму // Уголовное право: стратегия развития в XXI веке: материалы XVII Международной научно-практической конференции. М., 2020. С. 152.

[3] Простосердов М.А. Система санкций Особенной части Уголовного кодекса Российской Федерации: анализ, проблемы, пути решений: монография. М.: РГУП, 2020. С.7.

[4] См.: Комаров А.А. Отдельное мнение относительно законопроекта «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона «О безопасности критической информационной инфраструктуры Российской Федерации» // Вестник Северо-Кавказского гуманитарного института. 2017. № 3.

Анализ последних изменений отечественного уголовного законодательства наглядно демонстрирует тот тезис, что появление специальных норм не всегда может быть обусловлено желанием законодателя изменить подход к пенализации конкретного деяния. Можно сделать вывод, что появление ст. 274[1] УК РФ было обусловлено сразу несколькими факторами. Во-первых, действия по неправомерному воздействию на объекты информационной инфраструктуры повышенной (особой) важности объективно обладают более высоким уровнем общественной опасности, поскольку представляют непосредственную угрозу не только отношениям по обеспечению информационной безопасности, но и в зависимости от особенностей деяния могут быть направлены против жизни и здоровья граждан, общественной безопасности, государственной власти и т.д.

Нанесение ущерба критической информационной инфраструктуре может привести к катастрофическим последствиям, а учитывая, что она является связующим звеном между другими секторами национальной инфраструктуры, неизбежно нанесет ущерб и этим секторам[1].

Атаки на объекты критической информационной инфраструктуры любого государства всегда сопровождаются общественным резонансом и, как следствие, повышенным вниманием со стороны мирового сообщества. Учитывая те исключительные последствия, которые наступают или могут наступить вследствие неправомерного воздействия на них, само по себе это удивления не вызывает.

Появление ст. 274[1] УК РФ с уголовно-политической точки зрения направлено на обеспечение исполнения системообразующего законодательного акта, устанавливающего порядок отношений в сфере обеспечения безопасности критической информационной инфраструктуры в Российской Федерации. Появление столь значимого закона, который фактически затрагивает вопросы общественной и государственной безопасности просто не могло не обернуться коррекцией механизма уголовно-правовой охраны. Иными словами, выделение ст. 274[1] УК РФ, конечно же, служит цели ужесточения наказания за деяния, обладающие качественно более высокой степенью общественной опасности в сравнении с преступлениями, предусмотренными ст. 272 – 274 УК РФ. Однако, само ее появление вступает в противоречие с юридической техникой отечественного уголовного закона, удовлетворяя при этом стремление законодателя придать задаче эффективного противодействия компьютерным атакам, способным парализовать критическую информационную инфраструктуру государства и вызвать социальную, финансовую и экологическую катастрофу, совершенно новый уровень внимания и фокус ответственности.

---

[1] Пояснительная записка «К проекту федерального закона «О безопасности критической информационной инфраструктуры Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

Введение ст. 274[1] УК РФ позволило ликвидировать дисбаланс в уголовном законе, о котором давно говорили ученые[1].

Обоснованность проведенной отечественным законодателем дифференциации подтверждается зарубежным опытом. Специальные положения об ответственности за противоправное вмешательство в функционирование объектов критической информационной инфраструктуры закреплены в странах с разными правовыми системами.

С момента появления ст. 274[1] УК РФ прошло не многим более трех лет, но уже сегодня практика применения уголовно-правовой нормы позволяет говорить о ее практической востребованности. Согласно данным Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации в 2018 г. за совершение преступления, предусмотренного статьей 274[1] УК РФ, не было осуждено ни одного человека, однако уже в 2019 г. были осуждены 4 человека[2]. Более того, на востребованность нормы указывают и статистические данные Министерства внутренних дел Российской Федерации. Так, если в 2018 году было зарегистрировано лишь одно преступление (в Камчатском крае), в 2019 году – 4 (Амурская область – 1, Волгоградская область – 1, Приморский край – 2), а в 2020 году было зарегистрировано уже 22 преступления (Амурская область – 1, Волгоградская область – 9, Ивановская область – 1, Кемеровская область – 1, Москва – 1, Мурманская область – 1, Пермский край – 1, Приморский край – 3, Республика Северная Осетия-Алания – 1, Республика Татарстан – 1, Республика Хакасия – 1, Тверская область – 1)[3]. Приведенные выше статистические данные свидетельствуют о расширении географии применения нормы, ее возрастающей востребованности у правоприменителей.

Признавая обоснованность проведенной законодателем дифференциации, заметим, что в технико-юридическом плане ее нормативное воплощение нельзя признать оптимальным. При конструировании статьи 274[1] УК РФ допущены серьезные просчеты, которые снижают эффективность уголовно-правового противодействия деяниям, связанным с неправомерным воздействием на критическую информационную инфраструктуру Российской Федерации. В теории уголовного права на это уже было обращено пристальное внимание[4].

---

[1] Коротков А.В., Зиновьева Е.С. Безопасность критических информационных инфраструктур в международном уголовном праве // Вестник МГИМО-Университета. 2011. № 4 (19). С. 156.

[2] Официальный сайт Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации: URL: http://www.cdep.ru/index.php?id=79 (дата обращения: 10.08.2021).

[3] По данным ФГКУ «ГИАЦ МВД России».

[4] Решетников А.Ю., Русскевич Е.А. Об уголовной ответственности за неправомерное воздействие на критическую информационную инфраструктуру Российской Федерации (ст. 274[1] УК России) // Законы России: опыт: анализ, практика. 2018. № 2 (66). С. 55.

В завершение статьи выделим основные следующие выводы. Реализованная законодателем дифференциация уголовной ответственности за неправомерное воздействие на критическую информационную инфраструктуру Российской Федерации соответствует современным вызовам и угрозам, возникающим на фоне процесса цифровизации жизнедеятельности.

Выделение нормы об ответственности за неправомерное воздействие на критическую информационную инфраструктуру Российской Федерации позволило ликвидировать имевшийся дисбаланс в уголовном законе, что позволяет оценить это законодательное решение положительно.

В технико-юридическом плане дифференциацию уголовной ответственности за неправомерное воздействие на критическую информационную инфраструктуру Российской Федерации нельзя признать оптимальной. При конструировании статьи 274^{1} УК РФ допущены серьезные просчеты, которые снижают эффективность уголовно-правовой охраны отношений, обеспечивающих информационную безопасность.

Маргачева Анастасия Викторовна,
адъюнкт Санкт-Петербургского университета МВД России

Криминологическая оценка виктимологической безопасности органов внутренних дел при пресечении незаконных публичных мероприятий

Виктимологическая безопасность сотрудников органов внутренних дел является важным аспектом создания системы профилактики противоправных действий в отношении сотрудников органов внутренних дел, выступающих в качестве представителей власти. Несмотря на существующие меры, направленные на защиту сотрудников органов внутренних дел от преступных посягательств, ежегодно в отношении их совершается значительное количество преступлений различного рода, в том числе насильственных.

Согласно статистическим данным, представленным Судебным Департаментом, за 2018 год было осуждено 42 лица по ст. 317 УК РФ, 5960 – за применение насилия в отношении представителя власти по ст. 318 УК РФ, 10154 – за оскорбление представителя власти, в том числе сотрудника органов внутренних дел по ст. 319 УК РФ. В 2019 году 41 лицо было осуждено по ст. 317 УК РФ, 5738 – по ст. 318 УК РФ, 9189 – за оскорбление представителя власти по ст. 319 УК РФ. В 2020 году ситуация сложилась следующим образом: 26 лиц было осуждено за посягательство на жизнь сотрудника правоохранительного органа, 5687 – за применение насилия в отношении представителя власти и 8739 – за оскорбление представителя власти. За первое полугодие 2021 года за совершение преступления, предусмотренного

ст. 317 УК РФ суждено 12 человек, по ст. 318 УК РФ – 3713 человек, по ст. 319 УК РФ – 4952 человека[1].

По нашему мнению, незначительный спад вышеуказанных преступлений в 2020 и 2021 годах обусловлен, в первую очередь, сложной эпидемиологической ситуацией в стране, вызванной коронавирусной инфекцией, а, во-вторых, созданием и совершенствованием мер и способов по защите сотрудников правоохранительных органов от противоправных посягательств.

Первоочередное внимание при разработке мер по профилактике данных преступлений необходимо уделять понятию «виктимологическая безопасность сотрудников органов внутренних дел». В настоящее время на законодательном уровне данная дефиниция не закреплена, поэтому для его определения обратимся к трудам ученых в данной сфере.

Общее определение виктимологической безопасности жертв преступлений безотносительно их категорий, разработал В.И. Задорожный, который раскрывает данный термин как «состояние защищенности лиц (особенно их виктимных категорий) от всевозможных угроз, в том числе криминальных, возникающих в экстремальных ситуациях, конфликтах, обеспечиваемое государством, широким кругом его субъектов посредством снижения виктимности этих лиц, ослабления негативного влияния виктимогенных и иных факторов и ситуаций, достигаемое активным внедрением и применением мер, выработанных криминальной виктимологией»[2].

К.В. Вишневецкий и Н.Ш. Козаев, в свою очередь, рассматривают виктимологическую безопасность сотрудников внутренних дел как «состояние защищенности сотрудников органов внутренних дел от противоправных посягательств, в результате которой выявляются факторы, влияющие на повышенную виктимность данной категории, а также создаются новые и реализуются уже имеющиеся меры по защите правоохранителей от преступлений в отношении их»[3].

На наш взгляд, вышеприведенная дефиниция не отражает всей совокупности необходимых признаков, поэтому полагаем возможным определить «виктимологическую безопасность сотрудников органов внутренних дел» как «состояние защищенности сотрудников органов внутренних дел от противоправных посягательств, формируемое на основе выявления наиболее криминогенных факторов, влияющих на повышение профессиональной

---

[1] Официальный сайт Судебного департамента при Верховном суде РФ. Сводные статистические сведения о состоянии судимости в России за 2018,2019,2020 года. [Электронный ресурс] URL: http//www.cdep.ru (дата обращения 22.10.2021)

[2] Задорожный В.И. Концептуальные основы виктимологической профилактики преступлений: автореф. дис. … д-ра юрид. наук. М., 2006. С.5

[3] Вишневецкий К.В., Козаев Н.Ш. Виктимологическая безопасность сотрудников полиции: теоретические и практические аспекты // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2019. №8. С. 94-97.

виктимности, установления виктимообразующих ситуаций, в рамках которых данная виктимность проявляется наиболее часто, а также на основе разработки и обеспечения эффективного применения мер профилактики совершения данных посягательств».

Исходя из приведенной нами дефиниции, одним из наиболее важных аспектов обеспечения виктимологической безопасности, является выявление виктимогенных (виктимообразующих) ситуаций, в рамках которых проявляется профессиональная виктимность. В рамках проводимого исследования было установлено, что одной из таких ситуаций является обеспечение сотрудниками полиции общественного порядка в рамках пресечения незаконных публичных мероприятий, признаваемым таковыми в соответствии с Федеральным законом от 19.06.2004 №54-ФЗ «О собраниях, митингах, шествиях и пикетированиях»[1].

Обеспечение безопасности граждан и общественного порядка при проведении публичных мероприятий является прямой обязанностью сотрудников полиции в соответствии с п. 5, 6 ч. 1 ст. 12 Федерального закона «о полиции» от 07.02.2011 №3-ФЗ[2].

К сожалению, за последние 3 года выявляется негативная тенденция увеличения числа зарегистрированных преступлений, предусмотренных ст.ст. 212 и 212.1 УК РФ, а также административных правонарушений, предусмотренных ст.ст. 20.2, 20.2.2 КоАП РФ.

Согласно данным, опубликованным ГУ МВД России по г. Москве, за 2019 год в столице выявлено 155 несогласованных публичных мероприятий, в ходе которых задержано 3000 человек[3]

При пресечении публичных мероприятий, носящих признаки незаконного, сотрудники органов внутренних дел наиболее часто сталкиваются со случаями применения в отношении них насилия, в том числе опасного для жизни и здоровья.

Так, например, 27.07.2019 от рук митингующих пострадали 6 сотрудников полиции, выполняющих свои обязанности по охране общественного порядка. Один из участников несанкционированного мероприятия применил в отношении сотрудников перцовый баллончик[4].

---

[1] Федеральный закон «О собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях и пикетированиях» от 19.06.2004 №54-ФЗ (последняя редакция) // СПС «КонсультантПлюс».

[2] Федеральный закон «О полиции» от 07.02.2011 №3-ФЗ (последняя редакция) // СПС «КонсультантПлюс».

[3] Московская полиция впервые за семь лет привела протестную статистику [Электронный ресурс] URL: https://www.kommersant.ru/doc/4227894 (дата обращения 10.10.2021).

[4] Шесть полицейских пострадали от рук провокаторов на митинге в Москве [Электронный ресурс] URL: https://riafan.ru/1199133-shest-policeiskikh-postradali-ot-ruk-provokatorov-na-mitinge-v-moskve (дата обращения 10.10.2021)

При пресечении несанкционированного митинга, организованного 23.01.2021 на Цветном бульваре в г. Москве, от противоправных насильственных действий пострадало 42 сотрудника правоохранительных органов. При этом сотрудниками получен вред здоровью различной степени тяжести[1].

В тот же день, при пресечении незаконного митинга в г. Санкт-Петербург пострадал сотрудник ГИБДД, которому были нанесены неоднократные удары кулаком по лицу от одного из участников данного публичного мероприятия. При этом, сотрудник не принимал активного участия в пресечении мероприятия, но получил травму в связи с его профессией и выполнением прямых служебных обязанностей – организацией дорожного движения[2]. Всего в Санкт-Петербурге за время пресечения незаконных митингов в январе 2021 года пострадали 8 сотрудников[3].

Таким образом, можно сделать вывод о повышенной криминогенности ситуаций, связанных с выполнением сотрудниками органов внутренних дел должностных обязанностей по пресечению незаконных публичных мероприятий.

В подтверждение сделанного вывода необходимо привести официальные исследования, проводимые МВД РФ, в рамках которых исследователями делаются официальные прогнозы, в том числе по количеству пострадавших сотрудников органов внутренних дел. Так, в 2019 году МВД РФ опубликовало прогноз об увеличении количества пострадавших сотрудников органов внутренних дел до 1000 человек за 2019-2021 годах. При этом, в 2019 году количество погибших при исполнении служебных обязанностей сотрудников составило 458 человек, то есть рост предполагался почти на 50%[4].

В качестве мер профилактики совершения противоправных посягательств в отношении сотрудников органов внутренних дел предлагаем в первую очередь ужесточение санкций статей, предусматривающих ответственность за организацию незаконных публичных мероприятий, массовых беспорядков, а также за совершение различного рода посягательств в отношении сотрудников.

---

[1] Десятки полицейских пострадали во время беспорядков в Москве [Электронный ресурс] URL: https://ura.news/news/1052468386 (дата обращения 10.10.2021)

[2] В Петербурге один из протестующих напал на сотрудника ГИБДД. Удар по лицу запечатлела видеокамера [Электронный ресурс] URL: https://www.fontanka.ru/2021/01/23/69720216/ (дата обращения 10.10.2021)

[3] Во время митингов оппозиции в Санкт-Петербурге пострадали восемь сотрудников правоохранительных органов [Электронный ресурс] URL: https://spb.aif.ru/society/people/vo_vremya _mitingov_v_peterburge_postradali_vosem_policeyskih (дата обращения 10.10.2021)

[4] МВД прогнозирует на ближайшие пару лет гибель тысячи полицейских [Электронный ресурс] URL: https://www.rosbalt.ru/russia/2019/11/27/1815371.html (дата обращения 10.10.2021)

Мармута Иван Львович,
кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры уголовно-правовых дисциплин
Филиала МИРЭА – Российского
технологического университета в г. Ставрополе

Современное состояние преступности на территории Ставропольского края

В настоящей статье будет рассмотрено современное состояние преступности в административно-обособленных участках Ставропольского края.

Согласно мнению С.В. Максимова, состояние преступности – это настоящее (текущее) положение преступности, характеризующееся комплексом ее свойств: объема, уровня, структуры, динамики, территориального распределения («география» преступности), латентности, общественной опасности[1]. В рамках данной статьи мы будем придерживаться вышеуказанного определения, в связи с чем состояние преступности будет включать количественные, качественные и качественно-количественные характеристики преступности.

В 2020 году на территории Ставропольского края было зарегистрировано 35177 преступлений, что продолжает положительную динамику роста преступности с 2018 года, темп прироста составляет 1,2%[2].

Согласно официальным данным Информационного центра Главного управления МВД по Ставропольскому краю, все подразделения ГУ МВД по Ставропольскому краю объединены в восемь зон оперативного обслуживания, в связи с чем преступления в 2020 году распределились следующим образом:

1) в зоне №1 в 2020 году учтено 10733 преступления, темп прироста составляет 4,3%;

2) в зоне №2 в 2020 году учтено 3859 преступлений, темп прироста составляет 9,4%;

3) в зоне №3 в 2020 году учтено 6660 преступлений, темп прироста составляет -3,4%;

4) в зоне №4 в 2020 году учтено 2302 преступления, темп прироста составляет 3,0%;

5) в зоне №5 в 2020 году учтено 3056 преступлений, темп прироста составляет -2,1%;

---

[1] Максимов С.В. Краткий криминологический словарь. М., 1995. С.20

[2] Состояние преступности в Ставропольском крае в 2020 г. // Данные ИЦ ГУ МВД РФ по Ставропольскому краю.

6) в зоне №6 в 2020 году учтено 2098 преступлений, темп прироста составляет 0,6%;

7) в зоне №7 в 2020 году учтено 2203 преступления, темп прироста составляет 2,0%;

8) в зоне №8 в 2020 году учтено 4266 преступлений, темп прироста составляет -3,8%[1].

Максимальное количество преступлений было зарегистрировано в зоне оперативного обслуживания №1 – 10733 деяния, на втором месте зона №3 – 6660 преступлений, на третьем месте зона оперативного обслуживания №8, где в 2020 году было учтено 4266 преступлений. Наименьшее количество преступлений было зарегистрировано в зоне оперативного обслуживания №6 – 2098 деяний, немногим больше было учтено в зоне №7 – 2203 деяния и в зоне №4 – 2302 деяния.

Наибольший рост количества преступных деяний был продемонстрирован в зоне оперативного обслуживания №2, где количество учтенных преступлений выросло с 3528 до 3859, что является максимальным показателем за последние 5 лет с 2016 года по 2020 год. Максимальное снижение количества преступлений в исследуемом 2020 году установлено в зоне оперативного обслуживания №8, где был показан минимальный показатель числа учтенных преступлений за последние 6 лет.

Продолжим исследование современного состояния преступности Ставропольского края с такого показателя, как раскрываемость преступлений.

Согласно статистическим данным МВД России в 2020 году раскрываемость преступлений по стране в целом составила 51,7%[2], а раскрываемость преступлений, совершенных в Ставропольском крае, составила 49,8%[3]. Несмотря на то, что в 2020 году были установлены минимальные значения раскрываемости и в России и в Ставропольском крае, средняя раскрываемость в Ставропольском крае выше на 0,3%[4].

Самый высокий процент раскрываемости в 2020 году был установлен в зоне оперативного обслуживания №6 – он составил 67,8%, немного ей уступает зона №4 с показателем раскрываемости 65,2%. Наименьшая раскрываемость - 42,6% была установлена в зоне №1, находящейся в оперативном обслуживании ОМВД России по Шпаковскому району и Управления МВД России по г. Ставрополь[5].

---

[1] Состояние преступности в Ставропольском крае в 2020 г. // Данные ИЦ ГУ МВД РФ по Ставропольскому краю.

[2] Состояние преступности в РФ за 2015-2020 г.г. // Данные ГИАЦ МВД России.

[3] Состояние преступности в Ставропольском крае в 2020 г. // Данные ИЦ ГУ МВД РФ по Ставропольскому краю.

[4] Состояние преступности в Ставропольском крае за 2015-2020 г.г. // Данные ИЦ ГУ МВД РФ по Ставропольскому краю.

[5] Состояние преступности в Ставропольском крае в 2020 г. // Данные ИЦ ГУ МВД РФ по Ставропольскому краю.

За последние 6 лет с 2015 года по 2020 год наименьшая раскрываемость продемонстрирована на территории оперативного обслуживания ОМВД России по г. Ессентуки, ОМВД России по г. Кисловодску, ОМВД России по г. Лермонтову и ОМВД России по Предгорному району, то есть в зоне №8, где средний процент раскрываемости составил 44,9%[1].

Исходя из вышеизложенного можно сделать следующий вывод, что большее количество зарегистрированных преступлений на территории обслуживания влечет за собой уменьшение процента раскрываемости данных деяний, так же раскрываемость зависит и от специфики местоположения зон – минимальный процент раскрываемости за исследуемый период времени был установлен в зоне №8, что говорит как об объективных сложностях установления личности преступников, так и о субъективных факторах, таких как просчеты в работе сотрудников органов внутренних дел, осуществляющих правоохранительную деятельность.

Так же необходимо рассмотреть в рамках нашего исследования количество и удельный вес в общем объеме преступности Ставропольского края тяжких и особо тяжких преступлений.

В 2020 году количество и удельный вес тяжких и особо тяжких преступлений в РФ составил 563204 деяния и 27,5% соответственно[2], а в Ставропольском крае было учтено 10759 преступлений с удельным весом 30,6%[3]. Несмотря на отличающуюся динамику тяжких и особо тяжких преступлений, по стране в целом и в Ставропольском крае в исследуемый период времени, средний удельный вес данных преступлений практически одинаков (всего на 0,7% он больше в Ставропольском крае), что говорит об идентичности одного из показателей общественной опасности (характера) преступности.

К показателю общественной опасности (характера) преступности также относится количество и удельный вес отдельных преступлений против личности, таких как убийство, умышленное причинение тяжкого вреда здоровью (далее ТВЗ) и изнасилование.

В исследуемый период времени на территории страны было зарегистрировано 31249 вышеуказанных преступлений, из них 7695 убийств, 20019 случаев причинения тяжкого вреда здоровью и 3535 изнасилований, удельный вес данных преступлений в структуре преступности составил 1,53%[4]. В Ставропольском крае в 2020 году было учтено 412 отдельных пре-

[1] Состояние преступности в Ставропольском крае за 2015-2020 г.г. // Данные ИЦ ГУ МВД РФ по Ставропольскому краю.

[2] Состояние преступности в РФ за 2015-2020 г.г. // Данные ГИАЦ МВД России.

[3] Состояние преступности в Ставропольском крае в 2020 г. // Данные ИЦ ГУ МВД РФ по Ставропольскому краю.

[4] Состояние преступности в РФ за 2015-2020 г.г. // Данные ГИАЦ МВД России.

ступлений против личности, в числе которых 98 убийств, 247 случаев причинения тяжкого вреда здоровью и 67 изнасилований, удельный вес – 1,17%[1].

Средний удельный вес убийств, умышленных причинений тяжкого вреда здоровью и изнасилований в России превышает этот же показатель в Ставропольском крае на 0,36%, что с одной стороны является несущественным различием, однако в другой стороны, исходя из самого по себе небольшого удельного веса в структуре преступности, это существенная четвертая часть всех зарегистрированных деяний. Что позволяет нам сделать вывод о менее общественно опасном характере преступности в Ставропольском крае, чем в целом по Российской Федерации.

На наш взгляд, также необходимо отнести к показателю общественной опасности (характеру) преступности количество и удельный вес преступлений, связанных с незаконным оборотом оружия

Согласно статистическим данным МВД России в 2020 году было зарегистрировано 24792 преступления, связанных с незаконным оборотом оружия по стране в целом, удельный вес которых составил 1,21%[2], за этот же период в Ставропольском крае было учтено 679 указанных деяний с удельным весом 1,93%[3]. Что примечательно, в 2020 году и в РФ и в Ставропольском крае были показаны одни из самых минимальных значений удельного веса исследуемого вида преступлений за последние 6 лет, который продемонстрировал устойчивую тенденцию на снижение, как в количественном выражении, так и пропорционально всей преступности в целом.

Исходя из вышеизложенного, возможно сделать вывод о том, что преступления, связанные с незаконным оборотом оружия, имеют схожие динамические тенденции в изучаемый период времени, однако их средний удельный вес в Ставропольском крае превышает этот же показатель в России на 0,83%, то есть в полтора раза больше. Это позволяет нам сделать вывод о более общественно опасном характере преступности в Ставропольском крае, чем в целом по Российской Федерации.

Продолжая исследование особенностей преступлений, совершаемых на территории Ставропольского края, считаем необходимым рассмотрение количества и удельного веса преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов, сильнодействующих веществ, новых потенциально опасных психоактивных веществ (далее преступлений в сфере НОН).

Начнем мы со сравнения количества и удельного веса преступлений в сфере незаконного оборота наркотиков, зарегистрированных в целом по

---

[1] Состояние преступности в Ставропольском крае в 2020 г. // Данные ИЦ ГУ МВД РФ по Ставропольскому краю.

[2] Состояние преступности в РФ за 2015-2020 г.г. // Данные ГИАЦ МВД России.

[3] Состояние преступности в Ставропольском крае в 2020 г. // Данные ИЦ ГУ МВД РФ по Ставропольскому краю.

стране и в Ставропольском крае: в 2020 году в РФ было зарегистрировано 189905 деяний, удельный вес составил 9,3%[1]; в Ставропольском крае было зарегистрировано 3907 деяний, удельный вес – 11,1%[2]. Однако за последние 6 лет различие в удельном весе данных преступлений не столь значительно – всего 0,6%, что не является существенным расхождением и не позволяет говорить о глобальных различиях преступности в сфере незаконного оборота наркотиков в Ставропольском крае.

Следующим показателем, на наш взгляд, требующим внимания при изучении, является количественная и качественная характеристика преступлений против собственности, совершаемых на территории Ставропольского края.

В 2020 году количество и удельный вес преступлений против собственности в РФ составил 1220806 деяний и 59,7% соответственно[3], а в Ставропольском крае было учтено 20864 имущественных преступлений с удельным весом 59,3%[4]. Как следует из представленных сведений, в 2020 году удельный вес данных преступлений в Ставропольском крае практически идентичен общероссийскому показателю, что подтверждается и удельным весом в период с 2015 года по 2020 год, несмотря на различия в динамике имущественных преступлений.

К следующему виду преступности, подлежащему рассмотрению, мы отнесем преступления экономической направленности.

Согласно статистическим данным МВД России в 2020 году было зарегистрировано 105480 преступлений экономической направленности по стране в целом, удельный вес которых составил 5,2%[5], за этот же период в Ставропольском крае было учтено 2730 указанных деяний с удельным весом 7,8%[6]. Схожие показатели так же были показаны и в период с 2015 по 2020 год, в связи с чем их средний удельный вес в Ставропольском крае превышает этот же показатель в России на 3,0%, то есть в полтора раза больше.

В заключении статьи считаем возможным сделать следующие выводы:

– в 2020 году на территории Ставропольского края было зарегистрировано 35177 преступлений, что продолжает положительную динамику роста преступности с 2018 года, темп прироста составляет 1,2%;

---

[1] Состояние преступности в РФ за 2015-2020 г.г. // Данные ГИАЦ МВД России.

[2] Состояние преступности в Ставропольском крае в 2020 г. // Данные ИЦ ГУ МВД РФ по Ставропольскому краю.

[3] Состояние преступности в РФ за 2015-2020 г.г. // Данные ГИАЦ МВД России.

[4] Состояние преступности в Ставропольском крае в 2020 г. // Данные ИЦ ГУ МВД РФ по Ставропольскому краю.

[5] Состояние преступности в РФ за 2015-2020 г.г. // Данные ГИАЦ МВД России.

[6] Состояние преступности в Ставропольском крае в 2020 г. // Данные ИЦ ГУ МВД РФ по Ставропольскому краю.

– в 2020 году раскрываемость преступлений, совершенных в Ставропольском крае, составила 49,8%, что на 1,9% меньше общероссийского показателя.

– в 2020 году количество и удельный вес тяжких и особо тяжких преступлений в Ставропольском крае составил 10759 деяний и 30,6% соответственно, что на 3,1% больше общероссийского значения;

– в Ставропольском крае в 2020 году было учтено 412 отдельных преступлений против личности, удельный вес – 1,17%, что на 0,36% меньше общероссийского показателя.

– в 2020 году в Ставропольском крае было зарегистрировано 679 преступлений, связанных с незаконным оборотом оружия, удельный вес которых составил 1,93%, что на 0,72% больше общероссийского значения;

– в 2020 году количество и удельный вес преступлений в сфере незаконного оборота наркотиков в Ставропольском крае составили 3907 деяний и 11,1% соответственно, что на 1,8% больше общероссийского удельного веса;

– в Ставропольском крае в 2020 году было учтено 20864 преступлений против собственности, удельный вес – 59,3%, что на 0,4% меньше общероссийского показателя.

– в 2020 году количество и удельный вес преступлений экономической направленности в Ставропольском крае составили 2730 деяний и 7,8% соответственно, что на 2,6% больше общероссийского удельного веса.

Масленникова Татьяна Васильевна,
преподаватель кафедры криминологии
и уголовно-исполнительного права
Уральского юридического института МВД России

Профилактика преступного насилия в сфере семейно-бытовых отношений

В настоящее время в период непростой эпидемиологической ситуации в стране, учитывая необходимость самоизоляции, практически во всех странах отмечен резкий скачок показателей насильственных преступлений в семейно-бытовой сфере. К числу наиболее распространенных насильственных проявлений в семье можно отнести побои, истязания, причинение вреда различной степени тяжести, угроза убийством, изнасилование и убийство. Анализируя статистические данные о домашнем насилии в России, стоит сказать, что несмотря на их разрозненный характер, цифры всё еще остаются пугающими. Различные исследования, проведенные на тему домашнего насилия, находят своё отражение в следующих аспектах:

1. Треть граждан Российской Федерации сталкивались с проблемой домашнего насилия;

2. Каждая 5 женщина в России страдает от насильственных действий со стороны родственников и близких;

3. Лишь каждая 5 женщина сообщает о случаях домашнего насилия.

Традиционно высокая латентность семейно-бытовых преступлений в современном мире несколько снижается, женщины чаще, чем ранее «выносят сор из избы», обращаются в полицию об имевших фактах применения к ним насилия. Однако доля пострадавших женщин, обратившихся с таким заявлением, все еще невысока[1].

Учитывая специфику ограничительных мер, связанных с карантином из-за коронавирусной инфекции, с начала весны 2020 года показатели количества обращений о фактах насилия в семье в различные социальные службы увеличились на 24% по сравнению с аналогичным периодом прошлого года. Такая динамику обуславливается несколькими обстоятельствами. При непрерывном контакте с потенциальной жертвой применение насилия со стороны преступника облегчается условиями одного помещения, ограниченного пространства. При этом возможность сообщить о данных противозаконных деяниях становится намного сложнее в виду пропускного режима, а также сокращенного рабочего времени многих организаций, обеспечивающих помощь и поддержку в подобных случаях. Помимо вышесказанного, нельзя забывать о более затянувшейся проблеме большинства асоциальных проявлений – экономическом кризисе. Безусловно, введение локдауна повлияло на повышение уровня безработицы, в связи с чем психоэмоциональное состояние многих людей дестабилизировалось.

Если говорить о более глобальных факторах развития насильственной преступности в России в течение последнего десятилетия, то можно выделить, с одной стороны, снижение ее абсолютных показателей, а с другой – трансформацию ее качественных характеристик под влиянием ряда социальных факторов. Одним и самых прогрессивных является социально-экономическая неустойчивость, которая привела к существенному расслоению населения по уровню доходов. Помимо этого, пропаганда правового нигилизма среди молодёжи и навязывание асоциальных образцов поведения подрастающему поколению со стороны криминального контингента приводят к обострению преступной обстановки в стране.

Для определения эффективных профилактических мер необходимо выделить основные факторы, связанные с совершением преступлений против личности в семейно-бытовых отношениях. Первым фактором определяется состояние жилищных условий. Наличие каких-либо противоречий между супругами, родителями и их детьми, пожилыми лицами и иными

[1] Жиляева С.К., Красова А.А. Проблемные вопросы семейно-бытового насилия в отношении женщин и детей // Вестник Белгородского юридического института МВД России имени И. Д. Путилина. 2019. № 2. С. 30–33.

проживающими на одной жилой площади, разведенными, но все еще проживающими совместно супругами, совместно проживающими родственниками. Исключение данного фактора вызывает большие трудности, однако, в целях профилактики и предупреждения преступлений необходимо создание большого количества различных фондов помощи, социальной защиты, установления контроля правоохранительными органами за остро конфликтующими семьями и т.п.

Вторым немаловажным фактором является социально-демографическое состояние и поведенческие характеристики населения, проживающего на определенной территории. Для решения проблемных вопросов возможно создание учетов посредством социальных служб данного населенного пункта для установления криминологической ситуации. Служба профилактики и ее главный представитель - участковый инспектор - вряд ли могут работать эффективно, не располагая указанной информацией.

Что касается работы правоохранительных органов, то необходимо сделать акцент на проведении регулярных анализов состояния бытовой насильственной преступности на определенном участке местности и осуществление целенаправленной работы в соответствии с предоставленными данными; проведении работы по мобилизации общественности к сотрудничеству с правоохранительными органами, повышении доверия сотрудникам полиции со стороны населения.

Добиваясь активизации и профилактической результативности работы правоохранительных органов, необходимо также стремиться к более широкому и подготовленному обеспечению личной безопасности граждан. Преодоление социальной апатии, равнодушия, пассивности будет способствовать общему росту правового сознания населения, снижению вероятности возникновения социально нежелательных межличностных конфликтов. Предупреждение конфликтности предполагает разработку и реализацию системы мер по повышению культуры общения, обучению правилам этики, воспитанию уважительного отношения к другой личности[1].

В плане предупреждения изнасилований, важное значение принадлежит совершенствованию нравственно-полового воспитания подрастающего поколения, работа по более активному подключению женской части населения к оказанию помощи в выявлении и разоблачении насильников и лиц, склонных к совершению изнасилований. Необходимо изучение правил поведения в ситуациях возможного сексуального нападения. Как никогда актуальна задача переориентации средств массовой информации на формирование у подрастающего поколения моральных ценностей, несовместимых с пропагандой эротики и порнографии, жестокости и насилия.

---

[1] Осипов С. В. Предупреждение насильственной преступности // Российский следователь. 2002. № 5. С. 11.

Огромное значение для профилактики преступного насилия в сфере семейно-бытовых отношений имеет наличие закрепленных в законе положений по предупреждению насильственных преступлений. Помимо уже имеющихся норм в уголовном и административном законе, такие вопросы поднимаются и в иных нормативно-правовых актах. Так, охрана семейных ценностей, в соответствии с Концепцией государственной семейной политики в РФ на период до 2025 г., признается одним из приоритетных направлений деятельности государства в лице правоохранительных органов[1].

Принятие в 2016 году федерального закона «Об основах системы профилактики правонарушений» также занимает существенное положение в нише практической деятельности по профилактике правонарушений. Однако, рассматривая такую обширную тему как домашнее насилие, данных предписаний недостаточно. На рассмотрение в Государственную Думу Российской Федерации неоднократно выдвигались законопроекты «О профилактике семейно-бытового насилия», но к сожалению, все они были отклонены из-за несоответствия отдельных статей нормам семейного законодательства Российской Федерации, а также из-за дублирования содержания некоторых статей. Таким образом, вопрос о профилактике насильственных противоправных деяний в семейно-бытовых отношениях до сих пор остается нерешенным. Необходимость его рассмотрения подтверждается значительной распространенностью и общественной опасностью насильственных проявлений в семейно-бытовой сфере.

Следующий немаловажный момент в профилактике домашнего насилия заключается в реализации административных мер на региональном уровне. Такая практика подтвердила свою эффективность на примере некоторых регионов нашей страны. Так, в Саратовской области, Мурманской области, Республике Башкортостан и других субъектах замечена позитивная динамика, заключающаяся в снижении фактах насильственных преступлений в семейно-бытовой сфере. Вышесказанное подтверждает необходимость разработки и принятия аналогичных законов на территории всех субъектов Российской Федерации.

В завершении хотелось бы поднять вопрос, затрагивающий проблемы ранней профилактики тяжких насильственных преступлений в семейно-бытовой сфере. Данный вопрос поднимался многими авторами, однако, реализация теоретических замечаний и предложений так и не нашла отражение в практической деятельности. Как правило, совершению вышеуказанных преступлений предшествуют административные правонарушения, преступления небольшой и средней тяжести. В связи с этим огромное значение имеет применение к правонарушителям и преступникам превентивных мер, направленных на недопущение совершения тяжких насильственных преступлений.

---

[1] Об утверждении Концепции государственной семейной политики в Российской Федерации до 2025 года: Распоряжение Правительства РФ от 25 авг. 2014 г. № 1618-р // Собрание законодательства. 2014. № 35. Ст. 4811.

Меерсон Владислав Романович,
адъюнкт Московского университета МВД России
имени В.Я. Кикотя,
адъюнкт Академии МВД Республики Беларусь

Отдельные вопросы признаков составов преступлений, предусматривающих ответственность за действия, дезорганизующие функционирование учреждения уголовно-исполнительной системы, по уголовному законодательству Российской Федерации и Республики Беларусь

Развитие уголовной ответственности за дезорганизацию работы исправительных учреждений в Российской Федерации и Республике Беларусь имеет много общего в силу объективных исторических предпосылок. Учитывая, что анализируемая норма обрела свою законодательную форму (которая почти в аутентичном виде сохранилась и в тексте современного Уголовного кодекса Республики Беларусь, что наводит на определенные размышления) в 1960-х гг. прошлого века, то с целью составления более целостной картины описываемой проблематики, сложно будет обойтись без определенного упоминания уголовного законодательства советской эпохи в контексте рассматриваемого преступления.

25 декабря 1958 года Верховным Советом СССР были приняты основы уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик[1], а также установлена уголовная ответственность за государственные преступления[2]. Данное обстоятельство послужило толчком к принятию новых УК всеми союзными республиками (в том числе и РСФСР с БССР). Уже в мае 1961 года Указом Президиума Верховного Совета СССР в Закон «Об уголовной ответственности за государственные преступления»[3] была введена данная норма в ст. 14[1]. Указанная статья наконец выделила специфическое преступление, совершаемое исключительно в пенитенциарной системе. В соответствии с ней уголовной ответственности подлежали особо опасные рецидивисты, а также лица, осужденные за тяжкие преступления, террори-

[1] «Об утверждении Основ уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик»: [Закон СССР от 25 декабря 1958] // «Ведомости ВС СССР». 1959. № 1. Ст. 6.

[2] «Об уголовной ответственности за государственные преступления»: [Закон СССР от 25 декабря 1958] // «Ведомости ВС СССР». 1959. № 1. Ст. 8.

[3] «О внесении дополнений и изменений в Закон об уголовной ответственности за государственные преступления и в Основы уголовного законодательства»: Указ Президиума ВС СССР от 18.05.1961 // КонсультантПлюс. Россия / ЗАО «Консультант Плюс». М., 2021.

зирующие в местах лишения свободы заключенных, вставших на путь исправления, или совершающие нападения на администрацию, а также организующие в этих целях преступные группировки или активно участвующие в таких группировках. Совершенствование общесоюзного законодательства детерминировало модернизацию уголовных законов союзных республик. Последующее развитие исследуемого состава преступления связано, прежде всего, с осложнением оперативной обстановки в местах лишения свободы в СССР, а в связи с этим и симметричной редакции рассматриваемой статьи в аспекте установления уголовной ответственности за действия, дезорганизующие работу исправительно-трудовых учреждений для иных категорий осужденных. В частности, в 1984 году статья подверглась некоторым изменениям, касающимся расширения круга субъектов подлежащих уголовной ответственности (осужденные к лишению свободы), а также переносу в ч. 2 совершения деяния особо опасными рецидивистами и лицами, осужденными за тяжкие преступления, в качестве увеличивающего общественную опасность признака[1].

После распада Советского Союза некогда унифицированное уголовное законодательство начало стремительно развиваться в рамках своих суверенных направлений. Результатом подобного процесса является очевидное различие в содержании отдельных статей Особенной части Уголовных кодексов. В частности, ярким примером данного обстоятельства может выступать сравнение содержания двух тождественных преступлений по уголовному законодательству Российской Федерации и Республики Беларусь. В соответствии с российским уголовным законом дезорганизация деятельности учреждений, обеспечивающих изоляцию от общества (ст. 321 УК РФ), состоит в следующих альтернативных действиях: 1. применение насилия, либо угроза применения насилия в отношении осужденного (специальная цель – воспрепятствование исправлению или месть за оказанное содействие администрации учреждения или органа уголовно-исполнительной системы); 2. применение насилия, либо угроза применения насилия в отношении сотрудника места лишения свободы или места содержания под стражей (либо его близких) в связи с осуществлением служебной деятельности. Белорусское уголовное законодательство более консервативно по своему содержанию, большей частью в рассматриваемом составе дублирует советское законодательство, поэтому действия, дезорганизующие работу исправительного учреждения, исполняющие наказания в виде лишения свободы, или арестного дома (ст. 410 УК Республики Беларусь), выражаются в следующих действиях: 1. терроризирование осужденного с целью воспрепятство-

[1] «О внесении изменений и дополнений в некоторые законодательные акты СССР об уголовной ответственности и уголовном судопроизводстве»: Указ Президиума ВС СССР от 11.01.1984 № 10641-X // КонсультантПлюс. Россия / ЗАО «Консультант Плюс». М., 2021.

вания его исправлению или из мести за исполнение им общественной обязанности; 2. нападение на представителя администрации исправительного учреждения, исполняющего наказание в виде лишения свободы, или арестного дома; 3. создание лицом, отбывающим наказание, организованной преступной группы с целью терроризирования осужденных или нападения на представителей администрации исправительного учреждения, исполняющего наказание в виде лишения свободы, или арестного дома.

Обращая внимание на характер совершаемых для дезорганизации действий в Уголовных кодексах Республики Беларусь и России Федерации заметно уже достаточно существенное различие. Если в российской статье дезорганизация функционирования исправительного учреждения (места содержания под стражей) осуществляется путем «угрозы и совершения насилия», то белорусская норма содержит довольно специфические деяния в формах «терроризирования» и «нападения». С учетом характера совершаемых действий, квалифицируемых как дезорганизация функционирования учреждений уголовно-исполнительной системы, исходя из проанализированной судебной практики, стоит отметить, что в обоих союзных государствах они выражаются в применении насилия различной степени интенсивности.

В то же время в современных научно-практических комментариях к УК Республики Беларусь под терроризированием понимается «причинение разного рода насильственных действий, угроз расправой и т.д., психологически обусловленных стремлением виновного лица воспрепятствовать исправлению осужденного, либо отомстить ему за исполнение общественной обязанности»[1]. Достаточно широко понимают содержание признака «терроризирование», присущего ряду составов УК, и некоторые современные белорусские исследователи[2]. Очевидно, что к толкованию содержания понятий «терроризирование», «нападение» в контексте совершения преступления, предусмотренного ст. 410 УК Республики Беларусь, в современной уголовно-правовой науке нет согласованного единства, указанные понятия порождают сложности и требуют исключения и замены на такие формы как «угроза применения насилия», «насилие, не опасное для жизни или здоровья», «насилие, опасное для жизни или здоровья». Учитывая данное обстоятельство, представляется не совсем логичной конструкция ст. 410 УК Республики Беларусь, в которой сформулированные в советском уголовном законе понятия, дополнены современными обязательными специфическими признаками субъективной стороны. Очевидно, что с учетом спорного содержания понятия «терроризирования», видится обоснованным отказ от данного понятия с последующим переходом к более уместным категориям –

[1] Уголовный кодекс Республики Беларусь: науч.-практ. коммент. / Т.П. Афонченко [и др.]; под ред В.М. Хомича, А.В. Баркова, В.В. Марчука. Минск: Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь, 2019. С. 880.

[2] См. Никитенко О. Г. Систематизация преступлений террористического характера и преступлений с признаками терроризирования в уголовном законодательстве Республики Беларусь // Веснік БДУ. Серыя 3, Гісторыя. Эканоміка. Права. 2012. № 1. С. 90-92.

«угроза применения насилия», «насилие» распространенным в иных составах уголовных кодексов двух государств.

Также выглядит достаточно спорно подход белорусского законодателя к повышенной уголовной ответственности лиц, осужденных за тяжкие (особо тяжкие) преступления, а также допустивших особо опасный рецидив в случае совершения ими действий, дезорганизующих функционирования учреждений уголовно-исполнительной системы, так как в данном случае презюмируется с одной стороны, что совершенное посягательство имеет большую общественную опасность исходя из субъекта, совершающего его. С другой стороны, благодаря данным квалифицирующем признакам, количество лиц, осужденных по ч. 2 ст. 410 УК Республики Беларусь, значительно превышает (в 2,4 раза по данным ИЦ МВД Республики Беларусь), число лиц, привлекаемых по основному составу исследуемого преступления. Представляется, что характеристики личности виновного должны рассматриваться, не как инструмент криминализации, а как средство дифференциации или индивидуализации наказания. В данном случае, актуально мнение А.В. Иванчина, о том, что «общественная опасность слагается из общественной опасности деяния и общественной опасности личности его субъекта. Поэтому криминализация и дифференциация (а за ними и конструирование состава) должны опираться на учет как объективных свойств общественной опасности человеческого поведения, так и опасности личности преступника. Если в основание уголовной ответственности всегда без исключения закладывать только деяние, то это приведет к «уравниловке», а если только личность, то неизбежен произвол»[1].

В настоящее время возрастает значение обмена опытом между Республикой Беларусь и Российской Федерацией в различных областях государственного управления. Обмен опытом также необходим для более эффективного противодействия преступности, в том числе и в сфере функционирования пенитенциарных учреждений. В связи с этим представляет интерес сравнительное исследование уголовно-правовых норм, направленных на противодействие преступлениям, дезорганизующим функционирование учреждений уголовно-исполнительной системы. Изучение национальных особенностей уголовного законодательства союзных государств имеет достаточно серьезное значение для решения перспективных вопросов унификации законодательства в контексте интеграционных процессов. Разумеется, что для качественного осуществления данной задачи необходим учет и обобщение (с поправкой на различные особенности) наиболее эффективных положений, признаков, формулировок, конструкций и т.д. существующих на данный момент нормативных правовых актов. Таким образом в данном процессе (с учетом описанных особенностей, а также применительно к описываемой теме) уместнее ориентироваться на конструкцию статьи 321

[1] Иванчин А.В. Теория конструирования состава преступления: практикум. Ярославль: ЯрГУ, 2014. С. 35.

УК РФ, предусматривающей ответственность за дезорганизацию деятельности учреждений, обеспечивающей изоляцию от общества.

Исходя из изложенного представляется целесообразным рассмотреть вопрос об исключении перечисленных квалифицирующих признаков из ст. 410 УК Республики Беларусь, а также заменить используемые в ней архаичные понятия, такие как «терроризирование», на характерные для ст. 321 УК РФ – «угроза применения насилия», «насилие». Однако, и в белорусском составе анализируемого преступления есть отдельные аспекты, которые выгодно отличают его от российского аналога. Данные особенности касаются конкретизации субъекта, более широкой дефиниции, касающейся потерпевших от данного преступного посягательства, а также дислокации самой статьи в системе Особенной части УК. Данные обстоятельства необходимо учесть при формулировке предложений по развитию уголовного законодательства, направленного на охрану упорядоченного функционирования учреждений уголовно-исполнительной системы. Вместе с тем, существующая в настоящее время конструкция ст. 410 УК Республики Беларусь, в большей степени обуславливает искусственную криминализацию, а квалифицированный состав не обеспечивает реального увеличения степени общественной опасности по сравнению с основным (при сопоставлении с содержанием ст. 321 УК РФ). Следует еще раз подчеркнуть, что в ст. 321 УК РФ содержатся более понятные, распространенные и привычные для правоприменителя термины, детально исследуемые в науке уголовного права вплоть до настоящего времени, и в процессе совершенствования белорусской нормы (а равно – создания унифицированной для обоих государств) необходимо придерживаться данного пути развития.

Михайловская Ольга Валерьевна,
старший научный сотрудник
Всероссийского научно-исследовательского
института МВД России

Проблемные аспекты реализации уголовной политики в области уголовно-правовой охраны лиц, находящихся в беспомощном состоянии

Одним из направлений уголовной политики является защита в сфере прав и свобод человека. Приоритет ценности человеческой жизни, прав и свобод человека над всеми другими ценностями утвержден Конституцией Российской Федерации, где закреплено: «Человек, его права и свободы являются высшей ценностью. Признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина – обязанность государства». Данное конституционное положение защищается всеми отраслями законодательства, в том числе уголовно-правовой.

Охрана прав и свобод человека и гражданина от преступных посягательств перечислена первой в установленном в статье 2 Уголовного кодекса Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (в ред. от 08.06.2020 г.) (далее – УК РФ) перечне задач уголовного законодательства.

В настоящее время в условиях развития демократического, правового, социального государства в России проблемы, связанные с охраной прав и свобод человека от преступных посягательств, приобретают особую актуальность. Прежде всего это относится к охране прав и законных интересов наименее защищенных слоев общества, особенно лиц, которые в силу своего малолетнего или престарелого возраста, физических недостатков, болезненного или иного беспомощного состояния не способны в полной мере осознавать и (или) самостоятельно защищать и отстаивать свои права и интересы, а в случае совершения в отношении них преступления - правильно воспринимать происходящее, защитить себя, оказать активное сопротивление виновному. Слабость и незащищенность указанной категории лиц, делают их нередко более доступными для совершения против них преступлений, что вызывает стремление законодателя более тщательно охранять их интересы.

Высокая степень общественной опасности преступлений, совершаемых в отношении указанной категории лиц, предопределила установление в уголовном законе повышенной ответственности за данные преступления.

Так, в п. «з» ч. 1 ст. 63 УК РФ регламентированы отягчающие обстоятельства: совершение преступления в отношении женщины, заведомо для виновного находящейся в состоянии беременности, а также в отношении малолетнего, другого беззащитного или беспомощного лица либо лица, находящегося в зависимости от виновного. Перечисленные в указанной норме обстоятельства предполагают особо уязвимое состояние потерпевшего, которое осознается виновным и используется при совершении преступления. Совершение преступлений в отношении этой категории лиц свидетельствует о повышенной опасности совершенного деяния для общества и требует применения не только более строгих мер уголовной ответственности, но и разработки действенных правовых средств противодействия такого рода деяниям.

При этом следует отметить, что расширительному толкованию перечень отягчающих обстоятельств, указанных в ст. 63 УК РФ не подлежит. Суд при назначении наказания не может признать иные отягчающие обстоятельства[1].

[1] Пленум Верховного Суда РФ в постановлении от 11 января 2007 № 2 «О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания» совершенно справедливо указал судам, что в соответствии со ст. 63 УК РФ перечень отягчающих обстоятельств является исчерпывающим и расширительному толкованию не подлежит. Суд не вправе ссылаться ни на какие иные неблагоприятные для подсудимого обстоятельства в целях усиления наказания // Российская газета. 2007. № 13.

В составе ряда преступлений против личности, в частности, предусмотренных статьями 105, 110, 110.1, 111, 112, 117, 120, 127.1 УК РФ, данное обстоятельство предусмотрено в качестве квалифицирующего признака, а в некоторых, например, преступлений, предусмотренных статьями 131 и 132 УК РФ, - является конструктивным признаком основного состава. Отдельно установлена в статье 125 УК РФ ответственность за оставление без помощи лица, находящегося в опасном для жизни или здоровья состоянии и лишенного возможности принять меры к самосохранению по малолетству, старости, болезни или вследствие своей беспомощности.

Вместе с тем социальная потребность в обеспечении более совершенной уголовно-правовой охраны лиц, находящихся в беспомощном состоянии, все более усиливается.

Анализ норм уголовного законодательства и практики их применения показывает, что задача обеспечения надлежащей охраны лиц, находящихся в беспомощном состоянии, от преступных посягательств уголовно-правовыми средствами пока не решена в необходимой мере.

В УК РФ неоднократно вносились изменения, направленные на устранение пробелов и недостатков в правовой регламентации и на усиление ответственности за совершение преступлений в отношении указанной категории лиц. Тем не менее, практика применения уголовно-правовых норм об ответственности за данные преступления показывает, что уголовное законодательство в части правовой регламентации ответственности за эти преступления, остается еще во-многом несовершенным. Проявляются на практике, в том числе, терминологическая неопределенность и конструктивные недостатки указанных уголовно-правовых норм. Данные обстоятельства нередко приводят к ошибкам в квалификации преступлений, обусловливают в ряде случаев безнаказанность виновных лиц.

В последние годы преступления, совершенные в отношении лица, находящегося в беспомощном состоянии, приобрели значительную распространенность. При этом в статистической отчетности о состоянии преступности такая категория потерпевших отдельно не выделяется, что является результатом, в том числе, недооценки проблем противодействия совершаемым в отношении них преступлениям. О распространенности таких преступлений свидетельствуют имеющиеся в статистической отчетности сведения о преступлениях, совершенных в отношении лиц женского пола, пожилого возраста и несовершеннолетних, поскольку именно эти категории лиц наиболее часто оказываются в момент совершения в отношении них преступления в беспомощном состоянии.

Так, по данным уголовной статистики, в 2019 году из свыше 1 млн. 369 тыс. потерпевших – физических лиц, свыше 641,7 тыс. или 46,8% составили лица женского пола, свыше 241,5 тыс. или 17,6% - лица пожилого возраста, более 107,5 тыс. или 7,9% – несовершеннолетние. В 2020 году значения указанных показателей составили, соответственно, свыше 670,6 тыс.

или 48,7%, более 251,2 тыс. или 18,2% и свыше 94,8 тыс. или 6,9% из общего количества более 1 млн. 376,7 тыс. потерпевших – физических лиц. При этом большая часть несовершеннолетних потерпевших, соответственно 61,4% и 59,8%, были в возрасте до 14 лет[1].

Приведенные статистические данные свидетельствуют, кроме того, о недостаточности имеющихся средств уголовно-правовой охраны лица, находящегося в беспомощном состоянии, и о наличии проблем, связанных с обеспечением надлежащей его охраны от преступных посягательств.

Указанные проблемы приобретают особую актуальность также в связи с тем, что в целях совершения преступлений виновные все чаще сами приводят лицо в беспомощное состояние, в том числе путем применения физического или психического насилия, сопряженного с введением в организм наркотических, психотропных, сильнодействующих веществ и иными способами. При этом ответственность за такие действия уголовным законом не установлена, что позволяет виновным оставаться безнаказанными.

Проблемы, связанные с обеспечением надлежащей уголовно-правовой охраны лица, находящегося в беспомощном состоянии, в определенной степени обусловлены недостаточной теоретической разработанностью концептуальных вопросов их разрешения в современных условиях с учетом изменений в законодательстве, а также в социально-экономической и политической сферах жизни общества.

Несовершенство российского уголовного законодательства в указанной части обусловлено, в том числе, и тем, что в нем недостаточно учтены исторический и зарубежный опыт правового регулирования уголовной ответственности за совершение преступления в отношении лица, находящегося в беспомощном состоянии.

Подводя итог вышесказанному, полагаю, что в современных условиях возникла необходимость в дальнейшем совершенствовании уголовного законодательства в области охраны лиц, находящихся в беспомощном состоянии. При этом, крайне важно опираться и на международный положительный опыт в данной сфере.

Таким образом, правовая охрана лиц, находящихся в беспомощном состоянии должна являться одним из приоритетных и основных направлений уголовной политики на современном этапе развития российского общества.

[1] Данные ФКУ «ГИАЦ МВД России». Форма 493. Сводный отчет по России о зарегистрированных, раскрытых и нераскрытых преступлениях за 2019 и 2020 г.г.

Московцева Кристина Андреевна,
адъюнкт кафедры предварительного расследования
Московского университета МВД России
имени В.Я. Кикотя

Ведомственный процессуальный контроль на этапе проверки сообщения о преступлении

Говоря о роли ведомственного контроля руководителя следственного органа, очевидным является факт того, что в целом он направлен на обеспечение законности и обоснованности действий следователя. Принято считать законность неким правовым идеалом, лежащим в основе деятельности правоохранительных органов государства. В уголовном судопроизводстве законность – это один из основополагающих принципов, нашедший свое законодательное закрепление в уголовно-процессуальном законе.

Правовой основой ведомственного контроля является, в первую очередь, уголовно-процессуальный кодекс и иные нормативно-правовые акты. К числу должностных лиц, наделенных правом осуществлять ведомственный процессуальный контроль, в соответствии с действующим законодательством, относится руководитель следственного органа, начальник подразделения дознания, начальник органа дознания. В 2007, 2010 годах институт ведомственного контроля претерпел значительные изменения, так как законодатель расширил объем полномочий руководителя следственного органа. На этот счет в ученой среде ведутся острые дискуссии. Так, С.А. Табаков называет такие изменения негативными, А. Лысаков предлагает уровнять в правах руководителя следственного органа и прокурора, таким образом убрать существующий перекос. А.В. Победкин объясняет такое видимое перераспределение полномочий в сторону руководителя следственного органа должной необходимостью, произошедшей по причине образования самостоятельного органа - Следственного комитета РФ, отделенного от прокуратуры[1].

Все-таки стоит понимать, что данная проблема имеет многоаспектный характер. Так, вызывают немалую озабоченность должностные преступления, совершенные на этапе проверки сообщения о преступлении. Л.А. Сиверская пишет: «По мнению представителей научного потенциала, уровень нарушений законности на стадии возбуждения уголовного дела на протяжении последних лет остается стабильно высоким, имеющим тенденцию к увеличению»[2].

---

[1] Победкин А.В. Модель взаимоотношений прокурора, руководителя следственного органа и следователя (с учетом правовых позиций Конституционного Суда Российской Федерации) // Труды Академии управления МВД России. 2018. №2(46). С.119.

[2] Сиверская С.А. Ведомственный процессуальный контроль за рассмотрением сообщения о преступлении // Вестник КГУ им. Н.А. Некрасова. 2013. №1. С.222.

На практике уже давно внедрена и активно развивается оценочно-рейтинговая система. Основным критерием такой деятельности, конечно, выступает раскрываемость и количество зарегистрированных преступлений. На этот счет высказался известный ученый-процессуалист Б.Я. Гаврилов: «достижение высоких положительных показателей стало вопросом профессионального выживания и обогатило практику органов внутренних дел значительным опытом по укрытию преступлений от учета»[1].

Следующей проблемой данного этапа, на наш взгляд, является возможность руководителя следственного органа участвовать в проверке сообщения о преступлении. В данном случае неясность состоит в том, что по смыслу данное полномочие схоже с другим полномочием руководителя следственного органа, таким как «проверка материалов проверки». Ведомственные нормативно-правовые акты подробным образом раскрывают его суть и регламентируют деятельность руководителя следственного органа по его исполнению. Отсюда возникает вопрос о целесообразности такой формулировки в законе, по смыслу и содержанию дублирующую другое полномочие.

Отдельные процессуалисты обращают внимание на проблему регистрации сообщений о преступлении. Она выражается в несоблюдении установленных законом сроков рассмотрения, принятию незаконных или необоснованных решений. На этот счет Л.А. Сиверская приводит статистические данные ГИАЦ МВД РФ, которые содержат годовой показатель отмененных постановлений об отказе в возбуждении уголовного дела с последующим их возбуждением в количестве 151881[2]. Смотря на такие данные напрашивается вывод о том, что функция ведомственного контроля на этапе проверки сообщения о преступлении явным образом нарушена. Но статистика прокуратуры Приморского края говорит об обратном. Так, за период январь-июнь 2020 года было отменено постановлений об отказе в возбуждении уголовного дела - 37 593, возбуждено уголовных дел по результатам отмены постановления об отказе в возбуждении уголовного дела лишь 3 212[3]. В данном случае мы отчетливо видим положительный результат проделанной работы по осуществлению ведомственного контроля.

Проблемным вопросом, возникающим в ученой среде, также является так называемый «переизбыток» функциональных полномочий в рамках

---

[1] Гаврилов Б.Я. Современная уголовная политика России: цифры и факты // [Электронный ресурс]: http://library.khpg.org/files/docs/1359743260.pdf (дата обращения: 09.09.2021).

[2] Там же. С.224.

[3] Аналитическая записка о состоянии деятельности прокуратуры Приморского края за период январь-июнь 2020 года // [Электронный ресурс]: http://prosecutor.ru/files/upfiles/Osnovnye_rezultaty_prokurorskoy_ deyatelnosti_06.20.docx (дата обращения: 09.09.2021).

проверки сообщения о преступлении. На данный момент уголовно-процессуальный закон наделил дознавателя, орган дознания, следователя, руководителя следственного органа следующими правомочиями:

1. получать объяснения;
2. получать образцы для сравнительного исследования;
3. исследовать предметы, документы;
4. изымать предметы, документы в порядке, установленном законом;
5. назначать судебную экспертизу;
6. участвовать в производстве судебной экспертизы и получать заключение эксперта в разумный срок;
7. производить осмотр места происшествия, предметов, документов, трупов, освидетельствование;
8. требовать производства документальных проверок и ревизий, исследований предметов, документов, трупов;
9. привлекать специалистов к участию в проверочных действиях;
10. давать органу дознания обязательные для исполнения поручения (в письменной форме);
11. требовать от редакций средства массовой информации, находящиеся в их распоряжении, документы и материалы, подтверждающие сообщение о преступлении, а также данные о лице, предоставившем данную информацию (за исключением случаев, когда это лицо поставило условие о сохранении в тайне источника информации)

Мы видим достаточно обширный круг полномочий. Более того, данный перечень содержит ряд следственных действий, проведение которых стало возможным до возбуждения уголовного дела. По этому поводу также можно увидеть немало различных точек зрения. Сторонники данного преобразования высказываются о положительной динамике, появившейся в связи с увеличением возможных к проведению мероприятий, противники же, наоборот, о целесообразности скорейшего упразднения такого нововведения.

Тем не менее, стоит заметить, что для того, чтобы в действительности оценить действенность внедренного преобразования, и необходимость такого внедрения стоит опираться не только на мнения ученых, которое, безусловно, важно и имеет особую ценность, но и учитывать показатели статистических данных, а также мнение практических сотрудников органов внутренних дел.

Никульцева Анна Николаевна,
аспирант кафедры уголовно-правовых дисциплин
Международного юридического института (г. Москва)

Преступления на рынке ценных бумаг: уголовно-правовой и криминологический аспекты

Одним из важнейших компонентов российской экономики является национальная финансовая система, которая обеспечивает стабильность социально-экономических условий в стране, включая принятие эффективного правового надзора, детальную организацию и юридическое сопровождение обращения наличных и других денежных средств, а также ценных бумаг. Таким образом, нарушение национальной финансовой системы является одним из самых опасных преступлений и требует эффективных ограничительных мер уголовного права.

Активизация процесса развития экономического взаимодействия субъектов хозяйствования различных организационно-правовых форм привела к появлению новых и реализации существовавших ранее финансовых связей, повлияла на развитие кредитных отношений и расширение состава их участников. Основным компонентом современного рынка является, в частности, фондовый рынок (рынок ценных бумаг), который характеризуется высоким уровнем инфраструктуры.

Нынешний правовой надзор за рынком ценных бумаг, по-видимому, адекватно контролируется, чтобы обеспечить его нормальное функционирование.

Однако его уголовно-правовое обеспечение не может считаться эффективным и не может отвечать требованиям современного охранного оборота по остановке эффективности преступлений. Необходимо согласиться с позицией А.Ю. Рябовой: «Если участников РРК нужно защищать, есть несоответствия между разработанными на нем нормами разных отраслей. В связи с этим они подтверждают уголовный запрет на лучшую структуру для их защиты нормы административного и гражданского права»[1].

Рынок ценных бумаг (РЦБ) представляет собой объект охраны со стороны уголовного права. С этой точки зрения РЦБ может рассматриваться как комплекс экономических правоотношений, возникающих в связи с выпуском и оборотом ценных бумаг. Уголовное законодательство РФ предусматривает защиту рынка ценных бумаг, которая закрепляется в нормах и положениях статьи 185 Уголовного Кодекса РФ «Злоупотребление при

[1] Рябова А.Ю. Преступления, совершаемые на рынке ценных бумаг: социальная обусловленность, законодательная регламентация, квалификация: автореф. дисс. …канд. юрид. наук. М., 2013. 25 с.

эмиссии ценных бумаг», статьи 185.1 УК РФ «Злостное уклонение от предоставления инвесторам (контролирующим органам) сведений, установленных законодательством РФ о ценных бумагах»), а также статьи 186 УК РФ «Изготовление или сбыт поддельных денег или ценных бумаг».

Фондовый рынок в нашей стране существует уже более 200 лет. За этот период государство накопило большой опыт противодействия разнообразным нарушениям в сфере выпуска и оборота ценных бумаг. Отечественное уголовное законодательство в этом отношении было одним из лучших в мире, по мнению значительного количества исследователей. Однако данный опыт был утрачен после революции 1917 года. Именно поэтому в 1990-х годах, когда в стране вновь возникли рыночные отношения, регламентация преступлений в сфере оборота и выпуска ценных бумаг не нашла соответствующего закрепления в Уголовном Кодексе 1996 года[1].

Принимая во внимание особенности деяний, которыми формируется объективная сторона посягательства, закрепленного в статье 185 УК РФ, следует подчеркнуть, что, устанавливая уровень его общественной опасности, необходимо оценивать такую категорию как нанесение реального материального вреда, но и упущенную выгоду. Упущенная выгода должна определяться, принимая во внимание все потери, которые понесли граждане или организации. Такой подход даст возможность более правильно оценить общественный вред злоупотреблений в сфере выпуска и оборота ценных бумаг. Кроме того, это позволит увеличить результативность реагирования правоохранительных органов на подобные посягательства.

Мы считаем, что специальный субъект посягательств, способствующих нарушению законодательно закрепленного порядка эмиссии ценных бумаг, должен быть представлен юридическим лицом, т.е. организацией. Для этого не нужно будет вносить какие-либо существенные изменения в Общую часть УК РФ. Это объясняется тем, что для того чтобы закрепить юридическое лицо как специальный субъект посягательства, достаточно будет внести ряд изменений в определенные положения Особенной части Уголовного кодекса. При этом следует также принять во внимание нормы КоАП РФ, закрепляющие понятие и конструкцию вины юридических лиц[2].

Статья 46 и соответствующие статьи Особенной части Уголовного кодекса закрепляют, что суд может начислять объем штрафа двояким способом. Однако такой подход является целесообразным только по отношению к лицам, работающим на бюджетных предприятиях. Если рассматривать остальные организации, то в ближайшем будущем у органов государственного управления, в том числе суда, контролирующих ведомств и правоохранительных органов, не будет эффективных способов установления объема

[1] Скляров С. Как квалифицировать последствия сбыта поддельных денег или ценных бумаг // Российская юстиция. 2019. № 10. С. 144.

[2] Русанов Г.А. Уголовная ответственность за манипулирование ценами на рынке ценных бумаг (ст. 185.3 УК РФ) // Адвокат. 2019. № 8. С. 84.

дохода того или иного субъекта. Поэтому, мы считаем, не следует оставлять в Уголовном кодексе названный метод начисления штрафов.

В РФ необходимо сформировать комплекс мер, направленных на уголовно-правовую охрану рынка ценных бумаг. При этом необходимо принимать во внимание существующую на сегодняшний день криминогенную ситуацию. Механизмы осуществления данной категории посягательств должны быть непосредственно отражены в нормах и положениях уголовного права.

Общественный вред практически всех рассматриваемых нарушений существенно выше посягательств, ответственность за которые закрепляет Уголовный кодекс.

Проблемы уголовно-правовой регламентации РЦБ в нашей стране на сегодняшний день требуют решения посредством комплексного анализа и сравнительного правоведения. При этом необходимо принимать во внимание специфику уголовного законодательства других государств. Устанавливая круг государств, меру и уровень детализации изучаемых сведений об уголовно-правовой регламентации РЦБ каждым из них, необходимо прежде всего учитывать такие факторы, как: уровень проработки вопросов в российских и иностранных источниках; экономическое и правовое сотрудничество РФ с определенным государством; теоретические и практические условия для осуществления в отечественной законотворческой деятельности и судебной практике опыта государства (государств). При этом следует основной акцент сделать на государствах, которыми определяется экономическая безопасность нашей страны, а также показатели межнациональной преступности в отношении РЦБ[1].

Нормы уголовного права, закрепляющие ответственность за совершение посягательств в области РЦБ в государствах СНГ, обладают своими характерными чертами. Они проявляются в следующем: уровень разнообразия посягательств, подлежащих уголовному преследованию и уголовному наказанию; специфика этих посягательств; присутствие либо отсутствие квалифицирующих признаков в деяниях; разновидности наказаний; объемы санкций, предусмотренных за данные деяния.

Факторы, обуславливающие злоупотребления на отечественном РЦБ, невзирая на то, что в России активно развивается и оптимизируется законодательство, регулирующее данную сферу, сохраняют свою стабильность. За последние двадцать лет они практически не изменились. В частности, это такие факторы, как:

а) наличие пробелов и противоречий в законодательстве, регламентирующем правоотношения в сфере фондового рынка РФ;

[1] Чучаев А. Усиление уголовно-правовой охраны рынка ценных бумаг // Уголовное право. 2019. № 2. С. 73.

б) законодательство непрерывно меняется, и при этом далеко не во всех случаях в нем отражаются явления и процессы, затрагивающие РЦБ;

в) до сих пор не разработана четкая стратегия в части нормативно-правового, экономического и организационного обеспечения РЦБ;

г) в большинстве своем граждане не готовы к тому, чтобы качественно работать с ценными бумагами;

д) наличие правового нигилизма среди граждан, в основе которого лежит имеющая место недостаточная законодательная защита граждан и организаций;

е) в большинстве своем субъекты не располагают необходимыми инструментами противодействия злоупотреблениям в сфере РЦБ;

ж) как финансовое, так и кадровое обеспечение работы в сфере противодействия рассматриваемой категории посягательств является слабым и недостаточным[1].

В связи с определенными объективными и субъективными причинами практически все рекомендации и предложения, направленные на то, чтобы оптимизировать уголовно-правовое регулирование РЦБ, разрабатывают органы финансового контроля. Однако в связи со своей ведомственной спецификой они склонны преувеличивать возможности уголовно-правовых инструментов противодействия правонарушениям в сфере РЦБ. Однако ведомственные предложения и рекомендации можно осуществить. При этом устранить сопутствующие негативные последствия можно, если регулярно проводить межведомственные координационные конференции, научно-методические советы Генпрокуратуры РФ, МВД РФ, Банка России, Федеральной службы по финансовым рынкам, остальных органов и служб. В ходе этих мероприятий необходимо обсуждать и разрабатывать скоординированные и согласованные мероприятия, направленные на оптимизацию уголовного законодательства РФ, регулирующего сферу злоупотреблений на рынке ценных бумаг[2].

Также следует отметить еще один немаловажный факт, касающийся незаконного оборота ценных бумаг. В частности, в статье 170.1 УК РФ «Фальсификация единого государственного реестра юридических лиц, реестра владельцев ценных бумаг или системы депозитарного учета» не говорится о преднамеренном характере совершения данного деяния. Это приводит к расширительному толкованию нормы статьи, а, следовательно, разно-

[1] Красюков С.В. Объект злоупотреблений при эмиссии ценных бумаг (ст. 185 УК РФ) // Российский следователь. 2020. № 8. С. 66.

[2] Голубков А.Ю. Правовое регулирование рынка ценных бумаг // Государство и право. 2020. № 2. С. 59.

гласиям при оценивании субъективных признаков этого состава. Это затрудняет процесс правоприменения[1]. В частности, об ошибках в квалификации деяний в сфере предоставления регистрирующему органу заведомо фальшивой документации со ссылкой на материалы правоприменительной практики, говорит О.Г. Карпович. Он указывает на то, как важно правильно выявлять именно на этапе доследственной проверки достаточность информации, свидетельствующей о наличии в посягательстве признаков, закрепленных в рассматриваемой уголовно-правовой норме, в числе которых - намеренный характер осуществления посягательства[2].

Стоит согласиться с точкой зрения О.Г. Карповича. В связи с этим, для того чтобы ликвидировать технико-юридический пробел – отсутствие непосредственного указания на преднамеренный характер предусмотренного ст. 170.1 УК РФ посягательства и обеспечить однозначное толкование уголовной нормы, считаем необходимым добавить в части 1, 2, 4 комментируемой статьи термин «преднамеренное»[3]. Этот термин следует расположить в самом начале каждой названной части статьи 170.1.

Цифровизация вкупе с удешевлением средств автоматизированной обработки (передачи) данных и экспонентным ростом числа пользователей современными технологиями предоставила криминальному миру новые возможности, что вызвало рост числа совершаемых преступлений. Ответом стала законодательная дифференциация уголовной ответственности за так называемые киберпреступления, что позволило уточнить предметы новых видов хищений.

Совершение киберпреступлений одновременно в двух мирах – экономическом и информационно-технологическом определяет их социально-правовую сущность. Для указанных составов преступлений обязательным признаком выступает наличие предмета[4], которым могут быть, согласно ГК РФ, имущество и вещно-правового характера, и «бестелесное», в том числе имущественные права, включая безналичные денежные средства, бездокументарные ценные бумаги, цифровые права. В этой связи возникает вопрос о возможности признания предметом компьютерных хищений электронных денежных средств и криптовалюты.

---

[1] Красюков С.В. Объект злоупотреблений при эмиссии ценных бумаг (ст. 185 УК РФ) // Российский следователь. 2020. № 8. С. 84.

[2] Карпович О.Г. Уголовно-правовые проблемы борьбы с преступлениями в отношении владельцев ценных бумаг. Правила квалификации // Российский следователь. 2019. № 9. С. 21.

[3] Лопашенко Н.А. Преступления в сфере экономической деятельности: понятия, система, проблемы квалификации и наказания. Саратов, 2017. С. 55.

[4] Бохан А. П., Лиманцева Т. И. Правовое регулирование компьютерной информации как объекта уголовно-правовой охраны // Юристъ-Правоведъ. 2015. № 3 (70). С. 38–42.

Для всего мирового сообщества 2020 год стал достаточно нестабильным во всех сферах жизни, приход пандемии сильно отразил действительную значимость IT-технологий, цифровых правоотношений в повседневной жизни граждан, сфере бизнеса, государственном управлении. Большинство граждан перешли на дистанционный формат обучения, работы, осуществления гражданско-правовых действий, связанных с оборотом имущества, в том числе с помощью сети Интернет[1].

По данным МВД России, в 2020 году число преступлений, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных технологий, возросло на 73,4 %, в том числе с использованием сети Интернет – на 91,3 %, при помощи средств мобильной связи – на 88,3 %[2].

Большое внимание в приоритетном порядке правоохранительными органами уделяется в последнее время профилактике и предупреждению преступлений, совершенных при использовании информационно-телекоммуникационных технологий, где наиболее распространенными деяниями являются кражи, мошенничество.

Тенденции данного вида преступлений указывают на устойчивый рост преступности различного характера в данной среде, а также достаточно большой объем латентных преступлений, которые по тем или иным причинам остаются не учтенными в официальной статистике МВД России за отчетные периоды времени. Основной и наиболее распространенной чертой (признаком) совершения подобных преступлений в Интернете является оборот цифровых активов. Под цифровыми активами подразумевается, что это, в той или иной мере, ценный цифровой объект, выступающий имуществом пользователя (держателя цифрового актива) с характерными свойствами, примером может послужить криптовалюта[3].

Подытоживая сказанное выше, мы можем сделать ряд важных выводов:

1. Необходимо оптимизировать уголовно-правовые нормы, в которых закрепляется уголовная ответственность за преступления в сфере законодательно установленных правил обращения ценных бумаг. Совершенствовать законодательство в данной сфере необходимо в разрезе осуществления концептуальных и технико-юридических аспектов правотворчества. Это позволит обеспечить единое понимание и унифицированный характер уголовно-правовых норм как на микро-, так и на макроуровне.

---

[1] Волкова М. А., Ленковская Р. Р., Кулешов Г. Н., Незнамова А. А., Туркин М. М., Жестеров П. В., Савцова Н. А. Гражданско-правовое регулирование охраны и защиты авторских прав в сети Интернет. М., 2019. С. 112.

[2] Краткая характеристика состояния преступности в Российской Федерации за январь–декабрь 2020 года. URL: https://xn--b1aew.xn--p1ai/reports/item/22678184/ (дата обращения: 07.09.2021)

[3] Тумаков А.В., Терехов М.Г. Создание финансовых пирамид с использованием цифровых активов // Вестник экономической безопасности. 2020. № 3. С. 92.

2. Необходимо конкретизировать сущностные аспекты судебной практики и расширить границы уголовно-правовой защиты правил выдачи и получения сведений на финансовом рынке. В связи с тем, что в законодательстве нет единообразного толкования такого признака, как своевременность предоставления сведений, закрепленных в законодательстве РФ о ценных бумагах, как элемента рассматриваемого деяния, считаем необходимым добавить в ч. 1 ст. 185.1 У К РФ после формулировки «или предоставление заведомо неполных либо ложных сведений» формулировку «и их несвоевременное раскрытие».

3. С точки зрения технико-юридического аспекта правотворчества и оптимизации правового регулирования уголовной ответственности за совершение нелегальных операций на рынке ценных бумаг, с целью ликвидировать технико-юридический пробел, в результате которого в уголовном законодательстве отсутствует непосредственное указание на преднамеренный характер рассматриваемого деяния, считаем необходимым дополнить ч. 1, 2 и 4 ст. 170.1 УК РФ термином «преднамеренное». Следует расположить этот термин в начале каждой части ст. 170.1 УК РФ.

4. В современных условиях уже созданы предпосылки для постановки вопроса о признании криптовалюты предметом хищений, а в условиях отсутствия регулятивного законодательства криптовалюту можно рассматривать как иное имущество при определении предмета киберпреступлений.

5. За последнее время, безусловно, наиболее важным и приоритетным направлением для науки и законодательства является структурированное формирование понятия о цифровых правоотношениях, что вполне обоснованно указывает на предпосылки формирования в юриспруденции новой отрасли права – цифрового права, которое рассматривается на сегодняшний день через существование полноценного межотраслевого института цифровых активов[1].

Подводя итог, следует отметить, что при систематизированном научном подходе к проблеме цифровизации общества, а также благодаря достаточно обширному пониманию складывающейся проблемы сотрудниками правоохранительных органов станет возможным осуществлять раскрытие преступлений, связанных с использованием цифровых активов, на основе сформированных структурных эмпирических знаний о таком феномене, как цифровые правоотношения.

[1] Федеральный закон от 31.07.2020 № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // СПС «Консультант Плюс», 2021.

Пахомова Оксана Николаевна,
кандидат юридических наук,
доцент кафедры уголовного права, криминологии
и уголовно-исполнительного права
Калининградского филиала
Санкт-Петербургского университета МВД России

Читерство: уголовно-правовой и криминологический аспекты

В настоящее время киберпространство стремительно заполняет все сферы жизнедеятельности социума. Данный процесс закономерно порождает новые виды и способы совершения преступлений. Информационное развитие современного общества ставит новые задачи, требующие решения, как на доктринальном уровне, так и на уровне правоприменительной практики.

Актуальность исследования обусловлена тем, что в последние годы наблюдается заметный рост «цифровой» преступности. Кроме того, указанный вид преступности постоянно модифицируется, борьба с ним усложняется тем, что преступления в данной сфере совершаются с использованием последних достижений научно-технического прогресса, а преступники, зачастую, оставляют только виртуальные следы.

Наглядным примером могут служить преступления, связанные с использованием информационно-телекоммуникационных технологий, ежегодно показывающие существенный прирост: в 2017 году зарегистрировано 90587 таких преступлений, в 2018 году – 174674, в 2019 году – 294409, в 2020 году – 510400[1]. В первом полугодии 2021 года количество зарегистрированных преступлений, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных технологий составило 403000[2].

Вместе с тем, заметна тенденция снижения числа лиц, осужденных за деяния, сопряженных с киберпреступлениями. Например, по ст. 146 УК РФ «Нарушение авторских и смежных прав» осуждено за первое полугодие 2021 года – 50 человек, в 2020 году - 137 человек, в 2019 году – 224 человека, в 2018 году – 311 человек, в 2017 году – 482 человека, в 2016 году – 582 человека[3].

---

[1] Состояние преступности в России за январь – декабрь 2017-2020 года // МВД РФ ФКУ «ГИАЦ» // [Электронный ресурс]. URL:https://xn--b1aew.xn--p1ai/folder/101762

[2] Краткая характеристика состояния преступности в Российской Федерации за январь-сентябрь 2021 года // МВД РФ ФКУ «ГИАЦ» // [Электронный ресурс]. URL: https://xn--b1aew.xn--p1ai/reports/item/26421097

[3] Данные судебной статистики. Сводные статистические сведения о состоянии судимости в России за 2016 – 2021 годы. Раздел 8 формы № 10 -а «Отчет о числе осужденных по всем составам преступлений Уголовного кодекса Российской Федерации и иных лиц, в отношении которых вынесены судебные акты по уголовным делам» // [Электронный ресурс]. URL: http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=5259.

Так как практически сто процентов (98,4%) таких преступлений выявляются органами внутренних дел, учитывая, в целом, негативную динамику их прироста, необходимо проведение современных комплексных исследований, направленных на разработку эффективных мер борьбы с киберпреступностью.

В специальной научной, а также популярной литературе, противоправные действия в киберпространстве авторы раскрывают, используя такие термины как «пират», «хакер», «читер». Наиболее часто в научной литературе употребляются первые два, понятие «читер» в большей степени употребляется непосредственными пользователями киберпродуктов на различных форумах, сайтах.

Например, как пишет популярный игровой сайт: «в Москве оперативники управления «К» МВД РФ расследуют несколько дел против сайтов, которые продают читы/чит-программы и иное вредоносное ПО – «CyberTank»/«CyberShip» и «Hagz». Полицейские провели контрольную закупку и получили ПО, которое эксперты оценили как вредоносное. Неустановленных создателей ждёт уголовное дело по статье 273 УК РФ «Создание, использование и распространение вредоносных компьютерных программ»[1].

Терминология, раскрывающая суть читерства, включает слова, имеющие английскую этимологию – «чит», «читер» и «читерство». Термин «читерство» происходит от английского слова «cheat» обманывать хитрить, мошенничать, жульничать. Соответственно, «читер» это обманщик, хитрец, мошенник, жулик.

Как общественный феномен читерство это относительно новое социально-негативное явление, которое нуждается в адекватном изучении и контроле со стороны правоохранительных органов. Данный термин наиболее часто используется для обозначения нечестного поведения, ущемляющего интересы других участников определенных общественных отношений, а именно – мошенничества (обмана) в сфере компьютерных сетевых игр.

Криминологическая специфика этого явления состоит в том, что его ключевыми фигурами выступают создатели читов (вредоносных программ, предназначенных для получения незаконного преимущества пользователем), продавцы читов (сайты), покупатели и пользователи читов (вредоносного программного обеспечения). Иными словами говоря, существует своеобразная пирамида, верхушку которой составляют разработчики и продавцы читов, а ее низовые уровни – непосредственные потребители читов. Читерство, как массовое явление, напоминает по ряду признаков незаконный оборот наркотиков, но только виртуальный.

[1] Управление «К» МВД РФ расследуют несколько дел против сайтов по продаже читов для World of Tanks и WoWS // [Электронный ресурс]. URL: https://wotexpress.info/news/world-of-tanks/upravlenie-k-mvd-rf-rassleduyut-neskolko-del-proti/

Мотивационную сферу создателей и продавцов читерского (мошеннического) программного обеспечения составляют преимущественно корыстные цели. Хотя разработка такого софта может быть обусловлена и другими мотивами, например, хулиганство, тщеславие, месть, азарт.

Для потребителей читов характерны, в первую очередь, такие побуждения как азарт, тщеславие, самоутверждение, стремление одержать победу любым, обманным, нечестным, запретным, аморальным путем. Стремление получить материальную выгоду также может включаться в случае участия читера в сетевой игре с денежными вознаграждениями за занятие призовых мест (на крупных соревнованиях призовой фонд составляет свыше 1 000 000 долларов). Доля читеров с корыстной мотивацией, с учетом развития киберспорта, увеличения числа его участников, в дальнейшем будет только возрастать. В частности, в 2021 году участники команды Team Spirit в результате победы на чемпионате мира по Dota-2, получили около 18,2 миллиона долларов. Общий призовой фонд турнира превысил 40 миллиона долларов, это рекорд в истории киберспорта[1].

Вместе с тем, основой возникновения и массового распространения читерства как социального феномена является эксплуатация порочной компьютерной зависимости[2] множества рядовых пользователей (геймеров).

Криминологическую значимость анализируемому явлению придают именно массовость производства, распространения и использования вредоносного программного обеспечения, а также вовлеченность большого числа лиц, задействованных в этих процессах.

Любое криминологическое исследование предполагает изучение репрезентативных данных, описывающих определенное социально-негативное явление. Однако, сбор информации, отражающей реальную ситуацию в сфере киберпреступности, сопровождается рядом проблем. В частности, виртуальность читерства позволяет большинству рядовых пользователей оставаться за рамками официального статистического учета.

Кроме того, изучение приговоров судов о признании виновным в совершении преступлений, предусмотренных ст. ст. 146, 273 УК РФ, показывает, что к ответственности, в основном, привлекаются лица, непосредственно создавшие вредоносное программное обеспечение, несанкционированно модифицировавшие, копировавшие, хранившие лицензионное программное обеспечение. Ни одного приговора в отношении рядового пользо-

---

[1] Москва, 18 окт. 2021 – РИА Новости // [Электронный ресурс]. URL: https://rsport.ria.ru/20211018/putin-1755080498.html

[2] Компьютерная зависимость – это психологическое расстройство, при котором человек стремится все свободное время проводить в социальных сетях, онлайн играх, «сёрфить» в Интернете. Постепенно приводит к тяжелым последствиям: социофобии, социальной дезадаптации, паническим атакам, навязчивым мыслям. 2021. Вестник Психологии // [Электронный ресурс]. URL: https://psychologyjournal.ru/stories/kompyuternaya-zavisimost/

вателя вредоносного программного обеспечения, предназначенного для читерства не было вынесено. При этом в большинстве приговоров остаются неустановленными место, способы, источники получения программного обеспечения, а также круг лиц, причастных к его совершению[1].

Таким образом, выводы, которые были получены в результате исследования криминологических и уголовно-правовых аспектов читерства состоят в следующем.

Во-первых, такое явление как «читерство» как социально-негативный феномен является структурной разновидностью киберпреступности, наряду с хакерством и пиратством. Необходимо его дальнейшее криминологическое исследование. Представляется нецелесообразным включение таких понятий как читерство, хакерство, киберпиратство при совершенствовании уголовного законодательства.

Во-вторых, проблемы борьбы с читерством обусловлены тем, что преступления в данной сфере совершаются с использованием последних достижений научно-технического прогресса, а преступники, зачастую, оставляют только виртуальные следы.

В-третьих, определенные уголовно-правовые механизмы борьбы с наиболее опасными формами читерства существуют в виде норм, предусмотренных ст. 146, ст. 272, ст. 273, ст. 274, ст. 274.1 УК РФ. Целесообразно их дальнейшее совершенствование в части уточнения признаков предмета и объективной стороны преступления.

Романовская Ирина Викторовна,
кандидат юридических наук,
доцент кафедры уголовного права и криминологии
Крымского филиала
Краснодарского университета МВД России

Особенности формирования криминогенных качеств сексуального маньяка

По данным уголовной статистики, возраст лиц, совершающих преступления сексуального характера, порой не достигает 21 года. Наиболее высокая преступная сексуальная активность наблюдается у несовершеннолетних в возрасте 16-17 лет. Значительно реже такие преступления совершают лица, достигшие 30 летнего возраста и старше. Учитывая это, можно

[1] Например: Приговор суда по ч. 2 ст. 146 УК РФ № 1-654/2020 Нарушение авторских и смежных прав // [Электронный ресурс]. URL: https://sud-praktika.ru/precedent/550875.html.

Приговор суда по ч. 2 ст. 146 УК РФ № 1-487/2017 Нарушение авторских и смежных прав // [Электронный ресурс]. URL: https://sud-praktika.ru/precedent/547888.html.

Приговор суда по ч. 2 ст. 146 УК РФ № 1-517/2017 Нарушение авторских и смежных прав // [Электронный ресурс]. URL: https://sud-praktika.ru/precedent/547885.html.

определить мотив и цель преступника с учетом особенностей его возрастных психических изменений и представляемую ими опасность для социума. Указанные особенности влияют и на криминальную активность в целом, и на характер сексуального насилия в частности (например, характер применяемого насилия, выбор жертвы, стремление к групповому насилию). Сексуальные маньяки значительно отличаются от иных типов преступников, они имеют своеобразную мотивирующую сторону, свой особый механизм совершения преступлений. Его изучают криминологи всего мира на протяжении нескольких десятилетий, но до сих пор в исследованиях не поставлена окончательная точка. Все новые факторы, влияющие на формирование личности сексуального преступника и на его мотивацию заставляют возвращаться к этой теме, дополняя полученные результаты новыми выводами.

Ярче всего демонстрирует личность человека, его поведение. На базе Центра психологической помощи и поддержки города Симферополя, на протяжении 10 лет проводились исследования по изучению поведения сексуальных преступников. Результаты анализа дают возможность выявить особенности формирования криминогенных качеств сексуального маньяка. У всех преступников, с которыми проводилось исследование, были выявлены схожие поведенческие модели, формирование которых у 87 % лиц происходило в детстве. Самым сложным периодом в жизни ребенка является пубертатный, на этом этапе активно проявляется гормональный фон, что влечет за собой повышенный интерес к противоположному полу и первое сексуальное влечение. Гормональная перестройка организма может повлечь за собой и поведенческие отклонения: повышенную раздражительность, агрессию, искаженное восприятие мира, своих собственных мыслей, общественного мнения и т.д. Скорректировать такое поведение могут только родители, поэтому очень важно то, каковы морально-нравственные условия в семье, где формируется подросток. Если семья не благополучна, то и социальные модели поведения у ребенка будут однозначно носить девиантный характер[1].

Многие сексуальные маньяки сами не в состоянии ответить на вопрос, для чего они совершают преступления и убивают. Одни аргументируют свои действия тем, что виноваты родители, которые применяли жестокие методы воспитания, и на протяжении долгих лет они «вынашивали» идею о желании отомстить своим обидчикам, зачастую они фантазируют о причинении вреда своим жертвам. Другие же винят в своем аморальном поведении полученную ранее психологическую травму, после которой человек находится в состоянии длительного стресса, что способствует психическим расстройствам и «выбивает» из нормальной жизненной колеи, а убийство в

[1] Шкляева С.Е., Зварыгин В.Е. Определение критериев «особой жестокости» и «иных тяжких последствий» при совершении посягательств на половую свободу и половую неприкосновенность: уголовно–правовой и судебно-медицинский аспекты //. Вестник Удмуртского Университета. 2018. № 2(3). С. 112.

этом случае является для них единственным способом избавиться от переживаний. Такую причину как недостаток или отсутствие сильных эмоций в жизни, указывает лишь 7 % сексуальных маньяков. Скука и неумение испытывать сильные эмоции в повседневной жизни подталкивает их к убийству.

Все попытки изучить психику сексуальных маньяков так и не дали однозначного ответа на вопрос о том, является ли их поведение психическим нарушением или сексуальным отклонением, либо же такое поведение возникает под влиянием окружающей действительности. Если говорить о сексуальных отклонениях, то можно отметить, что это особое половое влечение, выходящее за рамки общественных, моральных, социальных норм. Специалисты применяют термин – расстройство сексуального предпочтения. Конечно же моральные нормы каждый человек определяет для себя индивидуально, например, если говорить о гомосексуальных отношениях, выходящих за рамки общепризнанных норм, в современном обществе могут оправдываться полигамной природой человека, однако сексуальное влечение к детям или животным нельзя назвать адекватным.

По нашему мнению, расстройство психики сексуального маньяка происходит под воздействием: 50 % – физиологический (наследственный) аспект, 50 % – влияние внешних факторов. Наследственная предрасположенность, в соответствии со статистическими данными за 2020 г., преобладает у 1-3 % сексуальных маньяков. Значительную роль в развитии психики сексуального маньяка играет искаженное сексуальное представление (гомосексуальные родители, фетиш в семье), это может привести к психическому отклонению детей, находящихся в подобной семье, самым негативным последствием, по нашему мнению, будет являться то, что такое поведение родителей для ребенка воспринимается как норма. Еще одной причиной зарождения парафилий, могут быть различные эндокринные заболевания, в частности сахарный диабет может стать одной из причин развития неординарной психики у подростка, что в последствии толкнет его на совершение сексуальных преступлений[1].

Следующей особенностью мотивационной сферы сексуального маньяка является факт наличия проблем в интимных отношениях с противоположным полом, возникший в подростковом возрасте (например, неудачный первый сексуальный опыт), что в свою очередь может также привести в дальнейшем к отклонениям в сексуальной сфере. Известно, что сексуальные отношения для мужчин играют решающую роль в развитии психики. Это объясняется биохимическими процессами, происходящими в мужском организме. Если юноша имел неудачный первый половой контакт, а девушка цинично и жестоко высмеяла его неудачу, да еще предала этот факт огласке,

[1] Афанасьев С.А. Криминалистическая характеристика и типовая программа расследования сексуально-садистских убийств: дис. … канд. юрид. наук. СПб., 1992. С.29.

то эти события могут вызвать серьезное сексуальное и психическое расстройство, которое в свою очередь приведет к развитию ненависти и жестокости к женщинам, и он либо будет пытаться причинить им физическую и моральную боль, которую когда-то испытал сам, либо вовсе перестанет воспринимать женщин в качестве сексуальных партнеров, а его жертвами станут дети или животные.

Еще одной особенностью поведения сексуальных маньяков является то, что все свои преступления они совершают с особой жестокостью, как правило, им не настолько важен факт самих интимных отношений, они получают удовлетворение благодаря унижению своих жертв, чувствуя над ними власть. Другая же группа сексуальных маньяков и насильников получает удовольствие исключительно от полового сношения, но жертва при этом должна находиться в агонии, а насильнику необходимо наблюдать ее мучения. Для такой категории преступников насилие с последующим убийством является неотъемлемой частью получения ими удовлетворения от процесса насилия. Именно эту категорию лиц преступников можно смело отнести к сексуальным маньякам, они убивают ради достижения оргазма, получают истинное удовольствие от лицезрения мучений и предсмертной агонии своих жертв. Анализируя механизмы индивидуального преступного поведения различных сексуальных маньяков, можно отметить, что многие из них решаются на убийство, прельщенные тем, что жертва насилия, после бурного сопротивления становится покорной, теряя сознание. Впоследствии, будучи пойманными и изобличенными, они часто объясняют свои действия так: «я – псих, поэтому и насиловал», «меня перемкнуло», «мозги заклинило» и т.п.

Определить детерминацию и мотивы совершения преступлений сексуальными маньяками достаточно трудно, так как в большинстве случаев эти люди страдают сумасшествием или безумны. Так или иначе сказать точно болен ли преступник или нет почти невозможно.

К сожалению, существуют проблемы и в расследовании преступлений, связанных с сексуальным насилием. Так как данная категория преступлений является достаточно латентной в силу наличия сильного психотравмирующего фактора жертвы. Поиск лиц, совершающих преступления сексуальной направленности как правило тоже затруднен, ведь эти лица зачастую прекрасные семьянины, у них есть дети (бывает, что жертвы одного возраста с их детьми), у них отсутствуют проблемы на работе и проводя проверку по данным лицам очень трудно поверить, что такой положительный с позиции социума, человек, может совершать такие преступления.

Преступника, который в данном случае является непосредственным объектом изучения, а также его общественную роль, необходимо рассматривать очень подробно. У каждого человека с рождения, в процессе взросления, появляются те или иные черты характера, он впитывает в себя окружающий его мир, таким образом формируя себя, свои мысли и взгляды.

Именно поэтому данная тема крайне важна для изучения: от того, какие черты присущи личности, в условиях какой среды она формировалась, зависит напрямую ответ на вопрос, может ли конкретный человек совершать преступные деяния или нет. Для определения данных качеств и получения результата существуют специальные криминологические показатели, рассмотрим некоторые из них[1].

Это, например, уровень и место образования человека; наличие или отсутствие, а также место работы; позиция, занимаемая в обществе; приверженность к девиациям или полнейшая адекватность. Интересным фактом является результат одного из проведенных исследований, благодаря которому удалось выявить, что основное число тех, кто совершает преступления с применением насилия, это люди, не имеющие работы. Другими словами, получается суммирование сразу нескольких факторов, ведущих к такому негативному исходу. В первую очередь, это огромное количество ничем не заполненного времени постоянно; это трудное финансовое положение, потому что нет регулярного поступления средств в связи с отсутствием работы; впоследствии это и формируемые болезни психического характера: апатия к жизни, депрессия, ведь человек считает себя не полезным и не может нигде проявить себя и свои способности. Таким образом, это может привести к проявлениям агрессии. Причем она, как правило, проявляется в отношениях с ближайшим окружением личности агрессора. Все вышеупомянутое – не пустые слова, каждый факт подтвержден ни одним десятком исследований.

В действительности есть множество причин или, так называемых, триггеров, которые приводят к формированию преступной личности. Зачастую все начинается с проблем: на работе, учебе, в семье, личной жизни, а невозможность их решить, в свою очередь, приводит к тому, что человек начинает успокаивать себя любым возможным способом, например, злоупотребляет алкоголем, принимает различные психотропные вещества.

Что же касается уровня образования, то данный фактор заслуживает особого внимания[2]. Естественно, от того, насколько человек образован зависят его желания, интересы; то, о чем он думает и к чему стремится; каким образом достигает поставленных целей; как реагирует на различные сложные ситуации в жизни, с кем предполагаемо может общаться, какие планы строит и мн. др. Большинство сексуальных маньяков имеют лишь среднее полное, а иногда и неполное образование. Это свидетельствует, о том, что у них довольно низкий общекультурный уровень, не определены жизненные

[1] Кучин О.С. Роль криминалистической характеристики для разработки частной методики расследования преступлений // Криминалистическое сопровождение расследование преступлений проблемы и пути их решения. М., 2016. С.89.

[2] Берченева М.В. Личность сексуального насильника: некоторые психологические и криминологические аспекты // Пенитенциарное право: юридическая теория. М.: НОРМА, 2018. С.69.

ценности, нет стремлений к личностному развитию. Конечно же, сам факт наличия диплома о высшем образовании, вовсе не гарантирует, что человек не может быть преступником, в том числе и сексуальным маньяком, но все же, с учетом статистики по преступным действиям сексуального характера, напрашивается вывод, что их чаще совершают лица, имеющие базовый низкий социально-культурный уровень.

Еще одной важной деталью на первоначальном этапе расследования любого преступления является выяснение наличия или отсутствия возможных взаимоотношений между преступником и жертвой. Отсутствие такой связи часто загоняет следствие в тупик. Рядовые методы в совокупности с дедукцией оказываются бессильны для установления мотивов совершенного преступления. Стандартный процесс расследования – глубокий анализ характеристик жертвы, ее образа жизни и близкого окружения, вследствие которого могут быть установлены мотивы и характер преступления – в такой ситуации будет крайне бесполезен. У маньяков не стандартный образ мышления, не поддающийся логике. Они, в большинстве случаев, тщательно отбирают жертву, учитывают малейшие детали и совпадения с представленным ими образом. В качестве особенностей данной группы убийств и одновременно признаков, определяющих общественную опасность рассматриваемых преступлений, С.А. Афанасьев, В.И. Иванов и В.В. Новик указывают на «сексуально-садистскую извращенность часто в сочетании с педофилией, гомосексуализмом, и т.д.; садистским характером повреждений, отражающим сексуально-садистскую символику; как правило, повторяемый характер реализации криминального мотива с тенденцией к расширению садистской техники при сохранении ядерной садистской формы (стереотипа)». Однако сексуальные убийства далеко не всегда сопровождаются проявлением актов садизма. Основной мотив насильников и убийц не всегда направлен на удовлетворение физиологической потребности в сексуальных действиях, многими насильниками даже отвергаются мысли о том, что возможен половой контакт с жертвой. Ключевым моментом выступает доминирование над жертвой, причинение как физических, так и психических страданий[1]. Стоит отметить, что контекстом к удовлетворению сексуальных потребностей выступает реализация психосексуальных потребностей. Проще говоря, не всегда, совершение преступления с сексуальным окрасом – физическая потребность. В большинстве случаев первостепенное значение имеет наличие психического отклонения, которое в большей мере оказывает влияние на проявление агрессии и сексуального насилия. В данном контексте подразумеваются не первопричины, а благоволящие к этому условия, которые можно свести к биологическим нарушениям психики, личностным особенностям маньяка с психопатической акцентуацией либо

[1] Осауленко С.Л., Старцева-Тарасова В.И. Серийные сексуальные убийства // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2018. №1. С. 18.

влияющие на преступника социальные установки. Идеи для сексуальных фантазий преступники могут брать из детективов, комиксов для взрослых. Подобная литература, к сожалению, может служить учебником для начинающих сексуальных садистов.

Склонность к жестокому обращению с окружающими можно заметить еще в школьные годы, когда проводится тестирование на психическую устойчивость и тип личности. Первыми жертвами будущих садистов всегда выступают животные (живодерство, зоофилия). В подростковом возрасте сексуальные маньяки, как правило, были участниками различных группировок, поддерживающих их наклонности, употребляли наркотики или галлюциногены.

По мнению специалистов, психические отклонения у особо опасных насильников (также и убийц) могут быть выражены не только фетишизмом или садизмом, но и другими сексуальными расстройствами (педофилией, эксгибиционизмом, копрофилией, трансвестизмом, различными факторами сексуальных расстройств). Однако, по статистике, 78 % преступлений в сексуальной сфере все же носят сугубо садистский характер. Об этом свидетельствует существование множества видов садистских парафилий. Основной мотив маньяка заключается в доминировании над жертвой, сильном желании нанести ей как можно больший физический и моральный ущерб.

Основываясь на результаты криминологических исследований по изучению личностей, совершающих сексуальные преступления, можно однозначно определиться с наиболее распространенными современными факторами, детерминирующие данную преступность, это:

– смена и переоценка в социуме ценностных ориентиров, нравственных идеалов, норм, принципов;

– поклонение и подчинение материальным благам как высшей ценности;

– стирание нравственных границ, смешение морального и аморального, принятие этого как нормы;

– нарастающая конфликтогенность в социуме ввиду больших социальных расслоений;

– увеличение количества людей с психопатологическими проблемами, ввиду общественного перестроения под современный уклад жизни;

– снижение моральных устоев, ослабление стандартов социально-приемлемого поведения, включая также и сексуального (функционирование развлекательных заведений, пропагандирующих свободу сексуального общения, употребление психоактивных веществ и алкоголя);

– увеличение миграционных потоков, приводящих к тому, что устоявшиеся в социуме ценностные ориентиры, нравственные идеалы, нормы начинают размываться ввиду их несовпадений в разных культурах.

Стоит также отметить, что если личность преступника, совершившего преступное деяние сексуального характера, не была вовремя выявлена, и он почувствовал свою безнаказанность, то с абсолютной уверенностью, можно

сказать, что такие преступления будут повторяться, набирая все большие обороты жестокости, опасности и т.п. Так появляются не просто сексуальные преступники, а именно сексуальные маньяки. Однажды встав на этот путь, они уже не хотят останавливаться.

На основании вышеизложенного можно сделать вывод о том, что все перечисленные факторы, характеризующие личность сексуального маньяка и особенности формирования его криминогенных качеств, должны учитываться при разработке системы мер направленных на предупреждение преступлений, совершаемых на сексуальной почве, а также в процессе раскрытия и расследования подобных преступлений. Но самое главное – необходимо по возможности нивелировать причины формирования криминогенных наклонностей у подростков, особенно в пубертатный период.

Рясов Дмитрий Алексеевич,
кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры уголовного права и криминологии
Ставропольского филиала
Краснодарского университета МВД России

Современные средства противодействия вовлечению молодежи в экстремистскую деятельность

В настоящее время экстремизм – достаточно сложное в своем определении и многоплановости понятие, которое происходит из существовавших во все времена религиозных и национальных вопросов[1]. Слово «экстремизм» происходит от латинского extremum, что означает «крайность, предел»[2]. Обычно экстремизм сводится либо к революционной деятельности, либо к призывам к терроризму, либо к проявлениям ксенофобии, либо к религиозным проявлениям. Суть экстремизма, который проявляется в различные исторические эпохи, в различных социальных условиях, и в различных государствах, состоит в призывах и стремлении уничтожить существующую государственно-правовую или общественную систему[3]. На данный момент не существует признанного всеми определения экстремизма, несмотря на то, что явление экстремизма известно с древних времен[4]. Так, некоторые

[1] Родина М.Е. Экстремизм и экстремистская деятельность как политико-правовые категории // Российский следователь. 2016. № 20. С. 26.

[2]Андреева О.А. Региональная правовая политика преодоления экстремизма в молодежной среде: реалии и прогнозы // Государственная власть и местное самоуправление. 2014. № 9. С. 28.

[3] Лапин А.А., Сараев Н.В. Региональные особенности противодействия угрозам экстремистских проявлений, связанным с возникновением межэтнических конфликтов // Российский следователь. 2013. № 2. С. 37.

[4] Там же. С. 37.

ученые связывают экстремизм с фундаментализмом и радикализмом, другие же придерживаются мнения о том, что экстремистская деятельность – это способ решения возникающих социальных противоречий, или совокупность форм политической борьбы, с ее крайними проявлениями. Обычно экстремизм сводится: либо к революционной деятельности, либо к призывам к терроризму, либо к проявлениям ксенофобии, либо к религиозным проявлениям. Суть экстремизма, который проявляется в различные исторические эпохи, в различных социальных условиях, и в различных государствах, состоит в призывах и стремлении уничтожить существующую государственно-правовую или общественную систему.

В литературе нашли упоминание такие виды экстремизма по направленности: политический экстремизм[1] (левый и правый), религиозный экстремизм[2], национальный экстремизм[3], молодежный экстремизм. Обратим внимание на молодежный экстремизм.

Молодежный экстремизм является одним из самых опасных. Он выражается в пренебрежении к действующим в обществе правилам и нормам поведения со стороны молодежи[4]. Существующие молодежные группы стали более агрессивными, организованными и политизированными. Их межрегиональные связи активно укрепляются, предпринимаются усилия не только для разработки единой стратегии действий, но и для гармонизации поведенческих проблем. В последние годы довольно широкое участие молодежи в экстремистских организациях и движениях. Это связано не только с неудовлетворенностью материальной стороной жизни. Снижение идеологической составляющей образовательного процесса привело к тому, что молодые люди потерялись.

Традиционные моральные ценности для российского менталитета, такие как отеческая любовь, интернационализм, толерантность, подверженные крупномасштабному деструктивному обращению снаружи (часто в форме манипуляций со стороны общественного сознания). Именно молодые люди, которые не могут критиковать содержание публикаций в СМИ из-за отсутствия жизненного опыта, наиболее склонны к такому влиянию. В результате существует определенная нехватка ориентации молодежи, отсутствие духовности, отсутствие четкого понимания истории и перспектив

---

[1] Скребец Е.С. Некоторые особенности классификации экстремизма на современном этапе развития общества // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Юридические науки. 2015. Т. 1. № 4 (67). С. 116.

[2] Социальная и идеологическая сущность религиозного экстремизма / Под ред. Э.Г. Филимонова. М.: Знание. 1983. С.32.

[3] Фридринский С.Н. Экстремизм: понятие, виды, формы проявления и основные направления борьбы с данным явлением // Юристъ-Правоведъ. 2006. № 4. С.10.

[4] Зубок Ю. А., Чупров В. И. Молодежный экстремизм. Сущность и особенности проявления // СОЦИС. 2008. №5 С. 38.

развития страны, а также потеря чувства ответственности и ответственности за его судьбу. Эта проблема актуальна, в связи с тем, что большая часть населения России - это молодежь, и за ней стоит будущее нашей великой страны. Связь между экстремизмом и молодежными движениями отражается в возрастной структуре экстремистских групп, в которых молодежь абсолютно доминирует. Большинство террористов и экстремистов - люди от 20 до 30 лет. Появление молодежного экстремизма обусловлено контаминацией как объективных, так и субъективных факторов. К объективным факторам относятся нерешенные общественные и вопросы, связанные с существованием «вечных» проблем коррупции, теневой экономики, это и общественное расслоения с точки зрения финансовой обеспеченности и др. Среди объективных причин возникновения молодежного экстремизма выделяется и духовно-нравственная составляющая, когда в качестве идеала на первый план выдвигаются массовая культура, стремления к легкой и быстрой наживе и успеху без приложения каких-либо серьезных усилий, что происходит в условиях дестабилизации системы воспитания и социальной адаптации молодого поколения. В настоящее время происходят социо-коммуникативные реорганизации современного информационного общества, связанные с бурным развитием инновационных технологий, прежде всего, сети Интернет, что практически перекрывает открытый и прямой коммуникативный канал связи государства и молодежи. Среди субъективных факторов зарождения и развития молодежного экстремизма выделяются причины, которые имеют непосредственную связь с социально-возрастной обусловленностью, эмоциональным, аффектным восприятием происходящего вокруг, психологическими и культурными особенностями молодого поколения, такими как несформировавшееся самосознание и шаткий социальный облик, связанный с отсутствием семьи, престижной работы и стабильного заработка, что, в свою очередь, обусловливает максимальную подверженность влиянию извне, чем и пользуются экстремисты[1].

На сегодняшний день телекоммуникационная сеть Интернет является платформой, наиболее часто используемой различными террористическими и экстремистскими организациями в целях распространения своей идеологии и вербовки молодых людей в свои ряды. Сеть Интернет представляет собой универсальный способ пропаганды экстремистских взглядов и деятельности, что обусловлено, согласно Е.О. Кубякину возможностью привлечения широкого круга реципиентов, анонимным и быстрым распространением экстремистских материалов, также возможностью создавать собственные, финансово не затратные, интернет-сайты для пропаганды экстремизма

[1] Лазарев Д.А. Молодежный экстремизм в условиях трансформирующегося российского общества: проблемы профилактики и противодействия: диссертация ... кандидата социологических наук: 22.00.04; [Место защиты: ФГКОУВО Краснодарский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации.], 2017. С. 69.

и др.[1] Следовательно, существует реальная проблема радикальной экстремистской и террористической пропаганды посредством интернет-ресурсов, связанная с тем, что именно молодежь, у которой не сформирована устойчивая система ценностей и низок уровень правосознания, представляет интерес для экстремистов. Основным аспектом данной проблемы является то, что экстремисты и террористы проводят массовую агитацию в среде молодого поколения, пытаясь привлечь в свои ряды посредствам денежного соблазна, угроз жизни и здоровью родственников и близких и т.д., а в целях вербовки и создания привлекательного образа экстремистских организаций используют практически все популярные социальные сети и ресурсы. Указанные источники, как правило, являются носителями экстремистской информации, а именно информации, которая направлена на возбуждение социальной, расовой, национальной и религиозной ненависти и вражды, это и призывы к осуществлению военных действий, пропаганда расового превосходства. То есть это информация, оказывающая разрушительное воздействие на еще не стабильную психику молодых людей[2].

Экстремистская вербовочная деятельность преступников в сети Интернет осуществляется посредством создания официальных сайтов экстремисткой направленности, открытия форумов, ведения блогов, через которые происходит распространения информации и материалов. В рамках скрытых интернет-сообществ и чатов происходят обсуждения по организации экстремистской деятельности, координация будущих действий независимо от географической отдаленности собеседников. Поэтому информационный экстремизм является основным и самым распространенным способом привлечения молодежи в ряды экстремистов. В целях борьбы с экстремистскими проявлениями в сети Интернет в рамках российского законодательства применяются соответствующие нормы в уголовном и административном кодексах. Однако в целях более эффективной борьбы с экстремизмом необходимо постоянное совершенствование правовой базы, деятельности специальных служб, а также важной является активизация работы идеологической направленности.

С одной стороны, развитие информационных и компьютерных технологий обеспечивает целый спектр возможностей для реализации потребностей общения, образования, профессиональных интересов. Однако, с другой стороны, создаются риски распространения экстремизма посредством сети Интернет, что представляет собой угрозу информационной безопасности общества и государства в целом.

---

[1] Кубякин Е.О. Основания социологического обоснования феномена экстремизма // Экстремпарантность: монография. Краснодар, 2014. С. 55.

[2] Лопатин В.Н. Понятие и структура информационно-психологической безопасности // Право и политика. 2001. № 10. С. 44.

Таким образом, следует учитывать, что экстремизм является острым социально-психологическим явлением. Феноменология его сложна и многообразна, как и детерминация (причины и условия) его проявления. Необходим научный подход к исследованию экстремизма выявление глубинных его причин. Так, следует учитывать, что экстремистская группа, будучи однажды сформированной, способна поддерживать направленность своей деятельности и включенность в нее ее членов за счет внутригрупповых психологических закономерностей функционирования и развития. Несмотря на то, что проявления экстремизма и экстремистской деятельности толкуются каждым по-разному, это не просто оценочные понятия, а конкретные явления, которые разнятся в зависимости от сложившихся в обществе в данный исторический период ценностей, идеологии, морали т.п.

Силкин Артем Михайлович,
адъюнкт кафедры уголовного права и криминологии
Краснодарского университета МВД России

Криминализация деяний в сфере закупок для обеспечения государственных или муниципальных нужд как способ противодействия преступлениям в сфере экономической деятельности

В соответствии с действующим уголовным законодательством Российской Федерации к преступлениям в сфере экономической деятельности относятся деяния, ответственность за которые закреплена в статьях, расположенных в главе 22 (ст. ст. 169-200.6) Уголовного кодекса РФ.

Необходимо сказать о том, что экономическая преступность в России формировалась в несколько этапов. Можно говорить, что законодательную оценку она получила еще в ст. 116 Русской правды XIIв [1] . Где предусматривалась ответственность для господина холопа, которой от своего имени занимался торговлей или финансовыми операциями, в случае если покупатель или иное лицо, участвовавшее в сделке, не знало о заключении сделки с холопом. В противном же случае вся имущественная ответственность в полном объеме возлагалась на покупателя. Таким образом, можно говорить, что это была первоначальная регламентация юридической ответственности за экономические преступления. Но все же впервые о системе уголовной ответственности за экономические преступления говориться в Уложении 1649г., где, в статьях 1-8 гл. 25была

[1] Русская правда / Под. ред. акад. Б.Д. Греков М., Л., 1940. Т. I: тексты / В.П Любимов и др. С. 117.

установлена уголовная ответственность за незаконное производство и торговлю спиртными и напитками[1].

Преступность всегда проявляла интерес к различным сферам экономической деятельности, особенно к ее прибыльным отраслям. В сегодняшних реалиях мировая экономика переживает период глубокой рецессии. Усиливаются рыночная волатильность, неустойчивость международной финансовой системы, увеличивается разрыв между реальной и виртуальной экономикой. При сохранении высокой экономической взаимозависимости стран и регионов мира замедляются процессы формирования новых международных производственных цепочек и цепочек поставок, снижаются потоки инвестиций. Возрастает роль национальных государств и региональных соглашений в торгово-экономической сфере. Наблюдается кризис в экономике, обусловленный пандемией. Все это делает особенно актуальным вопрос о превенции преступлений в сфере экономической деятельности.

На этом фоне при сохраняющихся в Российской Федерации социально-экономических проблемах растет потребность общества в повышении эффективности государственного управления, обеспечении социальной справедливости, усилении борьбы с коррупцией и нецелевым использованием бюджетных средств и государственного имущества.

Достижение целей обеспечения государственной и общественной безопасности осуществляется путем реализации государственной политики, направленной на решение ряда задач, в числе которых, безусловно стоит снижение уровня криминализации общественных отношений и развитие единой государственной системы профилактики преступлений и правонарушений.

В связи с чем важным инструментом в противодействии преступности, в том числе и в сфере экономической деятельности, выступает метод уголовно-правовой политики государства, связанный с криминализацией деяний, представляющий собой один из юридико-технических приемов, используемых законодателем в правотворческой деятельности[2]. О сущности криминализации в своих исследованиях говорил А.И. Коробеев, указывая на то, что ее суть выражается в выявлении целесообразности установления уголовной ответственности за совершение тех или иных деяний и включение их в систему уголовного закона[3].

---

[1] Российское законодательство X–XX вв. под общей редакцией О.И. Чистякова. Т.3. М.: Юридическая литература, 1985. С. 88-89.

[2] Кузнецов А.П. Криминализация – декриминализация, пенализация – депинализация как содержание уголовной политики // Вестник Краснодарского университета МВД России. 2017. №1(35). С. 15.

[3] Коробеев А.И. Советская уголовно-правовая политика проблемы криминализации и педализации. Владивосток, 1987. С. 59.

В результате законодательной реакции (вне зависимости от ее содержания) осуществляется новеллизация уголовного закона, то есть происходит его объективная изменяемость по форме и по содержательным характеристикам[1]. Бесспорным является понимание криминализации в правовой доктрине, при обосновании которого в качестве основного показателя выступает общественная опасность деяния[2].

В этой связи в числе задач, необходимых для достижения целей обеспечения экономической безопасности России как от наружных угроз так и от серьезных внутренних проблем финансовой безопасности, в «Стратегии национальной безопасности Российской Федерации», утвержденной Указом Президента РФ от 02.07.2021 г. в соответствии с федеральными законами «О безопасности» от 28 декабря 2010г. № 390-ФЗ и «О стратегическом планировании в Российской Федерации» от 28 июня 2014 г. № 172-ФЗ указано снижение доли теневого и криминального секторов экономики, уровня коррупции в предпринимательской среде. Это говорит о необходимости свести к минимуму высочайший уровень финансовой преступности во всех ее проявлениях.

Более того, анализ количества преступлений экономической направленности в России за семь месяцев 2021 года, увеличившегося почти на 10% по сравнению с тем же периодом 2020 года, что следует из данных МВД РФ, свидетельствует о нерешенной проблеме экономической преступности. Так, с января по июль прошлого года была в стране была зафиксирована 71 384 преступления, связанных с экономической деятельностью, а за то же время в 2021 году – уже 78 290 преступлений. И в 2019 году количество преступлений по экономическим статьям, зарегистрированных за первое полугодие 2019 года, возросло на 7,7% (до 25 873). Число дел по таким статьям, приостановленных из-за проблем с установлением обвиняемого, составило на 19,1% (до 7864). Количество находившихся в производстве дел и материалов по преступлениям, предусмотренным главой 22 Уголовного кодекса

---

[1] Вольдимарова Н. Г. Актуальные проблемы уголовной ответственности за экономические преступления: монография. М.: Проспект, 2020. 56 с.

[2] Бавсун М.В. Целесообразность в уголовном праве: автореф. Дис. … канд. юрид. наук. Омск, 2002; Дагель П.С. Условия установления уголовной наказуемости // Правоведение. 1975. №4. С. 76-70; Кудрявцев В.Н. Основания уголовно-правового запрета. Криминализация и декриминализация. М., 1982; Курляндский В.И. Уголовная политика, дифференциация и индивидуализация уголовной ответственности // Основные направления борьбы с преступностью. М. 1975. С. 81; Лопашенко Н.А. Уголовная политика. М., 2009; Пермяков Ю.Е. Категория «общественная опасность» в советском уголовном праве: дис….канд. юрид. наук М., 1989; Тоболкин П.С. Социальная обусловленность уголовно-правовых норм. Свердловск, 1983; Рагулина А.В. Общественная опасность как признак деяния м как признак преступления // Уголовное право: стратегия развития в XXI веке: материалы XXIМеждунар. Науч.-практ. Конф., 29-30 января 2015 г. М., 2015. С. 170-173 и др.

(преступления в сфере экономической деятельности, статьи УК 169–200) за 2019 год, увеличилось на 11,4% (до 39 823). Такие данные позволяют говорить о возрастающей угрозе экономической безопасности страны. И требуют дальнейшего изучения и мер по их предупреждению.

Оптимальное распределение и распоряжение средствами федерального и муниципального бюджета является одним из ключевых факторов экономического благополучия государства и стабильной социальной обстановки в обществе. Учитывая высокий объем денежных ассигнований, ежегодно выделяемых для целей закупок товаров, работ и услуг для обеспечения нужд государственных органов и учреждений, он неизбежно становится объектом преступных посягательств коррупционного характера.

Следует отметить, что отношения, направленные на повышение эффективности, результативности осуществления закупок товаров, работ, услуг, обеспечения гласности и прозрачности осуществления таких закупок, предотвращения коррупции и других злоупотреблений в сфере таких закупок, регулируются в настоящее время Федеральным законом от 5 апреля 2013 г. №44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд»[1].

В целях устранения имеющихся пробелов в законодательном регулировании ответственности за злоупотребление в сфере закупок товаров, работ, услуг для государственных и муниципальных нужд для противодействия коррупции в экономической деятельности Федеральным законом от 23 апреля 2018 г. № 99-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статью 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» в действующее уголовное законодательство (главу 22 УК РФ) были введены две новые статьи – ст. 200.4 и 200.5 УК РФ, регламентирующие уголовно-правовую охрану сферы государственных и муниципальных закупок, также была изложена новая редакция ст. 304 УК РФ.

Таким образом, становиться очевидным, что законодатель идет по пути дальнейшего ужесточение борьбы с коррупцией. Причем со стороны лиц, которые не являются должностными или не выполняют управленческие функции как в коммерческой, так и в иной организации в силу Федерального закона о государственных закупках от 5 апреля 2013 г. № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд»[2]. Необходимо конста-

[1] О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд: Федеральный закон от 05 апреля 2013 г. № 44-ФЗ: текст с изм. и доп. на 19 ноября 2021 г. Доступ из справ.-правовой системы «Консультант Плюс».

[2] Там же.

тировать факт того, что борьба с коррупцией уже стала неотъемлемой частью государственной службы, и Россия на сегодняшний день пока не справляется с поставленной задачей по борьбе с этим негативным явлением.

Однако, включение новых статей в Уголовный кодекс Российской Федерации не было встречено однозначно. Поэтому вполне естественно, что в литературе сразу же появились критические оценки относительно их содержания, была отмечена необходимость комплексного исследования преступлений коррупционной направленности, совершаемых в сфере публичных закупок[1].

Приведенные основания однозначно указывают на важность принятых законодателем превентивных уголовно-правовых мер в части криминализации деяний за нарушения в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных или муниципальных нужд представителями заказчика не являющимися должностными лицами или лицами, выполняющими управленческие функции в коммерческой или иной организации. Однако, анализ рассматриваемых норм уголовного законодательства России в сфере публичных закупок дает основание говорить о ряде проблем, возникающих в процессе уголовно-правовой оценки данных деяний. А значит вопрос квалификации за рассматриваемые нарушения в целях их противодействия остаётся спорным и требует дополнительного и комплексного изучения.

Соловьев Владислав Сергеевич,
кандидат юридических наук,
доцент кафедры уголовного права и криминологии
Краснодарского университета МВД России;
Осипенко Анатолий Леонидович,
доктор юридических наук, профессор
заместитель начальника
Краснодарского университета МВД России
по научной работе

Об использовании технологий искусственного интеллекта в криминальной и антикриминальной деятельности

Анализируя современную социальную действительность, нельзя не отметить повсеместное применение цифровых технологий, развивающихся и совершенствующихся темпами, не имевшими аналогов в истории человечества. К числу таких технологий относятся технологии искусственного ин-

[1] Шурпаев Ш.М. Уголовно-правовая и криминологическая характеристика преступлений коррупционной направленности в сфере закупок для обеспечения государственных и муниципальных нужд: автореф. … дис….канд. юрид. наук. М., 2021.

теллекта (далее – ИИ), обеспечивающие последовательное повышение эффективности достижения конкретной цели за счет применения алгоритмов, оценивающих результаты, получаемые на основе множества исходных данных, и выявляющих с использованием статистических методов определенные закономерности и оптимальные наборы действий, которые могут быть использованы при последующем решении поставленных задач. Наряду с несомненным позитивным для человечества потенциалом, применение ИИ порождает риски различной направленности. В связи с этим актуальным направлением для криминологии является изучение возможности использования ИИ как при совершении отдельных преступлений, так и при организации долговременной преступной деятельности. Существуют предпосылки того, что эффективное противодействие совершению преступлений, совершаемых с использованием технологий ИИ, станет возможным только с применением аналогичных технологий, адаптированных для решения задач правоохранительной направленности. Для криминологической же науки важно дать адекватную оценку потенциалу использования ИИ в криминальной и антикриминальной деятельности для своевременной оценки актуальных криминальных угроз и разработки мер противодействия им.

Зарубежные криминологи отмечают, что в результате использования преступностью ИИ возникают высокие риски создания ситуации, когда значительная часть криминальной активности может выпасть из поля зрения полиции[1]. Названные технологии позволяют определять оптимальные стратегии криминальной деятельности, осуществлять поиск неизвестных ранее «бизнес-моделей» преступлений, повышающих их прибыльность и уменьшающих вероятность обнаружения полицией. По данным аналитического обзора Центра по противодействию киберпреступности Европола[2], в качестве основных направлений применения ИИ в преступной деятельности можно выделить:

а) разработку вредоносных программ с усиленными алгоритмами взлома и повышенной скрытностью функционирования;

б) дистанционное управление техническими устройствами интернета вещей (например, элементами «умного дома») для получения доступа к конфиденциальным данным и создания условий для совершения противоправных действий;

в) манипулирование системами ИИ, управляющими движением транспортных средств и «беспилотников», при подготовке и совершении преступлений;

---

[1] Baker D.J., Robinson P.H. Artificial Intelligence and the Law: Cybercrime and Criminal Liability. Routledge, 2021.

[2] См.: Europol's European Cybercrime Centre. Malicious Uses and Abuses of Artificial Intelligence. Report, 2020. URL: https://www.europol.europa.eu/publications-documents/malicious-uses-and-abuses-of-artificial-intelligence.

г) повышение эффективности алгоритмов подбора паролей к зашифрованным данным и взлом систем компьютерной безопасности;

д) усиление устойчивости криптографических систем, используемых для сокрытия следов преступлений;

е) формирование «виртуальной личности» в социальных сетях для совершения мошенничеств;

ж) повышение эффективности методов социальной инженерии с целью выявления потенциальных жертв, сбора конфиденциальной и деловой информации.

Значительным криминологическим риском характризуется возможность использования ИИ в организованных формах криминальной деятельности, направленной на систематическое получение прибыли, которые по сути представляют собой бизнес-модели, имеющие значительные сходства с закономерностями функционирования легальной предпринимательской деятельности. К таким формам относится торговля наркотическими средствами, психотропными, сильнодействующими веществами и их прекурсорами, оружием, боеприпасами, взрывчатыми веществами и взрывными устройствами, людьми, контрафактными товарами, в том числе алкоголем и лекарственными средствами, похищенным имуществом.

Анализ содержания отдельных действий, образующих организованную криминальную деятельность, позволяет выделить конкретные бизнес-процессы, на оптимизацию которых в наибольшей степени может повлиять применение технологии ИИ, а значит, которые обеспечат преступным группам больший доход при меньших рисках, в первую очередь, связанных с возможностью обнаружения незаконной деятельности правоохранительными органами.

1. Производство запрещенных к обороту предметов, включая оптимальное географическое распределение мест такого производства, закупку и транспортировку сырья, увеличение количества и повышение качества изготавливаемого продукта, конспирацию преступной деятельности.

2. Перевозка наркотических средств, оружия, людей, контрафактных товаров, похищенного имущества. Логистика транспортировки перечисленных объектов может быть организована с применением технологии ИИ на основе анализа эффективности имеющихся маршрутов и способов перевозки, способов сокрытия, планирования использования беспилотных средств доставки, а также оценки потенциальных рисков перехвата доставляемых грузов. В совместном отчете специалисты компаний DHL и IBM делают вывод, что ИИ будет активно распространяться в сфере логистики. ИИ позволит изменить операционную модель логистики с реактивной на прогнозируемую, работающую на опережение, что обеспечит более высокие результаты при оптимальных затратах на бэк-офис, операционные взаимодействия и фронт-офис. Например, технологии ИИ позволят использовать усовершенствованную систему распознавания для отслеживания отправлений

и состояния активов, могут привести к полной автономности процесса доставки на всех его этапах и предсказывать колебания в объемах глобальных отгрузок до того, как они произойдут. Очевидно, что ИИ дополняет человеческие способности, а также устраняет рутинную работу, что позволит сместить усилия сотрудников, занятых в логистике, на более важные, продуктивные задачи[1].

Еще в 2017 году специалистами Европола фиксировались случаи использования технологий ИИ при логистическом планировании наркотрафика с использованием роботов и беспилотных транспортных средств[2]. Разработка программного обеспечения и технического оснащения беспилотных транспортных средств уже сегодня позволяет достаточно эффективно использовать их, в том числе в условиях бездорожья, что потенциально может обеспечить дополнительную конспирацию при перевозке наркотических средств, позволить осуществлять перевозку и перегрузку наркотиков в местах со слабым контролем, в том числе, пограничным.

Существует риск использования блокчейн-технологий и смарт-контрактов между продавцами и покупателями предметов незаконной купли-продажи.

3. Сбыт наркотических средств, оружия, людей, контрафактных товаров, похищенного имущества, поддельных документов, незаконных услуг, где возможно ожидать следующие риски применения технологии ИИ:

– оценка качества рынков сбыта на основе анализа данных о прибыли и издержках для транспортировки и организации сбыта, рисках выявления противоправной деятельности правоохранительными органами, конкуренции с другими криминальными структурами, в том числе, рисках пострадать от их противоправной деятельности;

– маркетинговая деятельность, в том числе оценка влияния рекламы и дизайна магазинов и торговых площадок в Darknet на спрос, автоматизация взаимодействия с покупателями, их консультирование при помощи чат-ботов, разработка возможностей персонифицированной работы с конкретными покупателями на основе их предпочтений, разработка стратегий продвижения на рынке. Как отмечается в исследованиях, посвященных применению инновационных технологий в современном маркетинге, использование ИИ позволяет повысить общую эффективность продвижения товара или услуги за счет оперативного анализа и применения информации, повышенной информированности о приоритетных потребностях целевой аудитории

[1] DHL и IBM ожидают активного развития искусственного интеллекта в логистике. URL: https://www.logistics.dhl.ru/ru-ru/home/press/press-archive/2018/041618.html (дата обращения: 13.11.2021).

[2] См.: Europol. Serious and organised crime threat assessment. 2017. URL: https://www.europol.europa.eu/socta/2017/.

и, как следствие – за счет оптимизированного, своевременного перераспределения рекламного бюджета[1]. Этот вывод вполне применим как к легальной предпринимательской деятельности, так и к сфере криминального бизнеса;

– регулирование цены на незаконные товары и услуги на различных рынках сбыта в зависимости от внешних условий (объем рынка, цены на сырье, издержки, связанные с производством, транспортировкой и преодолением рисков, уровень конкуренции, благосостояние целевой аудитории и др.). На сегодняшний день технологии ИИ уже используются для расчета рыночной цены на товары и услуги в легальном секторе экономики[2], отсутствуют препятствия для использования подобных технологий в криминальном бизнесе.

4. Легализация преступных доходов, диверсификация криминального бизнеса. При помощи технологии ИИ возможна оценка эффективности различных путей отмывания денег, полученных преступным путем. Что касается диверсификации преступного бизнеса, то в литературе приводятся примеры, когда мексиканские наркокартели, стремясь инвестировать криминальные доходы, организуют производство собственного виски, контрафактной продукции, вкладывают средства в сельское хозяйство. Кроме того, диверсификацию можно наблюдать и исключительно в криминальной сфере. Укрепившись на рынке наркотиков, преступные группы начинают заниматься вымогательством, похищением людей, незаконной транспортировкой людей через государственные границы[3]. Для диверсификации криминального бизнеса вполне применимы средства поддержки принятия инвестиционных решений, базирующиеся на анализе данных технологией ИИ, и оценивающие возможную диверсификацию бизнеса по схеме «доходы/издержки/риски». В этой части технологии ИИ, помогающие диверсифицировать криминальный бизнес, практически не отличаются от аналогичных технологий, позволяющих принимать решения о диверсификации легального бизнеса.

5. Общие вопросы, актуальные для всех криминальных бизнес-процессов. Технология ИИ может применяться и для оптимизации иных компонентов криминального бизнеса, актуальных на всех стадиях незаконной предпринимательской деятельности. К ним, в частности, относятся:

– оценка эффективности работы правоохранительных органов и рисков обнаружения противоправной деятельности;

---

[1] Беляева Ю.В. Применение инновационных технологий в современном маркетинге // Инновации и инвестиции. 2020. № 3. С. 8.

[2] Землянов Д.Ю. Программа искусственного интеллекта. Система расчета рыночной цены. Свидетельство о регистрации программы для ЭВМ 2021612016, 10.02.2021. Заявка № 2020667366 от 24.12.2020.

[3] Narconomics: Преступный синдикат как успешная бизнес-модель / Том Уэйнрайт; [пер. с англ. Г. Михайлова]. СПб.: ООО «Издательство «Пальмира»; М.: ООО «Книга по Требованию», 2018. С. 146.

– чат-боты для координации действий участников преступной группы, контактов с поставщиками и покупателями;

– анализ надежности средств коммуникации (мессенджеров, электронной почты, сервисов Интернет-телефонии, чатов онлайн-игр);

– анализ надежности способов оплаты и платежных систем;

– возможности шифрования сообщений между участниками преступной группы, поставщиками и покупателями незаконных товаров и услуг;

– средства противодействия мерам, предпринимаемым правоохранительными органами, для выявления преступлений, в том числе и возможностям применения ими ИИ (в первую очередь, устранение или модификация поисковых признаков, используемых информационно-поисковыми системами для выявления преступлений в информационном пространстве)[1];

– подбор кадров, их расстановка и управление персоналом (HR-менеджмент). Технологии ИИ могут быть использованы для подбора оптимальной численности постоянных и привлеченных членов преступных групп, структурирования групп для максимального сохранения конспирации.

Поистине уникальные возможности для совершения имущественных преступлений дает комбинированное применение методов социальной инженерии и вредоносного программного обеспечения на основе ИИ. По оценкам специалистов, «атаки на основе ИИ могут обходить традиционные системы обнаружения более чем в 15% случаев, в то время как средняя фишинговая атака (без ИИ) может быть успешной только в 0,3% случаев»[2].

Значительную опасность представляет использование технологий Deepfakes, обеспечивающих возможность подменять в обрабатываемом видеофрагменте лица конкретных людей и иные объекты, формировать фальсифицированный видеосюжет, синтезировать фразы, произносимые голосом конкретного человека, в манипулировании цифровыми доказательствами в уголовном и гражданском судопроизводстве. Преступники могут умышленно формировать довольно убедительные ложные улики с целью отвлечь следствие от реальных фактов, причём используемые сегодня криминалистические методы проверки подлинности цифровых доказательств недостаточно эффективны при выявлении подобных «подделок».

В целом использование ИИ в противоправных целях является фактором преступности, повлиять на который в настоящее время крайне сложно из-за недостатка криминологической информации в этой области.

---

[1] Дульцев М.В., Котяжов А.В. Актуальные вопросы информационно-аналитического обеспечения выявления и раскрытия преступлений в сфере незаконного оборота наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров // Труды Академии управления МВД России. 2020. № 4 (56). С. 45–52.

[2] Защищаемся от ИИ с помощью ИИ: решения с поддержкой искусственного интеллекта для киберугроз нового поколения URL: https://www.securitylab.ru/analytics/518993.php.

Однако неверным было бы утверждать, что технологии ИИ несут в себе исключительно криминогенный потенциал. Применение таких технологий субъектами противодействия преступлениям может стать действенным средством в предупреждении, выявлении, раскрытии и расследовании преступлений.

В утвержденной в июле 2021 года Стратегии национальной безопасности Российской Федерации[1] к действенным средствам обеспечения информационной безопасности государства причислены квантовые вычисления и технологии ИИ. Последние призваны способствовать решению наиболее сложных задач, требующих особых интеллектуальных усилий.

Внедрение технологий ИИ в оперативно-розыскную деятельность способно кардинально изменять подходы к функционированию оперативно-розыскных учетов, пересматривать принципы работы с оперативно значимой информацией. Переход к использованию особых аналитических технологий и технологий ИИ дает возможность обрабатывать массивы неструктурированной информации и на этой основе эффективно решать сложные задачи, такие как:

идентификация по различным признакам подозреваемых и разыскиваемых лиц (голос, лицо, походка и др.); обнаружение в скоплении людей лиц, находящихся в розыске либо социально опасных, с отклонениями в поведении;

определение маршрутов перемещений (с учетом данных геолокации и записей камер наблюдения), продолжительности пребывания на объектах, контактов с конкретными лицами;

выявление устойчивых связей, основных способов коммуникации, обобщение данных о состоявшихся сеансах связи (продолжительности и периодичности), финансовых транзакциях, покупках;

фиксация особенностей физического состояния разрабатываемых лиц, их физической и сетевой активности, интересов и способов проведения досуга, психологического и эмоционального состояния при сетевом общении;

автоматизированное выявление оперативно значимых сведений и признаков, свидетельствующих о скрываемой криминальной активности, формирование уведомлений об изменениях в профилях изучаемых лиц, указывающих на потенциальную преступную деятельность;

определение состава преступных групп, распределения обязанностей между их участниками; прогнозирование их криминальной активности[2].

Это далеко не полный перечень решаемых задач. Для его расширения оперативно-розыскная наука должна на постоянной основе выявлять и

---

[1] Указ Президента РФ от 2 июля 2021 г. № 400.

[2] Осипенко А.Л. Цифровизация общества и виртуализация реальности: усложнение вызовов и расширение перспектив оперативно-розыскной деятельности // Оперативно-розыскная деятельность в цифровом мире: сборник научных трудов / под ред. В.С. Овчинского. М.: ИНФРА-М, 2021. С. 165-166.

обобщать все возможности, открывающиеся за счет внедрения новых информационно-аналитических технологий, вырабатывать методические рекомендации по их использованию оперативными сотрудниками.

Не менее важно применение ИИ в криминологической науке и практике предупреждения преступлений.

Сбор и обобщение данных из общедоступных цифровых источников, получивший в зарубежной литературе название Open Source Intelligence (OSINT), их анализ с применением технологий больших данных имеет существенный научный потенциал, связанный с возможностью выявления неявных закономерностей и получения на этой основе ценного криминологического знания, недостижимого иными методами. Обработка доступных сведений с применением цифровых аналитических технологий обеспечивает возможность изучать латентную преступность, устанавливать неявные связи между изучаемыми лицами и явлениями для исследования причинности преступности и механизмов преступного поведения, оценивать эффективность конкретных профилактических мероприятий, получать иную значимую для криминологии информацию. Технологии ИИ, обладающие особым прогностическим потенциалом, должны использоваться при принятии эффективных управленческих решений. В совокупности это позволяет обеспечить условия для внедрения упреждающей модели правоохранительной деятельности, которая опирается на применение методов предиктивной аналитики с анализом всей оперативной информации[1].

Обозначенная модель предполагает оперативное выявление сигналов, свидетельствующих о криминальной активности, требующей как конкретной реакции со стороны правоохранительных органов, так и системных управленческих решений (криминализация определенных деяний, обновление нормативно-правовой базы предупреждения преступлений, меры по корректировке общесоциальной профилактики, перераспределение финансовых, кадровых и других ресурсов и т.п.).

Широкие перспективы открываются и для прогнозирования индивидуального преступного поведения на основе анализа сетевой активности конкретных лиц. Особое место занимают методы контроля, предполагающие, в частности, мониторинг поведения отдельных категорий граждан, прогнозирование их индивидуального преступного поведения для нейтрализации потенциальных криминальных угроз. Соответствующие технологии, уже внедряемые в деятельность полиции некоторых государств, опираются на масштабный мониторинг сетевых информационных ресурсов, анализ потребляемого в ходе внутрисетевой активности контента, развитие систем видеонаблюдения с применением ИИ, обобщение данных от операто-

[1] В. Колокольцев выступил на пленарном заседании Международного полицейского саммита. URL: https://мвд.рф/news/item/18681665/

ров мобильной связи о перемещениях и коммуникациях граждан; учет персональных данных и сведений о финансовых транзакциях и т.п. Цифровое профилирование преступного поведения, осуществляемое методами математического моделирования и прогнозирования, позволяет структурировать и моделировать цифровой профиль (портрет) преступника[1].

При этом необходим постоянный поиск новых методов криминологических исследований как преступлений, совершаемых с использованием цифровых технологий (криптовалют и других виртуальных финансовых активов, ИИ, виртуальной и дополненной реальности и др.), так и традиционных видов преступности.

Важнейшим результатом применения технологий ИИ в практике предупреждения преступлений может стать выявление форм и методов результативного применения аналитических технологий с учетом возможностей ИИ, определение среди них наиболее перспективных, адаптация их к решению задач предупреждения преступлений, внедрение методов предиктивной аналитики. При должном уровне реализации, научного, ресурсного и кадрового обеспечения это позволит сформировать модифицированную систему профилактической деятельности с использованием технологий ИИ.

Старостенко Олег Александрович,
адъюнкт кафедры уголовного права и криминологии
Краснодарского университета МВД России

Виктимогенные факторы, детерминирующие совершение мошенничества с использованием IT-технологий

Исследователи в области психологии, социологии и криминологии на протяжении длительного интервала времени пытаются понять радикальное развитие новой парадигмы отношений, возникшей в результате нынешнего распространения информационно-телекоммуникационных технологий. Использование сети Интернет и осуществление профессиональной деятельности в режиме «онлайн» становятся повседневным явлением. Прогресс в области цифровых технологий сопровождается активным развитием преступной деятельности, а такие действия, как повышенная активность в социальных сетях, покупка товаров, оказание коммерческих услуг и обмен документами посредством использования электронной почты особенно сильно привлекают внимание Интернет-мошенников.

[1] Васильева М.А., Лебедева А.А. Криминалистические аспекты использования цифровых способов фиксации следов при расследовании преступлений // Вопросы российского и международного права. 2019. Т. 9. № 9-1. С. 222-223.

Совершение кибермошенничества невозможно без участия жертвы, которая в силу своей безусловной виктимности способствует совершению преступного посягательства.

В связи с этим, изучение виктимологических типологий и классификаций жертв преступлений рассматриваемой категории вызывает интерес не только правоприменителей, но и ученых.

Б. Мендельсон в качестве первого шага в осмыслении результатов своего исследования отношений между обидчиком и жертвой предложил следующую типологию жертв.

1. Невиновная жертва (несовершеннолетнее лицо, невменяемый человек).

2. Жертва с частичной виной (женщина, провоцирующая ошибочные действия злоумышленника).

3. Жертва и преступник имеют равную степень вины (в результате целенаправленной провокации преступника).

4. Жертва виновнее обидчика (вследствие подстрекательства к совершению противоправных действий).

5. Воображаемая жертва (лица с психологическими отклонениями, предписывающие себе ложные характеристики жертвы).

Ганс фон Гентиг изучал взаимосвязи между активной стороной, к которой считал необходимым относить преступника, и пассивной стороной – жертвой. Он предложил свою классификацию жертв, которая состояла из психологических, социальных и физических оснований. Предпосылкой его классификации стала идентификация жертвы относительно совокупности факторов риска. Он разделил все виды жертв на три уровня:

1. Общий уровень жертв (несовершеннолетние, женщины, старшее поколение, неполноценные личности, иммигранты).

2. Психологические типы жертв (депрессивные, жадные, экстравагантные, одинокие, «блокированные жертвы»).

3. Активированные страдательные личности (потенциальные жертвы, случайные жертвы, латентные жертвы)[1].

Исследование эволюции виктимологической области позволяет выделить основные виктимогенные факторы, присущие жертвам киберпреступлений: риск и повышенная уязвимость[2].

Миро Ллинарес в 2011 г. произвел анализ теории повседневной деятельности и выделил три ключевых элемента киберпреступности, которые

[1] Варчук Т.В., Вишневецкий К.В. Виктимология: учеб. пособие для студентов вузов, обучающихся по специальности «Юриспруденция» / под ред. С.Я. Лебедева. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2017. 191 с.

[2] Кабанов П.А. Несовершеннолетние жертвы современной российской преступности: статистико-виктимологическое измерение (2009–2015 гг.) // Виктимология. 2016. № 3 (9). С. 7–23.

должны совпадать в данном пространстве и времени: мотивированный преступник, адекватная жертва (для мотива преступника), отсутствие наставников. Его главный тезис заключался в том, что роль жертвы в киберпространстве более определяющая, чем ее повседневная деятельность в физическом мире. Жертва самостоятельно устанавливает границы поля риска, которому она будет подвержена. Помимо этого, автор указывал на необходимость учитывать специфику виртуальной среды, так как онлайн-риски носят диффузный характер и отличаются сложностью контроля[1].

Согласно позиции Эрреры Морено, виктимизация в киберпространстве попадает в категорию контекстной уязвимости, когда жертва взаимодействует с «виктимогенной средой», а цель изучения виктимогенных факторов заключается в противодействии онлайн-преступности[2].

По нашему мнению, изучение виктимологических факторов необходимо в целях предупреждения кибермошенничества и устранения причин роста виктимизации населения.

Полагаем, что все виктимогенные факторы можно разделить на внешние и внутренние.

К внешним необходимо относить:

– незащищенность персональных данных в электронной среде (торговля конфиденциальными данными на теневых «онлайн-рынках»);

– воздействие на психику жертвы посредством рекламного программного обеспечения (мошенники, используя рекламу, провоцируют легкомысленных пользователей переходить по небезопасным ссылкам).

К внутренним:

– легкомыслие;

– распущенность;

– рискованность;

– провокационность;

– неосторожность.

Анализ статистических данных МВД России за 2020 год позволяет сделать вывод, что пользователь попадает в поле зрения злоумышленников, если пренебрегает основным правилам сетевой безопасности:

– стремление найти легкий способ дополнительного заработка;

– установка примитивных паролей для доступа к персональным данным;

– поверхностное отношение к правилам онлайн-безопасности;

– повышенная Интернет-активность;

– переходы по сомнительным ссылкам;

– покупка, продажа товаров, оказание Интернет-услуг и т.д.

---

[1] Miro Llinares,Fernando. Internet y delitos contra la propiedad intellectual, 2005. 243 p.

[2] Herrera Moreno, Myriam (Dir.). (2018). La víctima en sus espejos. Variaciones sobre víctima y cultura. Barcelona. Revista de Victimologia, ISSN-e2385-779X, № 9 (Ejemplar dedicado a: Revista de Victimología / Journal of Victimology), págs. 133-151.

На основании выделенных признаков можно предположить, что преступник, воздействуя на виктомогенные факторы жертвы, манипулирует ей, искажая действительность. Понимание действительности к жертве приходит лишь только после совершения противоправного деяния, так как до этого создавалось ощущение действия по собственному желанию. Необходимо отметить, что в определенной части жертва обладает свойствами преступника: жадностью, наглостью корыстью и др. Используя эти качества, мошенник добивается своей преступной цели – усыпляет бдительность «Взрослого» жертвы и переводит диалог на уровень «Ребенок – Ребенок». Данные действия искажают сознание жертвы, вследствие чего создается ощущение, что на самом деле сама жертва обманывает мошенника и руководит ситуацией.

Таким образом, анализ виктимогенных факторов позволяет более качественно выявлять и нейтрализовывать ситуации, формирующие виктимное поведение и провоцирующие совершение цифровых преступлений.

Стрилец Олег Валентинович,
кандидат юридических наук, доцент,
профессор кафедры уголовного права
Волгоградской академии МВД России

Реализация принципа дифференциации и индивидуализации при исполнении отдельных видов наказаний

Исполнение наказания – довольно сложный и многоуровневый процесс, осуществляемый государством. Наказание является мерой государственного принуждения, назначаемой по приговору суда, государство обязано выполнить его исполнение, для чего им создаются соответствующие учреждения и органы, призванные обеспечить необходимые условия для достижения целей наказания – восстановления социальной справедливости, исправления осужденных и предупреждения совершения новых преступлений. Неотъемлемой составляющей частью такой деятельности, является реализация принципа дифференциации и индивидуализации исполнения наказаний.

Данный принцип получил свое законодательное закрепление в ст. 8 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации (далее – УИК РФ). Несмотря на то, что законодатель не наполняет его содержательной составляющей, сам факт закрепления принципа дифференциации и индивидуализации исполнения наказаний имеет большое значение для развития уголовно-исполнительного права и регламентации процесса исполнения наказания.

В правовой доктрине наблюдаются различные подходы к пониманию этого принципа.

В 1972 году А.Е. Наташев, рассматривая сущность принципов советского исправительно-трудового права, отмечал, что суть принципа индивидуализации исправительно-трудового воздействия «заключается в том, что меры исправительно-трудового воздействия применяются к осужденным в зависимости от изменений их личности и поведения, с учетом характера и степени общественной опасности совершенного преступления, а также всей совокупности данных, характеризующих личность и поведение осужденного в период отбывания наказания»[1].

А.И. Зубков и В.А. Уткин считают, что этот принцип «включает в себя и рациональное применение мер принуждения, средств исправления осужденных и стимулирования их правопослушного поведения как следствие проведенных дифференциации и индивидуализации самих осужденных»[2].

А.А. Толкаченко пишет, относительно этого вопроса, что «различным категориям осужденных в зависимости от тяжести совершенного преступления, прошлой преступной деятельности (в частности, судимости), частично формы вины, поведения в процессе отбывания наказания, состояния здоровья и иных законодательно определенных признаков применяется карательное воздействие различного объема»[3].

С.М. Зубарев, анализируя настоящий принцип утверждает, что «дифференциация и индивидуализация исполнения наказания представляет собой единый, взаимообусловленный и взаимосвязанный процесс, который позволяет скорректировать исправительное воздействие в зависимости от групповых и индивидуальных признаков осужденных»[4].

Дифференциация исполнения наказаний, прежде всего, выражается в создании различных условий отбывания наказания, в объеме правового статуса осужденных, в степени изоляции в зависимости от наказания. Однако здесь нельзя отрицать роль индивидуализации исполнения наказаний, которая основывается на учете не только групповых, но и индивидуальных особенностей личности осужденных, которые учитываются при отбывании ими наказания. Индивидуализация наказания на стадии исполнения означает, во-первых, изменение объема кары в зависимости от поведения осужденного, и, во-вторых, изменение содержания исправительного воздействия на основе учета индивидуальных особенностей личности осужденных.

---

[1] Наташев А.Е. Принципы советского исправительно-трудового права. М., 1972. С. 24.

[2] Уголовно-исполнительное право России/ под ред. А. И. Зубкова. М., 1997. С. 390.

[3] Уголовно-исполнительное право Российской Федерации / под ред. И. Л. Трунова. М., 2005. С. 22.

[4] Зубарев С. М. Уголовно-исполнительное право: краткий курс лекций. М., 2014. С. 14.

Дифференциация и индивидуализация исполнения наказаний – это неразрывный и взаимообусловленный процесс, предусматривающий последовательную смену явлений, состояний в развитии чего-нибудь или совокупность последовательных действий, направленных на достижение определенного результата. На первоначальной стадии исполнения наказания применить индивидуализацию просто нельзя, в связи с тем, что невозможно для каждого осужденного создать условия, рассчитанные только на него. Данный принцип должен реализоваться комплексно[1].

Однако, при реализации дифференциации и индивидуализации исполнения наказаний нельзя не учитывать, что данный принцип, прежде всего, базируется на такой правовой категории как справедливость.

В данном аспекте безусловный интерес вызывает реализация принципа дифференциации и индивидуализации при исполнении отдельных видов наказаний.

При исполнении отдельных видов наказаний, не связанных с изоляцией осужденного от общества, реализация рассматриваемого принципа осуществляется с учетом различных признаков. Так, при исполнении наказания в виде обязательных работ к ним можно отнести: болезнь осужденного (ч. 3 ст. 26 УИК РФ), пол (ч. 3.1 ст. 26 УИК РФ).

При исполнении исправительных работ законодатель по не вполне оправданной логике закладывает дифференцирующий фактор – трудоустройство осужденного по месту жительства. Местами отбывания этого наказания в соответствии с требованиями уголовно-исполнительного законодательства являются: для трудоустроенных осужденных основное место работы, при этом нет указания на взаимосвязь места работы с местом его жительства, а для безработных осужденных в местах, определяемых органами местного самоуправления по согласованию с уголовно-исполнительными инспекциями, но в районе места жительства осужденного (ч. 1 ст.39 УИК РФ).

Требование об указании в приговоре суда конкретного места отбывания исправительных работ является обязательным. Так, в апелляционном постановлении Северодвинского городского суда Архангельской области установлено: приговором мирового судьи, И. была признана виновной в совершении преступления, предусмотренного частью 1 статьи 157 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее УК РФ) и ей назначено наказание в виде 4 месяцев исправительных работ с удержанием 10 % из заработной платы в доход государства, ежемесячно. В апелляционном представлении государственный обвинитель просит данный приговор изменить из-за неправильного применения уголовного закона, выразившегося в не указа-

[1] См. подробнее. Стрилец О.В. О дифференциации и индивидуализации исполнения наказаний как межотраслевом принципе права // Вестник Академии МВД Республики Беларусь. 2015. № 2 (30) С. 209-212.

нии в резолютивной части приговора вида отбывания исправительных работ. При назначении наказания мировой судья обоснованно принял во внимание характер и степень общественной опасности преступления, данные о личности осужденной, в том числе смягчающие наказание обстоятельства, как полное признание И. своей вины, раскаяние в содеянном, а также отсутствие отягчающих наказание обстоятельств, и верно назначил осужденной наказание в виде исправительных работ. При этом место отбывания наказания с учетом установленных при рассмотрении дела фактических обстоятельств, подлежит указанию в приговоре, что мировым судьей сделано не было. В суде апелляционной инстанции также установлено, что И. имеет постоянное место работы, поэтому наказание в виде исправительных работ подлежит отбыванию ею по основному месту работы в ООО. Постановили: апелляционное представление государственного обвинителя удовлетворить. Приговор мирового судьи в отношении И. изменить. Назначить И. по части 1 статьи 157 УК РФ наказание в виде исправительных работ сроком на 4 (четыре) месяца с удержанием 10% заработной платы ежемесячно в доход государства с отбыванием наказания ею по основному месту работы осужденной в ООО[1].

Такой подход законодателя относительно нахождения места работы осужденных существенно снижает эффективность данного вида наказания, и противоречит принципу равенства осужденных перед законом.

Достойное отражение принцип дифференциации и индивидуализации нашел при исполнении принудительных работ в первую очередь это связанно с привлечением осужденного к труду (ч.1 ст. 60.7 УИК РФ).

Вместе с тем, отметим, что порядок проживания осужденных в исправительном центре определяется без учета пола.

Общим критерием дифференциации и индивидуализации, который учитывается при исполнении видов наказаний, не связанных с изоляцией осужденного от общества, является его поведение при отбывании наказания. Он учитывается при решении вопроса о признании осужденного злостно уклоняющимся от отбывания наказания, что дает основания для замены наказания другим видом.

Довольно показательным в этой связи является, тот факт, что при исполнении наказания в виде ограничения свободы уголовно-исполнительная инспекция в соответствии ч. 3 ст. 58 УИК РФ и п. 49 Инструкции по организации исполнения наказания в виде ограничения свободы вправе при поступлении сведений об антиобщественном образе жизни осужденного, посещении им мест, связанных с употреблением алкогольных напитков либо

[1] См.: Апелляционное постановление Северодвинского городского суда Архангельской области от 2 сентября 2013 г. по делу № 10-79/2013 // База данных судебных решений «Судебные и нормативные акты РФ». Режим доступа: https://sudact.ru/regular/doc/T8ng7k4Rqwlo/ (дата обращения: 08.06.2020).

наркотических средств, вносит в суд мотивированное представление о дополнении ранее установленных осужденному ограничений[1].

Так, приговором мирового судьи судебного участка ***, и.о. обязанности мирового судьи судебного участка № *** г. Н. осужден по ч. 1 ст. 158 УК РФ к 8 месяцам ограничения свободы, с установлением следующих ограничений : не менять места жительства или пребывания, не выезжать за пределы территории муниципального образования – *** без согласия специализированного государственного органа, осуществляющего надзор за отбыванием наказания в виде ограничения свободы, 1 раз в месяц являться на регистрацию в указанный орган по месту жительства или пребывания.

Начальник Рассказовского МФ ФКУ УИИ УФСИН РФ по *** обратилась в суд с представлением об установлении дополнительного ограничения в отношении осужденного Н. в виде запрета посещать кафе, бары, рестораны и другие места, реализующие спиртные напитки в розлив.

Постановлением Рассказовского районного суда ***, удовлетворено представление начальника Рассказовского МФ ФКУ УИИ УФСИН РФ по *** в отношении осужденного Н.[2].

Требования принципа дифференциации и индивидуализации в полной мере реализуются при исполнении наказания в виде лишения свободы. Правовая классификация осужденных влечет за собой создание для них видов исправительных учреждений. К которым относятся: исправительные колонии, воспитательные колонии, тюрьмы, лечебные исправительные учреждения, а также следственные изоляторы. Исправительное учреждение и вид исправительной колонии определяются осужденному в зависимости от возраста, пола, тяжести совершенного преступления, формы вины, рецидива преступлений, наличия заболевания (ст. 74 УИК РФ).

Дифференциация исполнения наказания в виде лишения свободы неразрывно связана с индивидуализацией исполнения наказания, который реализуется с учетом личности осужденного и его поведения при отбывании наказания и отношения к труду и другим средствам исправления. Причем изучение при исполнении наказания личности осужденного, отбывающего наказание, осуществляется постоянно, в соответствии с чем к нему применяются средства, стимулирующие его исправление. Это достигается путем создания различных условий отбывания наказания (ст. 87, 120, 122, 124, 127, 130 и 132 УИК РФ) и комплекса мер воспитательного

[1] См.: Об утверждении Инструкции по организации исполнения наказания в виде ограничения свободы: приказ Минюста РФ от 11 октября 2010 г. № 258// Справ.-правовая сист. «КонсультантПлюс».

[2] См.: Апелляционное постановление № 22-2286/2019 от 21 ноября 2019 г. по делу № 4/23-15/2019 Тамбовский областной суд (Тамбовская область) // База данных судебных решений «Судебные и нормативные акты РФ». URL: http://sudact.ru/regular/doc/DJEDgXlxou1K/ (дата обращения: 15.10.2021).

воздействия (глава 15 УИК РФ). При этом процесс изменения объема и содержания данных средств обеспечивает дифференциацию и индивидуализацию исполнения наказания.

Таким образом, действенная реализация принципа дифференциации и индивидуализации исполнения наказания, с учетом требований других принципов уголовно-исполнительного законодательства дает возможность в полной мере эффективно исполнять все виды наказаний.

Табакова Наталья Александровна,
старший преподаватель кафедры
уголовного права и криминологии
Краснодарского университета МВД России

Китайская модель уголовно-правовой охраны рынка ценных бумаг

Наибольший интерес для исследования уголовно-правовой охраны общественных отношений в сфере выпуска и обращения ценных бумаг социалистической правовой семьи представляет уголовное законодательство Китайской Народной Республики (далее – КНР). Это обусловлено тем, что Китай, придерживаясь идеи построения социалистического общества, имплементировал и использует многие капиталистические институции, в том числе и инструментарий фондового рынка. Сейчас в КНР помимо сянганской, функционируют две фондовые биржи – в Шанхае и Шэньчжэне (провинция Гуандун)[1]. Указанное обстоятельство свидетельствует, что общественные отношения в сфере выпуска и обращения ценных бумаг в Китае нуждаются в уголовно-правовой охране. Справочно отметим, что ныне действующий УК КНР был принят 14 марта 1997 года и вступил в силу 01 октября 1997 года.

Уголовное законодательство Китая в сфере обеспечения уголовно-правовой охраны рынка ценных бумаг достаточно обширно. Основная часть составов преступлений закреплены в Главе 3 «Преступления, связанные с нарушением экономического порядка социалистического рынка» УК КНР, а именно, в § 3. «Преступления, связанные с нарушением порядка руководства компанией, предприятием», § 4. «Преступления, связанные с нарушением порядка финансовых операций» и § 5. «Преступления, связанные с фи-

[1] Комментарии к основным положениям Особенной части УК КНР. URL: https://asiabusiness.ru/law/law1/criminalcode/remark (дата обращения: 15.11.2021).

нансовым мошенничеством» УК КНР. Как отмечают исследователи, преступления, закреплённые в Главе 3 УК КНР, отличаются высокой степенью казуистичности[1].

Нормы уголовного законодательства, обеспечивающие охрану фондового рынка в Китае, можно разделить на нормы:

– устанавливающие ответственность за фальсификацию ценных бумаг (преступления, предусмотренные ст. 177, ч. 1 и ч. 2 ст. 178 УК КНР) и использование фальсифицированных ценных бумаг (преступления, предусмотренные ст. 194, 197, 224 УК КНР);

– преступления, связанные с нарушением порядка формирования уставного капитала (ст. 159, 179 УК КНР);

– преступления, связанные с раскрытием и сохранением информации на фондовом рынке (ст. 160, 161, 180, 181 УК КНР);

– преступления, связанные с манипуляцией на фондовом и фьючерсном рынках (ст. 182 УК КНР);

– должностные преступления, совершённые: внутренними инсайдерами (ч. 1 ст. 180 УК КНР); сотрудниками фондовых организаций (ч. 4 ст. 180, ч. 1 ст. 185 УК КНР); банковскими работниками (ст. 189 УК КНР); государственными служащими компетентных государственных органов в сфере выпуска и обращения ценных бумаг (ч. 2 ст. 185, ст. 403 УК КНР).

Изучение объективной стороны указанных выше преступлений, закрепленных в УК КНР, свидетельствует о том, что большинство из них сформулированы как преступления с материальным составом. Китайский законодатель, закрепляя уголовную ответственность за нарушения в сфере выпуска и обращения ценных бумаг, использует оценочные характеристики и признаки, такие как, например:

«…если эти деяния совершены в особо крупном размере и повлекли серьезные последствия или сопровождались отягчающими обстоятельствами, - » (ст. 159 УК КНР);

«… сокрытие информации при эмиссии ценных бумаг на крупную сумму, если это повлекло серьезные последствия или сопровождалось отягчающими обстоятельствами, - » (ст. 160 УК КНР);

«… нанесшие тем самым серьёзный ущерб интересам акционеров или иных лиц либо совершившие те же деяния при других отягчающих обстоятельствах, – » (ст. 161 УК КНР);

«… в сравнительно крупном размере, – » (ст. 178 УК КНР);

«выпуск в большом количестве акций или облигаций компании, … повлекший серьезные последствия, – » (ст. 179 УК КНР);

«фабрикации, приведшие к серьезным последствиям, – » (ст. 181 УК КНР);

---

[1] Уголовный кодекс Китая / под ред. проф. А.И. Коробеева и проф. А.И. Чучаева; Пер. с китайского проф. Хуан Даосю. М.: ООО «Юридическая фирма Контракт», 2017. 256 с.

«… при отягчающих обстоятельствах, – », «… при особо отягчающих обстоятельствах, – » (ст. 182 УК КНР);

«…осуществление мошеннической деятельности с использованием … на значительную сумму – » (ст. 194, ст. 197 УК КНР);

«…если эти деяния причинили крупный ущерб общественной собственности, государственным или общественным интересам – » (ст. 189, ст. 403 УК КНР).

Приведенное свидетельствует, что существенное расширение оценочных признаков и характеристик при описании объективной стороны преступлений приводит, как отмечают исследователи, к трудностям уяснения смысла статей УК КНР и еще большим сложностям при применении таких норм китайскими правоприменителями на практике[1].

В соответствии с ч. 2 ст. 15 УК КНР, уголовное преследование за общественно опасные деяния, совершенные по неосторожности, наступает в случае, прямо указанном в законе, из чего мы констатируем, что все, предусмотренные УК КНР преступления в сфере выпуска и обращения ценных бумаг являются умышленными преступлениями.

Ст. 159 УК КНР предусматривает уголовную ответственность за нарушение порядка создания акционерной компании. Объективная сторона преступления, предусмотренного ст. 159 УК КНР характеризуется ложным декларированием капиталовложений в уставный фонд без внесения денег, материальных ценностей, отсутствием передачи права собственности либо изъятием капиталовложения в уставный фонд после открытия/создания компании.

Субъектом преступления, предусмотренного ст. 159 УК КНР выступает специальный субъект, то есть – учредитель или акционер, лица, которые в соответствии с Законом КНР «О компаниях» обязаны внести деньги, материальные ценности в уставный фонд либо не изымать капиталовложения из уставного фонда компании после открытия/создания компании.

Китайский законодатель, вводя ст. 160 УК КНР, обеспечил уголовно правовую охрану интересов потенциальных инвесторов, так как данная норма устанавливает ответственность за умышленное сокрытие важной информации или предоставление заведомо недостоверной информации в проспект эмиссии, подписке на акции, а также, в способы набора/приобретения облигаций.

Не предоставление или предоставление ложной информации, ее сокрытие руководителями или иными ответственными лицами компании перед акционерами или общественностью признаётся преступлением в соответствии со ст. 161 УК КНР.

---

[1] Уголовный кодекс Китая / под ред. проф. А.И. Коробеева и проф. А.И. Чучаева; Пер. с китайского проф. Хуан Даосю. М.: ООО «Юридическая фирма Контракт», 2017. 256 с.

Уголовное законодательство Китая дифференцирует уголовно-правовую охрану банковских ценных бумаг, ценных бумаг эмитированных государством и негосударственных ценных бумаг.

Нормы и положения, закреплённые в ст. 174 УК КНР, обеспечивают уголовно-правовую охрану монополии государства, связанную с выдачей разрешения на создание финансовых организаций, что также способствует обеспечению интересов добропорядочных эмитентов и инвесторов. Отметим, что преступление, предусмотренное ст. 174 УК КНР, сформулировано как преступление с формальным составом. Указанная статья УК КНР в части первой устанавливает уголовно-правовой запрет самовольного (без надлежащего разрешения компетентного государственного органа) создания финансовых организаций, в том числе, коммерческого банка, фондовой или фьючерсной бирж, фьючерсных или фондовых агентств. Часть вторая ст. 174 УК КНР предусматривает ответственность за поделку, переделку, передачу лицензии или разрешительных документов на осуществление деятельности финансовых организаций, в том числе и фондовых.

В п. 1 ч. 1 ст. 177 УК КНР указано, что предметом изготовления фальшивых банковских ценных бумаг, наряду с иными банковскими документами, могут выступать: переводной вексель, долговое обязательство и чек[1].

Так, ч. 1 ст. 178 УК КНР предусматривает более строгую уголовную ответственность за подделку государственных ценных бумаг по сравнению с преступлением, предусмотренным ч. 2 ст. 178 УК КНР, в которой установлена уголовная ответственность за подделку негосударственных ценных бумаг. Следует отметить, что цель использования не является обязательной в указанных статьях.

Китайский законодатель определяет одинаковые способы совершения преступлений, предусмотренных ст. 177 УК КНР, а также частями 1 и 2 ст. 178 УК КНР, а именно, подделку и переделку предметов преступлений указанных составов преступлений. Представляется, что подделка предметов – это полное изготовление предмета преступления, а переделка – это частичное внесение изменений в существующий фондовый инструмент. В случае подделки бездокументарных ценных бумаг требуется дополнительная квалификация по ст. 287 УК КНР «Финансовое мошенничество, кража, коррупция, использование не по назначению общественных средств, похищение государственной тайны или другие преступления, совершенные при помощи компьютера». Как видно из содержания указанных статей УК КНР, для квалификации, в отличие от ст. 186 УК РФ, не требуется наличие специальной цели преступления – сбыта предмета преступления.

Следует указать на то, что использование заведомо фальшивых или поддельных, заведомо утративших силу переводных векселей, долговых

[1] Уголовный кодекс Китайской Народной Республики. Принят на 5-й сессии Всекитайского собрания народных представителей шестого созыва 14 марта 1997 г. URL: http://ru.chinaembassy.org/rus/zfhz/zgflyd/t1330730.htm (дата обращения: 18.11.2021).

обязательств и банковских чеков образует, в зависимости от характеристики объективных и субъективных признаков состава преступления, состав преступления, предусмотренный ст. 194 УК КНР, либо ст. 224 УК КНР. Положения ст. 197 УК КНР устанавливают уголовную ответственность за использование фальсифицированных, поддельных государственных облигаций или иных выпущенных государством ценных бумаг.

Выпуск в большом количестве акций или облигаций компании, предприятия без санкции соответствующих государственных компетентных органов, в соответствии со ст. 179 УКУ КНР, признается преступлением. Анализируя содержание данной статьи УК КНР, мы видим, что законодатель для характеристики деяния использует оценочную категорию «выпуск в большом количестве …», которое в самом УК КНР не раскрывается, что также усложняет уяснение содержания ст. 179 УК КНР.

Статья 180 УК КНР состоит из четырёх частей, две из которых описывают самостоятельные составы преступлений. Часть первая ст. 180 УК КНР (аналог ст. 185.6 УК РФ) предусматривает уголовную ответственность за противоправное использование инсайдерской информации при осуществлении сделок с ценными бумагами лицами, которые проинформированы о внутренней ситуации с ценными бумагами в компании, а также лицами, которые получили такого рода информацию незаконным путём. Также, указанная норма устанавливает ответственность за умышленное разглашение инсайдерской информации субъектами преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 180 УК КНР, причём, разглашение может быть осуществлено указанием или намёком совершить какие-либо действия с ценными бумагами. Нам представляется, что такое альтернативное действие, которое характеризует объективную сторону преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 180 УК КНР, как разглашение инсайдерской информации посредствам намёка на необходимость осуществления сделки с ценными бумагами, особо усложняет правоприменительную практику китайских правоохранителей.

Предметом преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 180 УК КНР выступает внутренняя информация компании о сделках с ценными бумагами, то есть нераскрытая корпоративная информация.

В отличие от иных норм УК КНР, ч. 3 ст. 180 УК КНР закрепляет, что «рамки внутренней информации и круг информированных лиц определяются в соответствии с положениями законов, административно-правовых актов».

Часть 4 ст. 180 УК КНР также, как и ч. 1 ст. 180 УК КНР, устанавливает уголовную ответственность за незаконное использование инсайдерской информации, однако, в отличие от ч. 1 ст. 180 УК КНР, субъектами преступления, предусмотренного ч. 4 ст. 180 УК КНР, выступают сотрудники фондовых организаций (фондовой биржи, фьючерсной биржи, фондовых компаний, фьючерсных агентств, управленческих компаний фондов,

коммерческих банков, страховых компаний или других финансовых структур, а также, сотрудники соответствующих надзорных органов или профессиональных ассоциаций). Следует отметить, что в качестве специальных субъектов преступлений в сфере выпуска и обращения ценных бумаг УК РФ не предусматривает сотрудников фондовых и иных бирж, в связи с чем, нам представляется, что нормы и положения УК РФ являются более универсальными по сравнению с нормами УК КНР.

Предметом преступления, предусмотренного ч. 4 ст. 180 УК КНР выступает служебная либо неопубликованная информация.

Части 1 и 4 ст. 180 УК КНР, а также – ст. 403 УК КНР обеспечивают уголовно-правовую охрану одного из фундаментальных принципов экономики, а именно принципа честной конкуренции.

Статья 181 УК КНР является аналогом ст. 185.3 УК РФ, однако, законодательная конструкция ст. 181 УК КНР, как нам представляется, сложнее, так как предусматривает два самостоятельных состава преступления, которые содержатся в ч. 1 и ч. 2 ст. 181 УК КНР, соответственно.

Часть первая ст. 181 УК КНР предусматривает уголовную ответственность за создание и распространение ложной информации, оказывающей влияние на сделки с фондовыми инструментами, что приводит к нарушению порядка фондового или фьючерсного рынка. Характеризуя предмет преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 181 УК КНР, следует исходить из того, что спектр информации, оказывающей влияние на сделки с ценными бумагами является достаточно широким, однако, основная характеристика такой информации состоит в том, что данная информация является фейковой, то есть не соответствующей действительности.

Субъектом преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 181 УК КНР, согласно анализу данной нормы, является общий субъект преступления, в отличии от преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 181 УК КНР, где субъект преступления – специальный, а именно сотрудники фондовых бирж, фьючерсных бирж, фондовых компаний, фьючерсных компаний или служащие фондовых ассоциаций, фьючерсных ассоциаций или отделов фондового менеджмента, фьючерсного менеджмента.

Объективная сторона преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 181 УК КНР, характеризуется такими альтернативными действиями, как:

– предоставление заведомо ложной информации; фальсификация информации;

– подделка документов по сделкам с ценными бумагами;

– уничтожение документов по сделкам с ценными бумагами.

Субъективная сторона преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 181 УК КНР, кроме прямого умысла, также, характеризуется наличием специальной цели - обманным путём привлечь вкладчиков к покупке ценных бумаг. Также, китайский законодатель в ч. 2 ст. 181 УК КНР использует тер-

мин «заведомо», что раскрывает умышленную форму вины данного преступления, то есть, виновное лицо, ещё до начала реализации преступления осознаёт ложность предоставляемой информации.

Статья 182 УК КНР устанавливает ответственность за осуществление манипуляций на фондовом и фьючерсном рынках, под которыми понимается:

– искусственное увеличение количества сделок по фондовым инструментам;

– манипулирование ценами на фондовом рынке;

– купля-продажа фондовых инструментов самому себе без передачи права собственности на ценные бумаги;

– осуществление взаимных сделок с ценными бумагами с целью оказания влияния на фондовый рынок.

Как видно из описания альтернативных деяний, предусмотренных ст. 182 УК КНР, манипулирование рынком осуществляется путем действий с фондовыми инструментами. Нам представляется, что купля-продажа фондовых инструментов самому себе без передачи права собственности на ценные бумаги - это фиктивные сделки по передаче предметов сделки дочерним либо иным аффилированным предприятиям. Такого рода сделки осуществляются с целью придания ценным бумагам инвестиционной истории, которая влияет на инвестиционную привлекательность для потенциальных инвесторов. Отметим, что отечественный законодатель в ст. 185.3 УК РФ под манипуляцией понимает информационное воздействие на фондовый рынок с целью воздействия на котировки фондовых инструментов. Как нам видится, в УК РФ целесообразно было бы добавить норму, которая бы устанавливала ответственность за манипуляцию рынком посредством осуществления фиктивных сделок с ценными бумагами и иными фондовыми инструментами.

Норма, закреплённая в ст. 189 УК КНР устанавливает, как уже отмечалось, уголовную ответственность работников банков или финансовых органов, за деяния, связанные с нарушением порядка выполнения вексельных операций. Объективная сторона преступления, предусмотренного ст. 189 УК КНР, характеризуется рядом альтернативных действий:

– акцептирование векселя, оформленного с нарушением;

– осуществление выплаты по такому векселю;

– выдача гарантии по векселю, оформленному с нарушением.

Объективная сторона анализируемого преступления сформулирована как преступление с материальным составом и требует причинения крупного ущерба.

Отметим, что также, УК КНР в ч. 1 ст. 185 предусматривает ответственность должностных лиц фондовых бирж и иных финансовых организаций за противоправное использование денежных средств, то есть, за использование денежных средств клиентов не по назначению. Часть 2 этой же

статьи УК КНР устанавливает уголовную ответственность за аналогичные деяния, только в качестве субъекта преступления выступают должностные лица государственных фондовых бирж и иных финансовых организаций.

Отметим, что ст. 30 УК КНР закрепляет возможность привлечения к уголовной ответственности юридических лиц. Указанное положение также конкретизировано в ч. 3 ст. 174, ч. 2 ст. 177, ч. 3 ст. 178, ч. 2 ст. 179, ч. 2 ст. 180, ч. 3 ст. 181, ч. 2 ст. 182 и ч. 2 ст. 189 УК КНР. Уголовная ответственность юридических лиц, в соответствии с УК КНР, как отмечают исследователи, обусловлена реальным состоянием преступности в сфере экономики[1]. Статья 185-1 УК КНР, вообще, содержит самостоятельное предписание, дающее основание привлекать к уголовной ответственности коммерческие банки, фондовые биржи, фьючерсные биржи, фондовые компании, дилеров фьючерсных компаний, страховых компаний или других финансовых структур за самовольное использование капитала клиентов.

Исследователи указывают на то, что до внесения изменений в УК КНР 1997 года, санкции большинства преступлений в сфере экономики предусматривали альтернативное наказание в виде смертной казни. Однако после внесения в него изменений в 2011 году, в соответствии с «Поправками к Уголовному кодексу Китайской Народной Республики (№ 8)» (далее, «Поправки № 8»), вступившими в силу 1 мая 2011 года, такой вид наказания, как смертная казнь по преступлениям в сфере экономики, был исключен. В обосновании к Поправкам № 8 отмечается, что «в соответствии с тенденциями нынешнего этапа экономического и социального развития Китая, отмена смертной казни за ряд экономических преступлений не окажет отрицательного влияния на уровень социальной стабильности и безопасности. В судебной практике некоторые составы преступлений встречаются редко либо вообще не встречаются, поэтому представляется уместным сократить число составов преступлений, в санкциях которых предусматривается смертная казнь»[2].

Изучение китайского уголовного законодательства подтверждает вывод о том, что китайское законодательство, обеспечивающее уголовно-правовую охрану рынка ценных бумаг, является объемным (содержит девятнадцать самостоятельных составов преступлений, устанавливающих ответственность за преступления в сфере выпуска и обращения ценных бумаг) и казуистичным, что, как нам представляется, существенным образом усложняет работу правоприменителя. Кроме того, УК КНР предусматривает возможность привлечения у уголовной ответственности юридических лиц за совершение преступлений в сфере выпуска и обращения ценных бумаг.

---

[1] Комментарии к основным положениям Общей части УК КНР. URL : https://asia-business.ru/ law/law1/criminalcode/comment (дата обращения: 18.11.2021)

[2] Пан Дунмэй Новые тенденции развития уголовного законодательства в Китае (интерпретация «Поправок к Уголовному кодексу Китайской Народной Республики № 8» // Всероссийский криминологический журнал. 2011. № 2. С. 61–67.

Анализ УК КНР свидетельствует о необходимости имплементации в отечественное законодательство нормы, которая бы обеспечивала уголовно-правовую охрану общественных отношений в сфере выпуска и обращения ценных бумаг от манипулирования ценами на фондовом рынке. Мы предлагаем дополнить ст. 185.3 УК РФ частью третей и изложить её в следующей редакции: «Манипуляция рынком посредством осуществления фиктивных сделок с ценными бумагами и иными фондовыми инструментами, если такие действия причинили крупный ущерб гражданам, организациям или государству, либо сопряжены с извлечением излишнего дохода или избежанием убытков в крупном размере».

Ткачева Юлия Сергеевна

Физическое насилие как признак преступления: теоретический и правоурегулирующий аспекты

В действующем УК РФ институт насилия как признак преступления находит отражение как в Общей части, так и в Особенной части уголовного закона. При этом законодатель на дает никаких дефиниций, раскрывающих сущность и формы насилия, активно используя, тем не менее, сам термин «насилие», а также производное от него понятие «угроза применения насилия», и обозначая две формы насилия: «опасное для жизни или здоровья» и «не опасное для жизни или здоровья». В теории уголовного права институт криминального насилия находит более развернутое и глубокое осмысление, в частности, общепризнанным является разделение насилия на физическое насилие и психическое насилие (в уголовном законе они обозначаются соответственно как «насилие» и «угроза применения насилия»)[1]. Однако дискуссионных вопросов остается еще довольно много, что, очевидно, и объясняет осторожность законодателя при регулировании данного института.

Следует заметить, что в уголовном законе термин «насилие» означает прежде всего «физическое насилие», которое, собственно, является основой всего уголовно-правового института насилия, и в этой связи рассмотрим более подробно специфику данного вида насилия как с теоретических позиций, так и с точки зрения его правового регулирования. Распространенной является точка зрения, согласно которой физическое насилие заключается в воздействии на тело человека с целью подавления его сопротивления и может быть выражено в виде побоев, связывании, насильственном удержании, ином причинении боли и т. п.[2].

---

[1] Уголовное право России. Общая часть. Краткий учебный курс / А.В. Грошев, И.В. Упоров. Ростов-на-Дону, 2006. С. 31.

[2] Уголовное право России. Части Общая и Особенная / Под ред. А.В. Бриллиантова. М.: Проспект, 2015. С. 63.

Однако такой подход представляется слишком упрощенным и недостаточно связанным с материей уголовного права – ведь речь идет не вообще о физическом насилии, а о насилии как признаке преступного деяния. Далее, трудно согласиться с утвердительным тезисом о том, что целью физического насилия является подавление сопротивления потерпевшего - правоприменительная практика показывает, что это не всегда имеет место, и нормы УК РФ также предусматривают составы насильственных преступлений, когда виновный совершает акт насилия явно не с целью подавить сопротивление потерпевшего, например, при умышленном причинении тяжкого вреда здоровью, совершенного в отношении малолетнего или иного лица, заведомо для виновного находящегося в беспомощном состоянии (п. «б» ч. 2 ст. 111 УК РФ); и в целом, на наш взгляд, вряд ли целесообразно вести речь о целеполагании физического насилия, поскольку насилие не является самодостаточной категорией уголовного права – это лишь элемент состава насильственного преступления, и только в отношении самого преступления следует говорить о целеполагании[1].

Неудачным представляется также использование термина «тело», на которое оказывается воздействие при осуществлении насилия. Дело в том, что в медицинской и правовой литературе и документах в этой области используется следующая терминология: «тело человека», «тело живого человека», «тело умершего (убитого, погибшего) человека», «тело (останки) человека»[2], в то время как насилие осуществляется в отношении живого человека, что презюмируется самим уголовным законом (ст. 2 УК РФ). Кроме того, термин «тело человека» может использоваться во взаимосвязи с физическим насилием в ином контексте (например, при воздействии на организм человека путем обезображивание тела)[3]. Поэтому упомянутый термин «организм человека» представляется предпочтительнее термина «тело человека».

По мнению В.Я. Якушина, одного из авторов учебника по уголовному праву, физическое насилие представляет собой воздействие как на внешние ткани человека (побои), так и на его внутренние органы (например, опаивание, введение в организм наркотических средств). Такая констатация представляется, однако, недостаточной для дефинирования физического насилия применительно к уголовно-правовым отношениям. Этот же автор

---

[1] Упоров И. Целеполагание отдельных видов наказания в российском уголовном праве // Уголовное право. 2001. № 3. С. 45.

[2] Смирнов А.В., Калиновский К.Б. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации (постатейный) / Подготовлен для системы «Консультант Плюс»; Биомедицинское право в России и за рубежом: монография / Г.Б. Романовский, Н.Н. Тарусина, А.А. Мохов и др. М.: Проспект, 2015. С. 63; Что надо знать гражданину о социальных пособиях / под ред. А.Г. Панова, Б.В. Яцеленко. М.: МЮ РФ, 2010. С. 116.

[3] Андреев Ю.Н. Ответственность государства за причинение вреда: цивилистические аспекты. СПб.: ЮЦ-Пресс, 2013. С. 94.

наряду с криминальным насилием рассматривает также более широкое понятие - «физическое принуждение», которое раскрывается как такое внешнее противоправное воздействие на организм потерпевшего или лишение его возможности перемещаться в пространстве, которое осуществляется для того, чтобы заставить потерпевшего помимо его воли действовать определенным образом[1]. Нельзя не видеть, что такое понимание физического принуждения во многом совпадает с понятием физического насилия. Нужно также иметь в виду, что в уголовном законе физическое принуждение может быть не только конструктивным элементом преступного деяния (ст. 120 и др. УК РФ) или его признаком (ч. 2 ст. 142 и др. УК РФ), но и обстоятельством, исключающим преступность деяния (ст. 40 УК РФ). Термин «принуждение» используется также для раскрытия содержания категории «наказание» (ч. 1 ст. 43 УК РФ), причем в это случае его сущность принципиально другая[2]. Не имея в виду подробное рассмотрение данного аспекта, заметим, что столь широкое использование термина «принуждение» в уголовном законе представляется нецелесообразным.

Р.Д. Шарапов полагает, что под физическим насилием следует понимать «умышленное неправомерное причинение либо покушение на причинение физического вреда другому человеку против или помимо его воли»[3]. При такой трактовке даже попытка причинения физического вреда потерпевшему как способа совершения преступления является юридически оконченным действием, то есть получающим уголовно-правовую квалификацию (покушение на причинение физического вреда потерпевшему). Такой подход, бесспорно, заслуживает внимания, поскольку физическое насилие при такой логике не может не иметь своим результатом причинение физического вреда потерпевшему (причинение вреда здоровью). И правоприменительная практика показывает, что именно так и обстоит дело в большинстве случаев. Однако возникает вопрос применительно к отдельным случаям, когда интенсивность очевидных насильственных действий не настолько высока, чтобы причинить какой-либо физический вред конкретному потерпевшему, допустим, ввиду его крепкого телосложения, то есть, на наш взгляд, необходимо определиться по вопросу о том, всегда ли нужно «привязывать» насильственные действия к их результату (причинению физического вреда) и какой должна быть уголовно-правовая оценка, когда физического вреда нет, а насильственные действия есть (например, удар кулаком в лицо может быть очень сильным, сильным, слабым или очень слабым – с соответствующими последствиями).

---

[1] Балеев С.А и др. Уголовное право России. Общая часть / Под ред. Ф.Р. Сундурова, И.А. Тарханова. М.: Статут, 2009. С. 35.

[2] Курдюк П.М., Упоров И.В., Акопян А.В. Преступность как социально-опасное явление и государственное принуждение как метод его нейтрализации. Краснодар, 2007.

[3] Шарапов Р.Д. Актуальные вопросы квалификации насильственных преступлений // Уголовное право. 2015. № 1. С. 112-124.

Нам представляется, что исходной должна быть позиция, которая заключается в том, что необходимо выяснять, могли ли насильственные действия усилить общественную опасность преступного деяния – если могли, то следует рассматривать деяние, включающее насильственные действия, как деяние с применением насилия, даже если потерпевшему не причинен физический вред здоровью, определяемый согласно главе 16 УК РФ. Конечно, это оценочный подход (оценку дают следственные и судебные органы), но иначе, на наш взгляд, невозможно разрешить указанную коллизию. Что же касается отмеченного выше покушения на причинение физического вреда потерпевшему, то введение этого понятия представляется нецелесообразным, поскольку, как указывалось выше, физическое насилие не является самодостаточным уголовно-правовым явлением – это элемент объективной стороны преступления, применительно к которому и следует говорить о покушении.

Развернутое определение физического насилия дает Л.Д. Гаухман, полагающий, что его следует понимать как общественно опасное противоправное воздействие на внутреннюю или внешнюю сферы организма потерпевшего против его воли. При этом воздействие на внешнюю сферу организма потерпевшего выражается в причинении смерти, вреда здоровью, физической боли, а также может быть сопряжено со связыванием, сваливанием, ограничением свободы либо с иными подобными действиями, а воздействие на внутреннюю сферу организма потерпевшего заключается в даче, введении наркотических средств, психотропных, ядовитых или отравляющих веществ без согласия и ведома потерпевшего, что влечет или может повлечь те же последствия[1]. Здесь, на наш взгляд, важным представляется указание на последствия физического насилия. Вместе с тем излишне абсолютизируется признак, связанный с воздействием на организм вопреки воле потерпевшего – в большинстве случаев, бесспорно, это так, но могут быть и варианты, когда к потерпевшим применяется воздействие с их согласия (например, при эвтаназии). Что касается противоправности, то таковая применительно к насилию в сфере уголовно-правовых отношений презюмируется, то есть не может быть насилия не противоправного, насилие по своей природе противоречит закону (в отличие от «принуждения», применяемого правоохранительными органами в соответствии с законом[2]), соответственно данный признак указывать нет необходимости.

Напротив, предельно краткое определение физического насилия дает А.В. Наумов – это «любая форма физического воздействия на потерпевшего

[1] Гаухман Л.Д. Проблемы квалификации насильственных преступлений // Уголовное право. 2014. № 5. С. 39-42.

[2] Турицын И.В., Упоров И.В. Теоретическая конструкция публичной власти и ее конституционно-правовое преломление в России // Право и практика. 2015. № 2. С. 4-10.

(лишение свободы, побои, причинение вреда здоровью, лишение жизни)»[1]. На наш взгляд, физическое воздействие все же следует определенным образом конкретизировать и «привязать» к составу преступления, учитывая, что насилие является элементом объективной стороны преступления. Нужно также иметь в виду, что физическое насилие сопряжено с *непосредственным* воздействием на организм потерпевшего, можно сказать, вещественным (материальным) вмешательством в его физиологическую деятельность (в отличие от психического насилия).

С учетом изложенного мы полагаем целесообразным определить дефиницию физического насилия в уголовном праве следующим образом: это непосредственное материально-вещественное воздействие на организм потерпевшего, которое может привести к причинению вреда здоровью или смерти потерпевшего и/или усиливает общественную опасность деяния. Для реализации физического насилия могут использоваться как органы человека, осуществляющего насилие (удары кулаком или ногой, удушение руками и т.д.), так и используемые им предметы, вещества и физические явления, способные причинить вред здоровью или смерть (нож, веревка, яд, пламя газовой горелки и т.д.). Как видно, мы предпочитаем узкое понимание физического насилия, учитывая, что более широкое толкование, на наш взгляд, должно касаться как физического насилия, так и психического насилия, то есть общего (родового) понятия насилия, которое мы формулируем как составную часть объективной стороны предусмотренного уголовным законом общественно опасного деяния, заключающуюся в таком внешнем воздействии на физиологию и/или психику потерпевшего, которое может повлечь за собой его смерть, причинить вред его здоровью либо вынудить потерпевшего совершать действия помимо его воли.

Как мы отмечали, в УК РФ отсутствует в достаточно мере системное регулирование насилия в целом и физического насилия в частности. Так, в Общей части УК РФ термин «насилие» в первый и единственный раз встречается в ст. 37 УК РФ применительно к институту необходимой обороны, при этом ни здесь, ни в дальнейшем законодатель не дает своего толкования этого понятия. В этой связи следует согласиться с тем, что правоприменитель должен интерпретировать термин "насилие" и как реальное причинение физического вреда, и как угрозу его причинения, либо законодателю необходимо восполнить этот пробел, уточнив понятие насилия в тексте самого уголовного закона, причем второй вариант предпочтительнее[2]. Мы поддерживаем такой подход и свой вариант дефиниции сформулировали выше.

Что касается Особенной части УК РФ, то термин «насилие» встречается 70 раз. Сравнительно недавно А.И. Рарог в своей статье «Обозначение

---

[1] Наумов А.В. Совокупность в составных насильственных преступлениях: когда она есть и когда отсутствует // Уголовное право. 2014. № 5. С. 76-79.

[2] Коробеев А.И., Ролик А.И. Борьба с наркоконтрабандой: проблемы законотворчества и правоприменения // Уголовное право. 2014. № 6. С. 36-41.

насилия в Особенной части УК РФ характеризуется чрезвычайной терминологической пестротой» довольно подробно показал на существующие проблемы законодательного регулирования института насилия. Здесь также отсутствует какая-либо система. Так, в двух случаях речь идет о побоях и иных насильственных действиях (ст. 116 УК РФ) либо об ином насилии (ст. 334 УК РФ). В ряде случаев насилие определяется как опасное для жизни или здоровья и при законодатель приравнивает его к угрозе применения такого насилия (п. "в" ч. 2 ст. 126, ч. 1 ст. 162, ч. 4 ст. 166, п. "б" ч. 2 ст. 211, п. "б" ч. 3 ст. 221, п. "в" ч. 3 ст. 229 УК РФ). По ряду составов преступлений квалифицирующее значение имеет лишь реальное применения насилия, опасного для жизни или здоровья, в то время как угроза такого насилия, в отличие от смежных составов преступных деяний, не получает уголовно-правовой оценки (п. "в" ч. 2 ст. 127, п. "в" ч. 2 ст. 206 УК РФ). Каждый из этих и многих других способов регулирования признака насилия создает для правоприменителей определенные сложности. Наиболее часто законодатель использует следующий способ определения признака насилия - "применение насилия или угроза его применения" (п. "е" ч. 2 ст. 127.1, п. "г" ч. 2 ст. 127, ч. 1 ст. 131 и т.д. УК РФ). Указанный автор вполне резонно выражает сомнение в правильности приравнивания угрозы насилием к его реальному применению[1].

Мы можем добавить еще пример, показывающий отсутствие системности при регулировании в Особенной части УК РФ института насилия. Так, в п. «в» ч. 2 ст. 166 УК РФ предусмотрен квалифицирующий состав угона – совершение его «с применением насилия, не опасного для жизни или здоровья, либо с угрозой применения такого насилия». А в ч. 4 ст. 166 УК РФ предусматривается особо квалифицирующий состав угона – совершение деяний, предусмотренных ч. 1,2 и 3 этой статьи, «с применением насилия, опасного для жизни или здоровья, либо с угрозой применения такого насилия». И если следовать формалистике, то может получиться следующая диспозиция: угон, совершенный с применением насилия, не опасного для жизни или здоровья, либо с угрозой применения такого насилия, в случае, если это деяние совершено с применением насилия, опасного для жизни или здоровья, либо с угрозой применения такого насилия. Конечно, в правоприменительной практике этого не может быть, но этот пример показывает не только содержательную, но и технико-юридическую проблему регулирования института насилия. И поскольку такого рода случаев довольно много, то, очевидно, потребуется кардинальная переработка норм УК РФ, регулирующих насилие, и есть все основания считать, что это лучшего сделать в рамках нового уголовного закона, разработка и принятие которого уже давно назрели.

---

[1] Рарог А.И. Обозначение насилия в Особенной части УК РФ характеризуется чрезвычайной терминологической пестротой // Уголовное право. 2014. № 5. С. 85-86.

Тростянецкая Виктория Викторовна,
адъюнкт кафедры уголовного права и криминологии
Краснодарского университета МВД России

Сравнительно-правовой анализ уголовного законодательства Российской Федерации и зарубежных стран об ответственности за возбуждение ненависти либо вражды, а равно унижение человеческого достоинства

На сегодняшний день конкретное проявление экстремизма, выражающееся в преступных действиях, направленных на возбуждение ненависти либо вражды, является одной из наиболее актуальных проблем не только для Российской Федерации, но и для многих других зарубежных стран. Нормы международного права прописывают основные аспекты, касающиеся, защиты прав и свобод, от ненависти и вражды. Так, одним из основополагающих правовых актов является Всеобщая декларация прав человека, которая в соответствии с положениями ст. 18 указывает на необходимую защиту прав, на свободу мысли, совести и религии, что подразумевает также и право на смену своей религии или убеждений. Но далее этот же документ в п.2 ст.29 обращает внимание на тот факт, что свои права каждый человек должен осуществлять в рамках дозволенного, с целью уважения прав и свобод других членов общества.[1]Стоит отметить, что указанные нормы регулируют отношения, возникающие в рамках вероисповедания, и абсолютно не рассматриваются иные действия, которые также могут выражать ненависть и вызывать вражду. Следовательно, рекомендует устанавливать ответственность за религиозную неприязнь. Также еще одним документом, но уже обязывающим установление ответственности за указанные в нем преступные деяния, странам, ратифицировавшим его, является Международная конвенция о ликвидации всех форм расовой дискриминации. В нормах данного документа, а именно в п. «а» ст.4 прописана обязанность считать преступлением деяние, направленные на распространение идей, основанных на расовом превосходстве или ненависти[2]. Международное право не только указывает в своих нормах те деяния, которые следует признать преступными и ввести за их совершение определенного рода наказания, а также прописы-

[1] Всеобщая декларация прав человека. Принята резолюцией 217 А (III) Генеральной Ассамблеи ООН от 10 декабря 1948 года. [Электронный ресурс] URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations (дата обращения: 10.09.2021)

[2] Международная конвенция о ликвидации всех форм расовой дискриминации. Принята резолюцией 2106 (XX) Генеральной Ассамблеи от 21 декабря 1965 года. [Электронный ресурс] URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/raceconv.shtml (дата обращения: 15.09.2021)

вает, что причиной войн и страданий человечества может стать игнорирование и нарушение прав человека и основных свобод, в частности права на свободу мысли, совести, религии или убеждений любого рода[1].

Международные нормы в области защиты общества от разного рода проявлений экстремизма никогда не стояли на месте, так как совершенствовались на основании появления новых предметов, подлежащих правовому регулированию. Так, нельзя пройти мимо одной из попыток классификации способов возбуждения ненависти либо вражды, в контексте осуществления градации мер, предпринимаемых в качестве наказания, которая была разработана в рамках Дополнительного протокола к Конвенции о киберпреступности[2]. Положения протокола предполагают разный уровень общественной опасности при распространении через компьютерные сети любых «расистских и ксенофобных материалов», которые в какой-либо форме побуждают к насилию, дискриминации или ненависти и публичные призывы к дискриминации. Таким образом, криминализировать высказывания или нет, зависит от того, возбуждают ли они ненависть и являются ли угрозой серьезного преступления.

Основополагающей рекомендацией для национального законодательства, также стоит считать Рабатский план, который прописывает план действий о запрете пропаганды, национальной, расовой и религиозной ненависти, представляющей собой подстрекательство к дискриминации, вражде и насилию[3].

В нашем государстве преступления экстремистской направленности находятся в главе преступлений против основ конституционного строя и безопасности государства, тем самым законодатель указывает на опасность данных преступлений для всего социума нашей страны в целом. В соответствии с п.8 ст.1 ФЗ №114-ФЗ «О противодействии экстремисткой деятельности»[4] к экстремизму законодатель относит совершение преступлений по

---

[1] Декларация о ликвидации всех форм нетерпимости и дискриминации на основе религии и убеждений. Принята резолюцией 36/55 Генеральной Ассамблеи от 25 ноября 1981 года. [Электронный ресурс] URL:https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/relintol.shtml (дата обращения: 15.09.2021)

[2] Конвенция о преступности в сфере компьютерной информации ETS № 185 Будапешт, 23 ноября 2001 года [Электронный ресурс]URL: https://base.garant.ru/4089723/#friends (дата обращения: 15.09.2021)

[3] Рабатский план действий по запрету пропаганды национальной, расовой или религиозной ненависти, представляющей собой подстрекательство к дискриминации, вражде или насилию, принятый экспертами в г. Рабате (Марокко) 5 октября 2012 года [Электронный ресурс] URL: https://www.sova-center.ru/racism-xenophobia/publications/2014/11/d30593/ (дата обращения: 10.09.2021)

[4] Федеральный закон от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» от 25 июля 2002 г. (с изменениями и дополнениями от 1 июля 2021 г. № 280-ФЗ [Электронный ресурс] URL: https://base.garant.ru/12127578/ (дата обращения 16.09.2021)

мотивам, указанным в пункте «е» части первой статьи 63 Уголовного кодекса Российской Федерации, а именно по таким мотивам как: политический, идеологический, расовый, национальный, религиозной ненависти или вражды, ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы. Тем самым, следует отметить, что ст.282 УК РФ охраняет данные общественные отношения и предписывает наказание за совершение деяний, направленных на возбуждение ненависти либо вражды. Но, не стоит забывать, что данный вопрос первоначально подлежит рассмотрению в рамках административного законодательства, в соответствии со статьей 20.3.1.

В законодательстве зарубежных стран также имеются нормы, регулирующие проявления ненависти и вражды, многие моменты совпадают с нашим законодательством, но также имеются некоторые существенные отличия. Так, в Белорусском уголовном законодательстве трактовка норм, обеспечивающих защиту социума от различного рода высказываний, порождающих ненависть, несколько отличается такими аспектами как:

– термин «рознь», оставшийся в законодательстве Белоруссии еще с советских времен, обладает более широким контекстом, нежели термин «ненависть» фигурирующее в Российском законодательстве. Рознь в какой-то степени является косвенным следствием негативного высказывания или совершенного действия, а не умышленно направленным антиобщественным действием, когда в свою очередь ненависть предполагает мотив преступления, который включает в себя две составляющих, таких как личная мотивация и целеполагание преступника;

– упоминание об «экстремизме» встречается в уголовном законодательстве только лишь в ст. 361-1 и 362-2 УК РБ, в которых прописаны преступные действия, относящиеся к созданию экстремистского формирования и его финансирование;

– список признаков ст.130 УК РБ, которая изложена в следующей редакции «умышленные действия, направленные на возбуждение расовой, национальной, религиозной вражды или розни, на унижение национальной чести и достоинства»[1], квалифицирующих действия, направленные на возбуждение вражды и розни достаточно уже, чем в российском уголовном законодательстве;

– такой признак, как языковой, вынесен из уголовного законодательства Республики Беларусь в административное законодательство.

Несмотря на то, что нами рассматривается только уголовное законодательство, следует отметить, что административное законодательство Республики Беларусь также основательно разработано в контексте привлечения к административной ответственности за правонарушения, проявляющие вражду и рознь.

[1] Уголовный кодекс Республики Беларусь. [Электронный ресурс] URL: https://kodeksy-by.com/ugolovnyj_kodeks_rb.htm (дата обращения: 12.09.2021)

Далее в уголовном законодательстве Республики Молдовы достаточно неординарный подход к определению экстремизма. Поскольку в Законе «О противодействии экстремизму» №54- XV в ст.1 изложено его следующее определение «позиция, доктрина некоторых политических течений, которые на основе крайних теорий, идей или взглядов стремятся посредством насильственных или радикальных мер навязать свою программу»[1]. Стоит заметить, что такое понимание сложно назвать успешным, так как оно в большей степени является политизированным, остается непонятным, что законодатель имел ввиду, прописывая о «доктрине политических течений»? Но нас собственно в большей степени интересует более конкретное проявление экстремизма и то, в какой степени оно подлежит наказанию. Так, в Уголовном кодексе Республики Молдовы интересующие нас действия, связанные с возбуждением ненависти и вражды, имеют свое место и законодатель прописывает их в ст. 346 «Умышленные действия, направленные на разжигание национальной, этнической, расовой или религиозной вражды, дифференциации или розни»[2]. В диспозиции статьи также прописывается о публичных высказываниях, то есть в отличии от нашего законодательства, в котором публичные высказывания и возбуждения ненависти, являются двумя разными составами, в уголовном законодательстве Республики Молдова они объединены. Также, следует указать, что, как и в Республике Беларусь, законодатель избегает термина ненависть и не применяет его в трактовке уголовного закона, несмотря на то, что в законе о противодействии экстремизму дается определение экстремисткой деятельности и перечисляются действия к ней относящиеся, и одними из перечисленных являются действия, совершенные «по мотивам ненависти либо вражды в отношении какой-либо социальной группы».

Анализируя уголовное законодательство стран Центральной Азии по интересующему нас вопросу, следует отметить, что для них основной мотивацией развития и совершенствования антиэкстремистского законодательства непосредственно является угроза радикального политического ислама. Несомненно, для России такая угроза также является немаловажной и находится на контроле, но конкретных норм регулирующих так называемый религиозный экстремизм нет. Одним из примеров антиэкстремисткого законодательства стран Центральной Азии можно рассмотреть Казахстан, поскольку его законодательство достаточно неординарно прописывает термин

[1]Закон Республики Молдова «О противодействии экстремистской деятельности» № 54-XV от 21.02.2003 г. [Электронный ресурс] URL: https://www.cisatc.org/7919 (дата обращения: 12.09.2021)

[2]Уголовный кодекс Республики Молдова от 18 апреля 2002 года №985-XV [Электронный ресурс] URL: http://base.spinform.ru/show_doc.fwx?rgn=3835 (дата обращения 13.09.2021)

экстремизм. В ч.5 ст.1. закона «О противодействии экстремизму»[1] определение трактуется не так как в России, а путем изложения списка действий, относящихся к экстремисткой деятельности, а классификацией по идейным параметрам, таким образом, что выделено три основных группы: изменения конституционного строя и в целом безопасность Республики Казахстан, национальный экстремизм и религиозный экстремизм. Нельзя не отметить, что в законодательстве Казахстана понятие экстремизма достаточно обширно, нежели в законодательстве России.

Во-первых, в Уголовном кодексе Республики Казахстан, а именно вст. 164 «Возбуждение социальной, национальной, родовой, расовой или религиозной вражды» перечислен большой спектр криминализируемых действий и высказываний. Особенной проблемой преступности в Республике Казахстан является родовая рознь и отчасти в вышеуказанной норме уделяется внимание именно этому признаку, но в данном случае не стоит упускать и тот момент, что родовую рознь следует отличать от более узконаправленного мотива кровной мести, о которой в законодательстве Республики Казахстан не упоминается.

Во-вторых, объект ст.164 УК РК охватывает больший спектр его составляющих, а именно проводя аналогию со ст. 282 Уголовного кодекса Российской Федерации мы заметим, что в нашем законе защите подлежит только сам человек, а в Республике Казахстан объектом считаются национальная честь и достоинство, а также религиозные чувства, таким образом, подлежат государственной защите не только сами люди, а еще и их субъективные составляющие.

В-третьих, в законодательстве Казахстана особое внимание уделяется именно разжиганию розни, то есть вопрос о том, являются ли преступления ненависти экстремистскими деяниями или все-таки нет, остается открытым. Возможно законодатель полагает, что для их государства такая направленность закона будет имманентна. Тем самым, антиэкстремисткое законодательство Республики Казахстан можно считать достаточно индивидуальным, охватывающим те спектры общественных отношений, которые, по их мнению, более подвержены угрозе.

Касаясь законодательства Европейских стран, стоит отметить, что в Великобритании в уголовном законодательстве, практически с 80 тысяч норм, предписывающих наказания за различные конкретные преступления, ни одна норма не содержит ответственности за экстремистскую деятельность и в принципе законодатель ни в одном акте не упоминает термин «экстремизм»[2]. Отсутствие законодательного закрепления понятия экстремизм восполняется с

[1] Уголовный кодекс Республики Казахстан от 3 июля 2014 года № 226-V (с изменениями и дополнениями по состоянию на 02.07.2021 г.). [Электронный ресурс] URL: https://online.zakon.kz/m/Document/?doc_id=31575252 (дата обращения 13.09.2021)

[2] «Преступления ненависти» в уголовном законодательстве государств семьи общего права. [Электронный ресурс] URL: https://wiselawyer.ru/poleznoe/76047-prestupleniya-nenavisti-ugolovnom-zakonodatelstve-gosudarstv-semi-obshhego (дата обращения: 15.09.2021).

помощью практики, а именно работы прокуратуры, полиции и суда. В связи с чем, на сайте Королевской прокурорской службы размещено своеобразное определение термина экстремизм, включающее в себя демонстрацию неприемлемого поведения с помощью любых средств или способов для выражения своих взглядов. Все преступления экстремистского характера составляют особую категорию и их принято там делить на две группы: «насильственный экстремизм» и «внутренний экстремизм». «Внутренний экстремизм» является многогранным, но особое внимание в Великобритании уделяется преступлениям ненависти. И к данной категории законодатель отнес преступные действия, совершенные в отношении другого лица или его имущества по мотиву:

– враждебного отношения к данному лицу;
– по причине инвалидности;
– расы;
– религии;
– гендерной идентичности или сексуальной ориентации.

Таким образом, стоить отметить, что в международное антиэкстремисткое законодательство как общее, так и национальное не стоит на месте, развивается и подвергает криминализации все большее количество действий. Несомненно, что перечень признаков и действий разнится по странам, но по общему смыслу они схожи и действуют в одном направлении по противодействию экстремизу. Недоработкой считаем, что во многих странах из-за отсутствия законодательного закрепления термина экстремистской деятельности и того какие действия к ней относятся, терроризм и экстремизм переплетаются в смысловом значении, что порождает проблемы понимания не только в социуме, но и у самих правоприменителей. Соответственно, данная ситуация, может негативно сказываться на международной уголовной политике и международном сотрудничестве в рамках антиэкстремисткой деятельности, поскольку существует разноплановость юридической терминологии.

Законодательство таких государств как Казахстан, Белоруссия, Молдова в какой-то степени отстают от европейских стран и в том числе от России, поскольку в их правовых нормах еще нет изменений касаемых, совершения преступлений ненависти в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет», они ограничиваются ссылкой на совершение этих действий в СМИ.

В зарубежном законодательстве в диспозиции статей о возбуждении ненависти либо вражды, отдельное внимание уделяется не только унижению человеческого достоинства, но и чести.

Считаем, что данный аспект является целесообразным и важным, и для уголовного законодательства Российской Федерации, поскольку ст.23 Конституции Российской Федерации провозглашает право каждого на защиту своей чести.

В рамках совершения преступлений экстремисткой направленности, а именно направленных на унижение достоинства по различным признакам, закрепленным в ст. 282 УК РФ, не редко затрагивается и моральная составляющая личности. Достоинство и честь взаимодополняемы, первого не может существовать без уважения и чувства гордости, что по своей сути является составляющим чести. На основании этого, необходимо внести изменения в ч.1 ст.282 УК РФ, дополнив диспозицию статьи термином «честь»: «Действия, направленные на возбуждение ненависти либо вражды, а также на унижение достоинства и чести человека либо группы лиц…».

Федченко Владимир Владимирович,
кандидат юридических наук,
старший преподаватель кафедры
уголовного права и криминологии
Краснодарского университета МВД России

Проблемы назначения наказания за преступное деяние, предусмотренное статьей 110 Уголовного кодекса Российской Федерации

В современном криминологическом аспекте самыми злободневными преступлениями остаются преступления против личности. Данная категория преступлений характеризуется высокой степенью общественной опасности, а также пагубностью последствий как для личности, так и для общества. Среди вышеуказанных противоправных деяний особое место занимает такое страшное преступлений, как доведение до самоубийства. Современный уголовный закон предусматривает ответственность за склонение другого лица к причинению смерти самому себе. Подобное психическое воздействие обусловлено систематическим унижением объекта посягательства, сопровождаемым принижением чести и достоинства, а нередко и физическим воздействием.

В настоящее время проблема совершения суицида очень остро стоит перед мировым сообществом. Массовое совершение суицидальных действий захлестнуло не только соседние страны Восточной Европы и Центральной Азии, но и Россию. В начале сентября 2020 года Всемирная организация здравоохранения (ВОЗ) представила общий доклад о самоубийствах. В результате анализа, проведенного данной организацией, стало известно, что ежегодно происходит около 800 тысяч суицидов. Среднемировая смертность в результате самоубийств – 10,5 случаев на 100 тысяч человек, а Россия занимает третье место в мире по этому показателю — 26,5 слу-

чая. Впереди нас только Лесото (28,9) и Гайана (30,2)[1]. Еще более неутешительную статистику представил международный журнал «World population review» (обзор мирового населения) там Россия занимает второе место, уступая первое место на пьедестале Литве. Согласно докладу ВОЗ, самоубийство является второй по распространенности причиной смерти во всем мире (после дорожно-транспортных происшествий) среди молодых людей в возрасте от 15 до 29 лет. В то же время в организации считают, что ситуация с подростковыми суицидами в России особенно тяжелая. По данным Следственного комитета РФ, с 2017 по 2018 год их число выросло почти на 14 %. Конечно, данная статистика охватывает общее количество совершенных суицидов в стране, не учитывая критерии психического здоровья, социального положения, способа совершения деяния и т.д. Доведение до самоубийства является одним из двигателей статистики ВОЗ и «World population review».

Доведение до самоубийства – умышленно совершенное, общественно опасное деяние предусмотренное статьей 110 Уголовного Кодекса Российской Федерации, посягающее на жизнь человека. В России определено, что каждый человек имеет право на жизнь, в соответствии со статьей 20 Конституцией РФ, «Каждый человек имеет право на жизнь, на свободу и на личную неприкосновенность» – гласит ст. 3 Всеобщей декларации прав человека. Кроме того, о праве на жизнь как неотъемлемом праве говорится в Международном пакте о гражданских и политических правах, именно поэтому раскрытие и правильная квалификация преступления против жизни человека представляют особую важность. Чаще всего основной упор делают на деяния предусмотренные статьей 105,107,108,109,111,115,116,118 УК РФ. О таких положениях уголовного закона, как 110, 110.1, 110.2 УК РФ часто забывают, что обусловлено множеством проблем при выявлении лиц, совершивших доведение до самоубийства, при расследовании в целях установления связи общественно-опасных последствий с деяниями, которое ими чреваты. Еще одной сложностью в обнаружении и квалификации преступления, предусмотренного статьей 110 УК РФ, выступает отсутствие единого подхода, а также выработанного комплекса действий, алгоритма, позволяющего по признакам состава отличить данное деяние от смежных ему. Необходимость изучения уголовно-правовой характеристики подстрекательства к суициду обусловлена, в том числе, относительно небольшим количеством криминальных самоубийств по сравнению с общим количеством самоубийств, совершаемых ежегодно в Российской Федерации. Несмотря на стремительный рост числа самоубийств в современной России, уголовных дел по преступлениям, предусмотренным статьей 110 УК РФ,

[1] Федеральная служба по надзору в сфере защиты прав потребителей и благополучия человека, 2021 [Электронный ресурс]: Доклад Всемирной организации здравоохранения от 02.09.2020 URL: https://www.rospotrebnadzor.ru/

практически не возбуждаются. Если заглянуть в статистику, то мы подтвердим данный факт. Так, например в 2018 году было зарегистрировано 344 преступления, предусмотренных статьей 110 УК РФ, а направлено в суд с обвинительным заключением всего 27. что составляет 7,8 %. С 2014 по 2019 год всего зарегистрировано преступлений по ст. 110 УК РФ – 1 465, направлено в суды с обвинительным заключением – 136 (9,3 %), осуждено – 79 лиц[1]. Исходя из изложенных данных, мы можем сделать вывод о том, что представленные официальные сведения не позволяют нам увидеть реальное количество совершенных деяний, квалифицировать которые следует по ст. 110 УК РФ. Данное общественно опасное деяние носит латентный характер.

Как говорилось выше, доведение до самоубийства является проблемой не только России, но и многих стран мира. Для проведения сравнительного анализа мы возьмем несколько стран Европы, Азии и Африки. Удивительным является то, что многие зарубежные страны не признают суицид преступлением и соответственно, уголовно-правовой нормы за данное деяние не предусмотрено, примером является Гайана, несмотря на то, что данная страна является рекордсменом в совершении суицидов, законодатель не устанавливает ответственности за данное деяние. Однако, не все мировое сообщество солидарно с такими решениями. Так, например уголовная ответственность наступит за попытку самоубийства для жителей Индии, Сингапура, Нигерии. В странах исламской религии (ОАЭ, Саудовская Аравия и другие), лица совершающие суд осуждаются Кораном. Если мы говорим об уголовной ответственности за доведение за самоубийство, то она широко развита в западноевропейских государствах. В Швейцарском уголовном кодексе в статье 155 предусмотрена ответственность в отношении лиц, склоняющих или оказывающих помощь при совершении суицида. Так же соответствующая ответственность предусмотрена в законодательстве Дании, Австрии, Швеции, в уголовном кодексе Италии закреплено: «кто убедит другого совершить самоубийство, или укрепит в нем предположение покончить с собой, наказывается, если самоубийство последовало». В настоящее время у мирового сообщества нет четкого мнения, по поводу данного противоправного деяния.

Для осуществления поставленных в работе, необходимо рассмотреть и выявить проблемы в диспозиции статьи 110 УК РФ.

Объективная сторона данного деяния выражена в трех самостоятельных действиях: путем угрозы; жестокого обращения; систематического унижения человеческого достоинства.

Комментарий к статье 110 УК РФ дает более полное пояснение объективной стороне. Так, по «содержанию они могут быть различными. Для квалификации не имеет значения, чем угрожает виновный: причинением

[1] Генеральная Прокуратура Российской Федерации [Электронный ресурс]: Портал правовой статистики URL: http://crimestat.ru/ (дата обращения 14.04.2021)

смерти или вреда здоровью; разглашением сведений, которые потерпевший желал сохранить в тайне; увольнением с работы; разводом; отобранием ребенка; выселением; лишением средств к существованию; поджогом дома или уничтожением другого имущества и т. д».[1] Важным критерием является то, что угроза должна иметь такие свойства как продолжительность и повторяемость, но при этом даже незначительная угроза может довести потерпевшего до самоубийства, если принимает характер травли. С другой стороны, не всякая угроза, однократно высказанная, даже серьезная по содержанию, может рассматриваться как способ доведения до самоубийства. Вот и первые трудности квалификации данного преступления. Часто сотрудникам полиции, даже после проведения необходимых процессуальных действий, сложно определить характер и умысел высказанных угроз.

Точное определение жестокому обращению в комментарии не дается, оно устанавливается в виде незаконное лишение свободы, незаконное помещение в психиатрический стационар, понуждение к действиям сексуального характера, лишение пищи, жилья, работы, ущемление иных прав потерпевшего. Закон не требует систематичности этих действий, однако важно установить, что они были направлены на доведение потерпевшего до самоубийства.

«Систематическое унижение человеческого достоинства может заключаться в постоянных оскорблениях, клевете, издевательствах, циничном высмеивании физических недостатков жертвы и т.п. Состав рассматриваемого преступления будет иметь место только в том случае, если самоубийство или покушение на самоубийство явились результатом угроз, жестокого обращения с потерпевшим или систематического унижения его человеческого достоинства»[2].

Множество, отечественных современных ученых - криминалистов говорят о том, что уголовная норма предусматривающая доведение до самоубийства, включает в себя не все способы (действия) предусмотренные практикой совершения самоубийств. Некоторые учёные предлагают в перспективе расширить перечень способов совершения рассматриваемого преступления. А.А. Цыркалюк пишет: «…доведение до самоубийства представляет собой склонение к самоубийству посредством угроз, жестокого обращения или систематического унижения человеческого достоинства потерпевшего, уговора, подкупа, обмана, а также содействие совершению самоубийства с помощью советов, указаний, информирования, предоставления средств или орудий совершения преступления».

Следует сделать вывод, что статья 110 УК РФ является неполной с точки зрения изложения диспозиции статьи и перечня способов совершения

---

[1] Комментарий к Уголовному кодексу РФ / В.М. Лебедев, В.А. Давыдов; ответственный редактор В.М. Лебедев. 14-е изд., перераб. и доп. М.: Издательство Юрайт, 2014.

[2] Там же.

данного преступления. Для того, чтобы эта статья смогла решить поставленные перед ней задачи, необходимо сделать ее понятной и полной. Немало важную роль в выяснении поставленных перед нами задач является субъект преступления, по общему правилу это вменяемое, физическое лицо, достигшее возраста 16 лет к моменту совершения противоправного деяния. Но часто на практике обшей характеристики субъекта преступления не достаточно. Многие ученые-юристы утверждают, что личность преступника несет огромную значимость для успешного расследования преступления, так следователю, в чьем производстве находится дело, предусмотренное статьей 110 УК РФ, необходимо более подробно знать психологический, криминологический портрет субъекта. Для более точного и полного анализа необходимо рассмотреть возбужденные уголовные дела по интересующей нас статье. Проанализировав вынесенные решения суда по материалам уголовных дел, можно сделать вывод, что в 87% субъектами являются представители мужского пола, а потерпевшими женского. В основном деяния совершается путем угроз распространения, порочащих честь и достоинство или жестоким обращением, причинения физического и морального вреда женщине. Характеризовать субъекта можно как личность обладающую: насильственными, жестокими, нравственно негативными особенностями. Субъект старается создавать обстановку, постоянно внушающую страх за свою жизнь, сопряженную систематическим насилием, унижением, побоями. Зачастую преступник осознает свое преимущество над жертвой, этим и объясняется систематичность осуществляемых действий. Так же еще одной характерной чертой субъекта является пристрастие к алкоголю. Для подтверждения сказанного обратимся к судебной практике. Из материалов уголовного дела Целинского районного суда Ростовской области следует, что гражданин Фрейнталь В.В неоднократно с 2005 по 2009 год, находясь в состоянии алкогольного опьянения, применял физическое насилие, беспричинно оскорблял, унижал человеческое достоинство, в том числе в присутствии посторонних лиц, в отношении гражданки Т. В результате чего гражданка Т совершила самоубийство.

Так же из материалов уголовного дела Красноармейского районного суда Чувашской Республики было установлено, что подсудимый Ф.В.Г на почве злоупотребления алкогольной продукции, он систематически избивал и совершал другие насильственные действия в отношении своей жены Ф., причиняя ей этими действиями физические и психические страдания. Не выдержав систематического унижения и физических истязаний, гражданка Ф, приняла меры к самоубийству, но по независящим причинам не довела свой умысел до конца. Суд усмотрел в действиях обвиняемого деяния предусмотренное статьей 110 УК РФ и постановил приговор в виде лишения свободы на срок 3 года. Проанализировав статистику еще одним критерием можно выделить, то, что 27% обвиняемых не имели постоянного места работы. Еще одним критерием криминологического портрета является связь

между жертвой и обвиняемым. Это могут быть как родственные отношения, в том числе между опекуном-опекаемым, а так же супругами, проживающими на одной жилплощади. Характерной чертой для данных случаев является зависимое положение жертвы и невозможность прекращения кризисной ситуации. Так же присутствуют примеры, где в качестве субъекта выступает работодатель, а жертвой работник, но таких случае значительно меньше.

По изученной статистике более 34,5 % обвиняемых ранее судимы, за такие преступления как, умышленное причинение средней тяжести вреда здоровью, умышленное причинение легкого вреда здоровью, побои, истязания.

Подводя итог, можно сделать вывод о том, что личность преступника, совершившего доведение до самоубийства, характеризуется проявлением жестокости, повышенной агрессии, психической неустойчивости, потребности в самоутверждении за счет проявления физического или морального унижения жертвы.

Если по поводу характеристики субъекта у ученых-юристов примерно одинаковое мнение, то по поводу жертвы нет единого мнения. Некоторые склоняются, что совершение самоубийство характерно для представителей мужского пола, другие на оборот. Характерными чертами жертвы преступления установленного статьей 110 УК РФ является: значительная эмоциональная нестабильность, слабая устойчивость к внешним раздражителям, эмоциональная зависимость жертвы от преступника.

Что касается субъективной стороны в комментарии под редакцией Лебедева В.М. это так же является спорным вопросом. Одни допускают только неосторожность, другие – лишь косвенный умысел, третьи – умысел (прямой или косвенный). По общему правилу доведение до самоубийства совершается с косвенным умыслом. Однако не исключен и прямой умысел: виновный доводит лицо до самоубийства намеренно, т.е. предвидит, что его угрозы, жестокое обращение и тому подобное создают возможность или даже неизбежность самоубийства потерпевшего, и желает такого исхода. Например, потерпевший, не выдержав, прямо заявляет, что при продолжении шантажа он сведет счеты с жизнью, в чем виновный не сомневается. Однако он не прекращает своего воздействия на жертву. Рекомендация при прямом умысле расценивать действия виновного как убийство не может быть реализована на практике, поскольку лишение жизни осуществляется лицом (потерпевшим), обладающим сознанием и волей и достигшим определенного возраста, а потому виновный не может рассматриваться как, посредственный исполнитель преступления (ч. 2 ст. 33).

Для наглядности того, что действительно трудно точно дать определение субъективной стороне статьи 110 УК РФ необходимо заглянуть в статистику приговоров по данным уголовным делам, так например, в приговоре Тяжинского районного суда от 19 апреля 2016 года было установлено, что Федоров И. Д., будучи в состоянии алкогольного опьянения, умышлено,

с целью доведения до самоубийства, унижал личное достоинство потерпевшей, применял к ней физическое насилие и т. д.[1]. Суд указал, что обвиняемый осознавал общественную опасность своих действий, предвидел возможность общественно опасных последствий и желал их наступления, что указывает на прямой умысел[2]. Ломоносовский районный суд г. Архангельска признал Ильина В. В. виновным в совершении преступления, предусмотренного ст. 110 УК РФ[3]. Как следует из приговора, обвиняемый предвидел возможность наступления общественно опасных последствий в виде самоубийства, однако относился к ним безразлично, что подразумевает под собой косвенный умысел. Примечательным является апелляционный приговор Кемеровского областного суда, отменяющий приговор Рудничного районного суда, ссылаясь на отсутствие доказательств, указывающих на прямой или косвенный умысел[4]. Из чего следует, по мнению судьи, что неосторожная форма вины исключает возможность привлечения лица к ответственности по ст. 110 УК РФ. Районный суд г. Казани Республики Татарстан, в приговоре от 19 июня 2015 года по делу В. И. Муллина, ссылаясь на ч. 2 ст. 24 УК РФ, указал, что деяние, совершенное по неосторожности, признается преступлением, когда это предусмотрено соответствующей статьей Особенной части УК РФ. Примечательным в данном решении является то, что суд на основании вышеизложенного, оправдал обвиняемого в совершении преступления, предусмотренного статьей 110 УК РФ, за отсутствие умысла в действиях обвиняемого. Сильно выделяется из судебной практики приговор от 27 февраля 2012 года по делу Саркисяна М.Ж. Абинский районный суд Краснодарского края указал, что обвиняемый не предвидел возможности самоубийства потерпевшей, но по обстоятельствам дела и, учитывая личность потерпевшей должен и мог предвидеть, что его угрозы, жестокое обращение и систематическое унижение потерпевшей приведут к покушению на самоубийство потерпевшей. Здесь речь идет о неосторожной форме вины, выраженной в небрежности. Суд в данном случае признал виновным Саркисяна М. Ж., в совершении преступления, предусмотренного,

[1] Приговор № 1–149/2015 1–6/2016 от 19 апреля 2016 г. по делу № 1–149/2015 [Электронный ресурс]. URL: https://www.sudact.ru/regular/doc/lNihfz6Fz0VK/ (дата обращения 06.04.2019).

[2] Ашкалов Д.С. Субъективная сторона преступления, предусмотренного ст. 110 УК РФ // Молодой ученый. 2019. № 20 (258). С. 286-289. URL: https://moluch.ru/archive/258/59194/ (дата обращения: 29.04.2021).

[3] Приговор № 1–219/2017 от 29 сентября 2017 г. по делу № 1–219/2017 [Электронный ресурс]. URL: https://sudact.ru/regular/doc/6yhIfTd8DhYR/ (дата обращения 06.04.2019).

[4] Приговор № 22–1338/2016 от 11 марта 2016 г. по делу № 22–1338/2016 [Электронный ресурс]. URL: http://sudact.ru/regular/doc/cqPcgKHbhWrb/ (дата обращения 06.04.2019).

ст. 110 УК РФ[1]. Однако подобные решение суда встречаются крайне редко. Все приведённые мною примеры говорят о том, что крайне сложно определить какой именно умысел преследовало лицо совершая данное деяние и был ли вообще умысел. От сюда и возникает основная проблема, обличия виновного.

В настоящее время люди проявляют особую жесткость по отношению к окружающим, друзьям и даже близким родственникам, родителям, за частую многие не замечают, что те или иные высказывания, действия могут задеть или даже довести до крайней степени человека. Конечно, все разные, кто-то более восприимчив и переносит легче или даже сводит на шутку оскорбления, грубые высказывания, жестокое обращение в свой адрес, а кого- то может задеть даже одно неверно произнесенное слово. По статистике ВОЗ более подвержены суициду подростки от 14 до 18 лет, это и не удивительно. Сейчас оскорбления, жестокое обращение, унижение является шуткой для большинства подростков, многие не задумываются о последствиях сказанных слов или совершенных действий, некоторые даже не предполагают, что может быть плачевный исход событий. Но, кто же будет нести ответственность и в каком размере, если все же, человек перешел черту? Какой момент будет являться крайним? Этими вопросами часто задаются следователи и ученые-юристы при квалификации деяний предусмотренных статьей 110 УК РФ. Доказательство доведения до самоубийства – сложный и длительный процесс. Родственникам самоубийцы не всегда удается доказать факт совершения уголовного преступления по этой статье. Ярким примером является дело о доведении до самоубийства 23-летней следователя полиции Хостинского РОВД Марии Клочковой. Молодая выпускница Краснодарского университета МВД России совершила самоубийство в отделе полиции, в котором работала. Сейчас по факту гибели девушки следственным отделом по Хостинскому району города Сочи СКР по Краснодарскому краю возбуждено уголовное дело по ст. 110 УК РФ («Доведение до самоубийства») В рамках расследования будут тщательным образом изучены обстоятельства и условия, толкнувшие девушку на данный поступок. В настоящий момент приговор до сих пор не вынесен, версию с изнасилованием следственный комитет Российской Федерации опровергнул, сейчас подлежит проверки версия доведения до самоубийства.

Важным моментом в данном примере является то, что с совершения самоубийства прошло уже больше года, а виновный так и не был найден, это еще раз подтверждает факт о том, что данный вид преступления представляет большую сложность перед оперативными работниками.

Сегодня Россия занимает первое место в мире по числу подростковых самоубийств на душу населения. Виной тому не только жесткий ритм жизни

[1] Приговор Абинского районного суда Краснодарского края [Электронный ресурс]: № 1-29/2012 от 27 февраля 2012 г. по делу № 1-29/2012 URL: https://sudact.ru/regular/doc/gTI6iYR3skm6/ (дата обращения 13.04.2021 г.)

в учебных заведениях, но и специфическая интернет-среда. В 2016 году как гром среди ясного неба прогремела информация о виртуальных сообществах «Синий кит», «Тихий дом».

«Синий кит» – игра, ставшая популярной в социальной сети Вконтакте. Это одна из многочисленных групп, публикующих депрессивные и шокирующие материалы: фотографии, видеозаписи, аудио и короткие демонизирующие тексты. Название напрямую связано с печальным природным явлением – массовой гибелью китов, которые самостоятельно выбрасываются на берег. Школьников приглашали в закрытые группы, где предлагали сыграть в игру – участникам предлагалось выполнять различные задания с фото- и видео подтверждениями, от безобидных вначале до смертельно опасных в конце, а финалом было совершение суицида. Следователи возбуждают уголовные дела по статье «Доведение до самоубийства». Но кто довел ребенка – вычислить непросто. Кураторы «Синего кита» тщательно скрываются и могут находиться в любом уголке страны. В 2017 году создателя «убийственной» игры все-таки удалось вычислить, но наказание за совершение такого особо опасного деяния составило всего 3 года и 4 месяца заключения в колонии-поселении. Дело Будейкина было завершено в середине июня. Его подозревали в пятнадцати эпизодах по доведению до самоубийства, но обвинили в итоге только в двух эпизодах склонения к суициду подростков "ВКонтакте" и признали вменяемым. Отсюда возникает вопрос к законодательству, как человек, создавший «оружие массового поражения подростков» может понести столь маленькое наказание. Еще в марте 2016 года поисковый запрос «группы смерти», по данным «Яндекса», никого не интересовал – но в мае было уже почти 29 тыс. показов по этому запросу, а в феврале 2017-го это число выросло до 135 тыс. Число суицидов в России в 2016 году выросло почти на 60%. Об этом 2 марта рассказала Уполномоченный по правам ребенка в стране Анна Кузнецова: "С 2011 по 2015 год количество самоубийств в стране неуклонно снижалось на 10% в год. Но в 2016 году наблюдается рост на 57%. Мы резко откатились на пять лет назад." По словам детского омбудсмена, одной из главных причин такой статистики является "лавинообразное" распространение "групп смерти" в социальных сетях Статистика была приведена для того, чтобы сравнить размер причиненного ущерба и назначенного наказания, который в несколько раз меньше. Так же в 2017 году была Задержана 17-летняя куратор суицидальных игр. Девушка созналась, что давала задания на суицид. Вела игру сама, имитируя работу целой сети. Свой проект назвала «Красный треугольник», так как по задумке финальный этап должен был пройти на «заброшке» одноименного завода, где куратор во время квеста должен был догнать и зарезать тех игроков, кто не решился на суицид. Итог: год условно плюс психиатрическая коррекция. В апреле 2020 года задержана начинающий куратор – 12-летняя девочка. Курировала группу не более 10 дней. Обошлось

постановкой на учет и направлением к психологу. 1 июня пресечена деятельность кураторши из Новгородской области. Задания должен был давать некий Король, а она «принцесса» была передаточным звеном. Игрокам предлагалось найти себе напарника для совершения суицида. Причем так закончить свою 13-летюю жизнь собиралась и сама организатор. Как оказалось, в этой истории и правда, был Король в виде голоса у девочки в голове. Поставлена на учет, ребенком занимаются врачи. Как показывают приведенные примеры, кураторов пойманных и обезвреженных гораздо больше, чем осужденных на реальные сроки. Ответственность за подобные преступления предусмотрена с 16 лет. Организаторам же игр смерти часто 13 - 15 лет. Их помещают в спецшколы, отправляют на лечение, ставят на учет.

Для раскрытия данного преступления необходимо усовершенствовать научные и технические методы ведения расследования. Также необходимо развивать и вводить в массовой оборот профилактику данного вида преступлений. Если мы конкретно говорим о группах смерти, то в первую очередь профилактику необходимо направить на детей. Как было сказано ранее, частыми жертвами преступлений являются подростки 14-17 лет, поэтому необходимо вводить ежеквартальные профилактические встречи с учащимися в школах, а также с их родителями.

Хациев Михаил Романович,
старший следователь третьего отдела
по расследованию особо важных дел
следственного управления Следственного комитета РФ
по Чеченской Республике

Система уголовно-правовых норм об ответственности за общий и специальные виды фальсификации доказательств

Уголовно-процессуальный кодекс РФ в ст. 74 определяет, что доказательствами являются «любые сведения, на основе которых суд, прокурор, следователь, дознаватель в порядке, определенном настоящим Кодексом, устанавливает наличие или отсутствие обстоятельств, подлежащих доказыванию при производстве по уголовному делу, а также иных обстоятельств, имеющих значение для уголовного дела». Аналогичное определение доказательств содержится в гражданском процессуальном кодексе России, в соответствии со ст. 55 которого «Доказательствами по делу являются полученные в предусмотренном законом порядке сведения о фактах, на основе которых суд устанавливает наличие или отсутствие обстоятельств, обосновывающих требования и возражения сторон, а также иных обстоятельств, имеющих значение для правильного рассмотрения и разрешения дела». Статья 26.2 Кодекса Российской Федерации об административных правонару-

шениях определяет доказательства, как «любые фактические данные, на основании которых судья, орган, должностное лицо, в производстве которых находится дело, устанавливают наличие или отсутствие события административного правонарушения, виновность лица, привлекаемого к административной ответственности, а также иные обстоятельства, имеющие значение для правильного разрешения дела». Статья 59 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации признает доказательствами «полученные в предусмотренном настоящим Кодексом и другими федеральными законами порядке сведения о фактах, на основании которых суд устанавливает наличие или отсутствие обстоятельств, обосновывающих требования и возражения лиц, участвующих в деле, а также иных обстоятельств, имеющих значение для правильного рассмотрения и разрешения административного дела».

Исходя из признаков доказательств, являющихся общими для всех перечисленных определений, можно сделать вывод, что все они служат нормальной и эффективной деятельности по осуществлению правосудия, что определяет место состава любого преступления, нацеленного на фальсификацию доказательств, в главе 31 УК РФ «Преступления против правосудия». Кроме того, в соответствии со ст. 118 Конституции России, «Правосудие в Российской Федерации осуществляется только судом», который в соответствии со ст. 11 Конституции России является одним из субъектов государственной власти: «Государственную власть в Российской Федерации осуществляют Президент Российской Федерации, Федеральное Собрание (Совет Федерации и Государственная Дума), Правительство Российской Федерации, суды Российской Федерации». Таким образом, любое преступление, нацеленное на фальсификацию доказательств, неизбежно посягает на интересы государственной власти, что определяет место его состава в разделе X Уголовного закона России – «Преступления против государственной власти».

Таким образом, говоря о фальсификации доказательств, можно с уверенностью констатировать, что видовым объектом данного преступления, в какой бы форме оно не осуществлялось, являются интересы правосудия, а родовым – интересы государственной власти.

В научных исследованиях, посвященных проблемам уголовно-правового регулирования ответственности за фальсификацию доказательств, приводится множество определений непосредственного объекта данного преступления. К примеру, В.А. Майборода пришел к выводу, что «Непосредственным объектом фальсификации доказательств являются: а) интересы законной процессуальной деятельность суда и участвующих в гражданском процессе сторон по собиранию, исследованию и оценке доказательств с целью правильного установления фактических обстоятельств рассматриваемого гражданского дела и принятия по нему законного судебного решения; б) интересы законной деятельности участников уголовного процесса и суда по собиранию, проверке и оценке доказательств в целях

принятия законного решения по уголовному делу на досудебных стадиях и в ходе судебного производства»[1]. Оценивая полученные В.А. Майбородой выводов, отметим, что они справедливы лишь применительно к уголовно-правовой оценке деяния, предусмотренного ст. 303 УК РФ (в редакции, действовавшей в период обозначенного исследования).

Вместе с тем, говоря о непосредственных объектах фальсификации доказательств, необходимо отметить, что, имея безусловное квалификационное значение, они, в свою очередь, могут подразделяться на основной и дополнительный объекты. При этом дополнительный непосредственный объект фальсификации доказательств может определяться способом совершения данного преступления и его общественно опасными последствиями, что, безусловно, не может не учитываться ни в процессе уголовно-правового регулирования ответственности за фальсификацию доказательств, ни в процессе ее квалификации. Сказанное свидетельствует о неполноте вышеприведенного определения и о необходимости его корректировки с учетом, во-первых, разделения непосредственного объекта фальсификации доказательств на основной и дополнительные объекты, и, во-вторых, формулирования определений дополнительных непосредственных объектов фальсификации. Справедливости ради, отметим, что, не смотря на ограниченность приведенного В.А. Майбородой определения непосредственного объекта, содержание его диссертационного исследования позволяет сделать вывод о признании им наличия и безусловной квалификационной значимости дополнительных непосредственных объектов фальсификации доказательств. В частности, в положении № 11, выносимом на защиту, В.А. Майбородой «Обоснован вывод о необходимости формализации оценочного последствия в виде наступления тяжких последствий в результате фальсификации доказательств. При этом критериями формализации явились стоимостное выражение имущественного ущерба, а также наступление последствий фальсификации доказательств в виде незаконного привлечения лица к уголовной ответственности; незаконного задержания лица, а также его заключения под стражу или содержания под стражей; незаконного освобождения от уголовной ответственности; вынесения неправосудного приговора, решения или иного судебного акта»[2].

С нашей точки зрения, более обоснованными в рассматриваемом смысле являются результаты диссертационного исследования И.С. Благодарь, в частности, «Положение о том, что в рамках пообъектной классификации преступлений против правосудия, уместно выделить подгруппу преступлений, посягающих на процессуальный порядок собирания, проверки и оценки доказательств в гражданском и уголовном процессе, в которую

---

[1] Майборода В.А. Уголовная ответственность за фальсификацию доказательств: дис. … канд. юрид. наук: 12.00.08. Ставрополь, 2004, положение №2, выносимое на защиту // http://www.dissercat.com.

[2] Майборода В.А. Указ. раб.

включить составы преступлений, предусмотренных ст. ст. 302-304, 306-309, 316 УК, поскольку эти деяния нарушают установленный порядок получения достоверных доказательств по гражданским (арбитражным) и уголовным делам»[1]. Признание квалификационной значимости подразделения непосредственного объекта фальсификации доказательств на основной и дополнительный (дополнительные) объекты, позволяет сделать вывод, что регламентация ответственности за фальсификацию доказательств в уголовном законодательстве России не исчерпывается содержанием только лишь ст. 303 УК России, безусловно, в силу прямого указания и буквального толкования, являющейся общей нормой об ответственности за рассматриваемое преступление.

Исходя из содержания любой из отраслей процессуального законодательства России, можно сделать вывод, что доказательствами являются не «любые сведения, на основе которых суд, прокурор, следователь, дознаватель в порядке, определенном настоящим Кодексом, устанавливает наличие или отсутствие обстоятельств, подлежащих доказыванию», как то следует из буквального толкования положений ст. 74 УПК РФ, и ч.1 ст. 262 КоАП РФ, а лишь сведения, «полученные в предусмотренном законом порядке», как это указано в ст. 55 ГПК РФ или «полученные в предусмотренном настоящим Кодексом и другими федеральными законами порядке», как это указано в ст. 59 Кодекса административного судопроизводства РФ. Системное толкование положений УПК РФ также свидетельствует о справедливости данного вывода, поскольку в соответствии сч.1 ст. 75 УПК РФ «Доказательства, полученные с нарушением требований настоящего Кодекса, являются недопустимыми. Недопустимые доказательства не имеют юридической силы и не могут быть положены в основу обвинения, а также использоваться для доказывания любого из обстоятельств, предусмотренных статьей 73 настоящего Кодекса». То же самое относится и к результатам оперативно-разыскной деятельности, которые, в соответствии со ст. 89 УПК РФ, запрещается использовать в процессе доказывания, «если они не отвечают требованиям, предъявляемым к доказательствам настоящим Кодексом». Часть 3 ст. 26.2 КоАП РФ также буквально запрещает «использование доказательств по делу об административном правонарушении, в том числе результатов проверки, проведенной в ходе осуществления государственного контроля (надзора) и муниципального контроля, если указанные доказательства получены с нарушением закона». Нарушение процессуального порядка получения сведений, имеющих доказательственное значение для разрешения юридического конфликта, исключает возможность их использования в процессе отправления правосудия, что, безусловно, причиняет вред

[1] Благодарь И.С. Фальсификация доказательств (ответственность и вопросы квалификации): дисс. … канд. юрид. наук: 12.00.08. М, 2008, положение №4, выносимое на защиту // Диссертации по праву: http://lawtheses.com.

или создает непосредственную угрозу причинения вреда интересам последнего.

Кроме того, в процессе доказывания суд, исходя из требований любой отрасли процессуального законодательства, оценивает относимость, допустимость и достоверность каждого представленного доказательства (ч.3 ст. 67 ГПК РФ, ч.1 ст. 88 УПК РФ, ст. 60, 61 КАС РФ).

Таким образом, исходя из вышеизложенного, можно сделать вывод, что к фальсификации доказательств, помимо умышленного создания недостоверных доказательств, предусмотренного ст. 303 УК России, необходимо отнести любые непроцессуальные действия, направленные на получение сведений или фактических данных, на основе которых осуществляется правосудие, как основанное на процессуальном законе разрешение юридического конфликта, которые, по сути, представляют собой специальные виды фальсификации доказательств. Получение относимых и достоверных, но недопустимых в силу использованных непроцессуальных методов, доказательств, в результате чего последние утрачивают процессуальное доказательственное значение, безусловно, причиняет вред интересам правосудия, при этом, не меньший, чем искусственное создание недостоверных или использование в процессе доказывания неотносимых доказательств.

Непроцессуальные способы получения доказательств, безусловно, посягая на интересы правосудия, могут причинять существенный вред либо создавать реальную угрозу причинения такого вреда иным охраняемым уголовным законам правоотношениям. Именно в этом случае квалификационное значение приобретают дополнительные непосредственные объекты фальсификации доказательств, позволяющие сделать вывод о том, что, с уголовно-правовой точки зрения, последняя представляет собой не единичную норму уголовного закона (ст. 303 УК РФ), а систему норм об уголовной ответственности за любые способы получения доказательств, которые, в соответствии с действующим процессуальным законодательством, не могут быть использованы в процессе доказывания.

Анализ содержания уголовного законодательства России сквозь призму вышеприведенного алгоритма признания того или иного деяния, по сути, фальсификацией доказательств, позволяет определить, во-первых, систему уголовно-правовых норм об ответственности за фальсификацию доказательств в Российской Федерации и, во-вторых, перечень дополнительных непосредственных объектов фальсификации доказательств (в широком смысле), которые являются основными непосредственными объектами запрещенных уголовным законом деяний, представляющих собой тот или иной способ получения недостоверных, недопустимых или использования неотносимых доказательств. В частности, с учетом вышеизложенного, к системе норм об уголовной ответственности за общий и специальные виды фальсификации доказательств по Уголовному кодексу Российской Федерации следует отнести следующие статьи УК России:

1. Статья 303 УК РФ «Фальсификация доказательств и результатов оперативно-разыскной деятельности», как общая норма о фальсификации доказательств, предусматривающая ответственность за получение недостоверных, недопустимых или использование неотносимых доказательств;

2. Статья 299 УК РФ «Привлечение заведомо невиновного к уголовной ответственности или незаконное возбуждение уголовного дела», как специальный вид фальсификации доказательств причастности заведомо невиновного лица к совершению преступления;

3. Статья 300 УК РФ «Незаконное освобождение от уголовной ответственности», как специальный вид фальсификации доказательств непричастности лица к совершению преступления либо фальсификации иных доказательств, препятствующих уголовному преследованию лица, подозреваемого или обвиняемого в совершении преступления;

4. Статья 302 УК РФ «Принуждение к даче показаний», как специальный вид фальсификации доказательств, состоящий в получении недопустимых доказательств «путем применения угроз, шантажа или иных незаконных действий со стороны следователя или лица, производящего дознание, а равно другого лица с ведома или молчаливого согласия следователя или лица, производящего дознание» (ч.1), сопряженное «с применением насилия, издевательств или пытки» (ч.2);

5. Статья 304 УК РФ «Провокация взятки, коммерческого подкупа либо подкупа в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных или муниципальных нужд», как специальный вид фальсификации доказательств, состоящий в искусственном создании доказательств совершения преступления или шантажа;

6. Статья 305 УК РФ «Вынесение заведомо неправосудных приговора, решения или иного судебного акта», как специальный вид фальсификации доказательств законного разрешения юридического конфликта.

7. Статья 306 УК РФ «Заведомо ложный донос», как специальный вид фальсификации доказательств совершения преступления (ч.1) либо причастности лица к совершению тяжкого или особо тяжкого преступления (ч.2), а также сопряженный с искусственным созданием доказательств обвинения (ч.3);

8. Статья 307 УК РФ «Заведомо ложные показание, заключение эксперта, специалиста или неправильный перевод» как специальный вид фальсификации доказательств в виде умышленного представления заведомо недостоверных сведений, необходимых для разрешения юридического конфликта.

9. Статья 309 УК РФ «Подкуп или принуждение к даче показаний или уклонению от дачи показаний либо к неправильному переводу» как специальный вид фальсификации доказательств, состоящий в получении недопустимых и (или) недостоверных доказательств путем посягательства на охраняемые законом права и свободы участников судопроизводства.

Признание перечисленных преступлений специальными видами фальсификации доказательств имеет важное квалификационное значение. В частности, в соответствии с положениями ч.3 ст. 17 УК РФ «Если преступление предусмотрено общей и специальной нормами, совокупность преступлений отсутствует и уголовная ответственность наступает по специальной норме». Таким образом, с нашей точки зрения, действия лица, совершившего любое из преступлений, предусмотренных 299, 300, 302, 304, 305, 306, 307, 309 УК РФ, являющихся специальными видами фальсификации доказательств, не могут быть одновременно квалифицированы по общей норме о фальсификации доказательств – ст. 303 УК РФ. Иное противоречило бы положениям ч.3 ст. 17 УК РФ о правилах квалификации при конкуренции общей и специальной норм.

Кроме того, признание факта конкуренции ст. 303 УК РФ и ст. 299, 300, 302, 304, 305, 306, 307, 309 УК РФ имеет важное значение для систематизации положений названных уголовно-правовых норм в процессе уголовно-правовой регламентации ответственности, а также видов и размеров наказаний за совершение соответствующих деяний.

Оценивая совокупность перечисленных составов преступлений, как систему уголовно-правовых норм об ответственности за общий и специальные виды фальсификации доказательств, представляется возможным сформулировать перечень дополнительных объектов фальсификации доказательств, понимаемой в широком смысле. Поскольку вышеперечисленные специальные виды фальсификации доказательств, по сути, представляют собой классификацию, основанную на специальных способах фальсификации, буквально указанных в диспозициях соответствующих уголовно-правовых норм, то можно сделать вывод, что дополнительными непосредственными объектами специальных видов фальсификации доказательств являются охраняемые уголовным законом права и свободы личности, а также интересы общества и государства, посредством причинения вреда которым причиняется вред или создается реальная угроза причинения существенного вреда интересам правосудия в виде искусственного создания недостоверных доказательств либо фактического уничтожения достоверных доказательств посредством применения непроцессуальных способов их получения.

В частности, привлечение заведомо невиновного к уголовной ответственности или незаконное возбуждение уголовного дела (ст. 299 УК РФ), провокация взятки, коммерческого подкупа либо подкупа в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных или муниципальных нужд (ст. 304 УК РФ), вынесение заведомо неправосудных приговора, решения или иного судебного акта (ст. 305 УК РФ), заведомо ложный донос (ст. 306 УК РФ) посягают на честь, достоинство и деловую репутацию потерпевшего, как, соответственно, на общественную оценку личности, ее личностную самооценку, а также общественную оценку профессионально-деловых качеств потерпевшего. Запрещенное ст. 302 УК РФ принуждение к

даче показаний, как специальный вид фальсификации доказательств, состоящий в получении недопустимых доказательств «путем применения угроз, шантажа или иных незаконных действий со стороны следователя или лица, производящего дознание, а равно другого лица с ведома или молчаливого согласия следователя или лица, производящего дознание» (ч.1), «сопряженное с применением насилия, издевательств или пытки» (ч.2) посягает на жизнь, здоровье, свободу, честь и достоинство, а также иные охраняемые законом права и свободы личности. Аналогичным объектам уголовно-правовой охраны причиняется вред или создается угроза причинения существенного вреда в процессе совершения запрещенных ст. 309 УК РФ подкупа или принуждения к даче показаний или уклонению от дачи показаний либо к неправильному переводу.

Подводя итог, можно сделать следующие обобщающие выводы.

1. Уголовная ответственность за фальсификацию доказательств регламентируется системой уголовно-правовых норм об ответственности за общий (ст. 303 УК РФ) и специальные виды фальсификации доказательств (ст.ст. 299, 300, 302, 304-307, 309 УК РФ).

2. Дополнительными непосредственными объектами специальных видов фальсификации доказательств, предусмотренных статьями 299, 300, 302, 304, 305, 306, 307, 309 УК РФ являются охраняемые законом права и свободы личности, интересы общества и государства, посредством причинения вреда, либо путем создания угрозы причинения вреда которым, причиняется вред интересам правосудия в виде получения недопустимых и (или) недостоверных, а равно использование неотносимых доказательств, необходимых для разрешения юридического конфликта в уголовном, гражданском или административном судопроизводстве.

3. Признание факта конкуренции ст. 303 УК РФ и ст.ст. 299, 300, 302, 304, 305, 306, 307, 309 УК РФ имеет важное значение для систематизации правового регулирования регламентированных за фальсификацию доказательств видов и размеров наказаний, а также систематизации содержания и условий применения иных мер уголовно-правового характера (конфискации имущества, освобождение от уголовной ответственности и наказания и пр.) при совершении названных преступлений.

Ходусов Алексей Александрович,
кандидат юридических наук, доцент,
заведующий кафедрой уголовно-правовых дисциплин
Международного юридического института (г. Москва)

Преступления, совершаемые с использованием криптовалюты

Процесс проникновения цифровых финансовых активов в повседневную жизнь граждан и деятельность хозяйствующих субъектов, а равно неуклонный рост преступлений, совершаемых с использованием, в отношении и по поводу криптовалют, актуализируют необходимость научного осмысления их правового статуса как объекта гражданского права и особенностей их квалификации.

На сегодняшний день упоминание о криптовалюте уже не вызывает удивления у граждан. Последовательно данная цифровая сущность находит свое применение в современной экономике, выступая, как правило, средством расчетов либо инструментом инвестирования. К сожалению, активное распространение криптовалюта получила и в преступном мире.

Криптовалюта является предметом либо средством совершения преступлений, но практика расследования уголовных дел о преступлениях, совершенных с использованием криптовалюты, незначительна. Это связано с новизной сложных экономических отношений, пробельностью их правового регулирования, анонимностью совершаемых операций и сложностями их выявления в информационно-телекоммуникационном пространстве.

Однако в связи с повышением интереса к криптовалюте она получает все большее распространение, совершенствуются способы совершения преступлений с ней[1].

Современная научная дискуссия относительно использования криптовалют в противоправных целях ведется в основном по двум направлениям:

– изучение криптовалюты как предмета хищения;

– использование криптовалюты в качестве орудия либо средства совершения преступления и разработка криминалистических методик противодействия этому.

Итак, рассматривая использование криптовалюты в уголовно-правовом аспекте, следует отметить, что, как нами было отмечено выше, исследователи акцентируют внимание на двух проблемах:

1) криптовалюта как предмет преступления;

---

[1] Имаева Ю.Б. Некоторые аспекты выявления преступлений, совершаемых с использованием криптовалюты / Ю.Б. Имаева, Э.Ф. Казимов // В сборнике: VIII Балтийский юридический форум «Закон и правопорядок в третьем тысячелетии». Калининград: Калининградский филиал Санкт-Петербургского университета МВД России, 2020. С. 115.

2) криптовалюта как средство и орудие совершения преступления.

Первый вопрос вызывает наибольшие затруднения, т. к. в связи с отмеченным выше неопределенным правовым статусом криптовалюты, природой ее происхождения, а также виртуальной сущностью с точки зрения современного российского гражданского права ее нельзя отнести ни к одному из видов объектов имущественных прав, т.к. криптовалюта не обладает формальными признаками денег и вещей.

Второй вопрос (использование криптовалюты в качестве орудия либо средства совершения преступления), на наш взгляд, выглядит решаемым. Однако вновь сталкиваясь с отсутствием законодательного закрепления понятия криптовалюты, мы не можем учесть совершение преступления с использованием криптовалюты в качестве представляющего повышенную общественную опасность по наличию квалифицирующего факультативного признака объективной стороны преступления (способ, орудие).

Поэтому изучение механизмов преступного поведения, связанных с использованием криптовалюты, имеет не уголовно-правовое, а прежде всего уголовно-процессуальное и криминалистическое значение[1].

В связи с отсутствием правовых оснований для реформирования уголовного законодательства и отдельного учета преступлений, совершенных с использованием криптовалюты, в настоящее время использование криптовалют в качестве средства и орудия совершения преступлений на применение действующих норм Уголовного кодекса Российской Федерации при их квалификации не влияет.

В качестве основного направления работы правоохранительных органов по борьбе с преступлениями, совершенными с использованием криптовалюты, остаются противоборство и предупреждение незаконного предпринимательства, незаконной банковской деятельности, налоговой преступности, незаконного оттока капитала, наркобизнеса, финансирования терроризма, легализации (отмывания) доходов, полученных преступным путем, которые являются острыми и сохраняют свою актуальность как на территории Российской Федерации, так и в мире в целом, обеспечивая функционирование и дальнейшее развитие криминальной экономики и сопряженных с ней институтов (например, коррупции, незаконной миграции и многих других).

Преступления, совершенные в сфере цифровой экономики, являются высоколатентными, отличаются организованным и экстерриториальным характером, сложностью постоянно совершенствующихся способов их совершения.

В таких условиях, несомненно, выявляются криминальные признаки трансформируемой экономики, всегда сопутствующие развитию любых ви-

[1] Пушкарев В.В., Терехов А.Ю. Преступления с использованием криптовалюты: актуальные вопросы уголовного преследования // Алтайский юридический вестник. 2021. № 1 (33). С. 122.

дов общественных отношений, указывающих на глобальный вектор изменения преступности, прежде всего экономической, когда ее относительно новая разновидность – киберпреступность – может быть ассоциативно связана и интерпретирована не только в связи с проблемами информационной безопасности в различных сферах государственных, общественных и частных интересов, но и в контексте с угрозами должному функционированию основных элементов финансовой системы и жизнеобеспечения в целом[1].

Цифровая экономика, как и традиционная, не может существовать без всеобщего эквивалента стоимости, которым предлагается называть цифровые активы и права, распространенные в настоящее время под видом криптовалют, токенов и стэйблкоинов, которые будут рассмотрены в настоящем исследовании только с учетом их маргинальных признаков:

1. Преступления, связанные с майнингом (от англ. mining – букв. добыча, распределенный процесс проверки и подтверждения действительности операций, который генерирует цепочку блоков и создает новые биткоины) криптовалют, делятся на хищение электроэнергии или хищение оборудования для майнинга.

2. Преступления, связанные с обменом криптовалют и фиатных валют. Физический обмен криптовалютами является главным недостатком в экосистеме обращения криптовалют и порождает различные преступления, связанные с мошенничеством, вымогательством, грабежом или разбоем.

3. Кража криптовалюты. Уголовное дело возбуждается по факту заявления потерпевшего.

4. Мошенничество под предлогом и/или с использованием криптовалют.

5. Использование криптовалюты в качестве средства совершения преступления.

6. Мошенничества с использованием криптовалюты в информационно-телекоммуникационном пространстве.

7. Самая большая категория киберпреступлений с криптовалютами связана с хакерскими атаками на обменники криптовалют с помощью создания, использования и распространения вредоносных компьютерных программ и в дальнейшем непосредственно с кражей криптовалют или фишингом.

Злоумышленники, эксплуатируя изначальные программно-технические особенности распределенных реестров (главным образом, анонимность), не только используют криптовалюту как средство оплаты при незаконном обороте запрещенных предметов, но и совершают посягательства на цифровые финансовые активы.

Известно, что понятийно-терминологическая неопределенность в отношении определения криптовалюты породила проблематику в создании

[1] Ерохов В.И., Васюков В.Ф. Использование криптовалюты в преступных целях: некоторые вопросы противодействия // Современная наука. 2020. № 2. С. 5

адекватного правового режима этого вида имущества, который был бы максимально комфортен для развития организаций, ведущих деятельность в приоритетных сферах цифровой экономики[1].

Криптовалюта, являясь видом цифрового финансового актива, не может выходить за пределы его правового регулирования, а значит, ее правовая сущность в рамках гражданского законодательства также порождается нормой о цифровых правах, что наделяет криптовалюту статусом законодательно закрепленного объекта гражданского права в рамках «иного имущества».

Наиболее распространенным видом исследуемых преступлений являются деяния, связанные с оборотом предметов, ограниченных или запрещенных в гражданском обороте, в которых криптовалюта выступает платежным инструментом. К таковым, прежде всего, относятся преступления, связанные с незаконным оборотом наркотических средств и психотропных веществ, оружия, а также порнографических материалов.

Признание криптовалюты видом цифрового финансового актива и установление за ней статуса «иного имущества» позволяет утверждать, что она может выступать предметом хищения несмотря на ее «виртуальность».

Спорным является вопрос об отнесении криптовалюты к предмету коррупционного преступления. Как известно предметом взяточничества (ст. 290, 291, 2911 УК РФ) и коммерческого подкупа (ст. 204 УК РФ), наряду с деньгами, ценными бумагами, иным имуществом могут быть незаконное оказание услуг имущественного характера и предоставление имущественных прав.

Придерживаясь мнения о том, что криптовалюта является иным имуществом в рамках гражданского законодательства, данный вопрос будет разрешен путем её отнесения к предмету коррупционных преступлений.

Однако в России на данный момент отсутствует сложившаяся судебно-следственная практика в этом вопросе, чего нельзя сказать о зарубежном опыте.

Так, в феврале 2020 г. в Японии по обвинению в коммерческом подкупе был осужден Ким Ик Хвана, который принял взятку в размере 110 биткоинов (771 270 долларов в тот момент) за принятие решения, входящего в его управленческие полномочия.

Таким образом, за последнее время законодательство в регулировании правоотношений, связанных с оборотом криптовалюты, не стоит на месте.

[1] Чернышев Д.Б. Использование криптовалюты в преступных целях: уголовно-правовой аспект // Эпомен. 2021. № 60. С. 251.

Значительный шаг в определении ее правового статуса был сделан с принятием Федерального закона от 31 июля 2020 г. № 259-ФЗ[1]. Полагаем, что это позволило решить проблему уголовно-правовой охраны соответствующих объектов положительно. Вместе с тем, распространение цифровых финансовых активов связано с высоким уровнем неопределенности.

В настоящее время на международном уровне нет базовых документов, которые могли бы стать основой формирования нормативных правовых актов, направленных на противодействие преступной деятельности с использованием криптовалюты. Необходима консолидация мирового сообщества для принятия единых правил как регулирования криптовалюты, так и противодействия преступлениям с ее криминальным оборотом.

Международный валютный фонд, рассматривая применение в современной экономике криптовалюты как финансового актива, подчеркнул, что криптовалюта может использоваться для отмывания денег, финансирования терроризма, уклонения от налогов и мошенничества и именно по этой причине нельзя легкомысленно относиться к правовому регулированию криптовалюты, в противном случае масштабные изменения в финансовых системах будут весьма ощутимы.

Особое внимание распространению преступлений, совершаемых с использованием криптовалюты, в своей деятельности уделяют такие ведомства, как Интерпол и Европол.

По мнению представителей Европола, существует угроза массового незаконного использования криптовалют в преступных целях, поэтому требуется неординарный подход к раскрытию и расследованию таких преступлений, при этом особое внимание должно уделяться выявлению использования криптовалют организованными преступными сообществами.

Интерпол и Европол собирают информацию, оказывают помощь в расследовании преступлений, связанных с торговлей людьми, где криптовалюта в последнее время стала особенно популярной, так как преступникам помогает анонимность, обеспечиваемая криптовалютой, а также быстрота осуществления транзакций, что значительно замедляет процесс отслеживания последних и поиска подозреваемых[2].

К преступлениям с использованием криптовалюты можно отнести и незаконный оборот наркотиков.

В большинстве государств предпринимаются меры по противодействию преступлениям, совершаемым с использованием криптовалюты или в отношении нее. К сожалению, в настоящее время на международном

---

[1] Федеральный закон от 31.07.2020 № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2020. 3 августа. № 31 (часть I). Ст. 5018.

[2] Пинкевич Т.В. Зарубежный опыт противодействия преступной деятельности с использованием криптовалюты // Научный портал МВД России. 2020. № 3 (51). С. 87.

уровне нет базовых документов, которые можно было бы положить в основу формирования нормативных правовых актов, направленных на противодействие преступной деятельности с использованием криптовалюты.

Имеющаяся правовая база в сфере киберпространства и противодействия киберпреступности в полной мере не отвечает современным требованиям. Необходима консолидация всего мирового сообщества для принятия единых правил как повседневного использования криптовалюты, так и противодействия преступлениям с ее криминальным оборотом.

За десятилетия развития глобальная телекоммуникационная сеть Интернет бесспорно изменила жизнь людей во всем мире, теперь каждый человек ежедневно извлекает различную информацию, учится, знакомится, общается, заказывает и оплачивает товары или услуги, а для кого-то стало возможно и заработать, то есть извлечь материальную выгоду. К сожалению, интернет стал «площадкой» для лиц, использующих его возможности для совершения различных преступлений в условиях минимизированной опасности быть установленным и привлеченным к ответственности[1].

Особо опасной и глобальной проблемой становится возможность «без границ» организовать в интернете перемещение предметов, запрещенных в гражданском обороте, а также анонимно оплатить данные «услуги». Это стало возможным в связи с появлением и использованием специфических сервисов в сети Интернет, в связи с чем стали актуальными киберпреступления, которые заняли свое место и получили «развитие» и в структуре отечественной преступности. Соответственно возникла необходимость в обеспечении безопасности не только человека, гражданина, но и государственных органов от киберпреступников, то есть в обеспечении эффективных мер предупреждения, пресечения и расследования киберпреступлений[2].

С точки зрения криминалистической науки, само понятие «киберпреступность» остается недостаточно изученным, так как на данный момент анализ российского законодательства показывает, что понятие «киберпреступность» и «киберпреступление» на национальном уровне не закреплено, а отождествляется с понятием «преступления в сфере компьютерной информации».

При этом в современную действительность помимо понятия «киберпреступность» постепенно входят относительно новые понятия и явления, такие как технология «блокчейн» и «криптовалюта», которые по мере своего распространения широко используются в достижение преступных целей.

---

[1] Пономарев В.Г. Отдельные вопросы уголовной ответственности за незаконные действия в отношении криптовалюты: сравнительно-правовой анализ // Евразийский юридический журнал. 2020. № 11 (150). С. 237.

[2] Гоголадзе Т.Н. Уголовно-правовые аспекты ответственности в сфере использования криптовалюты и блокчейн-технологий // В сборнике: Новые информационные технологии как основа эффективного инновационного развития. Уфа, 2020. С. 137.

Анализ юридической литературы показывает, что все исследователи такого явления как криптовалюта незамедлительно требуют законодательно определить ее понятие и правовое положение. При разработке частной методики расследования групп преступлений, в частности ее элемента - криминалистической характеристики, мы сталкиваемся с тем, что по материальным составам преступлений важные криминалистические признаки имеет предмет преступления (преступного посягательства), а на данный момент четкое правового понятие и регулирование оборота криптовалют отсутствует.

По нашему мнению, законодательное закрепление (определение) «криптовалюты» также может являться существенным шагом навстречу к возможности своевременно и эффективно реагировать на преступления, совершаемые с ее использованием.

В настоящее время проблемы в борьбе с преступностью с использованием криптовалюты определяют ее характеристики: глобальность, анонимность и децентрализованность.

Как преодолевать процесс анонимности создания, передачи блокчейна, криптовалюты, электронных кошельков, общения «закрытых» социальных сетях «Даркнет», а также другие процессы, связанные с формированием и развитием высоких технологий?

Существующие исследования, посвященные данной проблеме в той или иной степени затрагивают данные глобальные вопросы, которые сводятся к зависимости от «благоприятных» условий, например, если будет известен адрес криптовалютного кошелька, если произойдет изъятие компьютерной или иной техники, на которых установлено программное обеспечение, работающие по технологии блокчейна, то, что необходимо или возможно сделать правоохранительной системе при пресечении преступной деятельности, преодоления анонимности, «рецептов» нет[1].

В правовом смысле криптовалюта в России и многих других странах не является средством платежа, в том числе предметом гражданского оборота, в связи с чем вполне логично было бы применить запретные меры на майнинг-генерации новых блоков, осуществления платежных операций. Одновременно все понимают, что процесс использования криптовалюты уже давно запущен и укоренился в нашем сознании и жизни общества, технологические процессы стремительно изменяются, становится очевидным и простых запретительных мер будет явно недостаточно, так как количество пользователей рассматриваемых технологий растет в геометрической прогрессии, а, например, масштабы незаконного оборота наркотических средств, приобретаемых с использованием криптовалюты контролировать все сложнее.

[1] Сурбашева В.А. Проблемы правоприменительной практики при инкриминировании преступлений, связанных с криптовалютой // Эпомен. 2020. № 45. С. 107.

Рассмотрев некоторые аспекты проблем пресечения, выявления преступлений, совершенных с использованием криптовалюты, оценить результаты расследования указанных преступлений на данном этапе представляется сложным, так как в основном в суд направляются уголовные дела о незаконном обороте наркотических средств и легализации (отмывании) денежных средств или иного имущества, приобретаемых лицом в результате совершения им преступления.

По мере того как правоохранительные органы совершенствуют свои возможности и опыт в области предупреждения, пресечения и раскрытия преступлений, совершаемых с использованием криптовалют, в сотрудничестве со специалистами по кибербезопасности частного сектора киберпреступники, без сомнения, продолжат использовать любые уязвимости криптовалюты для расширения сферы своей незаконной деятельности.

Многие правительства склоняются к некоторому формальному регулированию использования криптовалют не только для того, узаконить транзакции с ними, но и для того, чтобы прибыль от транзакций могла облагаться налогом. Это, по нашему мнению, поможет правоохранительным органам в общей борьбе с глобальной киберпреступностью[1].

Таким образом, до законодательно закрепленного статуса криптовалюты рассматривать ее в уголовно-правовом аспекте преждевременно. В настоящее время предметом преступления она являться не может по причине неопределенности ее гражданско-правовой сущности.

В текущей правовой реальности рассматривать криптовалюту в уголовно-правовом аспекте преждевременно. Безусловно, существование криптовалюты является объективной действительностью, и с преступлениями, совершаемыми с ее использованием, необходимо бороться уголовно-правовыми средствами, как и со всеми иными преступлениями.

[1] Русскевич Е.А., Чернова К.Б. Особенности квалификации преступлений, совершаемых с использованием, в отношении и по поводу криптовалют // В сборнике: Уголовное законодательство: вчера, сегодня, завтра. СПб.: Санкт-Петербургский университет МВД России, 2021. С. 196.

Шерстюков Сергей Александрович,
адъюнкт кафедры уголовного права и криминологии
Краснодарского университета МВД России

Проблемы дифференциации уголовной ответственности за преступления, совершенные в составе экстремистского сообщества (организации)

Для эффективного поддержания национальной безопасности, преодоления угроз достижения мира и согласия в современном государстве и обществе, необходима оптимальная, отвечающая данным непростым запросам правовая база, регламентирующая данную сферу общественных отношений. Структурной частью системы по обеспечению национальной безопасности является нормативная регламентация государственных отношений, в совокупности с целевой государственной политикой, направленной на противодействие экстремизму.

За последние годы мировое сообщество отмечает резкий рост радикального экстремизма и террористических атак. Преступления экстремистской направленности становятся актуальной проблемой, угрозой государственной безопасности любой страны мира. В 2020 г. общее количество зарегистрированных преступлений экстремистского характера в Российской Федерации достигло 833 (+42,4% по отношению к 2019 г.); в том числе поставлены на учет 21 выявленное преступление, предусмотренное ст. 282.1 УК РФ «Организация экстремистского сообщества» (+16,7% по отношению к 2019 г.)[1]. Существенным фактором, определяющим современные особенности противодействия организации экстремистских сообществ, является высокая степень латентности указанного вида преступлений.

Вышеизложенные обстоятельства и выступили основой в формировании новых юридических новаций в развитии стратегии борьбы с групповым экстремизмом. Так, в Уголовный кодекс РФ, в Главу 29, были включены статьи, закрепившие ответственность за организацию экстремистского сообщества и организацию деятельности экстремистской организации. Но это было только начало. Менее чем за десять лет действия ст. ст. 282.1 и 282.2 УК РФ в них было внесено значительное количество изменений концептуального содержания. Установление уголовной ответственности за организацию экстремистского сообщества обусловлено стремлением государства обеспечить эффективные меры противодействия групповой преступности

[1] Комплексный анализ состояния преступности в Российской Федерации по итогам 2020 года и ожидаемые тенденции их развития: аналитический обзор. М.: ВНИИ МВД России, 2021. С. 24.

экстремистской направленности, осуществление которой способно причинить вред всей совокупности общественных отношений, образующих содержание непосредственного объекта рассматриваемого преступления[1].

Согласно п. 14 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 28 июня 2011 г. № 11 уголовная ответственность за создание экстремистского сообщества наступает с момента фактического образования указанного сообщества, то есть с момента объединения двух или более лиц в устойчивую группу в целях подготовки или совершения преступлений экстремистской направленности, вне зависимости от того, успели ли эти лица фактически совершить запланированные деяния.

Под руководством экстремистским сообществом, его частью или входящими в такое сообщество структурными подразделениями следует понимать осуществление управленческих функций как в отношении экстремистского сообщества, в целом, так и его структурных подразделений. Руководство деятельностью экстремистского сообщества характеризуется следующими признаками: а) обязательны для исполнения участниками группы; б) способствуют достижению преступных целей, стоящих перед экстремистским сообществом; в) обеспечивают координацию деятельности как групп, входящих в экстремистское сообщество, так и отдельных его участников; г) осуществляются лицом, занимающим высшее положение в иерархии преступного сообщества[2].

Структурным подразделением (частью) экстремистского сообщества является функционально и (или) территориально обособленная группа, состоящая из двух или более лиц (включая руководителя этой группы), которая осуществляет преступную деятельность в рамках и в соответствии с целями экстремистского сообщества.

Экстремистскому сообществу присущи следующие признаки: 1) устойчивость (стабильность состава, высокая коммуникация между ее участниками, организованность и предварительная согласованность, наличие двух и более лиц); 2) незаконность (отсутствие какой-либо законодательной нормативной регламентации создания и деятельности экстремистской организации); 3) противоправность (направленность деятельности на нарушение законодательно закрепленных правил и норм, на нарушение основных конституционных прав и свобод).

Таким образом, экстремистское сообщество представляет собой какое-либо объединение, группу (постоянную или временно действующую), созданную и осуществляющую свою деятельность вопреки установленным федеральным законодательством нормам, обладающую признаками устой-

---

[1] Савинский А.В. Уголовно-правовая оценка посягательств на основы конституционного строя и безопасность государства. Архангельск: ПГУ, 2008. С. 24.

[2] Малиновский В.В. Организационная деятельность в уголовном праве России (виды и характеристика) / отв. ред. А.И. Чучаев. Москва: Проспект, 2009. С. 27.

чивости, незаконности и противоправности и посягающую на основы конституционного строя и безопасность государства. В отличие от экстремистских сообществ, экстремистские организации получают существенную финансовую поддержку, в том числе из законных источников, таких как благотворительные организации, фонды, некоммерческие компании и т. д. Во многих случаях средства привлекаются призывами к осуществлению благотворительных акций, и такие методы привлечения денежных средств, в большинстве случаев, не вызывают подозрения. Кроме того, финансирование экстремистских и террористических организаций осуществляется путем создания ими сети сбора пожертвований посредством идентификаторов в системе электронных платежей WebMoney, «Yandex.Деньги» и «QIWI-кошелек». Денежные средства, собранные таким образом, не расходуются на благотворительные цели, а присваиваются участниками экстремистских организаций и сообществ, используются в целях их финансирования экстремистской деятельности.

Следует отметить, что для признания рассматриваемого преступления оконченным достаточно совершения любого из указанных действий.

Часть 1.1. ст. 282.1 УК РФ предусматривает ответственность за склонение, вербовку или иное вовлечение лица в деятельность экстремистского сообщества, под которыми понимаются, в частности, умышленные действия, направленные на вовлечение определенного лица (группы лиц) в такую деятельность, например, путем уговоров, подкупа, угрозы, убеждения, просьб, предложений (в том числе совершенные посредством размещения материалов на различных носителях и распространения через информационно-телекоммуникационные сети), применения физического воздействия или посредством поиска лиц и вовлечения их в деятельность экстремистского сообщества или экстремистской организации.

По законодательной конструкции объективной стороны преступления, предусмотренного ч. 1.1 ст. 282.1 УК РФ, состав является формальным. Преступление признается оконченным с момента совершения одного из альтернативно определенных действий, направленных на возбуждение решимости у вовлекаемого лица к участию в экстремистском сообществе в целях совершения преступлений экстремистской направленности, независимо от того, смог ли виновный достичь желаемого результата. Так, например, сотрудниками МВД по Карачаево-Черкесской Республике совместно с сотрудниками Управления ФСБ России по Карачаево-Черкесской Республике выявлено экстремистское сообщество, действовавшее на территории г. Черкесска и Усть-Джегутинского района до ноября 2012 г. под руководством А. Реализовать преступные замыслы, направленные на совершение тяжких и особо тяжких преступлений экстремистской направленности, участники экстремистского сообщества не смогли, так как их противоправная деятельность в ноябре 2012 г. была пресечена сотрудниками правоохра-

нительных органов. Управлением ФСБ по Карачаево-Черкесской Республике в отношении группы лиц возбуждено уголовное дело по ч. 2 ст. 282.1 УК РФ[1].

Подводя некоторые итоги рассмотрению вопросов уголовно-правовой регламентации ответственности за организованные формы экстремистской деятельности, необходимо признать верным законодательное решение относительно установления возможности признания экстремистской направленности преступных посягательств с учетом мотива их совершения на стадии назначения наказания. Несмотря на то, что мотив политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды либо ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы предусмотрен в качестве квалифицирующего или особо квалифицирующего признака большинства насильственных преступлений, в некоторых он отсутствует[2]. Так, например, изнасилование (ст. 131 УК РФ) или насильственные действия сексуального характера (ст. 132 УК РФ) в числе квалифицирующих признаков не содержат экстремистского мотива, хотя, в ряде, случаев таковой может быть побуждающим мотивом. В данной ситуации мотив совершенного преступления должен быть учтен судом при назначении наказания в качестве отягчающего обстоятельства (п. «е» ч. 1 ст. 63 УК РФ).

Ширшов Игорь Евгеньевич,
старший преподаватель кафедры
профессиональной деятельности сотрудников
подразделений охраны общественного порядка
Нижегородской академии МВД России;
Страхова Елена Рюриковна,
старший преподаватель кафедры
профессиональной деятельности сотрудников
подразделений охраны общественного порядка
Нижегородской академии МВД России

Актуальные вопросы наступления ответственности за незаконную добычу водных биологических ресурсов

Одной из важнейших задач нашего государства выступает охрана и защита стабильности окружающей среды и природного потенциала. Право каждого человека на нормальную природную среду гарантировано ст.42 Конституции РФ. Создание благоприятных условий жизни людей, в плане

[1] Приговор № 1-389/2017 1-43/2018 от 11 мая 2018 г. по делу № 1- 389/2017 // Архив Черкесского городского суда Карачаево-Черкесской республики.

[2] Рясов Д.А. Уголовно-правовая характеристика преступлений против основ конституционного строя и безопасности государства: учебное пособие. Краснодар: Краснодарский университет МВД России, 2019. С.67.

экологии, является одним из основных направлений внутренней политики государства в рамках обеспечения экологической безопасности, а также сохранении и защиты природной среды, которая окружает нас. Российское государство направляет все свои усилия, чтобы обеспечить последовательное развитие и устойчивое состояние экологических систем. Это достигается не только за счет высоких технологий природопользования, но и за счет законодательного регулирования имеющихся общественных отношений в области сохранения объектов животного мира, а именно путем криминализации наиболее опасных видов поведения человека в природной среде.

Уголовная ответственность за добычу водных животных в нарушение действующего законодательства в России существует с советских времен[1], в настоящее время это ст. 256 Уголовного кодекса РФ. Данное деяние до сих пор остается одним из наиболее распространенных экологических преступлений, что обусловлено неудовлетворительным состоянием законодательной базы в указанной сфере. Надо отметить, что браконьерство причиняет не только прямой ущерб, выражающийся в уничтожении водных ресурсов, но и косвенный, который вызывает нарушения в экономических процессах. Так же нарушается экологический правопорядок, установленный для рационального использования и развития объектов животного мира. Отсутствие реакции правоохранителей на многочисленные случаи нарушения законодательства в области охраны водных биоресурсов и недостатки уголовного и административного законодательства, привели к тому, что множество видов водных животных, из-за незаконного промысла, были поставлены на грань исчезновения, а некоторые прекратили свое существование навсегда. Предметом данного преступления в этом случае выступают водные биоресурсы, то есть самовоспроизводящиеся живые ресурсы, неотъемлемо связанные с ареалом их обитания, а именно разного рода водные животные и морские млекопитающие[2].

Осложнение криминогенной обстановки в этой сфере обусловило внесение изменений в регламентацию ответственности за совершение преступлений против животного мира. Как правило, законодатель идет двумя путями в своей законотворческой деятельности, это корректировка действующих статей или криминализация (декриминализация) новых составов. Необходимо отметить как положительную тенденцию, включение последних изменений в ст.256 УК РФ в части установления фиксированного размера крупного и особо крупного ущерба, причиненного водным ресурсам, о чем уже давно шли дискуссии в научном сообществе. Ранее для определения вопроса о том, является ли ущерб крупным, правоприменитель руководствовался сложившейся судебной практикой, разъяснениями Верховного Суда

[1] Ст. 163 Уголовного кодекса РСФСР от 27 октября 1960 г

[2] Дьяконова Л.В. Незаконная добыча (вылов) водных биологических ресурсов // Законность. 2011. № 12.

и т.п., что создавало определенные трудности для правильной квалификации и возможности для различного рода злоупотреблений. Однако, на наш взгляд, представляется, что работу в данном направлении необходимо продолжить и ввести понятие значительного размера с целью разделения «бытового» браконьерства во внутренних водах, когда улов не превышает потребности среднестатистического человека, и за преступления, совершенные с использованием специально оборудованных судов с целью получения сверхприбыли. Так же необходимо декриминализировать деяния, в результате которых причинен незначительный ущерб, либо никакого ущерба нет. Не секрет, что большая часть привлеченных к уголовной ответственности, это лица, выловившие несколько экземпляров рыбы, не отнесенных к ценным породам, таких как карась, окунь, лещ, щука и т.п., или вообще ничего не добывшие. Например, человек установил рыболовную сеть, затем извлек ее из воды без рыбы и в это время его задерживают сотрудники рыбоохраны или полиции, данное деяние в настоящее время образует оконченный состав, так как он является формальным. То есть, необходимо разграничить уголовно-наказуемую добычу водных животных и административный проступок, а основной состав ст. 256 сконструировать по типу материального, главным признаком которого, прежде всего, будет незаконное изъятие предмета лова из естественной среды обитания.

Нельзя не отметить еще один спорный момент, присутствующий в данной статье, это «с применением других запрещенных орудий и способов массового истребления». В настоящее время нет четкого и ясного определения, что является способами массового истребления водных животных. Если применение электрического тока, взрывчатых и химических веществ не оставляет сомнений, что они являются способами массового истребления, так как несомненно вызывает гибель всей водной флоры и фауны, то квалификация по данному признаку в случае использования рыболовной сети, вызывает недоумение. Сеть, прежде всего, является способом массового лова рыбы, а не способом ее массового истребления. Рыболовной сетью невозможно уничтожить водные биологические ресурсы. А именно большая часть уголовных дел по ст. 256 УК РФ возбуждаются как деяния, совершенные с применением сетных орудий лова. Должностные лица по своему усмотрению трактуют данное положение, нередко в целях повышения статистических показателей. Представляется недопустимым такое субъективное нормотворчество неуполномоченных на то лиц. Поэтому, в целях установления единой практики толкования этого квалифицирующего признака, необходимо определить конкретный перечень орудий лова, которые могли бы повлечь массовую гибель водных животных. Конечно же, каждую позицию в этом списке необходимо научно обосновать.

Еще одной проблемой при выявлении признаков экологически-противоправных деяний является установление причинно-следственной связи

между действием и наступившим последствием. На практике это выражается в том, что часто в ходе оперативного преследования преступники избавляются от добытых водных животных, что образует затруднения в дальнейшем их привлечении к установленной законом ответственности, так как становится невозможным проведения необходимых экспертиз, определения ущерба и т.д. В такой ситуации перспектива уголовного дела выглядит неоднозначно.

В заключение хотелось бы сказать, что общественная опасность от добычи водных животных в нарушение действующего законодательства связана с ее распространенностью, способностью оказывать неблагоприятные воздействия на состояние окружающей среды, а также создавать угрозы биологическому разнообразию. Для правильной квалификации деяний, связанных с незаконной добычей, необходимо правильное уяснение всех их признаков, поэтому можно сделать вывод о необходимости дальнейшего совершенствования правовой базы по данным вопросам. Следуя по этому пути, можно будет повысить эффективность борьбы с экологическими преступлениями, путем введения системы жесткого контроля.

Штокало Виктор Александрович,
кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры государственного права,
Северо-Осетинского государственного университета
имени К.Л. Хетагурова

Некоторые вопросы реализации партнерства полиции и общества (опыт стран Организации по безопасности и сотрудничеству в Европе)

Концепция партнерства полиции и общества вводит фактически новый стиль руководства и новую культуру полицейской деятельности в сфере противодействия преступности[1], что позволяет констатировать соответствие темы исследования проблематике данной конференции.

До настоящего времени не существует универсальной модели работы полицейской деятельности на основе партнерства полиции и общества, и по существу каждая страна разрабатывает свою собственную модель, о чем свидетельствуют примеры Бельгии, Эстонии и других стран[2]. На уровне местного сообщества полицейская деятельность в странах региона ОБСЕ

[1] Наилучшая практика построения партнерства между полицией и обществом. Вена: ОБСЕ, 2008. С. 20. URL: https://www.osce.org/ru/secretariat/32548

[2] Международный опыт осуществления полицейской деятельности в партнерстве с сообществом. Кишинев: ИОП, 2017. С. 3, 26, 46. URL: https://ipp.md/wp-content/uploads/2017/05/experiente_implementarea_activitatii_politienesti_RU_web.pdf

осуществляется в форме работы полиции с населением по месту жительства, и известна как таковая, а также как «деятельность полиции в партнерстве с сообществом» или «полицейская деятельность основанная на нуждах сообщества»[1].

Во многих странах укрепление и развитие партнерских отношений полиции и общества официально объявлено важнейшим направлением деятельности полиции[2]. Выявление позитивного опыта взаимодействия полиции и населения в зарубежных странах, в особенности тех, в которых идет процесс совершенствования партнерских отношений полиции и общества[3], является актуальным в контексте необходимости решения аналогичных вопросов организации работы по сотрудничеству полиции и населения в Российской Федерации.

Исследование проведено на основе изучения и анализа документов ОБСЕ[4], материалов публикаций международных экспертов среди которых отметим таких как Томас Боттерман, Бонни Букеру, Рэндольф Гринк, Барт Пардаенс, Сьюзен Садд, Уэсли Скоган, Рон Слоган, Тиина Ристмае, Ник Тилли и др.[5], а также работ российских исследователей (Бучакова М.А., Дизер О.А., Нижник Н.С. и др.)[6]. В процессе работы выполнена систематизация разрозненной информации по теме исследования, выявлены проблемы, присущие стадии реализации партнерства полиции и общества на уровне местного сообщества, решение которых позволит упорядочить и улучшить работу полиции в России и повысить эффективность полицейской работы в стране в целом.

Поскольку в современном мире партнерство полиции и общества принято считать чуть ли не «единственным инструментом, позволяющим эффективно противостоять преступности»[7], подчеркнем некоторые из характеристик партнерства, необходимые для целей настоящего исследования.

---

[1] Международный опыт осуществления полицейской деятельности в партнерстве с сообществом. С. 3, 7.

[2] Нижник Н.С. Полиция и гражданское общество: поиск вектора взаимодействия//Полицейская деятельность. 2018. №5. С. 53.

[3] Бучакова М.А., Дизер О.А. Взаимодействие полиции и общества// Вестник Омского университета. Серия «Право». 2015. №2(43). С. 58.

[4] См.: Наилучшая практика построения партнерства между полицией и обществом. Вена: ОБСЕ, 2008.

[5] См.: Наилучшая практика построения партнерства между полицией и обществом. С.76,79-80; Международный опыт осуществления полицейской деятельности в партнерстве с сообществом. С.4.

[6] См.: Бучакова М.А., Дизер О.А. Взаимодействие полиции и общества// Вестник Омского университета. Серия «Право». 2015. №2(43). С.58-63; Нижник Н.С. Полиция и гражданское общество: поиск вектора взаимодействия//Полицейская деятельность. 2018. №5. С. 52-66.

[7] Открытая полиция. Взаимодействие и современные методы партнерства полиции и общества. URL: https://www.openpolice.ru/pages/about_police/policiya-i-obshestvo/

Партнерство предполагает сотрудничество по меньшей мере между двумя сторонами. Участники партнерства (государственные органы, органы местного самоуправления, различные общественные организации и др.) договариваются работать вместе для достижения общей цели. Преимущества партнерства превышают недостатки деятельности, не охватываемой понятием партнерства. Партнерство, видимо, следует отличать от сотрудничества. Возможно, даже предпочтительнее говорить о сотрудничестве, однако термин «партнерство полиции и общества» более широко признан в странах региона ОБСЕ. Вообще, партнерство это довольно расплывчатое понятие, требующее большей точности и определенности его характеристик и процедур функционирования в особенности.

Реализация концепции партнерства полиции и общества встречает определенные трудности в связи с отсутствием, «концептуальной и программной четкости» в среде приверженцев концепции работы полиции среди местного населения[1].

В процессе изучения работы экспертов ряда стран региона ОБСЕ (США, Франции, Нидерландов, Албании, Эстонии и др.) обнаружено несколько десятков, адресованных партнерам по сотрудничеству полиции и общества, рекомендаций, запретов, практических советов и предостережений[2], некоторые из положений которых могут быть представлены в качестве проблем подлежащих реализации партнерами. Эти проблемы могут быть подразделены на несколько групп соответственно участникам партнерства. Конечно, следуя логике партнерства, все проблемные вопросы должны решаться партнерами во взаимодействии, но среди них можно выделить такие проблемы, решение и урегулирование которых следует отнести к ведению полиции.

Среди проблем, относящихся преимущественно к ведению полиции в процессе реализации партнерства на уровне местного сообщества, как показывает опыт стран ОБСЕ, можно назвать следующие (перечень не является исчерпывающим):

– исключение ошибочной интерпретации концепции партнерства со стороны полиции;

– преодоление встречающегося ошибочного толкования концепции партнерства как снисходительно относящейся к преступности;

– поддержка реформирования деятельности полиции в соответствии с концепцией партнерства;

– полиция должна воздерживаться от сотрудничества с организациями, группами и отдельными лицами, выступающими против соблюдения прав человека;

---

[1] Наилучшая практика построения партнерства между полицией и обществом. С. 21.

[2] Наилучшая практика построения партнерства между полицией и обществом. С.12-75.; Международный опыт осуществления полицейской деятельности в партнерстве с сообществом. С. 3-55.

– преодоление ошибочного понимания того, что работа полиции с местным населением является функцией особого подразделения полиции и имеет мало общего с «настоящей правоохранительной деятельностью»[1];

- исключение неправомерного воздействия полицейских на местное сообщество;

– полицейские, работающие непосредственно среди населения, могут быть обеспокоены, в частности, новым объемом работы, требованиями налаживания тесных контактов и сотрудничества с местным населением, а также в связи с новыми обязанностями, возложенными на них;

– необходимо противодействовать деструктивным силам в рядах сотрудников полиции, препятствующим новому стилю руководства;

– деятельность полиции на основе партнерства с сообществом требует адекватного материально-технического обеспечения в целях создания условий, необходимых для повышения ее эффективности;

– полиция должна быть в состоянии самостоятельно, по-настоящему эффективно реализовать концепцию партнерства и понимать, как должна быть организована на практике деятельность по предупреждению преступности;

– полиция должна пытаться выявить проблемы на как можно более ранней стадии и предупредить их проявление основываясь на постоянном наблюдении, выявлении и анализе небезопасных ситуаций;

– необходима адаптация структуры полиции в соответствии с организацией местного самоуправления и криминогенной ситуацией;

– философию, стратегию и практику партнерства полиции и сообщества должны знать и реализовывать все сотрудники полиции в целом;

– офицер полиции должен стать качественно другим, «его профессионализм теперь основывается не просто на более глубокой специализации, но прежде всего на обширных знаниях о сообществе в котором он работает»[2];

– преодоление сложностей процесса измерения качества работы полиции «в случаях, когда население устанавливает приоритеты, которые не учитываются информационными системами полицейских служб»[3];

– полицейская деятельность, основанная на партнерстве с сообществом, касается всей полиции как института в целом и не может быть передана под ответственность отдельной группе сотрудников полиции;

– полиция должна создавать возможности для участия местных жителей в решении проблем полицейской деятельности;

---

[1] Наилучшая практика построения партнерства между полицией и обществом. С. 50.

[2] Международный опыт осуществления полицейской деятельности в партнерстве с сообществом. С. 48.

[3] Наилучшая практика построения партнерства между полицией и обществом. С. 53.

– доверие к полиции является хрупким, и «небольшая ошибка может разрушить усилия тысяч сотрудников»[1];

– некоторые полицейские «не видят необходимости в предоставлении населению права вмешиваться в их работу»[2];

– развитие тесного партнерства между полицией и обществом может привести к «затруднительным положениям этического характера для полицейских, если им будут предлагаться (и приниматься ими) вещественные выражения благодарности со стороны местных жителей, которые можно легко интерпретировать как пересечение размытой границы на пути к коррупции»[3];

– следует иметь в виду, что региональное многообразие может по-разному влиять на стратегии реализации, и то, что оказывается действенным в одной районе, может не работать в другом;

Таковы важные проблемы реализации партнерства полиции и населения, с которыми может столкнуться полиция при реализации партнерства на уровне местного сообщества, в том числе и в Российской Федерации. Решение этих проблем упрочит партнерские отношения и создаст лучшие условия для дальнейшей реализации партнерства на уровне местного сообщества.

Ожидания успешного партнерства полиции и общества в странах ОБСЕ настолько велики, что согласно документам ОБСЕ, для достижения этой цели «необходимо выявлять деструктивные силы в рядах сотрудников полиции, препятствующие новому стилю руководства, и либо заставить их примириться с новой политикой, либо избавиться от них»[4]. Отметим в связи с этим, что такие приемы приобщения к партнерству выглядят чрезмерными и не соответствуют самой идее и духу партнерства.

В качестве заключения отметим также, что построение и совершенствование партнерства полиции и общества сложный и разносторонний процесс, ряд аспектов которого нуждается в более убедительной аргументации и проработке (в частности вопросы процедуры обеспечения сотрудничества и др.). На этапе реализации партнерства на уровне местного сообщества в России полиции необходимо учитывать вышеизложенные проблемные вопросы. Это позволит обеспечить успешное и более эффективное партнерство полиции и общества, должно способствовать дальнейшему развитию взаимодействия и сотрудничества полиции и гражданского общества в предупреждении преступлений и осуществлении правоохранительной деятельности правового государства, что в результате приведет к повышению уровня доверия общества к полиции.

---

[1] Международный опыт осуществления полицейской деятельности в партнерстве с сообществом. С. 33.

[2] Наилучшая практика построения партнерства между полицией и обществом. С. 44.

[3] Там же. С. 66.

[4] Там же. С. 52.

Эльгайтаров Султан Юрьевич,
соискатель кафедры уголовного права и криминологии
Краснодарского университета МВД России

Проблемы межотраслевой систематизации границ правового регулирования ответственности за нецелевое расходование бюджетных средств

Одним из важнейших условий эффективности взаимосвязанных законодательных норм является их внутри- и межотраслевая согласованность, обеспечение которых, на наш взгляд, является необходимым этапом в процессе законотворческой деятельности.

Так, говоря о необходимости такой систематизации, профессор А.В. Иванчин отмечает, что «межотраслевые системные правила нацеливают законодателя на необходимость соблюдения при построении состава Конституции РФ, норм международного права, иноотраслевого законодательства, а также учета проблем доказывания преступления, а внутриотраслевые – на обязательность согласования признаков проектируемого состава с предписаниями Общей и Особенной частей УК»[1].

Современная сфера бюджетных отношений Российской Федерации представлена федеральным бюджетом, региональными бюджетами субъектов России и бюджетами соответствующих муниципальных образований согласно административно-хозяйственному разделению, что, с нашей точки зрения, предопределяет бланкетный характер диспозиции ст. 285.1 УК РФ, по отношению к статьям 306.1, 306.4 БК РФ, содержащих законодательные определения, соответственно, бюджетного правонарушения и незаконного использования бюджетных средств. Последнее, на наш взгляд, свидетельствует о необходимости унификации соответствующих положений «бюджетного законодательства Российской Федерации и иных правовых актов, регулирующих бюджетные правоотношения»[2], т.е., в числе прочего, положений УК РФ, регулирующего вопросы уголовной ответственности за существенное нарушение наиболее значимых бюджетных правоотношений.

При этом межотраслевая систематизация законодательства, с нашей точки зрения, безусловно, предполагает обеспечение взаимосвязанности его элементов посредством унифицированного подхода к используемой законодательной терминологии. Вместе с тем, диспозиция ст. 285.1 УК РФ при

---

[1] Иванчин А.В. Концептуальные основы конструирования состава преступления: автореф. дис. ... докт. юрид. наук: 12.00.08 [Место защиты: Ур. гос. юрид. акад.]. Екатеринбург, 2015. С. 11-12.

[2] Бюджетный кодекс Российской Федерации от 31.07.1998 № 145-ФЗ (ред. от 25.05. 2020). Ст. 306.1. Ч.1. П.1. // Официальный интернет-портал правовой информации [Электронный ресурс] URL: http://www.pravo.gov.ru (Дата обращения 25.05.2020).

описании составообразующих признаков нецелевого расходования бюджетных средств оперирует терминами и определениями, отличными от терминологии, используемой в соответствующих нормах бюджетного законодательства которые, к тому же, неоднократно изменялись в период действия ст. 285.1 УК РФ (в соответствии с Федеральным законом от 23.07.2013 № 252-ФЗ Бюджетный кодекс Российской Федерации был дополнен специальными главами «Общие положения о бюджетных нарушениях и применении бюджетных мер принуждения» (глава 29 БК РФ) и «Виды бюджетных нарушений и бюджетные меры принуждения, применяемые за их совершение» (Глава 30 БК РФ)).

Необходимо также отметить, что в связи с принятием Федеральных законов от 26.07.2019 № 199-ФЗ, а также от 31.07.2020 № 263-ФЗ в статьи 306.1 и 306.4 указанных глав БК РФ, регламентирующие понятие, виды и содержание бюджетных правонарушений и, в частности, определение и признаки нецелевого использования бюджетных средств, были внесены изменения и дополнения, которые, равно как и предыдущие редакции ст.ст. 306.1, 306.4 БК РФ не вполне согласуется с определением и составообразующими признаками нецелевого расходования бюджетных средств, регламентированными ст. 285.1 УК РФ. Аналогичные выводы представляется возможным сформулировать при оценке соотношения соответствующих норм Уголовного кодекса РФ и Кодекса об административных правонарушениях РФ в части межотраслевой дифференциации ответственности за бюджетные правонарушения. При этом необходимо отметить, что с внесением вышеобозначенных изменений и дополнений в БК РФ, нормы Кодекса РФ об административных правонарушениях подверглись значительным корректировкам, однако, соответствующие номы УК РФ остались неизменными, что свидетельствует о несогласованности подхода к межотраслевой дифференциации ответственности за рассматриваемые правонарушения в уголовном и административном законодательстве России.

В частности, объективная сторона преступления, предусмотренного ст. 285.1 УК РФ состоит в расходовании бюджетных средств в крупном размере на цели, не соответствующие условиям их получения, определенным утвержденными бюджетом, бюджетной росписью, уведомлением о бюджетных ассигнованиях, сметой доходов и расходов либо иным документом, являющимся основанием для получения бюджетных средств. Таким образом, с уголовно-правовой точки зрения, общественно опасным деянием признается исключительно расходование бюджетных средств в сумме, превышающей полтора миллиона рублей, на цели, не соответствующие условиям их получения.

С другой стороны ст. 306.4 БК РФ в качестве одного из видов бюджетного правонарушения определяет не нецелевое расходование, а нецелевое использование бюджетных средств. Не смотря на внешнее сходство в ис-

пользуемой терминологии, с нашей точки зрения, расходование и использование бюджетных средств не являются синонимами и, соответственно, сами обозначенные деяния не являются ни идентичными, ни соотносятся между собой, как часть и целое, что позволяет усомниться в обоснованности использования обозначенной терминологии в процессе уголовно-правовой регламентации преступности одного из видов бюджетного правонарушения в ст. 285.1 УК РФ.

Кроме того, ст. 34 БК РФ «Принцип эффективности использования бюджетных средств»[1] определяет, что «при составлении и исполнении бюджетов участники бюджетного процесса в рамках установленных им бюджетных полномочий должны исходить из необходимости достижения заданных результатов с использованием наименьшего объема средств (экономности) и (или) достижения наилучшего результата с использованием определенного бюджетом объема средств (результативности)».

Представляется, что примерами неэффективного расходования бюджетных средств могут быть признаны: приобретение товаров или оплата услуг, хотя и предусмотренных целями получения бюджетных средств, но по явно завышенным ценам. Таким образом, целевое, но явно неэффективное расходование бюджетных средств, с нашей точки зрения, способное причинить существенный, соразмерный нецелевому расходованию бюджета, вред, не охватывается составом рассматриваемого преступления ввиду терминологической несогласованности положений Уголовного и Бюджетного кодексов РФ.

При этом, с одной стороны, в Определении Конституционного Суда России от 20.12.2016г. № 2776-О отмечается, что «Диспозиция данной статьи (ст. 285.1 УК РФ – прим. автора) корреспондирует положениям Бюджетного кодекса Российской Федерации, согласно которым нецелевым использованием бюджетных средств признаются направление средств бюджета бюджетной системы Российской Федерации и оплата денежных обязательств в целях, не соответствующих полностью или частично целям, определенным законом (решением) о бюджете, сводной бюджетной росписью, бюджетной росписью, бюджетной сметой, договором (соглашением) либо иным документом, являющимся правовым основанием предоставления указанных средств (часть первая статьи 306.4)»[2].

С другой стороны, уголовно-правовой принцип законности исключает возможность применения закона по аналогии, в числе прочего, в части признания преступлением деяния, буквально не запрещенного диспозицией статьи Особенной части Уголовного кодекса.

Таким образом, нецелевое расходование бюджетных средств в размере, превышающем полтора миллиона рублей, является преступлением, а

---

[1] Бюджетный кодекс РФ, ст. 34 (в ред. Федеральных законов от 26.04.2007 № 63-ФЗ, от 07.05.2013 № 104-ФЗ) // www.consultant.ru

[2] https://legalacts.ru/sud/opredelenie-konstitutsionnogo-suda-rf-ot-20122016-n-2776-o/

в то же самое время неэффективное расходование бюджетных средств, сопряженное с переплатой в том же объеме, - не влечет уголовной ответственности.

С нашей точки зрения, в приведенных примерах, общественная опасность деяний, как их способность причинить вред охраняемым законом общественным отношениям, идентична, в связи с чем, обозначенные деяния должны были бы повлечь одинаковые уголовно-правовые последствия, однако, в силу принципиальной недопустимости аналогии закона, предполагаемый нами вывод уже не представляется столь однозначным.

Вместе с тем, необходимо отметить, что в п. 23 Постановления Пленума ВАС РФ от 22.06.2006 № 23 (в ред. от 28.05.2019) «О некоторых вопросах применения арбитражными судами норм Бюджетного кодекса Российской Федерации» применительно к оценке соблюдения участниками бюджетного процесса принципа эффективности использования бюджетных средств, указывается, что «судам необходимо учитывать, что участники бюджетного процесса в рамках реализации поставленных перед ними задач и в пределах выделенных на определенные цели бюджетных средств самостоятельно определяют необходимость, целесообразность и экономическую обоснованность совершения конкретной расходной операции»[1].

С другой стороны, в соответствии с тем же Постановлением «конкретная расходная операция может быть признана неэффективным расходованием бюджетных средств только в случае, если уполномоченный орган докажет, что поставленные перед участником бюджетного процесса задачи могли быть выполнены с использованием меньшего объема средств или что, используя определенный бюджетом объем средств, участник бюджетного процесса мог бы достигнуть лучшего результата».

Таким образом, указанное Постановление Пленума ВАС РФ наряду с констатацией самостоятельности в принятии решений участников бюджетных отношений, наделяет контролирующие органы соответствующим инструментарием, позволяющим квалифицировать бюджетное правонарушение в виде неэффективного расходования бюджетных средств. Вместе с тем, необходимо отметить, что, исходя их регламентируемых Постановлением порядка и условий признания неэффективности расходования бюджетных средств, представляется очевидным, что установленная неэффективность может быть результатом как умышленной деятельности, так и неосторожности в виде легкомыслия или небрежности.

Таким образом, с нашей точки зрения, учитывая положения принципов законности и вины, неэффективное расходование бюджетных средств не создает правовых оснований для квалификации преступности действий

[1] Постановление Пленума ВАС РФ от 22.06.2006 № 23 (в ред. Постановления Пленума ВАС РФ от 26.02.2009 № 17, Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 28.05.2019 № 13) «О некоторых вопросах применения арбитражными судами норм Бюджетного кодекса Российской Федерации» //www.consultant.ru

неэффективного управленца и привлечения его к ответственности за неправомерное расходование бюджетных средств по ст. 285.1 УК РФ.

Таким образом, формально целевое, но неэффективное (и в связи с этим приносящее в крупном размере вред финансовой системе государства) расходование бюджетных средств представляет собой, с нашей точки зрения, не менее общественно опасное деяние, нежели предусмотренное ст. 285.1 УК РФ нецелевое расходование бюджетных средств.

Столь существенные, на наш взгляд недостатки уголовно-правового регулирования ответственности за нецелевое расходование бюджетных средств, являясь результатом межотраслевой несогласованности признаков бюджетного правонарушения, на наш взгляд, нарушают системность законодательства, как один из принципов юридической техники, что создает социально-правовые предпосылки для редактирования содержания бланкетной диспозиции ст. 285.1 УК РФ и обуславливает необходимость приведения ее содержания в соответствие с положениями Бюджетного законодательства России.

Юшина Юлия Владимировна,
кандидат юридических наук,
старший преподаватель
кафедры уголовного права и криминологии
Крымского филиала
Краснодарского университета МВД России

К вопросу об оптимизации статьи 279 УК РФ, предусматривающей уголовную ответственность за вооруженный мятеж

Раздел X Уголовного кодекса РФ (далее – УК РФ) содержит статью 279 УК РФ, предусматривающую уголовную ответственность за вооруженный мятеж, так как проблемы обеспечения безопасности основ конституционного строя и государства от внутренних и внешних угроз являются достаточно значимыми в каждом современном государстве.

Учитывая, наши сегодняшние реалии, к сожалению, такое преступление как вооруженный мятеж утратило свою уникальность, а также то, что согласно ст. 15 УК РФ данное преступление является особо тяжким, исследование вопросов установления уголовной ответственности за действия, направленные на организацию вооруженного мятежа либо активное участие в нем в целях свержения или насильственного изменения конституционного строя Российской Федерации, либо нарушения территориальной целостности Российской Федерации, являются весьма актуальными.

Ситуация, при которой стремление оппозиционных сил расшатать обстановку в нашей стране, остро нуждается в детальном исследовании состава преступления, предусмотренного ст. 279 УК РФ, с позиций современных социально-экономических условий.

Общественная опасность данного преступления заключается в том, что при его совершении нарушаются общественные отношения по сохранению государственной власти, неприкосновенности и территориальной целостности Российской Федерации, а в некоторых случаях причиняется вред жизни и здоровью граждан, имуществу, мирному сосуществованию государств и другим объектам уголовно-правовой охраны.

Законодатель в объективную сторону статьи 279 УК РФ включил действия, выражающиеся в организации или активном участии в вооруженном мятеже.

Организация вооруженного мятежа может выражаться в приискании организаторами участников вооруженного мятежа, вербовке единомышленников и распределении между ними ролей, подготовки некой стратегии действий, в непосредственном руководстве действиями участников вооруженного мятежа. А также в таких действиях как: снабжение оружия, разработка плана выступления против органов власти, составлении различной документации с целью объединить людей для достижения преступного умысла и т.п.

Если данная деятельность привела к созданию банды, экстремистской организации или преступного сообщества, незаконного вооруженного формирования, то эти действия организаторов необходимо квалифицировать по правилам совокупности преступлений[1]. Например, со статьями 279, 208 или 210 УК РФ.

Подстрекательство к вооруженному мятежу, например, в ходе публичного выступления или митинга, на наш взгляд, требует квалификации по ст. 280.1 УК РФ или 280.2 УК РФ, при наличии иных признаков данных преступлений.

Таким образом, деяния по организации вооружённого мятежа – это определенный вид приготовительной деятельности, без которой сами действия по осуществлению мятежа выполнить было бы затруднительно или вообще невозможно.

В теории уголовного права неоднократно высказывались мнения, о необходимости криминализации заговора, совершенного с целью, указанной в статье 279 УК РФ.

Кроме этого, обращаясь к уголовному законодательству стран ближнего зарубежья, определенный интерес в рамках исследования представляет

[1] Определение Судебной коллегии Верховного Суда РФ по делу А., К. и др. // Судебная практика по уголовным делам / Сост. Е.П. Кудрявцева, О.В. Науменко, С.А. Разумов. М., 2004. С. 72 – 73.

Уголовный кодекс Республики Беларусь, а именно статья 357 «Заговор или иные действия, совершенные с целью захвата государственной власти»[1].

В отличие от нашего уголовного законодательства белорусский законодатель, предусмотрел ответственность не только за непосредственные действия с целью захвата государственной власти, но и за заговор, совершенный с этой целью.

Участие в вооруженном мятеже предполагает активные слаженные и согласованные с другими участниками вооруженного мятежа действия, совершенные с целью, указанной в статье 279 УК РФ. Эти действия могут выражаться в использовании совместно с другими мятежниками оружия, штурм зданий и сооружений, нападении на сотрудников правоохранительных органов или иных лиц.

Если в процессе вооруженного мятежа в результате применения насилия участником вооруженного мятежа было совершено умышленное лишение жизни человека или причинен вред его здоровью, его действия подлежат дополнительной квалификации по нормам УК РФ, которые предусматривают ответственность за посягательства на жизнь и здоровье личности (глава 16 УК РФ).

Если в процессе вооруженного мятежа было совершено убийство сотрудника правоохранительного органа, общественного или государственного деятеля, действия виновного подлежат дополнительной квалификации по статьям 317 или 277 УК РФ.

Для выполнения объективной стороны преступления, предусмотренного ст. 279 УК РФ требуется вооруженность, которая предполагает любое (законное или незаконное) приобретение, поиск устройств и предметов, конструктивно предназначенных для поражения живой или иной цели, подпадающих в соответствии с Федеральным законом от 13 декабря 1996 г. № 150-ФЗ «Об оружии»[2] под категорию «оружие», их передача участникам запланированного мятежа и дальнейшее использование названных предметов для достижения противоправных целей.

По нашему мнению, признак вооруженности будет налицо, если хотя бы один из участников мятежа имеет оружие или предмет конструктивно на него схожий для причинения вреда (независимо от того, применялось оно или нет), а другие лица были осведомлены об этом.

Преступление считается оконченным для активных участников вооруженного мятежа во время первого вооруженного выступления, иначе говоря состав преступления формальный.

---

[1] Уголовный Кодекс Республики Беларусь 275-З от 9.07.1999 г. // URL: https://kodeksy-by.com/ugolovnyj_kodeks_rb.htm (01.02.2021)

[2] Федеральным законом от 13 декабря 1996 г. № 150–ФЗ «Об оружии» // СПС Консультант Плюс.

Мы полностью согласны с Р.А. Сабитовым и П.В. Агаповым, что участие в мятеже должно быть деятельным, а лица, у которых не было активности действий не подлежат уголовной ответственности, за исключением случаев, когда в их поведении усматривалось пособничество в преступлении (ч. 5 ст. 33 УК РФ)[1].

Действия пособников в таком случае квалифицируются по ст. 279 УК РФ со ссылкой на ч. 5 ст. 33 УК РФ. В отношении же пассивных его участников возможно привлечение их в качестве пособников по ч. 5 ст. 33 УК РФ и ст. 279 УК России либо в качестве субъектов преступления по ст. 205.1 УК РФ[2].

Субъектом преступления, предусмотренного ст. 279 УК РФ, является физическое вменяемое лицо, которому к моменту совершения преступления исполнилось шестнадцать лет.

Изучая субъект данного преступления, остается открытым вопрос о квалификации действий лица, принимавшего «пассивное» участие в вооруженном мятеже.

Кроме этого, без ответа остается вопрос о возможности использования должностного или служебного положения при совершении данного преступления и отсутствии в связи с этим квалифицирующих признаков в статье 279 УК РФ.

Неразрешенными остаются вопросы, связанные с возможностью участников вооруженного мятежа при соблюдении определенных условий (например, указанных примечании к ст. 208 УК РФ) подлежать освобождению от уголовной ответственности.

Представляется целесообразным на законодательном уровне и для участников вооруженного мятежа при выполнении ими определенных условий предусмотреть данную возможность, например, как это сделал белорусский законодатель, поместив в ст. 357 Уголовного кодекса примечание, согласно которому участник заговора или иных действий, совершенных с целью захвата или удержания государственной власти неконституционным путем, освобождается от ответственности по части первой настоящей статьи, если он своевременно и добровольно заявил о преступлении государственным органам и активно способствовал его выявлению.[3]

---

[1] Ефремова В.А., Корнилов А.В. Актуальные проблемы квалификации вооруженного мятежа // В сборнике: Юридическая наука в XXI веке Сборник научных статей по итогам работы заключительного международного круглого стола. 2018. С. 39.

[2] Корнилов А.В. Момент окончания вооруженного мятежа: законодательная регламентация и судебная практика // В сборнике: Правовые проблемы укрепления российской государственности Сборник статей. Редакторы: О.И. Андреева, С.А. Елисеев, А.С. Князьков, Л.М. Прозументов, М.К. Свиридов, В.А. Уткин. 2019. С. 38.

[3] Уголовный Республики Беларусь: электронный ресурс: https://kodeksy-by.com/ugolovnyj_kodeks_rb/357.htm (дата обращения: 15.02.2021)

На наш взгляд, учитывая повышенную общественную опасность деятельности организатора преступления, предусмотренного ст. 279 УК РФ, в сравнении с рядовым участником, вопрос о том, распространяется ли действие примечания на него должен решаться отрицательно, но учитываться судом при назначении наказания.

Субъективная сторона данного преступления характеризуется прямым умыслом и обязательным наличием специальной цели – свержение или незаконное изменение конституционного строя или нарушение территориальной целостности[1].

Мотивы, по которым может совершаться вооруженный мятеж, следующие: карьеризм; политическая конкуренция; месть за государственную деятельность; мотивы самоутверждения, придание своей деятельности значимости; корыстные мотивы, религиозные и т.п. Однако они не влияют на квалификацию преступления.

Проведенное исследование позволяет предложить следующую редакцию ст. 279 УК РФ:

«Статья 279. Вооруженный мятеж»

Заговор либо организация вооруженного мятежа, активное участие в нем в целях свержения или насильственного изменения конституционного строя Российской Федерации либо нарушения территориальной целостности Российской Федерации -

наказываются….

Примечание. Лицо, участвовавшее в вооруженном мятеже, освобождается от уголовной ответственности, если оно впервые совершило данное преступление, добровольно прекратило в нем участие, сообщило о своих сообщниках, активно способствовало раскрытию или пресечению данного преступления, а также, если в его действиях отсутствует состав иного преступления.

Изучив объективные и субъективные признаки преступления, предусмотренного ст. 279 УК РФ, мы пришли к заключению, что действующая редакция ст. 279 УК РФ нуждается в совершенствовании, что соответствует основным идеям восстановительного правосудия и принципу экономии уголовных репрессий.

[1] Уголовное право России. Особенная часть: Учебник. Под редакцией д.ю.н., профессора В.И. Гладких. М.: Международный юридический институт, 2012. С.278.

Яковлев Виталий Валерьевич,
кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры уголовного права и криминологии
Краснодарского университета МВД России

Детерминация уличной преступности в условиях крупного города

Научные исследования вопросов противодействия преступности в большинстве своем посвящаются в последнее время наиболее острым проблемам, с которыми сталкивается мировое сообщество в поиске путей преодоления кризисных явлений и процессов, происходящих как на международном, так и национальных уровнях. Многие из этих явлений, в частности, определяются как угрозы поступательному развитию России и упоминаются в последней редакции Стратегии национальной безопасности Российской Федерации[1]. При этом следует отметить, что на протяжении значительного времени они остаются неизменными: деятельность террористических и экстремистских организаций; незаконный оборот наркотиков и оружия; высокий уровень коррупционной пораженности властных структур; криминальная экспансия в сфере информационно-коммуникационных технологий; разрушение экологической системы путем недопустимо интенсивного воздействия на нее техногенного характера.

Между тем в структуре преступности существует достаточное число видов криминального поведения, требующих пристального внимания со стороны общества и государства в лице правоохранительных органов, принятия решительных мер по выявлению и нейтрализации причин и условий воспроизводства преступлений. По нашему мнению, одним из направлений указанной деятельности является изучение детерминант уличной преступности в мегаполисах, которая органически связана с большинством перечисленных выше угроз.

Криминологическая характеристика преступности в крупных городах позволяет сформулировать специфические черты ее современного состояния, структуры, динамики и основных тенденций развития на ближайшее будущее. Она характеризуется массовыми проявлениями криминального характера на относительно компактной территории; высоким уровнем общественной опасности значительного числа преступлений; угрожающими показателями латентности; стабильными динамическими показателями, в

[1] Стратегия национальной безопасности Российской Федерации. Утверждена Указом Президента Российской Федерации 02.07.2021 №400 // http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_389271/... (Дата обращения 14.08.2021г.).

частности – ростом проявлений криминального насилия в процессе совершения преступлений.

Статистические показатели последних лет подтверждают перечисленные свойства рассматриваемого вида преступности. В среднем за прошедшее десятилетие каждое 12 преступление совершается в общественных местах – на площадях, центральных улицах, в парках, местах значительного скопления населения[1]. Принимая во внимание высокий уровень латентности большинство экспертов высказывают мнение о том, что в реальности на долю уличной преступности в мегаполисах приходится почти вдвое больше преступлений, чем по данным официальной статистики[2]. Как уже было сказано ранее, среди уличных преступлений значителен удельный вес преступлений, совершаемых с применением насилия, зачастую абсолютно не обоснованного с позиций цели, которую преследует преступник.

Общая тенденция преступности в Российской Федерации, связанная с ее общим омоложением, в полной мере проявляется и в исследуемом нами случае: средний уровень возраста преступной активности уличных преступников постоянно снижается и в настоящее время, по оценкам экспертов, составляет 21-25 лет.

Перечисленные выше обстоятельства требуют, на наш взгляд, поиска новых методик предупреждения уличной преступности в крупных городах, для чего необходимо четко представлять себе особенности системы детерминант данного вида преступлений.

Детерминация уличной преступности в крупных городах имеет комплексный, многоуровневый характер. К числу наиболее значимых причин и условий традиционно необходимо отнести социально-экономические, основанные на кризисных явлениях в экономике нашего государства и сопутствующих данному процессу факторах. В данном случае мы обращаемся к таким негативным социальным явлениям, как опасно низкий уровень жизни подавляющего большинства населения нашей страны, резкая дифференциация общества по имущественному признаку, катастрофически разделяющая интересы и потребности социальных групп, находящихся на противоположных полюсах градации материальных возможностей индивида, что, в свою очередь, порождает антагонистические взаимоотношения между представителями указанных групп, реализующимися, в том числе, в криминальном поведении. Специфика мегаполиса заключается также в высокой концентрации материальных ресурсов, сосредоточенных в крупных промышленных центрах, что, на наш взгляд, оказывает свое влияние на содержание детерминант изучаемой преступности.

---

[1] Состояние преступности в Российской Федерации. Аналитический обзор за 2012-2020г.г.// https://xn--b1aew.xn--p1ai/dejatelnost/statistics/...(Дата обращения 28.07.2021 г.).

[2] Шмаренков М.В. Криминологический аспект уличной преступности в мегаполисах. Автореф. дисс. канд. юрид. наук. С.-Пб., 2004. С.4

Отсутствие должного уровня социальной защищенности наиболее уязвимых социальных групп – несовершеннолетних, пенсионеров, инвалидов и т.д., также выступает весьма значимым фактором уличной преступности, обуславливающим воспроизводство широкого круга преступлений, посягающих на различные общественные отношения, охраняемые уголовным законом. Наиболее часто в структуре такой преступности встречаются корыстные посягательства на чужую собственность, связанные с хищениями чужого имущества.

Не смотря на то, что в мегаполисах существует наиболее крупный рынок трудовой занятости, предлагающий желающим трудоустройство в различных сферах промышленности и социального обслуживания, существует целый ряд факторов, существенно затрудняющих снижение высокого уровня безработицы на изучаемой территории. Конечно же, в сравнении с иными муниципальными образованиями и целыми регионами, где возможность трудоустройства еще более усложнена проблемами местного характера, ситуация в крупных городах выглядит менее тревожной, однако продолжает оставаться одним из наиболее заметных факторов преступности. Социологические исследования показывают, что критерии отбора претендентов на замещение определенных должностей в мегаполисах часто делают их недоступными для желающих в силу отсутствия необходимого образования, опыта работы, постоянной регистрации и места жительства и т.д. Кроме того, существует категория так называемых непрестижных видов труда, связанных с жилищно-коммунальной сферой и обслуживанием населения, которые не привлекают внимание коренных жителей мегаполиса и обеспечиваются мигрантами, прибывающими в крупные города в поисках средств к существованию.

В этом контексте мы сталкиваемся с еще одним весьма значимым фактором, связанным с социальной средой – демографическим, который в нашем случае проявляется в виде интенсивных миграционных процессов, включающих в себя перемещение в привлекательные своими перспективами крупные города как жителей других регионов нашего государства так и представителей зарубежных стран. Феномен незаконной миграции порождает множество проблем криминогенного характера, имеющих значение для рассматриваемого нами вида преступности. Статистика указывает на высокий удельный вес среди уличных преступников лиц без гражданства и иностранцев, незаконно находящихся на территории Российской Федерации. Не найдя источников законного дохода или перебиваясь случайными заработками, указанные лица пополняют ряды криминала совершая нападения на жителей города с целю получения материальной выгоды. Кроме того становятся нередкими случаи посягательств на общественный порядок со стороны групп незаконных мигрантов, находящихся в общественных местах и нарушающих общепринятые в мегаполисе правила поведения.

Кризисные явления в культурной, духовной, воспитательной сторонах жизни общества представляют собой еще одну немаловажную категорию причин и условий уличной преступности в крупных городах. Причисляя их к категории общесоциальных детерминант преступности отметим, что существенные просчеты и ошибки общества и государства в данной сфере влекут за собой далеко идущие последствия. Воспитание населения и формирование высоких общественных идеалов, включая ценности семьи, должно быть одним из ведущих направлений в общесоциальной профилактики в целом. Отсутствие действенных методик социализации граждан, формирования правопослушного поведения жителей крупных городов влечет за собой становление и развитие деформированных мировоззренческих стереотипов, подмену реальных общечеловеческих ценностей индивидуалистическими установками, пренебрежительное отношение к законным правам и интересам окружающих граждан.

Наиболее болезненно для общества действие указанного фактора воспринимается в среде несовершеннолетних и молодежи. Безнадзорность и беспризорность граждан в возрасте до 18 лет стимулирует пополнение криминальной среды общества и до настоящего времени этот исключительно опасный процесс не имеет сколько-нибудь эффективного решения. Не смотря на все усилия, предпринимаемые субъектами профилактики преступности несовершеннолетних, используемых социально-правовых инструментов явно недостаточно. Поэтому приведенный фактор уличной преступности в крупных городах будет оставаться одним из наиболее значимых в ближайшей перспективе.

Статистические отчетности правоохранительных органов, в первую очередь – органов внутренних дел показывают, что около половины всех грабежей и разбоев, совершаемых на улицах, площадях, скверах крупных городов совершаются в состоянии алкогольного и наркотического опьянения. Что касается совершения хулиганских действий, то эта цифра возрастает до 85%, велик также удельный вес сексуального насилия, совершаемого в указанном состоянии. Обычным явлением считается также присутствие в средствах массовой информации сообщений о фактах страшных дорожно-транспортных происшествий с тяжкими последствиями, допускаемых пьяными водителями на улицах мегаполисов. Поэтому в качестве объекта криминологических исследований, посвященных детерминации преступности, совершенно обоснованно выступают так называемые фоновые негативные социальные явления, сопровождающие преступность – алкоголизм, наркомания, проституция, бродяжничество и т.д. Многие авторы называют эти явления специфическими именно для крупных городов[1]. От-

[1] См., напр.: Савоськина Т.Н., Боровая Н.А. Понятие и криминологическая характеристика уличной преступности // Право и безопасность. 2010. №1(34). С.37

мечается также, что данная проблема особенно заметна в депрессивных городах, где употребление алкоголя и наркотиков усугубляется невозможностью реализовать себя в сфере труда при растущей безработице и неконтролируемых миграционных процессах.

В аналитической деятельности правоохранительных органов, в том числе – органов внутренних дел, в последнее время появился еще один показатель отчетности – преступления, совершенные с использованием информационно-коммуникационных технологий, что вполне обосновано в нашем цифровом обществе, где указанные технологии все активнее используются практически во всех сферах жизни социума. Динамика регистрируемости данной категории преступности стремительно растет, пусть даже за счет особенностей учетно-регистрационной деятельности ведомства. Оценивая степень влияния рассматриваемого процесса на воспроизводство уличной преступности в крупных городах, отметим, что в основном оно проявляется при совершении таких уличных преступлений, как хищение различного рода гаджетов, банковских карточек и мелких мошенничеств, связанных с этими предметами. Однако в перспективе, с развитием информационных технологий организации жизнедеятельности в мегаполисе мы можем спрогнозировать усиление влияния данного фактора на преступность в общественных местах.

Рассматривая специфические черты уличной преступности в крупных городах, мы можем отнести к факторам ее воспроизводства отдельные явления и процессы присущие в основном центрам социально-экономической, политической, культурной жизни нашей страны. Специалисты в области социально-правовых наук, в первую очередь – криминологи, называют их урбанистическими, имея в виду тенденции укрупнения таких центров. В частности, сосредоточение населения на весьма ограниченных территориях обуславливает мобильность и плотность населения, наличие множества кратковременных контактов между людьми, постепенное стирание индивидуализации личности в общей массе. Обезличенность и анонимность поведения на улицах городов существенно упрощает возникновение, развитие и разрешение межличностных конфликтов между гражданами, находящимися в мегаполисе. Другими словами, жители города легко принимают навязываемый стиль агрессивного поведения, не задумываясь о его последствиях, так как повседневная жизнь предоставляет множество примеров применения насилия для защиты своих законных или мнимых прав и интересов, где грань между общепринятым поведением, административным или уголовно-наказуемым правонарушением определяется для индивида с большим трудом. Этим объясняется, в том числе, высокий уровень инструментального насилия при совершении уличных преступлений, довольно часто ничем не обоснованного объективно.

Возникшая относительно недавно «криминология архитектуры» обосновывает, в частности, высокий уровень уличной преступности в мегаполисах урбанистической архитектурой и просчетами в планировке городских кварталов, несовершенством в организации процессов жизнеобеспечения. Это вызывает заметное снижение интенсивности социального контроля уличного пространства и существенно облегчает совершение различного рода преступлений в общественных местах.

Факторы технического характера также играют свою заметную роль в детерминации рассматриваемого вида преступности. Отсутствие должного финансирования или халатное отношение к обеспечению безопасности горожан со стороны уполномоченных на это должностных лиц объясняет слабую освещенность городских улиц, отсутствие камер видеонаблюдения в местах значительного скопления людей и повышенной опасности для их жизни и здоровья по причине расположенных в непосредственной близости от их нахождения средств инфраструктуры повышенной опасности. Достаточно вспомнить, что положительно зарекомендовавшая себя система аппаратно-программных комплексов «Безопасный город» развернута и эффективно функционирует далеко не во всех крупных населенных пунктах.

В завершение рассмотрения детерминации уличной преступности остановимся на организационно-управленческих факторах, связанных с деятельностью субъектов противодействия криминальным проявлениям. С практической точки зрения наиболее значимы проблемы организации работы основного субъекта профилактики уличной преступности – подразделений органов внутренних дел. Специфика жизнедеятельности мегаполиса подразумевает наличие значительного числа силовых структур, осуществляющих охрану общественной безопасности и обеспечение общественного порядка на ограниченной территории. Вместе с тем довольно часто возникает ситуация, характеризуемая в наше стране выражением «У семи нянек дите без глазу» – видимая обеспеченность мегаполиса правоохранителями остается декларируемой по причине несогласованности действий различных ведомств, выполняющих аналогичные функции.

Приведем в пример результаты социологических исследований проблем противодействия сексуальному насилию в городских условиях. Анализ экспертных оценок представителей различных подразделений органов внутренних дел – ОУР, УУПиПДН, ППС, показал, что многие сотрудники нечетко представляют себе содержание и характер своих действий в различных ситуациях осуществления правоохранительных полномочий, а иногда откровенно боятся действовать решительно, стремясь избежать негативных последствий для себя со стороны руководства или иных субъектов профилактики, с которыми они должны взаимодействовать. Как нам представляется, рассмотренная ситуация становится возможной, в первую очередь, из-за слабой правовой регламентации деятельности правоохранительных орга-

нов по конкретным направлениям борьбы с преступностью. Не менее значимым видится и уровень профессиональной подготовки самого сотрудника, эффективная деятельность которого возможна только в случае твердого усвоения требуемых знаний, навыков и умений, позволяющих своевременно и исчерпывающе выявлять причины и условия, способствующие воспроизводству уличной преступности в крупных городах и принимать меры, соответствующие складывающейся ситуации.

Ощутимое воздействие на состояние правопорядка в общественных местах оказывают негативные процессы, происходящие в деятельности органов внутренних дел. На примере подразделений патрульно-постовой службы полиции – одного из центральных субъектов противодействия рассматриваемому виду преступности – мы можем оценить их влияние. В крупном городе это тяжелые условия работы, длительное нахождение сотрудника в стрессовой ситуации, низкая заработная плата, социальная необустроенность, низкий престиж службы, недостаточный уровень профессиональной подготовки молодого сотрудника, наконец – высокая текучесть кадров в подразделении. Все это ведет к укреплению чувства безнаказанности у преступников и ощущению незащищенности от противоправных действий у населения.

Якубина Юлия Павловна,
кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры уголовного процесса
Орловского юридического института МВД России
имени В.В. Лукьянова

К вопросу об исполнении законодательства о несовершеннолетних в уголовном судопроизводстве

Основным из национальных приоритетов России в последнее время является политическая направленность в сфере детства. Идут глобальные процессы, направленные на обеспечение и защиту прав и интересов детей, создание наилучших условий для их жизнедеятельности и развития, поиск эффективных механизмов содействия формированию безопасного и комфортного семейного окружения[1].

Президент Российской Федерации на расширенном заседании Коллегии Министерства Внутренних Дел РФ по итогам работы 2020 г. органов внутренних дел обозначил проблему, что каждое четвёртое преступление, совершённое подростками, – это тяжкое и особо тяжкое преступление, – это

[1] Цветкова Е.В. Несовершеннолетние участники уголовного судопроизводства: учебное пособие. Владимир, 2021.

абсолютно для всех, для всего общества тревожный сигнал. На это нужно обратить особое внимание.

Основным направлением прокурорского надзора является надзор за исполнением законов о несовершеннолетних, который осуществляется в соответствии с положениями ч. 2 ст. 1, ст.ст. 6-34 Федерального закона «О прокуратуре Российской Федерации», а также иными полномочиями, предусмотренные законом[1].

Стоит отметить, что предметом данного вида прокурорского надзора является соблюдение прав и свобод несовершеннолетнего гражданина.

Также, в предмет надзора входит не только надзор за исполнением основного закона Российской Федерации и иных законов, но и установление детерминант, которые порождают совершение правонарушений и преступлений несовершеннолетних.

Такое направление деятельности необходимо для того, чтобы принять соответствующие меры воздействия по предотвращению перерастания правонарушения в преступление.

Для четкой реализации задач прокурорского надзора в данной области, необходимо не только целостное и комплексное взаимодействие подразделений прокуратуры, но и правильная организация рабочей деятельности, планирование деятельности, распределение обязанностей как в прокуратурах субъектов Российской Федерации, так и в районных прокуратурах.

Планомерное распределение обязанностей повысит эффективность работы, будет более точно выполнять цели надзора, а также усилит контроль за деятельностью должностных лиц, органов, учреждений. Данное направление также будет способствовать и наиболее продуманному планированию работы, так как отдельный работник сможет глубже анализировать состояние дел на том или ином участке и вносить подкрепленные аргументами предложения по планированию работы.

При организации работы, следует базироваться на имеющейся практике прокурорской деятельности, при этом осуществлять перспективное и текущее планирование.

Кроме того, необходимо принимать во внимание опыт и загруженность работников, для того чтобы обеспечить верное выполнение намеченных задач.

Выполнение задач, поставленных перед органами прокуратуры и исполнение обязанностей, имеет взаимосвязь с обществом, органами законодательной и исполнительной власти, а также органами местного самоуправления, а именно с привлечением перечисленных субъектов в данный процесс.

---

[1] Федеральный закон от 17.01.1992 № 2202-1 ФЗ (ред. от 30.12.2020) «О прокуратуре Российской Федерации» // СЗ РФ. 1995. № 47. Ст. 4472.

Прокурорским работникам, осуществляющих надзор, необходимо систематически обращаться к нормативно-правовой базе для непосредственного ее изучения, при этом особо обращать внимание на вопросы, затрагивающие права и свободы несовершеннолетних граждан.

Умение оперировать законодательством обеспечивается не только постоянным изучением нормативно-правовых актов, но и активным участием в его систематизации.

Основным направлением деятельности прокуроров является мониторинг информации, в том числе размещаемой в сети «Интернет», направленной на причинение вреда нравственному и духовному развитию детей: пропагандирующей криминальную субкультуру, оправдывающей насилие и жестокость, побуждающей к суицидальному поведению и т.д. При этом органы прокуратуры обязаны своевременно реагировать на такие случаи нарушения закона и ограничивать доступ к такой информации.

Приказ Генеральной прокуратуры РФ от 26.11.2007 № 188 "Об организации прокурорского надзора за исполнением законов о несовершеннолетних и молодежи" предписывает прокурорам субъектов РФ, городов и районов, приравненным к ним военным прокурорам и прокурорам иных специализированных прокуратур базироваться на том, чтобы прокурорский надзор обеспечивал максимальное исполнение законодательства об охране прав и законных интересов несовершеннолетних пресечение и предупреждение преступности несовершеннолетних[1].

Прокуроры и лица, приравненные к ним, на основании законодательства, осуществляют полномочия по защите прав, свобод, интересов несовершеннолетних по таким направлениям, как: прокурорский надзор за процессом расследования по уголовному делу; проведение проверок на наличие соблюдения законодательства, непосредственно направленные на защиту несовершеннолетних от наносящей вред информации; прокурорский надзор за исполнением законодательства, направленных на охрану жизни и здоровья несовершеннолетних; прокурорский надзор за исполнением органами опеки и попечительства законодательства, которое направлено на своевременное выявление детей, оставшихся без попечения родителей, а также выявление детей-сирот; прокурорский надзор за соблюдением законности при приеме, регистрации, разрешении заявлений и сообщений о преступлениях несовершеннолетних и др. [2].

---

[1] Приказ Генпрокуратуры РФ от 26.11.2007 № 188 «Об организации прокурорского надзора за исполнением законов о несовершеннолетних и молодежи» // Законность. 2008. № 2.

[2] Попович И.А. Несовершеннолетний как субъект прокурорского надзора: направления прокурорского надзора за несовершеннолетними // Молодой ученый. 2019. № 46 (284). С. 190-193.

Одним из основных направлений деятельности прокуратуры является надзор за соблюдением законности расследования преступлений. В рамках досудебного судопроизводства выявляется большое количество нарушений, которые совершаются как органами следствия, так и органами дознания. Для устранения нарушений применяются меры прокурорского реагирования.

Согласно статистическим данным об основных показателях деятельности органов прокуратуры, приведенным Генеральной прокуратурой Российской Федерации, с января по май 2021 года было выявлено 370 649 нарушений законности в сфере соблюдения прав несовершеннолетних, 35 975 протестов принесено, 41 785 исков и заявлений направлено в суд, 87 793 представлений вынесено[1].

Немаловажным направлением деятельности прокурора является выявление нарушений при утверждении итоговых процессуальных решений. Так, например, прокурор вправе не утверждать обвинительное заключение или обвинительный акт, если в ходе предварительного расследования не были установлены детерминанты совершённого несовершеннолетним лицом деяния, а также не приняты меры по их устранению.

Являются нарушением отсутствие данных о воспитании, условиях жизни несовершеннолетнего лица и влиянии на него взрослых. Одним из эффективных методов борьбы с вовлечением несовершеннолетних в совершение антиобщественных действий является привлечение к ответственности таких лиц как эффективный способ общей и индивидуальной профилактики преступлений, пьянства, проституции, бродяжничества, попрошайничества, наркомании несовершеннолетних.

Исследуя вопрос о применении прокурором мер реагирования на выявленные нарушения законодательства о несовершеннолетних, стоит выделить, что данным должностным лицом примеряются такие акты прокурорского реагирования, как протест, представление, постановление, предостережение.

Так, например, в Приморском крае, был установлен порядок воспитания и обучения детей-инвалидов на дому, который противоречил законодательству. Дети-инвалиды, которые достигали 18-летнего возраста и продолжали обучение в образовательных организациях не получали компенсации затрат. Заместитель Генерального прокурора Российской Федерации, выявив данное нарушение, принес протест на незаконный акт органа исполнительной власти Приморского края с требованием о приведении акта в соот-

[1] Статистические данные об основных показателях деятельности органов прокуратуры Российской Федерации за январь-май 2021 г. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://epp.genproc.gov.ru/web/gprf/activity/statistics (дата обращения: 23.06.2021).

ветствие с законодательством. В последствии документ был признан утратившим силу, принят новый акт, который предусматривает предоставление компенсационных выплат[1].

Перечисленные выше акты должны соответствовать определенным требованиям. Необходимо излагать существо акта общепонятным языком, при этом использовать юридически грамотную речь. Большое внимание следует уделять официальным реквизитам, к которым относятся: наименование органа прокуратуры, адрес прокуратуры, место и время составления документа, должностное положение, классный чин, фамилию, инициалы прокурора, вынесший тот или иной акт прокурорского реагирования.

[1] После вмешательства прокуратуры восстановлено право детей-инвалидов, проживающих в Приморском крае, на получение компенсации затрат на образование после достижения совершеннолетия [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://genproc.gov.ru/ (дата обращения: 23.06.2021).

Оглавление

Бабаев М.М., **Пудовочкин Ю.Е.** Судебно-уголовная политика: понятие и структура…….. 3

Алексеева А.П., Анисимова Т.В., Третьяков Ю.В. Особенности привлечения к уголовной ответственности за побои лиц, имеющих судимость за преступление, совершенное с применением насилия……... 12

Вишневецкий К.В. Классификация вербальной агрессии как инструмент предупреждения вербально агрессивных преступлений…… 15

Гриненко А.В. Обеспечение надлежащего реагирования при обнаружении совершенного или готовящегося преступления… 18

Игнатов А.Н. Современные информационно-коммуникационные технологии как инструмент финансирования преступной деятельности…… 22

Карнаушенко Л.В. Правовая социализация подрастающих поколений в аспекте государственного регулирования: проблемы и перспективы…….. 28

Кашкаров А.А. Сбыт как способ совершения преступления…… 33

Козаев Н.Ш. Хулиганский мотив в составе заведомо ложного сообщения об акте терроризма (ст. 207 УК РФ)…… 39

Шкаплеров Ю.П. Значение свода законов Российской империи для уголовно-процессуальной деятельности и доктрины…… 43

Яковлева Л.В. Культурные и уголовно-правовые традиции охраны несовершеннолетних, инвалидов, престарелых, или еще раз к вопросу об оценочных понятиях Уголовного кодекса Российской Федерации…….. 47

Стальбовский В.В. О необходимых концептуальных основах уголовной политики противодействия преступлениям сексуальной направленности…….. 56

Сырокваш И.С. О мерах уголовной превенции преступлений против половой неприкосновенности или половой свободы несовершеннолетних…… 60

Абисова К.С. Геополитические факторы детерминации террористической деятельности……. 64

Аведян А.А. Латентность насильственных преступлений, совершаемых в отношении сотрудников органов внутренних дел… 68

Акопов С.М. Проблемы согласованности субъективных признаков мошенничества, совершенного в отношении оружия или наркотиков……. 75

Александров С.А. Современные тенденции криминализации деяний, связанных с банкротством физических лиц……. 79
Андреев Н.А. Причинный комплекс распространения экстремистской идеологии в молодежной среде…….. 82
Архипова И.А. Отдельные вопросы противодействия терроризму…… 86
Астахова А.О. Административный надзор за лицами, освобожденными из мест лишения свободы, как элемент противодействия преступности и обеспечение его реализации уголовно-правовыми средствами……... 91
Бабанина Д.В. Социально-экономические факторы детерминации криминальной субкультуры несовершеннолетних… 98
Балмочных С.Ю. О некоторых вопросах профилактики преступности несовершеннолетних в современной России…… 104
Башинская И.Г. Понятие и виды коррупции в социальной сфере……. 108
Бикмашев В.А., Савенко И.А. Вектор Уголовного кодекса 24…….. 113
Болотова Е.Д. Охрана культурного наследия как вектор уголовной политики Российской Федерации…… 119
Бушманов П.В. Криминалистически значимые сведения о психологических свойствах личности потерпевших от мошеннических действий…….. 124
Быковский Т.Н. Уголовная ответственность за фальсификацию итогов голосования……. 129
Виноградова К.А. Перспективы развития технико-криминалистического обеспечения работы органов предварительного расследования……... 136
Грибанов Е.В. Технологии социального проектирования в предупреждении преступлений……... 139
Гусева С.Д. Особенности допроса лиц, подозреваемых в склонении или использовании в отношении спортсмена запрещенных в спорте субстанций и (или) методов……. 143
Густова Э.В., Куликова М.А. Уголовная ответственность за хищение безналичных денежных средств……. 145
Данилов Д.Б. Проблемы уголовной ответственности за поставление в опасность имущественных интересов лица: в контексте статьи 200.3 Уголовного кодекса Российской Федерации…….. 150
Данильян А.С., Ульянова И.Р. Актуальные вопросы организации работы следователя на этапе возбуждения уголовного дела…… 154

Дикаева Э.С. Органы внутренних дел как субъект профилактики преступности лиц, условно-досрочно освобожденных от наказания…….. 158
Догузова О.Р. Проблемы преодоления конкуренции при квалификации заведомо ложного сообщения об акте терроризма… 161
Душенко М.М., Дрога А.А. К вопросу об особенностях производства осмотра места происшествия по преступлениям, совершенным несовершеннолетними лицами…….. 166
Евтушенко И.И. Проблемы использования терминов «цифровое право» и «цифровые права» в судебно-следственной практике…… 170
Жмурин Д.В. Проблемы обеспечения соблюдения антидопинговых правил в спорте……... 173
Ильин И.С. Теоретические основы криминологического анализа протестных движений (актуальность и отдельные вопросы криминологического изучения)…….. 175
Ильницкий А.С. Понятие и признаки криминальной идеологии «колумбайн»…….. 180
Калашников И.В. Характеристика современной преступности несовершеннолетних, ее оценка и анализ……. 185
Капитан Ю.М. Субъективные признаки преступлений, предусмотренных статьями 200.4, 200.5 и 200.6 Уголовного кодекса Российской Федерации…….. 191
Карпачева Т.С. Проблема совокупности преступлений, предусмотренных статьей 239 Уголовного кодекса Российской Федерации, и половых преступлений…… 197
Карпушкин А.В. К вопросу об истории развития законодательства о причинении вреда при задержании лица, совершившего преступление…….. 205
Карчевский К.А. Преступления в сфере предпринимательства, подлежащего лицензированию, в современной уголовной политике России……. 212
Каснова М.С. О нарушении прав российских граждан в некоторых европейских странах: несоблюдение, ущемление, преступление…… 214
Колбасин В.В. О проблемах профилактики органами внутренних дел насильственных преступлений сексуального характера, совершаемых в отношении малолетних и несовершеннолетних…… 219
Копейко Т.Г. Латентность мошенничества при получении выплат…… 224

Котова А.А. К вопросу об исторической обусловленности уголовной ответственности за незаконный оборот драгоценных металлов, драгоценных и полудрагоценных камней…… 230
Кротова Л.Е., Мозговая Д.А. Некоторые аспекты преодоления противодействия расследованию преступлений…… 238
Крюк В.С. Предупреждение семейно-бытового насилия судебными органами…… 241
Кузьмин Н.Т. Некоторые проблемы подготовки гласного оперативно-розыскного мероприятия «обследование помещений, зданий, сооружений, участков местности и транспортных средств» в жилище граждан…… 247
Ле Конг Тхонг. Уголовная политика в сфере противодействия преступности…….. 251
Лещенко В.П. Проблемы практики применения уголовной ответственности за преступления, предусмотренные ст. 159.3 и п. «г» ч. 3 ст. 158 Уголовного кодекса Российской Федерации… 254
Майорова Е.И., Улейчик В.В. Невыполнение предвыборного обещания: культурологический и уголовно-правовой аспекты……. 259
Малыгин А.И. Уголовная политика зарубежных стран в сфере противодействия легализации (отмыванию) преступных доходов, приобретенных в результате организованной преступной деятельности…… 264
Малыгин И.И. Социально-правовые предпосылки дифференциации уголовной ответственности за неправомерное воздействие на критическую информационную инфраструктуру Российской Федерации…… 271
Маргачева А.В. Криминологическая оценка виктимологической безопасности органов внутренних дел при пресечении незаконных публичных мероприятий…… 276
Мармута И.Л. Современное состояние преступности на территории Ставропольского края…… 280
Масленникова Т.В. Профилактика преступного насилия в сфере семейно-бытовых отношений…….. 285
Меерсон В.Р. Отдельные вопросы признаков составов преступлений, предусматривающих ответственность за действия, дезорганизующие функционирование учреждения уголовно-исполнительной системы, по уголовному законодательству Российской Федерации и Республики Беларусь……... 289
Михайловская О.В. Проблемные аспекты реализации уголовной политики в области уголовно-правовой охраны лиц, находящихся в беспомощном состоянии……... 293

Московцева К.А. Ведомственный процессуальный контроль на этапе проверки сообщения о преступлении……. 297
Никульцева А.Н. Преступления на рынке ценных бумаг: уголовно-правовой и криминологический аспекты……. 300
Пахомова О.Н. Читерство: уголовно-правовой и криминологический аспекты……... 307
Романовская И.В. Особенности формирования криминогенных качеств сексуального маньяка…… 310
Рясов Д.А. Современные средства противодействия вовлечению молодежи в экстремистскую деятельность……. 317
Силкин А.М. Криминализация деяний в сфере закупок для обеспечения государственных или муниципальных нужд как способ противодействия преступлениям в сфере экономической деятельности…… 321
Соловьев В.С., Осипенко А.Л. Об использовании технологий искусственного интеллекта в криминальной и антикриминальной деятельности…… 325
Старостенко О.А. Виктимогенные факторы, детерминирующие совершение мошенничества с использованием IT-технологий…… 333
Стрилец О.В. Реализация принципа дифференциации и индивидуализации при исполнении отдельных видов наказаний…….. 336
Табакова Н.А. Китайская модель уголовно-правовой охраны рынка ценных бумаг……... 341
Ткачева Ю.С. Физическое насилие как признак преступления: теоретический и праворегулирующий аспекты….. 349
Тростянецкая В.В. Сравнительно-правовой анализ уголовного законодательства Российской Федерации и зарубежных стран об ответственности за возбуждение ненависти либо вражды, а равно унижение человеческого достоинства…….. 355
Федченко В.В. Проблемы назначения наказания за преступное деяние, предусмотренное статьей 110 Уголовного кодекса Российской Федерации…….. 361
Хациев М.Р. Система уголовно-правовых норм об ответственности за общий и специальные виды фальсификации доказательств…… 370
Ходусов А.А. Преступления, совершаемые с использованием криптовалюты……... 378
Шерстюков С.А. Проблемы дифференциации уголовной ответственности за преступления, совершенные в составе экстремистского сообщества (организации)……. 386

Ширшов И.Е., Страхова Е.Р. Актуальные вопросы наступления ответственности за незаконную добычу водных биологических ресурсов…….. 389
Штокало В.А. Некоторые вопросы реализации партнерства полиции и общества (опыт стран Организации по безопасности и сотрудничеству в Европе)……... 392
Эльгайтаров С.Ю. Проблемы межотраслевой систематизации границ правового регулирования ответственности за нецелевое расходование бюджетных средств… 397
Юшина Ю.В. К вопросу об оптимизации статьи 279 УК РФ, предусматривающей уголовную ответственность за вооруженный мятеж…… 401
Яковлев В.В. Детерминация уличной преступности в условиях крупного города…… 406
Якубина Ю.П. К вопросу об исполнении законодательства о несовершеннолетних в уголовном судопроизводстве……. 412

Научное издание

УГОЛОВНАЯ ПОЛИТИКА И КУЛЬТУРА ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ПРЕСТУПНОСТИ

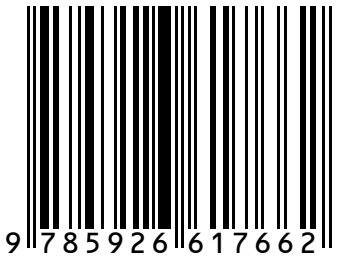
Материалы
Международной научно-практической конференции

(24 сентября 2021 г.)

В авторской редакции

Компьютерная верстка *Г. А. Артемовой*

ISBN 978-5-9266-1766-2

Подписано в печать 13.12.2021. Формат 60х84 1/16.
Усл. печ. л. 25,0. Тираж 100 экз. Заказ 187.

Краснодарский университет МВД России.
350005, г. Краснодар, ул. Ярославская, 128